

HUNTING
ADELINE

H.D. CARLTON

Бриллиант

Смерть идет рядом со мной. Но жнец мне не ровня. Я попала в ловушку в мире, полном монстров, одетых как мужчины, и тех, кто не такой, каким кажется. Они не будут держать меня вечно.

Я больше не узнаю человека, которым я стала. И я борюсь, чтобы найти дорогу обратно к зверю, который охотится на меня в ночи.

Они называют меня бриллиантом.

Но они создали только ангела смерти.

Охотник

Я родился хищником, с безжалостностью, укоренившейся в моих костях.

Когда то, что принадлежит мне, украдено ночью, как алмаз, спрятанный в крепости, я обнаружил, что больше не могу сдерживать зверя. Кровь окрасит землю, когда я разорву этот мир на части, чтобы найти ее. И вернуть ее туда, где она принадлежит.

Никто не избежит моего гнева,

Особенно те, кто меня предал.

Х. Д. Карлтон

ОХОТЯСЬ НА АДЭЛАЙН

Плейлист

Story of the Year — Miracle
Sophie Simmons — Black Mirror
Klery — No Rest for the Wicked gavn! — Crazy
Bad Omens — The Death of Peace of Mind
A.A. Bondy — Skull & Bones
Echos — Saints
Jacqui Siu — Danger
MJ Cole & Freya Ridings — Waking Up
Skillet — Monster
Zero 9:36 — Tragedy
Skylar Grey (feat. Eminem) — Kill for You
Aaron Camper — Hypnotizing
Gavin Haley — Sad Season
Glimmer of Blooms — Can't Get You Out of My Head
Ghostly Kisses — Spellbound
Echos — Guest Room
Red — Let It Burn

Глава 1

Бриллиант

Обоняние. Первое из моих чувств, которое проникает внутрь. Я бы хотел, чтобы это было что-то другое. Потому что меня мгновенно ошеломил аромат тела, приправленного специями одеколона и то, что можно описать только как вонь воплощенного зла.

Я в опасности.

И тут мое шестое чувство просачивается внутрь, нашептывая нотки предупреждения и срочности. Эти ноты превращаются в песню, полную визга и громких звуков, наполняя мое тело душераздирающей паникой. Адреналин подсакивает, и едва ли у меня хватает ума оставаться как можно тише.

Медленно открываю зажмуренные глаза, и меня встречает полная темнота.

Потребуется секунда, чтобы понять, что на моей голове повязка.

Затем блаженное оцепенение, в котором я проснулся, рушится, и я теряю дыхание. Когда всепоглощающая боль проникает внутрь, поглощая мое тело в абсолютной агонии.

Боже, так вот каково это — быть живым? Это не может быть смертью. Я был бы спокоен, если бы это было так. И пусть я влюбилась в преследователя, но будь я проклята, если я не заняла место в небесных вратах.

Я, блядь, заслужила это дерьмо.

Я пытаюсь думать о боли и вспомнить, что, блядь, произошло со мной. Смутно, я вспоминаю текстовые сообщения от Дэйи с просьбой приехать. Срочность, которую я чувствовал, когда она не отвечала на мои звонки. Получение в машину, свет фар, паника, рывок вперед, а потом ничего.

А теперь я здесь... где бы это ни было. Но не в безопасном месте.

Господи, неужели это Дэйя писала мне? Неужели с ней тоже что-то случилось?

Эта возможность посылает еще одну волну паники, пронизывающую меня насквозь.

Сценарии сворачиваются и развиваются, пока я не превращаюсь в массу тревоги и отчаяния. Она может быть ранена или в серьезной беде.

Черт, я ранен и в серьезной беде, и я понятия не имею, как, блядь, выберусь из этого.

Мое дыхание учащается, а сердце бьется так сильно, что оно физически больно, когда оно ударяется о мою грудь. Это отнимает все силы, которые я Черт, это было чертово Общество. Я знал это, но услышать подтверждение этому только послало свежую порцию адреналина в мой организм.

Я не знаю, почему меня втянули в это дерьмо, но они должны вытащить меня из этого гребаного салата разврата; мне здесь не место. Мое место в салате полным фруктов и овощей. Здоровые вещи, которые не сбивают меня с дороги и не поработают меня.

Второй мужчина бормочет: «Я бы предпочел не выбирать».

Это звучит как рука, хлопающая кого-то по плечу или спине, как бы успокаивая его.

«Жаль, что у тебя нет выбора, Рио. Неважно. Эта девушка стоит миллионы. Я имею в виду, у нас тут чертов бриллиант. Только представь, девушка чувака Z, единственная и неповторимая, на сцене аукциона. Ты знаешь, сколько у него врагов? Люди будут слюной захлебываться, чтобы сделать его девочку своей маленькой игрушкой. Я получу свою долю от Макса, а Общество компенсирует тебе, я уверен. Мы будем жить чертовски роскошно». Он издал взрыв гиеноподобного смеха.

«Я смогу купить свой собственный чертов частный остров после того, как деньги после того, как деньги поступят!»

Укол гнева накатывает на меня из-за бессердечных слов этого человека, который говорит обо мне так, как будто я дом, выставленный на продажу.

«Ваше представление о комфорте должно отличаться от моего. Нам придется скрываться вместе с ней. По крайней мере, пока Зи еще жива», — отвечает второй мужчина — Рио. отвечает. Его имя звучит знакомо, и мне кажется, я смутно помню, как кто-то выкрикивал его имя после того, как они сбили меня с дороги.

«Не волнуйся, парень. Мы получим преимущество благодаря ритуалу, который состоится сегодня вечером, и я уверен, что Общество, так или иначе, уберет Зи. Они защитят нас».

Насмешливое фырканье — единственный ответ, который получает первый мужчина.

Господи Иисусе, я действительно в большой беде. Слезы наворачиваются на уголки моих глаза, и как бы я ни старался, никакая болтовня не может удержать их от того, чтобы они не хлынули, как реки, сквозь повязку.

Мне едва удастся подавить рыдания, которые так и норовят вырваться наружу.

Глубоко дыши, Адди. Чему тебя научил Зейд?

Мне требуется несколько мгновений, чтобы собраться с мыслями, но, в конце концов, его голос проникает внутрь.

Оставь улики.

Стиснув зубы от боли, я медленно хватаюсь за волосы и дергаю. пока они не вырвутся. Острые уколы не имеют значения по сравнению с по сравнению с остальными частями моего тела.

Мои движения минимальны и медленны. С повязкой на глазах я понятия не имею., хорошо ли они меня видят. Одно движение из уголка глаза может насторожить их.

Я шевелю пальцами, пока пряди не ослабнут и не упадут.

В тот момент, когда я тянусь за новыми волосами, они наезжают на какую-то жесткую кочку на дороге. и я не могу сдержать крик, чтобы не вырваться на свободу.

В этот момент пара не разговаривала, но было ощущение, что переполненная комната в считанные секунды погрузилась в смертельную тишину.

«Добро пожаловать в страну живых, милая», — пропел один из мужчин.

Это первый парень, который назвал меня бриллиантом.

«Куда вы меня везете?» спрашиваю я, мой голос хриплый и хриплый.

«В твой новый дом — ну, временный дом», — поправляет он. «Тот, кто заплатит больше всех, обеспечит тебе твой вечный дом». Он хихикает, как будто я собака, которую собираются приютить в любящей семье.

«Отлично», — кричу я. «Похоже, я сорвал джекпот».

Один из них беззлобно смеется, но на этот раз это звучит как Рио. «Держись за этот юмор, малышка. Он тебе понадобится там, куда ты собираешься».

Прежде чем я успеваю открыть рот, чтобы ответить, я чувствую укол в руку, а затем жжение, распространяющееся по венам.

Я резко вдыхаю воздух. И это последний вдох, который я делаю перед тем, как спускается темнота.

«Ее жизненные показатели нестабильны, давление падает. Нам нужно поставить ей капельницу».

Я вздрагиваю; незнакомый голос искажается под звоном в ушах.

Агония пылает в каждом дюйме моего тела, но я чувствую себя как под водой, борюсь за то, чтобы выбраться на поверхность, но в то же время отталкиваюсь от нее, потому что просто знаю, что боль только усилится. Я окутана огненной пеленой, пламя лижет мои нервные окончания, и чем ближе я к сознанию, тем ярче вспышки.

В моей руке появляется крошечный укол, за ним следуют приглушенные голоса, доносящиеся с разных направлений.

«Вывих плеча, травма головы, рваные раны по всему телу». На мужской голос затухает, а затем снова вклинивается, резкий крик, который проносится вверх по моему позвоночнику.

«Черт возьми, Рио, это не гребаная больница, где у меня есть оборудование, которое мне нужно. У нее может быть внутреннее кровотечение прямо сейчас, насколько я знаю».

«Да ладно, мужик, она была в порядке совсем недавно», — отвечает другой, с ноткой беспокойства в его тоне. Думаю, это компаньон Рио.

«В порядке? Я не могу знать, какие повреждения она получила. Очевидно. очевидно, что она ударилась головой. У нее может быть кровотечение, и она может умереть через несколько секунд. Вы найдете мне томограф?». Когда его встречает молчание, следует пробормотал:

«Я так и думал».

Темнота лижет край моего сознания, угрожая утащить меня обратно под воду. Я стону, и пальцы пытаются открыть мои глаза. Яркий свет вспыхивает в них, но я едва замечаю.

«Мисс, вы можете сказать мне, что болит?»

Пожилой мужчина заменяет свет, его лицо нависает надо мной. Его образ размыто, но я могу различить пучки седых волос, кустистые усы и бледно-голубые глаза.

Я раздвигаю губы, но мой язык прилипает к крыше рта.

Господи, что они мне вкололи? Что бы это ни было, оно заставляет меня дезориентировать и вызывает головокружение.

«Я знаю, что тебе сейчас очень больно, но мне нужно, чтобы ты сказала мне, что именно болит».

Все. Все, блядь, болит.

«Мое... плечо», — наконец прохрипел я. «Моя голова».

«Где-нибудь еще? Грудь или живот?»

«Спина», — задыхаюсь я, снова вспоминая, как меня вытаскивали из машины. Мою спину как будто натерли на сырной терке.

«И это все?» — нажимает он.

Я киваю головой, постоянные вопросы утомляют. Миллион других мест тоже болят, но моя энергия иссякла, и я очень устала.

«Я сделаю тебе анестезию и приведу тебя в порядок, хорошо?».

Ясность проступает над моим окружением, и черты лица мужчины заостряются. Вместе с другим мужчиной, стоящим позади него, который переминается на своих и наблюдает за

нами.

Пора спать, принцесса.

Темные бездонные глаза и злая ухмылка — Рио. Это он вытащил меня из машины. Вспышки того разговора ускользают от меня, но я знаю. Это было нечто большее. Я не могу думать, не обращая внимания на непрекращающийся стук в моем черепе.

В тот момент, когда мои глаза начинают фокусироваться, мое зрение снова затуманивается, и мои веки становятся тяжелыми. Я не могу бороться с глубокой тягой просто закрыть глаза.

Я не хочу бороться с этим. Не тогда, когда это отвлечет меня от боли.

* * *

Адди, детка, мне нужно, чтобы ты боролась за меня, хорошо? Мне нужно, чтобы ты выжила, пока я пока я не доберусь до тебя.

«Насколько сильно она повреждена?»

Вопрос выводит меня из бесконечной ямы, в которой я дрейфую где живет только иллюзия голоса Зейда. Это не реально — его голоса на самом деле нет. Но он кажется таким реальным. Таким успокаивающим, что я борюсь за то, чтобы остаться там, где я могу его слышать.

«Как сильно, по-твоему? Ты сбил ее с дороги».

Наряду с гневным ответом, по всему телу пульсирует тупая боль. Я слышу вздох, а затем пожилой мужчина продолжает.

«У нее будет несколько шрамов на спине от стекла. Вам повезло, что они были довольно чистыми, так что шрамы не будут слишком страшными».

«Это снизит ее стоимость», — пробормотал голос, слишком низкий, чтобы различить, кто это сказал.

«Заткнись, блядь, ты получишь деньги независимо от этого. На хрена тебе это надо?»

«Э-э, может, потому что из-за твоей тупой ошибки я рискую жизнью? Господи, Рио, Я знал, что она была ранена, но не так сильно».

Что бы Рио ни собирался сказать, его оборвал незнакомый голос — тот, который, должно быть, является врачом.

«У нее тридцать швов между двумя большими ранами, потому что ее протащили по острому металлу и стеклу. Вы не могли ожидать, что это не приведет к необратимым повреждениям», — говорит он, явно принимая сторону спутницы Рио.

«Черт возьми, Рио. Ты же понимаешь, что это может быть из моего гребаного кармана, верно? Я просил тебя о помощи, а не о том, чтобы ты все испортил за меня».

«Как, блядь, ты ожидал, что я вытащу ее, а? Поднять машину, как будто я ебаный Супермен, и откатить ее, чтобы я мог вынести ее, как какой-нибудь герой?»

Рио плюется.

У меня защемило в груди. Грубость его тона похожа на царапанье гвоздей по меловой доске. Я просыпалась от этого проклятого голоса уже слишком много раз. И каждый раз это суровое напоминание о том, что меня затащило в кошмар и я еще не нашла выхода.

«Если бы ты не ударил машину так сильно, ничего бы этого не произошло. не случилось бы, ты, кусок дерьма».

«Если бы ты не был так охуенно накачан и не кричал мне в ухо, то ты мог бы быть водителем, как и должен был быть».

«Джентльмены, давайте передохнем. Она в сознании. Ее кровяное давление повышается».

Мое дыхание замирает, но я не пытаюсь притворяться. Медленно, я открываю глаза, чтобы увидеть трех мужчин, окружающих меня и смотрящих на меня так, как будто я лабораторная крыса в эксперименте.

Очень чертовски ужасного эксперимента.

Сначала мои глаза сталкиваются с темной парой. Почти черными безжизненными от отсутствия тепла. Татуировки покрывают его светло-коричневую кожу, лавровые листья по обе стороны от горла привлекают мое внимание. На нем застегнутая кожаная куртка, но на руках и на каждом пальце черные чернила, указывая на то, что он, скорее всего, покрыт ими. У него резкие угловатые черты лица, дугообразные густые брови, а также шрам, пересекающий бок, его тесно черные волосы, завершающий его почти дикий вид. Он был бы привлекательным, если бы не выглядел так, будто предпочел бы видеть меня мертвым.

Мой взгляд переходит на мужчину рядом с ним; он выглядит мрачно, лицо покрыто струпьями от явного употребления наркотиков. Косичка сальных волос прикрыта сдвинутой назад кепка, грязная женская кофта и слишком большие штаны. Я узнаю в нем другого человека, который меня похитил.

Наконец, я смотрю на третьего мужчину, который, как я предполагаю, является врачом. Серые волосы, голубые глаза, кустистые усы и морщины, нарушающие в остальном гладкое выражение его лица. Его взгляд более мягкий, соответствующий тому тону, в котором он говорит. Но что-то в нем не так. Глубокая, пронизывающая вибрация, которую я не могу определить.

Я отворачиваюсь, холодная дрожь поселяется в глубине моих костей. Тупая, пульсирующая боль становится все острее, но все еще не так сильна, по сравнению с тем, когда я очнулся в том фургоне. Какие бы обезболивающие они ни закачали в мой организм, должно быть, ослабевают, а я не просил больше.

Все мои мышцы болят так сильно, что мне кажется, будто вокруг моих костей вокруг моих костей. Я невероятно скован, и каждое движение вызывает у меня судороги.

* * *

Задыхаясь от боли, я оглядываюсь по сторонам. Я нахожусь в затемненной, белой комнате. Здесь... стерильно. Не чисто, как в больнице, но мы и не в подполье.

Не уверен, почему я вообще этого ожидал.

Грязно-белые стены, бетонный пол и серебристые шкафы почти вдоль каждой стены в комнате. Рядом с больничной койкой стоит большой металлический стол с чашей и различными инструментами, разложенными на окровавленной ткани.

По всей комнате расставлены различные аппараты. Хотя я не узнаю большинство из них, но пищущий прибор рядом со мной, контролирующий мои жизненные показатели, знакомо, как и капельница, ведущая прямо в мою руку.

Доктор берет со стола рядом с моей кроватью пенопластовый стаканчик и протягивает его мне.

«Пейте медленно», — инструктирует он.

Пошатываясь, я беру чашку и делаю глоток. Холодная вода ощущается как лед на ожог. Болезненное облегчение.

Поцарапанные белые одеяла укрывают меня до пояса, и когда я смотрю вниз, я замечаю, что на мне только светло-голубой халат.

Почему-то это самое страшное. Они могут видеть доказательства того, насколько здесь холодно.

Заметив, куда устремлены мои глаза, доктор заговорил.

«Я прошу прощения за вашу одежду. Мне пришлось срезать ее с вас, чтобы я мог должным образом лечить вас и оценить нанесенный вам ущерб».

«Можете поблагодарить за это Рио», — бормочет под нос ворчливый мужчина.

Достаточно громко, чтобы я смог уловить его сквозь почти постоянный страх. постоянно бурлящий в моей крови.

«Заткнись, Рик, — огрызается Рио, его акцент становится все более яростным. — Или я убью тебя сам, и, в отличие от твоего драгоценного бриллианта, никто не будет скучать по тебе».

Это... это ужас, не похожий ни на что, что я когда-либо чувствовал раньше. Это не похоже на тот страх, который вызывал во мне Зейд, и уж точно не дешевый кайф, который я получаю от дома с привидениями и страшных фильмов. Это то, что чувствуешь, когда тебя хорошо и по-настоящему трахнут.

Монитор предает мое тело, писк усиливается, пока доктор смотрит на него с беспокойством.

Я почти не помню событий после того, как они отправили мою машину в полет. Однако я смутно помню лицо Рио, нависшее надо мной после того, как он вытащил меня из машины, его рот двигался, но его слова ускользали от меня. Все, кроме шести.

Пора спать, принцесса.

«Где я?» — прошептала я, а затем закашлялась, прочищая мокроту из горла.

«В гребаном „Ритц-Карлтоне“, принцесса. Где ты думаешь?» — Рио огрызается, его черты лица все еще напряжены от гнева.

Рик смотрит на него с обвинительным выражением на лице, покрытом пятнами, но в остальном он держит рот на замке, явно воспринимая угрозу Рио всерьез.

Очевидно, что Рио облажался, и какая-то часть меня надеется, что они убьют его за это.

«Меня зовут доктор Гаррисон», — представляет седовласый мужчина, намеренно шагнув вперед к Рио. Сплотнув, я молчу. Если этот гад ожидает, что я называть свое имя, как будто мы на гребаном интервью, то он может засунуть капельницу в свою задницу.

«Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он, делая шаг ближе. Я вздрагиваю, и прежде чем я успеваю сказать ему, что именно я чувствую, он продолжает, похоже, чувствуя мой готовящийся ответ умника. — Думаю, голова болит. Тошнота?»

Я поджимаю губы. Наверное, к лучшему, что он перевел вопрос в другое русло.

Если я дам волю своему языку, он меня убьет.

Мне это не сойдет с рук, как в случае с Зейдом — хотя я бы все же считаю «сойти с рук» субъективным. Даже когда он впервые дал о себе знать и напугал меня до смерти, всегда было странное чувство безопасности, когда я нажимала на его кнопки, как будто в глубине души я знала, что Зейд никогда не причинит мне боль. Это имеет смысл только теперь, когда ему удалось влезть в мою жизнь.

Этот человек невероятно опасен... для всех, кроме меня. Даже когда он направил заряженный пистолет в мою сторону и использовал его не только как оружие.

Но эти люди? Они не только причинят мне боль, но и убьют меня.

«Тошнота», — произношу я, мой голос все еще хриплый. Доктор Гаррисон начинает возиться с капельницей, заменяя пустой пакет с жидкостью на новый. Надеюсь, это морфий.

Я выливаю остатки воды в свою чашку, но это мало помогает справиться с вечную сухость в горле. Сколько бы раз я ни облизывал свои потрескавшиеся губы, влаги никогда не хватает.

«У вас довольно неприятное сотрясение мозга. Это значит, что нам придется вас внимательно. Я хочу убедиться, что вы не получите дальнейших повреждений». Он бросает пару неприязненным взглядом, и у меня такое чувство, что они уже поспорили на.

Мой рот движется на автопилоте, открываясь и готовясь сказать ему, чтобы он не тратить свое время — двое других мужчин позаботятся о том, чтобы мое тело перенесло еще много еще больше повреждений.

Почувствовав мое намерение, Рио огрызается: «Я осмелюсь». Его голос строгий и угрожающим, привлекая мое внимание к нему. «Твоя киска все равно будет работать независимо от этого, даже если у тебя поврежден мозг».

Мой рот закрывается, и я перевожу взгляд на доктора Гаррисона. Его губы сплюсциваются в белую линию, похоже, его не впечатлили грубые слова Рио.

Держи рот на замке, Адди. Мы только что обсудили это, тупица.

«Вы пережили сильную травму, и несмотря на то, что все говорят...»

он бросил на Рио неприязненный взгляд — «ты нужна нам в отличной форме».

Я нужна им в форме, чтобы я чего-то стоила. Но я не спорить, не тогда, когда это выгодно мне. Исцеление означает получение энергии для бегства.

Облизывая губы, я спрашиваю: «Какой сегодня день?»

«Ты действительно думаешь, что это важно?» рывкает Рик. «Ты не имеешь права задавать вопросы».

Я изо всех сил стараюсь не разевать рот в ответ. Мои губы дрожат от желания произнести мерзкие, полные ненависти слова выплеснуться через них. Но мне удается воздержаться.

«Сегодня четверг», — все равно отвечает доктор Гаррисон, не обращая внимания на грязный взгляд грязного человека.

Четверг...

Прошло уже пять дней с момента автокатастрофы.

Зейд уже искал бы меня. Скорее всего, он сошел с ума и на взводе... Господи, он, наверное, собирается убить много людей. Нет, он определенно. И когда ухмылка начинает формироваться, я знаю, что этот человек хорошо и действительно развратил меня.

«Что-то смешное?» спрашивает Рик. Я подавляю ухмылку и качаю головой, но все, о чем я могу думать, это то, что, хотя я могу умереть, все они тоже умрут. И их конец будет намного хуже, чем мой.

По мере того, как фантазии укореняются во всех способах, которыми Зейд будет сеять хаос, мои веки начинают тяжелеть, а усталость усугубляет тот небольшой всплеск адреналина, на котором я работала.

Трое мужчин внимательно наблюдают за мной, даже в моем сотрясенном, разбитом состоянии, мне не нужен ученый, чтобы сказать мне, что чем бы он меня ни накачал, это не

морфий.

Мой взгляд падает на Рио, и мои веки непроизвольно закрываются, прежде чем я заставляю их открыть. Его губы кривятся по бокам, сухое веселье клубится в этих темных ямках.

«Пора спать, принцесса».

Глава 2

Охотник

Люди нечасто удивляют меня.

Я ожидаю худшего от всех, даже от себя. Особенно от себя.

Но когда этот голос пробивается сквозь туман агонии, затуманивающий мою голову, я чувствую только удивление и холодное давление металла в задней части моего черепа.

«Рад, что ты смог это понять, Джейсон Скотт. Теперь посмотрим на руки, иначе эта единственная пуля окажется в обеих ваших гребаных головах».

Точное ощущение отражается на лице Джея, когда его черты стихают, а глаза расширяются, его голос наполняется полным недоумением, когда он произносит: «Ты?».

«Да. Я».

Мать... ублюдок.

Мой разум мечется, перебирая в памяти каждую встречу с ней и пытаюсь понять. Понять, как, блядь, я упустил это — упустил, что она волк в овечьей шкуре.

Она играла свою роль чертовски хорошо.

«Знаешь, это действительно задевает мои чувства», — говорю я сквозь стиснутые зубы, мышцы в моей челюсти пульсируют.

«Почему у меня такое чувство, что ты это переживешь?»

Откуда-то слева от меня раздается измученный мужской крик, тяжелый дым скрывает его.

Где-то взорвалась бомба, отбросив меня назад к каменному алтарю, который они использовали для своих жертвенных ритуалов. Я понятия не имею, какой урон я получил, но если нарастающая боль во всем теле о чем-то говорит, мне нужно попасть в больницу.

И мне не нужна гребаная гадалка, чтобы сообщить мне, что получение помощи не в моем ближайшем будущем.

Рукотворная подземная пещера, в которой мы находимся, все еще кишит хаосом, вопли агонии и ужаса отскакивают от каменных стен, усиливая стук в моем черепе.

В этой дыре Общество приносит в жертву детей. Какой-то вид посвящение, чтобы быть принятыми в клуб, который предоставляет им достаточное количество невинных для изнасилования и убийства.

Просочившиеся видео появились в темной паутине, первое было девять месяцев назад... С тех пор я работал день и ночь, чтобы попасть на этот ритуал.

И, наконец, мне это удалось.

Но, очевидно, Общество предвидело мое появление и спланировало его.

Дэн — человек, который устроил меня туда — упомянул, что они поймали преступника, который сливал видео.

Я был слишком отвлечен, чтобы понять, что это ловушка, когда еще одно видео всплыло в Интернете. Видео, которое было намеренно загружено, зная, что я увижу его и найду дорогу в клуб. Они заманивали меня, чтобы забрать меня.

«Ты стоил мне маленькой девочки, Зи», — говорит сучка сзади меня.

«Похоже, ты знала, что это риск», — отвечаю я, слегка задыхаясь. Больно даже дышать, и боль усиливается с каждой секундой.

Маленькую девочку, которую принесли на алтарь мне и трем другим мужчинам. унесли

отсюда, надеюсь, до взрыва. Я доверил ее безопасность одному из моих людей, Майклу, но от него пока ничего не слышно.

«Вставайте оба. Вы идете со мной».

«Может, мне сейчас и хреновато, но не жди, что я не убью тебя тебя при первой же возможности», — предупреждаю я, едва не застонав от спазмов в спине.

Черт, больше всего на свете я хотел бы, чтобы все это дерьмо было как в кино, где когда тебя взрывают бомбой и сразу после этого спасают мир. возможно.

«Ты не сделаешь этого, Зи. Хочешь знать, почему?»

Я замираю, в животе уже зарождается тоскливое чувство. Это как будто пасть Челюстей только что открылась, и мое сердце — это ничего не подозревающий пловца, которого вот-вот проглотят целиком. Ей лучше не говорить того, что, блядь, или я сойду с ума.

Мой голос смертельно спокоен, когда я говорю: «Клянусь всем святым, я уничтожу тебя, если ты тронешь мою девочку».

Ее ответное молчание говорит о многом, и все вокруг становится черным. Мое зрение потухает, и цунами ярости обрушивается на меня. Я сжимаю кулаки, пытаюсь восстановить контроль над собой.

«Зейд».

Нетерпение грызет мое терпение, крича, чтобы я встал и нашел свою маленькую мышку. Мне нужно добраться до нее сейчас, пока они не завели ее слишком далеко.

«Зейд».

Кто знает, как далеко они ее уже завели? Как сильно они ранили ей.

Мое тело напряглось от этой мысли, в голове промелькнули образы того, что они могут с ней сделать. Если они дотронутся до нее...

«Черт, Зейд! Посмотри на меня, мужик».

Голос Джея наконец-то слышен, но я не вижу его. Я ничего не вижу.

Пистолет сильнее прижимается к моей голове в качестве предупреждения. Я не помню, как я двигаюсь, но сейчас я стою на коленях, позвоночник прямой, я смотрю вперед. Вижу ничего, кроме видения, как разрываю тело этой суки на части, конечность за конечностью, своими гребаными зубами.

«Лежи», — шипит она сзади меня.

«Дай мне... черт, он собирается сделать какую-нибудь глупость», — вырывается у Джея, голос в панике. Боль взрывается на моей голове от кулака, летящего в мой висок. Зрение возвращается, лицо моей правой руки появляется, его лесные глаза в дюйме от меня.

«Соберись, мать твою», — кричит он сквозь стиснутые зубы. Вена на его пульсирует, пот струится по его красному лицу.

Моя рука обхватывает ствол, который крепко впивается мне в голову, в нескольких секундах от того, чтобы вырвать ее из захвата.

«Оставь это», — резко приказывает Джей. «Тебе повезло, что у тебя нет чертовой пуля в твоей голове прямо сейчас. Ты пока не можешь ее убить».

«Хотела бы я посмотреть, как ты попытаешься», — прошипела она, подталкивая пистолет. Сжав челюсть, я отпускаю его и упираюсь руками в колени. Мои мышцы вибрируют так сильно так быстро кажется, что мое тело неподвижно. Но я чувствую каждую дрожь, когда она продолжает: «Ты можешь думать, что ты могущественна, но любые крохи власти у тебя есть, ничтожны по сравнению с моей. Я могу заставить тебя исчезнуть, и никто не будет даже не узнает о твоём существовании».

Я рычу, на грани того, чтобы продемонстрировать, насколько она ошибается, но держу пока держу зубы сцепленными. Джей прав. Она держит пистолет у к моему затылку и может оборвать мою жизнь в считанные секунды. Пуля быстрее меня, и я не сомневаюсь, что она выполнит свою угрозу и убьет Джея следующим.

Закрыв глаза, я глубоко вдыхаю и переношусь в страшное место, в котором мне так редко приходилось бывать, за всю свою жизнь. Онемение распространяется, и спокойствие сменяется. Мой разум затихает, и когда я снова открываю глаза, позвоночник Джея выпрямляется.

То, что он видит, нервирует его.

Мне нужно выбраться из этой ситуации, чтобы найти Адди. Только тогда я буду более чем счастлив показать этой дряни, на что я способен. Этот мир, блядь, будет тлеть, а я буду держать ее лицо в огне и смотреть, как она плавится в моем гневе.

«Ты взял ее?» — спрашиваю я. Я знаю, что да, но мне все равно нужно услышать подтверждение из ее уст.

Я чувствую ее горячее дыхание на своем ухе, а затем ее мягкий, насмешливый голос.

«Да. Я забрала ее, и собираюсь продать ее только тем, у кого есть самые самыми большими желаниями. И ты ничего не сможешь с этим поделаться».

Одна вещь, которую я возненавидел с момента создания Z — у меня невероятно живое воображение. В этой сфере деятельности это проклятие. Каждый раз, когда я вижу новое видео, размещенное в темной паутине, или получаю информацию о новом кольце — первые мысли, которые приходят в голову, это все развратные, больные вещи, которые делают с этими женщинами и детьми.

Мой собственный разум мучает меня этими образами. И позже, меня будут мучить только это будет моя девочка, которой они причиняют боль.

Но сейчас? Я чертовски рад этому.

Потому что в этот самый момент, я наслаждаюсь всеми способами, которыми я представляю, как я убью Клэр Зейнбург.

— Итак, — начинаю я, ворча, когда особенно болезненная судорога вспыхивает в моей спине. — Марк никогда не был вашим насильником, не так ли?

Она титтер.

— О, он был. Он просто не знал, что это значит для него каждый раз, когда он накладывал на меня свои руки. Идиот так и не понял, что это я дергаю за все ниточки. Он был слишком глуп.

Она кружит вокруг Джея и меня, пистолет все еще направлен на мою голову, а ее красные губы растягиваются в рычании. Цвет, окрашивающий ее рот, соперничает с цветом ее волос. Такой яркий красный цвет, который вьется вокруг ее лица и плеч. Во время ритуала она была таинственной личностью в капюшоне, предлагая мне нож, который, как она прекрасно знала, что я никогда бы не использовал его на этой маленькой девочке. Вместо этого он вошел в горло другой.

— Это лучшее, что есть в мужском роде. Вы все так далеко забрались в свои в собственных задницах, что никогда не думали, что женщина может быть главной. Никогда не подозревали кроткую, обиженную жену, потому что вы все считали меня слабой.

Я выдохнула сухой смех.

— Ошибаешься. Я не подозревала обиженную жену только что я не мог представить, что одна жертва активно жертвует другими невинными.

Она лукаво улыбается и сгибается в талии, сравнивая свои зеленые глаза с моими.

— И я не могу представить мужчину, который ставит свою жизнь на кон, чтобы спасти этих жертв, принуждает невинную женщину к отношениям.

Она пристально смотрит на меня, а я смотрю на нее, ища хоть какую-то эмоцию. I даю ей только одну — откидываю голову назад и смеюсь.

— Ты преследуешь меня, Клэр? — спрашиваю я с весельем, встречая ее взгляд еще раз. Ее губы подрагивают.

— Мы все лицемеры, Зи, — говорит она, игнорируя мою насмешку и выпрямляется. — Единственная разница между тобой и мной в том, что я решила наживать на жалких мужчинах в этом мире. Они никогда никогда не перестанут издеваться над теми, кого считают слабее. И они никогда не перестанут насиловать и убивать их. Поэтому я решила, что если мы будем жить в таком мире, то будь я проклята, если я ничего не выиграю от этого.

Я разглаживаю свое лицо, стискивая зубы только тогда, когда боль в моей спине усиливается.

Черт. Мне действительно нужна больница.

Но Адди мне нужна больше.

— Ты могла бы принести столько пользы на своем месте, — пыхтит Джей, отвращение искажает его черты. — У тебя огромная власть. А ты предпочитаешь подпитывать патриархат, вместо того чтобы изменить его.

Она рычит, подносит к нему пистолет и приставляет его к виску. Джей напрягается, но не трусит. Мои мышцы напрягаются, пульсирующая боль исчезает, когда Я смотрю, как ее палец танцует над спусковым крючком.

Если она нажмет на курок... я раздавлю ее горло своим сапогом еще до того, прежде чем пуля закончит свой путь через мозг Джея.

— Ты ошибаешься. Она смотрит на меня. — Допустим, ты действительно уничтожил все кольца, Z. Допустим, ты выполнил то, что задумал. Ты искренне хоть на секунду веришь, что все так и останется? Ха! Как только осядет пыль, зло уже будет восстанавливать свою империю, на этот раз сильнее и лучше, чем прежде. — Она смотрит на нас с Джем, как будто мы бредим.

— Вы никогда не избавитесь от зла. Никогда.

Она не ошибается, но это не значит, что я не могу поставить огромную точку выгребной яме гнилых душ и создать вакуум власти. Я не питаю никаких иллюзий, что я смогу стереть торговлю людьми за свою жизнь полностью. Но в этом никогда не было смысла. Спасти этих девочек — этих детей и дать как можно большему их числу второй шанс на жизнь — вот в чем чертова цель.

Мой план всегда заключался в том, чтобы уничтожить теневой контроль правительства над людьми и их причастность к торговле кожей. Уже одно это существенно разницу в мире.

Эта битва будет продолжаться еще долго после того, как меня не станет. Солнце взорвется, и Земля будет разрушаться, прежде чем когда-нибудь появится идеальный мир. Люди уничтожат прежде чем это произойдет.

Но Z? Z никуда не денется, даже когда я буду погребен под землей на шесть футов. Я выращу поколение, которое придет на смену, и они сделают то же самое.

Клэр оглядывается через плечо, и я замечаю приближающегося человека с глубоким капюшоном на голове. Я могу определить его пол только потому, что он сложен как

перевернутую Эйфелеву башню. Массивные, широкие плечи натягивают мантию швы едва не лопаются, а затем резко сужаются к куриным ногам.

Дикхед так часто пропускал день ног, что их уже не видно. потому что они такие тощие. «Машина готова», — объявляет он, его голос глубже, чем Марианская впадина.

Клэр поворачивается ко мне лицом, опускает пистолет, когда мужчина поднимает его, и щелкает своим указательным пальцем вверх и вниз.

— Вверх, — резко произносит она, ее тон резок. — Сейчас же.

Выдохнув, я заставляю себя двигаться, стиснув зубы. от боли в теле.

Ворча, я встаю во весь рост и устремляю свой взгляд на рыжеволосую змею передо мной. Она достаточно храбрая, чтобы встретить мой взгляд лицом к лицу без единой капли страха. Я уверен, она привыкла к тому, что мужчины смотрят на нее сверху вниз, пугая своей натурой. Но Клэр никогда не имела дела с таким мужчиной, как я.

«Что, по-твоему, ты собираешься со мной делать? — бросаю я вызов, глядя на нее снисходительно, как на маленького ребенка, который верит, что может выиграть у вас матч по армрестлингу. — Со мной многое можно сделать, Клэр».

Ее губы подрагивают в скрытой улыбке, беззаботной, когда она приближается ко мне. чтобы показать мне, как она не боится.

«Патрик проводит вас в нашу комнату для допросов. Мы собираемся задать вам несколько вопросов». Она гладит меня по щеке, возвращая снисходительность.

«Вы будете полезны и дадите нам всю необходимую информацию. Как ваша организация работает и незаконные технологии, которые вы используете, вместе со всеми сведениями, которые вы собрали за годы работы террористом. А потом, я заставлю тебя смотреть на твою маленькую подружку с ее новым хозяином, прежде чем я сам убью тебя».

Я растягиваю губы в дикую улыбку, обнажая зубы, наклоняясь и показывая, почему она должна очень сильно бояться.

«Лучше убедиться, что эти веревки очень тугие», — рычу я. Ее глаза округляются уголки, намек на страх промелькнул быстро, как молния. Сучка может быть ледяной но это не делает ее неуязвимой для моего огня.

«Веди», — поощряю я, жестом указывая перед собой. Клэр оглядывает меня с ног до головы. вниз, на ее лице появляется хмурая гримаса от моего начальственного тона. Она привыкла к тому, что люди хлюпают у ее ног и склоняются перед ее командами, как металл под факелом.

Ей еще предстоит узнать, что я никогда не был просто мужчиной.

Фыркнув, она повернулась и пошла прочь, не забыв повернуться спиной. как бы в доказательство своей правоты. Мне никогда не нужно было испытывать страх, чтобы убивать, но я не против преподавать уроки. Адди может это подтвердить.

Взгляд Джея устремлен в сторону моего лица, панический взгляд излучают из его лесных глаз. Ему не нужно произносить слова, его выражение говорит все само за себя.

Мы умрем.

Нет, если я буду иметь к этому хоть какое-то отношение. Я могу потерять слишком многое, что стоит гораздо больше, чем моя собственная жизнь.

Ее спутник на куриных ножках, Патрик, дает нам пройти, прежде чем упасть на шаг позади нас.

«Постарайся не пялиться на мою задницу», — говорю я.

Он рычит и подталкивает меня вперед мясистой рукой, его пистолет держится в другой

руке угрожающе. Медленно, я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него через плечо. глаза дикие, а на лице ухмылка, которую я не могу почувствовать.

«Заткнись и иди», — огрызается он, но его голос выдает его, дрогнув на последнем слове.

Как трудно, должно быть, притворяться храбрым под взглядом отвратительного монстра со злобной улыбкой.

Дым начинает редеть. Тела разбросаны по пещере, океан крови впитывается в камень. Следуя за Клэр, моя нога ударяется об отрубленную руку, конечность катится прямо в обезглавленную голову, лицо человека застыло в ужасе.

Вопли боли постепенно стихают по мере того, как смертей становится все больше, и я не могу не восхититься тем, что Общество пожертвовало жизнями своих людей, только ради того, чтобы меня поймали. Это говорит о многом.

Я не только угроза, я катастрофа.

Клэр подводит нас к двери, через которую она исчезла после того, как передала мне нож. Быстро осмотрев комнату, я не увидел никого из своих людей, но это не значит, что их нет среди них и, возможно, они мертвы.

Моя грудь сжалась в надежде, что это не так. Они понимают риск, но их смерть — это еще одна ответственность.

Мы идем за ней по тускло освещенному коридору, точной копии того, через который я вошел в пещеру. Полосы светодиодных ламп, расположенные по обе стороны, излучают зловещее свечение на фоне черных стен и плитки.

Этот коридор круто поднимается вверх, так как мы идем из-под земли. под землей. Это похоже на подъем в гору, так как мое тело болит.

Джей скованно идет рядом со мной, периодически поглядывая на меня со страхом и беспокойством. Очевидно, что он никогда не был в подобной опасной ситуации раньше. Он всегда сидит за компьютером, никогда не был на передовой. Я не знаю, как его уверить. Я никогда не лгал, и хотя я уверен, что вытащу нас живыми, я не могу этого гарантировать.

Через несколько минут Клэр распахивает дверь и выводит нас в темный переулок, едва освещенный лунным светом и уличным фонарем в конце. Пот, стекающий по бокам моего лица, мгновенно охлаждается хрупкий воздух Сиэтла.

Клэр не теряет времени и направляет нас к черному фургону, ожидающему в устье переулочка. в конце дорожки, его тонированные окна настолько темные, что вы не могли бы видеть даже если бы ваше лицо было разбито о стекло. Невероятно, блядь. незаконно, но эти номерные знаки не позволяют их остановить.

Им достаточно будет увидеть имя Клэр, чтобы посмотреть в другую сторону.

Чем ближе мы подходим к машине, тем больше Джей напрягается.

Я наклоняюсь ближе к его уху.

— Представь, что Клэр — твоя крестная фея, а это тыквенная карета, которая увезет тебя к твоей принцессе.

— Или принцу, — поправляет Джей сквозь стиснутые зубы. Он обильно потеет и его глаза расширены. — Я бы тоже не отказался. — Яжимаю плечами. — Пока ты все еще называешь меня дядей Зи.

Он насмехается, оглядывая меня, как будто я сломался.

— Ты серьезно думаешь, что у меня будут дети после того, как я вижу это дерьмо каждый день?

Я снова пожимаю плечами, поджав губы.

— Почему бы и нет? Дядя Зи обеспечит их в безопасности. Я могу быть их личным телохранителем. Им это может не понравиться, но я блядь, сделаю это.

Он качает головой, крошечная улыбка появляется на его губах, понимая, что именно я делаю.

Я даю ему будущее. Рисую картину того, как он выживет и найдет счастье, независимо от того, решит он разводить мини-гремлинов или нет.

Когда мы сходим с тротуара и подходим к черному фургону, задние двойные двери широко распахиваются. Клэр поворачивается и кивает головой в сторону темного салона, показывая, чтобы мы садились.

Подмигнув ей, я пробираюсь в глубь фургона с Джем. близко позади, ее раздраженное ворчание следует за нами. Если бы это был кто-то другой, я бы сказала ему не злить своего похитителя. Зная, что Адди сейчас находится в такой же ситуации, я бы отшлепала ее по заднице, если бы знала. ее по заднице, если бы знал, что она поступает безрассудно. Самое разумное, что можно сделать, это держать рот на замке и слушать приказы, пока не найдешь выход.

Но посадить Зи в кузов фургона никогда не будет то же самое, что посадить невинного гражданского. Пока что я могу положиться на то, что они не убьют Эдди. Она слишком многого стоит. И видя мою ситуацию, разложенную передо мной я еще больше уверен, что Клэр не выиграет этот раунд.

Она может быть умной, но она не была достаточно умна, чтобы вырубить мою задницу. Этот могло бы дать ей солидный шанс.

Я сажусь на холодную металлическую скамью, стискиваю зубы от боли и снова устремляю свой дикий взгляд на Клэр. Она стоит прямо за дверью и смотрит на меня с легкой ухмылкой. Ее тугие рыжие локоны блестят под светом уличного фонаря, и на мгновение она кажется невинной. Она выглядит как женщина, которая перенесла годы жестокого обращения во всех формах и просто хочет жить спокойно.

Но мираж рассеивается, и я вижу лишь женщину, которая стала всем тем, что она ненавидит.

Она бросает на меня взгляд, полный предупреждения, а затем захлопывает двери, в результате чего по обе стороны от пола загораются светодиодные лампы.

Джей садится на скамейку напротив меня, сразу же пристегивая ремень безопасности, прикрепленный к стене фургона, а Патрик садится рядом со мной. Так близко, что что он практически сидит у меня на коленях.

Мои глаза переходят на него, на моем лице пустое выражение. «Ты же не хочешь вступать со мной в схватку на мечях, Патрик. Обещаю, я выиграю», — говорю я, глядя вниз между его ног.

Джей шипит на меня, чтобы я заткнулась, но я не отрываю взгляд от того места, где, как мне кажется, спрячутся его глаза, чувствую, как его глаза спрячутся в глубоком капюшоне.

«Ты не знаешь, когда нужно держать рот на замке, не так ли?»

«Что я сказала?» спрашиваю я, притворяясь невинной. «Я подумал, что это было твое намерение как ты сидишь у меня на коленях».

«Трудно будет вступить в схватку на мечях, если у тебя нет меча», — отвечает он, в его тоне сквозит злоба.

Я вскидываю бровь, не впечатленный его угрозой. «Даже с бензопилой нужно время,

чтобы прорубить ствол дерева. Ты умрешь раньше, чем пройдешь этот путь».

«Продолжай говорить», — огрызнулся он, осмелев.

Я ухмыляюсь, но держу рот на замке. Если бы Джея здесь не было, я бы продолжал раздражать его. Моей целью было бы, чтобы он напал на меня и, надеюсь, достал на меня оружие. Таким образом, у меня появится прекрасная возможность обезоружить и убить его.

Но возможно, что он направит оружие на Джея, а я не хочу рисковать его жизнью вместо своей, собственной, так что я пока повременим. Патрик умрет. И очень скоро.

Двигатель заурчал, металл завибрировал под моей задницей. Машина подается вперед, заставляя нас троих сильно раскачиваться в стороны, заставляя Патрика еще сильнее прижаться ко мне.

Мы смотрим друг на друга, и медленно он отодвигается на несколько дюймов.

Так я, блядь, и думал.

Теперь, когда дыхательный аппарат отсоединился от моей шеи, я могу действительно думать.

Но проходит всего несколько секунд, и мои мысли уходят в небытие.

Я заставил свой разум исчезнуть, и эта черная ярость снова появилась.

Они забрали мою маленькую мышку.

Я зажмуриваю глаза и склоняю голову, пытаюсь восстановить контроль над свое самообладание. Хрупкий слой решимости, сдерживающий мою тревогу и убийственную ярость, трескается. Мои панические мысли слишком тяжелы, и подобно тому, как человек стоящему на тонком льду, он в конце концов сломается под давлением.

Но я не могу этого допустить. Пока не могу.

Мне нужно сосредоточиться на том, чтобы вытащить нас, а это достаточно сложно, когда мое тело кричит на меня.

Есть вариант напасть и убить Патрика, но это не остановит машину, особенно если они услышат мою попытку сбежать. Единственной альтернативой это стрелять из пистолета, пока не попаду в водителя, что может привести к тому, что мы все погибнем. Или мы с Джем могли бы попытаться бросить и выкатиться из кузова, но мое тело слишком избито, чтобы выдержать это.

Выдохнув через нос, я поднимаю голову и вижу, что Джей уже смотрит на меня, брови сведены от беспокойства. Его черные волосы прилипли ко лбу от пота, и он дрожит как лист. Он определенно не подходит для жизни наемника. жизни.

Черт, вот оно.

Паника Джея и мои мучения заставили нас обоих забыть об очень ценном инструменте.

В наших ушах все еще находятся чипы Bluetooth. Они крошечные и прозрачные, это незаконное устройство, которое незаметно, если только вы его не ищете. Настолько незаметно, что Клэр даже не подумала проверить.

Устройство в наших ушах активируется крошечной кнопкой или голосовой командой.

Но это значит, что Джей или я должны использовать слово «вызов».

Я перевожу взгляд на Патрика. «Итак, я получу свой единственный звонок, когда мы приедем?туда?»

Он ворчит. «Забавно».

Тишина.

Черт, его, наверное, повредило взрывом. Объясняет, почему мои люди не пытались связаться со мной сами. Я бросаю взгляд на Джея, и он кивает, капля пота стекает с кончика

его носа.

«Да ладно, мужик, моя бабушка больна. Она, наверное, интересуется, где я где я». Я снова поворачиваюсь лицом к Джею. «Разве ты не обещал своему брату, что сводишь его в Чак И. Чиз сегодня вечером?»

Джей старается сохранить нейтральное выражение лица, но это еще одна причина, по которой он остается за экраном. Парень ни хрена не умеет играть.

«Да, э... Я, наверное, позвоню Барону и скажу, что не смогу прийти. приехать».

Сделай это немного более очевидным, Джей, боже мой.

Барон на самом деле не брат Джея, а еще один из моих людей, который может помочь нам.

На губах Джея появляется довольная ухмылка, но он подавляет ее. Звонок, должно быть, был успешным, что означает, что Барон будет слушать и, надеюсь, отследит нас, как только поймет, что что-то не так.

Джей продолжает через несколько мгновений: «Вероятно, важно, чтобы он знал, что тнас держат в заложниках, так?»

Боже мой.

«Я бы предпочел, чтобы он никогда не узнал, что с тобой случилось, и прожил остаток своей жизнь в раздумьях», — отвечает Патрик, не обращая внимания на ужасную игру Джея.

Затем он поворачивается ко мне. «Ты можешь продолжать играть в свои игры, но ты не скоро будешь смеяться».

«Как скоро?» отвечаю я.

Я не могу видеть его лицо, но я чувствую замешательство, излучаемое черной дырой в его капюшоне.

«Моя бабушка ждет».

Его кулак сжимается — это мое единственное предупреждение, прежде чем он посылает его в мою щеку.

Моя голова откидывается в сторону, и по всему черепу расцветает боль. Удар был бы терпимым в обычный день, но учитывая, что я только что пережил через взрыв, кажется, что внутри моей головы взорвалась еще одна бомба. в моей голове.

Мои инстинкты вспыхивают, и мои кулаки сжимаются от желания ударить его в ответ. Зверь в моей груди мечется и бушует, и этот шаткий контроль ускользает еще немного.

Адди. Это для Адди.

С трудом, но мне удается сдержаться. Мне нужно дать нашим людям время, чтобы добраться до нас, хотя я знаю, что это не займет много времени.

«Господи, мужчина не может позвонить своей чертовой бабушке? Придурок».

Он пожимает плечами и отворачивается, а я опускаюсь на скамейку. скамейку. Он может думать, что это потому, что я боюсь, но на самом деле я в двух секундах от того, чтобы преждевременно оборвать его жизнь.

Пока мы ждем, я пытаюсь успокоиться, сдерживая кипящий гнев.

Это длится целых десять минут, прежде чем меня бросают во второй раз за сегодня.

Что-то тяжелое врезается в фургон сзади, посылая Патрика и меня со скамейки и в стену, отделяющую переднюю часть от задней части.

Джея отбрасывает в сторону, но ремень безопасности держит счастливого сукина сына на якоре.

Я стону, боль вспыхивает в нескольких частях моего тела, когда я переворачиваюсь на

спину и пытаюсь дышать. Я уже даже не могу сказать, какие части тела болят — блядь... все болит.

Клэр кричит с переднего сиденья, выплевывая требования к водителю взять машину под контроль. Фургон продолжает вилять из стороны в сторону, водитель не в состоянии восстановить контроль.

Еще один удар, и фургон откидывается в сторону и врезается во что-то твердое. Патрик сталкивается со мной, красочные слова вылетают из моего рта, пока мы скользим к Джею. Моя спина врезается в стену, когда мы останавливаемся. бегемот прижался ко мне. В ушах звенит от удара, а глазам требуется несколько секунд, чтобы сфокусировать взгляд. Патрик, может, и непропорционально велик. но он все равно чертовски тяжелый.

«Джей, скажи мне, что это тот, о ком я думаю», — прохрипел я, пользуясь хаосом. и обхватываю шею Патрика стальной хваткой. Его руки летят к моей руке, царапая меня, пока я постепенно сдавливаю его дыхательное горло. Он борется, и я сжимаю челюсти, пытаюсь удержать его на месте.

Я слаб, испытываю непреодолимую боль, и мои мышцы ослабевают.

«Конечно», — выдыхает он, пот льется по его бледному лицу.

«Хорошо», — бормочу я, прежде чем схватить голову Патрика и отбросить ее в сторону сломав ему шею и мгновенно убив его. «Это для моей бабушки, член».

«Братан, ни один из твоих дедушек и бабушек еще жив».

Глава 3

Охотник

Клэр кричит спереди, чтобы я продолжал ехать, но двигатель заглох.

Я отпихиваю от себя мертвое тело Патрика и встаю, пот покрывает мою кожу. Я в двух секундах от того, чтобы потерять сознание. Мое тело начинает отключаться от физической травмы, но я не могу позволить ему это сделать пока что.

Джей быстро отстегивается и встает. «Пойдем, они ждут нас», — призывает он, заметив, в каком напряженном состоянии я нахожусь.

«Мне нужно позаботиться о Клэр», — говорю я, но эта мысль отпадает, как только мы ткрыли двери фургона. Другие машины уже остановились на обочине дороги. выходят из своих машин, чтобы проверить нас.

Черт.

Я не могу убить женщину на глазах у гражданских, как бы ни был велик мой соблазн.

Как раз когда мы с Джеем выползаем наружу, Клэр появляется со стороны пассажира с диким выражением лица.

«Не смей», — шипит она сквозь зубы. Красная помада окрасила их, придавая ей дикий вид.

«Или что?»

Когда она не отвечает, я подмигиваю ей, просто чтобы заставить ее задницу сжимается от злости, и направляюсь к огромному фургону военного класса, ожидающему меня.

«Эй, парень, ты в порядке?» — спрашивает прохожий.

«Да, все хорошо. Спасибо, что остановились», — говорю я через плечо. Яркие фары его машины подчеркивают недоверчивое выражение его лица, когда он смотрит, как я забираюсь в открытые двери.

Лицо Майкла встречает меня, и я почти вздыхаю от облегчения. Если он жив, значит и девочка, которую мы спасли от ритуала, тоже.

Он наклоняется вперед и помогает мне войти, полагая, что заметил муки, написанные на моем лице. Я чувствую, как затягиваются мои шрамы, теперь неспособные скрыть страдания. Мой покер-фейс треснул.

Я готов позволить Иисусу сесть за руль. В ту же секунду я опускаюсь на скамейку, Майкл стучит по стене, и мы взлетаем.

«Нам нужно отвезти его в больницу», — говорит Джей, с беспокойством глядя на меня.

«Взорвалась бомба, и Зейд был в пределах досягаемости взрыва».

«Какого хрена они взорвали бомбу?» спрашивает Майкл.

«Я думаю, это была одна из бомб самоуничтожения, вживленная специально. чтобы уничтожить все улики и всех, кто находится внутри. Их обычно устанавливают в местах с сверхсекретной информацией на случай проникновения или компрометации».

Я ворчу. «Мы должны проверить, кто пострадал от взрыва и убедиться, что никто из наших не погиб».

Джей кивает, и я переключаю свое внимание на Майкла. «Ты благополучно вытащил девушку?»

«Да», — подтверждает он. «С Руби и на пути к лечению».

Я киваю, часть давления спадает с моих плеч, но не почти достаточно. Как будто

Эмпайр Стейт Билдинг покоится на них, и только пенни упал.

У них все еще есть Адди, и ярость постоянно бурлит подтна поверхности. Я сожгу весь гребаный мир дотла, пока не найду ее и мне плевать, кто сгорит.

* * *

«Известно ли нам что-нибудь о том, кто был причастен к ее похищению?» спрашиваю я, голос напряжен от ярости, выключая видео на моем ноутбуке. Я только что закончил смотреть запись с камер наблюдения, снятую несколькими камерами уличного освещения. Когда ее вытаскивают из машины, вырубают, а потом как ее несут в фургон, меня трясет от ярости.

Джей уже работает над тем, чтобы отследить ее по уличным и охранным камерам, но мне кажется, что этого недостаточно.

Меня продержали в больнице всего несколько часов, и я в нескольких секундах от того, чтобы снова уйти.

К счастью, я не получил серьезных повреждений. Вся моя спина черная и посинела от удара об алтарь, но не было никакого внутреннего кровотечения, как я опасался.

Мне повезло, что я не сломал свою чертову спину, но я был близок к этому.

«Ее фотография была размещена на форуме в темной паутине за день до того, как она была забрали. Плакат, конечно, был анонимным, но в объявлении говорилось, что если кто-нибудь приведет Адди живой, то получит чертовски большую награду».

«Сколько?»

Но мне даже не нужно, чтобы он отвечал. Я уже нашел оригинальное объявление, которое с тех пор было удалено, но ничто не может быть по-настоящему удалено из интернета. Я нажимаю на объявление, и на экране появляется лицо Адди. Красивые необычайно светлые карие глаза, волосы цвета корицы, и легкая россыпь веснушек на носу и щеках.

Мое сердце сжимается при виде ее улыбающегося лица — та же фотография, которая использовалась в качестве ее авторской фотографии возле книжного магазина, и именно та, которая мгновенно привлекла меня к ней. Она до сих пор оказывает на меня такое же влияние, как и тогда.

Прямо под ней жирными красными буквами указан ценник.

Двенадцать миллионов долларов.

Карманная мелочь для тех, кто их раздает, но невероятная сумма для мелкой рыбешки в пруду. Сумма, которую кому-то придется потрудиться чтобы потратить ее за всю свою жизнь.

«Черт», — бормочу я, зажав переносицу между пальцами. А расцветает сильная мигрень, и беспокойство вторгается в мои чувства. Мне хочется вырваться из собственной кожи, если только это означает, что Адди будет ждать меня с другой стороны.

Губы Джея напряжены. «Я знаю, кто ответил на объявление, и кто был ответственен за ее похищение».

Я опускаю руку и бросаю взгляд на свою правую руку, ожидая, когда он бросит пресловутую бомбу. Ужас охватывает меня, и у меня такое чувство может действительно убить меня.

«Макс», — тихо говорит он.

Мои глаза закрываются, и мой контроль, наконец, разрушается, ускользая сквозь мои как песок в песочных часах. Это был лишь вопрос времени, и последняя песчинка уже упала.

Чернильно-черная тьма разъедает каждую клетку моего тела, пока во мне не остается света внутри меня.

Красный цвет поглощает мое зрение, и я прихожу в движение. Мой ноутбук разлетается через всю больничную палату, громкий треск от его удара об оборудование и врезается в стену, поглощенный ревом, вырывающимся из моего горла.

Я неистово конвульсирую от силы пронзительного вопля, сорвавшегося с моих губы, такой долгий и горестный, что он переходит в беззвучный крик. Вдохнув снова вдох, еще один громopodobный крик вырывается из меня, когда я хватаю прикроватный столик и запускаю его следом.

Не глядя, за ней летит капельница, с силой ударяя в окно едва не разбив его от силы, но щипок от иглы, вырванной из моей кожи незаметно.

После этого мой слух пропадает, как будто я нахожусь под водой и все звуки растворяются.

Прилив бьется в меня, затягивая в свои тиски и отправляя меня по спирали вниз, в черную яму отчаяния на дне.

Мои руки хватаются за все большее количество оборудования, и все оно разбивается о кафель, когда страданиетразрывает мою грудь.

Это моя вина.

Это все моя гребаная вина.

Как только я встаю, раздаются приглушенные крики, и я чувствую, как несколько групп рук схватили мое тело и толкнули меня обратно вниз. Я сопротивляюсь их хватке, продолжая реветь, но моя слепота работает против меня.

Ремни обхватывают мои запястья и грудь, приковывая меня к больничной койке кровати.

Но я уже слишком далеко.

Несмотря на судорожные попытки рук удержать меня под ремнями, мои ноги перекидываются через кровать, и я стою, напрягаясь против веса, угрожающей снова повалить меня.

«Господи, Зейд!»

Моя грудь вздымается, а зрение становится нечетким, позволяя мне лишь отрывки моего размытого окружения. Четыре испуганные медсестры и Джей толпятся вокруг меня, глаза расширены, лица бледные, когда я стою перед ними с почти двухсотфунтовой кроватью, пристегнутой к моей спине.

Я...

Я больше не человек — только зверь, поддавшийся первобытному инстинкту. Я уничтожение.

«Сэр, пожалуйста, успокойтесь!» — пронзительно просит одна из медсестер, ее зеленые глаза почти черные от страха. Я задыхаюсь, моя грудь напряжена от недостатка кислорода и ремня, натянутого на груди.

Я не могу, не могу. Она ушла из-за меня.

Как я должен жить с этим?

Я качаю головой, моя энергия неуклонно иссякает. Слова ускользают от меня, и я

спотыкаюсь, пытаюсь выпрямиться.

«Отстегни его», — резко требует Джей, уже нацелившись на тот, что закреплен вокруг моей груди. Он ждет, пока одна из медсестер отстегнет их от моих руки, прежде чем отпустить пряжку. Кровать падает на пол с оглушительным грохотом.

Охранники вбегают в комнату, проскальзывая по загроможденной плитке, когда они видят абсолютную резню.

Джей вцепился мне в лицо и закричал: «Хватит вести себя как долбаный псих и соберись! Разгромив больницу, мы ее не спасем».

Мое зрение проясняется, и обломки становятся видны.

Черт.

Эта ярость все еще присутствует, извергаясь из моих пор, но мне удастся сдерживать ее. Настолько, что это просто пар.

«Какого черта...», — говорит охранник, на его молодом лице написано полное недоверием.

«Он в порядке», — отрывисто произносит медсестра. Это пожилая женщина с короткими светлыми волосами и большими очками в проволочной оправе, которые занимают половину ее лица.

Она подходит ко мне, как крокодил с широко раскрытой пастью, ее рука тверда, когда она хватается мою руку и поднимает ее.

Крошечная дорожка крови течет по моей руке из того места, где была вырвана капельница. из разрыва в коже длиной не более полудюйма.

«Это... это неприятная рана, сэр. Вам лучше присесть, чтобы я мог вас вылечить. пока вы не упали и не умерли там, где стоите», — приказывает она, ее голос суров, когда она указывает мне на перекошенную кровать.

Это всего лишь царапина, и мы оба это знаем, но я все равно сажусь. Я наблюдаю за ней, пока она берет бинт из шкафа и начинает вытирать кровь.

Несколько охранников допрашивают Джея и одну из медсестер, а две другие выбегают из комнаты, красные и дрожащие. Я не могу почувствовать ни капли вины.

Не сейчас, когда в моей груди черная дыра, где когда-то поселилась Адди. поселилась Адди.

«Хочешь поговорить об этом?» — тихо спрашивает она, вытирая кровь куском марли. куском марли.

«Нет», — бормочу я.

«Ну», — говорит она, наклеивая маленький пластырь на мою руку. На нем динозавры, и все, что я могу сделать, это уставиться. Если бы я не чувствовала себя такой пустой, я бы посмеялась над тем, как жалко это выглядит.

«Ты можешь либо рассказать мне, либо полиции. И я знаю, что ты большой, крепкий мужчина — ты из кожи вон лезешь, чтобы доказать это, — и полицейские вероятно, не пугают вас, но я бы предпочел, чтобы вы провели остаток времени в этой больнице, а не прикованным наручниками к кровати».

Я сделал паузу. «Я просто встану снова и выйду с ней».

Она смотрит на меня, а затем усмешка проскальзывает мимо ее розовых губ. «Это справедливо. У тебя разбито сердце?»

Я поднимаю бровь, и хотя ей приходится потрудиться, чтобы сглотнуть, она не сдается. И смягчаю свое лицо и вздыхаю. Сейчас я ценю ее откровенность.

«Можно и так сказать». Я фыркаю, перекаывая руку, чтобы посмотреть на пластырь снова. Это зеленые Ти-Рексы, рты открыты в реверансе. Представляю, как я выглядел не сильно отличалась от них две минуты назад.

«Ее похитили. Похитили».

Медсестра задыхается, тихо и мягко, но это похоже на крик, когда я так пустота.

«Это моя вина. Я не.». Я запнулась, решив, что лучше не говорить ей, что я не убивал человека, которого должен был убить давным-давно. «Мне нужно вернуть ее».

Она выдохнула и выпрямилась. «Я прослежу, чтобы никаких обвинений чтобы ты мог спасти ее». Она указывает на пластырь. «Может быть, никаких больше опасных для жизни травм, да?»

Я одариваю ее натянутой улыбкой и заверяю: «Я оплачу ущерб».

«Буду признательна», — говорит она.

Я киваю и обращаю свое внимание на землю. Белая плитка расплывается, когда я чувствую ее присутствие уходит, заменяясь присутствием Джея.

«Я знаю, где он», — бормочет он.

Я поднимаю на него взгляд, в моих глазах — убийство. Он поджимает губы, зная, что я не собираюсь успокоиться.

«Дай своему телу исцелиться, парень. Иначе ты будешь бесполезен. Мы поймаем его и найдем, куда они забрали ее, как только ты перестанешь быть сломленным. Ты можешь двигаться сейчас, но следующие несколько дней будут тяжелыми, особенно сейчас. когда ты ходишь с большой кроватью на спине. Твоей очень травмированной спине, могу добавить».

«Чем дольше я жду, тем больше вероятность, что она исчезнет. Страдает и с ней производят невообразимые вещи», — утверждаю я сквозь стиснутые зубы. Мышцы в моей челюсти почти прорвали мою плоть от того, как сильно я скрежещу ими.

Он наклоняется и кладет руки мне на плечи, опускает подбородок, пока пока не поймает мой взгляд. Я смотрю на него, желая вернуться к тому, чтобы не иметь возможности ничего не слышать и не видеть.

Джей глупо храбрится и не отступает.

«Я обещаю тебе, парень, я поручу команде искать ее. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы приблизить нас к ней». Интенсивность в его словах и пристальный взгляд ослабляют мое беспокойство настолько, насколько это возможно, а это микроскопическая величина.

Я никогда не смогу расслабиться, не буду чувствовать, как мои внутренности скручиваются в узлы и паника грызет мое сердце, пока не останется ничего.

Я знаю, что мое тело сдастся, но ничто — я имею в виду, ничто не помешает мне найти ее.

Сжав кулаки, я киваю. У меня нет планов оставаться в этой больнице. Остаться неподвижным. Но споры сейчас ничего не изменят.

Мне нужен отдых. Много. Потому что как только я открою глаза, я не закрою их, пока голова Макса не окажется в моих руках.

* * *

«Ты не можешь просто так ломиться в дверь, Зейд».

«Ни хрена я не могу», — рываю я, злобно глядя на Джея, который тщательно красит

свои ногти баклажаново-фиолетовым цветом, сидя на сиденье рядом с моей больничной койкой.

Уже пятый день, а я весь зеленый от беспокойства и разочарования. И предпринял пять попыток побега в течение первых двух дней, но они продолжали вырубать мне задницу наркотиками до такой степени, что я полностью потерял время. Я перестал сбегать, потому что лучше быть полупользным за компьютером, чем быть мертвым для мира и вообще ничего не делать.

Единственной другой причиной, по которой я сдался, было то, что я был физически неспособен даже сжать свои задницы без того, чтобы мое зрение не потемнело от боли.

Может, я и не получил никаких опасных для жизни травм, но мое тело точно ведет себя так, как будто так и было.

Джей тихо ругается под нос, когда на его кожу попадает пятнышко лака для ногтей. и высунул язык, тщательно вытирая краску.

Мой новый компьютер стоит у меня на коленях, камера показывает Макса и близнецы, Лэндон и Люк, отдыхают в его офисе, пьют дорогой скотч и, вероятно, смеются над большим депозитом, который только что поступил на его банковский счет.

Двенадцать миллионов долларов. Цена за похищение Адди.

«Ты же знаешь, что он не сам это сделал», — напоминает мне Джей, а затем поднимает вверх руки, чтобы полюбоваться своей работой.

Я вздыхаю, вены на моих руках вздуваются, когда я крепко сжимаю их.

«Я знаю», — рыдаю я.

Макс и близнецы были в клубе, когда похитили Адди. Что значит, он знал, где ее найти, и нанял грубиянов для работы. И это значит, что тот, кого он нанял, наверняка получит долю от его.

Такая работа не может быть без высокой цены, и хотя у Макса есть деньги, но не так много. По крайней мере, до сегодняшнего дня.

Теперь мы ждем, когда он переведет любую сумму наличными тем лакеям, которым он ее обещал. Тогда мы сможем проследить денежный след и подтвердить их личности на основе информации о счетах.

Если нам повезет, Макс окажется таким же тупым, как и выглядит, и не спрячет свои следы достаточно хорошо.

Джей займется этой частью, а я займусь Максом.

Я могу послать еще одного наемника, чтобы выбить из него информацию, но этот метод будет намного быстрее, и я не позволю никому прикасаться к нему кроме меня.

Только я покажу Макс, что такое настоящая боль. Но даже тогда он почувствует лишь малую часть того, что чувствую я без Адди.

Я сворачиваю шею и стону, когда она трескается. Когда я опускаю взгляд, тревога приходит оповещение.

Три миллиона долларов только что были переведены на оффшорный счет.

Мне требуется две секунды, чтобы найти имя, связанное с ним Рик Бореман.

Через камеру Макс откладывает телефон, а затем аплодирует, звеня своим стаканом с виски вместе с близнецами.

Я смотрю на Джея, закатывая глаза, пока он тихонько дует на свои мокрые ногти.

Он сотрет краску за две секунды с таким количеством печатания. поэтому цвета меняются каждые пару дней. Он кусает ногти, и лак помогает держать эту привычку в узде,

хотя он практически бесполезен в последние пять дней.

Как бы он ни старался вести себя спокойно, отсутствие Адди не дает ему покоя и беспокойство. Он видел ее только через экран компьютера, но ему не нужно знать ее, чтобы понять, что она не заслуживает этого, и если она умрет... мир умрет вместе с ней.

А пока я начну с Макса.

«Я могу спасти тебя».

Что-то встряхнуло меня, посылая новые волны боли, пронизывающие мое сознание.

«Проснись, я могу спасти тебя».

Голос проникает в глубокий туман, клубящийся в моем мозгу. Чернота окружает меня, и кажется, что я парю в беззвездной галактике, но ледяной ледяной холод пробирается по всему моему телу. Предупреждая меня о чем-то опасном.

На мою руку ложится рука, и она снова грубо толкает меня. «Осталось не так много времени. Мне нужно, чтобы ты проснулась. Я помогу тебе».

Сквозь бесконечную тьму пробивается луч света. Я фокусируюсь на свет, и пока кто-то продолжает трясти мое тело, трещина расширяется, пока ослепительный свет проникает в мои глаза.

Я стону, ясность начинает проясняться. Крепкая хватка на моей руке усиливается, и голос, пробуждающий меня ото сна, усиливается.

Меня снова трясут, и от резкого движения я наконец просыпаюсь.

Я открываю глаза, и по причинам, в которых я еще не уверен, мое сердце вырывается из груди, ударяясь о грудную клетку с такой же силой, как и у того человека, который меня тряс.

Старое, морщинистое лицо и тусклые голубые глаза находятся в фокусе, всего в нескольких дюймов от моих. Я отступаю назад, моргая на него в панике и растерянности.

«Что происходит?» задыхаюсь я.

Через несколько секунд реальность рушится, и я вспоминаю, почему я здесь. здесь. С кем я здесь.

Я попала в аварию. Сбежала с дороги. А потом меня похитили и привезли к врачу, который явно практикует нелегально.

Доктор Гаррисон.

Человек, который сейчас стоит передо мной и пристально смотрит на меня.

«Я собираюсь помочь вам. Пожалуйста, вставайте».

Холод, пронизывающий до костей, усиливается, когда он хватает меня за руку и тянет вперед.

Я вскрикиваю в ответ, боль в моем теле становится все сильнее. Такое ощущение, что раскаленная кочерга вонзается в каждое мое нервное окончание.

«Я знаю, что это больно, милая, но нам нужно спешить, пока Рио не вернулся».

Он снова осторожно прижимает меня к себе, и тут я замечаю, что капельница была удалена из моей руки.

Я сопротивляюсь и, пытаясь потянуть время, спрашиваю: «Как долго я была в отключке?».

«Только на ночь, милая. А теперь вставай, пожалуйста».

Не оставляя мне другого выбора, он помогает мне подняться, торопит меня вперед, стараясь при этом обращаться со мной осторожно.

«Куда мы идем?»

Я почти в бешенстве, и путаница мутит мои мысли.

В основном, я не могу понять, какого черта он мне помогает. Разве он не замешан в этом, тоже?

И тут он смотрит на меня, на его лице появляется безумная улыбка.

«Я отвезу тебя в безопасное место. Никто никогда не найдет тебя, я обещаю».

В моем горле образуется камень, и я пытаюсь сглотнуть, так как моя ситуация становится более очевидной.

Никто никогда не найдет тебя.

Он может спасти меня от Рио и Рика, но это не значит, что мне не понадобится не нужно будет спасать и от него.

«Зачем ты это делаешь?» Я дышу, мои глаза прыгают по комнате, ища решение, которое поможет мне выбраться из этой очень большой проблемы. Есть только один выход, который я вижу, и он ведет меня прямо к нему.

Насколько я знаю, он собирается запереть меня в коробке и кормить через отверстие славы. Этот образ так сильно меня расстраивает, что я думаю, что лучше бы я рискнула рискнуть с Рио и Риком.

«Я стал врачом, потому что мне нравится заботиться о людях. Но больницы никогда не позволяли мне заботиться о пациентах так, как я хотел».

Мое сердце падает, и он смотрит на меня смиренно, как маленький мальчик, признающийся в своей влюбленности в самую красивую девочку в начальной школе.

Его гладкая, холодная рука скользит в мою и держит ее так, словно он собирается опуститься на одно колено и попросить меня выйти за него замуж. «Я хочу заботиться о тебе, милая. Я буду обращаться с тобой лучше, чем эти люди. Я обещаю, что буду добр к тебе».

Мой рот открывается, но из него не вырывается ни звука.

Какого хрена он ждет от меня в ответ?

Да, пожалуйста, увези меня в свое жуткое логово. Ничто не сделает меня счастливее.

Я хочу, чтобы он отпустил меня домой. А не в объятия очередного гада, который который поймает меня в ловушку на всю оставшуюся жизнь.

Сделав шаг назад, я осторожно вырываю свою руку из его хватки. Его лицо опускается, и в его бледно-голубых глазах вспыхивает боль, когда он смотрит, как мои пальцы выскользывают из его рук.

Он ведет себя так, словно он действительно встал на одно колено, а я только что отвергла его предложение.

«Я... я не уверен, что это хорошая идея. Они поймут, что это был ты», — говорю я, пытаюсь образумить его.

Я не хочу отвергать его наотрез. Его психическое состояние кажется в лучшем случае нездоровым, и я понятия не имею, на что этот человек действительно способен.

Он качает головой, довольно сердито сжимает мою руку и дергает меня. Я сдерживаю очередной крик, пока он нетерпеливо объясняет: «Нет, если мы поторопимся. У меня есть план; мне просто нужно, чтобы ты пошла со мной».

Когда он продолжает тащить меня за собой, мои инстинкты борьбы и бегства. К черту боль, я выдергиваю руку из его хватки и отступаю назад.

«Нет, я не хочу идти с тобой», — огрызаюсь я.

Его лицо превращается в рычащего демона, а холод, излучаемый от него, кристаллизуется. Этот человек мертв изнутри. Он не более чем ледяная, разлагающаяся

гробница.

Я чувствую вспышку боли, пронзившую мою щеку, прежде чем замечаю, что он движение. Моя голова мотнулась в сторону, и на лице вспыхнул огонь.

Я задыхаюсь, мой рот открывается, пока я сжимаю свою больную щеку, чувствуя, как что-то мокрое покрывает мои пальцы. Отдернув руку, я обнаруживаю несколько капель крови на моей коже. Он ударил меня сзади, надев чертово кольцо. А обручальное кольцо.

Коктейль из отвращения и ярости бурлит в моем желудке, но я держу рот на замке. Это очень опасная ситуация, и у меня больше нет возможности роскошь делать или говорить все, что, черт возьми, я хочу, без серьезных последствий. И как бы мне ни хотелось наброситься на этого старого пердуна, я едва могу двигаться.

Черт, Адди. Подумай.

Он тяжело дышит, ярость видна на его румянном лице. Это как смотреть в глаза трупа, оживленного только злом внутри него.

«Я буду обращаться с тобой как с королевой. Ты ни в чем не будешь нуждаться», — прошипел он с яростью, гневно рассекая рукой воздух на последнем слове.

Я киваю головой. «Хорошо», — мягко успокаиваю я. «Но ты пугаешь меня так же, как и они».

Его позвоночник выпрямляется, и я наблюдаю, как ярость вытекает из его взгляда, как будто только что до него дошло, что он ведет себя как проклятый сумасшедший. Так быстро его лицо переходит от истерики к овечьему пониманию.

«Вы правы, мне очень жаль», — говорит он, делая шаг вперед. «Я просто... если я хочу вытащить тебя безопасно, нам нужно поторопиться, а ты не сотрудничаешь».

Я напрягаюсь, но не отступаю, когда он хватает меня за руки в извиняющимся тоном.

«Прости, что дал тебе пощечину, дорогая. Я просто пытаюсь помочь тебе. Пожалуйста, пойдем со мной. Я обещаю, что со мной ты будешь счастлива».

Паника и адреналин усиливаются до опасного уровня, заставляя мое сердце больно ударяться о грудную клетку. Трудно, блядь, думать, когда он смотрит на меня с таким нетерпением, а все мое тело словно проталкивают через гребаную мясорубку.

Но это может стать прекрасной возможностью сбежать, если я правильно разыграю свои карты.

Мне нужно выбраться с минимальным шумом, чтобы не насторожить террористов близнецов, что оставляет мне два варианта. Ударить этого клоуна по голове и бежать или позволить ему забрать меня и найти другой выход. Независимо от этого, я не останусь здесь.

«Хорошо», — шепчу я, хрипло вдыхая воздух через сжатые легкие.

Когда он видит, что я заметно расслабилась, он быстро берет с меня пример, победа искрится в его ледяных глазах. Снова схватив меня за руку, он подталкивает меня к двери над которой мерцает красный знак выхода.

Я оглядываюсь вокруг, дрожа от холода и пустоты комнаты.

Все здесь серое и разбавленное, а светильники, жужжащие над головой, изъедены пылью и тушками насекомых. Здесь нет ничего, что давало бы этому месту... жизнь.

Господи, как он здесь действует? Похоже, что мы находимся в морге, а не а не в больничной палате. Я бы не хотел умереть здесь, хотя, похоже, многие уже умерли.

Здесь воняет стерильной смертью.

Мы проходим мимо стола, заваленного инструментами, некоторые из них острые. Если я проткну ему яремную вену, он не сможет закричать и умрет в течение минуты. Тогда я

смогу убежать. Я понятия не имею, что, блядь, я собираюсь делать, когда выберусь отсюда, но, надеюсь, где-нибудь я смогу найти помощь.

Одним быстрым взглядом я замечаю, что его взгляд устремлен прямо вперед, он намерен выполнить свою миссию забрать меня себе. Я хватаю скальпель с металлического стола, но он слышит мое приближение и поворачивается прямо, когда я собираюсь вонзить нож в его шею и вместо этого разрезает его затылок.

Кровь брызжет мне на лицо, и я отворачиваюсь, пытаюсь не попасть чтобы кровь не попала мне в глаза.

Он громко кричит, поворачивается и наносит мне еще один удар сзади, посылая меня рухнуть на немилосердную землю.

Я неловко приземляюсь на копчик и вскрикиваю от удара. Агония пронзает мой позвоночник, перехватывая дыхание, и он оказывается на мне прежде, чем я.

«Ты сука!» — кричит он, его руки обхватывают мою шею и грубо ударяет меня головой о бетон.

В моих глазах вспыхивают звезды, не позволяя мне ничего видеть в течение нескольких секунд. Ощущение как будто затылок раскололи, но руки, сжимающие горло, выводят меня из ямы агонии.

Паника берет верх, она настолько сильна, что кажется ядом в моих венах. Я впиваюсь когтями в его руки, оставляя на них кровавые царапины, но они не отпугивают его.

Лицо Гаррисона искажено яростью, зрачки расширены до черноты. почти черные, а зубы обнажены, каждый желтый, кривой зуб выставлен напоказ.

Я бьюсь и сопротивляюсь, но его хватка не ослабевает. И тогда моя жизнь промелькнула перед глазами, как старая киноплёнка.

Моя мать, одаривающая меня одной из своих редких улыбок, когда я говорю что-то смешное. Мой отец, развалившийся в кресле и кричащий на футболистов по телевизору — самое большое волнение, которое он когда-либо проявлял за всю свою жизнь.

Дайя, откинув голову назад и громко смеясь над чем-то, что я сказал или сделала, демонстрируя крошечную щель между передними зубами. То, что она всегда ненавидела, а я всегда любила.

А потом Зейд. Этот гребаный разрушительный шар мужчины, который пробудил во мне такой огонь, что я рассыпаюсь под ним, как пепел. И все же, он заставил меня почувствовать себя такой сильной. Такой храброй.

Он заставил меня почувствовать себя чертовски любимой и ценной.

Прямо как бриллиант.

Хотя, Зейд никогда бы не назвал меня такой банальной и обычной, как алмаз. Он бы назвал меня редчайшей драгоценностью на земле.

Я должна была сказать ему, что я...

Как только темнота застилает мое зрение, остается только точка света, его руки ослабевают, и что-то влажное и теплое заливает мое лицо.

Инстинктивно я открываю рот, отчаянно задыхаясь в поисках кислорода, когда мои легкие расширяются.

Привкус меди проникает на мой язык, и я втягиваю воздух так глубоко, что мои глаза вываливаются из головы. Проходит несколько мгновений, прежде чем я осознаю, что только половина головы доктора Гаррисона висит надо мной, за секунду до того, как его тело как его тело опрокидывается на мое.

Смесь кашля и булькающего крика борется за господство над мое горло. Мои глаза невероятно расширяются, когда искореженное месиво доктора голова доктора лежит на моем плече, багровая лужа просачивается в мой халат. Я чуть не конвульсирую от приступа кашля, который все еще захватывает мое горло, и от вихря эмоций от того, что я застрял под трупом, а кровь капает мне в рот.

Больше его мозгового вещества на мне, чем в его голове. Или то, что от нее осталось.

«Хватит пугаться, ты в порядке». Рио появляется надо мной, смотрит вниз на меня с раздражением и оттенком гнева.

«Привыкай к виду мертвых тел, принцесса. Ты увидишь много их там, куда ты направляешься».

Ухватившись за воротник доктора Гаррисона, он поднимает его и подвешивает его над моим лицом. Тут же на меня выливается еще больше телесной жидкости и мозгового вещества. Едва успев закрыть глаза, я закрываю лицо, когда Рио смеется и срывает с меня тело, оттаскивая его в угол комнаты.

Наконец, давление ослабеваает, и я могу дышать без кашля, но тут с моих губ срывается слабый хнык.

Мое тело сворачивается в тугий клубок, я стараюсь не думать о том, что кровь у меня во рту и в то же время не думать ни о чем другом.

Я задыхаюсь, мой желудок бурлит от этой мысли.

Что-то твердое резко толкает меня в плечо, останавливая рвотные позывы. Я поднимаю голову, чтобы увидеть ботинок Рио, а затем продолжаю плевать на него, чистый красный цвет брызги на черной коже.

Два зайца одним выстрелом — трахнуть тебя и попытаться избавить мой рот от крови доктора Гаррисона. Рио, похоже, это не беспокоит.

«С тобой все будет в порядке. Этот чувак пытался похитить тебя».

«Так же, как и ты. Значит, ты хочешь сказать, что заслуживаешь такой же участи, да?» Шиплю я, мое тело начинает впадать в шок. Я сильно дрожу, и онемение ползет по моим рукам и ногам.

Оставайся спокойной, Адди.

Дыши.

Просто дыши.

Рио смеется, а я закрываю глаза и стараюсь не сойти с ума.

Его присутствие приближается ко мне. Я знаю, что он присел и нависает надо мной. Теплое дыхание обдувает мое ухо, пока он продолжает хихикать.

«У тебя умный рот, но в этом мире он не такой уж умный. Мой совет? Сбавь обороты, пока единственное слово, которое ты в состоянии произнести — это „да“, сэр. Так ты продержишься гораздо дольше».

Слеза капает из моего глаза, и я чувствую зачатки всхлипа, формирующегося в основании моего горла.

«Разве не этого я хотел бы? Долго не протянуть? Лучше, чем страдать вечно, верно?»

Он тоскливо вздыхает. «Ты права. Ты все равно умрешь здесь. И думаю, дело не в том, как долго ты продержишься, а скорее в том, как будет больно, когда когда все закончится».

Мои губы дрожат. Он снова вздыхает, и разочарование снова просачивается в его тон.

«Давай, вставай. Нам нужно двигаться». Он встает и отходит на несколько футов, оглядываясь на меня. Ожидая, что я последую за ним.

Ошеломленный, я умудряюсь сесть. Боль снова начинает поселяться в моих костях, снова давая о себе знать.

«Могу я сначала хотя бы принять душ?»

Рио окидывает взглядом мое багровое тело и ухмыляется. «Конечно, принцесса. Ты можешь принять душ. Но ты не можешь намочить швы на спине, так что, похоже, тебе понадобится моя помощь».

Бля, Глаза, сверлящие мою задницу, были более терпимы, чем быть покрытым внутренности мертвеца. Я стояла к нему спиной, пока струйки крови стекали с моей кожи. Меня чуть не стошнило, когда я увидел куски и фрагменты костей. в стоке.

В основном я держался подальше от воды и использовал свежую тряпку и кусок мыла, чтобы вымыться... Рио указал мне места, которые нужно избегать на спине, но не трогал меня, и за это я поблагодарила Дьяволицу свыше.

Самое сложное было намылить и прополоскать волосы, не наклоняясь слишком далеко. не наклоняясь слишком сильно и не открывая ему вид на то, что он назвал «производителем денег».

Чертов мудака.

Душ находился в маленькой причудливой квартирке на верхнем уровне здания намного лучше, чем импровизированная больничная палата внизу, но все равно не лучше. лучше, чем дешевая квартира в Нью-Йорке.

Полагаю, здесь спал доктор Гаррисон, когда не оперировал людей. привезенных от торговцев людьми. Он носил обручальное кольцо, хотя я не видел никаких свидетельств того, что с ним жила женщина.

Боже, надеюсь, она не прикована где-нибудь.

Теперь я снова на заднем сиденье фургона с темным мешком на голове, мокрый и дрожащий в своих узах, как старый мотор. Этот ублюдок не упомянул, что нет чистых полотенец, и получил удовольствие, наблюдая за тем. как я вытираюсь больничным халатом. Еще больше, когда я попытался обернуть обернуть его вокруг своих волос.

Он не позволил мне надеть его, заявив, что мои волосы слишком красивы, чтобы собирать их в пучок в но на самом деле, я думаю, ему просто нравится быть мудаком.

Щелчок от моих стучащих зубов поглощается тяжелым роком. музыка, льющаяся из динамиков. Мои густые волосы все еще мокрые, а отопление включена на малую мощность — этого недостаточно, чтобы согреть меня. Если бы не отсутствие телодвижений и левитации, могло бы показаться, что я нахожусь в середине экзорцизма от того, как сильно я дрожу.

Кажется, что так оно и есть. Все болит так чертовски сильно, и с каждым дрожью, боль усиливается.

Я никогда не была так несчастна в своей гребаной жизни.

«Не волнуйся, бриллиант. Мы почти добрались до твоего нового дома», — напевает Рик, звук скрежещет по моим и без того истертым нервам. «Франческа полюбит тебя».

Зловещий тон в его голосе еще больше напрягает мое тело. Что-то в том в том, как он это сказал, заставляет меня чувствовать, что мне стоит бояться ее больше, чем любого мужчины, который встречается на моем пути.

«Кто она?»

Он замолкает на мгновение, но отвечает не Рик. «Единственный человек на которого ты больше всего хочешь произвести впечатление», — говорит Рио, его голос серьезен.

«Почему?»

«Потому что она определит, насколько несчастной будет твоя жизнь, пока тебя не продадут».

Моя голова опускается, и я зажимаю глаза. Прошло всего шесть дней, а я уже чувствую себя побежденной. Меня не было такое незначительное количество времени, а мой дух уже распадается.

Я делаю глубокий вдох и выдыхаю его, медленно и ровно.

Я не собираюсь сдаваться. Я знаю всеми фибрами своего существа, что Зейд сделает все, что в его силах, чтобы найти меня. Но я не собираюсь сидеть и ждать. Я встречу его на полпути, если смогу.

Так что, если победа над Франческой — это то, что мне нужно сделать, то я сделаю это.

Я всегда была глупо храбра — до такой степени, что был скорее глупая, чем храбрая. Я не собираюсь останавливаться сейчас.

Глава 5

Бриллиант

В какой-то момент жизни все мы боимся умереть. Для некоторых это происходит в первый момент, когда мы полностью понимаем, что такое смерть, — до того, как появляется депрессия, тревоги и других психических расстройств.

Для других это происходит до того, как они нашли что-то, во что можно верить — будь это Бог или что-то другое, духовное.

А есть и те, кто барахтается в жизни, с ужасом ожидая того дня когда они сделают свой последний вздох. Я думаю, что некоторые боятся не столько самой смерти скорее того, как они умрут.

Итак, как я умру?

Будет ли это больно? Буду ли я страдать? Буду ли я в ужасе?

Джиджи чувствовала все это, когда ее убил человек, которому она доверяла и, вероятно, глубоко заботился о ней.

Когда у нее начался роман с ее преследователем, Роналдо, это не только разрушило ее брак, но и лишило ее жизни. Только не ее преследователь или мужем, как можно было бы ожидать, а лучшим другом ее мужа, Фрэнком Зейнбургом.

Долгое время я была уверена, что меня ждет такая же смерть от рук моего собственного преследователя. Но вместо этого я поддалась его мрачным подозрениям и обнаружила, что люблю его.

Я так старалась убежать от него, а теперь все, чего я хочу, — это бежать к нему.

Всю оставшуюся часть поездки на машине я молчала. По крайней мере, словесно — мои зубы болтала всю дорогу, и в конце концов один из мужчин рассердился и прибавил жару.

Проходит неощутимое количество времени, прежде чем мы останавливаемся, и ужас поселился глубоко в моем нутре. Я напрягаю позвоночник и жду, пока оба мужчины выйдут из фургона, двери захлопываются одновременно.

Затем дверь слева от меня открывается, впуская ледяной ветер. Грубая, мозолистая рука обхватывает мою руку и тянет. Такое ощущение, что Мрачный Жнец держит меня, провожая на смерть.

«Ой», — кричу я, на грани крика от того, как больно двигаться.

Он игнорирует меня и кричит: «Поехали».

Это голос Рика.

Его хватка на моей руке излишне крепкая, когда он вытаскивает меня из машины. Как будто женщина, которая только что попала в аварию и вся в травмах, может одолеть его и сбежать от него.

Я даже не знаю, где мы, черт возьми, находимся.

Дует порыв ледяного ветра, посылая очередную волну мурашек по моему телу. Мои зубы снова начинают стучать, холод становится почти невыносимым.

Черный мешок срывается с моей головы, и я вздрагиваю от резкого света. На улице тоскливо, но поскольку я не видела дневного света довольно долго, это сделало мои глаза чувствительными.

Прищурившись, мой взгляд сразу же перескакивает на чудовище, возвышающееся передо мной.

Рик протягивает руку в сторону двухэтажного колониального дома, представляя дом мне, как будто я нахожусь в пятизвездочном ресторане, и он снимает крышку с моего подноса, чтобы показать лучшее блюдо, которое я когда-либо ела. Я никогда не была в таком фантастическом месте, но из видео, которые я видел в интернете, это выглядит как кучадетских порций пены и палочек, завернутых в мясо.

Не привлекательно.

Дом не такой запущенный, как я думал, но все же не в лучшем состоянии. По потрескавшейся белой обшивке бегут лианы мха, немного напоминая мне поместье Парсонс. Только не такой... красивый. Оно обесцвечено с заколоченными окнами, покосившимся крыльцом и — это скотч?

«Выглядит... привлекательно», — пробормотал я.

Оглядевшись вокруг, я замечаю, что мы находимся в глуши, окруженные густым лесом. Выглядит так, будто они просто поставили случайный дом посреди леса. Грунтовая дорога ведет через чащу деревьев, и я подозреваю, что это единственный способ войти или выйти. Если только я не хочу рискнуть в дикой природе.

«Пошли, чертовски холодно», — приказывает Рик, увлекая меня за собой. Рио идет впереди нас, оглядываясь через плечо, прежде чем он ведет меня в дом прямо из фильма «Отважный трусливый пес». Только в два раза больше.

Но я представляю, что дерьмо, которое происходит в этом доме, полно ужасов гораздо хуже, чем тот фиолетовый пес когда-либо испытывал.

Адреналин и страх бурлят в моем желудке, и хотя в моем нутре тяжесть, это не то теплое пьянящее чувство, к которому я привык. Это ужас.

Он усиливается, когда Рик втаскивает меня в подъезд и толкает вперед. Хотя воздух здесь спертый и затхлый, он не похож на лабораторию по производству метамфетамина, как я ожидала.

Этот дом выглядит так, будто он родом из 1800-х годов, с обилием деревянных конструкций, устаревших обоев и странных уголков, в которых нет никакого смысла. Я стою в огромной гостиной с коричневыми, потрескавшимися кожаными диванами, нитяными цветочными коврами и кривыми картинами на стенах. Телевизор задвинут в угол, на нем негромко играет «Том и Джерри», а над ним висит поникшая паутина.

В трещинах застыла грязь, а все поверхности покрыты пылью. На темно-коричневый паркетный пол расшатан и неровен и скрипит от малейшего перемещения веса. Я представляю, если бы здесь водились привидения, как в поместье Парсонс.

Поместье Парсонса, ни один призрак не смог бы пройти здесь незамеченным. Слева — столовая, повсюду атрибутика. Раздавленные пивные банки, шприцы, трубки от крэка, на столе круглое зеркало, на нем небольшая куча кокаина.

Я нерешительно иду дальше в дом, яма ужаса становится все шире и шире, как пасть акулы перед тем, как она набросится на свою добычу.

Здесь трудно дышать. Слабо пахнет плесенью, и весь дом окутан плохим джуджу, как шерстяное пальто. Он толстый, неудобный, и удушающий.

«Добро пожаловать в твой новый дом», — насмешливо заявляет Рио. Он наблюдал, как я вхожу в дом, и хотя прошло всего несколько секунд, я уже давно почувствовала себя неловко под тяжестью его взгляда.

Прежде чем я успеваю открыть рот, трое мужчин входят через дверь прямо вперед. Судя по мелькнувшему холодильнику, он ведет на кухню. с моей точки зрения. Буйные мужчины

были на середине смеха, но как только они заметили меня, они затихли. Их движения медленны, когда они приближаются к кухонному столу, больше стремясь разделить меня на части, чем смотреть, куда они идут.

«Это бриллиант?» — окликает один из мужчин, его зубы настолько черные, что кажется, будто в его рот забрались жуки.

Рик подходит к столу и драматично садится на место, гордость излучает от его лица.

Широко улыбаясь, он говорит: «Вы, блядь, знаете, что это так! Макс уже внес чек, так что мы можем делать все, что захотим, парни».

Они аплодируют, а выражение лица Рио становится почти убийственным.

«Чертовы идиоты», — бормочет он себе под нос. Затем громче, он напоминает ему: «Нет, ты не можешь делать все, что хочешь, Ступидо, потому что у тебя есть большая гребаная мишень на твоей голове в форме буквы Z».

Рик беззаботно машет рукой. «Не волнуйся, Рио. Мы будем прятаться, пока этот ублюдок не сдохнет, а потом мы сможем делать все, что захотим. Эта зарплата охренительно большая, и не только это — мы попробуем и ее тоже».

Я сжимаюсь под их развратными взглядами. Инстинктивно, мои руки крепче обхватывают вокруг себя, но это вызывает лишь несколько смешливых возгласов.

«О, не стесняйся, малышка. Я обещаю, что сделаю тебе приятно», — кричит один из них, его черные волосы торчат в разные стороны от обилия количества жира в них. Я сглатываю, в горле образуется комок, когда мой взгляд фиксируется на темно-красной луже на столе, которую я раньше не замечала.

Я даже не могу представить, от чего это может быть.

«Что, принцесса, мы недостаточно хороши для тебя?» спрашивает Рио. Я смотрю на него замечая ухмылку на его лице. Но он напряжен, его ухмылка натянута.

Я даже не обращаю на него внимания; мои глаза снова устремлены на лужу крови.

Отслеживая мою линию взгляда, Рио поворачивается, чтобы посмотреть, на что я смотрю. Он раздражается смеется, когда видит это.

«Хочешь сделать ставку на то, от кого это?» Мое лицо искажается в отвращении, когда я бросаю на него взгляд.

«Я ставлю на то, что какая-то сучка потеряла девственность прямо здесь», — говорит Рик, прикуривая сигарету с ухмылкой.

Я вздрагиваю, и гнев поднимается в моей груди. «Ты больной», — выплевываю я, мой голос водянистый и полный такой ненависти. Рик только смеется и возвращается к разговору между своими друзьями. Я смотрю, как один из них делает себе укол, когда чувствую, как кто-то заходит в дом позади меня. Я вздрагиваю и поворачиваюсь, чтобы увидеть другого мужчину, и чуть не теряю голову.

У него через плечо перекинута девушка.

У меня открывается рот, и его карие глаза останавливаются на мне.

«У тебя проблемы?» — рывкает он.

Я вздрагиваю, паника нарастает, когда безжизненные конечности девушки качаются позади него. Я понятия не имею, жива она или мертва. Я бы надеялся, что этот человек не стал бы тащить в дом мертвую девушку, но, опять же, эти мудаки были бы из тех, кто сделать что-то подобное.

Я качаю головой, теряя дар речи, пока он идет ко мне. От него воняет телом. но этого и следовало ожидать, когда он выглядит так, будто купается в моторном масле.

Я никогда не умела контролировать свой рот, но в доме, полном бешеных мужчин, последнее, что я хочу сделать, это испытать свою удачу. Поэтому я молчу, даже когда он смотрит на меня.

«Если ты будешь держать свой рот открытым, не удивляйся, когда кто-нибудь засунет в него свой член».

Мои глаза округляются, и я стискиваю зубы. Мужчина хихикает от слышимый щелчок.

Мое сердце набирает скорость, и я делаю несколько шагов назад. Страх прокачивается по моим венам, оседая в желудке и разъедая мои внутренности, как кислота.

«Джерри, ее комната готова. На этот раз дополнительные гребаные цепи», — зовет один из мужчин., указывая на девушку.

Мои глаза расширяются до невозможности. Она сбежала или что? У меня так много вопросов, но я знаю, что лучше не задавать их. Я с облегчением что она, по крайней мере, не мертва. Иначе приковывать труп было бы...

Я содрогаюсь от этой мысли.

Мужчина — или Джерри — пересаживает девушку на плечо и уходит, не сказав ни слова., бросив напоследок язвительный взгляд в мою сторону.

Зажав нижнюю губу между зубами, я сильно кусаю ее, наблюдая, как он направляется в сторону кухни. Ему повезло, что я не лаю на него, как собака, как я соблазняюсь. сделать это. Что угодно, лишь бы заставить этого придурка дважды подумать, прежде чем так на меня смотреть.

Но это было бы глупо, а я не могу быть глупой в этом месте.

Последнее, что я вижу перед тем, как он исчезает, это то, как девушка поднимает голову.

Темно-карие глаза встречаются с моими сквозь спутанные локоны светлых волос, наполненные огнем и льдом. От взгляда на ее лицо мое сердце замирает, но жуткая улыбка на ее лице — это то, что отправляет его вниз, в яму моего желудка.

Господи, выражение ее лица прямо из кошмара.

Мой рот снова открывается, но он исчезает прежде, чем я успеваю осознать, что только что произошло. Я боюсь за нее и за себя в равной степени.

«Не волнуйся. Если ты будешь хорошей маленькой девочкой и будешь делать то, что тебе говорят, мы будем держать тебя в сознании с этого момента», — говорит Рио, возвращая мое внимание к себе.

Я не уверена, что хочу быть в сознании.

Более того, я в двух секундах от того, чтобы сказать ему, что девочку нужно поместить в психушку. Но я не говорю этого вслух, учитывая, что мы находимся в гребаной психушке. Он кивает головой в сторону, куда исчезли Джерри и девочка.

«Пойдемте. Франческа и Рокко должны вернуться через несколько часов, и она придет встретить тебя. Но до тех пор, мне приказано проводить тебя в твою новую комнату». Я оглядываюсь назад, смотрю на все еще широко распахнутую дверь и на блестящий черный фургон. Я нахмурила брови, ожидая, что он будет поврежден, когда они сбили меня с дороги. меня с дороги. Вместо этого он совершенно новый, ни единой царапины. Они должно быть, поменяли его у доктора Гаррисона, и от этого у меня сводит живот.

Я достаточно знаю об отслеживании, чтобы Зейд мог невероятно легко чтобы Зейд нашел их в машине с помятым крылом.

Но потом на моем лице появляется улыбка от напоминания, что Зейд придет, и он более

чем способен найти меня, перевозили ли они меня на гребаном Феррари или на Фольксвагене 1980-х годов, который пердит загрязнениями каждый раз. когда они нажимают на газ. Он найдет меня.

В этот момент воспоминание обходит меня стороной, и моя улыбка падает до драматической смерти, когда ужас берет верх.

Просто посади ее в фургон, Рио. Макс уже будет злиться, что мы испортили его фургон...

Мои глаза широко раскрываются, и когда я снова оборачиваюсь, Рио смотрит на меня темными глазами, напряженный и готовый броситься на меня. Мой взгляд скользит вниз, отмечая пистолет в его руке.

Вероятно, он решил, что я собираюсь бежать.

И я не могу сказать, что я не размышлял об этом, но я не настолько глуп, чтобы думать, что я пройду больше пяти футов без того, чтобы один из них не догнал меня.

Или одна из их пуль.

Я ранена и едва могу стоять прямо, и я понятия не имею, где ключи. Бежать сейчас было бы неразумно. И если бы Зейд был здесь, он бы сказал мне. не торопиться до подходящего момента.

Не действовать иррационально.

Я не могу позволить панике и отчаянию управлять моими решениями. Нет, если я хочу выбраться из этого живой.

Облизнув губы, я делаю шаг вперед, показывая, что не собираюсь бежать.

«Тебя послал Макс?»

«Ты слышала?» Он расслабляется, не обращая внимания на мои вопросы, и дергает головой в сторону кухни, подавая знак, чтобы я следовала за ним. От этого мне хочется плакать.

Прочистив горло, я выдавливаю: «Конечно».

Я шагаю за ним, желание плакать усиливается по мере того, как я пробираться дальше в чрево зверя. Такое ощущение, что вокруг моей талии натянут шнур, и он тянет меня назад к выходу, и чем дальше я иду, тем тем сильнее он становится.

Он бросает взгляд через плечо. «Детка, я не знаю, что ты сделала, чтобы разозлить этого человека, но он мстит тебе. Ты расклеена по всей темной паутине, и за твою голову назначена большая цена. Макс нанял Рика, чтобы привести тебя а так как парень полный идиот, он попросил меня помочь. Если бы не тот факт, что он знал, где ты живешь, мы бы не получили преимущество и, возможно, пришлось бы бороться с конкурентами, чтобы добраться до тебя».

Любая влага во рту пересыхает. За мою голову назначена цена? Какого за что?

Думаю, я не должна удивляться, потому что... ну, какого хрена мне еще быть здесь?

Новая информация отвлекает меня настолько, что я могу рассмотреть окружающую обстановку через размытые очки. Я цепляюсь за все незначительные детали, такие как покосившиеся шкафы, мурлыкающий желтый холодильник и бесконечный океан коричневого дерева и уродливых обоев. Теперь он ведет меня к крутым деревянным ступенькам, которые скрипят под нашим весом.

«Рик работает в Обществе?»

Рио оглядывается на меня через плечо, его бровь вздернута, кажется, он удивлен тем, что я знаю о них.

«Нет, он друг Рокко, который является братом Франчески. Она работает на Общество, а Рокко и его друзья пожинают плоды».

«Вы работаете на них?»

«Да, хотя сейчас я подчиняюсь Франческе».

Я облизываю пересохшие губы, затем спрашиваю: «Так кто же назначил цену за мою голову?»

«Неважно, кто. Только почему. А теперь поторопись, мне нужно отлить, и если ты не будешь двигаться быстрее, я расстегну молнию и нарисую картину на твоём милём личике».

Отвратительная угроза подействовала и вывела меня из оцепенения.

Бросив на него неприязненный взгляд, я ускоряю шаг, несмотря на то, как мои мышцы стонут в ответ.

В любом случае, лучше закончить разговор. Мне нужно сосредоточиться на каждой детали в этом доме. Начиная с того, как здесь тихо.

Когда он ведёт меня по длинному коридору с несколькими дверями по обе стороны, я понимаю, что это не тот тип тишины, который возникает из-за пустоты, а тот, когда кто-то затаив дыхание, молится, чтобы шаги продолжали идти мимо.

Нервно сглатывая, я обвожу глазами все вокруг, пытаюсь уловить какие-либо ноты от страха, бьющегося в сердце, все расплывается.

Как, черт возьми, я должен сохранять спокойствие и вести себя разумно, чтобы выбраться отсюда, когда миллион тревог срабатывают в моей голове, предупреждая меня, что выхода нет?

Выход есть всегда, мышонок. Ты просто должна найти его.

Глава 6

Охотник

Ярость.

Его недостаточно ценят. Недостаточно изучено.

Возможности человеческого тела больше не ограничиваются законами физики. Абсолютное разрушение, которое живет в кончиках моих пальцев, может сжечь целые города, превратить их в пепел и угли. Простой удар спички или щелчок запястья, и все, что видят мои глаза, будет поглощено тем же черным огнем, что бушует внутри меня.

Пока что я обращаю разрушение на себя. Мое отражение кипит, пораженное жестокостью, которую можно увидеть только в телескопы. Наша вселенная была выкована в жестокости, и теперь космос живет не в одном, а в двух черных глазах, смотрящих на меня.

Это твоя гребаная вина.

Мой кулак летит в зеркало, почти разбивая его одним ударом. Крошечные осколки разлетаются от удара, падая в раковину и на пол.

Это в точности имитирует то, что чувствует моя душа. Разбита вдребезги.

Я только вернулся домой из больницы, а уже пополняю список травм. Но я слишком потерян, чтобы заботиться об этом.

Зарывав, я отступаю назад и снова бью кулаком в зеркало. Снова и снова. пока не остается только несколько кривых осколков.

Разъяренный, я кручусь, ищу самый большой осколок, который могу найти, и хватаю его с пола, не обращая внимания на зазубренные края, врезающиеся в кожу. Затем я хватаю меньший с острым концом, прежде чем снова выпрямиться.

Положив большой кусок перед собой, я расположил его под нужным углом. под нужным углом, служа моим новым зеркалом. Используя меньший кусок, я втыкаю острие в свою кожу и начинаю вырезать.

Я иду медленно, мои движения шаткие из-за дрожи, сотрясающей мое тело. Стекло скользит в моих руках от крови, вытекающей из моих костяшек и от того, что края вгрызаются в кожу, и мне постоянно приходится перестраиваться, создавая новые порезы.

Но боль почти не ощущается, когда она так чертовски громко звучит в моей голове. Она затуманена яростью, и каждый чертов орган в моем теле как будто находится в блендере.

Моей маленькой мышке больше нет.

Ее украли у меня.

И человек, стоящий за этим, тот же самый, который, как я знал, мстит за него ей.

И я оставил его в живых.

Я, блядь, позволил ему жить дальше, упиваясь гневом, который я вызвал.

Грудь вздымается, я копаю сильнее, ярко-красный пузырь пузырится там, где стекло впивается в мою кожу.

Когда я закончил, я бросил осколок, все мое тело вибрировало.

Я подвел Адди.

И я никогда не позволю себе забыть об этом.

Не с розой, которая теперь вырезана на моем сердце.

Кровь покрывает подошву моих ботинок, оставляя за мной алый след, когда я подхожу к дому Макса.

Он наконец-то нанял охранников.

Мало толку от них, когда теперь все шесть их тел валяются на земле.

С пулевыми отверстиями между глаз, которые бессмысленно смотрят на небо.

Они были убиты, потому что защищали не того человека.

Мне плевать, насколько они были любимы. Мне плевать, были ли у них семьи, и были ли у них дома жены и маленькие дети, с нетерпением ожидающие их прихода.

Папы больше нет, дети.

Я пинком открываю входную дверь, и громкая болтовня переходит в различные версии того какого хуя.

Дом Макса — почти полностью открытая концепция, вымытый в черном и золотом средневековым декором. Он богатый человек, но никакое количество денег не может защитить его от меня.

По обе стороны две большие лестницы ведут на балкон, который опоясывает дом в виде полумесяца. Человек часа появляется на балконе, в его глазах дикий взгляд, а за ним спешат еще два охранника.

Его белокурые волосы взъерошены, пряди торчат во все стороны. когда он видит меня, его взгляд становится диким, а глаза округляются от истерики.

Я скидываю бровь. «Ты натер себе голову воздушным шариком?»

Он моргает, и прежде чем кто-либо из них успевает осознать мое присутствие, я поднимаю пистолет и выпустил две пули — по одной в каждого охранника.

Слишком легко.

Очевидно, его деньги не могут купить даже охранников, которые достаточно хороши, чтобы развлечь меня. Если бы они были такими же, как я, меня бы застрелили даже слог не успел бы вылететь из моего рта.

Глаза Макса широко раскрываются, когда его люди падают на землю, кровь быстро стекает по перилам на чистую плитку первого этажа. Он поворачивается чтобы бежать, но мой голос останавливает его.

«Иди сюда, Макс».

Медленно, он оглядывается на меня, ужас излучают его глаза. Есть особая вонь от мужчин, которые сталкиваются с последствиями своих действий.

Они чертовски окаменели, но только потому, что знают, что собираются умереть. И неважно, во что они верят, они чертовски хорошо знают, что нет никаких шансов, что их приведут к тем жемчужным воротам.

«Что бы ты ни думал, я...»

«Не оскорбляй меня еще больше, подвергая сомнению мои знания», — вклинился я, мой голос был смертельно спокойным. «Ты знаешь лучше, чем это, Максимилиан».

Его губы сжались в белую линию, но у него хватило ума повернуться и спуститься по ступенькам поправляя свой помятый пиджак, чтобы восстановить свой хрупкий фасад уверенности. Он изо всех сил старается сохранить спокойное выражение лица, его кулаки сжаты и трясутся, а на волосах выступает пот.

Он останавливается на последней ступеньке и стоит передо мной, задрал нос. Он хочет умереть с гордо поднятой головой.

Как наивно.

Он склонится у моих ног, умоляя о прощении и впиваясь губами так глубоко в мои сапоги, что его зубы оставляют отпечатки.

«Где она?» спрашиваю я, мой голос холоден и лишен эмоций.

Он смотрит на меня, его горло подрагивает, когда он пытается сглотнуть. «Мне не сказали местонахождение».

«Но вы общаетесь с людьми, у которых она», — возражаю я. Он моргает, облизывает губы, чтобы потянуть время, пока не найдет подходящий ответ.

«Это было выполнено. Я перевел процент Рика, и мы разорвали связи».

Макс перевел деньги на один счет, поэтому я полагаю, что только Рик Бореман получил долю, хотя я пока не совсем понимаю, почему. На камере наблюдения аварии Адди, было двое мужчин, и Рик не был тем, кто вытаскивал ее из перевернувшейся машины.

Я поджимаю губы, шрамы на моем лице сморщиваются, я киваю головой и иду к нему медленно, как гепард, преследующий свою добычу. Струйка удовлетворения просачивается в мою кровь, когда он напрягается, застывая под моим взглядом.

«И вы хотите сказать, что у вас нет возможности связаться с кем-то из них?»

Он сглатывает и качает головой. «Рик отключил свой телефон после того, как прошел перевод. Наверное, чтобы спрятаться от тебя».

Я хмыкаю, проводя глазами вверх и вниз по его фигуре, отмечая неудобную стойку и то, как его ноги наклонены внутрь. Он в нескольких секундах от того, чтобы обмочиться.

Нет никакой уверенности в себе, когда находишься в общественном месте, зная, что худшие из твоих грехов было запугивание пары женщин в ресторане.

На этот раз он был очень плохим мальчиком.

«Так зачем ты это сделал, Макс?»

«Ты убил моего отца, так что сделка была расторгнута», — выплевывает он, ярость вспыхивает в его радужных глазах. Застыв, я могу только смотреть на него, обдумывая его слова.

После того как я убил Арчи Талаверру, я отрубил ему руки и положил их на порог дома Адди. как напоминание о том, что она моя, и никто другой никогда не должен прикасаться к ней.

Макс узнал об этом и начал возлагать на нее вину за смерть Арчи, поэтому я заключил с ним сделку. Я не буду убивать его отца, а он не тронет Адди. Потребовалось похищение и запись видео, чтобы донести до него суть, но он сдержал свое слово. До недавнего времени.

Забавно, но я никогда не убивал его отца.

«Простите?»

Он моргает, его лицо постепенно краснеет.

«Ты убил...»

«Я слышал, что ты, блядь, сказал, — рывкнул я. — Почему ты решил, что это я?»

Его лицо искажается. «Потому что ты, блядь, так сказал», — рычит он, делая угрожающий шаг ко мне. Я делаю лучше и делаю выпад ему в лицо, заставляя его отшатнуться и потерять опору.

Я ловлю его за воротник рубашки и рывком притягиваю к себе. «Объясни, Макс», — рычу я.

«Потому что я не убивал твоего отца. Если бы убил, я бы убил вас обоих. Мы заключили гребаную сделку, и я сдержал свое слово».

Он качает головой, дыша огнем.

— Ты прислал мне видео, где ты обезглавливаешь моего отца в пятницу. На видео ты сказал: «Это для Аделин Рейли».

Огонь наполняет мои вены, каждая жилка в моем теле выпирает.

«Это был мой голос?»

«Я не знаю, чувак! У меня нет чертовой записи твоего голоса. чтобы сравнить его. Он был глубоким, как твой, это все, что я знаю».

Я киваю головой, позволяя ему увидеть в моих глазах, как сильно он облажался. Не нужно быть гением, чтобы понять, кто на самом деле убил его отца.

«А ты потрудились проверить, был ли это я?»

«О, виноват, брат, я позвоню тебе в следующий раз», — отвечает он.

Я злобно ухмыляюсь. «Ты хочешь сказать, что ты не находчив, Максимилиан?»

Потому что я находчив, и у меня есть много ресурсов, чтобы заставить тебя страдать. Если ты собираешься отомстить за убийство, то тебе лучше быть уверенным в том, кто на самом деле блядь, сделал это».

Он вздрагивает, его рот разевается, когда он понимает, что действовал без не подумав. Он видел, как его отец умер жестокой смертью, решил, кто это был, основываясь на единственного предложения, и отправил Адди на бойню.

Красный цвет просачивается в мое зрение, и мне требуется весь мой контроль, чтобы держать его на расстоянии. сдерживать его. Чтобы видеть ясно — потому что я хочу быть свидетелем каждой гребаной секунды смерти Макса.

«Хочешь знать, кто убил твоего отца, придурок? Те самые люди, которым ты продал Адди. Общество убило его, чтобы ты предал меня, а потом нацелился на Адди. Ты попал прямо в их гребаную ловушку и сделал всю грязную работу. для них».

Он качает головой. «Как они могли узнать о нашей сделке и о том, что ты сделал с моим отцом?»

«Я не знаю, Макс, твой отец открыл свой толстый гребаный рот и разглагольствовал о том. всем, кто слушал? А ты? Скулил о том, как я похитил его и угрожал ему, если ты хоть пальцем тронешь Адди и Дайю. А ты говоришь. что никто из вас не ходил и не был об этом всем, кто имеет ушами?»

Его зубы щелкнули, подтверждая мое предположение. «Нетрудно узнать о нашем соперничестве, когда ты не заткнешься нахауй», — шиплю я.

Он ворчит, когда я тащу его к входной двери, его ноги волочатся по плитке. а ногти в панике царапают мою руку. Я планирую действовать с ним очень медленно с ним. Получить как можно больше информации, прежде чем отправить его вниз.

«Подожди, подожди, это была ошибка. Давай что-нибудь придумаем», — бормочет он, пока я тащу его вниз по ступенькам крыльца к моей машине. «Я верну ее!»

Я одариваю его свирепой улыбкой. «Не волнуйся, Макс, я планирую уладить многое с тобой. Или, скорее, выудить их из тебя».

Окровавленный скальпель бьется о металлический поднос, и стоны Макса наполняют воздух. Ему не показалось забавным, когда я начал играть «Bodies» группы Drowning Pool, чтобы заглушить его непрекращающиеся крики.

Я смеялся всю песню, хотя сейчас я не чувствую ничего, кроме горящего пламени в моей впалой груди.

К груди Макса прикреплены провода, ведущие к аппарату, разработанному специально для перезапуска сердца, как только оно остановится. Я построил его, когда только начинал в этом бизнесе, хотя теперь его редко используют. Вначале моя ярость по отношению к торговцам сексом была бесконтрольной. Но с годами я понял, что чем быстрее они умирают, тем больше я могу убить.

Я уже дважды убивал Макса удушением. Как только его сердце перестает биться, моя машина возвращает его к жизни с помощью электричества, где я продолжаю медленно пытаться его, а затем снова убить. Повторяю, повторяю. Я еще даже не начал задавать вопросы, слишком зол, чтобы говорить.

Он сошел с ума. Так близко к смерти, чтобы проснуться с моим улыбающимся лицом, снова и снова. Но я все еще ничего не чувствую.

«Рик Бореман — это тот, кому вы перевели деньги. Кто был его партнером?»

«Эр-Рио», — отвечает он. «Не знаю его фамилии».

Его речь прерывиста из-за того, что его тело было измождено.

«Откуда ты их знаешь?»

«Я не... не... по-настоящему. Си-Коннор и Рик были друзьями. Я знал, что у Рика связи, поэтому я взял его номер из старого телефона Коннора».

«И как ты узнал, в чем замешан Рик?»

«Коннор говорил о том, что Тала-ла-верры, возможно, суют свои руки в торговлю, и он упоминал, что у него есть связи для этого через Рика».

В итоге они так и не ввязались, так что о Рике больше ничего не было сказано. о Рике, кроме... кроме этого».

Я приподнял бровь. Вовлечение Талаверрас в торговлю людьми было бы чертовой катастрофой. Особенно с Арчи и его статус плейбоя — он обрек бы на такую участь множество девушек. Предположим, я сделал больше добра, чем думал вначале, убив их всех.

«На кого работают Рио и Рик?»

Макс качает головой, его рот кривится в улыбке. «Рик не работает ни на кого. Он просто дружит с нужными людьми. Я знал, где живет твоя девушка, и он знал, как передать ее в нужные руки. Это было взаимовыгодно».

Он выглядит так, будто угасает, поэтому я несколько раз грубо шлепаю его по щекам. Он ворчит на меня, но глаза не закрывает.

«А Рио?»

Еще одна ухмылка. «Кто еще? Сок...»

«Не будь тупым, Макс», — вклиниваюсь я, беря ножницы и провел кончиком по паутине кожи между двумя пальцами. Когда он не придумал нового ответа, я раздвигаю ножницы и обрезаю нежную плоть. Он кричит, но звук недостаточно мучительный.

Еще нет.

«Мне нужны имена. Люди, которым они непосредственно подчиняются, и к кому они отвезли ее».

Он пытается сглотнуть; его лицо сжимается от боли, когда он пытается ответить.

«Я не знаю, Зи. Я же сказал тебе, я почти не знаю их! Только то, что ККоннор рассказал нам о Рике, а это не было ничем, кроме того, что он был дружит с торговцем людьми. Когда я увидел объявление, я попросил его о помощи, и на этом этом все и закончилось!»

«Как они узнали, как ее забрать?»

Он облизнул губы, его глаза снова заслезились от усталости.

«Я знал, что ее дом окружен, поэтому мы ее выманили. Люк знает, где живет Дайя, поэтому... поэтому он навел ее. Ворвался, связал ее и использовал ее телефон, чтобы выманить Адди. Рик и Рио ждали у ее подъезда. и следили за ней».

Я все еще почти ослеп от ярости при осознании того, что Дайю могли тоже похитили. Никто не будет возиться с моей девочкой, включая ее друзей и семью.

Адди нет уже семь дней, и за это время я думал только о том, чтобы добраться до Макса. Мне даже в голову не приходило, что Дэйя еще не еще не вышла на связь, разыскивая свою лучшую подругу.

Если быть честной, я едва могу мыслить здраво, когда каждый орган в моем теле, охваченного постоянной агонией из-за ее отсутствия.

«Где Дайя?»

Макс смеется, звук мокрый и без юмора. «Последнее, что я слышал, брат, Люк все еще она у Люка. Переживает с ней свои любимые воспоминания, наверное».

Черт. Похоже, Макс придется подождать, чтобы умереть окончательно. Мне нужно пойти сначала убить его друга и вытащить Дайю оттуда.

«Хм». Я зажимаю кожу между его мизинцем и безымянным пальцем. Он сжимает зубы, но это не мешает крику проскользнуть сквозь щели его зубов.

«Черт побери!» — прорывается он, задыхаясь от боли.

Я сохраню ему жизнь достаточно долго, чтобы забрать Дайю. Потом я вернусь и закончу работу — навсегда. У меня больше нет времени тратить на него.

«С кем вы разговаривали, когда отвечали на объявление?» Я настаиваю.

«Они были анонимными. Вы думаете, они представляются, когда отвечают на телефонные звонки?» — огрызается он. «Я сказал им, что знаю, где она и кто мне помогает. Они сказали, что переведут деньги, когда Адди будет в их распоряжении. Вот и все!»

Я хватаю его за другую руку и сжимаю кожу между указательным и средним пальцами, просто потому что мне не нравится его отношение.

«Вы знаете, сколько мужчин лежало в этом самом кресле до вас?» спрашиваю я небрежно, глядя на его растрепанное лицо.

«Н-нет», — плачет он, затягивая ноту в горестном причитании.

«Я тоже», — пожимаю я плечами. «Сбился со счета. Но что я точно помню, так это то, что я разбил все до единой».

Макс закрывает глаза, когда я наклоняюсь вперед, не достаточно храбрый, чтобы встретиться лицом к лицу с его мучителем. «Но ты первый, кто сломал меня первым, Макс. Я могу признать это. Ты разбил меня на мелкие кусочки, когда забрал у меня Адди. у меня. Из-за тебя я больше не мужчина».

Я выпрямил позвоночник. «Ты знаешь, что это значит для тебя? Это значит, что во мне не осталось человечности. Нет сочувствия. Ни чувства вины. Ничего. Я могу делать это весь гребаный день, и даже когда твое тело сдастся, я просто верну его обратно снова».

Слезы проливаются из уголков его глаз, но на меня они не действуют.

«Мне жаль, чувак. Это была честная ошибка», — простонал он. «Я сделал это только из-

за моего отца».

«Из-за тебя только девушку похитили и продали в торговлю кожей, ты хочешь сказать?

Ты обрек невинную женщину на пытки, травмы и изнасилования только потому. Потому что твой папа умер?» Мой голос начинает трещать к концу, и я сжимаю челюсть, пытаюсь удержать то небольшое здравомыслие, которое у меня осталось. Я разваливаюсь по швам, слезы наворачиваются на глаза.

Он качает головой и смущенно говорит: «Я не знаю, что ты хочешь, чтобы я сказал».

Вдыхая и выдыхая, я медленно восстанавливаю контроль. Я киваю, принимая этот ответ таким, какой он есть. Мы оба знаем, что он абсолютно ничего не может сказать. чтобы искупить то, что он сделал.

«Все, что для этого нужно, это провести небольшое исследование, мой парень. Даже если бы ты был достаточно вспыльчив, чтобы угрожать мне напрямую — это действительно спасло бы твою жизнь».

И мою душу.

Он хнычет, ему нечего сказать. Тогда я поднимаю мини-пилу и включаю ее.

Его почти черные глаза широко раскрываются, расширенные от ужаса.

Я изрядно порезал его лицо, но нашел ему гораздо лучшее применение для него.

«Ты знаешь, что, возможно, делают с Адди, пока мы разговариваем?» спросил я, пряжка его ремня звенела под тихим жужжанием лезвия.

Он снова закрывает глаза, пока я расстегиваю его брюки и стягиваю их вниз. Я морщусь нос. Он описался.

«П-пожалуйста, чувак», — плачет он, рыдания рвут его горло. Сопли текут из его носа и в рот, и все, что я вижу, это человека, который только сожалеет, что его поймали. А человек, который был слишком высокомерен и слишком глуп, чтобы думать, что он не пострадает от последствия своих действий.

«Не делай этого».

Пещера в моей груди расширяется, поглощая то, что осталось от моей совести.

Моей душе нет места внутри монстра.

Поэтому я избавился от нее.

«Ее насилюют», — говорю я ему, мой голос становится все глубже от безудержной ярости.

Эти образы преследуют меня. «Представляете, сколько мужчин?»

Он качает головой, его ноги дрожат, когда я стягиваю с него боксеры. что на мне толстые нейлоновые перчатки.

«Это все, о чем я могу думать», — задыхаюсь я от шепота. «Я мучаюсь от пытки, через которые она, должно быть, проходит. Боль и то, как она, вероятно, хочет умереть».

И как я хочу умереть.

Я хватаю его за ноги, не видя ничего, кроме слайд-шоу с мучениями Адди на повторе. Я мог бы отпилить себе пальцы и почти ничего не заметил бы.

Они причиняют ей боль. Пугают ее. Заставляют ее плакать.

Лезвие разрезает кожу и мышцы, вызывая крик, который фильмы ужасов фильмы ужасов не могут имитировать. Этот звук может родиться только от того вида ужаса. который испытывают очень немногие люди.

Он звучит как музыка.

Неужели тот же звук издает Адди?

Хлынула кровь, окрасив нас с Максом в багровый цвет. Он глубоко вдыхает, готовясь выпустить еще один крик, который больше никто не услышит, но тут он теряет сознание.

Киска.

Теперь в буквальном смысле.

Я выключаю лезвие, вцепляюсь пальцами в его нижние зубы и дергаю его вниз, и опускаю оторванный кусок кожи в его горло. Затем я работаю прижигаю рану, не давая ему истечь кровью, пока меня нет.

Я еще не закончил с ним.

Было нетрудно выяснить, где живет Люк. Этот имбецил публикует всю свою жизнь в социальных сетях. Кроме того факта, что он держит девушку в заложниках в своем доме. Они всегда забывают об этих деталях.

Неразборчивые крики слышны через двери его дома. А громкий треск, и я улыбаюсь, уже зная, что сейчас войду в дом.

Дайя устроит этому парню ад.

Я вставляю свой стержень в замочную скважину и заклиниваю его, ломая замок. А потом я вхожу в его дом, как будто иду в свою любимую забегаловку.

«Почему тебе всегда нужно двигаться?» кричит Люк из коридора.

Я достаю пистолет и начинаю накручивать глушитель, направляясь в сторону шума. «Я пытаюсь позаботиться о тебе!»

Зайдя за угол, я остаиваюсь.

Дайя привязана к стулу, опрокинутому на бок, с руками, зажатыми неудобно под ее весом. Она кричит сквозь скотч, приклеенный ко рту. ее рот, смерть излучает ее взгляд. Когда она замечает меня, ее глаза расширяются, а затем она начинает яростно извиваться, как будто пытается заявить о своем присутствии. известным.

Не могу разглядеть ее четче, когда она прямо перед моим лицом.

Заметив реакцию Дайи, Люк поворачивает голову, и его собственные глаза открываются. прежде чем он схватился за пистолет. Я стреляю в заднюю часть его колена, прежде чем он успевает сделать шаг, и ничего не чувствую, даже когда он падает на землю с агонизирующим криком.

«Успокойся, Дайя», — говорю я, подходя к ней. «Я вижу тебя.

Извиваясь, как червяк на крючке, ты только еще больше натрешь себе кожу».

Она хрипит, нетерпеливо ожидая, пока я подниму и ее, и стул как единое целое, отвязываю ее от веревок и помогаю ей подняться. Она смотрит на меня, отмечая темные круги под глазами и пустоту во взгляде, и обернулась и обхватывает меня.

Я моргаю, замирая на мгновение, прежде чем обнять ее.

И тут же она раздражается слезами, ее рыдания вибрируют в моей груди. И кладу руку ей на шею и ободряюще сжимаю. Это единственное, что я могу придумать, чтобы дать ей понять, что я здесь и что она в безопасности.

Мое горло слишком сжато, чтобы говорить, потому что, как бы я ни был рад, что с Дайей все в порядке, я не в состоянии почувствовать это.

«Пожалуйста, скажи мне, что ты знаешь, где она», — умоляет она, сжимая в руках мою толстовку в своей хватке.

Я вздыхаю, беру ее за руки и осторожно отстраняю. Она выглядит не лучше чем я. Ее шалфейно-зеленые глаза налились кровью от слез, черные прямые волосы взъерошены, а ее смуглая кожа покрыта синяками.

«Еще нет», — шепчу я, не в силах произнести эти разочаровывающие слова громче.

Ее глаза закрываются в знак поражения, но она кивает головой.

«Мы найдем ее. Найдем».

«Что он сделал с тобой?» спрашиваю я, возвращая разговор к паразиту, который тащится по полу к своему пистолету. Он лежит на кофейном столике в десяти футах от него. Я поворачиваюсь и стреляю в пистолет, отправляя его в занос по полу и под его белый диван.

Готов поспорить, что ни одна задница никогда не сидела на этой штуке.

«Ничего такого, чего бы я не позволяла ему делать раньше», — бормочет она.

Я качаю головой. «Мы оба знаем, что в этот раз все было не по обоюдному согласию».

Она отворачивается, выглядя смущенной.

«Ты ведь знаешь, что не просила ни о чем таком, верно?» Я напоминаю ей, встряхивая ее достаточно, чтобы подчеркнуть свою точку зрения. Она кивает головой, хотя не выглядит полностью убежденной.

«Макс у меня дома. Давай позаботимся о Люке здесь. Ты даже можешь выпустить немного сдерживаемого гнева, если хочешь».

Я собираюсь повернуться, но она останавливает меня, ее рука крепко обхватывает мое запястье.

«Не теряй пока человечности, Зейд. Адди сильная, и она переживет это».

Я смотрю на нее, и мне интересно, может ли она видеть что-то внутри меня, чего не вижу я.

«Она уже ушла».

Я бью сильнее. Черт, мне нужно делать это сильнее.

Ответные стоны посылают укол удовольствия по моему позвоночнику.

И каждый раз, когда я слышу их, я думаю только об Адди. Я никогда не смогу перестать думать о ней, даже когда мольбы следуют за криками. Сильнее.

«Пожалуйста». Мольба задыхается. Но этого недостаточно.

«Пожалуйста, что?» Я требую сквозь стиснутые зубы, пот стекает по моему виску от напряжения.

Этого все еще недостаточно.

И никогда не будет достаточно. Только когда у меня снова будет Адди.

«Зейд», — зовет Дайя. «Пожалуйста».

Я смотрю на нее, мой молоток висит над массивным гвоздем, застрявшим в ногу Люка. Ее немного тошнит, но я не могу найти в себе силы заботиться об этом сейчас.

Я вбивал гвоздь в его предплечье в течение последних нескольких минут, и я загнал его достаточно глубоко, чтобы он прошел весь путь и впился в деревянный стол, но это огромный гвоздь, и его длина еще не исчерпана.

Стоны Люка полны агонии, и его отчаянные мольбы заставляют меня чувствовать себя так хорошо, насколько я способен чувствовать. Но этого недостаточно.

Я хочу, чтобы он кричал так громко, пока его крики не стихнут, а голосовой аппарат полностью разрушится.

Рука Дайи лежит на моей руке, ее собственная мольба пробивается сквозь шум в моей голове.

«Он сделал тебе больно», — говорю я категорично.

Она кивает. «Он сделал. И теперь я готова взять это на себя».

Я отпускаю молоток, тяжелая резина больно падает на его руку. а потом грохнулась на стол. Его ответный крик вибрирует по его дому.

Не. Достаточно.

Я сморкаюсь и отворачиваюсь, мои руки дрожат от необходимости продолжать вбивать гвоздь до тех пор, пока головка не соединится с его плотью. Прошло больше часа с тех пор, как я затащил Люка на обеденный стол и начал свою пытку. Я нашел несколько инструментов в его гараже и решил использовать их с пользой, поскольку у него никогда не будет возможности. Дэйя прочистила горло. «Люк? Не спи, дружок». Я слышу шлепки по коже шлепки и оглядываюсь, чтобы увидеть, как она грубо шлепает его по щеке. Его голова запрокидывается, из его горла вырывается еще больше стонов.

«Пожалуйста», — шепчет он, его голос хриплый. Он должен быть истощен. Даже тогда, я не буду удовлетворен, «Знаешь, я говорю тебе то же самое уже неделю», — говорит Дайя. говорит она, ее голос срывается. Ее глаза наполняются слезами, и это только разжигает пламя в моей груди.

Они с Адди очень любят друг друга. И поскольку Адди — моя семья, значит, Дайя тоже моя семья.

Лучше я покажу ему пример, чтобы другие знали, что с ними больше никогда не стоит связываться.

Не помогает и то, что он сыграл огромную роль в похищении моей девочки.

И это... это просто непростительно. Непростительно.

Люк сглатывает, но на несколько мгновений слова подвели его. «Это не было личное», — прохрипел он. «Я просто делал то, что сказал мне Макс».

«Макс сказал тебе вставить в меня свой член?» возражает Дайя, ее маленький кулачок скручивается в тугой шарик.

Надеюсь, она, блядь, использует их. Я бы остановил ее только для того, чтобы нанести несколько собственных ударов, прежде чем позволить ей закончить его жалкую жизнь.

«Нет, Дайя, я просто... я так по тебе скучал».

Дайя закрывает глаза, слеза просачивается сквозь ресницы. Я понятия не имею, были ли у этих двоих отношения после одной ночи вместе, да и не мое это дело. Но это не имеет значения, потому что, что бы Люк ни украл у Дайи, она планирует вернуть все обратно.

«Я не скучала по тебе, Люк, ты ведь знаешь это, верно?» — отвечает она, ее бледные глаза пылают. Он открывает рот, но она продолжает. «Каждый раз, когда я думала о тебе, это было отвращение. Я должна была знать, что ты найдешь способ удивить меня и оказаться намного хуже, чем я думала».

«Послушай, мне жаль, что я сыграла такую роль, но ты должна понять, что Макс — сумасшедший». Когда я подхожу ближе, и ни тени понимания не отражается в его глазах, он становится еще более отчаянным. «Серьезно, чувак! Если бы я не сделал то, что что он сказал, он бы меня убил!»

«Он сказал тебе издеваться над Дайей? Изнасиловать ее?»

Он замаялся, его рот открывался и закрывался, пока он искал правильный ответ. Или, скорее, правильную ложь. Глаза Дайи прикованы к нему, она выжидательно протягивает руку ко мне. И не отворачиваюсь от Люка, когда беру нож со стола рядом со мной и протягиваю его ей, зная, о чем она просит.

Она не теряет времени. Не колеблется ни секунды. Она просто сжимает черную рукоятку в крепком кулаке, металл сверкает в свете столовой, когда она поднимает ее над

ним и погружает в его горло. Острый металл разрезает сквозь плоть и кости, заглушая его мольбы.

Глаза Люка расширяются в круглые диски, он с недоверием смотрит на своего жнеца.

Это всегда неверие. Как будто они не ожидали этого. Или, может быть, они просто не могут принять тот факт, что они действительно умирают.

Такие люди, как этот, которые прожили свою жизнь эгоистично и не обращая внимания жизни других, всегда больше всего хотят жить вечно.

Но они никогда не понимали, что именно это делает их такими чертовски слабыми. Это люди, которые не заботятся о своей собственной жизни — такие, как я. Именно мы самые смертоносные.

Что мешает мне забрать людей с собой, когда я умру?

Ничего.

Ни черта.

Глава 7

Бриллиант

«Ты привел в мой дом товар в таком виде?» — шипит женщина., поднимая на меня глаза. Я стою, повернувшись спиной к грязному зеркалу в полный рост, голова задрана на плечо, рубашка поднята вверх, пока я рассматриваю швы на спине. Огромные синяки испещряют мою кожу, делая ее в уродливый цвет.

Прочистив горло, я опускаю свою безразмерную, выцветшую рубашку и поворачиваюсь, чтобы встретиться с ней взглядом.

Передо мной стоит красивая женщина, ее лицо покрыто косметикой, а кожа пропитана цитрусовым парфюмом. Обтягивающее платье облегает ее изгибы, а пара туфель на шпильках придают ей амазонскую высоту.

Ее наряд не подходит для такой погоды, но она выглядит так, как будто могла бы пройтись в метель босиком и не заметить. На вид ей всего тридцати, и хотя она красива, она выглядит усталой и обветренной. Хождение бок о бок с дьяволом сделает это с вами.

Это, должно быть, Франческа.

И прямо сейчас она смотрит на меня, выпуская кинжалы из своих золотисто-карих глаз. Черт. Вот так.

Рио неловко отодвигается, но не отвечает на ее возмущенный вопрос.

И это небольшое действие говорит мне о многом. Если у тебя нет уважительной причины для твоей ошибки, держи рот на замке. Может быть, даже если есть, все равно держи его на замке.

Ее глаза сужаются и скользят по моему телу, пока она идет ко мне, проверяя меня. Определяет, сколько денег я могу ей принести, скорее всего.

Я благодарна Рио, что нашла одежду из комнаты другой девушки, и что что на мне больше нет больничного халата. Я представляю, что ее реакция была бы намного хуже, чем сейчас.

Она стоит передо мной, ее сильные духи щекочут мне нос. Я молчу, наблюдая, как она берет грязную белую рубашку и поднимает ее вверх. Ее взгляд заостряется, когда она замечает уродливые синяки на моем торсе. Они повсюду, и у меня тошнотворное чувство, что она собирается сделать своей миссией найти каждый из них.

Затем она обходит меня кругом, резкий вздох пронзает тихий воздух, когда она замечает две большие раны на моей спине.

«Что ты с ней сделал?» — рычит она.

Рио опускает глаза на свои черные ботинки, на них все еще видны пятна засохшей крови.

«Автомобильная авария», — коротко отвечает он.

— Глупо. На заживление уйдут недели. Когда можно будет снять швы?

Он наконец-то поднимает голову, его темно-карие глаза пылают ненавистью, но при этом на его лице извиняющееся выражение на его лице. Он изготовлен только для Франчески. Он совсем не извиняется.

— Доктор Гаррисон сказал, от четырех до шести недель.

Она шипит и сбрасывает рубашку, поворачиваясь ко мне лицом.

— Она принимает противозачаточные?

Мои брови нахмурились, и я нахмурилась, задаваясь вопросом, почему она спрашивает его и как черт возьми, Рио вообще может это знать.

— Гаррисон сказал, что у нее внутриматочная спираль.

Слезы начинают наворачиваться, и мне требуются усилия, чтобы сдержать их. Мне тошнит от того, что меня так оскорбили. Я понятия не имела, что он проверял, что значит, он сделал это, пока я была без сознания.

Она хмыкает, довольная этим, и наконец обращается ко мне напрямую.

— Вы знаете, кто я?

Мне требуется несколько секунд, чтобы обуздать свои эмоции, но мне удастся проглотить их достаточно, чтобы ответить ей.

«Франческа», — говорю я уверенно, добавляя в голос как можно больше громкости. насколько это возможно. Она не относится к тому типу людей, которым нравится бормотание.

Полагаю, в этом и есть плюс писательского труда. Я создал и столько воображаемых личностей, что не нужно много усилий, чтобы понять и вычислить тех, кто существует в реальной жизни.

Франческа, вот, не имеет терпения и не терпит наглости, лени, или слабости. Она излучает силу, и именно этого она ожидает в ответ. Не конечно, не путать с непокорностью.

Она поднимает наманикюренную бровь на лоб.

— Да, — говорит она. — Это мое имя. Но это не то, о чем я вас спрашивала.

Нахмурившись, я вскидываю брови, не зная, что ответить. Прежде чем я успеваю сообразить. ее длинные акриловые ногти ущипнули меня за щеки. Я резко вдыхаю, когти впиваются в мою кожу, когда она притягивает мое лицо к своему, спокойное, но угрожающее выражение на ее лице.

«Я твоя госпожа. Ты не будешь говорить, действовать или даже думать без моего разрешения, ты меня понимаешь?»

«Да», — шепчу я, хотя звук выходит беспорядочным между моих сжатыми губами. Она резко отталкивает мое лицо, заставляя меня потерять ноги и приземляюсь на задницу. От удара я выдыхаю воздух, затем хныканье, и я зажмуриваю глаза, когда боль пронзает мой позвоночник.

Эти засранцы не хотят получить товар в синяках и крови, но при этом не могут удержать свои чертовы руки от меня. В этом, блядь, есть смысл.

Мне не нужно быть экспертом в торговле кожей, чтобы знать, что никто не хочет есть ушибленное яблоко. Им нужны красивые, блестящие яблоки, чтобы вонзить в них зубы и разрывать на части, кусочек за кусочком.

Франческа фыркает, презрительно глядя на меня. Медленно выдохнув я встречаю ее взгляд, изо всех сил стараясь не выдать даже намека на гнев в своих глазах.

«Послушание — это главное, чего я прошу от вас. Мне лично не нравится вводить наркотики, чтобы девочки были послушными. Я люблю, чтобы мои девушки были ясными и контролировали себя, так как это улучшает впечатления наших покупателей. Никто не хочет шлюху с наркотической зависимостью, которая едва может держать глаза прямо и правильно держать член в кулаке. правильно. Это значит, что если ты ослушаешься меня или не исполнишь мои указания, ты будешь наказана. Понятно?»

Я опускаю глаза, прежде чем она успевает увидеть эмоции, которые выплескиваются из них, как жир на раскаленную сковороду. Сглотнув камень в горле, я задыхаюсь: «Да, мэм».

Она издает звук отвращения. «Никогда не называй меня так. Напоминает мне мою мать», — огрызается она, пробормотав последнее слово.

«Как бы вы хотели, чтобы я к вам обращался?» спрашиваю я, набираясь смелости, чтобы поднять глаза и снова встретиться с ней взглядом.

Я знаю, как бы я хотела, блядь, называть эту злобную суку.

Рио хихикает из дверного проема, но замирает, когда Франческа бросает устремляет взгляд через плечо.

Она смотрит на меня суженным взглядом и, кажется, что-то обдумывает.

«Зовите меня просто Франческа», — отвечает она. «Рио собирается имплантировать устройство слежения и вытатуирует твой идентификатор раба. Каждый получит по одному, и они будут только после того, как у тебя появится хозяин».

Мое сердце сжимается и замирает в тот момент, когда она упоминает устройство слежения.

Я не знаю, почему я удивлен, но это посылает свежую порцию паники в мою кровь, болезненно скручивая мое нутро. Слезы начинают жечь задние стенки моих глаза, безнадежность становится все глубже.

«Да, Франческа», — выдавливаю я из себя, моя спина сгорблена от эмоций. циркулирующих в моем теле, настолько сильных, что они почти разрушают мой позвоночник и заставляют меня рухнуть на пол у ее ног.

Как бы временно это ни было, она выглядит довольной и направляется к двери, делая паузу тобы посмотреть Рио в глаза и приказать: «Держите ее под успокоительным. Мы дадим ей поправиться в течение недели, прежде чем она освоится в доме и приступит к занятиям.

Ты ее сломал, ты ее и чини, так что она будет под твоей ответственностью до дальнейших распоряжений».

Его губы сжаты, но он кивает. Несмотря на то, что мне только что сказали, что я буду что меня будут клеймить, как скот, по всему моему телу. Как только она исчезает, плотно закрыв за собой дверь, я встаю. так быстро, как только может выдержать мое разбитое тело, и шаркаю к кровати, и падаю на нее.

Ангел и дьявол покоятся на моих плечах; мягкий уговаривает меня свернуться свернуться в клубок, чтобы рассыпаться на мелкие кусочки, а другой кричит, чтобы я продолжал бороться — не сломаться, как будто вся надежда потеряна.

Держись, мышонок. Ты переживешь это. Переживешь.

Сжав позвоночник, я сдерживаю слезы. У меня есть по крайней мере неделя, прежде чем я узнаю, что значит быть жертвой торговли людьми. Неделя, чтобы быть в неведении о том, какие ужасные вещи они делают с девушками здесь.

Рио берет черную сумку с комода рядом со мной. Я заметила его когда впервые вошла в комнату, и с тех пор относилась к ней, как к сумке, полной змеями. Похоже, я была не так уж далека от этой мысли. Укус питона по ощущениям ничем не отличается от постоянного клейма.

Затаив дыхание, я внимательно наблюдаю за ним, пока он приближается ко мне, его вес сжимает край бугристого матраса. Медленно, он расстегивает молнию, звук разрывает мои нервы, как и сумка. Затем он достает маленький тату-пистолет. пистолет, чернила и то, что похоже на пистолет для пирсинга, но... нет.

«Следопыт первый», — объявляет он, держа в руках устройство для пыток. Он достает

крошечный микрочип из сумки, вставляет его в пистолет, а затем крутит пальцем, подавая сигнал, чтобы я повернулся.

С опаской я отворачиваюсь от него лицом, дрожа, когда чувствую, как его пальцы по затылку, когда он собирает мои волосы в хвост.

«Будет больно», — предупреждает он за секунду до того, как острая колющая боль пронзает мою шею. Я вскрикиваю, морщась, в двух секундах от того, чтобы развернуться и ударить выбить из него дерьмо. Мое зрение затуманивается от слез, но я не могу сказать, от боли ли это или потому, что у меня есть устройство слежения, боли или потому, что в моем теле находится устройство слежения.

Я поворачиваюсь обратно, бросаю на него неприязненный взгляд, чтобы скрыть тот факт, что я на грани слез. Он не обращает на это внимания, открывает новую иглу и готовится к татуировке.

«Где будет эта?»

«На запястье».

Я отступаю назад, когда он поднимает свои руки к моей руке, пытаюсь потянуть время.

«Ты часто это делаешь?»

«Да. Как насчет того, чтобы сделать это как можно более безболезненно для нас обоих, и дать мне посмотреть на эту милую маленькую руку».

Поджав губы, я не сопротивляюсь, когда он берет меня за запястье. удивительно нежно, уговаривая меня положить руку на его обтянутое джинсами бедро.

Слезы скатываются по гребню моих век, когда жужжание татуировочного пистолета вибрирует против моей плоти, за которым следует укус иглы.

«Ты сам делал свои татуировки?» спрашиваю я, хотя на самом деле мне все равно. Я ищу хоть что-нибудь, чтобы отвлечься от того, что он делает.

«Нет», — коротко отвечает он.

«Сколько их у тебя?»

Он смотрит на меня. «Много».

«Это моя первая», — шепчу я. «Хоть одна из твоих что-нибудь значит?»

Еще один взгляд, в котором больше раздражения.

«Некоторые значат», — признает он.

Я молчу некоторое время. «Но ни одно из них не является брендом, не так ли?»

На этот раз, когда он смотрит на меня, эмоции в его взгляде не поддаются расшифровке.

Он не отвечает, и я принимаю это за ответ.

Татуировка занимает всего несколько минут, хотя я уверена, что его линии неровные, от моей дрожи.

Когда он заканчивает, падает первая слеза, и я быстро смахиваю ее. Если он заметил, то не подал виду.

Собрав свои инструменты, он выпрямляется и смотрит на меня. Я не могу прочитать эмоции в его глазах, но не думаю, что меня это волнует.

«Как вы собираетесь усыпить меня?» спрашиваю я, ковыряясь в свободной нитке на армейском зеленом одеяле. Моя шея и запястье горят, и все, чего я хочу, это исчезнуть.

Это слабость? Будет ли Зейд разочарован, если узнает, что я хочу провалиться в яму бессознательности вместо того, чтобы пробивать себе путь отсюда когтями?

Ты должна быть в полной силе, успокаиваю я себя. Я уверена, что есть много того, должен делать независимо от моего физического состояния. Изучать шаблоны, слушать к

чему-либо, что может мне помочь, но я чертовски устала, и мое тело все равно неуклонно отключается.

Он пожимает плечами, странный блеск сверкает в его темных глазах. «Таблетки. Но это не то, что тебя должно волновать».

Рио снова шагает ко мне, его ботинки гулко стучат по полу, пока его колени не касаются белой простыни. пока его колени не коснулись белой простыни. Он сгибается в талии, его губы едва касаются моей щеки, а горячее дыхание обдувает раковину моего уха.

«Лучше надейся, что здешние мужчины не придут сюда за легкой пищей», — шепчет он, вызывая холодный озноб.

Мое горло пересыхает и забивается множеством эмоций. В основном отвращение и гнев, но также и ужас. Мысль о том, что мужчины будут пользоваться моим телом, пока я на холоде, вызывает тошноту. Мой желудок скручивается в ответ, и мне требуется все мое самообладание. самоконтроль, чтобы сдержать горячие слезы на глазах.

«Франческа позволила бы этому случиться?» с трудом выдавливаю я из себя, мой голос хриплый и напряженный. Он отступает на дюйм, внимательно следя за моим выражением лица. Я смотрю прямо вперед, отказываясь встретиться с его бездушным взглядом.

«Она не узнает». Он делает паузу, злобная ухмылка подрагивает в уголках его губ.

«И ты тоже».

Я крепко держусь за свое самообладание, тело дрожит, так как мой контроль грозит ускользнуть. Еще одна слеза скатывается, когда его большой палец проводит по моей нижней губе, раздвигая ее и кладя белую таблетку. и кладет белую таблетку мне на язык.

«Проглоти», — тихо приказывает он. Я глотаю, только если это означает, что я не буду помнить ничего этого.

«Хорошая девочка», — хвалит он. Пошла ты.

Затем он проводит пальцем по моему позвоночнику, оставляя мурашки по коже.

«Не волнуйся, принцесса, возможно, я буду хорошо заботиться об этих швах. когда они придут понюхать», — бормочет он, предлагая клочок надежды, за который я отказываюсь цепляться за нее.

Я огрызаюсь и смотрю на него сквозь затуманенное зрение.

«И ты будешь лучше?» шиплю я, бросая вызов его морали. Они такие же неясны, как матовое стекло.

Медленно, он выпрямляет позвоночник и одаривает меня загадочной ухмылкой. «Думаю. ты никогда не узнаешь, верно?».

Повернувшись, он выходит из комнаты. Как только дверь захлопывается, еще несколько слез вырываются наружу. И как только они вырвались на свободу, за ними следует поток. И сворачиваюсь в клубок и закрываю рот рукой, когда рыдания вырываются наружу. В течение неопределенного времени я рыдаю до тех пор, пока мои глаза не опухают, и мне больше нечего было дать. И тогда я медленно, глубоко вдыхаю. пока снова не соберу себя по кусочкам. Это грязно, и некоторые части меня были переставлены, но я больше не в руинах, и это лучшее, что я могу на данный момент.

Протерев глаза, я выдохнула и оглядела свою новую комнату.

Таблетки начинают действовать, и в сочетании с моей вечеринкой жалости трудно оставаться в сознании, но у меня нет ни секунды, чтобы принять это без того, чтобы кто-то не дышит мне в затылок.

Они выделили мне комнату в задней части дома, хотя и приличного размера.

Она скудная, тесное пространство занимают зеркало, кровать со скомканной подушкой и царапинами сдутой подушкой и драным одеялом, тумбочка и комод.

Как и весь дом, дерево скрипит при каждом шаге предчувствую, что скоро выучу места, которые не издают никакого шума.

С другой стороны, здесь есть заколоченное окно, из которого открывается прекрасный вид на подъездную дорожку, что позволяет мне видеть, кто входит и выходит, и мне не придется ни с кем делить комнату.

До того, как появилась Франческа, Рио сообщил мне, что еще пять девушек готовятся к аукциону. Работа Франчески заключается в том, чтобы сделать из нас настоящих секс-рабынь.

Научить нас, как вести себя, как выглядеть и чего не делать.

Но на самом деле она учит нас выживать.

Я не вижу во всем этом ни малейшего смысла.

Чем более податливыми, послушными и приятными мы будем, тем меньше вероятность того, подвергнуться ненужному насилию, утверждает Рио. Но нет никаких сомнений в том, что у покупателей будет иметь жестокую, садистскую сторону, и нет никаких сомнений в том, что мы будем на стороне получателя независимо от того, какие мы идеальные маленькие карманные киски.

Они хотят, чтобы мы чувствовали, что выхода нет, поэтому мы должны вести себя правильно. и принимать хорошие дни вместе с плохими. Но это не выживание, это согласие.

Это принятие того, что однажды мы умрем здесь. Никогда не увидим нашу семью или любимых людей. Никогда не почувствовать свободу, смех и независимость до конца нашей жалкой жизни. Никогда по-настоящему не любить и не быть любимыми.

Но я ни хрена не смирюсь с этим.

Я возвращаюсь домой — в поместье Парсонс.

И к Зейду.

* * *

Скрип рядом с моей кроватью пробуждает меня от глубокой дремы, которую я проваливаюсь в глубокий сон, который, кажется, длится годами. Я просыпаюсь в холодном поту, дезориентированный и растерянный, когда нет ничего, кроме черноты, и мягкого белый отблеск лунного света, заглядывающего в окно, слабые пряди под тенью.

Только шепот моего участвовавшего дыхания слышен над колотящимся в моей груди.

Проходит несколько секунд, прежде чем я вспоминаю, где нахожусь. И в тот момент, когда это волосы на моей шее встают дыбом.

Кто-то наблюдает за мной.

Медленно, я сажусь, мои глаза адаптируются к темноте, которая давит вокруг меня. Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть в окно, по которому стучит мелкий дождь.

Молния омывает старую комнату вспышкой яркого света, и я пользуюсь короткой момент, чтобы хорошенько осмотреться.

Здесь никого нет — по крайней мере, я не вижу.

Но я чувствую на себе тяжесть взгляда, обжигающего мое лицо, как раскаленный утюг, оставленный на шелковом платье.

«Кто там?» шепчу я. Слова даются с трудом, мое горло пересохло.

Когда никто не отвечает, я смотрю в сторону тумбочки и ищу отметки на боковой стороне стола. Там шесть отметок, но, учитывая, что на улице так темно., должно быть, уже за полночь. Сейчас у меня седьмой день.

Прежде чем я позволила таблеткам овладеть собой в первый день, я нацарапала в дешевом, мягком дереве, чтобы отмечать дни, поклявшись вести счет в любой момент. когда я очнусь от своей наркотической дремы.

Рио всегда рядом, когда я просыпаюсь, готовый проводить меня в туалет и запихнуть мне в глотку суп и воду, пока я снова не вырубилась. Он подмешивает наркотики в мою еду, и я знаю, что могу отказаться, но какой в этом смысл? Я не выберусь отсюда, если буду голодать и обезвоживаться. И я обнаружила, что не против выпить яд.

Слишком одурманенный, чтобы беспокоиться, он смотрел, как я черчу линию на дереве на вторую ночь, и по какой-то непостижимой причине он начал подсчитывать их для меня. когда я сказал ему, что дни расплываются.

Он не говорит много, и не упоминал ни о каких мужчинах, пытавшихся воспользоваться мной. Если они пытались, то, конечно, не преуспели, учитывая, что я чувствую доказательства этого. Сомневаюсь, что кто-то из них потрудился бы принести бутылочку смазки.

Так что, потому ли это, что он не заботится о том, чтобы сообщить мне о своем добром деле, или потому что никто не пытался это сделать — я не знаю.

Слева от меня раздается еще один тихий скрип. Мой взгляд устремляется в направлении беспокойства, прямо в угол моей комнаты.

«Кто вы?» спрашиваю я, хотя слова выходят не лучше, чем в первый раз. чем в первый раз.

Я затаила дыхание, ожидая ответа. Проходит несколько тягучих секунд, и затем, едва слышно, я слышу еще один тихий скрип, как будто кто-то переместил свой вес с одной ноги на другую.

Через некоторое время после моего прибытия я заметил, что часть штукатурки откололась, обнажив под собой деревянные кости. Две доски обнажены, и между ними достаточно большой зазор, чтобы всевозможные жуки могли проползти внутрь.

Это заставило мою кожу покрыться мурашками, как только я заметила это, но это было быстро.

Рио вошел с дымящимся супом в руках.

«Что ты хочешь?» воскликнула я.

Еще одна вспышка молнии, настолько быстрая, что я едва успеваю обработать то, что видят мои глаза.

Между двумя деревянными досками лежит глазное яблоко. Широкое и пристально смотрит на меня. Так же внезапно, как и появился, свет гаснет, и комната снова погружается в тень.

Сильно встряхнувшись, я падаю с кровати назад, больно приземляясь на свой копчик. Я почти не чувствую, когда паника овладевает мной. Я даже не в состоянии кричать о помощи, слишком потеряна от ужаса, чтобы делать что-либо, кроме как отчаянно бить ногами. ноги, карабкаясь назад к стене и прочь от глаза.

Я прижимаюсь к ней, грудь вздымается, сердце колотится. Дождь снаружи усиливается, капли бьют в окно со свирепостью, равной с биением моего сердца.

Мои ногти впиваются в дерево, когда еще один низкий скрип прорывается сквозь стук в моих ушах.

Там кто-то есть. Видят ли они меня сейчас, прижавшись к углу комнаты? комнаты?

Глубоко вдохнув, я задерживаю дыхание, ожидая, что что-то произойдет. Это как будто моя голова засунута в гильотину, зажата в этом останавливающем сердце момент ожидания, когда опустится лезвие.

Я ожидаю, что сквозь доски прорвется фигура, ужасающий демон прямо из фильма ужасов, выгибающийся на руках и ногах и ползущего ко мне с неестественной скоростью.

Я бы с удовольствием наблюдал за этим из-за экрана — безопасно и спокойно.

Но в этом месте я не в безопасности.

Еще одна вспышка молнии, затем громкий раскат грома.

Я вздрагиваю, ожидая увидеть глаз, который все еще смотрит на меня из-под дерева, но там ничего нет.

Из моего горла вырывается звук, что-то среднее между хрипом и смехом.

Я схожу с ума. Должно быть.

Шатаясь, я поднимаюсь на ноги, мои колени почти слиплись от моих поджаренных нервов. Этого достаточно, чтобы на мгновение отвлечь меня от затянувшейся боли в моем теле.

Я дурочка. Кто-то прячется в стенах — это просто абсурд. Но потом моя улыбка сползает с лица при одной отрезвляющей мысли.

Та девушка из «Аферы Сатаны» наблюдала за людьми из стен домов с привидениями, прежде чем убить их. Но это не может быть она. Последнее, что я слышал, она все еще была заперта.

В стенах никого нет, Адди. Ты сходишь с ума.

Точно. Я сумасшедшая.

Решив доказать это самой себе, я решила, что единственный способ узнать наверняка, это посмотреть. Иду на цыпочках к тому месту в углу, громкие скрипы подчеркивают каждый шаг. Я еще не изучил ни одного тихого места — у меня не было возможности выучить.

Было бы не так страшно, если бы я мог включить свет, но это слишком рискованно. Я не хочу привлекать их внимание и предпочту рискнуть с затаиться. Это еще одна отрезвляющая мысль — осознать, что я чувствую себя в большей безопасности с монстром в стене, чем с теми, кто управляет этим домом.

Но если я когда-нибудь снова буду спать, наркотики или нет, то я должен быть уверена, что там никто не прячется, наблюдая за тем, как я сплю.

Еще одна вспышка, и я бросаюсь вперед, чтобы исследовать глубину за деревянными досками.

Там ничего нет, по крайней мере, я ничего не вижу. Я не настолько храбр, чтобы прижать свой глаз прямо к доскам, но этого достаточно, чтобы удовлетворить меня прямо перед тем, как я погрузиться обратно в темноту.

Шлепнув себя рукой по груди, я выдыхаю еще один смех, прерывистый и неровный.

Когда я возвращаюсь к кровати, я наступаю на неровное место. дерево зашевелилось подо мной. Я замираю и смотрю вниз. Шевелю ногой, и дерево снова сдвигается и стонет в знак протеста.

Мое любопытство разгорается, вместе с искрой возбуждения. Я приседаю так быстро, насколько мне позволяет мое тело, что, по общему признанию, чертовски медленно.

Хотя я выздоравливаю после аварии, я все еще так же больна от отсутствия движения.

Положив руки на доску, я скольжу по ней вниз до тех пор пока не останется зазор.

Я ковыряю край дерева, шипя, когда мой ноготь сгибается назад. болезненно, почти отрываясь от пальца. Появляется кровь, но я не обращаю на нее внимания, решив посмотреть, не прячется ли что-нибудь в половице.

Наконец, я нахожу попку и умудряюсь поднять ее достаточно высоко, чтобы засунуть палец палец под ним. Осторожно я вытаскиваю деревяшку и смотрю вниз, в черную бездну.

Выдохнув, я просовываю руку в отверстие и ощупываю его, и вздрагиваю, когда мои пальцы натываются на тушки жуков и бог знает что еще. но мое отвращение сменяется восторгом, когда я натываюсь на что-то твердое.

Я хватаю его и почти визжу, когда вижу, что это дневник.

Ни хрена себе.

Я просто пялюсь.

Найти дневник Джиджи в стене в поместье Парсонс было невероятно.

Такое бывает только в кино.

Но найти другой дневник в полу?

Невозможно. Чертовски невозможно.

Но улика в моих руках. Дешевый кожаный блокнот, ничуть не не такая шикарная, как у Джиджи. Материал потрескался и полностью отсутствует в некоторых но это самая красивая вещь, которую я когда-либо видел.

Широко раскрыв глаза, я открываю дневник и почти вскрикиваю, когда обнаруживаю внутри несколько записей внутри.

Я оглядываю комнату, как будто ищу кого-то еще. чтобы подтвердить, что я смотрю на то, о чем думаю.

Сейчас слишком темно, чтобы что-то разглядеть, поэтому я засовываю его обратно и заменяю дерево, пообещав себе прочитать его позже, когда смогу ясно видеть. Потом я встаю, слишком взволнованная, чтобы ныть от боли, и скользнула обратно в кровать.

Мое сердце колотится, отчасти от эйфории, вызванной находкой еще одного дневника, и частично от неверия.

Она-Дьявол? Если ты это сделала... спасибо тебе.

Я ложусь, чувствуя легкое утешение от того, что у меня теперь есть за что ухватиться в ожидании того, что меня ждет.

Буря, бушующая снаружи, убаюкивает меня, и как только я погружаюсь в сон. в сознание, шаги скрипят за стеной, медленно удаляясь.

Глава 8

Бриллиант

«У тебя такие красивые волосы», — раздается сзади меня мягкий, капризный голос. Резко вдохнув, я обернулся, испугавшись неожиданного вторжения.

Это она.

Девушка, которую Джерри нес на плече, когда я только пришла. Та Девушка с огнем и льдом во взгляде, и с той же жуткой улыбкой на губах, которая сейчас на ней.

Длинные светлые волосы вьются вокруг ее талии, а глубокие карие глаза смотрят на меня из дверного проема. Она слегка сторблена и ужасно худа.

Я стою у зеркала в полный рост и пытаюсь заплести французскую косу.

Рио грубо разбудила меня сегодня утром, ворвавшись в дом и набросив на меня мягкую пару джоггеры и футболку и потребовал, чтобы я собиралась, прежде чем захлопнуть за собой дверь.

Для чего, я боюсь спросить.

Мои семь дней чистилища закончились, и одна мысль о том, что я не сплю, вызывает у меня тошноту.

Я ждал дальнейших указаний, поэтому, чтобы дать себе что-то сделать, я пытаюсь убрать волосы с лица.

«Эм, привет», — говорю я, пытаясь прийти в себя.

Я мгновенно напрягаюсь под ее испытующим взглядом. Есть что-то совершенно нервирующее в ее присутствии.

Она выпрямляется и проходит дальше в комнату, становясь на несколько дюймов надо мной.

«Вам нужна моя помощь?»

Мой инстинкт подсказывает, что нужно сказать «нет». Мне очень хочется выгнать ее, чтобы я могла снова дышать. Но было бы разумнее подружиться с этой жуткой девчонкой, а не враждовать.

Поэтому я киваю головой, внимательно наблюдая за ней, пока она приближается ко мне. Она одета в длинное белое платье, которое почти прозрачно — изгибы ее тела и темные соски видны. Я отвожу глаза, пытаюсь придать ей хоть какое-то подобие уважения, которого, я уверена, ей не хватает от мужчин в этом доме.

Нехотя я поворачиваюсь к ней спиной и внимательно наблюдаю за ней через зеркало.

Она улыбается шире, показывая кривые зубы, когда тянется к моим волосам. Она прижимается всем своим передом к моей спине, и тошнотворное чувство зарождается в моем животе, когда я чувствую, как ее соски касаются меня.

Нахмутив брови, я отстраняюсь, чувствуя себя как-то странно. Она фыркает, но не подходит ближе.

Вместо того чтобы собрать мои волосы, она гладит меня. Проводит кончиками пальцев против моих коричневых прядей, почти наслаждаясь ощущениями.

Мой дискомфорт усиливается, даже когда она, наконец, собирает все мои волосы вместе. Однако она нежна со мной, ее глаза прикованы к своей задаче.

«Как тебя зовут?» — спрашивает она, проводя рукой по моим волосам, чтобы убрать чтобы убрать колтуны.

«Адди», — говорю я. «А тебя?»

«Откуда у тебя такие мягкие волосы?» — спрашивает она вместо ответа. Я опускаю глаза, мне не нравится ее избегание.

«Я не делаю с ними ничего особенного. Никакого тепла и никакой краски».

Она хмыкает, и я вскидываю бровь. «Ваше имя», — настаиваю я. Она делает паузу и протягивает бледную руку, и только через секунду я понимаю, что она просит держатель для хвоста.

Выдохнув через нос, я снимаю ремешок с запястья. и опускаю его в ее ладонь.

Проходит еще несколько мгновений молчания, и я не ослабляю взгляд, сверля ее лицо через зеркало сверлю взглядом ее лицо через зеркало, все еще ожидая ответа.

«Сидни», — наконец отвечает она, ее голос приятен, когда она начинает заплетать косу.

Часть меня чувствует, что она заставила меня ждать специально, как будто это был властный ход. Ничто в ее действиях не выглядит мстительным или жестоким — на самом деле, она невероятно нежна, когда закручивает мои волосы, но это чувство все равно запускает мое шестое чувство.

Как когда кто-то смеется над чем-то, что ты сказал, но ты просто знаешь. что они смеются над тобой, а не вместе с тобой.

«Франческа хочет, чтобы мы встретились с ней в красивой комнате».

Я понятия не имею, что такое «красивая комната». Поэтому, когда Сидни заканчивает с моими волосами и попросила меня следовать за ней, я сделала это без вопросов.

Она ведет меня по коридору, вереница девушек идет напротив нас и к комнате через несколько дверей от моей.

Мы входим в помещение, похожее на косметический кабинет — прозвище Сидни для него теперь имеет смысл. Она называет комнату не красивой, а скорее местом, куда мы ходим. чтобы стать красивыми.

Длинная вешалка с одеждой занимает одну стену, на ней висит множество разноцветного нижнего белья висит на ней. На противоположной стороне стоят три тумбочки, заваленные косметикой и кисточками. К другой стене прислонена пара зеркал в полный рост и несколько стоек для обуви с разноцветным бельем, на другой стене и несколько обувных полок, на каждой из которых выстроился ряд туфель на каблуках. ряд.

Густо сглотнув, я следую примеру девушек и встаю вместе с ними по прямой линии лицом к двери. Я предполагаю, что мы ждем Франческу.

«Что.».- начинаю я.

«Шшш». Одна из девочек прерывает мой вопрос, приказ короткий и резкий. Сидни хихикает с другой стороны от меня, и я захлопываю рот, глядя на ту. которая либо просто ведет себя как стерва, либо только что спасла меня от травмы.

В любом случае, я рискну и послушаю.

У нее длинные каштановые волосы, кончики которых доходят до попы, и лесные глаза. Ее лицо каменное, она смотрит прямо перед собой, но я не изучаю ее достаточно долго, чтобы чтобы расшифровать эмоции, бурлящие в ее радужке.

Она напряжена, это я могу сказать точно.

И я не уверена, из-за того, что произойдет, когда приедет Франческа, или из-за чего-то другого.

Или, может быть, это потому, что ее похитили и продали в торговлю людьми. торговлю людьми, и что бы ни происходило, все чертовски плохо.

Мгновением позже каблук громко стучат по дереву, когда Франческа поднимается по лестнице и идет по коридору к нам. Думаю, это одно утешение в этом доме — я всегда буду знать, где Франческа и придет ли она.

Она определенно не гребаный призрак Каспера с этими чудовищами на ногах. ногах.

Сколько мозолей ей пришлось пережить, прежде чем ее ноги стали достаточно мозолистыми, чтобы носить их весь день, каждый день?

Двадцать? Тридцать? Может быть, странное число сорок два.

Когда она входит, ее взгляд сразу же находит мой. Я отворачиваюсь мгновенно, не зная, сочтет ли она это вызовом, если я встречу ее взгляд.

Она проходит мимо меня, ее фруктовый парфюм остается, пока она смотрит на каждого из нас.

«Вы все выглядите как дерьмо», — ехидно комментирует она, и я чувствую тяжесть ее взгляда., особенно в бок моей головы.

Да, потому что это была моя гребаная вина, что меня сбили с дороги и вытащили из разбитой машины. Сука.

Она останавливается перед девушкой с огненными волосами, поднимает жгуче-оранжевый локон и с отвращением смотрит на секущиеся концы. с отвращением смотрит на секущиеся концы.

«Я сказала тебе подровнять их, не заставляй меня просить снова, иначе Джерри получит еще одну ночь с тобой», — комментирует она, отбрасывает прядь и идет дальше. Девушка моргает, вспышка боли то появляется, то исчезает, но Франческа устремляет свой орлиный взгляд устремлены на ее следующую жертву.

Девушка с грязными светлыми волосами и следами красоты на лице и по шее. Франческа внимательно наблюдает за ними.

«Мы уже говорили об этом, Бетани. Следы красоты — это одно, но родинки — это неприемлемо». Я нахмурила брови, задаваясь вопросом, как можно контролировать это.

«Тебе было велено ухаживать за волосами, растущими из этих уродливых штук. каждый день. Почему я вижу волосы?»

Девушка-Бетани неловко отодвигается. «Мне жаль, Франческа. Когда я у меня был грипп...»

Резкая пощечина обрывает ее слова, звук звенит у меня в ушах. Бетани держится за покрасневшую щеку, рот открыт в шоке.

«У тебя все еще грипп?» рычит Франческа.

Бетани медленно качает головой. «Нет, мэм. Вчера вечером у меня спала температура».

Мои глаза почти выпучиваются, но я стараюсь сгладить свое выражение. Это наверное, первый день, когда она снова чувствует себя немного человеком.

«Рокко!» громко зовет Франческа, заставляя нас шестерых вздрогнуть. Мы все кажется, сразу выпрямляем позвоночники.

Рио рассказывал мне о нем, но я еще не имела удовольствия с ним познакомиться. Если по осязательному напряжению в воздухе можно судить, то егокого стоит опасаться. Они все такие, на самом деле, но впервые с момента знакомства с этими девушками, я чувствую это.

Все, кроме Сидни, очевидно. Она прячет свое хихиканье за рукой, и с ликованием смотрит на дверь. Я бросаю на нее неприязненный взгляд, но она не обращает на меня ни малейшего не обращает на меня ни малейшего внимания.

Тяжелые шаги поднимаются по ступенькам, и каждый стук усиливает напряжение.

К тому времени, как он входит, мы все становимся каменными, а Сидни вибрирует от возбуждения. возбуждения.

Его присутствие — чистое зло, и я просто знаю, что когда этот человек умрет, он не попадет в ад. Он останется в четвертом измерении, где будет продолжать преследовать и терроризировать живых.

Рокко — крупный мужчина с еще большим брюхом. Пот покрывает его кожу, когда он осматривает нас шестерых. Он определенно похож на брата Франческа, оба с крючковатые носы, загорелая кожа и золотисто-карие глаза.

Хотя они и выглядят родственниками, Франческа красива, тогда как Рокко... нет.

Единственная красота, которая когда-либо касалась этого человека, была от рук женщины. Прикосновения, которые были украдены и имели высокую цену, которую заплатила только она. за которую заплатила только она.

Франческа кивает на Бетани: «Она не следила за уродливыми наростами на лице».

Глаза Рокко переходят на дрожащую девушку, и хотя он не смотрит на меня, сила его взгляда посылает укол ужаса через мой организм. Бетани пытается сохранить лицо чистым, но все ее тело дрожит так сильно, что я слышу, как стучат ее кости.

На комнату опускается тишина, поэтому, когда он открывает нож, резкий металлический звон звучит как удар молнии.

Бетани вскакивает, и я не единственная девушка, которая неловко переминается с ноги на ногу.

«П-пожалуйста, Рок...»

«Молчи», — огрызается он, его ржавый голос посылает дрожь по моему позвоночнику.

Я понятия не имею, что он собирается сделать, но я уверена в одном: этот голос будет преследовать меня в кошмарах до конца моих дней.

«Ты ничего не стоишь для нас, если ты уродлива», — ругает он, подходя к ней и сжимает ее лицо в своей мясистой ладони. Она хнычет, когда он сжимает ее щеки и дергает ее голову в сторону, чтобы он мог лучше рассмотреть ее родинки.

Она вздрагивает, но каким-то образом заставляет себя не бороться с его хваткой, как бешеная собака. Он направляет кончик лезвия на ее кожу и медленно начинает резать.

Я задыхаюсь и собираюсь сделать шаг вперед, но рядом со мной рука кареволосой девушки вырывается и хватает мою, сжимая так сильно, что становится больно.

А с другой стороны от меня Сидни охает, как старший брат и сестра, который наблюдает за тем, как младший ребенок попадает в неприятности. Я мотнула головой в ее сторону, ярость излучаемая каждой порой моего тела.

«Что с тобой не так?» шиплю я, сохраняя низкий голос.

Темные глаза Сидни встречаются с моими, и я понимаю, что они не сильно отличаются от глаз Рокко. Мертвые и холодные.

«Много», — отвечает она безразлично.

Бетани кричит, когда Рокко продолжает вырезать на ее лице резьбу, и я физически не могу сдержать себя.

«Разве ты не делаешь ее еще уродливее?» огрызаюсь я. Бетани ни в коем случае не уродлива, но их логика обратная. Если родинка с несколькими волосками — это такая большая проблема, то каким образом разрезание ее лица решит проблему?

Они делают ей шрамы на лице, черт возьми.

Рокко замирает, а Франческа поворачивает голову ко мне, ярость видна сквозь

запекшийся макияж. Но что-то в выражении ее лица вызывает мгновенное сожаление. Не потому, что она злится на меня за то, что я высказалась.

Потому что она не сможет меня спасти.

Сидни громко фыркает рядом со мной и делает огромный шаг в сторону.

Явно не желая быть связанной с моим плохим поведением, хотя то, как она ведет себя отвратительно.

Я прикусываю губу, мои глаза опускаются вместе с сердцем. Оно начинает колотиться страх наполняет мои вены, а адреналин циркулирует по всему телу. мое тело, вызывая тошноту.

Я закрываю глаза в знак покорности, ненавидя себя за отсутствие самоконтроля.

Это не похоже на противостояние с психотическим преследователем. Он не загадочный, и он не будет загадочен, и не переходит грань между болью и удовольствием. Нет никакого болезненного возбуждения, когда отвратительный мужчина смотрит на меня, вероятно, представляя все самые ужасные способы, которыми он осквернить или убить меня.

Он не Зейд.

Рокко отпускает Бетани, кровь стекает по ее лицу и пачкает кончики его пальцев. кончики пальцев. Она дрожит, ее лицо искажено болью, хныканье вырывается из ее губ, хрипы, когда она отшатывается от того, что ее лицо разрезано.

«Что ты сказала, бриллиант?» прорычал Рокко, его голос был пропитан ядом. И сжимаю губы, ненавидя, что прозвище Рика начинает прилипать к ним.

Тысячи мыслей проносятся в моей голове за считанные секунды.

Различные сценарии того, как я могу выйти из этой ситуации невредимой. Что я могу сказать или сделать, чтобы успокоить неистовый торнадо, надвигающийся на меня, если только это предотвратит мой мир не рухнет вокруг меня. Но в конце концов, я оказываюсь пустой.

Я смотрю на кареглазую девушку рядом со мной, и она смотрит на меня как на идиотку. Я и есть идиот. Но, блядь, я не мог смотреть, как девушку калечат за то. за то, что у нее на лице ебаная родинка, и молча смотреть.

Следи за собой, мышонок. Больше никто не будет.

У меня во рту пересохло, и я боюсь, что мой язык сморщится и раскрошится от недостатка влаги. Все это перенаправлено в глаза, но я не смею позволить слезам упасть. Я облизываю губы, смачивая их, чтобы я могла произнести слова, но они будут бесполезны.

«Ничего, простите», — задыхаюсь я, сохраняя голос маленьким и приятным.

Отношение, несомненно, приведет к еще худшим последствиям, и пока я преуспел в этой попытке, я не преуспел в сдерживании дрожи в моего тона. Страх.

«Глупая девчонка», — шипит Франческа, ее глаза тонкие и горячие. Рокко подходит ко мне, медленно и целенаправленно открывая и закрывая нож. клинок. Снова и снова, каждый металлический звон нагнетает ужас в мою систему.

Он останавливается в нескольких дюймах от меня, его пивное брюхо упирается мне в живот, а его зловонное дыхание обжигает мои ноздри. Господи, он пахнет запахом тела и сыром недельной давности, оставленным на солнце. То небольшое самообладание, которым я которое у меня есть, направлено на то, чтобы не вздрогнуть от запаха.

«Посмотри на меня», — шепчет он.

Я поднимаю глаза, чтобы встретиться с его холодным, мертвым взглядом. Пронзительный крик в моих ушах нарастает, пока мы смотрим друг на друга. Он

формируется глубоко в глубине моего сознания и нарастает до крещендо, пока я почти не слышу звуков вне.

Это предупреждение. Мое собственное тело бьет тревогу, предупреждая меня о серьезных разрушениях, надвигающихся на меня. Подобно сигналу тревоги торнадо, прямо перед тем, как смертоносный смерч разрывает жизни в клочья.

Его толстая ладонь захватывает мое горло, его губы кривятся, когда он поднимает меня на свой уровень роста, подвешивая меня на кончиках пальцев ног. Инстинктивно я впиваюсь когтями в его руку, и уверяю себя, что если я умру здесь и сейчас, а Зейд найдет мое тело, он будет точно знать, кто виноват, судя по коже под моими ногтями.

Рокко не вздрагивает, несмотря на то, как глубоко мои ногти впиваются в его кожу. Сайт края моего зрения темнеют по мере того, как мое тело истощается от кислорода, неуклонно выходящего из легких, а в глазах вспыхивают звезды.

«Не убивай ее. Она ценная», — огрызается Франческа, хотя ее голос звучит далеко, как будто я заперта в водовороте.

Зарычав, он разворачивает меня и бросает на пол, как обертку от жвачки. обертку от жвачки.

Я хрюкаю от удара, неловко приземляясь на правое запястье, но прежде чем я не успел я подняться, как он уже навалился на меня, его вес душит.

Сразу же включаются инстинкты выживания, и я начинаю бороться или бежать... именно борьба. Я изгибаюсь под ним и бью локтями по его голове.

Но я промахиваюсь, слабая попытка вырубить двухсотфунтового мужчину. сверху.

«Слезь с меня!» кричу я, дергая бедрами, отчаянно пытаюсь сбросить его с себя. Так отчаянно, что я стала бешеной. Я вырву плоть из своих костей своими зубами, если это означает выбраться из-под него. Я сделаю все — абсолютно все, чтобы сбежать.

«Рокко», — предупреждает Франческа, прорываясь сквозь панику, которая поглотила мой разум. «Ей нужно вылечиться».

«Ей нужно узнать свое место. Это не обязательно должно быть больно», — возражает он, задыхаясь от усилий заставить мое сопротивляющееся тело подчиниться. Он терпит неудачу

— но и я тоже. Я слаба и все еще испытываю боль, а он намного сильнее.

Он собирается победить.

«Верно, алмаз? Это может быть быстро и безболезненно. Маленький урок, чтобы научить тебя держать свой гребаный рот на замке».

Он бьет меня лицом в деревянный пол, грязь и пыль скрежещут по моему лицу. лицо, когда он разрывает мои джоггеры. Ткань рвется, громкий звук разрыва посылает еще одну порцию ужаса в мой организм, когда его возбужденное дыхание участилось.

«Нет!» кричу я, когда он рвет мои трусы. Он игнорирует меня и расстегивает свои джинсы, и единственной реакцией на это является щелчок расстегиваемой молнии.

Слезы текут по моим щекам, когда я чувствую его плоть на своей спине. спине.

Я снова пытаюсь вывернуться, но один удар по затылку останавливает меня, мой мир взрывается. Боль была постоянным спутником всю последнюю неделю, но сейчас ее нет нигде. Мой разум чувствует, что я могу пробежать милью, но мое тело физически не может остановить этого мужчину, оскверняющего меня.

«Не бей ее!» огрызается Франческа, больше беспокоясь о том, что он ушиб яблоко. Но как это может быть, если я буду чертовски гнилой к тому времени, как он закончит? когда

он закончит?

Одним толчком он погружается в меня, и я кричу. Громко и пронзительный, высота тона соответствует пронзительному звону в моей голове.

«Черт возьми, Рокко, на тебе нет презерватива», — кричит Франческа, а в моей голове раздаётся тихий шепот, удивляющийся, как она может смотреть на это. Просто стоять там, злясь, что ее брат не надел презерватив, пока он насилует девушку.

Он хрипит, а потом смеется, когда снова и снова вгоняет себя в меня.

«Ощущения, блядь, тоже невероятные».

Я ничего не могу сделать, чтобы остановить его, и поражение, которое покрывает мою кожу, как горячее масло, чертовски жжет.

Я пытаюсь отползти от него, мои ногти впиваются в дерево и Я пытаюсь вырваться из-под него. Они гнутся и ломаются от давления, отрываясь от моей кожи, пока он тащит меня обратно вниз, царапая пол.

Он врезается в меня один раз, еще два, прежде чем вытащить и кончить на мне.

Ленты его семени разлетаются по моей спине, и я не могу удержаться от рвотных позывов.

Он рычит, его ладонь ударяется о мое лицо.

«Рокко!» Каблук топает по дереву в приступе ярости, вибрация доносятся до моих кровотокающих рук.

«Чертова сука», — бормочет он, не обращая на нее внимания. Я снова затыкаю рот, чувствуя, как его его сущности, просачивающейся в мою плоть, вызывает тошноту.

Франческа вздыхает, бросается ко мне и грубо хватается меня за руку.

«Вставай», — прошипела она, поднимая меня на ноги. Я так зла, так расстроена от того, что он только что сделал, что я реагирую. Как только я встаю на ноги, я кручусь на талию и посылаю свой кулак ему в нос. Он воет в ответ, готовясь чтобы броситься на меня, но Франческа встает между нами и блокирует его.

«Лежи! Ты уже достаточно сделал», — рычит она, а затем вытаскивает меня из комнаты. Я все еще раздета до пояса, кровь запеклась у меня между бедрами. Мое тело не принимало того, что он делал, поэтому вторжение было грубым и чрезвычайно болезненным.

Она толкает меня в мою комнату и бьет меня по лицу, заставляя меня споткнуться. Дверь захлопывается, а затем: «Зачем ты это сделала, глупая, глупая девочка?»

Она снова дает мне пощечину, и у меня звенит в ушах от боли. Я хватаюсь за щеку, продолжая отскакивать от нее, пока она прижимает меня к стене.

Ты ставишь синяк на яблоко, Франческа.

Ее руки хватаются за обе стороны моего лица, и ее наманикюренные когти впиваются в мои покрасневшие щеки.

Прижав свое лицо к моему, она негромко рычит: «Держи рот на замке, слышишь меня? Мужчины в этом доме сделают все, чтобы превратить твою жизнь в ад. пока за тебя не заплатят. И ты, блядь, точно их не ударишь!».

Она трясет меня: «Скажи мне, что ты понимаешь», — шепчет она, сохраняя тихий голос.

«Я понимаю», — плачу я, мои щеки горячие и мокрые от непрекращающихся слез.

Франческа сердито отпускает меня, отрывается от меня и бросает горячий взглядывается через плечо, шагая по комнате. Я сползаю по стене, не в силах держаться на ногах, так как

рыдания сотрясают мое тело. Полоса крови и я понимаю, что Рокко разодрал швы на моей спине.

Проведя руками по волосам, я крепко сжимаю пряди, заставляя себя успокоиться.

Глубокий вдох, Адди. Глубокий вдох

Глава 9

Бриллиант

Кажется, когда моя жизнь переворачивается с ног на голову, у меня всегда есть дневник, чтобы предложить мне спасение.

Я не знаю, как ей удалось заполучить дневник, но я нахожу утешение в гневных словах Молли. Молодая девушка, у которой украли жизнь так же, как и у меня. И за ней ухаживала Франческа, не меньше.

У меня рот открылся, когда я прочитала, что Франческа занималась этим как минимум тринадцать лет. Сколько девочек она видела, как их насиловали, пытали, и продают сумасшедшим людям? Скольким она сама причинила боль?

Мой желудок сворачивается, а горло сжимается от отвращения, когда я вчитываюсь в слова сломленной девушки. Она была полна жизни в мире, который был полон решимости и с каждой записью я все больше влюбляюсь в нее. Я чувствую ее в каждом росчерке пера, поэтому я провожу по ним дрожащими пальцами и леплю себя в ее суровые линии.

Она — это все, чем я хочу быть.

Когда я дохожу до последней страницы, мое сердце разрывается, возникают миллионы вопросов. Так же быстро, как я нашел утешение, я снова стала опустошенной и пустой.

Слезы наворачиваются на веки, когда я перелистываю страницы, неистово нуждаясь в ее словах. Но я не нахожу ничего, кроме пустых страниц.

Удалось ли ей выбраться? Вернулась ли она к Лейле и забрала ее. чтобы найти новую жизнь? Лучшую жизнь?

Я изнуряю себя вопросами, на которые никогда не получу ответов. По крайней мере крайней мере, пока я здесь торчу.

Потерпев поражение, я захопываю журнал и набираюсь сил. энергии, чтобы скатиться с кровати и подползти к открытой щели. Горячие слезы проливаются, когда я засовываю журнал обратно в тайник. И когда я закрываю деревянную доску обратно, все, о чем я старалась не думать, снова нахлынуло на меня.

Чуть не упав в спешке на кровать, я сворачиваюсь в клубок, сжимая кулаки. кулаки, мои сломанные ногти кричат. Все мое тело содрогается от воспоминаний. уничтожая любое подобие мира, который я обрела с Молли. Всем, что у меня, я крепко держусь за рыдания, раздирающие мое горло в попытке вырваться.

Я не позволю им.

Прошло не более получаса с тех пор, как Франческа ворвалась из моей комнаты и пошла успокаивать Рокко, который, судя по звуку, пришел в ярость и начал крушить все вокруг. Я немедленно сорвал с себя испачканную одежду и оделась в свежую, но это не помогло мне успокоиться. пока под моей комнатой царил хаос. Тогда я вспомнил о дневнике в половицах и нашла утешение в Молли.

В течение неопишуемого количества времени я смотрел на стену. Если мои глаза хотя бы на пыльный деревянный пол, все, что я вижу, это образ себя лежащего на земле с Рокко, установленным надо мной. Я наблюдаю за осквернением моей души, словно внетелесный опыт. Стою над наваждением, не в силах остановить происходящее.

В отчаянии я пытаюсь направить свои мысли на что-нибудь другое — Зейда или Дайя, но поезд каждый раз сходит с рельсов, возвращая меня обратно в комнату красоты... Они

всего лишь призраки, преследующие коридоры моего мозга, и каждый раз. я тянусь к ним, они только исчезают.

Я зажмуриваю глаза, разочарование нарастает.

Я должна была прислушаться. Да, именно так я и должен был поступить. Позволить девочке быть, чтобы спасти себя.

Покачивая головой, я стучу пяткой ладони по лбу. Как я буду жить с этим? Если я когда-нибудь выберусь отсюда, как я смогу смириться с тем зная, что я стояла в стороне, пока с другими девушками происходили ужасные вещи, только чтобы спасти себя?

Они стояли в стороне, пока тебя насиловали.

Стояли. Ненавижу ли я их за это?

Не знаю. Вроде того. Внутри меня разгорается чернота. внутри меня, и я вроде как тоже хочу их убить.

«Нет», — шепчу я. Я не могу ожидать, что все будут такими жертвенными. Я не могу ожидать, что что девушка, которая подвергается насилию так же, как и я, попытается спасти кого-то еще. Попытаться.

Потому что в этом и заключается гребаная проблема. Их не спасти. Бетани все равно вырежут эту родинку из ее кожи. Все эти девушки там... все равно будут изнасилованы и замучены, сколько бы раз я не вступал в это.

Мы все просто ягнята, ожидающие заклания, и то, что меня убьют. не остановит волков от пиршества.

Так что, блядь, мне делать? голос Зейда шепчет в моем сознании, и мое сердце болезненно сжимается.

Выбирай свои битвы. Будь умнее.

Легче сказать, чем, блядь, сделать.

* * *

Я вздрагиваю, когда через десять минут дверь моей спальни с грохотом распахивается. дверная ручка врезается в идеально круглую вмятину в стене. Очевидно. эту дверь выбивали в течение долгого времени.

Тяжело дыша, я смотрю, как Рио входит в комнату, неся в руках аптечку и выглядит спокойным, как никогда, несмотря на то, что он выбил дверь.

«Уже создаешь проблемы, принцесса?» — небрежно спрашивает он.

Я отказываюсь отвечать, поджав губы и глядя на него опухшими глазами. Он поднимает брови, когда видит мое лицо, отчего мои щеки пылают от гнева. На мгновение он выглядит разъяренным, хотя я не могу не могу понять, на кого.

Он крутит пальцем в воздухе, показывая, чтобы я перевернулась.

«Я должен убрать беспорядок, который ты устроила», — говорит он мне, его лицо разглаживается. в нечитаемое выражение. «У тебя повсюду кровь».

Задыхаясь, я переворачиваюсь на живот, напрягаясь, когда чувствую, как его пальцы расправляют мою футболку по спине.

«Это не моя вина...»

«Здесь во всем виновата ты», — прерывает он, его голос становится все глубже. суровостью. «Никогда не забывай об этом».

Он шуршит припасами, вздыхая, как будто это огромное неудобство для него.

«Мне ужасно жаль, что я прервала твой день торговли женщинами», — бормочу я, задыхаясь от ярости. В ответ он прикладывает смоченный спиртом тампон к моим разорванным швам. Ожог поражает, и я шиплю сквозь зубы, проклятия на кончике языка.

Чертов мудака.

— Из-за твоего рта ты попадешь в ситуации и похуже этой, — говорит он мне. — Что тебе нужно сделать, чтобы усвоить урок? Убить девушку.

Сглотнув, я задыхаюсь: «Прости».

Из его горла вырывается громкий, рокочущий смех. Я поворачиваю голову к нему, в ярости, когда его плечи затряслись от смеха. Его темные глаза сверкают первые настоящие эмоции, которые я увидела до сих пор. Это почти так же страшно, как то, что он гнев.

«Ты смеешься надо мной», — говорю я с недоверием.

«Детка, я не тот, кого тебе нужно бояться. Мне больше нравится твой рот».

«Ты только что сказал...»

«Ты говоришь, не подумав, и это то, что тебе нужно научиться контролировать», — вклинился он, его улыбка померкла, но глаза все еще горели весельем. «Каким бы сексуальным ни был твой огонь, принцесса, это последнее, что тебе нужно в этом месте».

Я кривлю губы от отвращения, откидывая голову назад на кровать, пока он продолжает мыть мою спину.

«Не называй меня сексуальной», — огрызаюсь я, только потому, что он прав, и мне нечего сказать ничего лучше.

«Ты убьешь меня за это?» — бросает он вызов, притворяясь безразличным.

Хотя, он говорил совсем не так, когда я проснулась в фургоне и услышала.

Рик и он обсуждали, предложит ли им Общество защиту от гнева Зейда.

Я пожалала плечами. «Он все равно убьет тебя, так что, думаю, это не имеет значения».

Он молчит, и как раз когда я убеждаюсь, что он не собирается ничего говорить. Я слышу, как он шепчет под дых: «Я знаю».

* * *

Когда Рио уходит, Франческа несется по коридору, ее каблуки гулко стучат по полу. Ее рука обхватывает руку Рио, останавливая его у двери.

«Ей хуже?»

Он качает головой. «Нет, они поверхностные. Она будет в порядке», — отвечает он, хотя его последние слова звучат так, будто они имеют двойной смысл. Когда она отворачивается от него, он подмигивает ей через плечо, прежде чем уйти, оставив меня в замешательстве.

Он такой чертовски горячий и холодный.

Франческа врывается в комнату, выглядя взволнованной, с растрепанными волосами и глазами. Ее платье порвано у воротника, и я задаюсь вопросом, что за истерику закатил Рокко.

«Иди в комнату красоты. Сейчас же».

Ее резкие шаги выносят ее прямо из комнаты. Я вскарабкиваюсь с кровати, потирая сухие глаза, пока спешу за ней. Рио подстриг мои сломанные ногти и привел их в порядок,

но я все равно чувствую себя разбитой. Каждый шаг напоминанием о том, что произошло в той комнате, и мой желудок переворачивается, когда я приближаюсь к ней. Ближе. Все мои силы уходят на то, чтобы сосредоточиться на рядах девушек, а не на том месте, где я потерял рассудок.

Ни одна из них не привлекает моего внимания. Кроме Сидни.

Ее нижняя губа плотно прилегает к кривым передним зубам, когда она сдерживает ухмылку.

Она находит это забавным, и я решаю, что Сидни я ненавижу.

Не обращая внимания на психованную суку, я ищу Бетани, и в горле у меня образуется комок, когда я замечаю кровавую открытую рану там, где раньше была ее родинка. Моя грудь сжимается, подтверждение этого ощущения, словно острые ножи, царапающие мои нервные окончания.

Меня изнасиловали просто так.

Черт, я знал это. Но это все равно похоже на то, что меня трахнули снова и снова.

Прочистив горло, я выпрямляюсь, смущение и стыд обжигают мои щеки. Я не знаю, почему. Не то чтобы изнасилование было чем-то, чего я должна стыдиться. Может быть, потому что я чувствую себя чертовски глупо.

«Сегодня мы должны были готовиться к Куллингу, но тебе пришлось пойти и отвлекать внимание», — огрызается Франческа.

Мое сердце опускается, как камень в воду, я слишком увлечен ее словами, чтобы почувствовать смущение. Молли упоминала о Куллинге в своих записях, но она не подробно рассказывала, что это такое, только намекнула, что за ней охотятся.

Облизывая потрескавшиеся губы, я спрашиваю:

— Что такое «Куллинг»?

Франческа ухмыляется.

— Это значит охотиться на животных. Мужчины будут охотиться, а ты, моя дорогая, станешь добычей.

Моя грудь сжалась, но в глубине души я уже знала этот ответ. Я просто не хотела в это верить. Полагаю, я не должна удивляться, что они действительно охотятся на женщин, как будто мы дичь, которую можно застрелить и повесить над камином.

Это чисто ради спорта. Чтобы посмеяться и поразмяться, пока кучка девчонок бегают и пытаются избежать попадания пули. Или типа того?

Мне приходится бороться, чтобы сдержать позывы к рвоте. Я не хочу, чтобы на меня охотились.

И, похоже, это все, чем была моя жизнь в последние несколько месяцев.

Франческа окидывает взглядом линию.

— Мероприятие состоится в конце этой недели, и у меня есть важный клиент. Ксавье Делано. Он один из лучших покупателей на рынке, и если вам повезет, вы будете выбраны для участия в аукционе. Но вы будете выбраны только в том случае, если вы будете признаны достойными после Выбраковки.

Ее ледяные глаза находят меня, отвратительное выражение искажает ее черты.

— Кроме тебя. Ты выглядишь отталкивающе.

Я проглатываю ответ, сидящий на языке, и киваю головой в знак согласия, как хорошая маленькая пленница. Не то чтобы я чертовски хотела быть выбранной.

Думаю, я должна радоваться, что с ног до головы покрыта синяками.

Она щелкает языком, как будто считает меня глупой.

— От тебя все равно будут ждать участия в Выборе.

Конечно, конечно. Что за еще одна травма?

— Наряду с Ксавьером, у нас есть еще несколько потенциальных покупателей. также. Ты хочешь произвести наилучшее впечатление на этих людей. Я не потерплю никаких дерзостей, вы понимаете? — В середине речи ее взгляд переместился на других девушек, но к тому времени, как она заканчивает свое предложение, ее взгляд снова устремляется на меня.

Я сжимаю губы в жесткую линию и киваю один раз. Другие девушки тоже подтверждают ее приказ, вскинув подбородки.

«Чем меньше у них интереса к тебе, тем меньше вероятность того, что ты покинешь мой дом. И знаете, что это значит? Это значит, что я не произвожу лучших девушек, и я буду очень чертовски зла, если это когда-нибудь случится».

Как у нее зубы не сгнили от мерзости, которую она извергает весь день?

Мне требуется огромное усилие, чтобы сохранить лицо чистым от потрясения. через меня.

Она медленно подходит ко мне.

— Давайте проверим несколько сценариев. Что вы делаете, когда мужчина просит вас встать перед ним на колени?

— Встаю на колени, — отвечаю я, мой голос хриплый.

— А когда он говорит тебе расстегнуть его брюки и достать член?

— Делай, как он говорит.

Она кивает, внимательно изучая меня.

— И что потом?

Откушу ему член.

Я знаю, каков очевидный ответ. Тем не менее, я также знаю, что контролирующие мужчины действительно получают удовольствие.

— Подожди, пока он даст мне разрешение.

Удивление мелькает в ее глазах, и я ненавижу реакцию, которую вызывает во мне этот взгляд из меня. Последнее, что я хочу сделать, это заставить секс-торговца гордиться собой, но, по правде говоря, это именно то, что мне нужно сделать. Я просто не хочу чувствовать это.

Во время наших учебных занятий Зейд много рассказывал мне о том, что такое торговля людьми и как я могу избежать ее, если Общество когда-нибудь придет за мной.

Заставьте их доверять вам. Заставь их увидеть в тебе человека, а не объект. для продажи.

Имело ли вообще значение, если бы они видели во мне человека? Такие люди... у них нет никакого сострадания к человечеству. Не тогда, когда они сами сами не люди.

Она фыркает. «Хорошо».

И затем она переходит к следующей девушке, той, у которой лесные глаза и которая постоянно предупреждала меня держать рот на замке.

«Джиллиан, как ты к ним обращаешься?»

«Да, сэр», — мгновенно отвечает она, ее глаза расфокусировались, пока Франческа смотрела на нее. вниз. Наш похититель кивает один раз и переходит к девушке с огненно-оранжевыми волосами.

«Фиби? Когда они обращаются к тебе, ты смотришь им в глаза?».

«Нет», — уверенно отвечает она.

«Почему?» спрашивает Франческа.

«Потому что это неуважительно».

Ублюдки. Они хотят, чтобы мы были кроткими и трусливыми. Грустные, маленькие девочки, которые не должны не иметь никаких других мыслей, кроме того, как угодить своему хозяину.

Отвратительно, вот что это такое.

Бетани следующая, но она не так спокойна, как две другие девушки — Джиллиан и Фиби. Очевидно, ее изуродовали после того, как меня вытащили из но кто скажет, что с ней не сделали больше?

Возможно, в разгар своей истерики Рокко изнасиловал и ее.

Я сжимаю кулаки, но держу ноги приклеенными к полу, а позвоночник зафиксированным и не сгибается.

«Когда мужчинам не нравится что-то на твоём теле, например, волосатая родинка, что ты делаешь, Бетани?».

Ее губы дрожат, и я вижу на языке ее тела борьбу за то, чтобы не сломаться. не сломаться. Ей требуется мгновение, чтобы взять себя в руки, прежде чем она отвечает: «Убедиться чтобы не было волос».

Франческа медленно кивает. «Хорошо». Она смотрит на рану на месте родинки. где раньше была родинка. «Я надеюсь, что у тебя больше нет таких ран в местах, которые я не могу видеть. Потому что если есть, и я узнаю, что они неухоженные, они будут вырезаны тоже».

Затем она переводит взгляд на последнюю девушку в очереди. Она более кроткая, чем других, более мускулистая. Короткие каштановые вьющиеся волосы, очки в проволочной оправе и красивые ланьи глаза.

Она опускает глаза, даже когда Франческа обращается к ней.

«И когда тыходишь в Кулинг, Глория, каково единственное и неповторимое правило?»

Она облизывает губы, смотрит на Франческу, а затем быстро опускает их. снова.

«Не попади под удар», — шепчет она, ее голос высокопарный и тоненький.

Я нахмуриваю брови.

«А что будет, если ударят?»

Она шумно сглатывает, так как ее начинает сильно трясти. «Мы... мы...». Она останавливается, собирается с духом и выдавливает из себя остаток предложения. Слова произнесены так быстро, что почти слились воедино. «Мы будем наказаны».

«Хорошо», — говорит она, а затем направляется к двери, выходя, чтобы взять что-то у входа. Мое сердце падает, когда она возвращается с арбалетом.

«Я хочу, чтобы ты ушла из моего дома, Сидни, так что ты будешь участвовать, но если ты попытаешься сбежать еще раз, я лично убью тебя сама. Ты больше не больше не стоишь этих хлопот».

Сидни задыхается, как будто слышит это впервые, но у меня такое чувство. чувствую, что это было разговором, сколько бы времени она не провела в этом доме.

Она ворчит: «Я бегу только потому, что хочу остаться с тобой».

«Ну, ты не можешь», — огрызается она. «Это не гребаный Holiday Inn. Теперь когда бриллиант у меня в руках, я больше не могу позволить тебе позорить меня. Ты будешь продана».

«Какое отношение она имеет ко мне?» возразила Сидни.

«Потому что она — моя самая ценная девушка, и если заметят, что ко мне привязана прикреплен чертова пиявка, которая не способна быть проданной, они сочтут меня недостойным и заберут ее из моего дома!»

Ярость вспыхивает в глазах обезумевшей девушки, и кажется, что она стремительно спускается в яму истерии. Когда она ловит мой взгляд, она рычит на меня, как будто это я виновата в том, что Франческа не разрешает ей остаться.

Франческа берет себя в руки, ее глаза затягиваются от затаенного гнева.

«Завтра мы идем на тренировку», — приказывает она, отвлекая мое внимание. отвлекая мое внимание от кипящей девушки. Ее глаза обвиняюще мерцают на меня. «И мне неважно, насколько ты особенная, я не потерплю провала».

Как начинаются извержения вулканов? С давления. И оно зарождается внутри меня.

Огненная магма поднимается, густеет от ненависти, становится плотнее от жажды крови.

В конце концов, я собираюсь взорваться, и я обещаю, что сожгу этот весь этот чертов дом вместе со мной.

— Я определил местонахождение фургона, — говорит Джей, поворачиваясь в своем кресле. Я только переступил порог его кабинета, только что вернувшись из дома Дайи.

Прошла неделя с тех пор, как я вытащил ее из лап Люка, и с тех пор... она стала мне помогать. Я поручил ей изучать Рио и Рика, пока Джей сосредоточился на поиске Рио и Рика.

Джей сосредоточился на поиске фургона. Мы зашли в тупик в Орегоне.

Автомобиль бесследно исчез с камер, и с тех пор я схожу с ума. с тех пор.

Ее не было уже двенадцать дней, и я чувствовал каждую гребаную секунду. ее.

— Как ты ее нашел?

— Наконец-то нашли по спутниковому снимку, сделанному вчера.

— Ходи и говори, — приказываю я, поворачиваясь и выходя обратно. — Какой адрес?

Он называет адрес, вскарабкиваясь со стула, затем следует пробормотанное ругательство, громкий стук и еще одно или два красочных слова.

Я оглядываюсь и вижу, как он пытается надеть второй ботинок, прыгая на одной ноге и чуть не врежется лицом в стену.

Покачивая головой, я спускаюсь по лестнице, оставляя его разбираться в том. как снова стать полноценным человеком.

К тому времени, как я распахиваю дверь своего «Мустанга», Джей уже закрывает за собой входную дверь за собой и спешит к машине.

Он живет в скромном доме со своим младшим братом, Кэмероном, хотя я никогда бы не узнала об этом, если бы не знала. никогда бы не узнал об этом, если бы не редкие крики, когда он кричит во время игры. в какую бы игру он ни играл. Или с кем бы он ни играл.

Родители Джея и Кэмерона были наркоманами и ушли из жизни, когда Джею было шестнадцать, а Кэмерону семь. было шестнадцать, а Кэмерону семь. К счастью, Джей — настоящий гений и сумел сохранить это в тайне от государства. Он работал на многочисленных чтобы оплачивать счета и поддерживать здоровье брата.

Шесть лет спустя Джей получил законное опекуновство над Кэмероном, и они живут роскошно. Кэмерон не знает о том, чем занимается его брат, и сейчас сейчас он слишком молод, чтобы беспокоиться. Я думаю, он больше озабочен тем, чтобы не умереть в Call of Duty, чтобы заметить это, и Джей рад, что все так и осталось.

«Мне нужно позвонить Майклу, чтобы он посидел с ребенком», — говорит он, опускаясь на пассажирское сиденье. Его телефон уже вытасчен, большой палец летает по клавиатуре.

«Чувак, ему тринадцать».

Джей делает паузу и смотрит на меня, на его лице сухое выражение. «Именно, а это значит. что он будет спать до шести утра с пакетом Доритос в в одной руке и членом в другой, спускать деньги с моей кредитной карты на порно». Я наклоняю голову из стороны в сторону, уступая. «К тому же, я не чувствую себя комфортно, оставляя его одного», — тихо заканчивает он.

Я провожаю его взглядом, пока выезжаю на скорости с его подъездной дорожки. Клэр решительно настроена навредить мне, что ставит под угрозу жизни моих сотрудников и их

что ставит под угрозу жизни моих сотрудников и их семей. У меня много врагов, и, по ассоциации, так же поступают и мои сотрудники. Никто не идет на эту работу, не зная этого, вот почему большинство из них предпочитают не заводить жену и детей. Очевидно, что не все может или хочет изолировать себя от близких, поэтому обеспечение защиты для всех, на кого организация оказывает непосредственное влияние, очень важно.

«Я все понимаю. Я тоже вызову несколько дополнительных мужчин. Ничего не случится с твоим братом».

Джей кивает, его плечи расслабляются на дюйм. То же самое я сказал Адди, и я подвел ее.

Я достаю сигарету из пачки и засовываю ее в рот.

Я больше не подведу.

* * *

«Это то самое место?» спрашиваю я, мой голос напряжен. «Вы уверены?»

Мы находимся в ужасно дерьмовой части города в Портленде, штат Орегон. Адрес по которому меня направил Джей, — это трехэтажное кирпичное здание, которое выглядит так, будто было построено в 1800-х годах и заброшено до смены веков.

Здание немного перекошено, окна покрыты коростой и почернели а внутри, похоже, совсем темно.

«Вот оно», — тихо говорит Джей. «Фургон все еще за углом».

«Черт», — ругаюсь я, коротко сжимая руль, пока кожа не стонет.

«Не похоже, что они все еще здесь», — выдыхаю я, распахивая дверь и выхожу. «Мы проверим фургон после».

Я вытаскиваю пистолет из кармана джинсов и быстро подхожу к двери. и тихо, постоянно следя за окружающей обстановкой.

«Джей, держись позади меня», — приказываю я. Он слушает без возражений, его дыхание учащается по мере того, как я приближаюсь к стеклянной двери. У него нет при себе никакого оружия, только ноутбук. У меня возникает соблазн вручить ему его, но я уверен, что он нанесет больше вреда, ударив кого-нибудь по голове своим компьютером, чем стрелять из пистолета, которым он понятия не имеет, как пользоваться.

Я заглядываю в него, и между моими бровями образуется складка, когда я вижу потрясение. Похоже, что когда-то это был административный офис. Захламленные столы заполняют пространство, случайные предметы разбросаны по поверхностям; опрокинутые фоторамки, ручки и разлетевшиеся бумаги.

Мои глаза сканируют пространство как можно лучше, следя за любым движением и прислушиваясь к любым звукам.

Когда я ничего не слышу и не вижу, я берусь за ручку и дергаю дверь. челюсть, когда обнаруживаю, что она открыта.

Адди здесь нет, но я уже знал это. Точно так же, как я знаю, что здесь произошло что-то плохое.

Тихонько я прокрадываюсь в здание, Джей держится позади меня. Сайт энергия здесь затхлая и тяжелая, наполненная пылью и разложением.

«Какого хрена они ее сюда притащили?» шепчет Джей, оглядывая комнату.

Я качаю головой, не в силах ответить, когда мое сердце бьется в горле. Но именно это я и собираюсь выяснить.

Не теряя времени, я бросаюсь сквозь пространство, проверяя несколько комнат, но обнаруживаю, что они пусты. Сзади есть лестница с тусклым светом. светит из-за ступенек, единственный звук — тихое жужжание лампочки. лампочки.

Оглянувшись на Джея, я приложила палец к губам, прежде чем осторожно подняться по лестнице. по лестнице. Судя по звуку, здесь нет никакой активности, но если свет горит, я не буду рисковать.

Жужжание становится громче, когда я приближаюсь к вершине, и вместе с ним приходит отвратительный запах, который обжигает мои ноздри.

Я чуть не задыхаюсь от прогорклого запаха, и слышу, как сзади меня кашляет Джей.

Ну, блядь. Этот запах мне очень хорошо знаком.

Кто-то умер здесь наверху, и я с удовольствием поставлю на то, что тело гниет в том же месте, где он упал.

Посадка открывается в небольшое темное помещение с коридором, ответвляющимся от него. от которого отходят нити света, тянущиеся от задней части коридора к нам. Прямо прямо перед нами оказывается вторая лестница, ведущая на последний этаж.

Прислонившись к стене, я жестом велю Джею следовать за мной, затем заглядываю за угол и иду по коридору, глаза сужаются, когда я вижу открытую комнату с тем, что выглядит как капельница, стоящая в углу.

Со своей точки обзора я больше ничего не вижу, однако я уверен, что здесь здесь никого нет. Во всяком случае, никого живого.

«Пойдем», — шепчу я, пробираясь к палате, стиснув зубы. так как запах усиливается.

Как только я подхожу к входу, я останавливаюсь, из-за чего Джей сталкивается с мою спину.

На полу огромная лужа засохшей крови, мертвый мужчина лежит прямо в прямо посреди нее. Он раздулся и находится в процессе разложения.

«Господи, черт», — бормочет Джей, когда мы оба смотрим вниз на незнакомца, с отвращением искривляя наши лица. Мертвые тела меня не беспокоят, но их гниение скрутит самый самый крепкий желудок.

Сразу же я замечаю сухие кровавые следы, ведущие от трупа к двери, у которой мы стоим. к дверному проему, в котором мы стоим. Схватив свой телефон, я нажимаю на кнопку свет и иду по следам по коридору ко второй лестнице.

«Женщина», — говорит он, подтверждая мои мысли. Я подхожу ближе, стараясь не наступить на кровь. «Думаешь, они принадлежат Адди?»

«Скорее всего», — бормочу я. Отпечатки крошечные и босых ног. Если только они не взяли других женщин наряду с Адди, я сомневаюсь, что они принадлежат кому-то еще.

Я обшариваю углы комнаты, обнаруживая несколько камер, направленных в разных направлениях.

«Камеры», — кричу я, обходя кровь и проходя дальше в комнату.

Они подтвердят, чьи это отпечатки.

Мое сердце колотится, когда я осматриваю логово Франкенштейна. Несколько машин установлены длинный металлический стол с большим количеством инструментов и кровать с одеялом. бессистемно разложенным одеялом.

«Он был мертв несколько дней», — замечает Джей. «Выстрел в голову. Со спины».

Я слушаю его болтовню о смерти, пока сканирую каждый сантиметр комнаты.

«Пойдем по следам», — бормочу я, прищулив бровь, пытаюсь собрать воедино что могло произойти.

Следуя за ним, мы с Джем пробираемся обратно по коридору и поднимаемся по второй лестнице. С лестничной площадки мы попадаем прямо в однокомнатную квартиру. Прямо по курсу вся стена стеклянная, что дает комнате невероятное естественное освещение. Слева от меня посередине стоит массивная кровать, а справа — маленькая кухонька, посуда все еще в раковине и теперь привлекает мух.

В дальнем углу квартиры — белая кафельная перегородка с душевой кабиной за ней, за которой находится душевая кабинка.

Следы ведут к ней, а в углу лежит окровавленный больничный халат, окровавленный больничный халат, высохший и помятый.

Я смотрю, пытаюсь осознать, что, черт возьми, произошло.

«Каким-то образом... она была причастна к смерти того человека. А потом, похоже похоже, что она пришла сюда и приняла душ», — заключает Джей.

Я качаю головой, приходя к такому же выводу. Ярость просачивается в мое зрение, окрашивая все в красный цвет.

«Либо она, либо кто-то другой выстрелил в него сзади», — предполагаю я. «Скорее всего, кто-то другой, если она была вся в его крови, а потом ей пришлось принимать душ смывать».

«Ты думаешь, она была перед ним?» с любопытством спрашивает Джей.

«Или под ним», — ворчу я, руки начинают трястись, когда образы Адди на которую напал мужчина внизу, наводняют мою голову. Что бы он ни пытался сделать с ней, это было настолько плохо, что торговцу людьми пришлось и убить его за это.

Моя рука летит в ближайшую стену, пробивая ее насквозь.

Как неисправный робот, я откидываю ее назад и пробиваю стену во второй раз. раз. И третий, и четвертый, и пятый, прежде чем руки Джея обхватывают мою руку, и, используя мой импульс, дергает меня назад. Я спотыкаюсь, и мы оба близки к тому, чтобы упасть от силы.

«Опомнись, чувак», — кричит он, пот собирается на его волосах.

Я рычу и грубо трясу головой, как лев, отряхивающийся от удара по голове. Мои костяшки пальцев разбиты, капли крови капают на цементный пол.

«Нам придется убрать все следы твоей крови», — бормочет он.

«Она могла пострадать», — говорю я, не обращая на него внимания. Я готов ворваться обратно вниз и выбить дерьмо из мертвеца. Пытать его самыми ужасными способами, которые только можно себе представить, несмотря на то, что он ни черта не чувствует.

Черт. Так сильно, что я хочу прорваться сквозь завесу, отделяющую мертвых от живых, проникнуть внутрь, вырвать его душу обратно и заставить его пожалеть о том что у него ее никогда не было.

Каждый мускул в моем теле напряжен до предела.

«Мы найдем ее».

«Взломай камеры», — огрызаюсь я, подбегая к огромному окну и смотрю на заднюю часть здания. Джей сидит на краю кровати, коротко взглянув на него, как будто он сидит в выгребной яме ДНК, затем открывает свой ноутбук и приступает к работе.

Я проглядываю сквозь грязь и обнаруживаю черный фургон, стоящий прямо у прямо у

выезда с парковки, заброшенный. Я сжимаю кулаки, отмечая помятое крыло и повреждения на водительской стороне автомобиля.

Я в двух секундах от того, чтобы снова выйти из себя и разбить окно, поэтому я стараюсь успокоиться, закрыв глаза и сломав шею..

Держи себя в руках, повторяю я про себя. Снова и снова, пока не верну контроль. В своей жизни я видел много дерьма, больше, чем многие могут выдержать. но похищение Адди — это худшее, что я когда-либо пережил. Здесь больше нет контроля. Хотя с ней, блядь, никогда и не было.

Я с радостью оболью бензином все на своем пути и подожгу, если только это приведет меня обратно к мышке. только это приведет меня обратно к моей мышке.

«Зейд, ты не захочешь это видеть... но ты должен».

Глава 11

Охотник

Детка, что я тебе говорила о том, что нельзя выходить из себя, когда ты злишься?

Почему теперь меня мучают остатки голоса моей матери? Разрушение прямо за кончиками моих пальцев, только и ждет, чтобы его выпустили на свободу. Это было бы так же просто щелкнуть зажигалкой, зажечь маленькое пламя, которое приведет к уничтожению.

«Зейд?» Голос Джея пробивается сквозь шепот моей матери, исчезая, как дым от сигареты.

Кстати говоря, я сую руку в карман толстовки, достаю одну пачку и прикуриваю.

Рот Джея открывается, застывая над словами, которые я, честно говоря, не хочу сейчас слышать.

«Не говори мне не курить и не спрашивай, в порядке ли я», — вклиниваюсь я, голос хриплый от ярости.

Его рот закрывается, и он кивает, оглядываясь на видео, где Адди борется за свою жизнь, снятое семь дней назад. У камер нет аудио, поэтому, хотя я не знаю причин, по которым доктор пытался похитить ее, это не меняет того факта, что он пытался. Это стало ясно, когда он быстро заставил ее встать с кровати, и ее сопротивление на протяжении всего пути.

Она устроила ему засаду с каким-то скальпелем, и он напал на нее в в отместку. Только для того, чтобы его затылок был снесен, когда он был на ней.

И хотя это невероятно травмирует, это не та часть, которая заставляет меня кипит от ярости. Это тот мудака, который убил доктора, а затем последовал за ней вверх по лестнице по лестнице и смотрел, как она принимает душ.

Рио.

Дэйя провела свое расследование, и хотя на Рика было много чего найдено.

Боремана — на Рио почти ничего нет, кроме того, что он родился и вырос в Пуэрто-Рико, его школьных записей, а затем миграции в Соединенные Штаты, когда ему было восемнадцати лет. Оттуда она не смогла найти о нем почти ничего. Только его виза, квартира, которую он снимает, и два штрафа за превышение скорости.

Я считаю это чушью.

«Как-то странно, что у этого парня камеры в комнате стоят только на душевой и кровать», — бормочет Джей, больше для себя. Я слишком занят, затягиваясь сигаретой. как будто она дает мне жизнь, а не забирает ее. Если я посмотрю это видео еще раз, я буду выхватыву пистолет и буду стрелять в монитор, пока от него не останутся лишь осколки пластика и металла.

Пальцы Джея летают по клавиатуре так быстро, что мне кажется, я вижу, как отлетают хлопья его фиолетового лака для ногтей. Видео, когда Адди была здесь. исчезает, а на его месте появляются архивные записи за несколько лет.

Кем бы ни был этот парень, он нелегально практиковался в течение десятилетий. Несколько раз в месяц к нему привозят раненых — людей, которые выглядят так. что с ними что-то неладно.

Я бросаю сигарету на землю и раздавливаю ее под ботинком, выдыхая дым. выдыхаю

дым, наблюдая, как Джей прокручивает несколько записей. Как раз в тот момент, когда я поднимаю чтобы отшвырнуть окурки, я замираю и сжимаю челюсть, слыша умный рот Адди даже сейчас.

Перестань мусорить.

Это место превратится в пепел, когда я закончу, но я сказал, что перестану, и я перестану. так и сделаю.

Я подбираю окурки, засовываю его в карман и заставляю себя перефокусироваться на экран.

На экране появляется несколько клипов с женщинами, принимающими душ, и с каждым проходящим видео, мои зубы сжимаются все сильнее и сильнее, пока каждая косточка на моем лице грозит треснуть.

Все они одеты в больничные халаты до и после душа, и многие одеты в бинты или имеют гипсы. Они были пациентами, и их неосознанно записывались для удовольствия доктора.

Лицо Джея напряглось в гримасе, сотни видео на экране. Но затем он делает паузу, колебания пронизывают воздух.

«Что?» спрашиваю я, сканируя глазами экран в поисках того, что он видит.

Проходит две секунды, и мое сердце останавливается. «Воспроизведи видео».

Джей качает головой и кричит: «Ты знаешь, что в них происходит, Зи. Ты... не...»

«Черт возьми, Джей, я должен их смотреть. Ты же знаешь, что, блядь, должен».

Он вздыхает, соглашаясь, опустив плечи, и щелкает видео.

Это так же, как и ритуалы — меня не было там, чтобы спасти их в тот момент, но я буду будь я проклят, если сейчас отвернусь от их боли.

На экране врач несет бессознательную женщину к своей кровати, только что со второго этажа, где ее, вероятно, лечили от раны.

Он укладывает ее, снимает больничный халат, а затем и свою одежду.

И в течение следующих нескольких минут он оскверняет ее бессознательное тело. Отвращение бурлит в моем желудке, усиливаясь вместе с водоворотом гнева и желание воскресить его, чтобы я мог убить его сам.

Пока Джей продолжает перелистывать видео, мы понимаем, что эта женщина была одной из вероятно, сотен пациентов, которыми воспользовались, пока они были без сознания.

Пациенты, которые также были детьми.

«Я думаю, мы видели достаточно. Я не хочу продолжать смотреть на это дерьмо больше», — говорит Джей, его голос напряжен и неровен.

Сжимая кулаки, я киваю: «Быстро найди, кто этот парень».

Он делает, как я прошу, и я отворачиваюсь, уже предвкушая новую сигарету.

— Доктор Джим Гаррисон, — объявляет он пятнадцать минут спустя. — Ранее был женат на Вилме Гаррисон. Она умерла от сердечного приступа в 2004 году. Есть отчеты двух ее дочерей от предыдущего брака, в которых говорится о нечестной игре, но он кремировал Вильму до того, как можно было провести вскрытие, и из этого ничего не вышло. Это. В 2000 году его уволили из больницы за халатность, а это здание он купил лишь через несколько месяцев. Против него было возбуждено несколько судебных исков, но у него, должно быть, был хороший адвокат, потому что ему все сходило с рук из-за отсутствия улик. Кажется, он работает здесь с тех пор.

Звучит так, как будто он больной ублюдок, который делал что-то плохое своим пациентам, был за это уволен и создал свой собственный бизнес, чтобы выполнять все свои темные желания. Скорее всего, убил жену — может быть, она узнала о том, что он делает, а может быть, он просто устал от нее.

— Вернитесь к видео, когда привезут пациентов. Я хочу посмотреть, узнаю ли я кого-нибудь.

Он с благодарностью поворачивается к камере на втором этаже, сотни разных лиц, приносящих раненых разного возраста. В основном это женщины и дети, но есть и мужчины. Я предполагаю, что это из-за того, что перестрелки пошли не так. Он натывается на клип, в котором врач лечит пятилетнюю девочку с пулевым ранением в бедре.

Огромный мужчина со светло-каштановыми волосами, собранными в пучок, и татуировками, расползающимися по рукам и шее, стоит у изножья кровати и с напряженным выражением лица наблюдает за работой доктора. Джей кладет палец на клавишу, готовясь перейти к следующему видео, но я кладу руку ему на плечо, останавливая его.

— Подожди, я хочу посмотреть это.

В животе крутится необъяснимое чувство, что я должен это увидеть. Я наклоняюсь ближе к экрану, сосредотачиваясь на татуированном мужчине и маленькой девочке, которую он привел. Он мог быть торговцем людьми в этом районе, и если маленьких девочек убивают, я могу только представить, в какие ситуации попадают дети. Врач в бешенстве пытается стабилизировать ребенка, вводит то, что я полагаю, является анестезией, а затем быстро проводит операцию, кровь течет из ноги девочки, когда он извлекает пулю. Кажется, что доктор кричит, но после быстрой перемотки вперед мы наблюдаем, как он заканчивает с девушкой, а затем выходит из комнаты. Все это время мужчина стоял неподвижно, как статуя, почти не двигаясь ни на дюйм.

Я хмурюсь, сосредотачиваясь на экране, когда мужчина обходит кровать, поднимает руку и нежно проводит рукой по волосам девушки от ее лица. Она все еще в отключке от анестезии, поэтому невозможно сказать, как она к нему относится. Стиснув зубы, я пристально смотрю, пытаюсь интерпретировать его нежность. Это исходит от мужчины, который ее фетишизирует, или от кого-то, кто ее спас? И как, черт возьми, маленькая девочка оказалась с пулей в ноге? Я не совсем уверен, что это такое, но что-то в этом видео кажется... важным.

— Отправьте мне все эти файлы, а затем давайте подключимся к камерам наблюдения и посмотрим, сможем ли мы получить представление о машине, в которой они уехали. — Я шлепаю Джея по спине, прежде чем вернуться к грязным окнам, молча благодарю. Он обращался с моим отношением как чемпион, и даже в муках горя и ярости я все еще могу признать, что я невыносимый мудака.

— Дерьмо, — бормочет Джей, стук его пальцев по клавиатуре становится все громче и напряженнее. Я скрежещу зубами, уже подозревая ответ еще до того, как он сорвется с его губ.

— Никаких камер там нет. Никаких камер, направленных на парковку из других зданий, также не было. Прости, чувак. Я ничего не получил.

Я откидываю голову назад, вдыхая глубоко через мой нос, когда черный огонь лижет мои нервы. Адди уехала отсюда всего неделю назад, но это невероятное количество времени в мире торговли людьми.

— Вы отправили файлы?

Я спрашиваю. Я даже не узнаю свой собственный голос.

— Да, — подтверждает Джей. Я слышу шорох, когда он собирает свои вещи, чувствуя уничтожение на горизонте.

— Уходи отсюда, Джей.

— Ага, считай, что я ушел.

— Джей?

Он делает паузу: «Ага?»

— Установите камеры, направленные на эти окна. Просто подожди, пока я не прорвусь сквозь него, — приказываю я.

Он колеблется, но в конце концов соглашается и уходит. Я даю ему две минуты, чтобы уйти. Пара минут войны, бушующей в моей голове, пузырящейся на поверхности и истекающей кровью на пол, где я стою, точно так же, как раздутый мертвец внизу.

Мое тело движется на автопилоте. Я спускаюсь в больничную палату и роюсь в шкафу, собирая шторы, одежду и все, что легко воспламеняется, а затем разбрасываю их по всему зданию. Далее я беру спиртосодержащие жидкости и пропитываю ими замусоренный пол. Пожары в больницах случаются чаще, чем многие думают, и это чертовски идеально подходит для тех разрушений, которые я собираюсь вызвать. После этого я беру все простыни, которые нахожу в его мастерской, связываю их в длинную веревку и откладываю в сторону.

Тяжело дыша, я целюсь в тяжелый шкаф на его кухне и вытряхиваю содержимое. Подтащив его к массивному окну, я плотно прислоняю его к нему и делаю шаг назад. Я глубоко вдыхаю, собираю каждую унцию гнева, использую его как топливо и выбиваю ногу изо всех сил. Шкаф разбивает стекло, паутина расползается по всему окну. Рыча, я пинаю еще раз, и шкаф с громким треском летит сквозь него. Крошечные осколки врезаются мне в кожу, но я почти не замечаю, как и оглушительный грохот от врезающегося в землю шкафа.

Я уже спускаюсь на второй этаж, где доктор лежит мертвый, надев перчатки и маску из своих запасов. Запах бьет мне в ноздри и глаза; № 95 ничего не делает, чтобы отфильтровать запах.

Надев два слоя перчаток, я хватаю труп за воротник его рубашки и тащу его обратно в его студию, где больной ублюдок брал пациентов и насиловал их, пока они были без сознания. Независимо от его внеклассной деятельности, доктор явно был вовлечен в торговлю кожей, а это означает, что это не только пошлет сообщение Обществу, но также пошлет сообщение каждому торговцу людьми, который имел несчастье ступить в это место. Они будут знать, что Z знает.

От резкого запаха у меня в желудке кружится рвота, грозящая подняться к горлу, когда я подтаскиваю мертвое тело к окну. Я хватаю последнюю бутылку алкоголя и выливаю на него все содержимое.

Затаив дыхание, я хватаю веревку, сделанную из простыней, привязываю один конец к его туловищу под руками, а другой конец к каркасу кровати. Затем я выбрасываю его из чертова окна. Ножки рамы с визгом касаются цементного пола, когда он протаскивает несколько футов, прежде чем крепко держаться.

Удовлетворенный, я срываю перчатки и маску, вытаскиваю еще одну сигарету и закуриваю ее, глубоко затягиваясь, когда сажусь на край кровати. Я подношу зажигалку к одной из занавесок на полу, материал вспыхивает и быстро распространяется. А потом я наслаждаюсь своей сигаретой, пока мой гнев оживает на моих глазах.

В моем мозгу одновременно и громко, и тихо, наполнено белым шумом, заглушающим любые связные мысли. Я чувствую все и ничего, и никогда еще я не был так опасен. Никогда не был более смертоносным. Я смеюсь и получаю удовольствие, наблюдая, как это место чертовски горит. Здесь произошло столько ужасных вещей. Столько жертв, столько женщин и детей провезли для временного лечения, чтобы потом куда-то увести и снова сломать.

Я медленно встаю и выхожу из комнаты. Мое тело физически ощущает тепло, капли пота стекают по лбу и по затылку. Дым заполняет начинают гореть, я намеренно оставил их сухими. Я подношу сигарету к губам и затягиваюсь в последний раз, прежде чем швырнуть ее в доктора, его тело мгновенно воспламеняется. Я улыбаюсь, дым вырывается из моих оскаленных зубов. Так-то лучше. Маяк, чтобы каждый ублюдок на моем пути знал, что их ждет дальше — зверь, который поселился в огне. Это пламя погаснет, но пламя в аду вечно. Увидимся там, ублюдок.

Удовлетворенный, я поворачиваюсь спиной к аду, который вдохнул в меня жизнь, и ухожу. Я сказал своей мышке, что перестану мусорить, но что-то мне подсказывает, что она не будет возражать. Мои легкие и пламя обжигают мою кожу. Но я ни черта не чувствую. Выйдя из здания, я вдыхаю свежий воздух и встречаю обезумевшего Джея. Я несколько раз кашляю, как можно лучше очищая легкие, прежде чем снова затянуться сигаретой.

— Серьезно, чувак? Ты куришь, сжигая здание? Ты буквально только что вдохнул тонну дерьма от огня.

Не обращая на него внимания, я обхожу заднюю часть, где на веревке висит труп. Дым лижет края окна, и пока простыни только один раз

«Каково это — быть неудачником?» — шепчет голос позади меня.

Это мгновенно вызывает мурашки по моей спине. Я оборачиваюсь, ее лицо находится в нескольких дюймах от моего, и я отдергиваюсь. Мой кулак сжимается в искушении отправить его в ее чертов нос.

Я стояла в своей комнате, как раз собирался расстегнуть джинсы и посмотреть на повреждения, когда она подкралась ко мне сзади.

«Что, черт возьми, с тобой?» — шиплю я. Она просто смотрит на меня широко раскрытыми темными глазами, улыбка застыла на ее жутком чертовом лице.

Я сглатываю, взволнованный и совершенно выбитый из колеи.

— Я думаю, что лучше спросить, что со мной не так, — возражает она. Она качается на цыпочках, ее глаза скользят вверх и вниз по моему изуродованному телу.

Франческа повела нас вглубь леса — тренировочный забег для Отбраковки. Она и ее люди использовали пластиковые стрелы, чтобы выследить нас, стреляя в нас, как в олененка, убегающего от голодного желудка охотника.

Цель состоит в том, чтобы не попасть под удар, а жжение в задней части бедра — постоянное напоминание о том, как эпически я потерпел неудачу. Я был так близок к успеху, но потом случился Сидней.

Она ждала меня и выставила ногу, когда я проходил мимо. Стрелы Франчески впиваются мне в пятки. Я ударился лицом о холодную землю, и к тому времени, когда я снова поднялся, стрела рассекла воздух и вонзилась мне в бедро сзади.

Это не повредило кожу, но я могу сказать, что завтра проснусь с неприятным синяком. Хотя я уверен, что его поглотят другие, когда я получу свое наказание.

— Что, черт возьми, я тебе сделал? — Я рывкаю, разводя руками в стороны. Ее улыбка растет, блеск в ее глазах свидетельствует о том, насколько она. — Мы точно в такой же ситуации. Почему ты так себя ведешь?

— Я слышал, как Франческа говорила о тебе вскоре после того, как ты приехал сюда. Сказала, что ты многообещающая и можешь быть ее лучшей девушкой, если она сможет исправить твоё отношение. А вчера ты пошла и дала себя изнасиловать, и я видела ее лицо. Я видела, как она почти вмещалась. И она никогда не делала этого ни для меня, ни для других девушек. Но потом, — она поднимает палец вверх, — потом ты бьешь Рокко и ломаешь ему нос. Он хотел наказать тебя за это, и знаешь, что она сделала? Вместо этого она приняла наказание за тебя. Это определенно никогда не было сделано ни для кого из нас.

Я нахмурил брови, не понимая, почему Франческа сделала что-то подобное.

— Она дает вам привилегии, которых нет у нас, потому что думает, что ты особенная. Ну, знаешь что, бриллиант, я вовсе не думаю, что ты особенная. Не так уж важно, что ты думаешь, не так ли, сука?

Я не совсем уверена, сохранит ли Франческа свое доверие ко мне теперь, когда я провалила сегодняшнее испытание, но решимость все равно укрепилась в моих костях.

Если она увидит во мне потенциал — если она пойдет настолько далеко, что защитит меня, — тогда у меня есть хороший шанс заставить ее увидеть во мне личность.

Нас считают скотиной. Продукт довести до совершенства, а затем отправить тому, кто

предложит самую высокую цену. Однако чем больше она видит во мне нечто иное, чем просто ценник, тем больше она смягчается по отношению ко мне. Это может означать, что она ослабила бдительность. Утечка информации или получение привилегий, которые могут помочь мне сбежать.

Мои мысли мчатся с возможностями, которые могут значить для меня. Я знаю, что меня не освободят от ужасов, которые сопровождают торговлю людьми, но, возможно, я смогу спастись от некоторых из них.

Сидни это понимает, и, возможно, правильно, она не в восторге от этого.

Существует дисбаланс сил, и другие девушки могут начать чувствовать то же самое.

— Мы все покидаем это место, — напоминаю я ей. «Скоро нас отправят к тому, кто заплатит больше денег, и то, как Франческа будет со мной обращаться, уже не будет иметь значения».

— Это имеет значение, — рычит она. — Я хочу остаться здесь, и теперь, когда ты появился, она мне не позволяет. Ты слышала ее.

Я стиснул зубы. Сидни не хочет видеть сияние бриллианта, потому что это означает, что и от нее этого ждут. И когда мы сияем, это означает, что мы достаточно хороши, чтобы быть проданными. Франческа больше всего заботится об одном — о своей репутации. И только одного Сидни хочет больше всего на свете — чтобы ее не продали, — должно быть, поэтому она ведет себя так плохо и вызывает проблемы.

Ее наказания того стоят, пока Франческа не сочтет ее подходящей для продажи с аукциона.

— Почему ты так сильно хочешь остаться здесь?

«Потому что это мой дом. У меня нет ничего за пределами этого дома, и я предпочла бы быть здесь, чем торчать с каким-то толстым стариком с червячным членом. А ты все портишь!»

Я моргаю. Интересное изображение, но и не совсем неправильное.

— Тебя здесь тоже насилуют, Сидни, — указываю я.

Она пожимает плечами. «Это не так плохо. Это то, к чему я привыкла и мне комфортно».

Еще одно мигание. Как можно смириться с изнасилованием и избиением, я не понимаю, но ей намекнули, что ей больше некуда идти. Это говорит мне о том, что жизнь Сидни за пределами этого дома безрадостна. Несуществующий. Скорее всего, полно ночей на улицах и случайных мужчин.

И я полагаю, что быть в доме с монстрами, которых ты знаешь, безопаснее, чем мужчина, который заплатил деньги и считает, что она принадлежит ему.

У мужчин есть забавная привычка думать, что они имеют право на женщин, особенно когда они их не уважают. Как будто их уважение является определяющим фактор того, как женщины заслуживают обращения.

По крайней мере, у мужчин в этом доме есть правила и ограничения на то, что они могут делать с нами. В основном, калечить или наносить необратимые повреждения. Мужчины на улицах или купившие нас на аукционе — у них нет правил.

«Ну вот и все», — говорю я. «Ты собираешься продолжать терроризировать меня, потому что ты хочешь обмануть систему, когда ни у кого из нас не будет такой возможности. Может быть, это ты считаешь себя особенной, хотя это не так».

Она хихикает высоким голосом, который перемалывает мои нервы в пыль. А потом она

поворачивается и уходит, не говоря ни слова, бросая неразборчивый взгляд через плечо.

Тот, из-за кого мы ссоримся, предпочел бы, чтобы нас продали тому, кто больше заплатит и она не просто заставляет меня провалить тест, она активно наносит мне травмирует меня.

Насилие. Изнасилование. То, через что ни один человек не должен проходить. особенно во имя ревности или мелочности.

«Ты саботировала меня, Сидни», — восклицаю я, заставляя ее остановиться на месте.

«Я этого не забуду».

Не поворачиваясь спиной, она поворачивает голову в сторону, и ее рука дрейфует вверх и вниз по дверному косяку, как будто она размышляет об этом так же, как ее пальцы — с деревом.

Наконец, она смотрит на меня через плечо, на ее тонких губах играет ухмылка.

«С тобой будет очень весело, бриллиант». Она подмигивает мне, а затем уходит, проносясь по коридору, пока не исчезает в комнате в конце.

Я смотрю на нее всю дорогу, и я чертовски хорошо знаю, что она чувствует, как тепло она чувствует, как он обжигает ее спину.

Эта дрянь, вероятно, получает от этого удовольствие, и мстительная часть меня будет рада счастлива трахнуть ее самым ужасным образом при любой возможности

* * *

Громкий смех доносится снизу, почти вибрируя пол под моими коленями. Франческа и Рокко — единственные, кто действительно живет здесь. здесь, но он любит приглашать своих друзей-насильников каждый день, чтобы вколоть им большое количество впрыскивать в их вены большое количество наркотиков и иметь дело с девушками, когда когда это разрешено.

Хотя, я полагаю, Рио и Рик практически живут здесь теперь, когда что их нельзя увидеть на людях. Я молилась, чтобы Рик облегчил мне жизнь и уехать из дома, но этот недоумок слишком ленив и не в себе. теперь, когда к нему нескончаемым потоком поступают наркотики. У него есть деньги, чтобы доставлять свое барахло вручную.

Несмотря ни на что, все они чертовски несносны, неспособны держать свой рот на замке и не делать отвратительных замечаний, когда мы находимся в их близости.

Черт, чего бы я только не отдал, чтобы трахнуть эту тугую задницу.

Видишь, как она подпрыгивает? Представь, как бы это выглядело, если бы я навалился на нее сзади.

Господи, да у нее сиськи просто охуенные. Я не могу дождаться, чтобы трахнуть их.

Каждое слово скручивает мой желудок все сильнее и сильнее, выжимает мои внутренности как мокрая тряпка, пока она не свернулась в узловатую веревку. Слова Сидни — это единственное, что помогает мне сцепить зубы.

Франческа возлагает на меня большие надежды, и я должна сделать все, что в моих силах. чтобы остаться в этом свете, даже если это означает расколоть мои коренные зубы от усилия держать рот закрытым.

Сон все еще застилает мне глаза, пока Франческа вышагивает перед нами. Вчера была практика Куллинга, и я провела всю ночь в ожидании нашего наказания, но оно так и не

пришло. Поэтому, когда она ворвалась в мою комнату на рассвете. на рассвете, я еще даже не успела сомкнуть глаз.

«Этикет очень важен», — начала Франческа, расхаживая взад-вперед по по линии, ее пятидюймовые каблуки соответствуют стуку моего сердца.

Она всегда готова пройтись по подиуму, и я задаюсь вопросом, прилагает ли она столько усилий, чтобы много усилий, чтобы выглядеть красиво снаружи, потому что ее внутренности — это кладбище костей и разложения. Ей следовало бы стать гробовщиком, раз уж она так хорошо умеет наряжать трупы.

Она останавливается передо мной, и я опускаю глаза к ее ногам. Кончик ее туфли немного потерты. Интересно, насколько это ее беспокоит.

«Посмотри на меня».

Мои глаза мгновенно находят ее, без колебаний.

«Поцелуй мою ногу», — приказывает она, снимая туфлю с подметкой. Часть меня задается вопросом, не слышит ли она мои мысли и не наказывает ли меня за это.

Тем не менее, я решаю, что это, скорее всего, дьяволица. Теперь Она просто любит наказывать меня.

Моя немедленная реакция — чистый огонь. Мой рот работает, чтобы собрать слюну, готовый вместо этого плюнуть ей на ботинок, но мне удается сдержаться. С трудом.

Нерешительность пробегает по моему позвоночнику, и мне требуется физическая сила, чтобы наклонить мой позвоночник вперед и сделать то, что она говорит, осторожно положив губы на ее грязный ботинок.

«Теперь лизни его».

Мои губы дергаются, угрожая скривиться в рычании, но я делаю то, что она говорит, и быстро облизываю его, грязь и бог знает что еще скапливается на моем языке.

Я представляю, что на вкус это точно так же, как выглядит ее душа.

Я зажмуриваю глаза, пытаюсь восстановить контроль над криками в моей голове. прежде чем снова подняться, не поднимая глаз. Если я посмотрю на нее, она увидит смерть в моих глазах.

Словно почувствовав это, она сгибается в талии и загибает палец под мой холодный металл ее кольца впивается в мою кожу, когда она поднимает мою голову.

«Я знаю, что это больно, но еще одно колебание, и твои зубы будут целовать пол. вместо этого».

Сглатывая рвоту, я киваю головой и шепчу: «Прости».

Она мило улыбается и выпрямляется, довольная.

«Каждая секунда твоего колебания — это еще одна причина наказать тебя. Твой хозяин будет ожидать послушания. Вы будете безмозглыми маленькими зомби».

Сидни хихикает, поднимает руки и стонет, как настоящий зомби. Мои глаза расширяются, и никто из нас не может сдержать шок, глядя на нее как на безумную. Ну, ни хрена подобного, я думаю. Эта сука и есть сумасшедшая.

Франческа рычит, подбегает к ней и бьет ее по лицу удара плоти о плоть эхом разносится по комнате. Ее голова откидывается в сторону, пряди волос волосы разлетаются по лицу от силы удара. Как ни странно, Сидни смотрит Сидни смотрит на Франческу сквозь волосы, с ее языка срывается еще один смех. Франческа сгибается в талии. «Ты будешь продолжать смеяться, Сидни, а я буду продолжать позволять Рокко растягивать твою задницу, пока вся моя нога не поместится».

Я сглатываю, оглядываясь на пол. Она чертовски убедительна, и я не могу не почувствовать укол сочувствия.

Была ли Сидни обычной девушкой до того, как ее украли? Жила ли она нормальной жизнью, имела работу, друзей и выходила по выходным на улицу, чтобы найти интрижку?

Кем она была до своей смерти?

После целого дня изнурительного обучения тому, как служить нашим будущим хозяевам, ужин подается в наши комнаты. Никому из нас не разрешают есть вместе, и я полагаю, это потому, что они не хотят, чтобы кто-то из нас стал другом, присоединился к и вместе планировали побег или что-то в этом роде. Чем более одинокими мы себя чувствуем, тем безнадежнее.

Нас кормят супом и крекерами — скудная еда, но, по ее словам, не растолстеем. Очевидно, даже секс-торговцы страдают жирофобией и стыдят женщин. Неважно, что они не могут получить киску, если только они не украдут ее в буквальном смысле.

Я только закончила есть, как снизу раздается визг Франчески. снизу, разъяренный звук эхом разносится по всему дому. Я замираю, медленно ставя тарелку с супом на тумбочку, когда шаги стучат по дереву, хотя не похоже, чтобы она была на каблуках. Ее сердитая походка проносится вверх по лестнице и по коридору, мое сердце бьется быстрее с каждым шагом ко мне ко мне.

Моя дверь захлопывается, и она врывается в мою комнату, дверная ручка углубила кратер в стене от силы удара.

Я вздрагиваю и вскакиваю с кровати, сердце бешено колотится, когда она топает ко мне. и сунула свое лицо в мое.

«У тебя все было так хорошо», — прошипела она.

Мой рот разевается, и я качаю головой, теряя дар речи, так как смтение и адреналин воюют в моем мозгу.

«Что...»

«Не прикидывайся дурочкой», — шипит она, прежде чем ударить по моей щеке и вырвавшимся вздохом.

Инстинктивно я хватаюсь за щеку, шок полностью парализует меня.

Я смотрю на нее как раз в тот момент, когда она пихает мне в лицо туфлю. Или то, что раньше было туфлей.

Это те же самые туфли, что были на ней раньше — те же самые, которые она заставляла меня целовать и лизать — черные шпильки с золотыми каблуками. Только теперь золотая шпилька отломана у основания, едва держится, и глубокие царапины испещряют каждый дюйм.

«Это ты сделал», — обвиняет она. «Ты сделал это со всеми моими гребаными туфлями!»

Я снова качаю головой, глаза расширены, а с губ срывается протест. «Я не делала, клянусь, Франческа. Я...»

Еще одна резкая пощечина по той же щеке обрывает мои слова. Ее грудь вздымается от гнева. От нее волнами исходит жар, солнечные вспышки ярости бросаются на меня когда она кипит.

Слезы наворачиваются на глаза, и я трясусь от усилий, чтобы не дать им упасть. Я не хочу показать ни малейшей слабости. Она примет слезы за вину. Мое зрение затуманивается, и красочные слова собираются на языке. Требуется несколько глотков, чтобы загнать их

обратно в горло.

«Я видела твой взгляд, Алмаз. Не притворяйся, что ты не планировала мою смерть. Ты испорченная маленькая соплячка, и если ты сделаешь это.». она пихает туфлю мне в лицо — «не принесет тебе никакой пользы».

«Фрэн...»

«Заткнись!» — кричит она, совершенно потеряв рассудок. Она хватается за волосы и дергает меня на землю, огонь пробегает по моему скальпу. Я вскрикиваю но звук быстро заглушается, когда она впечатывает меня лицом в деревянный пол и начинает стягивать с меня леггинсы.

Я широко раскрываю глаза, и паника начинает преобладать над моими чувствами.

«Подожди, подожди, Франческа, я этого не делала!».

Но она не слушает.

«Это будет последний раз, когда ты меня не уважаешь. Ты меня поняла?!» — кричит она, наконец спустив материал с моей задницы.

Я извиваюсь, пытаюсь вырваться из ее захвата, но ее ногти впиваются когтями в мое бедро и заставляют меня снова опуститься. Тем не менее, я не могу прекратить борьбу, не тогда, когда она пытается раздвинуть мои ноги.

«Остановись!» кричу я, зрение чернеет от паники и слез.

«Иди сюда», — кричит она кому-то, но я не вижу кому. Я только чувствую их их вес, давящий на меня, и тогда мое тело действительно начинает бороться.

«Подождите, подождите, пожалуйста, пожалуйста, я не делала этого! Я не делала этого», — рыдаю я, отчаянно пытаюсь вырваться, но не могу. Груз давит мне на голову, не позволяя мне видеть или двигаться, но я все чувствую.

О Боже, я все чувствую. Сломанный каблук ее туфли засовывают внутрь меня, и я кричу, когда он разрывает меня на части.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста», — кричу я. Я плачу, плачу и плачу, но она не слушает.

Ее руки исчезают, вместе с весом человека, лежащего на мне. сбрасывается. Франческа откидывает мою голову назад, заставляя меня смотреть на ее искаженное лицо, едва не брызгая слюной от злости. Она стоит на коленях, глаза дикие, она шипит:

— Никогда больше не разрушай мои вещи, или ты будешь страдать гораздо хуже, чем этого. Клянусь гребаным Богом, я заставлю тебя пожалеть, что ты не умерла.

Рыдания подкатывают к моему горлу, слюна почти вытекает изо рта, когда я кричу: «Я этого не делала».

Отклонившись назад, она снова бьет меня по лицу, у меня звенит в ушах, когда она продолжает бездумно бить меня, снова и снова, пока я не задыхаюсь от натиска боли.

«Ты чертова бесполезная сука!» — кричит она. Она снова поднимает мою голову, но я больше не могу видеть ее сквозь реки, льющиеся из моих глаз. Неразборчивые мольбы слетают с моих губ, но даже я уже не понимаю, что говорю.

«Знаешь, что происходит, когда ты становишься бесполезным? Ты оказываешься похороненным в безымянной могиле, где тебя никто никогда не найдет».

Наконец, она отпускает меня, едва не ударив головой о дерево.

Сразу же мое тело скручивается в кольцо, инородный предмет все еще застрял но у меня нет сил вытащить его.

Хрипы прорываются через мое горло, настолько сильные, что ни один звук не способен

прорваться сквозь них, и при этом у меня перехватывает дыхание. Франческа выбегает из комнаты, оставляя меня трястись и выть от нападения.

Масса снова обрушивается на меня, и мое тело бесполезно бьется, кулаки летают. но безрезультатно.

«Шшшш», — шепчет голос. В тот момент, когда я понимаю, что это голос Сидни, я борюсь сильнее, кричу, чтобы она слезла, но она слишком сильна для меня сейчас.

Она полностью обхватывает мою спину, ее ноги плотно обхватывают талию и упираются мне в живот, а ее рука гладит мои волосы.

«Шшш, все хорошо», — шепчет она. «Теперь мы будем вместе».

Немного энергии, которая у меня осталась, рассеивается, и единственное, что я могу сделать, это рыдать.

Взяв мое горячее, покрасневшее лицо, она наклоняет мой подбородок вверх. Едва заметно я вижу ее широкие карие глаза и нежную улыбку. Почти благоговейно она гладит мои волосы и спускается по моим щекам, глядя на меня, как на драгоценность.

«Добро пожаловать домой», — шепчет она.

Глава 13

Охотник

— Они работают на черном рынке, — говорит мне Джей. Я смотрю на камеру татуированного человека из видео — того, который привез маленькую девочку с огнестрельным ранением в никудышную больницу доктора Гаррисона. — Торговцы органами, если быть точным.

— Кто это «они»? — спрашиваю я, внимательно наблюдая, как мужчина выносит раненого ребенка из больницы, аккуратно усадил ее на заднее сиденье красного «Камаро», а затем уезжает. То ли он не позаботился о том, чтобы избежать единственной камеры на фасаде здания, то ли не знал о том, или не знал о ней, не имеет значения. Я запомнил его номерной знак.

Джей поднял фотографию. На ней татуированный мужчина с тремя другими мужчинами. Судя по языку тела, им очень комфортно друг с другом.

— Они. Они называют себя Братством Василиска. Широко известны на черном рынке по торговле человеческими органами. Райкер, Дайр, Кейс и Слейд. Никто не знает их настоящих фамилий.

Я закрываю глаза, сдерживая свой темперамент. В эти дни я плохо его контролирую дни.

— Прежде чем ты начнешь рычать и начнешь убивать, Тони Тигр, есть поговаривают, что на самом деле они не такие уж плохие, какими себя выставляют.

Я бросаю взгляд на Джея, но он меня игнорирует. Я страшнее, чем Тони Тигр, и он это знает.

— Почему ты так говоришь?

— Просто некоторые комментарии на форумах, на которые я наткнулся на нескольких глубоких сайтах, — говорит он, пожимая плечами. — Я не знаю, что это такое, но у меня чувствую, что эти слухи правдивы.

Посмотрим.

— Независимо от этого, они должны быть осведомлены о приходах и уходах торговли кожей, — предполагаю я.

Джей встречает мой тяжелый взгляд, между нами проходит взаимное согласие.

Если Адди продадут или выставят на аукцион, они смогут это отследить, а это значит., мне нужно побеседовать с Братством Василиска.

— Дайте мне секунду, и я свяжусь с ними, — говорю я, выпрямляясь и жестом приглашаю Джея отойти в сторону. Он ворчит что-то о том, что это его компьютер, но я не обращаю на него внимания.

Джей хорош в своем деле — даже удивителен.

Но я лучше.

Я сажусь и открываю несколько программ. Первая — это программа распознавания лиц. Она позволяет получить информацию о каждой камере, на которой появлялось их лицо. на которых появлялось их лицо. Я почти поражен, когда всплывает совсем немного.

Лицо Райкера самое популярное — тот же крупный, сердитый мужчина, который привел маленькую девочку к врачу. В отличие от зернистых кадров из больницы, эта камера поймала его четкое изображение.

Он интересной внешности, с резкими чертами лица, длинными волосами, которые, кажется, всегда уложены, бледные серо-зеленые глаза, легкая щетина и пирсинг в носу.

Тип лица, перед которым женщины падают на колени.

Остальные трое, безусловно, тоже не жалуется кисок, хотя все они невероятно отличаются друг от друга. Определенно не настоящие братья, хотя я уверен. хотя я уверен, что они ведут себя именно так.

«Ты отлично с ними поладишь», — говорит Джей через мое плечо. «Вы все работаете в бизнесе, где быть малоизвестным — ключевой момент, но каждый из вас выделяется. как леденцы среди заплесневелого хлеба. И очень привлекательные леденцы».

Да, неважно. Я не просил быть красивой.

Я игнорирую его и сужаю поиск до самого последнего места, где они были замечены в последний раз. Портленд, штат Орегон. Огромный город и отличное место, чтобы спрятаться.

Кроме того, самое подходящее место для торговли людьми. Проституция там процветает — одна из самых вопиющих и наглядных форм торговли людьми.

Полиция тратит больше времени на арест девушек за их преступления, чем на их спасение.

Мерика.

На видео кажется, что они совершают какой-то обмен. Возможно, наркотики, но что-то вроде кокаина или героина — детская забава, когда ты имеешь дело с человеческими органами. Назовите это интуицией, но никто из них не производит от наркомана.

Я просеиваю различные программы, пока, наконец, не попадаю на камеру Nest в жилом доме двухнедельной давности. Красный «Камаро» въезжает на подъездную дорожку, и четверо мужчин выходят из машины.

Пожилая женщина выходит из передней двери и машет рукой. оживленно машет рукой. Nest улавливает звук, поэтому, когда доносится ее голос, становится ясно, что кто бы ни был владельцем этого дома, он либо член семьи, либо похож на семью.

Она громко и шумно приветствует их, и мужчины тянутся к ней. к ней, как маленькие мальчики к своей бабушке.

«Я никогда не смогу забыть, какие вы взрослые, мальчики!» — восклицает она, сначала обнимая сначала Райкера, а затем остальных троих.

«Привет, мама Ти», — говорит Дейр, ухмыляясь ей. Он обнимает женщину и другой рукой взъерошивает ее короткие серебристые волосы. Она отмахивается от него, пока они исчезают в доме, их голоса быстро затихают.

Выключив программу, я открываю браузер и ищу самый быстрый маршрут обратно в Портленд. Похоже, я собираюсь провести там много времени.

— Ты идешь к ней домой?

Я поворачиваю голову и краем глаза замечаю Джея, неодобрительный выражение его лица.

— А куда мне еще идти?

— Ты их разозлишь.

— Я не собираюсь причинять ей вред, — нахмурилась я.

— Думаешь, это будет иметь для них значение? Твое присутствие будет угрожающим.

Я поворачиваю свой стул вокруг оси, поднимаю бровь, откидываясь назад скрестив руки.

— Я выгляжу чертовски напуганным?

Он откидывает голову назад и драматично вздыхает.

— Мы знаем, что ты плохая сука, Зейд. Дело не в этом.

Я протягиваю руку и бью его по бедру в ответ на то, на то, что меня назвали плохой сукой, что вызвало у меня стон.

— Нет, дело в том, что это мой самый быстрый вариант. Я дам им очень вескую причину прийти ко мне, и я позабочусь о том, чтобы мы пришли к взаимовыгодному соглашению. У меня нет времени изучать все тонкости и нюансы транспортировки людей. Это чертовски сложно, и мое основное внимание последние несколько лет было обнаружение колец, когда девушек уже перевезли. Адди могут обменять в любой день, если уже не обменяли, так что мне нужно прикрыть свои базы. Пока я пытаюсь найти место, где ее держат, мне нужен кто-то понимающий в этом деле, чтобы следить за тем, если или когда ее перевезли.

Джей вздыхает, чувствуя, что я все равно сделаю то, что хочу.

— Отлично. Только не будь для нее придурком.

Я ухмыляюсь.

— Не волнуйся. Дамы меня любят.

* * *

— Немедленно убирайся из моего дома, урод! — Тереза, известная как Мама Ти, кричит, показывая на меня пальцем. — Ты думаешь, что можешь просто так вальсировать в мой дом? Кем ты себя возомнил?

Я откинулся на спинку дивана, покачивая задницей, пока не устроился поудобнее.

«Очень отчаянный человек, Тереза Бейкер», — говорю я, оглядывая дом. У нее очень уютный дом, и у всего есть свое место.

Кремовые стены с соответствующими диванами, бордовые картины с цветами, расставленные в идеальном порядке. идеально подобранная деревянная мебель, коричневые поверхности блестят так, как будто она белая птичья клетка, висящая в углу, в которой щебечет маленький Твити.

У нее тоже есть Сильвестр?

Она насмехается: «Какое, черт возьми, это имеет ко мне отношение?».

«Вы знаете некоторых мужчин, с которыми мне нужно побеседовать. Райкер звучит знакомо? Слейд, Дайр или даже Кейс?».

Ее лицо заметно побледнело, а тонкие красные губы разошлись, пока она силилась найти ответ.

Слишком медленно, мама Ти.

«Позвони им. Приведи их сюда. Это все, чего я хочу».

Она разразилась веселым смехом. «Ты знаешь, что они собираются убить тебя, верно?»

«Зачем им это делать? Мы прекрасно проводим время».

Она бросает на меня взгляд, садится в кресло и берет телефонную трубку. Она, наверное, одна из пятнадцати людей в мире, у которых до сих пор есть стационарный телефон.

Ее зеленые глаза колют меня, как остро заточенные ножи, когда она прижимает трубку

к своему уху. Я широко улыбаюсь ей в ответ, хотя боюсь, что улыбка получилась немного дикой.

«Иди сюда, сейчас же. Приведи своих братьев», — говорит она после того, как кто-то берет трубку и раздраженно смотрит на меня.

«Нет, я не ранена», — быстро заверяет она. «Здесь есть человек, который хочет увидеть вас 4».

Он, видимо, соглашается, потому что она вешает трубку без лишних слов. Все еще глядя на меня злым взглядом, она немного агрессивно опускает трубку, и наступает неловкая тишина.

В маме Ти нет ничего типичного, и она не стесняется, когда встречает мой пристальный взгляд прямо в лоб. Несмотря на то, что ей за пятьдесят, у нее характерные татуировки на шее, пирсинг Монро, кольцо в носу и темно-красная помада.

«Мою девочку похитили», — говорю я ей, надеясь хоть немного успокоить ее гнев.

Честно говоря, у меня нет никакого желания причинять вред старушке. Мне неприятно, что я заставляю ее в неудобное положение, но это необходимое средство, чтобы получить то, что мне нужно. Я бы предпочел чтобы она чувствовала себя спокойно в моем присутствии — настолько, насколько это возможно, когда мужчина шести футов шести дюймов со шрамами по всему телу входит в ваш дом.

Она тупо смотрит на меня, ожидая продолжения. «Она была похищена очень плохими и влиятельными людьми. Сейчас она может быть где угодно в мире в любой точке мира. Ваши парни, как оказалось, обладают изысканными навыками в том, что мне нужно, чтобы, возможно, разыскать ее».

Она опирается локтями на раздвинутые колени, и кажется, что она смотрит сквозь мою плоть в мою душу. Я остаюсь неподвижной. Люди видят меня такой, какая я есть никогда не беспокоили меня.

«Ты сильный, плохой человек».

Я пожимаю плечами. «А также человек, у которого очень мало времени, чтобы тратить его впустую. Я крепкий и я могу признать, когда мне нужна помощь».

Она поднимает свои тонкие брови и бросает на меня взгляд, который говорит о том, что, по крайней мере, у тебя это есть.

Мне бы хотелось думать, что я тоже красивая, но я позволю себе это.

— Почему ты думаешь, что мои мальчики тебе помогут? Моя жизнь — это твой козырь?

— Конечно, нет, — шепечу я, как птичка в клетке. — Только слабый мужчина причинит боль невинной женщине, чтобы получить то, что он хочет.

Она поднимает бровь, не впечатлена. Я не могу не улыбнуться на это.

«Как ты и сказала, я сильный, плохой человек. У меня есть связи и собственные возможности. Все, что им нужно, я могу сделать, как только моя девочка будет в безопасности и в целости и сохранности».

Она кивает головой, хотя и не выглядит убежденной. Я не беспокоюсь о том, что они попросят от меня. То, чего я не знаю, я могу узнать. Когда придет время собирать, Адди будет рядом со мной, и у меня будет все время в мире, чтобы достать все, что им нужно.

— Ну, я не одобряю твои методы, но я была жената однажды и убила бы за то, чтобы иметь хотя бы часть той любви, которую вы испытываете к своей даме.

— Да ладно, время есть. Ты еще можешь найти свою единственную и неповторимую.

Она закатывает глаза.

— Я слишком стара для этого дерьма. У меня есть мои мальчики, и этого достаточно. Только в следующий раз, может, постучишь? Ты чуть не довел меня до сердечный приступ.

«Мне жаль, Тереза», — искренне говорю я, прикрывая рукой сердце. Это только зарабатывает еще один закат глаз.

«Зовите меня Мама Ти».

Я ухмыляюсь, довольная тем, что меня приняли. Я сказала Джею — дамы меня любят.

* * *

Если бы Братство Василиска не уважало Терезу, они бы выбили дверь, чтобы добраться до меня. Вместо этого они бросились внутрь, четверо из них почти спотыкаясь друг о друга, чтобы попасть внутрь.

Тереза уже ждет у двери, подняв руки в успокаивающем жесте.

«Успокойтесь, мальчики. Он здесь не для того, чтобы причинить мне вред».

Слейд берет ее за руки и крутит вокруг себя, предполагая проверить, нет ли у нее травмы. Она вырывается из его хватки и бьет его.

«Прекрати, я в порядке. Я могу сама о себе позаботиться».

Глаза Райкера сразу же находят мои, его преследование не прекращается ни на минуту. Он бросается ко мне, но прежде чем он успевает сделать еще один шаг, Тереза хватается за руку.

Он в шоке поворачивает к ней голову, а она смотрит на него.

«Ты что, блядь, оглох, или я теперь немая? Что я сказала? Он здесь не для того чтобы причинить мне боль, так что успокойся».

Райкер снова смотрит на меня, на его лице смесь гнева и недоумения.

Я откусываю от своего шоколадного печенья и улыбаюсь ему с закрытыми глазами. пока жую.

Это печенье чертовски вкусное.

«Кто ты, блядь, такой?» — рявкает Райкер, пока остальные трое обходят его с флангов. Груды надуты, подбородки высоко задраны, а руки готовы выхватить огнестрельное оружие.

Тереза закатывает глаза и бормочет себе под нос, вырываясь из-за их спин, чтобы с раздражением сесть на свой стул.

Мальчики будут мальчиками.

Медленно встаю, вытирая крошки с рук о джинсы.

«Зи» — мой единственный ответ, и Райкер вскидывает бровь.

«Зи», — сухо повторяет он, как будто не верит мне.

«Это то, что я сказал».

«Как Z?» — уточняет Дайре. Два крошечных алмазных дермала проколоты над густой черной бровью, сверкая, когда он дугой надвигает их на лоб.

«Да», — говорю я. Представления так утомительны, когда лишь немногие видели мое лицо. Любой может заявить, что он — это я, но все они потерпят неудачу когда придет время доказать это.

Слейд фыркает, закатывая свои темные глаза, которые составляют интересный контраст с волнами грязных светлых волос, падающих на них.

Единственный, кому нечего сказать, — это Кейс, который стоит в стороне и внимательно наблюдает за мной. Если бы я был более скромным человеком, мне было бы не по себе.

— Допустим, мне не наплевать, что ты Z — почему ты здесь и в доме Терезы?

«Ну, чтобы добраться до тебя, конечно. Извините за мои невежливые методы, однако, время не терпит», — отвечаю я, ухмыляясь. Райкер фыркает в ответ.

Трогательно.

«Доктор Гаррисон вам ничего не напоминает?».

На несколько мгновений наступает коллективное молчание, а затем Дайре усмехается.

«Это был ты, не так ли? Который поджег его и его квартиру?»

«Конечно. Я случайно наткнулся на интригующие кадры с лицом Райкера. на них. Достаточно интригующие, чтобы я начал расследование, и словно сам Иисус вручил мне подарок. По слухам, вы все очень специфические... торговцы. А у меня в этом есть текущая потребность».

Райкер бросает взгляд на Терезу, которая смотрит на нас с выражением полной скуки на на ее лице.

Чувствуя потребность Райкера в тайне, она машет рукой. «Уходите. Это мое время сна».

Он смотрит на меня, прежде чем подойти к торцевому столику рядом с креслом Терезы и берет скомканный чек и ручку. Она ворчит, когда он начинает что-то черкать на нем, но не останавливает его.

Выпрямившись, он протягивает листок бумаги мне. «Вы застали нас в середине чего-то. Встречаемся по этому адресу через четыре часа. Не опаздывайте.

А теперь убирайтесь».

Я скидываю бровь, когда замечаю на чеке крем от геморроя, но быстрорешаю, что это не мое дело, что растет на заднице Терезы.

«Я приду пораньше», — говорю я. «Пока, мама Ти».

«Удачи», — говорит она. Я машу рукой в знак благодарности, прежде чем открыть и закрываю за собой входную дверь.

Мне не нужна удача, только помощь четырех мужчин, которые, вероятно, будут настолько занозой в моей заднице, что мне понадобится крем от геморроя в следующий раз.

Глава 14

Бриллиант

Какая хорошая девочка, маленькая мышка. Открой этот милый ротик и попробуй меня...

Ты была непослушной, мышка. Тебе нравится, когда я наказываю тебя, не так ли?

Я могу есть тебя днями, и этого никогда не будет достаточно...

Блядь, детка, я так охуенно зависим...

Я резко проснулся, и на одну прекрасную секунду мне показалось, с Зейдом. Образы несовпадающих глаз и злобной ухмылки засоряют мою голову, но внезапное движение пронзает острыми иглами боли по всему черепу. Воспоминания рассеиваются, глубокий тенор Зейда исчезает, а тупая пульсация которая распространяется между ног, словно проклятие, наложенное злой ведьмой, которое не дает мне забыть.

Яркий солнечный свет пробивается сквозь пыльные занавески, и он кажется почти издевательским. Я щурю глаза, мигрень усиливается, когда я смотрю на грязное окно. На улице холодно, но не похоже, что сегодня нас ждет обычный дождливый прогноз на сегодня. Призрак в небе действительно дьявол. Иначе зачем ей делать такой ужасный день таким ярким и солнечным? Сегодня Куллинг, и уже сейчас дом наполняется болтовней. Хуже того, мое тело не чувствует себя настолько разбитым, как я и думала. Моя душа? Полностью разбита. Но, по крайней мере, я могу думать о том, что я не знаю, что это такое.

Воспоминания рассеиваются, глубокий тенор Зейда исчезает, а тупая пульсация которая распространяется между ног, словно проклятие, наложенное злой ведьмой., которое не дает мне забыть.

Яркий солнечный свет пробивается сквозь пыльные занавески, и он кажется почти издевательским. Я щурю глаза, мигрень усиливается, когда я смотрю на грязное окно. грязное окно.

На улице холодно, но не похоже, что сегодня нас ждет обычный дождливый прогноз на сегодня.

Призрак в небе действительно дьявол. Иначе зачем ей делать такой ужасный день таким ярким и солнечным?

Сегодня Куллинг, и уже сейчас дом наполняется болтовней.

Хуже того, мое тело не чувствует себя настолько разбитым, как я как я думала. Моя душа? Полностью разбита. Но, по крайней мере, я могу пукать не чувствуя, что сейчас потеряю сознание, верно?

Неправильно. Если бы я едва мог двигаться, это могло бы послужить мне оправданием, чтобы не участвовать в Выбраковке.

Несмотря на избиение моего тела, полученное три дня назад в наказание за провал практического теста, мои раны заживают, так что лгать ей о моем физическом состоянии, когда другим девушкам все равно придется принять участие... Это заставляет я чувствую себя трусихой.

Так что спасибо тебе, Боже, за маленькие благословения в жизни и за то, что позволил мне увидеть еще один день и нормально перевести газ. А-бля-мужики, сука. Фиби, Бетани и Глория были изнасилованы вместе со мной. Джиллиан опустила голову, проходя мимо нас, но Сидни откровенно смеялась нам в лица, и все, что я хотела сделать, это схватить ее за

волосы и потащить вниз на эту грязную землю рядом с нами. Это была ее вина, что я оказалась на этом полу, вокруг меня толпились голые мужчины, и я уже была ранена после ее трюка с Франческой.

Все, о чем я мог думать, пока нас передавали от мужчины к мужчине, было то, как сильно я ее ненавидела. Ненавидела ее превосходство и ненавидела за то, что она саботировала меня.

Это было единственное, что помогало мне пережить прикосновения грязных пальцев и жестокие вторжения мужчин, которые не были моей тенью.

После этого Рио донес меня до кровати, мои ноги физически не могли поддерживать меня от насилия, которому подвергалось мое тело. Он не мог смотреть на меня. Не когда он ничего не делал, пока мужчины обворовывали меня, а потом он поднял эту сломанную девушку и отнес ее в постель — только потому, что Франческа потребовала этого от него.

Но он говорил со мной. Он рассказал мне о чупакабре, мифическом существе, которое, по слухам, терроризирует Пуэрто-Рико. Он рассказал мне, что когда он был маленьким, он играл со своей младшей сестрой, когда, как он клянется, увидел его. Гротескное серое существо с крыльями, оно пролетело мимо, не успел он и глазом моргнуть.

Я не знаю, зачем он рассказал мне эту историю. Может быть, чтобы отвлечь меня, но я полагаю, это сработало. Он дал мне монстра, который не казался реальным, вместо того, чтобы вместо того, чтобы сосредоточиться на монстрах, которые есть.

«Вставай». Резкая пощечина, последовавшая за резкими словами, испугала меня, и я вскрикнула от неожиданности и боли. Я даже не слышала, как она вошла, несмотря на ее громкие каблуки. Наверное, она уже купила новые.

Я поднимаю глаза и вижу, что Франческа смотрит на меня, нахмутив свои ярко-розовые губы.

Она выглядит разочарованной во мне, и я ненавижу, насколько маленькой я себя чувствую из-за этого.

Я открываю рот, но из него не выходит ни звука. Что я должна делать?

Извиниться?

После того, как она напала на меня со сломанным каблуком, и я подвергся групповому избиению со стороны друзей Рокко, она не могла смотреть на меня целый день. Вчера я наконец-то прорвалась и смог убедить ее, что это Сидни уничтожила ее вещи.

Она не извинилась. Даже не выглядела раскаивающейся. Но она заперла Сидни в старом погребе на участке на целый день, и мне почти стыдно признаться, как это успокаивало мою душу, когда я слышал ее крики о том чтобы ее выпустили. Я уже меняюсь, и прежняя Адди неузнаваема.

До сих пор я никогда не хотела причинить кому-то боль. Никогда не испытывала желания схватить нож и разорвать чье-то горло от уха до уха.

Я вибрирую от этого, но Сидни не единственная, кому досталось.

Я зла на всех людей в этом доме, кроме других невинных девочек.

* * *

Особенно с Франческой, и с каждым мужчиной, который украл частичку моей души той ночью. Кусочек, который, как мне кажется, Зейд никогда не сможет вернуть для

Там, где раньше находилась моя невинность, всегда будет не хватать места.

«Приготовься в комнате красоты. Наши гости скоро придут». Ее глаза ехидно скользят по моему телу. «Выгляди презентабельно», — добавляет она, и эти слова впиваются в мою кожу, как игла, прежде чем повернуться и выйти, ее.

Щелкающие каблуки гулко отдаются по паркетному полу.

Скрежеща зубами, я прилагаю огромные усилия, чтобы не закричать.

От ярости, боли и просто от чистого разочарования.

Вместо этого я заставляю свое избитое тело двигаться, соскальзываю с комочка кровати и прокладываю себе путь в сторону косметического кабинета.

Мужские голоса доносятся снизу, и от этого звука мое сердце подлетает к горлу.

Я стараюсь сглотнуть, когда встречаю Фиби на пороге.

Как только наши глаза встречаются, мы обе отводим взгляд. Не в силах соединиться из-за чего-то, через что мы обе прошли. Стыд. Стыд. Горе. Все эти чувства выходят на первый план, когда мы входим в комнату.

Бетани и Глория перебирают одежду на вешалке, которую Франческа должно быть, приготовила для нас. Вместо откровенных нарядов, теплая одежда висит на металлическом стержне. Думаю, было бы не идеально, если бы пять девушек бежали, спасая свою жизнь. со стрингами на заднице и кисточками на сосках в морозную погоду.

Джиллиан сидит у трюмо и наносит консилер в надежде скрыть темные круги под глазами. На мгновение мы встречаемся глазами но она тут же отводит взгляд. Я не видел ее после нашего наказания — видимо, она болела и пропустила последние пару уроков.

Рой сердитых пчел поднимается в моем горле, и я не могу остановить неконтролируемой горечи, которая овладевает мной, захватывает мои сердечные струны и превратить его в марионетку массового уничтожения.

Спала ли она той ночью? Слыша, как три девочки кричат от боли и умоляли, чтобы они остановились? Умоляли, умоляли и умоляли.

Пожалуйста.

Пожалуйста, остановитесь!

Пожалуйста, я умоляю вас!

Пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста...

Она устала от этого слова? Звучит ли оно теперь для нее смешно? Когда слово произносится так много раз, что оно уже не звучит как слово. Оно звучит как тарабарщина — звук, состоящий из высоты тона и оттенков, не имеющих никакого реального смысла. Конструкция, которую люди создали, чтобы передавать свои желания и потребности. Но какое значение имеют слова, если их никто не слушает?

Ее глаза снова встречаются с моими, на их поверхности появляется глянцевый блеск. И вот оно. Стыд. Стыд. Горе.

Она выбралась невредимой, но похоже, что чувство вины выжившего грызет ее изнутри последние несколько дней.

Я сдуваюсь, ругая себя за то, что вымещаю свой гнев на том, кто его не заслуживает этого. Джиллиан просто пытается выжить, как и все мы. Ни в чем из этого нет ее вина.

Затем входит Сидни, вся такая высокая и могущественная, и мой необоснованный гнев на Джиллиан перенаправляется на человека, который на самом деле заслуживает этого.

Она ведет себя так, как будто не провела целый день, крича в подвале.

Прикусив язык, я подхожу к туалету рядом с Джиллиан, мои движения механические.

Мои кости ощущаются как ржавые шарниры, когда я достаю ярко-розовый губку и консилер. Чтобы скрыть беду, понадобятся килограммы этого средства, но для начала я довольствуюсь несколькими каплями.

Моя рука дрожит, когда я наношу на лицо химикаты, которые должны скрыть мою боль. Бетани и Фиби тихо разговаривают на заднем плане, шепот полон страха и утешения.

Плохие, плохие девочки.

Я подумываю подслушать их разговор, но меня отвлекают, когда Сидни начинает срывать с себя одежду, пока не остается голой. У нас с Джиллиан хорошо видно ее через наши зеркала. Мы обе приостанавливаемся, руки подвешенные в воздухе, глядя на безумную девушку позади нас, которая теперь перебирает в одежде на вешалке.

Шепот Бетани и Фиби стихает, и вскоре вся комната тревожно очарована ею.

Я не могу не наблюдать за ней, когда она напевает, берет рубашку с вешалки и рассматривает ее, как будто она обычная девушка, делающая покупки в модном бутике. Совершенно не беспокоят глаза, прожигаящие ее открытую кожу.

Заставив себя отвлечься, я смотрю на Джиллиан. Она сейчас пристально смотрит на себя, скорее всего, пытаясь не замечать обнаженную Сидни, отражающуюся в зеркале.

— У тебя есть совет? — спрашиваю я, мой голос слабый и хриплый от всех этих крика.

Уголкем глаза я наблюдаю, как она замирает. Она собирается с мыслями, а затем продолжает наносить консилер, прочищая горло.

— Замечайте следы, — говорит она тихо, с заметным русским акцентом. У нее У нее красивый голос, и друзья Рокко тоже так считают. — И беги только тогда, когда когда это необходимо. Дело не в том, как далеко ты сможешь убежать, а в том, чтобы они никогда не нашли т тебя. Ты можешь бежать часами, и ты всегда приведешь их прямо к тебе.

— Они не смогут тебя найти, если не будут знать, где ты, — пробормотал я вслух.

Слова выходят хриплыми и обрывистыми, но я не пытаюсь повторить про себя.

— А как насчет ловушек?

— Я посчитала расстояние между ними, как смогла. Они примерно в тридцати футов друг от друга, примерно. Они однородны, так что охотники знают, как избежать их.

Я раскатал губу между зубами.

— Спасибо, что помогли мне.

Она смотрит на меня.

— Не упоминай об этом.

Буквально, иначе у нас обоих будут проблемы.

После этого мы погружаемся в молчание. Она не предлагает никаких утешений, но это не то, чего я когда-либо хотел бы от нее. Ни от кого.

Двадцать пять минут спустя, мы все одеты в джинсы и рубашки с длинными рукавами. Они практически ничего не сделают, чтобы защитить нас от стихии, и уж тем более от металлических наконечников стрел, вонзающихся в наши тела с бешеной скоростью. Но учитывая, что мы будем работать на адреналине, этого достаточно, чтобы согреть наши тела в тепле.

Каблуки Франчески звонко стучат, когда она поднимается по ступенькам, и мой организм захлестывает паника, контроль, за который я цеплялся, ускользает. Так легко, как будто мои пальцы покрыты жиром.

— Девочки, вы готовы? — Ее голос — как удар по почкам. Я смотрю на нее через зеркало, ее глаза изучают каждую из нас, она щелкает языком, когда она считает, что мы

достаточно презентабельны.

— Пойдемте. Время поесть, а потом мы пройдемся по урокам о том, как правильно вести себя сегодня вечером. Когда наступит ночь, начнется отбор, и если вы пройдете его, то после этого вы будете смешиваться с нашими гостями.

Паникующие взгляды обменялись. Даже удивление промелькнуло во взгляде Сидни.

Бетани поднимает дрожащую руку, прося разрешения говорить.

— Вы хотите сказать, что мы должны провести Култинг... в темноте? — спросила она нерешительно.

Франческа поднимает бровь.

— Именно это я и сказала.

Затем она поворачивается и уходит, явно ожидая, что мы последуем за ней. Медленно, мы следуем за ней, но не раньше, чем посмотрим друг на друга с одинаковым паническим выражением лица.

Мы в жопе. Мы все в жопе.

* * *

— В одну шеренгу, дамы. Мы должны быть в едином строю, чтобы поприветствовать ваших потенциальных насильников. Произведите хорошее впечатление, и они могут быть добрыми, когда будут насиловать вас.

Всплески громкого смеха и глубокие голоса сжимают мое горло. Такое ощущение, что мое сердце пытается сбежать, прорваться сквозь позолоченную клетку и вырваться из плена.

Господи, кажется, я сейчас потеряю сознание.

Мои ноги подкашиваются, и я хватаюсь рукой за перила, сжимая их так крепко, что костяшки пальцев побелели. Это единственное, что удерживает меня от падения вперед.

«Соберись», — резко шепчет Джиллиан сзади меня.

«Это говорит девушка, которую не наказали за это три дня назад», — огрызаюсь я.

Она затихает. Это было грубо с моей стороны. Но, черт возьми, нет инструкции о том, как перепрошить мой мозг, чтобы быть спокойным и не бояться. У меня почти гипервентиляция когда мы поднимаемся на площадку и проходим в гостиную, где нас ждут охотники.

Этим людям здесь не место.

Этот дом обветшал, и неважно, насколько он чист и опрятен, он все равно выглядит как мусор. А посреди него стоят пятеро мужчин, одетые в костюмы от Армани, часы Rolex с бриллиантовой инкрустацией, и погруженные в пелену дорогого одеколona, который стоит больше, чем мой автомобильный кредит.

Их разговор затихает, когда они поворачиваются к нам, и я понимаю, что разные цвета глаз выглядят одинаково, когда они все безжизненны.

«Франческа», — зовет один, ласково произнося ее имя. «У тебя у тебя здесь очень красиво».

У мужчины короткие грязные светлые волосы, голубые глаза и глубокий загар, дополняющий его тело.

Он выглядит так, будто проводит дни напролет на своей яхте. Яхте, скорее всего, с супермоделью в обтягивающем красном бикини, которая не подозревает, что ее сладкий

папочка охотится на невинных женщин ради спортивного интереса.

Ей повезло.

Его глаза переходят на мои и фиксируются, его ухмылка растет, когда остальные трое мужчин хрюкают в знак согласия. Я должна казаться кроткой и покорной мне требуется слишком много секунд, чтобы опустить взгляд на блестящий деревянный пол.

Любезно предоставленный вам. Мы должны были придать этому месту презентабельный вид, и добавление слоя масла, очевидно, достигло этой цели.

Чувствуя ожог от его взгляда, ласкающего мою нежную кожу, я теперь уверена, что я была слишком медлительна. Искра адреналина разгорается в моей крови, усиливая тошноту. Без тени сомнения, я знаю, что именно он будет охотиться на меня сегодня.

«Та, что с оранжевыми волосами, ее киска подходит, или она испортила ее, когда покрасила в такой цвет?» — спрашивает другой, и мне приходится стиснуть зубы и сдержаться.

Фиби дрожит рядом со мной, когда Франческа подтверждает что-то невероятно личное, ее голос ровный и приятный.

Мерзкая сучка.

«Мне это нравится», — говорит он. Мой взгляд переходит на него, отмечая его кустистые черные брови, маленькие глаза и пузо. «Ее волосы будут прекрасно смотреться намотанными вокруг мой кулак, когда она будет сосать мой член».

В моем горле образуется узел, и я рискую, обхватывая мизинцем ее кулак. и коротко сжимаю. Мы достаточно плотно прижались друг к другу. что это быстрое действие остается незамеченным.

«Конечно, Бен», — приятно отвечает Франческа. Этот человек, Бен, практически пенится у рта, а его холодные глаза пылают злобой. Одно что нас объединяет в этот момент — коварные, злые мысли проносятся в наших головах.

«И я думаю, что хочу ее», — говорит блондин, кивая на меня. Его испепеляющий взгляд не отрывается, заставляя пот стекать по моему позвоночнику и рвоту подступила к горлу.

«Ты уверен, Ксавье?» спрашивает Франческа. «Она еще не имеет права. Все еще ей еще многое предстоит сделать». Мое сердце замирает, когда я понимаю, что он тот самый важный человек, о котором она нам рассказывала — Ксавье Делано. И, конечно же, он нацелился на меня.

Боже? Почему я всегда привлекаю больших, плохих волков?

Он облизнул губы, на лице появилась кривая ухмылка. «Я никогда не был так уверен ни в чем в своей жизни. Я уверен, что скоро почувствую ее вкус. Будь то сегодня вечером... или в другой раз».

Я чувствую, как мое лицо теряет цвет, и становится все труднее удержаться от того, чтобы не разлететься кусками по его туфлям из змеиной кожи от Армани. Он бы определенно слился бы с этим местом.

Остальные мужчины выбирают свои цели, и вскоре Франческа выводит нас и возвращается в глубь леса. Сверчки стрекочут, и пронизывающий ветер треплет наши хрупкие фигуры. Если бы мы не были так напряжены, мы бы согнулись как резина под сильными порывами.

Прямо за домом горит огромный костер, десятки людей толпятся вокруг него, закутанные в теплую одежду и с напитками в руках. В доме есть также несколько больших телевизоров, расставленных в беспорядке вокруг. По словам Франчески, охотники будут

носить камеры на теле, обеспечивая развлечение и просмотр развлечения и удовольствие для других гостей.

Мое дыхание учащается, когда я смотрю на бесконечные деревья, тени, мелькающие от костра позади нас. Запах страха исходит от нас шестерых, когда мы выстраиваемся в линию. и меня прошибает холодный пот. Мои сапоги утопают в грязи, всасывая мои ноги глубоко погружаются в холодную землю. Часть меня отчаянно желает, чтобы это была смола. вместо нее, чтобы мне посчастливилось застрять здесь.

Меня уже мучают воспоминания о том, как я бежал по этому лесу и когда Сидни появлялся за деревом, губы кривились в злобной улыбке.

Что, если она сделает это снова? Думаю, я убью ее, если она это сделает. Вырву стрелу из из моего тела и проткну ее ней.

Позади нас мужчины готовят свои арбалеты, звон металла, которым они заряжают стрелы. заряжают стрелы в них, и звон металла бьет по моим истертым нервам. Рискнув взглянуть позади меня, мои глаза округляются, когда я вижу головные уборы, надвинутые на глаза.

Очки ночного видения.

Ублюдки. Все в этой дурацкой гребаной игре подстроено.

«Итак, дамы», — начинает Франческа. «Давайте вкратце пройдемся по правилам. Вы дается десятиминутная фора. Вы должны оставаться в пределах стены лабиринта. Если вас поймают за их пределами, это приведет к немедленной смерти.

Они будут стрелять на поражение, а не на увечье. В конце лабиринта есть открытое место. Если вы достигнете этого места, вы сразу же будете признаны безопасным, и вам не будет причинен вред. Если вы все еще находитесь в лабиринте, но не были застрелены, а отведенный час истек, вы также считаетесь в безопасности, и вам не причинят вреда. не будет причинен. Это понятно?»

Никто из нас не говорит, и отсутствие протеста — достаточный ответ.

«Как там говорится в „Голодных играх“, пусть шансы всегда будут в вашу», — вклинивается мужчина, по голосу похожий на Ксавьера.

Раунд смеха следует за плохой шуткой, но прежде чем мой недостаток самоконтроля успевает доставить мне неприятности, он кричит: «Бежим!».

Мы взлетаем, осторожно бежим по лесу, опасаясь ловушек. Струны будут натянуты между двумя предметами на уровне ног, и если споткнуться, мы будем нанизаны, и нас легко будет подобрать по обе стороны от нас, импровизированные барьеры, чтобы заключить нас в лабиринт. Это не только перенаправляет наше внимание на то, чтобы выбраться, а не оставаться в укрытии, но это также призвано дезориентировать нас и вызвать панику.

И, черт возьми, это работает.

Я останавливаюсь и бросаюсь за ствол, сердце колотится. учащенно. Стены лабиринта раздвинуты, между ними много деревьев.

Нет смысла замечать следы до этого момента; важно, что будет дальше это будет иметь значение. Я разрываю листья и ветки в поисках. Мои пальцы уже покраснели и окоченели от холода, но я почти не чувствую этого адреналина, бурлящего в моем организме.

В темноте ночи слишком много времени уходит на то, чтобы найти подходящую ветку с листьями. и еще больше времени, чтобы сделать то, что я делаю.

После совета Джиллиан я ломал голову над тем, как замести следы, не останавливаясь постоянно. следы без необходимости постоянно останавливаться и сметать их на бегу. Я

решила прикрепить подметку к спине, используя пояс, который я ukrала из косметического кабинета, чтобы держать его на месте.

Она сказала, что набирать дистанцию не так важно, но я хочу достичь и то, и другое. Уйти как можно дальше и сделать это бесследно. Полагаю, одно хорошее из всего этого, и это то, что я узнаю, как именно я собираюсь сбежать, когда придет время.

Я хватаюсь за ветку с листьями, прикрепляю ее к пояснице и использую атласный пояс, чтобы закрепить ее на мне, завязав ткань несколькими тугими узлами. А затем я начинаю быстро шагать, вертя головой туда-сюда, чтобы не поцеловать дерево, и чтобы убедиться, что ветка делает свое дело.

Слишком темно, чтобы сказать наверняка, но кажется, что так и есть, и это меня вполне устраивает.

Я взлетаю, считая шаги и осторожно поднимая ветку над проволокой, когда дохожу до них. Я иду быстро, но уверенно, одной рукой крепко держусь за ремень для дополнительной безопасности, а другую держу перед собой, чтобы не натолкнуться на все, что может предложить природа.

Я перебегаю от одного дерева к другому, постоянно оставаясь незамеченным.

Через несколько минут я дохожу до тупика, и краем глаза вижу вижу вспышку темно-оранжевого цвета слева от меня. Фиби.

Конечно, она не умеет замечать следы, когда бежит. И как бы опасно находиться рядом с ней сейчас, я отказываюсь держать рот на замке и позволить другой женщине потерпеть неудачу.

«Фиби!» зову я, стараясь говорить как можно тише.

Она замирает и поворачивается ко мне, тяжело дыша. Я не могу разглядеть ее черты ее лица, но я представляю, что ее лицо похоже на мое. Паника, глаза расширены от страха.

«Заметай следы. Ты ведешь их прямо к себе», — говорю я ей шепотом-криком, а затем ухожу в противоположном направлении. Я не знаю, будет ли послушает ли она, хотя знаю, что может быть слишком поздно. Она завела их так далеко далеко, и чтобы выжить, мне нужно убраться от нее подальше.

Ветка, волочащаяся за мной, звучит громко, поэтому я заставляю себя замедлиться, считая свои тридцать шагов и следя за проводами. Я почти задыхаюсь, пытаюсь успокоить сердцебиение. Я должна была уже расстояние между нами двумя.

Поэтому, когда я поворачиваюсь и вижу, что Фиби бежит за мной, я, черт возьми, впадаю в ступор.

«Что ты делаешь?!» восклицаю я, пытаюсь сдержать свой голос, только заставляя его срываться с места.

«Пожалуйста, позволь мне остаться с тобой», — умоляет она, в ее руках нет ветки, чтобы скрыть следы. Она даже не потрудилась попытаться.

«Да что с тобой такое, нет! Из-за тебя меня убьют», — огрызаюсь я. огрызаюсь, грудь вздымается, а глаза шарят по сторонам, ища любое движение в темноте. Я почти уверен, что наша десятиминутная фора уже прошла. У них есть очки ночного видения, а у нас нет. Это значит, что они могут быть где угодно.

Ее бледная рука сжимает мою руку и притягивает меня к себе, впиваясь ногтями.

Теперь, когда я могу видеть ее ясно, она выглядит безумной.

«Пожалуйста, я не могу позволить им сделать это со мной снова. Позволь мне пойти с тобой, пожалуйста!»

Я пытаюсь вырвать у нее свою руку, но ее хватка крепнет, и она отказывается отпустить. «Я не отпущу тебя! Я пойду с тобой».

Черт. Вот что я, блядь, получаю за то, что не похож на Сидни и с удовольствием наблюдаю, как другие терпят неудачу.

«Ладно, блядь. Ты можешь пойти, только отпусти меня», — шиплю я, наконец освобождая свою руку из ее отчаянных лап. Приняв решение в долю секунды, я бегу назад, как мы пришли, примерно на двадцать футов, поворачиваю ветку перед собой и начинаю счищать ее следы, идя назад, пока снова не настигаю ее.

«Держись впереди меня и беги так быстро, как только сможешь», — требую я. «И не делай ничего, чтобы нас убили. Не больше, чем ты уже сделала».

Она вздрагивает от моих резких слов, но я не чувствую угрызений совести. Я злюсь на то, что из-за моей доброты я, скорее всего, только что заработал стрелу в спину, и еще более еще больше меня злит, что я не могу найти в себе силы вырубить ее задницу и оставить ее позади.

Это было бы выгодно мне, но я не смогу жить с самим собой. Это причина, по которой я обратился к ней в первую очередь. Она молода, отчаянна, и напугана, а я делаю вид, что знаю, что делаю. что делаю. Конечно, она вцепится в меня.

К счастью, на этот раз Фиби слушается, держась впереди меня, пока мы бежим.

Моя ветка снова позади меня, очищая наши следы. Пот покрывает почти каждый дюйм моей кожи, струйки стекают по лбу и позвоночнику, раздражая швы на моей коже. Из моего рта вылетают облака, и я испытываю безумный момент паники, когда я подумал, не оставит ли мое несвежее дыхание запаха.

Несколько раз мы сворачиваем, и я клянусь, что мы прошли мимо одного и того же гребаное дерево уже три раза. Я все больше расстраиваюсь и устаю, поэтому я останавливаюсь и призываю Фиби найти большое дерево, за которым можно спрятаться. Я нахожу одно в нескольких футах к юго-западу от нее, с которого хорошо просматривается пространство между обоими деревьями.

Я задыхаюсь, отчаянно нуждаюсь в кислороде и нахожусь на грани рвоты. Мне нужно перевести дыхание, и я становлюсь параноиком, что даже если они не смогут увидеть наши следы, они смогут нас услышать.

«Сиди тихо», — шепчу я, хотя сама с трудом справляюсь с этой задачей... Мое тело не заботится о соблюдении тишины. Все, на чем оно сосредоточено, это жадно всасывать драгоценный воздух, чего бы это ни стоило.

Я разделил свое внимание на то, чтобы перевести дыхание и прислушаться, нет ли шагов. ухает сова, и холодный, но мягкий ветерок проносится по лесу. Такой разительный контраст с темной и опасной ситуацией. Кажется, что на заднем плане должна звучать музыка Майкла Майерса.

От шороха в кустах сердце едва не вылетает из горла но тут появляется кролик и убегает. Как раз в тот момент, когда я привожу мышцы на место, раздается голос.

— Хлопушка.

Черт. Я не знаю, была ли это хорошая догадка, или моя ветка не смогла скрыть обе группы следов, но преследователь Фиби догнал нас. Круглые глаза столкнулись с моими, и я знаю, что мои радужки расширены от страха так же сильно, как и у нее.

«Что нам делать?» — беззвучно произносит она, и я в растерянности качаю головой. Я не знаю, что нам делать. Я понятия не имею, где именно он находится, но если хотя бы

локоть высунется из-за дерева, он сразу же заметит его.

Считается ли, что в меня попала чужая стрела? Я уверена, что меня все равно наказан, даже если я не была целью.

— Хлопушка, — снова зовет Бен. Я рискую окинуть взглядом ствол дерева и вижу тень, движущуюся примерно в двадцати футах позади нас.

Черт. Слишком близко.

Если мы будем молчать, нам может повезти, и он уйдет в другом направлении. Он может подумать, что мы пошли по другой тропе, и позволит нам отдалиться друг от друга. Но прямо сейчас, малейший звук, и он может навестись на нас. Никому из нас небезопасно даже дышать.

Не то, чтобы я могла дышать.

Фиби закрывает нос и рот рукой, зажмуривает глаза, слезы пробиваются сквозь ресницы и блестят в лунном свете. Если она еще не уже, то у нее начинается приступ паники. А по моему опыту, они редко бывают тихими.

Я подношу дрожащий палец к губам, и моя собственная слеза вырывается на свободу. Мое зрение затуманивается, когда я сталкиваюсь с реальной возможностью того, что в меня может попасть стрела., а потом меня за это жестоко изнасилюют.

Снова.

Но она не может удержаться, и тоненький хнык проскальзывает мимо ее руки. Мое сердце замирает, и почти в замедленной съемке я слышу несколько шагов в нашем направлении.

«Это была ты, хлопушка?» — говорит он тихим тоном, как будто шепчет прямо нам в уши.

Черт, Адди, подумай. Что бы сделал Зейд?

Он бы стал гребаным героем, вот что бы он сделал. Зейд не заинтересован в спасении себя, только всех остальных. Так что бы он хотел, чтобы я сделала?

Спаси себя. Он хотел бы, чтобы я спасла себя. Но Куллинг не был предназначен для того, чтобы жертва могла безопасно уйти.

Прежде чем я успеваю принять решение, глаза Фиби расширяются, превращаясь в круглые диски, и она, кажется, отстранилась, ее тело начало выходить с другой стороны. Медленно, она поднимает дрожащую руку и указывает мне за спину.

Мое сердце падает, и на мгновение я оказываюсь парализованным. Мой мозг снова разделяется на две части: одна половина паникует, потому что она больше не скрыта, а другая половина застыла в ужасе, потому что за моей спиной кто-то трахается.

Я знаю без тени сомнения, что это Ксавье. Он нашел меня.

Справа от меня хрустят листья и ломается ветка. Моя голова мотается в том направлении, и я едва замечаю блеск арбалета, сверкающего под лунными лучами.

А затем время ускоряется, ударяя меня по лицу, когда две стрелы устремляются в нашу сторону сразу две стрелы. Одна от Бена, а другая из-за моей спины.

Воздух свистит, и мое тело движется чисто инстинктивно, низко пригибаясь и отклоняясь в сторону дерева слева от меня. Стрела пролетает между моим деревом и тем, в которое я целился, и стук останавливает меня на моем пути. Всего несколько дюймов разделяют наконечник стрелы, воткнутой в кору, и мое лицо.

Мои глаза широко раскрываются, и я вскрикиваю. Я поднимаю взгляд и замечаю, что первый выстрел в сторону.

Фиби тоже не удался. Больше нам так не повезет. И у нас есть только около семнадцать секунд, чтобы убежать.

...три, четыре, пять...

«Фиби, беги!»

Мы обе карабкаемся, грязь и листья бьются под нашими сапогами, когда мы взлетаем, наши ноги бьют и рвутся сквозь листву.

«Прыгай!» кричу я, пытаюсь поспеть за нашими шагами.

С трудом я поднимаю привязанную ко мне ветку, и мы оба перепрыгиваем через проволоку, невероятно близко к тому, чтобы зацепиться за нее.

Наши гулкие шаги гулко разносятся по лесной подстилке. Теперь не спрятаться. Есть только спасение от серебряного наконечника стрелы. Пути, которые мы выбираем, стратегическими только в том смысле, что их можно потерять, а не пытаться найти выход.

Мы расчищаем еще несколько ловушек, и через несколько минут я слышу шаги Фиби и внезапную остановку. Я вскакиваю, поворачиваюсь и вижу, что она согнулась в талии, пыхтящую так сильно, что она почти задыхается. Ее лицо такое же яркое, как и волосы, и ее глаза, кажется, пересекаются.

«Я не могу продолжать бежать», — задыхается она, а затем выдыхает кляп. «Я не могу».

«Нет, нет, ты можешь! Давай, Фиби, ты справишься».

Она снова качает головой, и я не могу не сделать шаг назад, когда вижу, как тень метнулась в сторону примерно в десяти ярдах от меня. Крик вырывается из моего горла, когда стрела летит, пронзая Фиби прямо в плечо.

Она падает лицом вперед, и вслед за этим раздается мучительный вопль. Застонав, ей удается подняться и пробежать мимо меня. Сбитая с толку, я бегу за ней, затем снова останавливаюсь, когда она перешагивает через проволоку, падает на землю и хватается за веревку.

«Адди, блядь, уходи!» — кричит она, ее голос срывается от напряжения. Мое лицо искажается, и слезы проливаются на мои веки, как от отрицания, так и от чувства вины. Но стрела, рассекающая время и пространство, заставляет меня нырнуть вперед, другая стрела пролетает в нескольких дюймах от моей головы.

Мои руки хватаются за холодную землю, чтобы продвинуть меня вперед, и я снова чуть не падаю лицом в попытке встать на ноги.

Беги, мышонок. Они идут за тобой.

Я успеваю пройти около пятнадцати футов, прежде чем громкий треск раздается на ветру.

Задыхаясь, я поворачиваю голову и успеваю увидеть, как веревка защелкивается вокруг лодыжки Бена. лодыжку, посылая его прямо в воздух. Его арбалет выпадает из его рук и падает на землю рядом с Фиби.

Мой рот раскрывается, раздается шокированный смех, а крики ярости Бена наполняют воздух, извиваясь, как червяк на крючке, когда он замахивается сверху. Даже с расстояния сотни футов, можно услышать шокированные и возмущенные вздохи из дома.

Фиби, должно быть, подождала, пока Бен подойдет к ней, а затем отпустила проволоку в тот момент. проволоку как раз в тот момент, когда он был в прицеле.

«Спустите меня сейчас же!» кричит Бен, и хотя тени скрывают его лицо, я знаю, что оно вишнево-красное. «Я убью тебя за это на хрен».

И он это делает. Я знаю это.

Фиби тоже это знает.

Наши глаза на мгновение сталкиваются, а затем ее взгляд медленно опускается на арбалет.

«Фиби.». предупреждаю я.

«Я все равно мертва», — хрипит она, хватая арбалет в руки и спотыкаясь, перезаряжает его. Нервно оглядываясь по сторонам, я прячусь за деревом, опасаясь, что в меня полетит еще одна стрела. Мне нужно бежать, как десять секунд назад, но я не могу оторваться.

«Не делай этого, малышка», — зовет Ксавье из глубины деревьев. Я вздрагиваю, борясь с желанием бежать и оставаться рядом с Фиби. Никто из нас не видит его, но его внимание, кажется, сосредоточено на девушке, заряжающей опасное оружие с желанием убивать на кончиках пальцев.

«Помогите! Помогите мне, мать вашу!» кричит Бен, яростно извиваясь, но ничего не добиваясь. Он подвешен над смертоносным ангелом, и ее стрела не покажет никакой пощады нечестивцам.

«Черт побери, Ксавье, схвати ее! ДЕРЖИ ЕЕ...»

Она игнорирует их обоих, прицеливается, и в тот момент, когда она нажимает на курок, другая стрела проносится по воздуху и вонзается в ее второе плечо.

Она вскрикивает, крик отдается эхом, но ее собственная стрела попадает точно в цель, вонзается прямо в череп Бена и убивает его мгновенно остаток его фразы заглушается металлическим наконечником стрелы.

Прикрыв рот, я смотрю, как кровь, словно водопад, льется прямо на нее, но она слишком занята маниакальным смехом, чтобы заметить это.

И снова она встречает мой пристальный взгляд. Так много слов поднимается на кончик моего языка, но ни одного из них не достаточно. Мурашки бегут по коже, и все, чего я хочу сказать ей, как я горжусь ею. Как она чертовски восхитительна и храбра. Мы обе знаем, что она не переживет эту ночь, но это был ее выбор.

«Иди», — произносит она. Бросив последний томительный взгляд, я уйду, надеясь, что она может увидеть все, что я не смогла сказать, в моих глазах.

«Ты можешь убежать, девочка. Но от меня тебе не убежать», — кричит Ксавье, его угроза преследует меня. угроза преследует меня, пока я бегу по лабиринту. Отвлечение Фиби дало мне преимущество, необходимое для побега.

Решимость берет верх, и я бью ногами изо всех сил. Я продолжаю пробираться через лабиринт, затаив дыхание, когда очередной свист пронзает воздух, и стрела вонзается в ствол в метре от меня.

Может, эти люди и искусны в охоте, но они не знают, что за мной охотился гораздо более страшный человек. Раньше я была мышью, попавшей в ловушку испуганной и беспомощной, когда меня взяли в зубы хищники.

Но я не их маленькая мышка, а они не Зейд.

И я никогда им не поддамся.

Глава 15

Бриллиант

Я потеряла его.

Мало того, я выбралась из лабиринта, посчитав себя в безопасности.

Тебе не причинят вреда.

Ложь, но пока я с этим согласна.

Но я не остановился на этом. Я так глубоко забежал в лес, что заблудился окончательно, даже шепота человеческой жизни не слышно. Это так напоминает мне поместье Парсонс, что у меня защемило в груди. Не помогает и то, что я дышу так тяжело, что задыхаюсь от кислорода с каждым вдохом. Я на грани рвоты и потери сознания, хотя мое тело не может решить, что сделать первым.

Чувствуя себя достаточно уверенно, что они не знают, где я, я срываю ветку с пояса, сильно прислоняюсь к дереву и соскальзываю вниз, мои ноги в состоянии больше держать меня на ногах.

Мои глаза начинают закатываться, но я борюсь с этим желанием, потому что, несмотря на то, что я считаю себя в безопасности, в этом мире такого на самом деле не существует. Ксавье может наткнуться на меня и воспользоваться тем, что мы одни. Мои крики не будут услышаны, а даже если бы и были, всем было бы наплевать.

Вытирая пот с глаз, я оглядываю свое окружение. Сначала я вижу ничего, кроме деревьев. Но потом, вдалеке, я вижу металл, сверкающий в лунном свете.

Между моими бровями образуется складка, и мое любопытство разгорается. Я позволяю себе еще минуту, чтобы перевести дух, прежде чем заставить себя подняться на ноги и бегу к постороннему предмету, периодически оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что за мной никого нет.

По мере моего приближения предмет становится различимым, и у меня снова перехватывает дыхание, когда я понимаю, что это за предмет.

Это заброшенный поезд. Массивный ряд трейлеров тянется через массивный ряд прицепов тянется через лесистую местность в обоих направлениях, металл проржавел и поржавел от природы.

Мое сердце колотится, и волнение расцветает.

Побег.

Это единственное слово, которое приходит на ум, когда я смотрю на этот заброшенный поезд. Я еще не знаю как, но я знаю, что он может дать мне убежище. когда я в конце концов покину это место.

Еще раз оглянувшись через плечо и никого не увидев, я подхожу к поезду и провожу руками по холодному металлу. Я так сильно хочу просить убежища здесь, а не возвращаться в этот дом. Я понятия не имею, знают ли они о местонахождении поезда, но это будет нетрудно найти с помощью устройства слежения устройством на моей шее.

Если этот поезд может мне что-то предложить, то я должен воспользоваться им, когда они не смогут меня отследить.

Громкий гудок разрывает тишину, заставляя животных разбежаться и сердце подпрыгнуло к горлу. Тяжело дыша, я оглядываюсь через плечо, слыша голоса, возвещающие об окончании Выбраковки.

Они будут искать меня, и у меня возникает искушение выкопать устройство слежения острой веткой и убежать, но страх держит меня в узде. Слишком много факторов против меня.

Будь умницей, маленькая мышка.

Я бегу обратно в том направлении, откуда пришел, теперь параноидально, что они найдут мен возле поезда и обнаружат его, если они еще не знали о нем. Я не хочу не хочу рисковать, если это не так.

После нескольких минут бега, я уловил мелькание черных волос и женскую фигуру, прежде чем она исчезла за деревом.

«Эй!» — окликаю я, надеясь, что кто бы это ни был, он знает дорогу назад.

Человек появляется с другой стороны дерева, и я понимаю, что это Джиллиан.

Она смотрит на меня, широко раскрыв глаза и тяжело дыша. Она выглядит не намного хуже, чем я, что, честно говоря, радует.

«Ты справилась», — тихо говорит она. Мы встречаемся взглядами, и ее глаза осматривают меня с ног до головы, вероятно, в поисках повреждений.

«Да», — отвечаю я, все еще задыхаясь. До тренировок Зейда, я никогда не за всю свою жизнь не тратила столько энергии.

«Ты знаешь, как вернуться?» спрашиваю я.

Она оглядывается по сторонам. «Думаю, да. Если нет, они придут за нами».

Я киваю, и мы начинаем идти.

«Ты уже проходила через Куллинг?» спрашиваю я.

Кажется, она так много знает для своего первого раза.

«Нет, ты проходишь через это только один раз», — отвечает она.

«За исключением, если ты Сидни», — бормочу я, хотя я с облегчением слышу, что мне никогда не придется делать это снова.

Джиллиан фыркает.

— Это правда. Она знает лабиринт, как свои пять пальцев.

— Это она научила тебя, как пройти через него?

Она качает головой.

— Когда я только приехала, я была еще более боевитой, чем ты. Франческа считала, что я слишком рискую, чтобы отправлять меня в Куллинг. Пока она меня не исправит, поэтому сначала я смотрела, как другие девушки проходят через это. Я многому у них научилась. — Она делает паузу. — И я также была свидетелем всего, что произошло после. Слушай, тебе нужно подготовиться к...

Глубокий рокочущий смех прерывает все, что она собиралась сказать. Джиллиан и я вздрагиваем и поворачиваемся в сторону звука. Ксавье выходит из-за дерева мое бедное перегруженное сердце снова ускоряется.

— Ну, алмаз, думаю, на этот раз ты доказала, что я ошибался, — усмехается он, его хищно оглядывая мое тело сверху вниз.

Как бы ни щекотало их мужское достоинство поймать нас во время Выбраковки, это также означает, что мы считаемся недостойными для продажи на аукционе. А это значит, что они могут применить к нам наказание только сегодня вечером. Так что, хотя побег от Ксавье мог взъерошить ему перья, это все равно достижение.

Потому что теперь он может оставить меня у себя.

Нервно сглотнув, я говорю: «Наверное, да».

Он поджимает губы и кивает, а затем наклоняет подбородок в том направлении, нам нужно идти.

«Я буду рад проводить вас, прекрасные дамы, если вы не возражаете», — предлагает он, его голос становится глубже.

Мы с Джиллиан смотрим друг на друга, но в итоге киваем головой.

Потому что что еще мы должны были сказать?

Нет, уходи, у тебя впч.

Если бы все было так просто.

Он направляет нас за пределы лабиринта, чтобы мы могли избежать проводов. Это занимает тридцать пять долгих изнурительных минут, чтобы вернуться в дом. Тридцать пять минут неловкого молчания, неловкого разговора и предвкушения покупки.

Мы с Джиллиан выдохлись, оба несколько раз споткнулись из-за наших дрожащих коленей и расшалившихся нервов.

Когда мы возвращаемся в дом, Франческа стоит у линии деревьев, сцепленными руками, наблюдая за появлением охотников и добычи. Она выглядит немного не в себе, скорее всего, потому что одна из ее девочек кого-то убила, но когда ее глаза находят мои, они быстро осматривают меня, проверяя, нет ли ран.

Когда она не обнаруживает никаких повреждений, тонкая улыбка касается уголков ее розовых губ, а веселье озаряет ее глаза. Может, на ее руках и смерть, но бриллиант по-прежнему сияет ярко, я думаю.

Рада быть полезной, сучка.

Фиби уже прислонилась к задней стенке дома, кровь течет из ее ран и пятна на спине. Они уже удалили стрелы, и теперь они пытаются остановить кровотечение. Это удивляет меня так же сильно, как и пугает, учитывая, что сегодня ночью она убила человека. Я думала, что она никогда не выйдет из этого леса живой.

Она бледна и выглядит в бреду от боли, но в ее лице есть спокойствие которого я никогда раньше не видел. Она заставила меня спасти ее, а потом повернулась и спасла меня.

Все, что я хочу сделать, это крепко обнять ее и сказать ей, что все будет хорошо. Не потому, что кто-то из нас верит, что она выживет, а потому когда она уйдет, она будет в лучшем месте, чем сейчас.

Сидни выбегает, на глазах ни капли крови. Признаться, я разочарован этим. К счастью, Глория следует вплотную за ней, гордость сияет в ее глазах, когда она идет ко мне, на этот раз невредимая. Я начинаю улыбаться, но этот маленький момент радости быстро угасает, когда появляется крупный мужчина с Бетани через плечо, со стрелой в спине. Мои глаза расширяются от ужаса, я с отвращением вижу, что стрела глубоко вонзилась в ее позвоночник, а кровь пропитывает и ее, и мужчину, который ее несет.

Мне стоит огромных усилий сдержать слезы, но я отказываюсь отвернуться от нее.

Она не заслуживает, чтобы кто-то из нас игнорировал ее боль.

Другой мужчина берет Фиби, и они вместе уносят ее и Бетани.

Моя губа дрожит, и я быстро зажимаю ее между зубами и прикусываю. прежде чем Франческа успеет заметить это. Я не знаю, как Зейд держал себя в руках в подобных ситуациях. Может быть, потому что он был уверен, что может убить их за это, а я... черт, я так беспомощна.

Я пытаюсь избавиться от любых эмоций на лице, но не знаю, насколько успешно. когда смотрю, как двух девушек уносят навстречу судьбе, худшей, чем смерть.

Сидни встает рядом со мной, намеренно натыкаясь на мое плечо, а Джиллиан и Глория стоят по другую сторону от меня. Франческа поворачивается к нам, смесь гордости и изнеможения сияет на ее заgrimированном лице.

«Только двое, это замечательная новость», — говорит она, даже хлопая в ладоши, как маленькая морская выдра хотя это и слабо сказано. Интересно она будет наказана за то, что сделала Фиби.

Я бы хотела быть той, кто это сделает. Я бы взяла одну из этих стрел и вонзила ей в глаз. «В качестве награды вы, дамы, получите возможность выбрать ужин сегодня вечером. Все, что вы хотите! Хоть Макдональдс! Хотя, эта дрянь ужасна для ваших тел, но на один раз должно хватить».

Мой рот открывается, но ярость душит мои слова плотнее, чем викторианский корсет. В конце концов, я рад этому, потому что из моего рта извергся бы только яд.

Мы пережили Выбракровку, и в награду за это получаем гребаный Макдональдс? Это слишком глупо, чтобы быть реальностью.

Сидни спасает меня и возбужденно прыгает вверх-вниз. «Мой любимый!» восклицает она, едва не разрывая мои барабанные перепонки. Я вздрагиваю от звука, сжимая губы и пытаюсь сглотнуть ядовитые слова.

Я дрожу.

«Звучит неплохо, Франческа. Картофель фри у них всегда самый вкусный», — говорит Глория, ее голос напряженный. Один взгляд, и я вижу, что она и Джиллиан напряжены, изо всех сил пытаюсь сохранить приятное выражение лица.

«Прекрасно, давайте зайдём и приведём вас в порядок, девочки. Сегодня вечером, и вы должны будете смешаться с гостями. Произведите впечатление и будьте уважительны, ведь это могут быть потенциальные покупатели».

Она поворачивается на одной ноге и уходит со стандартным невысказанным ожиданием, что мы последуем за ней. Сидни скачет за ней, но не раньше, чем бросает безумный взгляд через плечо, от которого моя кровь превращается в лед.

Что бы ни означал этот взгляд — ничего хорошего.

С Сидни никогда не бывает ничего хорошего.

* * *

«Втяни его покрепче», — огрызается Франческа сзади меня.

«Я пытаюсь», — хриплю я, когда она в тридцатый раз натягивает струны. Я съел «Макдоналдс». Конечно, это не уложилось в голове, потому что когда еще Макдональдс когда-либо заставлял кого-либо чувствовать себя лучше после его употребления. И теперь Франческа намерена заставить его снова подняться.

«Я думаю, он достаточно тугой», — простонал я.

Я почти уверен, что в ответ слышу треск ребер. Мне кажется жестоким, что меня заставляют носить корсет с этим платьем, но мужчины, которые действуют в рамках торговли людьми, столь же стереотипны, как и те, кто обвиняет в сексуальном насилии одежду девушек. Миниатюрные талии почитаются, но, вероятно, не так сильно, как не иметь рвотного рефлекса, когда член засовывают тебе в горло.

Франческа завязывает узел, а затем помогает мне стянуть платье через голову то самое

платье, которое все мы обязаны носить. Черное, шелковое, которое подчеркивает мои изгибы — мои теперь сильно преувеличенные изгибы. Материал заканчивается прямо под моими щеками. Бабочка может пролететь мимо, и мое платье взлетит вверх, словно у него аллергия на это крылатое создание.

Если у меня выйдут газы, все будет кончено.

Франческа проводит руками по моим локонам цвета корицы, наблюдая за мной через зеркало. Мы в косметическом кабинете, другие девушки наносят свой макияж, уже прошедшие через ту же пытку.

«Тебе нужно что-то сделать с этими волосами. Она красивы, но скрывает твою изящную шею. Не скрывай свои веснушки, когда наносишь макияж... Они подчеркивают твои необычные глаза».

Я заставляю себя улыбнуться, боясь, что если я сделаю еще что-нибудь, мой живот прорвет через корсет.

«Я могу что-нибудь придумать с волосами, может быть, заколоть их», — говорю я согласительно.

«Я могу это сделать», — шепчет Сидни у меня за спиной.

Моя улыбка падает вместе с сердцем. Я не хочу, чтобы эта сучка приближалась ко мне на расстояние на милю от меня, потому что я чертовски хорошо знаю, что она собирается выкинуть что-нибудь.

Как раз в тот момент, когда я открываю рот, чтобы возразить, Франческа поворачивается к ней и сухо произносит, «Хорошо, но если ты сделаешь что-нибудь с ее волосами, я лично прослежу, чтобы ты потеряла свою руку».

Улыбка Сидни только усиливается: «Конечно, я бы никогда».

Франческа насмехается, как будто не верит ей, но все равно уходит.

Если она ей не верит... тогда почему она уходит?

Отвесив челюсть, я сужаю глаза и внимательно наблюдаю, как Сидни подходит ко мне. Она встречает мой взгляд через зеркало, в ее холодных глазах плещутся неразборчивые эмоции. Скрытная улыбка вытягивает ее красные губы вверх, когда она начинает перебирать мои волосы. Мои плечи поднимаются к ушам, и напряжение между нами сгущается. «Как давно ты живешь в этом доме?» спрашиваю я после нескольких минутной паузы, и я не знаю, что делать.

Ее ловкие пальцы начинают отделять локоны на боку моей головы, а затем начинает заплетать французскую косу.

«Четыре года», — отвечает она.

Я поднимаю бровь.

«Ты так долго избегала аукционов?».

Она ухмыляется.

«Я много работала, чтобы быть слишком нестабильной, чтобы меня продали, но слишком ценной, чтобы быть убитой. Я хороша в своем деле», — заканчивает она, подмигивая.

Я сглатываю, не совсем понимая, как на это реагировать.

Она лукаво смотрит на меня:

«В последнее время Рио так хорошо ко мне относится. Теперь он приходит ко мне в комнату каждую ночь. Говорит, что моя киска самая тугая из всех, что у него были».

Я вскидываю бровь. Рио отказывается прикасаться к нам во время уроков, и я никогда

не видела, чтобы он проявлял какой-либо интерес в остальное время. Я не удивлена, что он трахает одну из по обоюдному согласию, но я удивлена, что она думает, что мне есть до этого дело.

«Если это делает тебя счастливой, то хорошо для тебя», — наконец говорю я монотонным голосом.

Она делает паузу.

«Тебе все равно?»

«Почему меня это должно волновать?»

«Ты ему нравишься».

Я закатываю глаза, меня раздражает ее школьное девчачье дерьмо. Она ведет себя так, будто мы две девочки, готовящиеся к выпускному, сплетничающие о мальчиках. Она играет классическую злую девчонку. Притворяется милой, но все ее приторно-сладкие слова приправлены солеными оскорблениями. Жаль для нее, но я не хочу играть в эту игру.

«У тебя дома есть мужчина, верно? Как его зовут?» — спрашивает она, заметив мою реакцию. Она особенно сильно дергает меня за волосы, и я шиплю в ответ.

«Нежнее», — огрызаюсь я. Она только улыбается, ожидая ответа на свой вопрос.

«Почему тебя это волнует?» — спрашиваю я, мой гнев усиливается, когда она проводит руками по моим волосам, грубо разрывая колтуны.

«Сексуальный пуэрториканец запал на тебя, а тебе все равно. — Она пожимает плечами. — И, наверное, мне любопытно, что это за мужчина, который делает тебя такой ценной. Он ищет тебя?»

Рио не запал на меня, но я не обращаю на это внимания.

«Разве не у всех нас есть кто-то, кто нас ищет?»

Она пожимает плечами.

«Нет», — говорит она просто, и я почти чувствую укол сочувствия.

«Ты действительно веришь, что он сможет спасти тебя?»

Я поджимаю губы, раздумывая, стоит ли вообще отвечать. Если я скажу что-нибудь уличающее, она немедленно использует это против меня. Извратить мои слова и сказать Франческе, что я пытаюсь сбежать или что-то в этом роде.

«Я думаю, все наши близкие по крайней мере попытались бы. Это то, что люди делают когда любят тебя».

Надеюсь, это больно.

Она собирает мои волосы, начиная затягивать их в хвост в середине головы.

«Как ты думаешь, он бы спас и меня?» — тихо спрашивает она.

Она опускает глаза, оставляя меня без выражения.

Манипулятивная дрянь.

— Я думаю, он спас бы всех, — говорю я. — А потом убил бы ее саму.

Наконец, она смотрит на меня, в ее глазах блеск, от которого мои мышцы напряглись.

«Если он это сделает, я с радостью отсосу ему за это. Пусть он трахнет меня в задницу, если он действительно хочет».

Я сужаю глаза, стискивая зубы так грубо, что я близок к тому, чтобы расколоть свои моляры.

«Он никогда не прикаснется к тебе, — огрызаюсь я. — И он не позволит тебе прикасаться к нему».

Ликующая улыбка растягивается на ее лице, и я внутренне бью себя за то, что что дал ей

такую реакцию, какую она хотела.

«Я думаю, он так и сделает, когда увидит, насколько я лучше тебя. Я здесь слишком долго, чтобы не знать, как заставить мужчину кончить за пять секунд».

Она укладывает мои волосы в беспорядочную прическу, которую я, возможно, считала бы красивой. Если бы знала, что быть кем угодно, но не уродиной, значит привлечь к себе не то внимание сегодня вечером.

Как только она опускает руки, я спокойно встаю и поворачиваюсь к ней лицом. А потом я беру страницу из книги Зейда о том, как быть психопатом, хватаю ее за шею, разворачиваю ее и бью об стену. Флаконы духов и кисточки для макияжа падают на пол, и я слышу вздох одной из девушек позади меня.

Удивление расширяет ее темные глаза, когда я сталкиваюсь с ней нос к носу.

«Продолжай нажимать на мои кнопки, Сидни. Если ты воспринимаешь меня как слабую, то сейчас ты получишь охуенную проверку на реальность. Я терпела твоё дерьмо так долго, потому что я понимаю, что мама и папа не любят тебя, как как и Франческа. Но я не собираюсь терпеть твои издевательства и продолжать молчать».

Она рычит на меня, и ее истинное лицо появляется из-за этой хрупкой, фарфоровой маской. Комната хорошо освещена, но по мере усиления ее гнева кажется, она вытягивает тени из углов стен и окутывает ими ее лицо. Ее подбородок наклонен, когда она смотрит на меня, но я ни хрена не боюсь ее.

Я уже сталкивался с гораздо худшим, чем она. Все, что она делает, это разжигает то возбуждение, которого мне так долго не хватало. Мой адреналин бурлит, и это... это я могу оторваться.

— Ты вредитель, Сидни.

— И ты умрешь, — пробормотала она. Я смеюсь ей в лицо.

— Тогда я заберу тебя с собой, сучка.

Я пихаю ее глубже в трюмо, отталкиваясь от нее и заставляя еще несколько вещей.

Когда я поворачиваюсь к ней спиной, намеренно давая ей понять, что я не боюсь, я обнаруживаю, что Глория Глория смотрит на меня широко раскрытыми глазами под большими очками, а Джиллиан одевается в углу, занимаясь своими делами.

Я успеваю сделать два шага, прежде чем громкие шаги Франчески разносятся по ступенькам. и входит в нашу комнату с улыбкой на лице. Сидни успевает как раз вовремя, притворно закашлялась, как только услышала, что Франческа идет.

И когда она видит Сидни, прижавшуюся к сумочке и кашляющую. я уже знаю, что она собирается сделать.

«Что случилось?» — кричит Франческа.

Сидни показывает на меня.

— Она задушила меня! Толкнула меня к трюмо и задушила меня.

Глаза Франчески обращены ко мне, и я встречаю ее пристальный взгляд, стараясь чтобы мое лицо оставалось нейтральным.

Я не собираюсь ввязываться в драку по поводу того, что это она начала, и выставить себя такой же эмоционально нестабильной, как она.

Ее карие глаза внимательно оценивают меня, но адреналин уже забурлил в моей и все, что я могу чувствовать, это... эйфорию. Тепло согрело каждый дюйм моего тела, опускаясь в желудок.

Если бы Зейд был здесь...

Я вытесняю эти мысли из головы, пока они не поглотили меня. Если бы я позволила этому случиться, я буду хвататься за воздух, и это не только будет чертовски стыдно, но я еще и нахожусь в худшем месте в мире для возбуждения.

После беременной паузы Франческа встречает взгляд Сидни.

— Наверное, ты это заслужила.

Я подавляю улыбку до того, как она может появиться, но, черт возьми, это трудно, когда она громко задыхается в ответ.

«Иди в свою комнату, пока я тебя не позову», — жестко приказывает она. Сидни проносится мимо меня, но я чувствую ее намерение за мной. Я делаю шаг с ее пути, прежде чем она успевает врезаться в меня, что только заставляет ее злее. Ее голова поворачивается, и она бросает на меня взгляд, полный чистой ненависти, прежде чем она исчезает.

Прочистив горло, я опускаю голову. Надеюсь, Франческа воспримет это как покорность, а не последнюю попытку сдержать свое удовольствие.

Я чувствую, как ее глаза сверлят меня, и на моей шевелюре выступает бисеринка пота.

Глория и Джиллиан выстроились рядом со мной, эффективно отвлекая ее.

— Сегодня мы будем веселиться, но убедитесь, что вы представляете себя как леди. Не ведите себя как шлюхи, но будьте послушными и покорными. Вам всем разрешено выпить сегодня одну рюмку. Я не потерплю, чтобы кто-то из вас выставил себя пьяными дурами.

Она делает паузу.

— Сделайте меня гордой сегодня вечером, девочки.

Братство Василиска обитает в банке в пригороде Портленда.

Очевидно, что он был заброшен, хотя вывеска на здании все еще стоит, старое название написано жирными синими буквами. Вся передняя стена была заменена на черный шифер, предположительно потому, что раньше, когда это был бизнесом.

Что еще более интересно, так это то, что они превратили его в мини-небоскреб. Прекрасно знаю, что этот банк не выглядел так хорошо, когда был действующим, и онуж точно не имел по крайней мере пяти этажей сверху.

Я распахиваю дверь и в последний раз затягиваюсь сигаретой, прежде чем выбиваю ее ботинком на землю.

Перестань мусорить.

Да, детка.

Я хватаю окурок и бросаю его в маленький мусорный пакет, висящий в моей машине мешок для вторсырья уже полон оранжевых фильтров.

Выйдя из своего «Мустанга», я захлопываю дверь и медленно подхожу к зданию. Парковка пуста, так что я предполагаю, что их машины спрятаны где-то в гараже.

Несколько камер наблюдают за мной, пока я приближаюсь к входной двери. Подняв взгляд, я смотрю прямо в объектив, висящий над входом, и несколько секунд спустя дверь щелкнула.

Двое из четырех братьев ждут меня по другую сторону. Райкер и Кейс, первый со скрещенными руками и хмурым выражением на губах, а второй с засунутыми в передние карманы руками и стоическим выражением лица.

Они оба пристально смотрят на меня, поэтому я подняла руки вверх.

«Клянусь, я здесь не для того, чтобы грабить вас. Честь скаута», — говорю я с ухмылкой.

«Если бы это было так, ты бы уже был мертв».

Я опускаю руки, улыбка на моем лице растет. Решив, что буду нажимать на их по очереди, а не все сразу, я молчу.

Мы стоим в том, что раньше было главным залом; кассовый узел теперь полностью закрыт. Теперь это четыре стены, тускло освещенные, с блестящим серым деревянным полом и темно-синими стенами полом и темно-синими стенами. Один черный кожаный диван придвинут у стены слева от меня, и я представляю, что именно здесь находятся все непрошенные или нежелательных или недоверчивых гостей проверяют, прежде чем впустить их в дом.

«У вас есть две минуты, чтобы объяснить, какого черта вы хотите», — говорит Райкер.

«Ну, блядь, никакого давления, верно?» Я расширяю свою стойку и скрещиваю руки, выгляжу непринужденно. «Короче говоря, моя девочка была похищена Обществом. Продали на торговлю кожей».

«Ты — Зи, и не можешь ее найти?» спрашивает Кейс.

Я сохраняю спокойное выражение лица, когда встречаю его взгляд. Его голубые глаза ледяные и непоколебимые, безразличные к сомнениям в моих способностях.

«Я способен на многое, Кейс», — тихо говорю я, высвобождая немного тьмы, которая

гноилась внутри моего тела. «В том числе найти где именно остановилась твоя сестра-близнец. Клэрмонт Драйв, верно? Ее девочки-близнецы, Кейси и Карла, уже такие большие. Одиннадцать лет, я прав?»

Он рычит и делает шаг ко мне, первый признак эмоций искрится в его глазах. Рука Райкера вырывается и ложится ему на грудь, останавливая его от продвигаться вперед.

Я иду вперед, пока угрозы не успели вырваться из его уст. Меня не интересует семья Кейса.

— Ее зовут Аделина Рейли. Она была доставлена к доктору Гаррисону для лечения лечиться от травм, полученных в автомобильной аварии, которую они сами и устроили. У доктора была склонность забирать своих пациентов к себе в палату и иметь с ними дело, кроме Адди, которую он пытался похитить. Он был убит одним из ее похитителей, Рио Санчес, а когда они ушли, то отключили всю сеть. Последнее, на что я не способен, но я также осознаю, что чем больше людей будет искать ее, тем быстрее я ее найду.

«Я терпеливый человек, но не тогда, когда речь идет о возвращении моей девочки».

Они молчат несколько ударов, их мозги мечутся.

«Зачем мы тебе нужны?» — спросил наконец Райкер.

«Вы торгуете человеческими органами, — отвечаю я. — Не так ли?»

Райкер наклоняет голову в сторону, обдумывая мой вопрос.

— Если вы это знаете, зачем вам люди, которые торгуют такими людьми, как ваша девушка?

Я непринужденно пожимаю плечами.

«Ты не причинишь ей вреда, а я готов смотреть в другую сторону в это время».

Если я узнаю, что они убивают людей, чтобы нажиться на их органы, тогда все ставки сделаны. Хотя, у меня очень сильное чувство, что слухи были правдивы, и это не тот случай.

Кейс качает головой, как будто не может поверить в то, что слышит.

«У тебя обширные знания о внутренней работе торговли кожей».

Я уверен, что вы точно знаете, как отследить товар, если он продается на аукционе или торгуют», — продолжаю я.

«Что нам с этого?»

Я развожу руки в стороны, на моем лице снова появляется ухмылка пожирателя дерьма. Я пуст внутри — ничего, кроме белого шума, не поселилось, но я привык придавать своему лицу выражение с такой же легкостью, с какой я могу стереть свое лицо от них.

«Я человек многих талантов. Я напишу расписку на листке бумаги, а ты можешь положить его в карман, когда он тебе понадобится. Одноразовый прием. Не может быть повторно использовать. Как купон».

Кейс сужает глаза и смотрит на меня так, как будто я маленький брат и сестра, умоляющий поиграть с ним и его друзьями.

«Почему ты думаешь, что ты нам годишься?» — сухо спрашивает он.

Мое эго — это больно.

«Случалось и более безумное дерьмо», — отвечаю я, опуская руки.

Еще одна беременная пауза, и я убеждаюсь, что встречаю оба их взгляда, ничуть не обеспокоенная их тактикой запугивания.

Райкер дергает головой в сторону двери и ворчит: «Следуйте за мной».

Кейс смотрит на своего брата, выражая взглядом что-то, что я не хочу интерпретировать. Какой бы безмолвный разговор ни состоялся между ними длится всего

три секунды, прежде чем Кейс сдаётся и следует за Райкером без споров.

Но не раньше, чем бросает подозрительный взгляд через плечо.

Кто тебя обидел, брат?

Мне тоже не хочется это выяснять.

В дверную ручку встроен сканер отпечатков пальцев. когда отпечаток Райкера распознается.

Я следую за ними через дверь, и мои брови взлетают вверх по лбу. Я вошел в мечту холостяка.

Комната гигантская и полностью открытая, потолок возвышается по крайней мере на сто футов.

Все пространство выдержано в коричневых и черных тонах и состоит всего из четырех стен. Лестница в правом углу ведет на балкон, который полностью огибает здание, где расположены десятки дверей и черный лифт на задней левой стороне. На четырех верхних этажах есть свои собственные парящие балконы, и я задаюсь вопросом, на кой хуй им нужно все это пространство?

Подумаешь, мне все равно.

О, а вот это меня может волновать. Прямо по курсу массивное хранилище, дверь выкрашенная в черный цвет. Мое любопытство разгорается, интересно, что за ней.

Я присвистываю, впечатленный и, возможно, даже немного завидуя их нарядам.

«За человеческие органы хорошо платят, не так ли?» размышляю я.

«Заткнись», — прорычит Кейс, направляясь к одному из черных кожаных диванов. на котором непринужденно расположился без рубашки Дайр, широко расставив колени.

Я оборачиваюсь, когда вижу цепь, намотанную вокруг его руки, ведущую прямо к ошейнику, застегнутому на горле девушки, которая сейчас стоит на коленях у его ног. Только черная лента прикрывает ее сиськи, остальное тело полностью обнажено. Ее голова склонена, а руки аккуратно лежат на бледных бедрах. А занавес из черных волос закрывает ее лицо, и я не могу сказать, намеренно это или нет.

Думаю, Адди скорее оторвет мне яйца, чем встанет на колени у моих ног. К счастью для нее, я с радостью встану на колени у ее ног. И поцелую ее маленькие пальчики, пока буду это делать, тоже. В конце концов, мой рот окажется у нее между ног, но я не думаю, что она будет против этого.

Дейр ухмыляется, пирсинг над его бровью сверкает от потрескивающего пламени в камине рядом с ним. Он не выглядит ни капельки обеспокоенным мое присутствие, хотя это не отменяет искру вызова в его глазах.

Слейд сидит на противоположной стороне, его темная светлая голова поворачивается, чтобы посмотреть на меня поверх дивана.

Какая враждебность.

«Я согласился помочь ему», — объявляет Райкер, занимая место рядом с Дайром.

Он даже не смотрит на девушку, и я полагаю, что он уже привык к сексуальным привычкам Дайра.

«Да? Что он делает для нас?» — спрашивает Слейд, его вопрос адресован его брату, но его темные глаза остаются прикованы ко мне.

«О», — говорю я, поднимая палец, чтобы они держались. Я кручусь вокруг, пока не нахожу лист бумаги и ручку на тумбочке, пишу на нем буквы I, O, U, и протягиваю ему.

Он с недоумением смотрит на бумагу и снова обращает свой взгляд на меня.

«Во-первых, не пиши на чужом дерьме. Во-вторых, ты, блядь, шутишь надо мной, да? Ты нам не нужен».

Я ухмыляюсь. Он нервничает, что я могу найти крем от геморроя на его чеках, тоже? Он должен знать, что мне не нужна бумажка, чтобы рассказать, на что Слейд тратит свои деньги.

«Вы можете вести себя так, будто мои навыки не принесут пользы бизнесу, который вы четверо но так вы далеко не уедете».

Он комкает бумагу и бросает ее в огонь, и я не могу не хихикаю в ответ. Их отношение меня не беспокоит — это ожидаемо, когда незнакомец врывается в их жизнь с требованиями.

Но они, черт возьми, помогут мне, хотят они этого или нет.

«Вы должны сообщить мне источник этих слухов», — вклинился Райкер.

«Последнее, чего мы хотим, это чтобы слухи распространялись».

«Я укажу тебе форумы, на которых они размещены. Ты сможешь разобраться с этим, да?»

Райкер кивает.

— Они опасны.

— Потому что они правдивы, — заканчиваю я, уже понимая, какие последствия это может иметь. У них есть процесс, и он построен на их репутации.

— Вы ему доверяете? — спросил Слейд, подняв бровь.

Райкер пожимает плечами, не обращая внимания.

— Он один, а нас четверо.

Моя верхняя губа натягивается на зубы, так же беззаботно. Я устраиваюсь на диване рядом со Слейдом, заслужив взгляд, который я послушно игнорирую. Не трудно, когда это похоже на чихуахуа которая рычит на тебя.

«Итак, если вы не плохие парни, как, черт возьми, вы занимаетесь торговлей органами... вежливо?»

«Мы занимаемся процессом извлечения органов перед их продажей. Если они уже умерли, мы покупаем тело по завышенной цене, извлекаем ценные органы и выбрасываем остальное. Затем продаем органы на рынке. Если они живы, мы отправляем их домой».

Он делает паузу, ожидая реакции, которую он не собирается получать. Я молчу, и после очередной паузы он продолжает.

«Дайре лучше всех понимает торговую систему. Находит товар и следит за тем, что происходит на рынке, а что нет», — сообщает мне Райкер... Странно, но меня это удивляет. Дайре подмигивает мне.

«Слейд — наш переговорщик и бухгалтер. Организует сделки, согласовывает цены и распоряжается деньгами. Кейс извлекает и сохраняет органы. А я провожу сделки после согласования условий. Наша приоритетная задача — перехватить людей, которых приносят в жертву ради их органов, и вернуть их домой».

«Но вы продаете органы людей?» — уточняю я.

«Абсолютно, но те, кому мы продаем, оказывают услуги семьям, находящимся в отчаянной нужде. Люди, которые стояли в очереди на трансплантацию, или те, кто не могут себе этого позволить при нынешней системе здравоохранения. Неважно, если что это подпольно, они все равно достаются хорошим людям, которые этого заслуживают. Черный рынок полон зла, но не все мы такие. Это только необходимо, чтобы мы казались такими».

— Если вы извлекаете органы только из мертвых, вы хотите сказать, что вы только продаете только кости и кожу? Не похоже на прибыльный бизнес.

Райкер и Слейд посмотрели друг на друга, короткий разговор состоялся между ними. Я скидываю бровь, ожидая их решения.

Слейд поворачивается ко мне.

— Кейс раньше был гробовщиком. Он не врач, поэтому мы обратились к доктору Гаррисону для серьезных травм, но помимо его он хорошо знает, как безболезненно усыпить человека.

— Навсегда, — говорю я, заполняя то, что он не сказал.

— Да.

Я смотрю между Райкером и Слейдом, сузив глаза, чтобы понять, что именно они пытаются сказать... Дейр сейчас гладит волосы девушки, отвлекаясь от нашего разговора.

— Вы помогаете в самоубийствах.

Взгляд Слейда становится серьезным.

— По обоюдному согласию. Это люди, у которых низкое качество жизни. Будь они смертельно больны, стары и усталы, или страдают от другими психическими заболеваниями. Какой бы ни была причина, это их выбор, и они соглашаются пожертвовать свои органы. Кейс погружает их в глубокий сон, извлекает органы, и затем они уходят. Совершенно безболезненно.

Я медленно киваю головой, перебирая в голове эту информацию. Люди часто заботятся о жизни только тогда, когда она находится в животе женщины, но перестают заботиться о ней, как только она появляется на свет. Мне интересно, выбирают ли люди этот путь потому что не могут получить необходимую помощь.

Я поджал губы, а затем сказал:

— Орегон — это штат, который принял закон «О смерти с достоинством».

— Люди, которые приходят к нам, не из тех штатов, которые приняли этот закон. Для того чтобы получить право на смерть с помощью врача, вы должны доказать свое место жительства, — объясняет Слейд.

— А деньги, которые вы получаете за их органы — куда они идут?

— Зависит от их желания. Иногда они просят, чтобы деньги пошли семье, и мы выполняем это пожелание. Но в большинстве случаев, будь то потому, что они не в хороших отношениях с семьей или у них вообще нет семьи, им все равно, что мы с ним делаем, если это кому-то помогает.

Райкер вклинивается:

— Это стабильный доход, и они достойно уходят из жизни, когда они иначе не смогли бы. Это также позволяет нам сохранять секретность. Как как бы мы ни хотели быть большими, плохими Z и ходить вокруг и убивать всех злых парней, именно они доставляют жертв прямо к нам в руки, чтобы мы могли спасти их.

Я качаю головой.

— Маленькая девочка, в которую стреляли. Как это произошло?

Тени падают на глаза Райкера, затемняя их до мшисто-зеленого цвета.

— Это как один из торговцев привел ее к нам. Он не сказал, как это произошло, только то, что она теперь бесполезна и что мы можем продать ее органы, так как она все равно умрет.

В этом уголке мира даже мертвые имеют ценность.

— Если ты убил их, то на одного человека, способного украсть жизнь у невинных людей, стало меньше. людей из их жизни. На одного ребенка меньше, которого застрелят и продадут на органы.

Райкер наклоняется вперед, опираясь локтями на раздвинутые колени.

— Мы делаем это, когда можем, поэтому наша репутация безжалостных, убийственных засранцев очень важна. Но если бы каждый торговец на черном рынке был убит, это вызвало бы подозрения. Как только это случится, мы уходим. У нас нет всемирной организации, как у вас, нас всего четыре человека. Это значит, что если люди узнают о нас, это тысячи жизней, которые мы не спасем. Ты не хуже меня знаешь, что они паразиты и плодятся как кролики. Если уничтожить нескольких, то это даже не укрепит выгребную яму больных ублюдков. Мы спасаем больше жизней таким образом, но это не значит, что у нас нет своей доли крови на наших руках.

Я киваю, поджав губы.

— Справедливо, — соглашаюсь я. — Хорошо, что у вас есть массовая организация в вашем распоряжении. Может, придержать следующую бумагу, да? Можешь даже продать ее на eBay — они очень ценные.

Слейд поджимает губы и смотрит в сторону.

— Отвали, умник.

Глава 17

Бриллиант

Если бы не ошейник, обернутый вокруг моего горла, я бы подумала о том, чтобы стащить один из перочинных ножей гостя и выскользнуть через заднюю дверь, исчезнув в ночи. Я бы вырезала устройство слежения из своей шеи и ушла, не заботясь о том, что на мне нет ничего, что могло бы защитить меня от стихии. Я бы предпочел умереть в одиночестве посреди леса, чем от рук секс-торговца.

И Франческа это знает. Она знает, что все мы готовы рискнуть. Вот почему простые ошейники из черного металла с рубиновым кулоном посередине сейчас перевязывают нам горло. Она ясно дала понять, что дома есть еще одно устройство слежения, которое невозможно снять без ключа.

В доме царит атмосфера отвлечения и гламура. Так много мужчин, одетых до сотен тысяч долларов, капающих с их ледяных запястий.

Так много возможностей ускользнуть незаметно, пока глаза закрыты.

Я никогда не понимала, почему самые больные представители человечества из кожи вон лезут, чтобы казаться самыми красивыми. Можно насыпать блесток на змею, но она все равно укусит.

«Ты прекрасно выглядишь», — шепчет мне на ухо глубокий голос сзади. Я вздрагиваю и оборачиваюсь, чтобы увидеть Ксавье, на лице которого играет сальная ухмылка.

Франческа приказала нам общаться с мужчинами, поэтому я расположилась в гостиной. Даже после всей уборки, которую мы сделали, в доме все еще воняет отчаянием. Слишком много ужаса вьелось в щели, и никакая уборка не сможет освободить это место.

Я заставляю себя улыбнуться, отступаю от него на дюйм и опускаю подбородок.

По моему телу разливается тепло, но не то, которое приятно. Это ощущение как когда у тебя желудочная инфекция и ты застрял в машине.

«Спасибо», — говорю я, ослабляя голос. Его взгляд напряжен, пока он проводит по моим изгибам медленно, не торопясь. Естественно, мне хочется ударить его по яйцам и убежать. Но я могу только стоять и терпеть. Прямая и высокая, отказываясь свернуться калачиком, как он хочет. Это единственное неповиновение, на которое я способна. кроме как схватить фужер с шампанским в его руке и разбить его о его лицо.

Расслабься, мышонок.

Он не поймал меня сегодня, поэтому не имеет права наказывать меня. Однако, у меня есть ужасное предчувствие, что Франческа с радостью позволит этому мужчине прикоснуться ко мне, независимо от этого.

А это значит, что я должна вести себя хорошо.

«Ты была великолепна сегодня, несмотря на то, что эта мерзкая девчонка немного отвлеклась», — приятно говорит он. Я могу сказать, что он пытается привнести теплоту в его присутствие, но это похоже на то, как если бы я сунула руку в камин, который не использовался столетиями.

«Хотя должен признать, что Выбраковка всегда казалась мне контрпродуктивной», — продолжает он. «Даже если это весело».

Прочистив горло, я тихо спрашиваю: «Могу я спросить, почему?».

Он усмехается, как будто видит сквозь тонкий фасад. «Это учит тебя, как убегать от нас».

Это было традицией на протяжении веков, но если ты спросишь меня, я бы предпочитаю, чтобы мои женщины были неспособны убежать».

Я медленно киваю головой. «В этом есть смысл», — признаю я.

И действительно, это так.

Каллинг создан для того, чтобы проверить нас на выносливость. Я понимаю. Если мы будем слишком слабыми и сломлены, мы станем безжизненными маленькими существами, в результате чего им постоянно придется заменять нас. Он призван сломить нас ментально — духовно. Вызвать ужас и надежду на побег, только для того, чтобы нас снова затянуло обратно.

Тем не менее, Ксавье тоже прав. Это учит нас бегать.

Он делает шаг ближе ко мне, его лесной одеколон обжигает мои пазухи, когда он вторгается в мое пространство. Я хочу сказать ему, чтобы он убирался на хрен из моего запретного пространства, но я не могу представить, что это будет хорошо.

Как я ни стараюсь, я не могу остановить свои конечности, чтобы они не напряглись, а плечи приподняться на дюйм. Мои пальцы дергаются от желания сжаться в кулаки, но я воздерживаюсь.

«Скажи мне, Аделин, ты бы убежала от меня, если бы я сделал тебя своей?»

Боже, да. Я бы бежала, пока мои ноги не стерлись бы до костей. Даже тогда, я бы все равно побежала бы.

«Конечно, нет», — отвечаю я, сохраняя спокойный голос.

Он усмехается, смесь веселья и снисходительности. Горячее дыхание обдувает по моему лицу, когда он наклоняется ближе, его грубая борода скребет о раковину моего уха.

«Ты не сможешь, даже если захочешь», — шепчет он. «Ты не сможешь стоять. Твои ноги дрожали бы слишком сильно от того, как сильно я тебя трахаю».

Его слова сопровождаются движением руки по моей спине. Я закрываю глаза, ища в себе силы не дрожать под его прикосновениями. Не убежать от него к чертям и молиться Дьяволице, чтобы он никогда не нашел меня.

«Звучит неплохо, бриллиант? Как ты думаешь, ты вспомнишь Зи после того, как я закончу с тобой?»

Мои глаза открываются, и красное затуманивает мое зрение. На этот раз я дрожу, но только от ярости.

Боже? Ты нужен мне прямо сейчас. Мне нужно, чтобы ты наделил меня любым вудуистским дерьмом, чтобы я не убила этого человека.

Он откидывается назад, его холодный взгляд ищет на моем лице реакцию. Я отворачиваюсь, не в силах сдержать огонь в глазах, и решительно закрываю рот.

Что, блядь, он ожидает, что я на это скажу? Да, педо-мастер, я бы забуду о Зейде и буду думать только о тебе и твоём маленьком, тщедушном члене.

Пошел на хуй отсюда, придурок.

Он издал еще один звук веселья, и я прикусила внутреннюю сторону своей щеки, пока не почувствовала вкус меди. И тогда я кусаю сильнее.

«Ответь мне», — зажимает он.

«Нет», — шепчу я, опустив взгляд, чтобы скрыть ложь. «Я думаю, что будет очень трудно думать о чем-то еще, кроме тебя».

И как сильно я хочу убить тебя.

«Да?» — спрашивает он, его голос дрожит от волнения.

«Да», — пискнула я, когда его рука грубо схватила мою задницу, толкая меня глубже в его широкую грудь. Мои мышцы напрягаются до невозможности, чувствуя как его член впивается в мой живот. Отвращение скручивает мои внутренности, и я клянусь. Это будет некая форма справедливости, если я позволю рвоте выплеснуться прямо ему в лицо.

Он двигает бедрами в меня, и как раз в тот момент, когда я достигаю точки срыва, кто-то громко прочищает горло у меня за спиной.

Ксавье отпускает меня, и я делаю несколько шагов прочь, тут же поправляя свое растрепанное платье после его ощупывания. Когда я рискую поднять взгляд, я вижу, что Рио стоящего рядом со мной, со сцепленными за спиной руками и нейтральным выражением на его лица.

«Извините за вторжение», — говорит он, на мгновение склонив голову. «Мне должен сменить повязку на ее спине до начала мероприятия. Сейчас также время вам пора отправляться в красную комнату», — сообщает он, его тон клинический, но приятный.

Ксавье поправляет пиджак, бросая на меня взгляд, который я отказываюсь встретить. Он обжигает мое лицо, когда он в знак признательности вскидывает подбородок и уходит.

Переведя взгляд на Рио, он кивает головой в сторону кухни, который ведет обратно к ванной комнате.

Все еще дрожа, я следую за ним, надеясь, что я не слишком неустойчива и не сверну свои лодыжки на этих каблуках. Франческа, вероятно, сама вскрыла бы мои швы после такой глупой ошибки.

Даже когда мы входим в ванную, мы молчим, и он закрывает дверь за нами. Мои плечи немного расслабляются, когда мы остаемся одни.

Интересно, когда Рио начал чувствовать себя в безопасности?

Но, признаюсь, я благодарна. Он не союзник ни в коем случае, но он наименьший из моих врагов в этом гребаном доме.

«Что это за красная комната?» спрашиваю я.

Рио смотрит на меня. «Комната в задней части дома, полная брезента и пыточных устройств. Уверен, ты можешь догадаться, почему они прозвали ее красной комнатой», — сухо отвечает он.

Я сглатываю. «Они... забирают Фиби и Бетани туда?» спрашиваю я.

«Да. Она используется только для тех, кто не прошел Каллинг».

Моя грудь сжимается, а желудок скручивается. Они делают невыразимые вещи с ними прямо сейчас, и от этого меня чертовски тошнит.

«Повернись», — требует он.

Я сужаю глаза, не ценя то, как он приказывает мне повернуться.

Заметив выражение моего лица, он вздыхает и говорит: «Por favor».

Сжав губы, я поворачиваюсь.

«Зачем ты вообще меня спас?» тихо спрашиваю я, заглядывая через плечо. чтобы увидеть, как он достает аптечку из-под раковины и кладет ее на пожелтевшую столешницу. Я уверена, что во времена своего расцвета они были белыми.

«С чего ты взяла, что я тебя спас?» — спрашивает он, глядя на меня, пока он выкапывает бинты и неоспорин. «Тебе придется поднять свое платье».

Я вздыхаю и делаю, как он просит. Я знаю, как с ним работать, и это не первый раз. раз мне приходилось обнажать свое тело, чтобы он мог поменять повязки. Я поднимаю платье под подмышками, и мне становится грустно от того, насколько десенсибилизированной к

обнажению перед мужчинами.

На мне стринги, но это может быть и ничего, учитывая, насколько они обрывочны. Медленно он расстегивает корсет, и с каждой расстегнутой петлей мне становится легче дышать. немного легче. Когда он спадает с моего туловища, я глубоко вдыхаю, блаженство почти болезненное. Мой живот покраснел и побагровел от того, как туго Франческа зашнуровала его.

«Ты должен заново зашнуровать его, знаешь ли», — говорю я ему.

Он ворчит. «Тогда тебе лучше быть милой. Я могу сделать это туже, чем она».

Дрожь пробегает по моему позвоночнику, когда его пальцы касаются меня, перебирая пока он не зацепил край и не содрал старые бинты с моей кожи.

«Итак, ты собираешься вести себя так, будто необходимость сменить их не была намеренной?»

спрашиваю. «Ты просто поменял их перед вечеринкой». Которая была всего два часа назад.

«Хочешь, чтобы я оставил тебя в следующий раз?» — отвечает он, его тон жесткий и немного нетерпеливый.

«Нет», — шепчу я.

«Тогда прими это как есть и заткнись нахрен».

Я закрываю рот. На этот раз я без проблем выслушала его требования. Независимо от того, хочет ли он признать это, он увидел, что Ксавье становится и вмешался. Что совсем не свойственно торговцу людьми.

Я лучше буду просто благодарен за вторжение, чем допрашивать его, и тогда он никогда больше так не сделает.

Господь, мать его, знает, что это не последний раз, когда мужчина становится слишком ласковым.

И от этого знания у меня мурашки по коже.

Рио — причина, по которой я оказалась в этой ситуации. Или, по крайней мере, одна из причин. Он сыграл огромную роль в этом, и это то, что я никогда не забуду.

Но я также не забуду те крупинки доброты, которые он проявил ко мне, когда он скоро окажется перед дулом пистолета Зейда.

Я не знаю, смогу ли я сохранить ему жизнь, но я постараюсь сделать так, чтобы его смерть была быстрой.

Прочистив горло, я смочила пересохшие губы. «Ты собираешься помочь Фиби и Бетани тоже?»

Он вздыхает. «Я не могу им помочь».

Я рычу. «И это все? Ты собираешься стоять в стороне и ничего не делать, пока две невинных девушек насилуют и пытаются?»

Он не отвечает сразу, и, похоже, мне удалось задеть нервы.

«Я такой, какой есть, детка. Плохой, плохой человек без угрызений совести».

Лжец. Если бы он не чувствовал угрызений совести, мы бы сейчас не были в этой ванной, промывая рану, которая в этом не нуждалась.

«Почему ты это делаешь?» спрашиваю я шепотом, шипя, когда алкоголь попадает на больное место. «Это из-за денег?»

Он насмехается. «Мне плевать на деньги. Я не могу забрать их с собой, когда я умру, так что какая мне от них польза?»

«Тогда зачем?» Я настаиваю. Он вздыхает, разрывая свежую упаковку марли.

«Ты не единственный, кто находится в рабстве у влиятельных людей», — коротко говорит он. коротко, его тон сигнализирует об окончании разговора. Но я не слушаю.

«Зейд собирается убить тебя, и ты это знаешь. Так что, если ты знаешь, что все равно умрешь, тогда зачем продолжать?».

Он шлепает по мне лентой немного резко, все больше разочаровываясь в моем иголками.

«Пуньета. Как насчет того, чтобы использовать свою маленькую хорошенькую головку и понять это, — огрызается он, его акцент становится все глубже от гнева. — Если кто-то не останется ради собственной жизни, что еще может заставить его остаться?»

Мое лицо опускается, когда приходит осознание. «Они используют кого-то против тебя». вздохнула я. «Семья?»

«Моя младшая сестра, — ворчит он. — Пока я хороший мальчик, она не будет продана».

Между моими бровями образуется узел. «Почему бы просто не удрать с ней и не сбежать?»

«Потому что я не могу ее забрать. Она у них, а я не могу до нее добраться, понятно? Ты закончил играть в двадцать вопросов, или мне рассказать тебе о том. как я лишился девственности?»

Я зажимаю рот. Он дал мне более чем достаточно. Это нечестно с моей стороны продолжать настаивать.

Рио заканчивает, накладывая свежую марлю на мои швы.

«Они почти готовы к выходу», — говорит он, отступая назад, чтобы выбросить мусор и убрать набор. Затем он наклоняется и берет корсет, завязывает его обратно вокруг моей талии и быстро завязывает его, оставляя его значительно свободнее. чем Франческа.

Как только он заканчивает, я освобождаю свое платье, поправляя его, пока неловкая тишина сжимает воздух вокруг нас.

«Спасибо», — быстро говорю я, слова обжигают язык на выходе.

Он смотрит на меня. «Пока не благодарите меня, принцесса».

Он открывает дверь и выходит из ванной без лишних слов, оставляя меня в одиночестве. Мое сердце колотится, мне не нравится, как чертовски зловеще. Затем его оправдание перед Ксавьером ударяет меня по голове. по голове.

Мне нужно сменить ей повязки перед мероприятием.

Какое, блядь, мероприятие? Разве у нас его уже не было? Разве это не вечеринка после мероприятия?

Ужас сменяет костный мозг в моих костях, и когда я выхожу из ванной комнаты и возвращаюсь в гостиную, я понимаю, что «Выбраковка» была лишь предварительным событием. Несколько мужчин задерживаются в углах гостиной, пьют и смеются, выглядят совершенно безразличными к жизни. А девушки собрались в центре, высоко подняв плечи и опустив глаза.

За исключением Сидни, конечно. Она носит свое неповиновение на рукавах. Она прямо встречает взгляды всех зрителей и даже улыбается им.

Я стою рядом с Джиллиан и, стараясь говорить как можно тише, спрашиваю, «Что происходит?»

Ее глаза переходят на меня, и я замечаю, насколько пепельной стала ее кожа.

«Худшая часть всей ночи», — шепчет она в ответ. Тревога смешивается со страхом,

растворяясь в моем организме, пока я не стану ничем иным, как комком потрепанных нервов. Это то, к чему она пыталась сказать мне подготовиться в лесу?

Как только я открываю рот, чтобы задать еще вопросы, до моих ушей доносится громкий крик. Мои зубы щелкают, а затем скрипят, когда звук постепенно усиливается.

Мое сердце колотится, а ладони скользят. Это Фиби и Бетани, и что бы ни случилось, это плохо.

Действительно чертовски плохо.

Я начинаю нервничать и суетиться, сбита с толку тем, что происходит, но все еще отчаянно стремящийся никогда не узнать.

И все же их визжащие головы прямо на нас, почти болезненно для ушей. Двое мужчин тащат их за волосы, совершенно голых и окровавленных до неузнаваемости. Поскольку Бен мертв, у того, кто занимается Фиби, густые черные волосы и борода, и он выглядит таким же безжалостным, как и его партнеры. А с Бетани работает худощавый пожилой мужчина с тонкими губами и в очках.

Я едва сдерживаю вздох, не в силах чувствовать ничего, кроме ужаса и паники. Джиллиан и Глория неловко ерзают, обе готовы расплакаться. Сидни наблюдает за ними с холодной отстраненностью, даже когда они брошены к нашим ногам. Фиби и Бетани лежали почти безжизненно. Рвота подступает к моему горлу, мельком видя нанесенные им увечья. Я должен а отвести взгляд, физически не в состоянии это переварить. Конечности и кожа отсутствуют. Части их тела были вырезаны и полностью удалены. Кровь неуклонно скапливается под ними, лужа становится все больше, пока не начинает просачиваться под наши ноги.

«Они все ваши, девочки!» — гордо объявляет черноволосый, с одышкой от напряжения и возбуждения. Кровь окрашивает их одежду, и, хотя у всех глаза горят от волнения, эти двое, в частности, выглядят так, как будто они в кайфе. Скорее всего, из-за пыток двух молодых девушек.

Их брюки все еще расстегнуты, рубашки расстегнуты, а волосы взлохмачены. Пот капает с кончика носа черноволосого мужчины, а у другого на белой рубашке пятна от ямы. Я воспринимаю все эти детали широко раскрытыми глазами, мой мозг медленно обрабатывает происходящее.

Секундой позже входит Франческа, глядя на девушек, скривив губу. Затем она останавливает свой взгляд на нас, выглядя спокойной и собранной. Она так много видела, так много сделала. Ее больше ничего не смущает?

«Спасибо, джентльмены, что привели их сюда», — любезно говорит Франческа.

Глория ломается первой, поворачивается и закрывает ладонью рот. Слезы текут из ее глаз, когда она задыхается под ладонью. Огонь вспыхивает в глазах Франчески, ее голова мотается в сторону мышевидной девушки.

«Не смей плевать на мой пол, маленькая девочка. Я отрежу тебе язык изо рта», — шипит она, ее макияж трескается от напряжения на ее лице.

Глория кивает, хотя лицо у нее зеленое, и она все еще на пропасть потерять его полностью. Все, что я могу сделать, это повторять про себя снова и снова, чтобы не плевать и полностью не сойти с ума.

Франческа подходит, следя за тем, чтобы ее драгоценные каблук не попали в кровь. Она смотрит на нас с непроницаемым выражением лица.

«Ты выведешь их наружу и избавишь их от страданий».

Мои глаза расширяются, и Сидни хихикает рядом со мной. Требуется усилие, чтобы не выдернуть руку и не дать ей пощечину.

— Что ты имеешь в виду? — Вопрос выскальзывает прежде, чем я успеваю остановить его, и я чувствую мгновенное сожаление, когда все взгляды обращаются на меня.

— Это значит, — рычит Франческа сквозь зубы, — что ты положишь конец их жалкому существованию. А потом ты будешь копать им могилы и надеяться на Бога, что ты не следующая.

Мои мысли бегут по грязи. Я медленно обдумываю ее слова, даже когда Рокко и один из его друзей прорываются сквозь толпу гостей и подхватывают девушек на руки, прежде чем отправиться к двери.

Мой рот отвис, я потерял дар речи и в ужасе наблюдаю, как другие девушки медленно начинают следовать за ними.

Это не реально.

Это не может быть правдой.

Но когда я встречаюсь с золотисто-кариими глазами Франчески, пустыми и тусклыми, я понимаю, что от этого кошмара никуда не деться.

— Иди, — произносит она. Моргая, мое тело следует ее команде и направляется к двери. Но я этого не чувствую. Это внетелесный опыт — я могу только наблюдать за своими движениями. Мои ноги несут меня вниз по ступенькам крыльца к задней части дома, где все еще бушует костер, языки пламени лижут холодный воздух. Вспышки оранжевого света хлещут по ночному небу, из оранжевого свечения клубятся клубы дыма.

Вслед за мной из дома высыпают гости, их возбужденная болтовня перекрывает пение сверчков. Воздух пульсирует, гудит от предвкушения и ликования, но все это неправильно.

Сегодня ночью умирают две девушки, но все, что вертится у меня на языке, — это восторг от их славной смерти.

Фиби и Бетани падают на землю, их вопли усиливаются от удара. Напряжение в мышцах моих ног отягощает меня и делает практически невозможным выстроиться в ряд с тремя другими девушками в строю.

Мы стоим перед ними, различные эмоции заполняют пространство между нами.

Смирение и энтузиазм Джиллиан и Сидни соответственно, но мы с Глорией смотрим друг на друга, совершенно окаменев от того, что будет дальше.

Франческа стоит по другую сторону костра, глубокие тени и ярко-красный цвет подчеркивают ее черты. Демон, восставший из ада.

«Эти девушки были признаны недостойными на Отбраковке», — громко объявляет Франческа. Мужчины замолкают, и я полагаю, что это единственный раз, когда они были склонны заткнуться и слушать женщину.

«На протяжении веков мы продолжали эту традицию. В нашем мире только сильнейший может выжить. Только те, кто может терпеть и упорствовать независимо от того, что мы бросаем им на пути. Эти девушки, стоящие перед вами, — они достойны вас. И они докажут вам свою ценность, уничтожив тех, кто был недостаточно хорош».

Темные глаза Франчески выжидающе смотрят на нас, но я могу только смотреть.

Я вижу, как Рокко приближается к нам с большими камнями в руках. Сидни быстро хватается за свою, почти дрожа от восторга.

Он смотрит на меня с ожиданием, на его лице радостное выражение.

Неохотно хватаю камень, удивленный тем, насколько он тяжелый.

Джиллиан и Глория хватаются за свои, дрожащие руки сжимают твердый камень.

Слеза скатывается по ангельским щекам Глории.

Заметив это, Рокко наклоняется, хватая ее за щеки и лижет. слезы; его отвратительный

язык скользил по всему ее лицу. Она визжит в ответ, а Рокко мрачно хихикает.

«Покажи мне еще одну слезинку, малышка. Я буду счастлив бросить тебя рядом с ними».

— Не заставляй меня делать это, — тихо умоляет она, чуть громче шепота. Все ее тело дрожит в его ладонях.

«Вы предпочитаете быть тем, кто бросает камень, или тем, кто ниже Этого? Выбирайте сейчас».

Она зажмуривает глаза и кивает головой, молча принимая свою судьбу.

Довольный, Рокко с силой отталкивает ее и встает рядом с Франческой, выпятив грудь и сцепив руки за спиной. Как будто он солдат, отмечающий смерть своего товарища.

Черная дыра клубится в моей груди, пожирая все хорошее, что осталось во мне.

Я смотрю на дуэт, огонь в моих глазах яростнее и ярче, чем тот, что был передо мной.

Я не могу решить, кого я больше хочу убить. Он или его сестра.

Наступает коллективная тишина, энергия густая и тяжелая. Даже сверчок не стрекочет, как будто дикая природа тоже чувствует напряжение.

Сидни ломается первой, поднимая руку и ударяя Фиби камнем по плечу прямо над одной из ее ран, дикий хохот эхом разносится в воздухе. Я вздрагиваю, мой ужас растет, когда она бездумно качается. Крики Фиби достигают моих ушей всего через несколько секунд, и, наконец, я инстинктивно реагирую. Я отталкиваю Сидни в сторону, не обращая внимания на ее возмущенный вопль, когда она неловко приземляется на руку, держащую камень.

Краем глаза я вижу, как Джиллиан и Глория преклоняют колени, поднимают руки и обрушивают камень на голову Бетани, пытаясь подарить ей быструю смерть.

Адреналин бурлит в моих венах, и мое сердце бешено колотится. Я быстро перекатываю Фиби рядом с ней, размывая обширные раны.

Сидни вскакивает на колени и бросается к нам обоим с убийственным взглядом. Рыча, я хлещу своим камнем прямо ей по голове, игнорируя Резкий вздох Франчески, когда камень врезается в цель, вырубая сумасшедшую суку.

Возвращаясь к Фиби, я осторожно беру ее в свои объятия, прижимая ее голову к своему плечу и свернувшись калачиком над ней.

— Я не позволю тебе страдать, — шепчу я ей на ухо, отчаянно и торопливо. Горячая слеза вырывается на свободу, прожигая путь по моей щеке. — Ты спасла меня, Фиби. Ты была чертовски сильным и смелым, и ты всегда будешь моим героем. Ты слышишь меня?

— Я... я слышу тебя, — задыхается она, всхлипывая в груди. Глубоко вдохнув, я бросаюсь к ветке в яме, едва чувствуя, как языки пламени лижут мою плоть.

Рокко бросается ко мне, но уже слишком поздно. Я вонзаю острый кончик ветки глубоко в ее яремную вену. Фиби содрогается подо мной, кровь струится из ее шеи ручейками. Я крепко держусь за нее, но не могу сказать того же о своей разбитой душе.

Рыдание вырывается из моего горла, и я прижимаюсь своим лбом к ее, почти не чувствуя, как кровь пропитывает мою кожу.

Слезы горя и ярости текут по моим щекам, и все, что я могу сделать, это сжать ее сильнее, покачивая нас взад и вперед, когда она умирает у меня на руках.

— Спи, Фиби, — шепчу я ей надломленным голосом. «Идти спать сейчас».

Почти так же быстро, как это началось, она замерла. Но я не могу отпустить ее. Я плачу в ее безжизненное тело, борясь с облегчением, что она больше не страдает, и отчаянием, что

она вообще должна умереть.

Сегодня умерла чья-то дочь.

И все, на что я могу надеяться, это на то, что тот, кто любил ее, простит меня за то, что я забрал ее у них.

Два месяца спустя

Я верчу тюбик красной помады, пока он полностью не обнажается. Аккуратно наношу её на изгиб верхней губы, стараясь оставаться в пределах линий.

Затем я двигаюсь к нижней губе, прежде чем потереть их вместе и лопнуть.

Я смотрю на свое отражение, с трудом узнавая человека, смотрящего на меня.

Черные круги обрамляют нижнюю часть моих глаз, и я напоминаю себе нанести туда дополнительный консилер перед встречей с Ксавьером сегодня вечером. Ему нравится только видеть, как я измучена после того, как он меня трахнул.

Меня еще не выставили на аукцион. Франческа говорит, что я почти готова, и что, когда придет время, Ксавьер позаботится о том, чтобы он предложил самую высокую цену.

Неофициально официально, что он будет моим хозяином. Из-за этого, Франческа разрешала ему навещать меня раз в неделю в течение последнего месяца.

Сегодня будет четвертая ночь, которую мы проведем вместе. После этого я свернусь в клубок, а Рио будет мыть меня. Ксавьер кончает тем, что берет кровь, и теперь, когда за меня, по сути, говорят, ему разрешено помечать меня. В пределах разумного, говорит Франческа, но, честно говоря, что во всем этом разумного?

Я держу помаду и думаю, волнует ли меня цвет моей крови.

Ксавье или ощущение, как его нож ломает этот слабый кожный барьер.

Я опускаю руку и встречаюсь со своими карамельными глазами в зеркале.

Когда я в последний раз искренне улыбался? Кажется, прошлой ночью я была с Зейдом. Как давно это было? Кажется, сейчас январь, и в последний раз я видел его вскоре после «Дел Сатаны». Я пропустил свой первый отпуск с ним. День Благодарения и Рождество, а может быть, и его день рождения, хотя я даже не знаю, когда именно. Мой новогодний поцелуй был с членом Ксавьера в моей глотке, и если раньше у меня не было желания покончить с собой, то оно возникло тогда.

Что такого сказала Зейд, что заставило меня ухмыльнуться? Он сказал что-то нелепое, но я уже не могу вспомнить, что именно. Я помню, как он смеялся, когда я пытался ответить. И я помню, как мои предательские губы приподнялись вверх, как я ни старалась этого не делать. Я бы хотела, чтобы я никогда не подавляла свои улыбки с ним. Потому что теперь я не знаю, способна ли я на это.

Мышцы моего лица дергаются, когда я поднимаю уголки рта, широко растягивая его и обнажая все зубы. Как бы я ни старался, он не достигает моих мертвых глаз. Это неестественно. Неловко.

Ужасающий.

Я разглаживаю лицо, размышляя, как снова улыбнуться.

— Да, Адди, — шепчу я. — Ты знаешь, как это сделать.

Я поднимаю помаду, наношу ее на уголок губы и провожу по щеке, изгибая ее к глазам. Затем с другой стороны, пока на моем лице не появится широкая красная улыбка.

Я решил, что у Джокера была правильная идея.

Почувствовав себя немного лучше, я затыкаю трубку и позволяю ей катиться по полу. Тяжелые шаги идут по коридору и направляются в мою комнату.

Мое сердце бешено колотится, и мне интересно, позволит ли Франческа мне сохранить улыбку.

Всего на ночь.

Но в ту секунду, когда она подходит ко мне сзади и замечает, что я сделал, ее глаза расширяются. Ее рука вылетает и ударяет меня по голове, отчего я падаю.

«Что с тобой не так?» — шипит она.

Я убираю пряди волос с лица, глядя на ее возмущенное выражение.

— Прости, Франческа, — тихо говорю я. «Я просто хотел улыбнуться».

Она фыркает. «Вы должны держать это вместе. Мне не нужен еще один трах Сидней в моих руках. Вы всего в нескольких неделях от того, чтобы быть проданным, бриллиант. Не смей рушить это для меня».

Я хмурюсь и киваю, снова извиняясь. С моим лицом, раскрашенным наоборот, это выглядит забавно.

— Вытри это дерьмо и приготовься. Ксавьер будет здесь через десять минут.

Грустный. Никаких улыбок для меня сегодня вечером.

Глубокий судорожный вздох обдувает мое лицо, его возбуждение растет по мере того, как острый укус металла вонзается мне в живот. Он еще не порвал кожу, хотя мои болевые рецепторы кричат на меня, как и он.

«Я хочу увидеть тебя в красном, бриллиант», — шепчет Ксавьер надо мной, его твердое тело нависает над моим входом.

Я вся в красном. Он сделал столько порезов на моем теле, что я сделала белые простыни алыми.

Ему всегда мало.

С моих губ срывается вскрик, когда я чувствую, как он проталкивается внутрь меня, и мой рвотный рефлекс угрожает изрыгнуть на него желчь. В моем желудке ничего нет. Франческа не разрешает мне много есть в дни его визитов — говорит, что не хочет, чтобы я раздулась.

— Тебе нравится чувствовать меня, не так ли, детка?

Я зажмуриваюсь и киваю, хотя это далеко не так.

Он вторгается в мое тело, как паразит, нежелательный обитатель, который высасывает из моей жизненной силы, чтобы прокормить свою собственную.

Острие его ножа, наконец, пронзает кожу, и его лезвие скользит по моему животу, издавая резкий визг. Кровь пузырится из раны, и он в ответ двигает бедрами быстрее.

— Черт, это так мило, — стонет он, затаив дыхание.

Слеза скатывается у меня из глаз, и я молюсь, чтобы он был слишком рассеян, чтобы это заметить. Он только ранит меня глубже, когда я плачу.

Он хочет, чтобы я корчилась под пронзающим металлом и получал удовольствие от боли, как он. Он хочет, чтобы я наслаждался этим, и когда он видит, что это не так, он злится. Он говорит, что мне просто нужно привыкнуть к этому, мне просто нужно приспособиться.

Но я не знаю, как кто-то может привыкнуть к тому, что его разрезают, как ебаную свинью.

Еще один крик срывается с моих губ, когда он находит новое место и начинает давить — медленно — как будто дает мне время привыкнуть.

Я бы предпочла, чтобы он просто покончил с этим, но я думаю, что он это знает.

Он толкается сильнее, в результате чего его нож соскальзывает и глубоко врезается в меня. Зажмурился глаза, я резко вдыхаю. Ксавьер содрогается, а моя душа разрывается.

Я не думаю, что Ксавьер планирует задерживать меня надолго. Как он мог, когда я в конце концов истеку кровью?

«Как только я возьму тебя с собой домой, — выдыхает он, — я выпью эту чертова кровь. Буду обедать ею в любое время дня».

Мой желудок бунтует, и меня снова чуть не стошнило. Картина, которую он рисует в моей голове, отвратительна и тревожна. С тем же успехом он мог объявить себя каннибалом или начинающим вампиром. Заметив выражение отвращения на моем лице, он рычит и приставляет свой клинок к моему горлу.

«Эта вена прямо здесь? Один маленький кусочек, и я мог бы пить из тебя, пока ты не более чем увядший труп. Ты хочешь это?»

Да. Боже, пожалуйста, дай мне умереть. Здесь и сейчас, и я буду чертовски счастлив.

— Нет, — выдавливаю я сдавленным от боли голосом. Я бы не осмелился сказать ему сделать это, потому что тогда он не будет. Ксавьер никогда бы не дал мне то, чего я на самом деле, черт возьми, хочу. Тем более, что он знает, что это не он.

— Тогда скажи, что ты хочешь меня, — требует он, словно слыша мои мысли.

«Я хочу тебя», — тут же повторяю я, хотя это звучит пусто. Он хочет претендовать на место в моем сердце, но это место — пустота, которую он никогда не сможет заполнить.

Он рычит, слыша пустоту в моем голосе, и зарывается в меня.

Хотя, если он думает, что он глубокий, мне бы не хотелось, чтобы он увидел размер Зейда.

Единственная причина, по которой его член когда-либо причинит мне боль, заключается в том, что он привязан к нему.

Пытаясь сглотнуть, я закусываю дрожащую губу.

Злоба прорастает в его голубых глазах, и это похоже на то, как он натягивает на них черное пальто, а яркий цвет скрывается под тьмой.

Его рука скользит вниз по моему животу, останавливаясь, чтобы вонзить большой палец в рану и вырвать крик из моего горла, прежде чем продолжить движение вниз. Он дразнит пальцами мою плоть, злобная ухмылка искривляет его губы.

В моем горле есть маленькая губка, собирающая ненависть, как вода, и набухающая, пока мое горло не станет герметичным.

Он слегка касается моего центра, его глаза сверкают, когда его пальцы находят то место, где мои мышцы напрягаются.

— О, Боже, — выдыхаю я, слезы обжигают глаза. Я ненавижу это место — еще одна вещь, о которой он знает.

Его глаза сверкают, от него исходит возбуждение.

— Расскажи мне еще раз, — приказывает он, его голос погружается в грех. Я закрываю глаза, представляя покрытое шрамами лицо с дьявольскими глазами инь-ян, ухмыляющееся мне из-под капюшона.

Пытаясь сглотнуть, я хриплю: «Я хочу тебя».

Мне нужно усилие, чтобы не сдаться, когда я слышу его стон. Все неправильно. Он

звучит неправильно, он чувствует себя неправильно, он просто... чертовски неправ. Он улыбается, когда слышит это, и трется сильнее.

— Назови мое имя, бриллиант, — требует он.

Я стиснул зубы в ответ.

Я никогда этого не скажу. Никогда.

Он пытался с тех пор, как начал приезжать, и все усилия были потрачено.

Когда я держу свой рот плотно закрытым, он снова начинает толкаться, продолжая стимулировать меня. Мое тело напрягается, в желудке собирается предательское чувство. Тем не менее, я молчу, отказываясь отдать больше, чем У меня уже есть.

Ксавье думает, что я ничего ему не дала, но это неправда я дал ему все — он просто не находит ценности в том, что он взял у меня.

Гладкую кожу без следов он калечит.

Фрагменты моего здравомыслия, которые откалываются от каждого прикосновения к его коже, и от каждого шепота предзнаменования того дня, когда я стану его.

Моя способность прикасаться и быть затронутой, не желая перерезать себе горло.

Мое достоинство, самооценка и комфорт внутри моего тела.

Моя чертова ценность.

Все бессмысленно.

Потому что на самом деле он хочет каждую разбитую частичку моей души, и чтобы я дорожила каждой его разбитой душой.

Но моя душа уже заговорена, уже захвачена нечестивым человеком, который хочет сохранить ее при себе. И я полагаю, он дал мне свою взамен.

Я просто не знаю, что, черт возьми, теперь с этим делать.

— Однажды ты скажешь это, бриллиант. Ты проведешь со мной всю оставшуюся жизнь, — обещает он.

Мои ноги сжимаются вокруг его бедер, когда он сильнее трахает меня, наклоняясь, чтобы провести языком по моему соску. Я стискиваю зубы, желчь подступает к горлу.

— Это мое, — стонет он. — Все это мое.

Его зубы смыкаются над оскорбленным пиком, кусая, пока мое зрение не почернеет от агонии, и крик не вырвется из моего горла. Даже тогда он не сдается.

Нет, пока кровь не просочится сквозь щели его зубов, и вместо этого я умоляю нож.

Какая трагедия.

Наконец он отпускает меня, его нижняя губа окрашивается алым пятном. Его глаза расширяются, когда он двигает бедрами быстрее, его ласки на моем клиторе ускоряются.

Постепенно это уводит меня от огня, пронзающего мою грудь. Я резко вдыхаю.

Оргазм опустошает мое тело, и, о, смотрите, вот она. Еще одна часть моего здравомыслия.

* * *

— Мне реально надоело смотреть на гребаный неоспорин, — говорит Рио позади меня.

Ксавье только что ушел на ночь. Он был особенно жестоким, разрезая зажившие шрамы на моей спине, груди и животе. Он толкает немного дальше каждый раз.

Они сказали, что Отбор предназначен для того, чтобы отсеять тех, у кого есть

выносливость, кто может пережить что угодно. Но я не уверена, что переживу еще одну ночь с ним.

— Извини, — бормочу я, слишком уставшая, чтобы огрызнуться на него. Мои глаза прикованы к десяткам счетных меток, вырезанных на тумбочке, и это только еще больше угнетает меня.

— Ты сдаешься, принцесса, — вздыхает он, роняя аптечку на пол. Он начал называть меня так после Отбраковки, и теперь это звучало скорее как нежность, чем как оскорбление.

Франческа никогда не освобождала его от забот обо мне, и ни один из нас не удосужился помешать этому. Это никогда не будет сказано вслух, но я думаю, что мы оба находим утешение друг в друге.

«Какая тебе разница?» Я ворчу, переводя взгляд на стену. Он берет несколько бумажных полотенец и слегка промокает раны на моей спине, впитывая кровь. Они просто начали кориться с прошлого раза. Оказывается, Франческе не нужно было беспокоиться о моих шрамах от автомобильной аварии. Мне посчастливилось найти кого-то, кому довелось насладиться их видом, а потом и некоторых.

Я все еще полностью голая, но я уже привыкла быть голой перед мужчинами, учитывая, что теперь это происходит постоянно. Все потому, что я живу с психованной сучкой.

Сидни была особенно зла из-за того, что я нокаутировал ее в ту ночь.

Выбраковка, поэтому в отместку она попыталась отрезать мне волосы ножницами.

К счастью, вмешалась Джиллиан, и она только заработала себе наказание.

С тех пор она поставила перед собой задачу подставить меня за самую глупую херню при любой возможности — рисовать на стенах, как малыш, бить посуду, ронять еду и портить одежду в салоне красоты.

Большую часть времени, я думаю, Франческа знает, что это был не я, но она устала от непрекращающихся ссор и теперь вымещает это на нас обоих. Сидни счастлива принять свою судьбу, пока я тоже страдаю.

Однако я принял наказания, которые всегда заканчивались ночью с Рокко и его друзьями. Сначала я пытался защищаться, но ничего не изменилось.

«К счастью для тебя, они должны зажечь, так что больше никаких ночей с ним, пока он официально не заплатит за тебя».

Я смотрю на него, удивленный этим. Франческа не сказала мне, но я мне равно полегчало. Иногда он дает мне информацию, которую не должен.

Я никогда не задавалась вопросом, почему, слишком боялась, что он остановится, если я это сделаю. После того, как он рассказал мне о своей сестре, мы легко подружились. Мы оба прикованы к своим бедам и понимаем, что ни один из нас не может помочь друг другу выбраться из металлических оков, опутывающих наши запястья.

Я пожимаю плечами.

— Не имеет значения. Остальные все равно получают удовольствие. Хочешь в следующий раз поколотить меня? — сухо спрашиваю я. Обычно я бы ужаснулась, говоря это кому-то, но я ничего не чувствую.

Рио хихикает.

— Ты мне неинтересна.

— Нет? И никто из других тоже?

Я помню, как Сидни пыталась вывести меня из себя, утверждая, что Рио пробирается в ее спальню ночью. Мне было все равно тогда, и мне было бы все равно сейчас. Тем не менее,

я почти уверена, что она лгала.

У Рио были все возможности трахнуть меня или одну из других девушек. Тем не менее, я никогда не видела, чтобы он тронул кого-либо, кроме того, что было необходимо. Вначале он намеренно ставил меня в неловкое положение, но он даже этого не делал с тех пор, как впервые похитил меня. Теперь он ведет себя так, как будто я не существую.

Однажды я спросил его, почему — почему первоначальная жестокость и молчание вокруг людей, а потом быть таким другим, когда мы одни? Он пристально посмотрел мне в глаза и сказал: «Мужчины в этом доме ищут слабости. Я никогда не хочу быть твоими».

Он особенно сильно надавливает на порез, вырывая шипение из моих зубов.

— Нет. А теперь заткнись, или я оставлю твои раны гноиться.

Я фыркаю, но оставляю его в покое. Его угрозы теперь пусты, и мы оба знаем.

Я его больше не боюсь. И я думаю, мы оба знаем, что он тоже не хочет, чтобы я была такой.

— Франческа сказала, что за несколько недель до того, как я стану его. Как много? — спрашиваю я, мой голос по-прежнему хриплый от моего времени с человеком, о котором идет речь.

— Три.

Я закрываю глаза и киваю головой, стиснув зубы, когда он убирает еще одно болезненное место.

— На следующей неделе появятся новые девушки, — продолжает Рио.

— Как много? — шепчу я.

— Три. Много места теперь, когда есть только ты и локомотив.

Мое сердце сжимается от напоминания. Глорию и Джиллиан отправили в аукцион неделю назад, оставив Сидни и меня наедине друг с другом. После той ночи, когда мы были вынуждены покончить с жизнью Фиби и Бетани, наши тренировки стали более интенсивными.

То, что нас считали достойными, не означает, что у нас не было возможности потерпеть неудачу. Франческа провела с нами изнурительные уроки этикета. Как обращаться к нашим хозяевам, как говорить, есть и сексуально обслуживать их.

Они специально созданы, чтобы сломать меня полностью. Нас пороли, насильовали и морили голодом, если мы допускали ошибки. И точно так же, как в ночь Истребления, мы были вынуждены наказывать друг друга. К тому времени, когда этих двух девушек продали с аукциона, мы едва могли терпеть друг друга.

Даже после того, как Джиллиан и Глория были успешно проданы, изнурительные уроки не прекращались. Синяки сошли, швы сняли, на спине остались две большие белые полосы, и все же Франческа не позволила продать меня и Сидни с аукциона. И все же, я понятия не имею, почему.

Хотя за меня говорят, Франческа по-прежнему обязана следовать протоколу. Я должна стоять на сцене, и другим будет предоставлена возможность сделать ставку на меня. Просто гарантировано, что Ксавье победит.

Он утверждает, что он один из самых богатых людей в мире. Я даже не уверен, чем он зарабатывает на жизнь, и является ли он вообще гражданином страны, но я полагаю, это не имеет значения.

Несмотря на то, что думает Рио, я никогда не собираюсь сдаваться. У меня нет планов убежать в закат с Ксавьером, но я планирую позволить ему забрать меня отсюда.

Они поставили перед собой задачу держать меня истощенным, уступчивым и невежественным. Я не была за пределами этих стен со времен Отбраковки. Я не чувствовала, как солнце согревает мои щеки или снег на моем языке. Они боятся Зейда и что он может сделать, так что безопаснее всего держать меня взаперти, чтобы я никогда не увидел дневного света.

Три недели. Вот тогда у Ксавьера не будет выбора, кроме как забрать меня из этого дома и рискнуть, что Зейд найдет меня. И тогда я сделаю все, что в моих силах, чтобы убедиться, что он это сделает.

Рио заканчивает перевязывать мне спину, затем переворачивает меня и переходит к ране на животе, не сводя глаз со своей задачи. Даже не взглянув на сосок.

— Постарайся не скучать по мне, когда я уйду, — бормочу я, невидяще глядя в потолок.

Я чувствую, как он смотрит на меня, прежде чем снова сосредоточиться на особенно глубокой ране. Для этого ему понадобится повязка в виде бабочки.

«Я буду молиться, чтобы твоя жизнь была короткой», — наконец отвечает он. Я улыбаюсь, впервые за много месяцев. Оказалось, что мне не нужна была эта красная помада.

Это было мило с его стороны.

Шаги Франчески разносятся по коридору, но мы с Рио даже не двигаемся, учитывая, что ему еще нужно прочистить несколько ран.

Я встречаю ее взгляд, когда она ломится в дверной проем. На короткое мгновение она смотрит на мое тело, в ее глазах непроницаемая эмоция.

Я хорошо выгляжу, Франческа?

— Заканчивай мыть ее быстро, Рио. Он останавливается и закидывает подбородок на плечо, чтобы посмотреть на нее, на ее лице застыло суровое выражение.

«Клэр здесь, и она хочет поговорить с ней».

Неделю назад

Рубины и изумруды стекают с тела женщины, стянутой вокруг ее изгибов тонкими металлическими цепочками. Помимо драгоценностей, она полностью обнажена, открыта для унижительных взглядов мужчин.

«Принимаю ставку, двести тысяч долларов», — объявляет женский голос через динамик, встроенный в мое кожаное кресло. Ее голос звучит так же глухо, как и выглядит женщина, кружащаяся на сцене.

Эти аукционы роскошны. Зона торгов представляет собой одну массивную вертушку, состоящую из пятнадцати стеклянных кабин, окружающих небольшую сцену в центре, обеспечивая каждому участнику торгов уединение, пока они борются за украденных женщин. Стекло сильно тонировано, что позволяет участникам торгов четко видеть сцену, но при этом скрывает нас от тех, кто смотрит внутрь. Джей и я обнаружили, что оттенок на них регулируется, и каждый участник торгов может четко видеть друг друга.

Я планирую использовать эту функцию позже.

Затягивая сигарету, дым поднимается в замкнутом пространстве, когда я нажимаю на кнопку, делая ставку.

«Принимаю ставку, двести пятьдесят тысяч долларов», — бубнит женщина сразу после того, как я нажму на кнопку.

Кто-то делает ставку, и, прежде чем оратор успеет закончить, я снова нажимаю кнопку, побуждая ее объявить ставку в размере трехсот тысяч долларов.

Она будет пятой девушкой, которую я куплю сегодня вечером. Она также является пятой девушкой, которая была продана с аукциона. Каждая девушка — они уедут со мной.

Платеж списывается с моего счета после каждой подтвержденной продажи, но к концу ночи все будут мертвы, а Джей сразу же переведет деньги обратно мне. Не то чтобы мне было тяжело, но мои деньги никогда не наполнят карманы Общества.

Мой палец нажимает эту кнопку еще три раза, прежде чем получить подтвержденная продажа. Я снова вдыхаю, низкое гудение вибрирует под моей кожей, когда на сцену выталкивают еще одну девушку. Она спотыкается, но успевает поймать себя на пятидюймовых каблуках, прежде чем приземляется лицом.

Она похожа на мышку с большими ланиными глазами и в очках, закрывающих половину лица.

Остальные будут драться за нее только потому, что она кажется молодой. Как и последние пять, она украшена прекрасными драгоценностями, которые стоят больше, чем эти мужчины готовы заплатить за тело под ними.

Нажмите.

«Выгодное предложение, пятьдесят тысяч долларов».

— После этой еще три девушки, — мягко говорит мне Джей. я молчу. — Эти комнаты прослушиваются, и я хочу, чтобы их смерть стала неожиданностью. Нажмите.

— Я не думаю, что Адди здесь, чувак.

Я уже знал это, но Джей — милый Джей — надеялся на лучшее. Меня здесь нет, потому что я думал, что Адди выскочит на сцену, где я смогу купить ее и увести подальше от всего этого зла.

Она никогда не будет продана с аукциона. Клэр никогда бы не рискнула — не под моим наблюдением. Она очень хорошо знает, что у меня есть средства, чтобы выследить жертв торговли людьми, поэтому это противоречит цели продать Адди в торговлю, с которой я очень хорошо знаком, только для того, чтобы я все равно ее спаси.

С ней будут обращаться по-другому, в этом я уверен.

Прошло больше двух месяцев с тех пор, как Адди не стало. С каждым днем черные круги под глазами становятся все глубже, и я злюсь все больше.

Я потерял рассудок. Мое терпение. Моя сила. Все. Единственное, что движет моим телом, это чистая воля и отчаяние.

Там, где ее держат, это вне сети, и ее не перемещали, скорее всего, потому, что они знают, что я найду ее, если она будет. Когда девушки стационарны в неизвестном месте, их почти невозможно найти в торговле кожей.

Если они не обрабатываются через надлежащие каналы, где они транспортируются или продаются, то нечего отслеживать. Ее даже не взяли в город. Ни одна камера на всей этой гребаной планете не видела Лицо Адди с тех пор, как она покинула больницу.

Не видели они ни Рио, ни Рика — двух из трех человек, которые могли привести меня к ней. Я предполагаю, что ее похитители находятся везде, где Адди, но Клэр... она знает, как незаметно передвигаться. Несколько раз, когда мне удавалось найти ее, ее окружала армия, и проникновение требовало планирования, что невозможно сделать, когда она снова исчезла. Она отвлекающий маневр, двигается так, чтобы отвлечь меня. У меня есть все намерения убить Клэр, но использование ее для того, чтобы добраться до Адди, только напрасно тратит мое время и ресурсы.

И это... так просто не получится.

Вот почему я здесь сегодня, намереваясь уничтожить еще одну грань теневого правительства. Что еще более важно, я надеюсь, что одна из этих девушек видела Адди. Джей опознал всех девушек, выставленных сегодня на аукцион, и некоторые из них родом из Орегона. Это означает, что если Адди все еще находится в этом состоянии, один из них мог быть из того же дома, что и ее.

Щелчок.

«Выгодное предложение, четыреста пятьдесят тысяч долларов».

Продано.

Я также покупаю следующих трех девушек, и хотя я не слышу и не вижу возмущения других участников торгов, я могу судить по все более конкурентным войнам торгов, когда каждая девушка продается. В конце концов все они сдаются, скорее всего, с намерением купить девушку у другого аукциона.

Через несколько мгновений после того, как последняя девушка сходит со сцены, раздается тихий стук в дверь.

— Джей, запри все двери в здании и забаррикадируй выходы. Никто не выходит, кроме меня, — быстро говорю я ему, прежде чем кричать громче: — Входите.

— Понятно, — отвечает Джей, как только Ли Моррисон входит в комнату. Хотя он и не владелец этого аукционного дома, он поддерживает эту хорошо смазанную машину в рабочем состоянии. Его работа состоит в том, чтобы сопровождать участников торгов до их

комнат, следить за тем, чтобы их условия были удовлетворительными, и наблюдать за женщинами, входящими и выходящими, чтобы аукцион прошел гладко и без сучка и задоринки.

— Закрой дверь, пожалуйста, — приказываю я, повернувшись к нему спиной.

Через несколько секунд я слышу, как он щелкает.

— Сэр, куда бы вы хотели, чтобы мы перевезли ваш выигрыш? — спрашивает Ли уважительным, но робким голосом. Ему неудобно.

Хорошо.

— Мой выигрыш, — повторяю я. — Ты же знаешь, что они люди, верно? Такие же, как ты?

Ли откашливается.

— Прошу прощения, сэр. Где бы вы хотели, чтобы мы перевезли ваших девочек?

— К черному входу подъехал лимузин. Убедитесь, что с этого момента никто из них не пострадал.

— Да, сэр, — говорит он.

— Скажи им сейчас же, — мягко требую я. — По твоему радио. Скажи им это сейчас.

Он заикается, застигнутый врасплох моей странной просьбой, но в конце концов делает, как я говорю. Он передает по рации, чтобы мой выигрыш был доставлен в лимузин целым и невредимым, и, получив подтверждение, снова откашливается.

— Это все, сэр?

— В этом отношении да.

Предполагая, что я закончил с ним полностью, я слышу, как его ноги крутятся на тонкой черной ковер, и его рука дергает дверную ручку, когда он сжимает ее.

— Прежде чем ты уйдешь, — утверждаю я, останавливая его. — Вы когда-нибудь покупали себе девушек?

Ли заикается.

— Ну, не здесь, нет.

— Но в другом месте?

Через некоторое время он говорит: «Да, конечно».

Я уклончиво мычу, хотя от его ответа мое тело сжимается от ярости.

— Сэр, могу я спросить, почему... — Его вопрос обрывается, когда я встаю и поворачиваюсь к нему лицом. Я не уверен, то ли это мои шрамы, то ли выражение холодной смертоносной ярости в моих глазах, но что-то в моем лице заставляет его слова исчезать, а глаза расширяться.

Вслепую, его рука тянется за ним, отчаянно ища дверную ручку, когда я приближаюсь к нему.

Быстро, как хлыст, мои руки хватают его за горло, прерывая его крик.

Я поднимаю его на уровень своего роста, пока он брыкается и царапает меня, чтобы освободить его, и смотрю в его расширенные глаза.

Все, что я вижу, это мое собственное чудовищное отражение.

Я сказал ему, что эти девушки были людьми, но я никогда не говорил, что я был. Зажав верхнюю губу над зубами, я рычу на него. «Сколько женщин вы бросили на эту сцену только для того, чтобы их увезли в жизнь, полную страданий и страданий? Скольких ты взял себе и сделал с ними неизреченные вещи?»

Его лицо багровеет, а рот трепещет, как у рыбы, но из сдавленного горла не вырывается

ни звука. Я только крепче сжимаю его, наслаждаясь тем, как вздулись его вены на лбу. Интересно, смогу ли я заставить их взорваться?

— Да ладно, Ли, я знаю, что у тебя есть жена и дети. Как ты сталкиваешься с ними каждую ночь, зная, что ты обрек таких же, как они, на отвратительную судьбу?

Незадолго до того, как он потеряет сознание, я отпускаю его. Он тяжело вздыхает, пока я заталкиваю его в кресло, которое занимаю последние два часа. Покупая женщин, которых он с гордостью дарил мне и четырнадцати другим мужчинам.

Я наношу один удар ему в лицо, почти нокаутируя его. Это дает мне достаточно времени, чтобы схватить черную сумку, полную веревки и ленты, которую я принес с собой. Конечно, два вышибалы, Бивис и Батт-Хед, проверили мою сумку, прежде чем позволить мне войти в здание, но они только улыбнулись, предполагая, что вещи предназначались для девушек, которых я планировал купить.

Я улыбнулась в ответ, потому что они идиоты, и потому что они собирались умереть.

Быстро вытаскиваю моток изоленды и связываю ему руки и ноги. Он безжалостно умоляет меня, а когда это не удается, он вертится, как червяк на крючке, но я не могу представить, чего, по его мнению, это добьется.

Затем я выуживаю свою банку с жидкостью для зажигалок и брызгаю на его тело.

Его глаза расширяются, и он борется изо всех сил, пытаюсь прорваться через ленту, как будто он Невероятный Халк.

— Джей? Пришлите их, — приказываю я.

— В теме.

Оставив Ли немного побороться, я выхожу, чтобы найти нескольких своих людей. ворвались в здание, устроили перестрелку и сняли охрану за считанные минуты. Никто не выберется с этого аукциона живым.

Пока они заботятся о служащих и охранниках, я тщательно пробираюсь в каждую кабинку. Джей открывает для меня каждую дверь по очереди, и я вхожу, обездвиживаю грязного насильника внутри, а затем связываю их, как Ли.

К тому времени, как я пробираюсь через все пятнадцать кабинок, моя кожа покрыта потом. Большинство из них были старыми, но было и несколько молодых, которые устроили драку. Очень жалкая драка, но все же одна.

Повернув шею, я немного снимаю напряжение с плеч.

«Все девушки благополучно в лимо?»

«Да, и все остальные мертвы», — сообщает Джей.

«Пусть Майкл установит камеру на сцене», — командую я, вытаскивая сигарету и зажигая ее.

Я все еще в пятнадцатой кабинке, которая, конечно же, по другую сторону от Ли. Человек, прикованный к кожаному креслу, корчится, умоляя меня отпустить его. Заставляет меня задуматься, сколько детей или женщин просили от него того же.

Майкл неторопливо выходит на сцену со штативом и камерой в руке. Пока он его устанавливает, я спрашиваю Джея: «Ты понял, как сделать стекло прозрачным?»

— Очевидно, — хмыкает он.

— Тогда посмотрим, гений.

Через несколько секунд стеклянные стены постепенно светлеют, пока все пятнадцать кабинок не становятся прозрачными, и меня окружают люди, пристегнутые ремнями к кожаным креслам, отчаянно борющиеся за освобождение и терпящие неудачу.

Джей свистит. — Черт, чувак.

Кажется, все сразу, пятнадцать мужчин замирают, сбитые с толку и окаменевшие, когда видят четырнадцать других, находящихся в такой же ситуации, как и они. Даже Майкл останавливается на сцене, оглядывая окружающую его сцену с ухмылкой на лице. В конце концов, я вижу, как все их головы поворачиваются ко мне.

— Ты видишь это? — спрашиваю мужчину рядом со мной. — Как здорово. Ты покажешь им их судьбу.

— Радуйся, Мария, полная благодати. Господь с тобой...

Я приподнимаю бровь и терпеливо жду, пока он молится о спасении, которого никогда не получит.

— Благословенна ты среди женщин, и благословен плод чрева твоего, Иисус. Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных, ныне и в час нашей смерти. Аминь.

— Думаешь, тебя спасли? — Я спрашиваю.

— Да, — убежденно говорит он.

Я улыбаюсь.

— Еще девять «Радуйся, Мария» впереди. Я хочу услышать, как ты произносишь их, даже когда горишь.

Он начинает энергично трясти головой, возобновляя свои молитвы, когда по его щекам текут слезы.

— Радуйся, Мария, полная благодати. Господь с тобою...

Я затягиваюсь в последний раз, затем бросаю зажженную сигарету в поющего мужчину.

Как и другие, он покрыт жидкостью для зажигалок и мгновенно воспламеняется.

Его молитва перерастает в крики, и я разочарован тем, что он не смог выдержать даже вторую молитву «Радуйся, Мария», прежде чем скончался в агонии.

Он богобоязненный человек, но я уверен, что дьявол хорошо о нем позаботится.

Оставив этот больной хрен догорать, я иду к Ли по соседству.

«Скучай по мне?» — спрашиваю я, доставая коробок спичек и зажигая одну.

«Пожалуйста, пожалуйста, я сделаю все, что угодно! Пожалуйста, не делай этого!»

«Что-либо?»

«Да! Все, что пожелаете!»

Я сгибаюсь в талии и прикалываю его дьявольским взглядом.

— Знаешь, чего я хочу, Ли? Я хочу, чтобы ты чувствовал ту же боль, что и я каждый день. Я хочу, чтобы ты чертовски страдал. Вы можете сделать это для меня?

Он громко протестует, но это не сравнится с воплем агонии, вырывающимся из его горла, когда я бросаю в него спичку, его тело охватывает пламя за считанные секунды.

Я снова пробираюсь в каждую из комнат и поджигаю каждую из них. Как только загорается последнее тело, я даю Майклу сигнал начать запись через стекло.

Он нажимает кнопку воспроизведения, и камера медленно начинает вращаться на штативе, а мы с Майклом выходим из здания.

Камера будет вращаться по кругу, показывая в даркнете пятнадцать человек, сожженных живо. Там для удовольствия от просмотра всех торговцев людьми и педофилов. А также для удовольствия просмотра Клэр.

Сука тоже сторит. Запомни мои гребаные слова.

«Должен признаться, дамы, я уже был в лимузине, полном женщин, и это... не так, как это было», — громко объявляет Майкл.

Руби ругает его, а я шлепаю его по голове, из-за чего девушка, сидящая рядом со мной, фыркает.

Мы с Майклом поехали автостопом с восьмью девушками, которых сегодня продали с аукциона. К счастью, я предусмотрительно взял с собой кучу дополнительной одежды.

Пока я ловил кучку педофилов, Руби была в лимузине с девушками, заверяя их, что они в безопасности и едут домой. Тем не менее, как мужчинам, мое присутствие и присутствие Майкла вызывают у них небольшой дискомфорт; бедные девушки настороженно относятся к нашим намерениям.

Конечно, это не помогает Майклу вести себя как осел.

«Я на самом деле ценю юмор», — тяжело говорит девушка рядом со мной.

Русский акцент.

«Я чувствую себя менее разбитым, когда люди не обращаются со мной как со стеклом».

«Видеть?» — возмущенно бормочет Майкл, все еще потирая затылок.

— Достаточно честно, — соглашаюсь я. — Он все равно это заслужил.

— Ты убил их? — спрашивает она, глядя на меня. Она красивая девушка с длинными каштановыми волосами и карими глазами, которые напоминают мне глаза Джея. Я помню, как она стояла на сцене, пока я делал ставки, ее подбородок был высоко поднят, а осанка прямая, как шомпол.

Она не из тех, кто трусит, это ясно.

Я выгибаю бровь.

— Ты имеешь в виду людей, торгующихся за тебя?

«Кроме тебя? Да».

— Да, — подтверждаю я.

Она делает паузу, затем отводит взгляд.

«Хороший».

Я тоже отвожу взгляд, избавляя ее от своего испытующего взгляда.

— Кого-нибудь еще ты хочешь, чтобы я убил?

Она нюхает.

— Я могу придумать несколько.

— Тогда как насчет того, чтобы торговать. Я убью любого, кого ты захочешь, если ты скажешь мне, видел ли ты кого-нибудь для меня.

Я чувствую ее взгляд еще раз, поэтому я встречаю его.

— Покажи мне ее, — шепчет она. Вытаскиваю телефон, открываю авторское фото Адди. Моя грудь болезненно сжимается, и я поворачиваю экран к русской девушке.

— Ее зовут...

— Адди, — бормочет она, и мое сердце останавливается.

— Ты знаешь ее?

— Она была в доме со мной. Все еще там, последний раз, когда я проверял.

— Где? — огрызаюсь я, не в силах совладать со своим тоном.

— Не знаю, — отвечает она, и ее голос становится жестче. — Мы в Орегоне?

— Да. Мы в Джексонвилле.

— Тогда она рядом. Мне завязали глаза по пути к дому и обратно, поэтому я понятия не имею, где он находится, но я считала минуты, и мы были в машине не более часа. Все, что я могу вам сказать, это то, что хозяйку зовут Франческа, она управляет этим местом со своим братом, и оно находится где-то посреди леса.

Я делаю глубокий вдох, на мгновение встречаясь с широко раскрытым взглядом Майкла. Услышав это

Адди может быть всего в часе езды, и мое сердце бешено колотится. В окно уходит мое терпение и дисциплина. Мои пальцы чешутся обыскать близлежащие города и ходить по домам, выбивая их двери, пока я, блядь, не найду ее.

Одной из причин, по которой я пришел сюда сегодня вечером, была надежда, что кто-нибудь видели ее. Но, по правде говоря, я не думал, что мне так повезет.

— Как вас зовут? — спрашиваю я напряженным голосом.

— Джиллиан.

— Можешь сказать мне... блять, она...

— Она жива, — перебивает Джиллиан, понимая, что мне нужно спросить, как она, но зная, что ответ явно нехороший. «У нее были тяжелые времена с одной из девушек в доме — Сидни. Они вгрызаются друг другу в глотки, и за это их сильно наказывают».

Низкая дрожь пробегает по моим конечностям, постепенно усиливаясь по мере того, как Джиллиан продолжает.

— И у нее уже есть покупатель, насколько я слышал. Он был у нее в гостях.

Я сжимаю челюсть так сильно, что мышцы чуть не лопаются от давления.

— Его имя? — спрашиваю сквозь зубы.

Она молчит, кажется, изо всех сил пытается вспомнить. Затем раздается мышинный голос, отвечая на вопрос за нее.

— Ксавье Делано, — говорит она. Мы с Джиллиан поворачиваемся к девушке с короткими каштановыми волосами и в круглых очках.

— Это его имя, — подтверждает она. — Я-я тоже была в доме с Адди.

— Спасибо...

— Глория, — произносит она, когда я замолкаю.

— Спасибо, Глория. Тебе тоже нужно, чтобы я убил всех придурков?

Она улыбается и отрицательно качает головой.

— У меня достаточно крови на руках.

Забавно, я чувствую обратное. Мне никогда не будет достаточно на моих.

Сейчас

— Дерьмо, — бормочет Рио после того, как Франческа уходит, его движения ускоряются.

Мои брови хмурятся, а сердце учащается от его очевидной озабоченности.

— Клэр? Кто такая Клэр?

Он смотрит на меня, и я вижу, как он заметно закрывается, будто дергает за веревочку, и жалюзи захлопываются у него на глазах. Кем бы ни была Клэр, ее нужно бояться.

Не обращая на меня внимания, Рио заканчивает перевязывать меня, а затем хватается за руку и заставляет принять вертикальное положение. Он подходит к моему комоду и открывает ящики, бросая в меня разные предметы одежды.

— Что... Рио, что с тобой, черт возьми, не так? Я щелкаю, рубашка шлепает меня прямо по лицу.

— Клэр поставила цель тебе на голову, — говорит он, повышая голос на октаву выше шепота. Затем он подходит ко мне и помогает мне одеться, словно я малыш, но я слишком рассеяна, чтобы остановить его. Мое сердце сильно стучит, паника распространяется по всему телу.

Я понятия не имею, кто, черт возьми, эта женщина, но ясно, что у нее есть какая-то связь с Зейдом. Это единственная причина, по которой случайная женщина поставила бы мишень мне в голову, верно?

Тем не менее, я клянусь, что встречал Клэр раньше... но мой мозг слишком запутался, чтобы вспомнить, где и как она выглядела. Или ее значение для меня или Заде.

Он хватается за плечи, его лицо серьезно. — Будьте очень осторожны со своим ртом, принцесса. На самом деле, держите его закрытым.

Я поджимаю губы и киваю головой. В последнее время я слишком устала слишком слаба чтобы сопротивляться. Я вошла в этот дом с зажженным камином, и через два месяца пресловутые пальцы сжали пламя, оставив после себя лишь след дыма.

Все, что мне нужно, это искра, и, может быть... может быть, ее можно снова зажечь.

Мой желудок скручивает от беспокойства, пока я слеую за Рио по коридору. Тупая боль пульсирует между моих бедер, напоминая с каждым шагом о том, что я отчаянно пытаюсь забыть. Что-то, к чему явно стремится Ксавье. Это также напоминание о том, что Зейд, возможно, больше не хочет меня — с чем я уже смирился. Я никогда не думала, что захочу избавиться от его одержимости... но как же иначе? Я теперь грязная.

Рио, не глядя, идет впереди меня, затягивая узел, формирующийся у меня в животе. Вокруг него окутана ледяная крепость, такая же твердая, как напряжение в его плечах. Такое ощущение, что он отдаляется от меня, потому что меня вот-вот отправят на войну, и он меня больше никогда не увидит.

Иногда я все еще ненавижу его за то, что он сделал со мной, но я не буду лгать ему.

И себе солгав что мы также не построили связь. Последние два месяца он был для меня эмоциональным костылем, и я уже начал понимать его. Если он так себя ведет, то на то есть

причина.

И это чертовски меня нервирует.

Я спускаюсь по лестнице, тихие голоса доносятся из гостиной. Рокко стоит на кухне, пьет воду из стакана и смотрит на меня своими глазками-бусинками.

Я опускаю голову, наблюдая, как мои босые ноги ступают по грязному полу. Я только два дня назад почистил его, но Рокко и его друзья ведут себя так, будто на полу стекло, и настаивают на том, чтобы ходить по дому в своих грязных ботинках.

Мои глаза сосредотачиваются на идеальных следах, ведущих в гостиную прямо к двум парам каблуков. Туфли новоприбывшей тоже испачканы грязью. Как чертовски грубо.

Горло мягко прочищается, и я, наконец, поднимаю взгляд. Сразу жалею.

Шок от того, на кого я смотрю, чуть не сбивает меня прямо на грязные следы.

Клэр... Я определенно встречал ее раньше. Она жена Марка. Сенатора который пытался похитить меня раньше, и тот, кого Зейд жестоко убил в ночь «Дел Сатаны».

Я помню, как встретила ее в тот вечер, когда Марк пригласил нас на благотворительное мероприятие к себе домой. Она была хрупкой, подавленной и казалась такой милой.

Почему она поставила мишень на мою голову? Из мести за мужа?

Это должно быть так. Зейд убил Марка, так что теперь она вымещает на нем свой гнев, заставив меня похитить и продать.

Но Иисус, на что тут злиться? Мужчина явно издевался над ней.

— Привет, Аделина, — приветствует Клэр, улыбаясь мне сквозь красную помаду. Она выглядит значительно иначе, чем в первый раз, когда я встретил ее. Не из-за внешности — у нее по-прежнему ярко-рыжие волосы, идеально завитые вокруг лица, и красивая, хоть и стареющая внешность.

Это потому, что она выглядит... счастливой. Как будто она процветает. она не выглядит расстроена или обезумела из-за смерти мужа.

Я сбит с толку удивлением и замешательством, поэтому мне нужно время, чтобы сказать:

— Привет, Клэр.

Она сцепляет руки в черных перчатках и делает шаг ко мне.

— Я знаю, что ты, наверное, очень растеряна, моя дорогая, — начинает она. — И ужасно жаль, что вы оказались в центре всего этого. — Она машет рукой, указывая на «все это» как на дом, в котором я сейчас нахожусь в заточении.

Не будем делать вид, что меня бы все равно не взяли.

Но я молчу, не зная, как именно я должна на это реагировать. Помашите рукой и скажите: «Ой, черт возьми, все в порядке». У меня время моей жизни.

— Очень жаль, что вы ввязались в с кем-то вроде Z. Он пришел и сломал тебе жизнь, как слон в посудной лавке, не так ли?

Да. Да, он сделал.

— Полагаю, да, — признаюсь я.

— В последнее время он причинил мне много неприятностей. Совсем недавно безосновательно убил нескольких важных покупателей в аукционном доме, а затем похитил девушек.

Мое сердце падает в живот, отчего бабочки разлетаются внутри.

Слезы горят у меня на глазах, но я сдерживаю их. Слышать о Зейде и о хаосе, который он сеет, это... Боже, это почти успокаивает. В каком-то смысле люди в моей жизни до того,

как меня похитили, стали казаться скорее призраками, чем настоящими живыми людьми. Зейд, Дайя, моя мама... никто из них больше не чувствует себя абсолютным.

Но рассказ Клэр о проблемах, которые причиняет Зейд, заставляет его снова почувствовать себя настоящим. И я не понимала, насколько мне это нужно.

— Он забрал Джиллиан и Глорию? — спрашиваю я хриплым от непролитых слез голосом. Моя грудь разрывается от бесчисленных эмоций, и в первую очередь это облегчение.

— Это он сделал. И я не позволю этому случиться с тобой. В планах произошли изменения, поэтому я решила воспользоваться этой возможностью, чтобы еще раз увидеть драгоценный бриллиант во плоти, прежде чем вас отправят. Какая бы удача ни была на стороне Джиллиан и Глории, она не на вашей.

У меня пересыхает в горле.

— Меня не продадут с аукциона?

— Конечно нет, дорогая. Ты никогда не собирался им быть.

Знала ли об этом Франческа? С тех пор, как я приехал, она говорила мне, что меня выставят на аукцион, но, похоже, не удивлена этой новостью.

Когда я просто тупо смотрю на Клэр, она продолжает:

— К вам привязался очень умный и находчивый человек. Это означает, что у него будет возможность найти вас, как только вы ступите за пределы этой собственности.

Это знание будоражит мое сердце, вызывая взрыв возбуждения. Очевидно, Зейд умеет находить людей. Я предполагаю, что это заняло у него так много времени только потому, что я была заперт в доме в глуши более двух месяцев. Найти зацепку на меня, вероятно, уже невозможно, но как только они выведут меня отсюда, у них больше не будет этого преимущества.

— Франческа сообщила мне, что на вас положил глаз очень известный покупатель. Поэтому, чтобы скрыть вас, мы проведем прямую продажу.

Мой рот приоткрывается, и я, честно говоря, не знаю, как себя чувствовать. Прямая продажа даст им много возможностей скрыть меня, но я никогда не собирался прятаться.

Сердце бьется, я киваю головой.

— Хорошо, — говорю я.

Она снисходительно улыбается, как будто я ребенок, соглашающийся лечь спать, когда у меня все равно не было выбора. Я полагаю, это не было бы ошибкой.

— Ксавьер уже заплатил за вас и заберет вас через три дня. Франческа продолжит готовить вас к новой жизни, предоставляя вам все знания, необходимые для того, чтобы вы и Ксавьер жили вместе счастливо.

Ах. Клэр такая же психопатка, как и Марк.

Может быть, она побочный продукт жестокого обращения с Марком, а может и нет. Тем не менее, она ничем не лучше своего мужа. Ее боль не оправдывает причинение боли другим.

Не так.

— Мы с Франческой обсудим детали. Вам не о чем беспокоиться. Я просто хотела сама сообщить вам хорошие новости, — продолжает она, ее глаза блестят от восторга. Это то, как звезды выглядят, когда умирают. В них не осталось жизни, но они пылают светом, который гарантирует, что все на его пути тоже умрет.

Я надеялся, что, когда меня выставят на аукцион, я смогу сбежать или, по крайней мере,

обеспечить, чтобы мое лицо было видно на камеру. Может быть, украсть телефон и отправить текстовое сообщение — что угодно, лишь бы узнать местонахождение Зейда. Теперь эти варианты будут не такими простыми, но все же не невозможными.

Я облизываю пересохшие потрескавшиеся губы и встречаю две мертвые звезды в ее черепе. — Могу я спросить одну вещь? — мягко спрашиваю я.

Ее красные губы расплываются, но она кивает.

— Могу ли я спросить, почему?

Франческа шипит, но Клэр поднимает руку, заставляя ее замолчать. Наэто приятно смотреть. Она делает несколько шагов ко мне.

— Когда кто-то такой красивый, как ты, привлекает наше внимание, трудно отвести взгляд. Обычно я предпочитаю внедрить кого-то в свою жизнь. Парень, если хотите. Кто-то, в кого вы влюбитесь и кому доверяете. С тобой бы разобрались, и у тебя была бы хоть какая-то свобода, да еще и деньги приносила. Однако сначала вы привлекли чье-то внимание, и вдруг вы стали намного более ценным.

Мои брови нахмурены, и мне трудно сглотнуть. Нетрудно сделать вывод, что Клэр такая же, как Марк. Тот, кто находит женщин и детей и приводит их в Общество. Но то, как она говорит...

— Эта торговля, этот мир — я владею им. Я владею всем этим, — добавляет Клэр. — Я — Общество, дорогая. Я и два моих помощника. Марк думал, что он был мужчиной в нашем браке, но он никогда не знал, что я была тем, кто все это время дергал за ниточки. Зейд оказал мне услугу, избавившись от этого подонка, несмотря на то, как весело было вешать моего мужа за яйца. Я не сержусь, потому что твой парень убил моего мужа. Я злюсь, потому что он пытается разрушить то, над чем я много работала. Печальные, маленькие жизни, которые вы все проживаете, — моя империя. Будь я проклят, если Z попытается отобрать это у меня. — Она выплевывает его имя, словно это жук залетел ей в рот, гнев и отвращение искажают ее черты.

Все, что я могу сделать, это смотреть на нее с полным недоверием. Сбит с толку тем, что Клэр — лучший кукольник. Президент — дерьмо, все мировые лидеры — они гуппи по сравнению с ней.

Воспользовавшись моей безмолвностью, она поворачивается к Франческе.

— Давай поговорим, Фрэнни. Нам есть что обсудить.

Франческа милостиво улыбается Клэр.

— Конечно! — Она поворачивается ко мне, и ее улыбка спадает достаточно долго, чтобы сказать: — Возвращайся в свою комнату и не выходи до ужина. — А потом она снова улыбается Клэр.

Должно быть, у нее болит лицо от всех этих упражнений.

Кивнув, я разворачиваюсь на каблуках и тороплюсь к лестнице. Рио стоит в дверях кухни, сцепив руки за спиной. На короткое время мы встречаемся взглядами, но хоть убей, я не могу расшифровать эмоции, бурлящие в его темных радужках. Он остается, но я рад этому. Быть запертым в своей комнате — это именно то, что мне сейчас нужно, чтобы я мог адекватно спланировать свой побег.

Ксавьер был прав в одном: отбраковка — палка с двумя концами. Он научил меня бегать, и это именно то, чем я планирую заниматься

Горячее дыхание обволакивает мое лицо, нарушая глубокий сон, в который я погрузился. Я вздрагиваю, чувствуя, как пряди волос щекочут мой нос.

Мне требуется несколько секунд, чтобы вырваться из странного сна, который мне снился. С наступлением реальности появляется чувство враждебности и опасности, и требуется еще несколько секунд, чтобы понять, что кто-то дышит мне в лицо.

Сразу же мои инстинкты завывли, адреналин и страх захлестнули меня.

Я медленно открываю глаза, затем давлюсь испуганным криком, мои глаза округляются, когда я вижу Сидни, стоящую надо мной, ее лицо находится всего в нескольких дюймах от моего.

Ее глаза широко раскрыты, в них мелькает психотический огонек, когда она смотрит на меня с безумной улыбкой. Она тяжело дышит, с каждым выдохом из ее горла вырываются звуки возбуждения.

Я сильнее прижимаюсь к кровати, мое сердце рвется из груди, пока я пытаюсь отдышаться.

— Какого хрена, Сидни? Я задыхаюсь, пытаюсь говорить тише, но безуспешно.

Я в нескольких секундах от того, чтобы выпустить свой мочевой пузырь на всю кровать, мой ужас растет, когда она взбирается на меня сверху, ее светлые пряди касаются моего лица и блокируют обзор.

Мое тело двигается инстинктивно, я пинаю ноги по кровати, пытаюсь выпрямиться и выпрямиться, но ее руки обхватывают мое горло, удерживая меня на месте. Она пока не перекрывает мне подачу воздуха, но я все равно паникую, все те приемы, которым я научился у Заде, уклонялись от меня.

— Я знаю, что ты собираешься делать, — шепчет она. Я почти скучаю по тому, что она говорит, и мое сердце громко стучит в ушах.

— Ты попытаешься сбежать, и я скажу им, — выдыхает она, маниакально хихикая, когда я цепляюсь за нее. — И, надеюсь, они, блядь, убьют тебя за это.

Ее руки начинают сжиматься сильнее, и, наконец, черт возьми, мой начинается тренировка. Я протягиваю руку между ее руками и изо всех сил скручиваю свое тело, отбрасывая ее с края кровати.

Удар громкий, и мы оба замираем, ожидая услышать, не проснулся ли кто-нибудь. Франческа живет на нижнем этаже напротив дома, но это не значит, что нас не слышно.

Кроме того, возле дома всегда стоят двое или трое мужчин, гарантирующих, что никто из нас не попытается сбежать.

Глаза Сидни сужаются, и я знаю, что она снова собирается атаковать. Мои ноги запутались в одеялах, поэтому я реагирую первой, высвобождая ноги, а затем ныряю к краю кровати.

Она бросается на меня, обхватив рукой мою лодыжку и пытаюсь оттащить меня назад. Я сильно отталкиваюсь, и ее хватка ослабевает настолько, что я могу вырваться и спрыгнуть с другой стороны кровати.

Она медленно встает, низко опустив подбородок, и смотрит на меня с чистым злом, когда мы стоим лицом к лицу по обе стороны кровати.

— В чем, черт возьми, твоя проблема? Я шепчу-кричу.

— Я знаю, что ты запланировал, и я не позволю этому случиться.

Требуются усилия, чтобы мои глаза не расширились, а пораженное выражение не исчезло с моего лица.

— У меня ничего не запланировано, — категорически отрицаю я.

Она игнорирует меня.

— С вами не будут обращаться лучше, чем с остальными из нас, тогда избегайте своей судьбы, — рычит она.

— Относились лучше? — Я повторяю растерянный смех. — Ты доставляешь мне неприятности с тех пор, как я здесь!

— И все же она все еще любит тебя больше, — шипит она в ответ. Я качаю головой, совершенно удивлен, что она верит в это. Франческа видит во мне знак доллара — солидный. Она никого не любит больше, чем себя.

— Может быть, она полюбила бы тебя, если бы ты не вела себя как гребаная психованная сука.

Я обрываю, злясь. Она начинает кружить вокруг кровати, и я с опозданием понимаю, что загнана в угол.

— Я рассказываю Франческе о твоих планах, — говорит она, игнорируя мой удар.

— Какие планы? — спрашиваю я, притворяясь дураком и надеясь, что она на самом деле ни черта не знает. В течение последних двух месяцев я разрабатывал различные способы побега, как только меня увезут отсюда, и после того, как прошлой ночью Клэр ослепила меня, я придумал несколько идей, которые могли бы сработать сейчас, когда меня больше нет. выставлены на аукцион. Но Сидни вот-вот их разрушит.

Она указывает на мой этаж, и мое лицо искажается от ужаса. Моя голова в шоке возвращается к ней.

— Как ты узнал об этом?

Она пожимает плечами, радостная улыбка искривляет ее губы. Постепенно приходит болезненное осознание.

Она была тем человеком, который стоял внутри стены и смотрел, как я сплю той ночью.

Должно быть, она спряталась, когда я ее заметил, а затем возобновила наблюдение за мной, когда я нашла дневник.

Господи, как долго она это читает? И как часто она смотрела, как я чертовски сплю?

— Как ты оказался за стеной?

Она пожимает плечами, дико улыбаясь. — Ты многого не знаешь об этом доме, Даймонд. Я знаю все секреты, включая Франческу. Как ты думаешь, почему она позволила мне остаться так долго?

— Какие секреты?

— Как я когда-либо говорила тебе, — усмехается она.

Я понятия не имею, что она может иметь на Франческу, но мне все равно.

Что я точно знаю, так это то, что ни один из нас не выйдет из этой комнаты живым. сегодня ночью.

Если Франческа узнает, что я планирую сбежать и как, они сделают все, что в их силах, чтобы убедиться, что я никогда не уйду.

Не должно случиться.

Им придется запереть меня в подводной лодке посреди проклятого океан, чтобы держать меня подальше от Зейда.

Я стою в углу комнаты, а она задерживается у края моей кровати, возможно, почувствовав, к какому выводу я пришла. То ли потому, что она замечает решимость, которая должна быть запечатлена на моем лице, то ли потому, что я не перепрыгиваю через кровать, чтобы сбежать.

Время замедляется на несколько секунд, мы обе неподвижны. И тогда мы одновременно начинаем действовать. Она бросается на меня, а я бросаюсь к своей тумбочке. Я припрятал пару ручек в ящике стола на случай, если у меня закончились чернила, и теперь это единственное, что может спасти мне жизнь. Не из Сидни, а из Ксавьера.

Она хватается за волосы как раз в тот момент, когда я выдвигаю ящик и нахожу один из них, мои пальцы обхватывают его, пока она швыряет меня к стене. Я болезненно врезаюсь в неё, тыльная сторона моего кулака слепо качается, чтобы сбить ее с моих волос.

Зубы впиваются мне в плечо, сжимая изо всех сил. С моих губ срывается пронзительный визг. Я сдерживаю крик, грозящий вырваться из моего горла, чувствуя, как кровь хлещет из-под ее зубов.

Ослепленная болью, я поднимаю руку и втыкаю перо туда, куда могу дотянуться, чувствуя, как перо уходит сквозь плоть и сухожилия. Она отпускает меня со сдавленным воплем, но прежде чем она успевает отойти, я хватаю ее и швыряю нас обоих на землю, уже не заботясь о том, что нас поймают.

Трахни эту суку.

Катаемся несколько секунд, борясь за контроль. Мне удается схватиться и повернуться на ней сверху, одной рукой отбивая ее когти, а другой вонзая ручку ей в шею. Моя рука соскальзывает, ручка становится скользкой от ее крови, когда я вонзаю ее в плоть.

Ее ногти царапают мое лицо, оставляя жгучие следы, но они исчезают на заднем плане, пока я продолжаю наносить ей удары вслепую, удерживая скользкую ручку только благодаря чистой решимости. Снова и снова я наношу ей удар, усталость быстро проникает в мои кости, но чистый адреналин и паника поддерживают меня. Наконец, она обмякла, вокруг нас заструилась кровь.

Я тяжело дышу, весь в крови и в бреду от адреналина.

Мое тело впадает в шок, и все пять моих чувств заблокированы, ничто не проникает сквозь пелену онемения.

Я просто смотрю вниз на ее тело, теперь изрешеченное дырами. Она смотрит незрячим взглядом в потолок, и я вижу, что ее глаза ничем не отличаются от тех, что были у нее при жизни.

Моя дверь со скрипом открывается, и Рио врывается внутрь. Он останавливается как вкопанный, когда видит сидящую на земле Сидни и меня, оседлавшего ее, окрашенного в малиновый цвет. Это... тепло. Я думаю, что чувствую тепло.

— Бля, принцесса. Что ты сделала?

Я почти не слышу его, только интерпретирую его слова по тому, как двигаются его губы.

Я указываю на нее и хриплю:

— Я убила ее.

Он тихо входит и закрывает дверь, но не раньше, чем выглядывает, чтобы посмотреть, не идет ли кто-нибудь еще.

Мягкий щелчок неслышен тайфуну, бушующему в ушах. Он идет легким шагом, когда обходит другую сторону кровати, чтобы получше рассмотреть.

Его губы образуют круг, и он должен свистеть, но я и этого не слышу.

Все, что я могу сделать, это смотреть.

— Иди сюда, — шепчет он, подзывая меня к себе. Моргая, я встаю на трясущиеся колени и успеваю сделать один шаг, прежде чем поскользнуться на крови и едва удержаться на кровати. Рука Рио хватается за руку и тянет вверх от растущего бассейна.

Он сжимает мое лицо в ладонях, его темные глаза изучают мои. А потом он бьет меня достаточно сильно, чтобы я откинул голову набок. Белый шум сливается в резкий звон, а затем все мои чувства возвращаются обратно. Я слышу, вижу, чувствую, пробую на вкус и обоняю все. Медь. Это первое, что замечают мои чувства. А затем Рио снова хватается за лицо, заставляя меня сосредоточиться на нем.

— Посмотри на меня, мама. Что, черт возьми, ты собираешься делать теперь, а?

Открываю рот, не находя слов. Наконец, я просто говорю: «Побег».

Он качает головой, опускает руки и отходит. Он смотрит на меня, но, как обычно, я не могу расшифровать эмоции, бурлящие в его радужной оболочке.

— Я не должна была этого говорить, — шепчу я, осознавая, что он не позволит мне. Блядь. Ситуация доходит до меня сразу, и я впадаю в панику. Я убил Сидни, потому что она собиралась раскрыть мой план побега, и теперь меня запрут где-нибудь на подводной лодке, заставят жить вместе с рыбой.

Когда Рио поймал меня на месте преступления, все шансы на побег исчезли. полное дерьмо, и теперь я никогда не выберусь отсюда. Рио меня не отпустит. Нет ни хрена пути. Его сестра на связи.

— Дерьмо, — бормочу я, не заботясь о своих окровавленных руках и проводя ими по волосам, туго натягивая их, пытаюсь смириться с тем, что меня поймали еще до того, как я выйду из чертова дома. «Я не могу жить с рыбой, Рио. Я не люблю акул».

Брови Рио хмурятся.

— О чем ты говоришь?

«Черт, черт, черт. Блядь...»

Бормоча себе под нос что-то по-испански, он хватается за руки и притягивает к себе.

— Как много поскольку я ценю урок словарного запаса, мне нужно, чтобы ты заткнулась, — перебивает он. — Посмотри на меня. Да, но мои мысли в другом месте.

— Ты должна сказать мне, как, черт возьми, ты вообще сбежала. Твои два варианта — это акры леса, в котором ты заблудишься и, вероятно, умрешь, или пойдешь по дороге, по которой вас легко найти.

Я опускаю руки и сжимаю их в кулаки, пытаюсь унять дрожь. Вулкан, блядь, извергся, а я до сих пор тряусь от толчков.

— Где-то там есть заброшенный поезд. Я нашел его в ночь Отбраковки. Я собирался проследить за этим, — говорю я. Где-то в глубине моего мозга моя логическая часть кричит мне, чтобы я перестал рассказывать ему о своих планах на случай, если он предаст меня. Но большая часть меня хочет доверять Рио. Так чертовски плохо, только в этот раз.

— А охранники снаружи? — спрашивает он низким голосом.

Я качаю головой, и у меня выкатывается слеза.

— Не знаю, — кричу я. — У меня не-нет выбора...

— Заткнись, тупица, — снова рявкает он, стараясь говорить тише. — Я спущусь вниз и позабочусь об охранниках. Я оставлю входную дверь незапертой. Что бы ты ни решила делать и куда бы ты ни пошла, это твоё решение.

Между моими бровями образуется узел, и мне требуется несколько секунд, чтобы

вернуть мои рассеянные мысли в одно русло.

— Рио, ты не можешь, — возражаю я. — Ты не можешь рисковать жизнью своей сестры ради меня.

Мускулы на его челюсти пульсируют, и его темные глаза смотрят в мои. Я понятия не имею, о чем, черт возьми, он думает.

Он глотает.

— Я что-нибудь придумаю с ней. Кажется, я знаю, где она.

Затем он щелкает.

— Давай заключим сделку, — выбегаю я. — Ты поможешь мне выбраться отсюда, Z спасет твою сестру. Скажи мне ее имя и где она, и он ее вытащит.

Его рот открывается и закрывается, и я впервые сделала Рио безмолвным.

— У тебя есть сделка.

— Подождите, мое устройство слежения. Я-я не могу уйти с этим во мне.

— Повернись, — требует он, крутя пальцем. Закусив губу, я делаю, как он говорит, и вздрагиваю, когда он грубо отбрасывает мои волосы набок.

— Как... Резкий вздох прерывает мой вопрос, когда я чувствую, как что-то острое вонзается мне в шею сзади.

— Господи, в следующий раз предупреди, — выплонула я, сжавшись, когда кончик лезвие впивается в мою кожу.

— Его здесь нет, мама, а я здесь. И мне нужно, чтобы ты перестал шевелиться.

Я фыркаю, чувствуя, как теплая жидкость стекает по моей спине из раны, и через несколько болезненных секунд металл выскакивает. Он швыряет устройство на мою кровать, а затем наклоняется ко мне, его дыхание касается раковины моего уха.

— Катерина Санчес, ей пятнадцать лет. Я полагаю, что она с грумером по имени Лириан Берез. В последний раз я видел ее фотографию три месяца назад, и она стояла перед полем подсолнухов.

Он отпускает меня и отступает, а я поворачиваюсь к нему лицом.

— Спасибо, — тихо говорю я. — Я прослежу, чтобы она была в безопасности.

Он бросает на меня взгляд, который говорит мне, что он найдет способ преследовать меня, если я этого не сделаю. Может быть, он придет в Парсонс и присоединится к остальным призракам в моем доме.

— Один из друзей Рокко спит на диване. Молчи, и все должно быть хорошо. Он остыл от наркотиков.

— Ладно, — киваю я, чувствуя прилив благодарности, который, черт возьми, не знаю, как выразить. Он, наверное, ударит меня, если я попытаюсь. Рио ненавидит любое признание так же сильно, как и внимание. И, может быть, это больше потому, что он ненавидит себя.

— Скажи своему человеку, чтобы дал мне фору, хорошо? — говорит он, отступая. Я хмурюсь.

— Беги быстро.

Медленно его язык проводит по нижней губе, и его взгляд скользит по мне в последний раз, словно запоминая меня.

— До свидания, принцесса.

— Пока, Рио, — шепчу я.

И затем он уходит, его шаги смолкают.

Я не теряю ни секунды. Я бросаюсь к своему комоду, который оказался рядом с телом Сидни, скользя и скользя в крови, покрывающей мои ноги. Я роюсь в ящиках и торопливо натягиваю рубашку с длинными рукавами, а затем толстовку. Затем я беру пару носков, обхожу кровать и начинаю вытирать ступни, как могу, о тонкое одеяло.

Затем я натягиваю носки и туфли, хватаю дневник с половицы и тихонько спускаюсь по ступенькам.

Страх держал меня в спальне по ночам. Это мешало мне спуститься по ступенькам и выйти через парадную дверь, зная, что снаружи меня кто-то будет ждать.

Он контролировал меня более двух месяцев, держал меня в подчинении, и теперь у меня больше нет такой возможности. Я кого-то убил, и если я не уйду, я буду следующим.

Нет, я буду молиться об этом, но я знаю, что они не позволят смерти так легко обнять меня.

Я ловлю продуктовый пакет под раковиной, вздрагивая каждый раз, когда он сминается. Затем я нахожу в шкафу несколько бутылок воды и коробку батончиков мюсли. Должно хватить. Я не могу позволить себе большой вес. Затем я выдвигаю ящик и беру два больших ножа для защиты.

Мой план состоит в том, чтобы добраться до путей, а затем следовать за ними отсюда.

Надеюсь, я найду убежище в одном из трейлеров, когда мне нужно будет сделать перерыв.

Я ожидаю, что они будут предположим, что я пошел по дороге и сосредоточил свои поиски вечеринка в этом направлении, когда они найдут меня пропавшим без вести.

Они видят во мне бриллиант, потому что у меня есть любовь Заде, но они не помнят, что именно это превратило меня в такой нерушимый камень. Он многому научил меня обо мне и о том, кто я на самом деле. Но самое главное, он научил меня стойкости.

Как только я выхожу из кухни, я слышу громкий храп и останавливаюсь, мое сердце учащается. Друзья Рокко, как правило, остаются на ночь, когда им становится слишком хреново, и я полагаю, что их разбудит толпа слонов. Но Я не могу быть уверен — это просто зависит от количества наркотиков, которые проходят через их организм.

Выглянув из-за входа, я вижу неряшливого мужчину, лежащего на диване с полуоткрытым ртом. Это Джерри. Он один из завсегдатаев здесь, а также один из самых мстительных, когда нас с Сидни наказывают.

Какая-то часть меня испытывает искушение подойти и воткнуть один из моих ножей ему в горло, но я не могу заставить себя сделать это. Несмотря на то, как сильно я хочу убить каждого человека в этом доме, я не такой безжалостный убийца, как Заде.

По крайней мере, я им не был. Думаю, я уже не так уверен.

Сердце подкатывает к горлу, я медленно и бесшумно иду к двери, подпрыгивая, когда один из его храпов становится особенно громким и неприятным.

Я прохожу половину комнаты, когда слышу, как мой пластиковый пакет вылетает, и одна из бутылок с водой прорывается сквозь него, громко шлепаясь об пол и откатываясь на несколько футов.

Едва сдерживая вздох, я ловлю его на кончике языка прямо рядом с неустойчивым сердцебиением. Мои широко распахнутые глаза цепляются за Джерри. Его храп имеет отрезан, но он, кажется, еще спит.

Опасное количество адреналина циркулирует в моей крови, и мое зрение становится нечетким из-за того, как сильно бьется мое сердце.

Я обхватываю дно сумки и на цыпочках подхожу к бутылке с водой, вздрагивая, когда мешок шуршит в моей руке. Затем я приседаю и хватаю бутылку с водой, стараясь двигаться медленно.

Закрыв глаза, мне требуется несколько секунд, чтобы попытаться успокоить меня. стук сердца. Мои руки влажные, а вдоль линии роста волос и на пояснице выступил пот. Я не думаю, что когда-либо был так чертовски напуган, и я слишком поглощен этим, чтобы испытывать какие-либо острые ощущения. Это просто... чистый ужас.

Тихо выдохнув, я снова встаю и пытаюсь достать дно сумки, но прежде чем успеваю, из нее выскальзывает еще одна бутылка с водой и снова падает на пол.

Я задыхаюсь и, словно двигаясь по патоке, поднимаю голову, чтобы посмотреть на Джерри.

Его глаза широко открыты и устремлены прямо на меня.

Несколько тактов мы просто смотрим друг на друга, застыв во времени.

— Как ты думаешь, что ты делаешь? — спрашивает он, садясь и сбрасывая ноги с края дивана.

Я едва слышу из-за стука своего пульса, и мое зрение туннелирует, на грани потери сознания от страха. Если он позовет Рокко или Франческу, Я закончил. Рио конец, если они узнают, что он был замешан. Потом его сестра будет продана, и я никогда не выберусь отсюда.

— Сосредоточься, мышонок.

Сглотнув, я выпрямляюсь, решив, что пока лучше держать рот на замке. лучший вариант. У меня нет объяснения.

— Ты пытаешься сбежать, алмаз?

Я качаю головой, глаза расширяются еще больше, когда он встает и начинает идти.

Ко мне. Инстинктивно я делаю шаг назад, пиная упавшую бутылку с водой.

— Тогда ты хочешь объяснить, какого хрена ты делаешь?

Еще раз качаю головой. Единственное оправдание, которое приходит на ум, это то, что я приносил закуски охранникам. Что, честно говоря, смешно, и последнее то, что я хочу, чтобы этот человек сделал, это гребаный смех. Он определенно не стал бы молчать об этом, учитывая, что он всегда был самым громким в группе.

Он делает паузу, просматривая мою фигуру, и в тот момент, когда я вижу искру в его темных глазах, я точно знаю, что задумал этот ублюдок. На его лице появляется медленная, коварная улыбка.

— Иди сюда, — командует он.

Все, что я могу сделать, это снова покачать головой, как сломанная игрушка, которая может только выполнить один трюк.

Он рычит, выдергивая руку и хватая меня за руку. Я вздрагиваю, когда он втягивает меня в него, мои чувства перегружены запахом тела, несвежими сигаретами и вонючим дыханием.

— Ты, блядь, послушай, что я тебе скажу, бриллиант, или я прикажу Рокко выйти и присоединиться к веселью. Что ты предпочитаешь, а? Я или мы оба? — он резко плюется, хотя тон его голоса остается приглушенным. Похоже, он хочет, чтобы я принадлежала ему, поэтому пока помолчит.

Слезы обжигают мои глаза, и я быстро киваю, надеясь успокоить его. Наркотики, как правило, их раздражают, а их характер непредсказуем.

— Хорошая девочка, — напевает он, ослабляя хватку. — Я хочу, чтобы ты повернулся,

сдвиньте эти штаны и коснитесь пальцев ног. Я хочу трахнуть тебя сзади.

Мой разум мчится, когда я поворачиваюсь, замедляя свои движения, пытаюсь понять, что, черт возьми, я собираюсь делать. Я ни за что не позволю этому придурку снова меня изнасиловать.

Он решительно толкает меня локтем: «Поторопитесь».

— Позволь мне сначала поставить сумку, — шепчу я дрожащим голосом. Он хмыкает но не протестует, так что я наклоняюсь, ловко хватаю нож и выдвигаю его, надеясь, что мое тело скрывает то, что я делаю.

— Чертова медленная сука, — ругается он, теряя терпение и дергая меня за пояс, пытаюсь стянуть их для меня.

Я выпрямляюсь, что позволяет ему засунуть их мне в задницу на полпути, прежде чем

Я изгибаюсь в талии и рублю ножом. Лезвие перерезает ему горло, и его глаза расширяются, почти безмолвные от шока.

И я бросаюсь в бой, натягивая штаны, быстро хватаю мешок, гребаные бутылки с водой и выношу их за дверь, оставляя Джерри захлебываться своей кровью.

Мышцы в моей груди бьются так сильно, что это причиняет боль, когда я несусь через крыльцо и вниз по шатким ступенькам, едва останавливаясь, когда замечаю двух мертвых. тела свалены рядом с лестницей. Охранники — у них перерезано горло.

Задыхаясь, я обхожу дом сзади. Рио нигде нет, и я молю бога, чтобы он уже убрался к черту.

Потому что он может быть единственным, кто выберется отсюда живым.

«Ублюдок, я тебя трахну», — рывкает Дайре со своего компьютерного кресла, его подбородок закинут на плечо, и он смотрит на меня.

Я закатываю глаза.

— Ты говоришь это каждый раз и никогда не делаешь.

Я был бы не против, если бы он попытался. Эти люди — натренированные убийцы, как и я, и старая добрая драка на кулаках могла бы снять часть напряжения, стиснутого в моих мышцах. Тяжесть разочарования, гнева и беспокойства в моих костях берет свое. Я отправился на несколько миссий по уничтожению колец в Орегоне, чтобы снять стресс, но этого всегда недостаточно.

Я отталкиваюсь и хожу по полу позади него. Его офис находится внутри хранилища, но вы бы не смогли сказать, если бы не дверь. Они выдолбили комнату и превратили ее в подвал. Прямо у круглого входа стоит лестница, которая ведет вас вниз, которая была расширена, чтобы проходить под первым этажом, где находится рабочая зона Кейс. Как и остальная часть банка, он окрашен в коричневый, кремовый и черный цвета; все это кричит деньги.

Так что, конечно, его внешний вид — это влажная мечта компьютерного ботаника. Его стол занимает целую стену, заполненную мониторами и телевизионными экранами, висящими над ним. Светодиоды красочно вспыхивают по комнате, подчеркивая острые края. Лицо Дайра, когда он снова просматривает свои каналы, проверяя, не отмечена ли Адди в каких-либо местах.

«Ты нависаешь надо мной. Я чувствую твое дыхание на своей спине.»

Я очень сильно выдыхаю, побуждая его развернуться и ударить кулаком по моему члену. Я легко избегаю этого, но он умудряется застать меня врасплох и топает своей ногой по моей ноге, заставляя меня отступить.

Туше.

— Ты зависаешь хуже, чем жена, проверяющая мужа-изменщика, — отрезает он.

— Я бы сказал, что у презираемой жены и у нас обоих есть веские причины.

Он что-то бормочет себе под нос, еще больше прижимаясь лицом к компьютеру, проверяя сетку. Его питомец стоит на коленях рядом с нами, опустив голову, но я улавливаю намек на улыбку на ее лице.

— Вы узнали, откуда взялись Джиллиан и Глория? Я спрашиваю. Дайре качает головой.

— Еще нет. Я могу легко отследить тех, которые хранятся в помещениях для содержания — вроде тех, что вы снимаете, — потому что они контрольно-пропускные пункты для перевозки девочек туда и обратно. Но многих жертв перед продажей с аукциона отвозят к грумерам, и это обычно жилые дома и часто автономные, чтобы защитить домовладельцев. Кем бы ни была Франческа, она явно грумер и хорошо скрывает.

У него есть целая карта транспортных маршрутов и контрольно-пропускных пунктов, и он настаивает на том, что он узнает, если Адди выставят на продажу или перевезут. Есть минимальное количество мест для выставления списка девушек на продажу в даркнете, даже для тех, кто продает собственных детей с целью получения прибыли, и у Дайре есть доступ ко всем этим каналам. Так же есть целая сеть по аукционам, переезжающим девушкам в

места содержания под стражей и обратно, а также на другие мероприятия, на которых высокопоставленные лица могут покупать женщин и детей, к которым Дайре также имеет доступ.

Но Адди слишком рискованна, чтобы подвергать ее стандартным процедурам.

Клэр умнее. Итак, мы переключили наше внимание на поиск этой женщины Франчески, но в штате Орегон нет домов, принадлежащих ей.

«Каково было их последнее известное местонахождение перед тем, как они исчезли?» Я спрашиваю.

Мы сузили наш поиск до близлежащих городов в часе езды от Джексонвилля, где проходил аукцион, но, если у них нет камер внутри или снаружи дома, у нас нет возможности подтвердить, что Адди находится внутри любого из них.

«Перед выставлением на аукцион Глорию в последний раз видели садящейся в машину на Грантс-Пасс, а Джиллиан забрали в Портленде. У нее есть записи о проституции, так что, скорее всего, ее заранее продавали таким образом».

— Эти машины — тупиковые?

— Ага, — подтверждает он. «Поехал куда-то без камер и больше их не видели».

— Черт, — ругаюсь я, снова начиная ходить взад-вперед. То же самое и с Ксавьером Делано. Мы смогли отследить его рейс в Портленд, штат Орегон, и городской автомобиль, который отвез его на окраину, но после этого он опять исчез.

Они приняли все гребаные меры предосторожности, чтобы убедиться, что к этому дому нет никаких следов.

Дайре щелкает по карте и говорит:

— В целевых районах сотни тысяч домов. Адди должна быть в одном из них, но сужение круга, где... — Он замолкает, его глаза сосредоточенно сужаются, когда он бормочет: — Интересно.

— Что?

«Есть старая система поездов, которая использовалась для перевозки девушек возле Грантс-Пасс. В нем говорится, что она все еще активна, хотя эта железнодорожная линия была закрыта на десятилетия».

Он заходит на Google Maps и отмечает координаты железной дороги, а затем увеличивает масштаб, пока не покажет нам ее трехмерное изображение. Поезд брошен на железной дороге, вагоны изъедены природой и ржавчиной.

Он находится посреди леса, вокруг которого нет ничего, кроме деревьев. Еще одно десятилетие, и большая часть дикой природы полностью захватит власть.

— Это просто странно, что он по-прежнему считается активным каналом, — говорит Дайре, брови хмурятся, а губы хмурятся.

— Есть ли поблизости жилые дома?

— Посмотреть не больно, — отвечает он. Он смотрит на меня. — Иметь ввиду, нет никакого способа законно подтвердить, что они держат в себе девушек, если только вы не штурмуете это место. Мой совет? Не делай этого.

Я выгибаю бровь в ответ. Он закатывает глаза и поворачивается к своему компьютеру, понимая, что он разговаривает с человеком, который только что ворвался в дом Мамы Ти без предупреждения, чтобы добраться до них. Что мешает мне сделать это с кем-то другим?

Ответ — ничего.

— После того, как я разберусь с тобой, мне понадобится долгая сессия с моим

питомцем, — бормочет он. — Пожалуйста.

Он ухмыляется, но фокусируется на экране, пока идет по лесу. Долго ничего не находит. Достаточно долго, чтобы я начал ходить по дыре в полу позади него.

— Кое-что нашел, — объявляет Дайре минут через двадцать, снова привлекая мое внимание к себе. Я подхожу к нему сзади и наклоняюсь, чтобы лучше видеть.

Если этот ублюдок скажет, что я снова зависну, я украду его питомца и выброшу куда-нибудь наугад, просто чтобы доставить ему неудобства. Мудак чертовски счастлив, что я так близко.

Из-за деревьев вырисовывается массивный ветхий дом. Похоже, его расцвет пришелся на начало 1900-х годов. Тем не менее, он пригоден для жизни, большой и определенно хорошо спрятан.

Мое сердце ускоряется, и впервые я чувствую возбуждение.

— Где он находится?

— Мерлин, Орегон. Всего около пятнадцати минут от Грантс-Пасс, плюс-минус. — Он делает паузу. — И примерно в часе езды от Джексонвилля.

К тому времени, когда он заканчивает свою фразу, я почти дрожу.

Когда был сделан снимок со спутника, возле дома стоял только ржавый красный пикап. Я хватаю свой ноутбук, быстро ищу по номерному знаку владельца.

— Рокко Белуччи, — бормочу я, сразу копаясь в его предыстории. — Получил несколько обвинений в пьянстве в общественном месте, домашнем насилии и нанесении побоев.

Дайре пожимает плечами.

— Довольно стандартные расходы для девяноста процентов мужского населения.

Затем я проверяю, кому принадлежит дом, и снова появляется имя Рокко. Я стучу пальцами по ноутбуку, тревога гудит по моему нервному окончанию. Этот дом вызывает подозрения, но ничто в нем не указывает на то, что это дом груминга.

Он не зарегистрирован на знакомое мне имя, и нет никаких вещественных доказательств того, что здесь держат девушек.

Достав из кармана телефон, я набираю номер Джиллиан. После обещания, что поможет, чем сможет, если у меня возникнут еще вопросы об Адди, Я попросил Руби купить ей одноразовый телефон.

Он звенит несколько долгих секунд, прежде чем до нее доносится скучающий голос с акцентом: «Да?»

Какая она пушистая, теплая.

— Вы упомянули ранее, что у Франчески был брат, — констатирую я.

«Да, он один из тех, кого я хотела бы, чтобы ты убил», — отвечает она.

— Ну, как его, блядь, зовут?

«Рокко. Не знаю его фамилии».

Мой мир наклоняется вокруг своей оси. Вероятность того, что мы только что нашли Адди, почти слишком много.

«Привет?» звучит ее голос.

— Вас держали в трехэтажном колониальном доме? Я называю еще несколько атрибутов собственности, которые могут быть узнаваемы, и когда она не отвечает сразу, я чуть не разламываю телефон пополам.

— Вот и все, — наконец говорит она. Блядь.

— Джиллиан?

«Ага?»

«Я убью столько чертовых людей ради тебя».

Последнее, что я слышу, это ее фыркание, прежде чем я вешаю трубку и поднимаю глаза, чтобы встретиться с округлившимися глазами Дайре.

— Мы нашли ее?

«Мы, блять, нашли ее», — подтверждаю я, сразу же выбирая направление к дому.

Дорога до Мерлина из Портленда займет около четырех часов, но сначала мне нужно подготовиться. Я не буду знать заранее, сколько людей будет занимать дом, поэтому необходимо, чтобы Джей был у меня на ухе, а Майкл и Руби со мной на случай, если там будут содержаться еще девушки. За мной последуют еще несколько наемников, если мне понадобится поддержка.

«Z?» Я смотрю вверх. — А если ее больше нет?

Мой глаз дергается от одной мысли. Вероятность высока, но, по крайней мере, в моих руках будут люди, которые приведут меня прямо к ней.

Я встречаю его взгляд и на мгновение высвобождаю тьму.

— Тогда погибнет много людей.

* * *

— У меня новости, — говорит Джей через автомобильный динамик. Шесть часов утра, и все еще темно, солнце еще даже не показалось за горизонтом. Густой туман окутывает дороги, затрудняя видимость.

Я в пяти минутах от дома Франчески и Рокко Белуччи, Дая на пассажирском сиденье рядом со мной, а Майкл и Руби едут позади меня. Он находится всего в десяти минутах от реки Роуг, поэтому имение окружают акры и акры Национального леса.

Прошлой ночью мне удалось взломать несколько спутников. Правительству нравится говорить людям, что спутники не интересуются вашим домом, но это не значит, что они время от времени не делают снимки. Джей просматривает их сейчас, но он не видел ни одной с Адди.

— Какая?

— Я отправил дрон над домом, — начинает он. — И вся собственность находится в абсолютном потрясении. Около тридцати человек в настоящее время обыскивают территорию. Половина в лесу за домом, а другая половина идет по дороге.

Как только он заканчивает, мимо меня пролетают два черных внедорожника, и я замечаю впереди несколько пешеходов.

— Дерьмо, — бормочу я, замедляясь, пока не останавливаюсь прямо рядом с мужчиной.

— Джей, дай Майклу знать, что происходит, и направь на нас дрон.

Я опускаю пассажирское стекло, а парень сгибается в талии, с нетерпением глядя на Даю и меня.

— Все в порядке, сэр? Я спрашиваю.

— Все хорошо, тебе не о чем беспокоиться.

— Похоже, у вас поисковая группа. Вам нужна помощь? — Я нажимаю.

— Нет, просто ищу свою собаку.

Я выгибаю бровь, и Дайя смотрит на него. «Вы, должно быть, действительно заботитесь об этой собаке», — замечает она.

— Да, эта сука бесценна, — возражает он. — Теперь продолжай двигаться, у тебя есть машины позади тебя, придурок.

Но я уже поднимаю стекло и сильно нажимаю на газ.

— Слышишь, Джей? — спрашиваю я, сжимая грудь.

— Ага. Думаешь, это Адди?

Я качаю головой, мои мысли мчатся быстрее, чем моя машина.

— Джиллиан упомянула о других девушках в доме, так что это могла быть любая из них, но, черт возьми, это действительно хороший шанс. Я не думаю, что они устроили бы такую массовую поисковую группу для обычной девушки.

— Похоже на Адди. Она смелая.

Я кусаю губу, в моей груди поднимается множество эмоций — волнение, страх и гордость.

Я быстро принимаю решение идти к поезду. Я понятия не имею, в каком направлении она пошла, но я знаю, что она слишком умна, чтобы пойти по этому пути. Слишком много возможностей быть пойманным и доставленным обратно в дом. Но есть шанс, что она нашла этот поезд и использует его как проводник из леса. Или ищет в нем убежища.

Телефон Дайи звонит в миллионный раз, и она вздыхает, постукивая по нему.

— Опять ее мать?

— Ага, — мягко говорит она. — С тех пор, как Адди пропала, она развалина, и я думаю, что она рассказала каждому полицейскому в штате о себе и своей маме, потому что они еще не нашли ее.

— Она знает, что мы можем заполучить ее сегодня?

Она кивает:

— Да, наверное, мне следовало подождать, но я просто никогда не видела.

Серене уже нравилось это, и, наверное, я просто хотел дать ей немного надежды, понимаете? Прошло больше двух месяцев, и я думаю, она была почти уверена, что Адди мертва.

Я перевожу взгляд на Дайю.

— Сегодня она заберет свою дочь. Назовите меня психом, но моя девушка близка. Я чувствую это.

Прежде чем Дайя успела ответить, вмешался голос Джея: «О, черт».

— Что? — Я щелкаю.

— Около двух месяцев назад есть пара спутниковых снимков массового скопления людей в доме. Я посмотрел, нет ли притока рейсов и бронирований отелей, и, черт возьми, был. Я имею в виду десятки и десятки высокопоставленные лица со всего мира прилетали и останавливались в близлежащих отелях. Одним из них был Ксавьер Делано; в течение последнего месяца он каждую неделю бронировал номер в гостинице в сорока пяти минутах езды.

Как и сказала Джиллиан, он часто навещает ее.

— Ублюдох, — бормочет Дайя.

В моей груди нарастает раскаленная добела ярость, вездесущий вулкан, готовый извергнуться в любую секунду. И это было, много раз. В результате погибло много торговцев людьми и сгорело несколько зданий. Я пытаюсь сконцентрироваться, иначе я снова ослепну

от ярости, и моя машина вылетит на обочину.

Я захожу в тупик, и мне остается только повернуть налево или направо.

— Джей, впереди железная дорога?

«Да, несколько сотен футов», — подтверждает он мгновение спустя.

— Мы собираемся искать пешком, но у меня есть несколько человек наготове, и я хочу, чтобы вы на всякий случай отправили их в дом. Я не хочу, чтобы кто-то уходил.

— Понятно.

Я поворачиваю налево и еду несколько секунд, прежде чем натываюсь на пешеходную тропу.

Участок небольшой, поэтому я быстро въезжаю на парковочное место.

«Включи блютуз», — говорю я Дайе, втыкая свой в ухо. Майкл занял место рядом со мной, и мы вчетвером вышли из машин.

— Это Адди? — немедленно спрашивает Майкл.

— Мы не знаем наверняка, но я думаю, что да, и она не может быть далеко.

Руби задыхается и кладет руку на сердце, всегда театрально.

— Ой! Тогда нам лучше поторопиться. Она, наверное, так напугана, бедняжка.

Майкл кивает, на его губах появляется легкая, полная надежд улыбка.

— Помогите направить нас к железнодорожной ветке, — говорю я Дджею, позвонив ему по телефону.

Bluetooth при вытаскивании сигареты из пачки.

— Они убьют тебя, — жалуется Джей. Я поднимаю глаза и замечаю дрон, стоящий в пятидесяти футах над моей головой. Я поднимаю руку и показываю ей палец. Джей хихикает в мой Bluetooth и говорит нам, куда идти.

Чтобы найти поезд, нам требуется около пяти минут скоростной ходьбы.

— Сколько идет поезд?

— Этот больше, чем большинство. Протяженность около двух миль. У тебя примерно полмили справа от тебя, а остальное слева.

Я поворачиваюсь к Майклу:

— Ты и Руби идите направо, а Дайя и я пойдем налево.

Он кивает, уже взлетая в указанном направлении.

— До скорой встречи, — говорит он, — махнув рукой, Руби быстро последовала за ним.

— Руби! — Я звоню. — У тебя есть пистолет, да?

— Ты чертовски прав, да, — кричит она в ответ, даже не оглядываясь. Одобрительно улыбаясь, я иду в другом направлении, мои кости трясутся от предвкушения.

Сегодня вечером я приду домой со своей маленькой мышкой. А потом? Мы собираемся сжечь мир вместе.

Кончик моего пальца ноги цепляется за камень, и я спотыкаюсь вперед, успевая выпрямиться, прежде чем съесть грязь. Холод поселился глубоко в костях моих, и всякая чувствительность в руках и ногах иссякла.

Я не знаю, как долго я бегаю, но я посчитала трейлеры, которые я прошла.

Двенадцать. Всего двенадцать.

На улице еще крошечная тьма, и где-то в глубине ухает сова. расстояние, легко заглушаемое моим тезкой.

«Бриллиант!»

Я услышал, как друзья Рокко зовут меня, как только я добралась до поезда, и я в нескольких секундах от того, чтобы согнуться и блевать, что приведет их прямо ко мне. Если не по звуку моей рвоты, то по луже рвоты, которую я оставлю позади.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы снова найти поезд, так как я не была знаком с этим лесом. Я пробежала его только дважды, и оба раза был через большой лабиринт, заполненный ловушками. Учитывая, что в данный момент я плохо соображаю, я не хотел рисковать, споткнувшись о провод, поэтому я обошёл его.

«Бриллиант!» — снова кричит мужчина, и я задыхаюсь, адреналин тоже мощный.

Их голоса все еще относительно далеки, но я не записала ни одного из своих треков. Не успела. Я понятия не имею, знают ли они, как им следовать — возможно, нет, — но это не имеет значения. Франческа будет, потому что она охотилась на меня, когда мы тренировались перед Отбором.

Я нахожусь на двадцатом трейлере, когда снова спотыкаюсь, и на этот раз я не могу поймать себя. Я падаю вперед, неловко приземляясь на руки и колени, от удара вспыхивает агония. Моя сумка летит, и из нее вываливается еще одна гребаная бутылка с водой. Низко опустив голову между плечами, я работаю над дыханием.

Блять, я не могу дышать.

Мое оцепеневшее лицо искажается, и рыдание выползает из горла, как крошечный паучок.

Продолжай бороться, детка. Продолжай бороться.

Я больше не знаю, как быть, Зейд, я блять не знаю как.

Я качаю головой, резко втягивая воздух, работая над тем, чтобы трахнуть его вместе. Еще один вдох, и я заставляю себя встать, кусочки камня, листьев и палочек впиваются мне в ладони.

Отряхнув их, я просматриваю трейлер рядом со мной. Он не сильно отличается от других — белый, ржавый и изъеденный коррозией, — но сбоку от него прикреплена лестница.

Если я останусь надолго, они найдут меня, поэтому мне нужно найти место, чтобы спрятаться и восстановить силы. Я все еще в глубоком шоке, и мое тело начинает отключаться от него и адреналина.

Вытирая сопли с носа, я снова собираю свои скудные пожитки, баюкаю их одной рукой, другой хватаюсь за холодный металл и начинаю карабкаться.

— Крошечный паучок лезет вверх по водостоку, — хриплю я, пропуская ступеньку и

снова соскальзывая. Мое колено ударяется о металл, вызывая волну боли в ноге.

Шипя, я заканчиваю подъем и карабкаюсь к середине трейлера. Добравшись до двери люка, я поворачиваю рычаг и рывком открываю ее, израсходовав последние нити своей энергии.

«Пошел дождь и смыл паука». Я заглядываю в трейлер и не вижу ничего, кроме растений, пробирающихся сквозь щели. Я вполне могу забраться в свою могилу, но я бы предпочла умереть здесь. Да, я думаю, это хорошее место, чтобы умереть.

* * *

Я просыпаюсь от ощущения, что что-то скользит по моей ноге. Меня тут же охватывает паника, и я бросаюсь вперед с резким воплем на кончике языка.

На мгновение мне кажется, что я снова в том доме, оседлав Сидни с ручкой в руке.

Потребовалось несколько мгновений глубокого вдоха, чтобы паника утихла, и мое окружение снова заполнило мое видение.

Задыхаясь, я смотрю вниз и замечаю, что мои руки все еще в крови. Он также пропитал мою одежду на руках и ногах. Моя кожа зудит и раздражена, и я чувствую, как она отслаивается от меня.

Слабый, замерзший и неудобный, я осматриваю внутреннюю часть трейлера, в котором я нахожусь. В щелях растут лианы, здесь грязно и душно, но в остальном пусто. Я оставила верхний люк приоткрытым, и полоска утреннего света проникла внутрь, обеспечивая достаточное освещение, чтобы ясно видеть.

Из моего горла вырывается стон, спина болит из-за неподвижного положения.

Приспосабливаясь, я останавливаюсь, замечая коричневую белку, сидящую в нескольких футах от меня, обнюхивающую землю и пристально наблюдающую за мной.

— Привет, милашка, — шепчу я хриплым от сна голосом. Я хихикаю, и с абсолютным очарованием, наблюдаю как он медленно приближается, пока не оказывается в нескольких дюймах от меня. Когда я пытаюсь её погладить, она убегает с дороги, поэтому я отступаю.

«Как вас зовут?» — шепчу я, улыбаясь, когда он прыгает мне на ногу, его крошечные когти вонзаются в ткань моих джоггеров.

Несколько минут мы с любопытной белкой наблюдаем друг за другом, и впервые за много месяцев мне становится немного легче. Это маленькое существо такое маленькое и незначительное для большинства, но когда я смотрю, как оно моет свое маленькое личико, мои глаза наполняются слезами. Меня так долго окружали полые трупы, что даже страшно видеть что-то настолько живое.

Я всхлипываю, вытирая мокрые дорожки со щек, но вместо них появляются новые.

«Моя бабушка любила наблюдать за белками из эркера, понимаете?» — говорю я вслух. — Итак, я буду звать тебя Мэй. Ее день рождения был в мае, и я думаю, она бы тебя полюбила.

Белка хихикает, ползет по моей ноге к ступне. Я смеюсь, когда он кусает носок моего ботинка, слегка натягивая ткань.

Я задыхаюсь, когда краем глаза вижу, как к нам бежит еще одна белка.

— Боже мой, вас двое! Я хриплю, стараясь говорить тихо. Мэй спрыгивает с моей ноги и встречается со своим компаньоном. Пара гоняется друг за другом, вырывая очередной смех

из моей груди. Несколько лиан цепляются за борт трейлера прямо к люку.

С нежностью и грустью я смотрю, как парочка карабкается по лианам и выжимает свои пушистые тельца из щели.

— Пока, Мэй, — шепчу я, погружаясь в одиночество.

Вместо того, чтобы позволить ему вонзить свои когти в меня слишком глубоко, я заставляю себя встать, моя спина и ноги болезненно болят.

Я мало что помню после того, как упал в трейлер, за исключением того, что чуть не подвернула лодыжку, но, должно быть, вскоре после этого я заснул. Учитывая голубоватый оттенок света, пробивающегося сквозь него, все еще раннее утро, и могло пройти не более нескольких часов.

Нет сомнений, что они все еще ищут меня, и я сражаюсь с решением о том, должна ли я продолжать двигаться или подождать и надеяться, что они откажутся от поиска в лесу. Я в ужасе дохожу до того, что у меня больше нет защиты брошенного поезда.

После этого я окажусь на открытом воздухе, и только с двумя кухонными ножами я буду в безопасности.

Решив двигаться вперед, я нахожу момент, чтобы съесть батончик мюсли и выпить полбутылки воды, решив есть и пить умеренно. Я хочу швырнуть эти дурацкие бутылки с водой за то, что меня чуть не поймали, но я понятия не имею, как долго я буду в затруднительном положении, поэтому они мне нужны.

Когда я зашла сюда, я особо не задумывался о том, как Я собирался выйти. И сейчас я очень сожалею об этом решении.

Я оглядываюсь, надеюсь найти что-то, что даст мне толчок, но здесь ничего нет. Дерьмо.

Бог? Можем ли мы торговаться или что-то в этом роде? Если ты поможешь мне выбраться отсюда, я позволю тебе лишиться меня десяти лет жизни. У меня останется около пяти лет со всем этим стрессом, и я довольна этим.

Теперь, когда моя голова прояснилась, я могу с абсолютной уверенностью сказать, что на самом деле не хочу здесь умирать.

Но похоже собираюсь.

Еще один приступ слез заливает мои глаза, и мое горло сжимается.

Как только я собираюсь начать гипервентиляцию, я слышу голоса за пределами трейлера. Резко вдохнув, я парализован ужасом, когда слышу, как говорят два человека.

Я не слышу, что они говорят, но отчетливо слышу шум радио.

О, черт возьми, это они.

Начало гипервентиляции.

Я прикрываю рот ладонью, вдруг меня охватывает паранойя, что они слышат мое дыхание сквозь толстую сталь. Взглянув на дверцу люка, мое сердце замирает, когда я слышу приглушенный голос: «Люк, похоже, открыт».

Абсолютный ужас поглощает меня, и единственное, о чем я могу думать, это тихонько хватая оба моих ножа, сжимая по одному в каждой руке, и к дальнему углу трейлера, где собирается большая часть теней.

Очевидно, что это ничего не даст, когда они откроют дверь и заглянут внутрь, но я буквально ничего не могу сделать. Нет, пока они не придут сюда.

Звук того, как кто-то прыгает на краю трейлера, эхом разносится по всему металлу и по моему телу, заставляя мое сердце биться в горле.

Я крепко сжимаю ножи и сильно трясусь, когда слышу, как мужчина ползет по

трейлеру.

«Привет!» — громко зовет голос. Мужчина делает паузу, и, поскольку он гораздо ближе к двери, я лучше его слышу.

— Кто ты, черт возьми?

Я не слышу, что отвечает человек, но что бы это ни было, парень мне не нравится.

— Какого хрена ты только что сказал, придурок? Тебе здесь нечего делать.

Другой человек теперь ближе, хотя я все еще не могу разобрать, что они говорят.

— Мне плевать, если это не частная собственность. Кто ты, черт возьми, такой, чтобы допрашивать меня?

В замешательстве и с облегчением я слышу, как мужчина спускается обратно в трейлер, предположительно держась подальше от злого мышленника.

Я пытаюсь прислушаться сквозь громкое сердцебиение в ушах, но не могу разобрать ни черта слова.

Их крики усиливаются, хотя большая их часть, похоже, исходит от человека, который был очень близок к тому, чтобы найти меня.

Как раз в тот момент, когда кажется, что он вот-вот станет физическим, он на мгновение замолкает, а затем раздается резкий звук металла, отскакивающего от металла. Пуля? я не слышал выстрела, но его так трудно услышать из-за моего режущего сердцебиения.

Звучит так, будто мужчина говорит: «Ублюдок», хотя я не уверена.

Широко раскрыв глаза, я гляжу на люк, мои нервы на пределе, когда слышу, как кто-то прыгает обратно по лестнице трейлера.

О, нет.

Нет нет Нет Нет.

Он вернулся.

Всхлип вырывается из моего горла, приглушенный моей рукой, когда я слышу, как мужчина громко приближается к люку.

Если он хочет, чтобы я вышла, ему придется прийти за мной, и я ни за что не уйду без боя.

Я скорее перережу себе горло, чем вернусь в тот дом. Вернуться к Ксавье.

Люк со скрипом открывается, и рвота подступает к моему горлу. Я на грани обморока, пока не вижу его лицо.

Мои глаза расширяются еще больше, страх быстро сменился недоверием.

Один голубой глаз такой светлый, почти белый, со страшным шрамом прямо через него. И один карий глаз такой темный, что кажется обсидиановым. Я все еще могу ясно видеть его черты, даже с черным капюшоном, накинутым на его лицо. глава. И прямо сейчас, полное облегчение смотрит прямо на меня.

— Зейд?

— Бля, детка, стой там. Не двигайся, черт возьми.

— Она там? — настойчиво кричит женщина, ее шаги теперь тоже поднимаются по трейлеру. Но я слишком ослеплена шоком, чтобы обращать внимание. Через секунду Зейд падает в трейлер, его вес отдается эхом в хэви-метале.

Из моего горла вырывается всхлип, я чуть не задыхаюсь от облегчения, когда спотыкаюсь о него, сталкиваясь в переплетении конечностей.

Он тут же подхватывает меня на руки, мои ноги обвивают его талию, прежде чем он

падает на колени, сжимая меня так крепко, что я едва могу вдохнуть.

Полное неверие сводит меня с ума, и я борюсь с рыданиями, льющимися из моего горла. Они так сильно напрягают мое тело, что мои кости трещат от силы.

— Я здесь, мышонок, я здесь, — скандирует он. — Черт, ты такая холодная. Его голос срывается, и он качает нас обоих, вибрации прокатываются по нему, пока он борется за то, чтобы держаться вместе.

Часть за частью мы оба рассыпаемся, осколки падают вокруг нас водопадом страданий. И я просто знаю, что когда Зейд соберет наши разбросанные кусочки и сошьет нас вместе, мы навсегда переплетемся.

Он оставляет мягкие, но настойчивые поцелуи на любой поверхности моего тела в пределах досягаемости.

Моя голова, щеки, шея и плечи, а его руки бездумно блуждают, согревая мою замерзшую кожу, хотя это больше похоже на поклонение.

Я не знаю, как долго мы будем там оставаться, но в конце концов мой плач умирает, но Зейд не перестает держать меня.

— Адди? — тихо зовет голос. Мои глаза расширяются, и моя голова резко поднимается, видя лицо Дайи, смотрящее вниз в люк. Ее гладкая темно-коричневая кожа мокра от слез, а шалфейно-зеленые глаза полны слез.

— Боже мой, Дайя, — хриплю я, снова охваченный недоверием.

— Давай поднимем тебя, детка, — настаивает Зейд. — Холодно, и место все еще кишит людьми, ищущими тебя.

Я шмыгаю, вытираю нос и киваю. Он подталкивает меня, и Дайя хватается за руки, помогая выбраться из трейлера. Когда я вылезает, она тут же заключает меня в объятия; ее хватка почти такая же крепкая, как у Заде.

— Никогда больше не оставляй меня, — кричит она дрожащим и напряженным голосом. Я киваю, на грани того, чтобы снова сломаться.

Но затем позади нас визжит женщина, извергая бессвязные слова, которые звучат очень похоже на «О, Боже, ты нашел ее, она, должно быть, замерзла». Или что-то вроде того.

Мы с Дайей отстраняемся и смотрим, как к нам спешат рыжеволосая женщина и еще один мужчина, которого я не узнаю. Мгновение спустя Зейд вскакивает, цепляясь за люк и с легкостью приподнимаясь.

— Ты нашел ее! — снова кричит женщина.

— Господи, Руби, не объявляй это миру. Вокруг все еще есть люди, которые ищут ее, — отрезает Зейд.

Она беззаботно машет рукой.

— Ты их получишь.

И он будет. На земле лежат два мертвых тела, истекающие кровью из того, что похоже на их грудь.

— Как ты...?

— Буквально сделал два шага в сторону и прострелил им обоим грудь одной чертовой пулей, — отвечает за него Дайя, глядя на меня взглядом, говорящим, что он чертовски сумасшедший, но в то же время крутой.

Подойдя к трейлеру, Руби щиплет себя за руки, показывая мне спуститься к ней.

— Давай, дорогая. Я тебя согрею.

Я просто смотрю на нее, мой мозг погружен в лужицу желатина, медленно соображая,

что происходит. После того, как Дайя мягко подтолкнула меня, я неуверенно спускаюсь по лестнице, мои ноги почти скользят по ступенькам. Женщина, которая, должно быть, Руби, обхватывает меня рукой в тот момент, когда мои ноги касаются земли.

— Теперь ты в безопасности, милая, — напевает она, потирая мой бицепс, чтобы согреть меня, пока ведет меня вдоль заброшенного поезда.

Я оглядываюсь через плечо и замечаю Зейда в нескольких футах позади; его глаза сфокусировались на мне, как будто он был уверен, что я исчезну, если он отведет взгляд хотя бы на секунду.

Теперь я в безопасности. И все же мне все еще кажется, что я в аду

— Нет хороших новостей? — спрашиваю я, скрещивая руки на груди.

Губы Джея сжимаются, и он качает головой. Франчески и Рокко Белуччи нигде не было видно, когда мои люди прибыли к ним домой. На самом деле весь дом был пуст, за исключением мертвеца в гостиной с перерезанным горлом и пары мужчин, сгрудившихся у крыльца. Это значит, что Рио и Рик тоже сбежали. Я подозреваю, что все они ушли в тот момент, когда обнаружили, что Адди пропала, и удрали оттуда, прежде чем я успел добраться до них.

Черви скользкие, но долго от меня прятаться не смогут.

— Как дела у Адди? — спрашивает Джей, на его лице отразилась тревога.

Он оглядывается через мое плечо, как будто видит ее от входной двери.

Он впервые в поместье Парсонс, и язык его тела предполагает, что он готов убраться к черту. Он сделал один шаг, и входная дверь захлопнулась за ним сама собой. С тех пор как Адди вернулась домой, активность возросла. Ее энергия была темной, и в поместье никогда не было тепла.

Я хотел забрать ее к себе, но Адди отказалась, сославшись на то, что она достаточно долго отсидела в одной тюрьме и не хочет оказаться в другой. Поэтому я разместил сильную охрану вокруг собственности, используя передовые — и незаконные — технологии, чтобы гарантировать, что ничто не пройдет без моего ведома.

Что бы Клэр ни приготовила в рукаве, она знает, что у нее нет шансов тронуть Парсонса.

После того, как я нашел ее, я отвел ее прямо к своим верным старым друзьям Тедди Энглери и его сыну Таннеру. Тедди — хирург на пенсии, но он работает на Z с тех пор, как я создал организацию, принимая всех выживших, нуждающихся в помощи. Его сын работает медсестрой и часто помогает Тедди, когда тот стал старше.

Мы пробыли у него неделю, чтобы он смог обработать рваные раны по всему телу, открытую рану на шее сзади и накачать ее жидкостями.

Она была обезвожена и истощена жестоким обращением.

Я отказался отвернуться от того, что с ней сделали, хотя все, что я хотел сделать, это выйти из его двери и разодрать всех, кто обитал в этом доме, моими гребаными зубами.

Я не уверен, помнит ли она вообще большую часть времени, проведенного с Тедди. Она была в кататоническом состоянии все время пребывания.

Прошел месяц, как она не была дома, и в начале нас окружили полицейские и СМИ. Правоохранительные органы запрашивали ее показания и хотели получить информацию о ее похищении. И, конечно же, поскольку Адди — популярный автор, это привлекло внимание средств массовой информации. Мне стыдно, что я сбился со счета, скольким папарацци я угрожал телесными повреждениями из-за того, что они пытались проникнуть на территорию.

Я бы с удовольствием привел пример одного из них. Повесьте их в конце подъездной дорожки в качестве дружеского напоминания о том, что произойдет, если даже их носок коснется чертовой границы собственности.

Хаос улегся, но Адди погрузилась еще глубже в себя, и ее заперли в ее спальне, завернув

в кокон под черными шелковыми простынями, как будто у нее аллергия на воздух снаружи. Первые пару недель после спасения она почти не разговаривала.

Адди часто металась между полным запустением, где она смотрела тупо и никак не реагировала, и безутешно плача. Ко мне несколько раз приходил терапевт, доктор Мэйбелл, чтобы поговорить с ней, чтобы помочь ей вырваться, и это помогло.

Видя ее такой, мое гребаное сердце разбивается, и все, чего я хочу, это передать ей кусочки и дать ей что-то, за что можно держаться.

Но она ни за что не удержится. Меня даже близко не подпускает. Если я подхожу к ней ближе, чем на фут, она срывается. Она категорически отказывается позволять мне прикасаться к ней, и это чертовски убивает меня, потому что это все, чего я хочу.

Дайя и Серена часто навещали друг друга, так как Адди гораздо больше комфортнее в их объятиях, чем в моих.

«Живая», — отвечаю я, хотя не совсем уверен, что это правда. Она дышит, но не живет. «И потихоньку выздоравливаю. Теперь она говорит и иногда будет улыбаться и смеяться. Она еще долго будет то вверх, то вниз, то боком».

Я смотрю на глубокие борозды на своих руках, все еще ярко-красные после прошлой ночи.

Каждую ночь она бьется в постели, крики вырываются из ее горла, а тело мечется. Я научился быть осторожным, когда бужу ее. Иногда ночью она переходит в режим полной атаки. Незрячая, она царапает меня, убежденная, что я один из демонов, преследующих ее кошмары.

Днем она снова становится призраком. Хотя это тоже кажется неправильным — призраки в поместье Парсонс более активны, чем она.

И, честно говоря, я расстраиваюсь. Не потому, что она потеряна в травме, а потому что я понятия не имею, как ее из нее вытащить.

Беспомощность — это чувство, с которым я сблизился. Я не могу спасти каждую девушку, но будь я проклят, если не смогу спасти Адди, даже если это будет от нее самой.

— Она справится с этим, Зет, — уверяет Джей, как будто замечая, как у меня под глазами темнеет страдание.

— Я знаю, что она будет. Она самая сильная женщина, которую я знаю, — соглашаюсь я.

* * *

— Я не хочу беспокоить ее прямо сейчас, так что отдай ей это для меня, ладно?

— Конечно, спасибо, чувак, — говорю я, выхватывая сверток из его рук. Сегодня его ногти выкрашены в неоноворозовый цвет, и они уже отслаиваются.

— Вы проверили Катерину?

Джей кивает.

— Да, сейчас она чем-то похожа на Адди. Мало говорит, ее эмоции нестабильны. Она так молода и через многое прошла.

Как только Адди села в мою машину, она назвала мне два имени и попросила спасти одно из них с поля подсолнухов. Сестра Рио Катерина Санчес и ее грумер Лириан Берез.

Я не знаю, почему Адди попросила меня спасти сестру Рио, но ей было важно, чтобы я

это сделал. Катерина — пятнадцатилетняя девочка, порабощенная злой женщиной. Независимо от того, кто ее брат — и как сильно я хочу его убить — она не несет ответственности за грехи своего брата и нуждается в спасении.

Догнав Адди и устроив ее, я послал Майкла и еще одного из моих наемников позаботиться об этом. Если бы Адди не настаивала на том, что Катерина была на поле подсолнухов, ее поиски могли занять гораздо больше времени, но им удалось выследить ее за пару дней и вытащить оттуда. В отличие от Адди, они не прикладывали больших усилий, чтобы скрыть ее.

Сейчас она в одном из моих убежищ, лечится от обширной травмы.

— Ее брат все еще пытается спрятаться?

Джей смотрит на меня.

— Ты знаешь, что он есть. Он все еще в Аризоне.

Когда я киваю, он проводит большим пальцем через плечо и говорит: «Я собираюсь уйти. Дай ей знать, что я думаю о ней».

Он бросает еще один взгляд на гостиную, обводя взглядом каждый уголок и щель, как будто дух собирается стоять там и смотреть на него.

Я чувствую глаза на своей спине, но кто бы они ни были, они не дают о себе знать. Джей поворачивается и мягко закрывает за собой дверь, в то время как холодный ветерок касается моей шеи сзади.

Не обращая внимания на призрака, я поднимаюсь наверх, чтобы проверить свою девушку. Ее мать ушла всего час назад, и после таких визитов она обычно вздремнет.

Первая встреча с Сереной Рейли была... интересной. Адди никогда не рассказывала ей обо мне, чего я и ожидал, учитывая, что их отношения были в руинах задолго до того, как я появился. И несмотря на то, что я нашла ее дочь, ее паучьи чувства покалывают, и она чувствует, насколько я опасен.

Она не ошибается.

Приоткрыв дверь, я заглядываю внутрь и обнаруживаю, что Адди сидит, балансируя своим дневником на коленях и что-то строчит в нем, как будто не может выговорить слова достаточно быстро. Выстрел облегчения затопляет мой организм. Кажется, сегодня у нее хороший день — настолько хороший, насколько это вообще возможно.

Она не узнает меня, поэтому я прислоняюсь к дверному косяку, довольный тем, что наблюдаю, как она пишет. Балконные двери приоткрыты, впуская прохладный свежий воздух. Здесь холодно, но, похоже, она этого не замечает.

В последние несколько дней она стала чаще писать в этом журнале. Я не уверен, откуда это взялось, но это ее спасательный круг, и, кажется, он ей помогает. Доктор Мэйбелл рекомендует постоянно вести дневник и разговаривать с девушками, которых я спасаю. Лучше, чем сдерживать все эти эмоции и позволять им медленно разъедать их.

Еще через несколько минут она берет тюбик помады, слепо наносит ее на свои пухлые губы, затем чмокает дневник. Взглянув на меня, она захлопывает дневник, кладет его на тумбочку и берет салфетку, чтобы вытереть малиновое пятно со рта, и наконец встречается со мной взглядом.

— Я вижу, ты все еще жуткий, — сухо комментирует она, скомкав салфетку и бросив ее на стол рядом с собой.

Я улыбаюсь и медленно приближаюсь к ней. Она заметно напрягается, поэтому я сажусь на край кровати и даю ей пространство.

Я полностью за то, чтобы раздвинуть границы Адди, но это не то, чего я хочу. Несмотря на мои менее чем благородные методы обращения с ней в прошлом, последнее, что я хочу сделать, это усугубить ее травму. Она достаточно натерпелась; ей не нужен еще один корыстный мужчина, забирающий у нее то, что она не хочет отдавать.

Когда она снова будет готова принять меня, я не могу обещать, что не буду выталкивать ее за пределы ее зоны комфорта и работать над тем, чтобы пробудить ту ее часть, которую, я уверен, она чувствует потерянной.

Но это требует время и доверие.

А я очень терпеливый человек.

— Навсегда и всегда, детка, — бормочу я, лукаво улыбаясь ей. Мне кажется, что мое сердце разрывается, когда она слегка улыбается в ответ.

Этот маленький жест кажется, что она только что вручила мне весь гребаный мир в своих крошечных ладонях.

«Джей принесла тебе розы», — говорю я, протягивая ей букет. Ее рука обхватывает стебли и нюхает лепестки.

— Это было мило с его стороны. Я, наверное, должна встретиться с ним... Он твой друг, и он помог спасти нам обе жизни. Мне нужно поблагодарить его лично, — говорит она, виновато нахмутив брови.

Я вкратце рассказал ей, что произошло в ночь ритуала — как Джей понял, что Общество подставило меня, и пришел предупредить меня. Он был размещен в фургоне в квартале на случай, если что-то пойдет не так и нам нужно будет быстро сбежать, но к тому времени, как он добрался до меня, бомба уже взорвалась. Но я еще не сказал ей, что такое Общество, и, похоже, она не склонна в него вникать.

Я пожимаю плечами.

— Джей никуда не денется, и он понимает, что ты еще не готов к людям.

Она сухо фыркает.

— Люди-инг звучит утомительно. И говоря о изнуряющие задачи... Мне нужно в душ, — признается она, сморщив нос.

— От тебя воняет, — говорю я, и моя ухмылка становится шире, когда она бросает на меня свирепый взгляд.

Гораздо чаще я видел, как пробивается ее прежнее «я». Иногда это удар по тому, что я сказал, иногда это легкая улыбка, а затем бывают такие моменты, как сейчас, когда она выглядит так, будто хочет дать мне раз-два в мои глазные яблоки.

Я съедаю все это.

— Ты должен сказать, что я пахну цветами.

— Детка, там есть цветы, которые пахнут как прямая задница. Так точно, ты пахнешь этими цветами.

Некоторое время она смотрит на меня, а затем ее лицо искажается, а губы растягиваются в яркой ухмылке.

Блядь.

Я так влюблен в нее.

— Ладно, думаю, я все равно не могу с этим поспорить. — Она бросает взгляд на дверь, ведущую в ее личную ванную. — Там нет камер, верно?

Я выгибаю бровь, наслаждаясь тем, как приоткрываются ее губы.

— Я их не вынимал.

Она светится.

— Почему бы и нет?

Я удерживаю ее взгляд, гарантируя, что она поймет, насколько я серьезен.

— Я не собираюсь смотреть на тебя, Адди. Но как только ты дашь мне повод, я это сделаю.

Ее бровь опускается, улавливая мою мысль.

— Я не собираюсь причинять боль.

— Хорошо, — говорю я, поверив ей на слово. — Я сменю простыни и они будут свежими, когда ты закончишь.

Медленно, она вытаскивает себя из постели, и всплеск гордости неудержимый. Я подтягиваю угол шелковой простыни, когда она останавливается у двери, ведущей в ванную, и поглядывает на меня через плечо.

— Хей, Зейд?

— Да, детка?

— Спасибо.

* * *

— Твоя мама придет сюда завтра, просто чтобы напомнить тебе.

Прошло всего несколько дней с тех пор, как Серена приезжала в последний раз, но она изо всех сил пыталась восстановить связь со своей дочерью. Чему я на самом деле рад, несмотря на то, насколько утомительной она может быть.

Адди переворачивается ко мне лицом, еще раз беря немного буррито в своей постели. Сейчас она намерена чахнуть, но я планирую направить ее травму на более здоровые пути, когда она будет готова.

Ее сладкие карамельные лужицы смотрят на меня, ее лицо слегка хмурится.

Тени окрашивают нижнюю часть ее глаз, такие темные, что некоторые из ее веснушек теряются.

— А она должна?

Я пожимаю плечами.

— Нет. Скажи слово, и я запру двери.

Она опускает взгляд, но недостаточно быстро, чтобы скрыть вину.

— Это было грубо с моей стороны, — признается она. — Она все еще моя мама.

Я усаживаюсь поглубже рядом с ней, привалившись к каменной стене, стараясь не прикасаться к ней, хотя мое тело вибрирует от потребности.

Мы не соприкасались с тех пор, как я нашел ее в поезде, и каждая секунда ощущается как удар в грудь. Ссориться за Аделину Рейли — это чувство, с которым я давно знаком, но впервые отказываюсь действовать в соответствии с ним.

— Расскажи мне о ней, — говорю я. — Расскажи мне все о тебе.

Она поднимает бровь, и я улыбаюсь, потому что это мило.

— Ты хочешь сказать, что еще не все обо мне знаешь?

— Конечно, нет, детка. Не то, что имеет значение. Я могу знать, среднюю школу, которую ты закончила, или колледж, в котором ты учились до того, как бросила его, но это не значит, что я знаю, как вы были счастливы. Если тебе было одиноко или грустно. Или

если мальчик загнал тебя в угол в библиотеке и напугал. — Я делаю паузу, этот конкретный сценарий меня злит. — Если это случилось, мне просто нужно имя, вот и все.

Она фыркает, закатывая глаза.

Адди сопротивлялась разговору с подушками до того, как ее похитили, намереваясь ненавидеть меня.

И когда она перестала меня ненавидеть, мы провели вместе всего пару ночей. до того, как ее забрали.

Она еще глубже зарылась в простыни, глядя на меня сквозь густые ресницы.

Мое сердце болезненно сжимается, и я испытываю неконтролируемое желание поцеловать каждую одинокую веснушку что усеяли ее щеки и нос.

— Моя мама меня ненавидит, — начинает она. — Или, может быть, она не ненавидит меня, но она никогда не любила меня. Я думаю, это потому, что она никогда не понимала меня. моя мама всегда, чопорная, правильная и классная. Участвуйте в конкурсах красоты, выходите замуж за богатого человека, и жить щедро. Я думаю, она просто хотела, чтобы у меня была такая жизнь, как у нее, а когда я сделала наоборот, она обиделась на меня за это.

— По крайней мере, ты выйдешь замуж за богатого человека, — комментирую я, она смотрит на меня с сухим видом.

— Теперь я никогда не смогу выйти за тебя замуж. Цель моей жизни — разочаровать ее в каждое решение, которое я принимаю.

Я выгибаю бровь.

— Не недооценивай меня, Адди. Я стану бедняком для тебя.

Она качает головой.

— Я даже не знаю твоей фамилии. Или твой день рождения.

Я ухмыляюсь.

— Прости, я не знал, что эти вещи так важны.

Она смотрит на меня, вызывая в воображении всю дерзость других женщин вокруг и вставляет его в этот единый взгляд. Это только заставляет меня улыбаться шире.

— Разве у нас нет разговора по душам? Кроме того, ты продолжаешь угрожать мне свадьбой, Разве я не должна знать твою фамилию?

— Значит ли это, что ты серьезно отнесешься к моим угрозам и выходишь за меня?

Она вздыхает, вальсируя прямо в это. Она тоже это знает.

— Это простой вопрос. Вопрос, который любой задал бы на первом свидании. Или даже перед первым свиданием на тот случай, если мужчина окажется одержимым сталкером, который убивает людей.

Я откидываю голову назад, из моего горла вырывается глубокий смех.

— Мой день рождения 7 сентября, — говорю я ей.

— Меня не удивляет, что ты Дева. Далее, — нахально подсказывает она, ждёт моего следующего ответа. Я кусаю губу, испытывая искушение отшлепать ее по заднице и дать ей повод быть нахальной.

— Медоуз, детка. Наша фамилия Медоуз.

— Твоя. Не забегайте вперед. Ожидается, что вы будете просить милостыню.

Я не могу остановить дикую ухмылку, украшающую мои губы.

— Я люблю просить.

— Что угодно, гад. Мы говорили о моей маме, а не о браке.

Я устраиваюсь поудобнее, стою лицом к ней и подпираю голову рукой. Ей глаза

трепещут, когда я провожу пальцем под ее подбородком, требуя от нее полного внимания. Она осторожно отстраняется, но я не позволяю этому беспокоить меня. Это начало.

— Твоя мама не ненавидит тебя, Эдди. Она ненавидит себя. И она не обиделась на тебя, потому что ты живешь не так, как она хотела для себя, она злится на тебя, потому что ты жила так, как хотела, а она нет.

Она смотрит на меня, как будто обдумывая это.

— Лучшее, что ты можешь сделать, — это продолжать жить этой жизнью, мышонок. Продолжайте быть успешным автором, который любит фильмы ужасов и ярмарки с привидениями. Кто любит свою Нану и готический особняк, который она унаследовала, и находит острые ощущения от призраков, которые бродят по коридорам. Ты всегда была собой без извинений.

Она морщит нос, как будто ей противно.

— Значит, ты тоже умный? — Она фыркает с отвращением, хотя в ее глазах мелькает слабый блеск. — Отвратительно. В чем ты плох?

Моя улыбка становится непристойной, наслаждаясь тем, как у Адди краснеют щеки.

— Я очень плох во многих вещах. И я слышал, что практика делает совершенным.

Она стонет и толкает меня, и я смеюсь, когда она поворачиваясь ко мне спиной. Мы оба знаем, что она тоже смеется, но она просто еще не готова признать это.

Это нормально. У меня нет ничего, кроме времени.

— У меня неловкий вопрос, — начинаю я и почти сразу же жалею, что вообще что-то сказала, когда Зейд лукаво улыбается мне. Он, наверное, думает, что я попрошу его сделать что-нибудь странное.

Это будет первый раз, когда я планирую покинуть собственность с тех пор, как я был дома, и я очень беспокоюсь. Прошло чуть больше недели с тех пор, как я говорил о маме с Зейдом, и мне стало... лучше. Достаточно вставать каждый день, принимать душ, гулять к скале, подышать свежим воздухом и просто... жить.

Я думаю, что достиг той точки, когда мне нужно снова почувствовать себя человеком, но в моей голове есть одна ноющая тревога, которая мешает мне чувствовать это.

«Можно... Не мог бы ты отвезти меня в клинику?»

Обычно я водила сама, но мысль о том, чтобы сесть за руль снова заставляет меня вспыхнуть в крапивнице. Моя машина попала в аварию, и хотя Зейд купил мне новую, я с трудом могу сесть в нее без приступа паники. Кроме того, на крыше отсутствует пятно от кетчупа, и я скучаю по этому пятну. Я до сих пор не помню, откуда он взялся, но я почти уверена, что это был улетевший картофель фри после того, как я слишком сильно врезался в лежащего полицейского.

Так или иначе, я решила, что Зейд, забрав меня, вызовет больше раздражения, но меньше паники.

Его лицо расслабляется, и я думаю, что он понимает, о чем я спрашиваю.

— Конечно, детка, — соглашается он, кивая на дверь. — Я буду в машине.

Он встает, затем останавливается и смотрит на меня. «И, кстати, ничего неловко между нами. Если тебе нужно, чтобы я выщипал волосы на твоей сочной попе, я это сделаю». Он пожимает плечами: «Или, знаешь, выдави вросшие волосы во влагалище».

Мой рот открывается, но глаза сужаются, и я скрещиваю руки на груди.

«Сколько дерьма ты видел, когда был маленьким слизняк?»

Его улыбка только расширяется в ответ, прежде чем он выходит за дверь.

Клянусь, я ненавижу его.

Но я благодарна, что он не задает вопросов. Как сказать, ему что, я хочу провериться на ЗППП, потому что во мне было много членов, и хотя бы один человек не чувствовал себя некомфортно? Не очень получается, как ни крути.

Я всегда буду благодарна Франческе за то, что она заставила Рокко и его друзей использовать презервативы, если не считать первого случая, когда Рокко напал на меня. Она сказала, что мы будем бесполезны, если они заразят нас болезнями. Но все равно это было бесполезно — они точно не использовали презервативы, когда заставляли нас заниматься оральным сексом. Я думаю, что Франческа почувствовала, что на ней лежит ответственность.

По словам Рио, задолго до моего приезда был случай, когда один из парней заразил всех девушек сифилисом. С тех пор Франческа усердно следила за тем, чтобы их проверяли, если они хотели участвовать в наших «уроках», но я бы не доверила никому из них, чтобы они действительно содержали свои члены в чистоте.

Ксавье тоже пользовался презервативами, но был один случай, когда презерватив

порвался. Я кусаю губу, вспыхивая тревогой при одной мысли о том ничтожном шансе, что я все равно забеременела, несмотря на то, что у меня есть ВМС. Это маловероятно, но не невозможно.

Мое сердце замирает, когда я представляю, какое отвращение было на лице Зейда, когда я узнала, что беременна ребенком от другого мужчины.

Я уже знаю его достаточно хорошо, чтобы быть уверенной, что на самом деле он не посмотрел бы на меня так, но этот образ все равно изводит меня.

Я бы не стал его винить, если бы он это сделал. Это отвращение я чувствую каждый раз, когда смотреть в зеркало. Вот почему я стремлюсь избегать этого любой ценой.

Я делаю тест на беременность, и если мне не повезет, я брошусь со здания в следующий раз.

* * *

Я была вне дома в общей сложности два часа и сорок семь минут, и я чертовски устала. Меня все еще пронизывает тревога, меня тошнит от мысли, что я настолько грязна, насколько себя чувствую.

«Ты выглядишь так, будто тебе нужно мороженое», — объявляет Зейд, кладя ладонь на руль и поворачивая налево. Жарко. Смотреть, как Зейд водит машину, — это прелюдия.

Хуже того, сегодня на нем кожаная куртка поверх худи, а я до сих пор не могу оторвать язык от нёба.

Я моргаю, потеря крови вызывает у меня легкое головокружение. Я сказал доктору проверить меня на все ЗППП, известные человеку, особенно на герпес, поскольку он один из самых страшных и в основном молчаливых, — и я сбился со счета, сколько пробирок с кровью она взяла. Она почти все время смотрела на штрих-код на моем запястье, а после того, как марля остановила кровотечение, прилепила пластырь с улыбающимися лицами мне на руку. Я смеялась, а потом плакала, когда тест на беременность оказался отрицательным.

«Мороженое?» — тупо повторяю я.

«Тебе нравится мороженное?»

— Я... ну, да, — запинаясь я, мой мозг медленно улавливает случайность.

«Какой твой любимый вкус?»

— Мятный шоколад, — отвечаю я, наблюдая, как он делает еще один поворот. Он направляется в противоположном направлении от Парсонса, и я думаю, что он стремится в Lick n' Crunch в нескольких кварталах — семейный магазин, в котором продается лучшее мягкое мороженое в Сиэтле. Мысль о том, чтобы получить мороженое с Зейдом, настолько нормальна и обыденна, что кажется самой захватывающей вещью после нарезанного хлеба. И смотреть, как Зейд облизывает рожок мороженого, наверное, будет так же странно, как будет жарко.

— Так зубная паста?

Я вздыхаю. «Эт ты, Брут? Это не зубная паста. Они не похожи на вкус».

Ухмылка появляется на одном уголке рта Зейда, и его глаза блестят, когда он въезжает на парковку. Ублюдок просто пытается вывести меня из себя.

«Это зубная паста», — подтверждает он, хотя я не уверен, верит ли он в это на самом деле. Он выглядит чертовски озорным, но я все равно не могу не возразить.

Я расстегиваюсь и поворачиваюсь к нему, мои глаза сужаются.

— Мята — это деликатес, а ты просто простак, не способный ее оценить.

Он откровенно смеется, ставя машину на стоянку. Мята точно не деликатность — как раз наоборот, — но я ее придерживаюсь.

«Вы хотите сказать, что мне нужно усовершенствовать свою пищевую палитру?»

— Понятно, — сухо отвечаю я.

Он наклоняется ближе, кожа стонет под его тяжестью, и у меня перехватывает дыхание, все мои чувства захвачены чистой силой, которая окутывает этого мужчину. Его запах окутывает меня, заставляя напрягаться, когда его губы едва касаются моей челюсти.

«Твоя киска — деликатес, детка, и я мог бы есть ее вечно, и никогда не устану от твоего вкуса. Это достаточно утонченно?»

Румянец заливает мою шею, прожигая путь к щекам, а я в шоке открываю рот. Меня совершенно смущает предательский писк, который вырывается из моего горла, отчего мои щеки становятся еще жарче. Он хихикает, затем в следующее мгновение выходит из машины. Я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, где мое сердце выпрыгнуло из задницы.

Наверняка это единственное объяснение того, почему я чувствую себя такой опустошенной теперь, когда его нет. Или мудака взял его с собой.

Я вздыхаю.

Это определенно то, что произошло.

* * *

Приближается переход на летнее время, избавляя мир от его депрессивного состояния.

Что-то в том, что солнце садится до пяти часов дня, действительно омрачает ваш день.

На улице еще холодно, а мы сидим на скамейке возле Lick n' Хруст, наблюдая за людьми и дрожа от задницы, пока я медленно ем свой десерт.

Зейд взял себе мятный рожок с шоколадной крошкой и улыбнулся шире, чем чертов Чеширский Кот, когда я просто смотрел на него.

— Весь мой мир вращается вокруг тебя. Если ты хочешь шоколадную стружку с мятой, то я тоже хочу, — сказал он.

— Тебе это даже нравится?

— Ты мне нравишься, это считается?

— Нет.

Он просто пошел и сел с довольным выражением лица, пока он лакал сладкие сливки. Он не выглядит отвращенным, и я признаю, что потратила половину своего времени, пытаюсь понять, шутит ли он со мной или ему действительно нравится вкус.

Я до сих пор этого не понял.

Стреляя в него прищуренным взглядом, когда он ловит мой взгляд и подмигивает, я отворачиваюсь прежде, чем он успеет увидеть улыбку, угрожающую искривить мои губы.

Люди, закутанные в пальто, снуют по улицам, в магазины и из магазинов.

Мое внимание привлекает человек, идущий по дороге. У них есть мужские черты лица и одеты в большое пышное фиолетовое платье. Тогда я улыбаюсь. Моя мать воротила бы нос от чудаков в Сиэтле, но я всегда восхищался их уверенностью и умением чувствовать себя комфортно с теми, кто они есть.

— Надеюсь, они счастливы, — бормочу я. Когда Зейд с любопытством смотрит на меня, я киваю в сторону человека в фиолетовом платье. — Этот мир может быть таким жестоким. Так что, надеюсь, они счастливы.

Зейд ненадолго замолкает.

— Счастье мимолетно. Важно лишь то, что они живут так, как хотят.

— Ты в это веришь? — спрашиваю я, глядя на него. — Что счастье мимолетно?

Он пожимает плечами, бросая последний кусочек своего рожка в рот, и жует, обдумывая что-то.

— Абсолютно, — наконец говорит он. — Это не что-то твердое, за что можно удержаться. Это пар на ветру, и все, что вы можете сделать, это вдохнуть его, когда он рядом, и надеяться, что он снова появится, когда его унесет.

Я киваю, соглашаясь с этим.

Дрожа, я съедаю последний рожок, ледяной ветер треплет мои волосы, отправляя волосы в танец. Зейд ловит их и собирает мои волосы, пока они не ложатся прямо мне на спину. Я не могу не напрягаться, хотя и не мешаю ему, что бы он ни делал. Он снимает свою кожаную куртку и наматывает ее на меня, укрывая мои развевающиеся волосы под тяжелым теплом.

— Спасибо, — шепчу я, еще глубже закутываясь в куртку, переполненная эмоциями по причине, которую не могу объяснить. Его куртка пахнет кожей, специями и дымом, и когда я вдыхаю его успокаивающий аромат, слезы обжигают мои глаза.

Может быть, потому что это лучшее, что я чувствовал за последнее время, и от этого мне хочется плакать.

Он мягко улыбается мне, его несоответствующие глаза сияют. Даже шрам разрезавший его белого глаза не может отвлечь от того, насколько умиротворенным он выглядит сейчас.

— Пожалуйста, детка.

Мое сердце колотится, и я, наконец, понимаю, почему чувствую себя так эмоционально.

Повернувшись, чтобы посмотреть на город, я кладу голову ему на плечо и глубоко вдыхаю.

Это счастье может быть мимолетным, но я никогда не была уверена, что оно вернется

— Могу я отвести тебя куда-нибудь? — спрашивает Зейд. Я только что вышла из душа, проводя расческой по мокрым спутанным волосам. Я рву щетину через особенно жестокий узел, не заботясь о том, как рвутся пряди.

— Малыш, ты портишь себе волосы. Позвольте мне почистить его.

Чувствуя себя побежденной, я опускаю плечи, тащусь к нему и сажусь на пол между его расставленными коленями.

Он берет у меня кисть и осторожно начинает проводить ею по моим локонам, медленно распутывая швабру на моей голове.

Это приятно, но я слишком устала, чтобы оценить это.

Прошло еще две недели, и это постоянная битва вверх и вниз.

Оказывается, один из мужчин действительно заразил меня хламидиозом, и это только закрепило это ощущение грязи, глубоко укоренившееся в моих костях.

Я плакала, призналась Зейду в своем диагнозе, а потом плакала еще сильнее, когда он только поддерживал меня. Его вылечили, но затянувшееся отвращение осталось, глубоко вонзая свои когти в мою мембрану.

Вероятно, он использовал каждое слово английского языка, чтобы уверить меня, что Я не отвратительна или что он не видит меня по-другому, но это не изменило моего отношения к себе.

Зейд был прав. Счастье мимолетно, однако за последние недели он сделал все, что в его силах, чтобы помочь мне сохранить хоть какое-то подобие покоя.

Закончив расчесывать меня, он ставит расчёску на кровать и собирает мои волосы вместе. Я чуть не задыхаюсь, когда он начинает их заплетать.

— Где, черт возьми, ты этому научился? Я спрашиваю. Я склонна крутить вокруг, как собака, гоняющаяся за своим хвостом, просто чтобы я мог наблюдать это.

— Меня научила Руби, — тихо отвечает он. — Была девушка, которую я спас несколько лет назад, и сначала она никому не позволяла прикасаться к себе, кроме меня. Она любила заплетать косички в волосы, поэтому я научилась их плести для нее. У меня тоже чертовски хорошо получается.

Моя губа дрожит, и я вынуждена сосать ее зубами, чтобы сдержать всхлип.

Как раз тогда, когда я думаю, что не могу влюбиться в него больше, чем уже есть, он идет и делает это дерьмо. Нельзя отрицать, что однажды он станет отличным отцом, и хотя эта мысль пугает меня, я не хочу, чтобы кто-то еще, кроме меня, имел честь видеть, как это происходит.

— О, — шепчу я.

— Позвольте мне взглянуть на твою резинку, — говорит он. Я поднимаю руку, и он стаскивает ее с моей руки и завязывает косу.

— Спасибо, — бормочу я, вставая и поворачиваясь к нему лицом. Я нахожусь в странной внутренней войне, когда хочу забраться к нему на колени, но мысль о том, чтобы сделать это на самом деле, заставляет меня покрыться сыпью. — Куда ты хотел меня отвезти?

— Я хочу показать тебе кое-что — кое-кого тоже. Но я подумал, может быть увидеть

это... поможет тебе.

Мои брови хмурятся, но я киваю, интересуясь, что, по его мнению, могло бы мне помочь. Что касается меня, то я пропащая без вести. Безданежная. Беспомощная. И все синонимы к этим словам тоже.

Во время сорокапятиминутной поездки Зейд рассказывает мне все о том, как он отстранен от учебы в средней школе и почти не окончил ее. Это был выпускной розыгрыш — он засыпал всю школу блестками, и им пришлось провести остаток года в окружении розовых блесток.

На днях мне придется заставить его показать мне фотографии себя в молодости. Он говорит, что у него всегда была гетерохромия, и я могу только представить, как это нравилось дамам.

В конце концов, мы подъезжаем к массивным воротам с несколькими вооруженными охранниками. стоя вне. Как только они замечают машину Зейда, они без раздумий пропускают его. Мы едем по длинной грунтовой дороге, которая ведет к тому, что кажется маленькой деревней. В центре есть массивное длинное здание с несколькими меньшими вокруг него.

Есть также огромная оранжерея, где происходит большая часть деятельности. Люди слоняются, несут корзины с фруктами и овощами. Группа девушек идет вместе, хихикая и перешептываясь друг с другом, направляясь к одному из небольших зданий. Все они дети или женщины, которых я вижу.

«Где мы?»

«Вот куда уходят выжившие, если у них нет безопасного дома, куда можно вернуться».

Мой взгляд останавливается на нем, затем быстро возвращается к моему окружению, воспринимая все с совершенно новой точки зрения.

— Действительно? Сколько здесь?

— Сто тридцать два выживших, — отвечает он, и тот факт, что он знает точное число, делает странное дерьмо в моем сердце. Черт, на что я не соглашался.

— На сколько человек у вас есть комната?

Он небрежно пожимает плечами, паркуясь возле самого большого из зданий. «Столько, сколько мне нужно. У меня сотни акров земли, так что если мне нужно построить еще одно общежитие, Я делаю».

Я моргаю.

— Ты и в самом деле чертовски богат, не так ли?

— Конечно, но это возвращается в мою организацию.

Открыв рот в благоговении, я осматриваю местность, охваченная тем, как... мирно это появляется.

— Это единственные убежища, которые у вас есть?

— Нет, они по всей стране. Со временем Z расширится до других стран, и я тоже начну строить там и предложу безопасное место для выживших.

— Как ты скрываешь это от Клэр?

— Я прошел через многое, чтобы сделать невозможным отслеживание моих активов. Все находится под псевдонимом и никак не связано со мной.

Там также невероятный уровень безопасности, и это бесполетная зона для самолетов. Это самое безопасное место, где только можно быть, я убедилась в этом.

Я качаю головой, не находя слов. Я помню, как он говорил раньше, что предлагает дом

тем, у кого его нет, но это только подтверждает, насколько невероятен Зейд на самом деле. Помимо своих психотических наклонностей, он делает то, чего никто раньше не делал.

— Давай, детка. Есть пара человек, с которыми я хочу, чтобы ты познакомилась.

Я хмурюсь, не зная, кто бы это мог быть, но следую за ним из машины.

Когда мы идем по тропинке, мы видим, что Руби направляется к нам, группа детей бежит за ней, хихикая, пытаюсь не отставать. Когда она замечает нас, она взволнованно кричит, ускоряя шаги.

— Боже мой, Адди, детка, ты выглядишь так красиво! — она громко воркует.

Она сразу же заключает меня в теплые объятия, когда оказывается достаточно близко, и на мгновение я слишком ошеломлена, чтобы среагировать. В конце концов, я обнимаю ее и, к своему смущению, чуть не плачу.

Она отстраняется, снова напевая надо мной.

— Ты приедешь сюда, чтобы остаться, милая?

— О нет, он просто показывал мне это место, — отвечаю я.

— Что ж, придется приходить чаще. Эти маленькие детишки хороши для души.

Я улыбаюсь, глядя вниз на трех маленьких девочек и одного мальчика, стоящих в кругу и болтающих друг с другом. Думаю, я ей верю. Они очаровательны, и я понимаю, что такое место может быть утешительным.

— Я думаю, что буду, — мягко говорю я.

После этого Руби пропускает нас, и Зейд ведет меня внутрь оранжереи.

Я делаю паузу, перехватывая дыхание, когда все понимаю.

Туман держится в воздухе, покрывая растения росой, а яркие всплески цвета разбивают бесконечную зелень.

Его можно описать только как замкнутые джунгли без диких животных.

Хотя я почти отказываюсь от этого утверждения, когда мимо меня проносятся два маленьких мальчика, дико смеясь с огромными репами в своих маленьких кулачках. За ними гонится женщина, умоляя их прекратить бежать.

Зейд хватается за руку и ведет туда, где две молодые женщины копают землю, сажая семена.

— Катерина Санчес, — тихо окликает Зейд, и мое сердце замирает, когда голова одной из девушек поворачивается в сторону, знакомое лицо смотрит на меня, хоть и женственное и моложе, а один глаз навсегда закрыт.

— Боже мой, — шепчу я, парализованная, когда брови девушки нахмуриваются, смущенная тем, кто мы такие.

— Ага? — осторожно говорит она.

Зейд усмехается.

— Меня зовут Зейд. У меня еще не было возможности представиться, но я... — он резко замолкает, когда девушка срывает с себя перчатки, а затем начинает почти обнимать его. Удивленный, он быстро приходит в себя и обнимает ее своими длинными руками, нежно похлопывая по спине.

— Ты ответственен за то, чтобы вытащить меня, — говорит она ему в грудь, ее слова приглушены. — Спасибо.

Он усмехается.

— Я думаю, ты должен благодарить женщину, стоящую позади тебя. Это она сказала мне помочь тебе.

Не долго думая, девушка поворачивается ко мне и заключает меня в объятия, сжимая крепче, чем я ожидала. Как я ни стараюсь сдержать слезы, не могу.

Они вырываются, и я всхлипываю, когда я крепко обнимаю ее.

— Это был Рио? — тихо спрашивает она, ее голос дрожит от собственных слез.

— Да, — хриплю я. Она отстраняется достаточно, чтобы хорошо рассмотреть мое лицо, ее темно-карие глаза скользят по моим чертам.

— Откуда ты его знаешь?

Я смотрю на Заде, но, похоже, разговор его не беспокоит, хотя он и хочет убить ее брата.

— Он... он был в доме, где я была, когда меня похитили, — я очищаю свой горло. — Он позаботился обо мне и помог выбраться.

Ее губы дрожат.

— Он не очень хороший человек, — говорит она, и я так удивлена, я смеюсь. — Но он плохой человек, потому что он такой замечательный брат. Он многим пожертвовал ради меня.

Я киваю, вытирая щеки, хотя это бесполезно, когда выскальзывает еще несколько слезинок.

— Я не думаю, что люди бывают черными и белыми, Катерина, но я знаю, что он любит тебя.

Она улыбается и кивает, легко принимая это.

— Мне забрали глаз, потому что он пытался сбежать от Франчески. Мне было десять лет, за год до этого умерли наши родители, и он оказался в ловушке с этой злой женщиной. Он так и не простил себя, и хотя с тех пор я его не видел, я знаю, что он сделал все, о чем его просили, чтобы мне не было больно.

— А ты? — Я спрашиваю. — Ты снова пострадала?

Она качает головой, но в ее глазах крутится тьма.

— Лилиан была не очень милой, но она больше не причиняла мне боль. — Что-то подсказывает мне, что хотя она больше не пострадала, другие девушки пострадали.

Она была заперта в этом доме по меньшей мере пять лет — я могу только представить ужасы, свидетелем которых она стала.

— Катерина, могу я спросить, почему им так нужен был Рио? Достаточно, чтобы использовать вас в качестве залога?

Я задавался этим вопросом с тех пор, как Рио рассказал мне о ней. Почему дойдут ли они до того, чтобы держать его сестру над головой только для того, чтобы он работал на них?

Они могли бы найти множество людей, готовых выполнять их приказы, если бы предложили нужную сумму.

Она глотает.

— Я думаю... я думаю, что он был... фаворитом Франчески.

Я хмурюсь, не совсем понимая, что она имеет в виду.

— Как любимый охранник или...

Она качает головой, сжимая губы.

— Я слышала, как Лилиан говорила противные вещи о них. О том, как сильно Франческа нравится, как Рио... ухаживает за ней.

Мой рот открывается, озарение приходит.

«Ой».

Затем мои глаза расширяются, и меня осенило еще одно осознание.

«Ой».

Франческа чертовски Рио. Но мне кажется, что это было не взаимно. Она насильовала его, несмотря на его уступчивость, и похоже, что она была к нему очень привязана.

Мой взгляд скользит к Зейду, выражение его лица напряженное. Непреодолимая печаль пронзает меня, еще больше запутывая мои чувства к Рио. В некотором смысле, он стал моим другом, пока я был заперт в этом доме. И более двух месяцев меня заставляли делать что-то против моей воли, так и не осознавая, Франческа приказывала ему сделать то же самое.

Часть меня все еще цепляется за эту ненависть, но она слабеет.

Он похитил меня. Безжалостно скормил меня волкам и стоял в стороне, пока безликие мужчины неоднократно ломали меня. Тем не менее, он собрал осколки позже.

Собрал их в руках и отнес в мою комнату, где тщательно соединил их вместе — как бы дергано это ни было.

Я хочу ненавидеть его. Но я не знаю, что я делаю.

— Спасибо, что сказала мне это, — тихо говорю я.

Ее нижняя губа дрожит.

— Я знаю, что потеряла глаз, но я думаю, что Рио потерял гораздо больше, чем я. Надеюсь, с ним все в порядке и он в безопасности, где бы он ни был.

Я смагиваю свежие слезы и киваю.

— Я тоже.

Мы позволили Катерине вернуться к своему саду, пообещав, что я приеду снова.

Чувствуя мое внутреннее смятение, Заде молчит, ведя меня в другую часть святилища. Две девушки ухаживают за загонами для кур, выщипывая из-под них яйца.

Я задыхаюсь, останавливаясь, когда один из них оборачивается, и хорошо разглядываю ее черты.

— Джиллиан, — выдыхаю я. Она оборачивается на свое имя, и ее глаза вылезают из орбит.

«Боже мой», — говорит она, ее акцент усиливается от шока. Тогда она торопливо ставит корзину с яйцами и бросается ко мне.

Мы встречаемся посередине, наши руки мгновенно обвивают друг друга в яростном объятии.

Из-за игр разума Франчески мы едва могли смотреть друг на друга, когда она и Глория были проданы. Но все это сразу же истекает кровью, когда мы свободны.

Мое зрение расплывается, и когда мы отъезжаем, я вижу, как в ее глазах тоже блестят слезы.

— Как дела? — Я выдыхаю и хихикаю, когда ее нос морщится.

— Насколько я хороша, это мало что говорит, — отвечает она.

Я киваю:

— То же самое. Это похоже на медленную смерть.

Ее губы скривились, и она пожала плечами, пытаясь сохранить небрежность.

— Я тоже это чувствую. Однако я встречалась с доктором Мэйбелл. И все это, — она вертит пальцем, указывая на эту ферму, — тоже очень помогло. Находясь в окружении других людей с похожим опытом и имея что-то, чем я могу быть занят, я не двигаюсь по спирали. Раньше я была на улице, и часть меня не хотела, чтобы меня спасали, потому что

мне придется вернуться к этому. Итак, это... это действительно спасло меня.

Она смотрит на Зейда, явно смущенная своим признанием, но вместо того, чтобы спрятаться, только выпрямляет спину. Делиться чувствами... тяжело.

— Рада помочь, — просто говорит Заде, его лицо гладкое, но глаза блестят от тепла.

Он хладнокровный убийца, но легко тает под полным надежды взглядом выжившего. Это влияет на него так же сильно, как и на меня, потому что, когда ты в ловушке и напуган, надежда — это первое, что ты теряешь, и самое разрушительное. Итак, получить его обратно... это один из лучших подарков, о которых мы могли просить.

У меня дрожит губа, и я не могу решить, хочу ли я снова обнять ее или повернуться и шлепнуть большим прямо в губы Зейда. Я невероятно рада за Джиллиан, и мне кажется, что некоторые трещины в моей душе немного затянулись.

Мы находим местечко у одного из загонов и болтаем целый час, пока Заде помогает другой девочке с цыплятами, оставив нас одних. Она рассказывает мне немного о своей жизни до того, как ее похитили, а я рассказываю ей о своей. Она заставила меня пообещать принести ей подписанный экземпляр одной из моих книг, и это, честно говоря, разорвало мне сердце так же, как и исцелило. Я скучаю по писательству, но я знаю, что еще не готов к этому.

В конце концов, мы оставляем Джиллиан заниматься своими делами, а Зейд показывает мне остальную часть маленькой деревни. Есть классы для детей, мастерские для детей старшего возраста и множество мероприятий, чтобы дать им всем возможность работать. Взрослых также учат навыкам и профессиям, которые позволяют им получить работу, наряду с обучением жизненным навыкам и предоставлением им необходимых инструментов для обеспечения себя.

Конечно, никто не обязан уходить, но меньше всего Зейд хочет лишиться людей независимости, поэтому те, кто хочет выйти познать мир и вести нормальную жизнь, могут это сделать.

Есть даже конюшня с лошадьми, предлагающая иппотерапию для выживших.

Моя память немного нечеткая с тех пор, как я впервые пришла домой, но я никогда не забывала ее теплоту. Несколько раз она посетила, она помогла больше, чем я думала. И когда-нибудь в ближайшее время я планирую видеться с ней снова и более регулярно.

Мы часами играем с детьми и разговариваем с другими выжившими. Я даже встретила Сару, маленькую девочку, которая до сих пор очень настаивает на том, чтобы Зейд стал ее папой. Его глаза были теплым липким месивом, когда они смотрели на меня, в то время как Сара прыгала на нем, и на одну безумную секунду я чуть не сказал «да» прямо здесь и сейчас.

Однажды он станет отличным отцом, но этот день не сегодня. Не тогда, когда я все еще учусь собирать осколки, не порезав себя.

Когда я возвращаюсь в машину, меня переполняют эмоции. От возможности увидеть, что построил Зейд и как это чертовски красиво, до встречи с Джиллиан и услышанного о Рио — я чертовски запугалась.

— Ты все еще хочешь убить его? — спрашиваю я, не утруждая себя разъяснениями. Он знает, о ком я говорю.

— Да, — признается он.

— Даже после того, как встретил его сестру и услышал, что он тоже страдает?

Он молчит.

— Страдания одного человека не оправдывают боли, которую он причиняет другим.

— Ты прав, но у него тоже не было выбора, — возражаю я.

Зейд стискивает челюсти, выруливает с парковки и едет по грунтовой дороге.

— Детка, на это нет хорошего ответа. Если ты хочешь, чтобы я простил его, этого никогда не случится. Он несет прямую ответственность за то, что чуть не убил тебя в автокатастрофе, похитил тебя и привел в место, где тебя неоднократно насиловали и оскорбляли. Что ты хочешь, чтобы я, блядь, сказал? Он тоже жертва, и все ему прощено?

Я захопываю рот. Точно так же, как люди не бывают черными и белыми, так же как и наши эмоции по отношению к ним. Рио причинил мне много боли, и независимо от того, с кем я познакомилась в этом доме, Зейд не испытал этого. Он не знал Рио так, как я, и единственное, что он когда-либо увидит, — это человека, который помог разрушить мою жизнь. Я не могу винить его за это. Особенно, когда думаю что я бы тоже была так снисходительна, если бы роли поменялись местами.

— Прости, — говорю я.

Он вздыхает. — Тебе не о чем жалеть, мышонок.

Ворота снова открываются для нас, и он выезжает на дорогу.

— Можешь отвести меня еще в одно место? Я спрашиваю.

— Куда угодно, — отвечает он.

Я поднимаю руку, показывая ему штрихкод Рио, вытатуированный на моем запястье.

— Я хочу сделать татуировку.

Он улыбается.

— Моего имени?

Я фыркаю.

— Продолжай мечтать, приятель.

Глава 26

Бриллиант

Ты так красиво истекаешь кровью, бриллиант. Как будто твое тело должно было быть изрезано моим ножом.

Я опустил дрожащую руку, все еще сжимая нож, пока костяшки пальцев не побелели. Может быть, мне не нужно делать этот салат.

Черт, я знаю, что это так больно, не так ли, бриллиант? Посмотрите на всю эту кровь.

Моим любимым цветом всегда был красный, и, Боже мой, как красиво ты выглядишь в нем.

Рука касается моего плеча, и все эти воспоминания оживают. За моей спиной стоит Ксавьер, готовый снова взять меня. И я не могу этого допустить. Я этого не переживу.

«Нет!» Я кричу, развернувшись и посылая нож прямо к его лицу. Ему нравится вид собственной крови? Я покажу ему, как великолепно это выглядит и на нем.

Рука смыкается вокруг моего запястья, останавливая мой прогресс, но трахни его. Он не собирается меня останавливать — не в этот раз.

«Маленький мышонок», — шепчет он, и это сбивает с толку мой мозг. Достаточно для Лицо Ксавьера исчезает, но появляется Зейд.

Сердце колотится, зрение затуманено слезами, моя рука распахивается, нож громко стучит по плитке.

Бля, я чуть не ударила Зейда в лицо. Глаза расширились от шока, единственное, на что я способна, — это смотреть, не уверена, что Зейд тоже призрак.

Он внимательно изучает меня, лицо тщательно пустое, когда он опускает мою руку.

«Осторожно, мышонок, это мой самый сильный актив».

Моргая, я наконец выдавливаю: «Никогда не говори об этом моей матери».

Брови Заде хмурятся, рот открывается, затем закрывается, прежде чем, наконец, остановился на «Что?» Я высвобождаю запястье из его хватки, моя кровь вскипает от оставшегося адреналина, а теперь и от смущения.

— То, что только что произошло, было совершенно драматичным, и если она когда-нибудь узнает, что я такая же, как она, я умру.

Он моргает, веселье просачивается в его глаза инь-янь.

— Ты умрешь, да?

Я резко киваю.

— В абсолютной нищете.

Его рот изгибается.

— Тогда я бы об этом и не мечтал.

Фыркнув, я еще раз киваю, расправляю рубашку исключительно для того, чтобы занять руки чем-то другим, кроме как колоть людей, а потом поворачиваюсь, открываю ящик и достаю еще один нож.

«Хороший».

Он молчит.

— Вы хотите поговорить о покушении на убийство, которое только что произошло?

— Не совсем, — отвечаю я, отрезая еще один кусочек морковки.

— Но я делаю.

Я вздыхаю, кладу нож и снова поворачиваюсь к нему лицом.

— Зейд, я думаю, что лучше буду говорить о том, как моя мать пыталась убедить меня, что пояса верности были последней модой, когда мне было четырнадцать, чем говорить о попытке ударить тебя ножом.

Еще одна пауза.

— Хорошо, здесь нужно многое распаковать, и я не знаю, с чего начать.

— Точно, ты можешь ей поверить? Я сказал ей, что пояс целомудрия в электрическом забор, чтобы мне не пришлось страдать от этого.

Он выгибает бровь, борясь с улыбкой.

— Да, детка, совсем не драматично.

Я стреляю в него забавным взглядом.

— Ты здесь. Почему ты здесь? Тебе что-то нужно?

— Только ты, мышонок.

Черт. Почему он должен говорить все правильные вещи? Он тоже точно знает, что делает, и как сильно я втайне наслаждаюсь этим.

Я сужаю глаза, и он продолжает, слегка скривив губы, когда говорит.

— Хотя я не боюсь Общества, в настоящее время мы занимаемся легкой добычей, и мне нужно кое-что уладить с Джеем. И мне нужно обсудить с тобой кое-что, начиная с того, кто поставил мишень тебе на голову.

— Клэр, верно? — Я спрашиваю. Удивление мелькает на его лице.

— Откуда ты знаешь?

— Она пришла ко мне в гости.

Его лицо превращается в чистый лист, но это мираж. Гнев бурлит под поверхностью, выплескиваясь сквозь его жесткий тон.

— Что она сказала?

— В значительной степени просто сука, зная, что она была большим человеком за экраном все это время. Она была там, потому что знала, что ты меня ищешь, и со мной будут обращаться по-другому, чтобы ты меня не нашел.

Он медленно кивает.

— Я не собираюсь торопить тебя, но в конце концов мне нужно будет знать, если ты видели что-нибудь...

— Я хочу помочь, — вмешалась я. Это не вызывает у меня беспокойства, как я думала.

Наоборот, это дает мне чувство облегчения.

Когда несколько дней назад он привел меня в святилище, во мне что-то изменилось. Видя, как все выжившие выздоравливают, работают над исцелением и видят, как они окутаны всевозможными парами счастья, что-то сдвинулось в моей груди.

Это заставило меня понять, что это то, что мне действительно нужно. Цель — работа над чем-то, что действительно сделало бы меня счастливой. И теперь я знаю, что это такое.

— Добавлять...

— Не говорите мне, что я не способна или не готова. У меня было чертовски много времени подумать. И я не хочу быть этой невыносимой жертвой, ясно? Я не хочу позволить им победить, и это более важно. Я хочу... нет, мне нужно помочь.

Он скрещивает руки.

— Хорошо. Как бы вы хотели помочь?

Я пожимаю плечами.

— Я расскажу вам все, что знаю. И если вы отправляетесь на миссии, я хочу пойти.

Его брови изгибаются, и его взгляд скользит по мне, прежде чем вернуться к моим глазам.

— Хорошо, — снова соглашается он. Я почти подозреваю, насколько он приятный. Я ожидала, что он запрет меня в моей пресловутой башне как Рапунцель.

Заметив выражение моего лица, он говорит:

— Я никогда не буду обращаться с тобой так, как будто ты беспомощна или неспособна. Я всегда знал, насколько ты сильна. Так что, если ты хочешь помочь, хорошо. Я более чем счастлив взять тебя с собой в поездку, детка, но это связано с оговорками.

— Какие условия? — спрашиваю я, настороженно.

— Мы снова начинаем тренироваться. Мы продолжим с того места, на котором остановились, и я научу тебя не только как защищаться, но и как бороться. Тебе нужно научиться правильно обращаться с оружием, и да поможет мне Бог, Аделина, ты не будешь делать глупостей, когда мы работаем в полевых условиях.

Мой рот открывается, оскорбленный его обвинением.

— С чего ты взял, что я сделаю какую-нибудь глупость?

Его бровь снова подскакивает ко лбу.

— Ты собираешься сказать мне, что спорить со своим преследователем посреди ночи не было глупо?

Мои зубы щелкают. Так что, возможно, он прав.

— Ты смелая. Невероятно храбрая и чертова выжившая, и это восхитительно, черт возьми. Ты не представляешь, как я горжусь тобой. Но ты также импульсивна и реактивна, и я отказываюсь потерять тебя снова, ты меня слышишь? я не буду. Это означает, что ты должна слушать меня, и ты не можете пойти и заняться своими делами, потому что ты думаешь, что помогаешь. Мы команда, детка. Понятно?

Я жую губу, обдумывая это. Если я чему-то и научился, так это тому, что я не в восторге от моей лиги, когда дело доходит до этого уголка мира.

— Я понимаю, — соглашаюсь я. — Я не собираюсь притворяться, что я большой плохой волк... пока.

Его ответная ухмылка предполагает, что он большой плохой волк, и, честно говоря, я должна согласиться.

Но я этого не признаю. Его голова взорвется, и тогда мне нужно будет воткнуть нож ему в лицо, чтобы лопнуть его непомерное эго.

— Целься в яремную вену, а не в ухо, детка, — терпеливо инструктирует Зейд. В любом случае, это действует мне на нервы, и я на волосок от того, чтобы вместо этого направить нож на него. — Поправь ноги... — Он осторожно отбрасывает одну из них назад. — Ты неуравновешена и неправильно держите нож.

С тех пор, как я начал тренироваться с Зейдом три недели назад, я стала лучше, но этого недостаточно. Этого никогда не происходит.

Передо мной желатиновый манекен с бесчисленными следами от ударов, большинство из которых далеко от того места, куда я должна была наносить удары.

В моей голове проносится вереница людей, представляющих каждого на месте манекена. По большей части это помогает, но потом я замираю, вспоминая безжизненное тело Сидни подо мной или ощущение ножа, перерезавшего горло Джерри.

Когти, погруженные в чувство вины, держат меня в удушающем захвате, и я все больше

разочаровываюсь в себе. С ним. Я не такой, как он. Я не могу просто убить кого-то и... смириться с этим.

Я резко разворачиваюсь, стреляя в него кинжалами глазами, а не руками.

— Ты так не извиняешься за то, что сделал. Для скольких человек ты убил. Как ты с этим справляешься?

— А почему бы и нет? — бросает он вызов, наклонив голову с веселой ухмылкой.

Я бы сказал, что он выглядит как милый щенок, но это было бы ложью. Он выглядит как злобный зверь, который слишком долго сидел взаперти и прожорлив. Для меня, в частности.

— Не знаю... мораль? Я говорю, как будто ответ очевиден. Потому что это так.

— Чувство вины? Угрызение совести?

— Те самые люди, которых ты хочешь убить, являются отцами-основателями общественной морали. Я убил их надежды на меня, а затем перерезал им глотки, чтобы показать им, что они никогда не будут меня контролировать. Они будут отвечать только за свои преступления, и я не против быть палачом. Если ты не хочешь этого делать, т...

Я взмахиваю рукой в воздухе, отсекая его.

— Не делай этого. Не дай мне выхода.

«Это не выход, это вариант. Я хочу, чтобы ты делала все, что в твоих силах, Адди. Если это означает оставаться дома, я поддерживаю тебя. Если это означает массовое убийство, я буду рядом с тобой, детка. Тебе до сих пор снятся кошмары о Сидни и Джерри, и ты тащишь в себе чувство вины за то, что защищаешь себя. Если ты не можете научиться принимать это, как ты согласишься отнять чью-то жизнь? Потому что поверьте мне, когда я говорю, что с этого момента это не будет самообороной».

«Я не знаю, как принять это, Заде. Я чувствую, что оправдываю убийство».

— Точно так же, как я «оправдал» твоё преследование? Он заключает это слово в кавычки, потому что мы оба знаем, что Зейд прекрасно понимал, что он делает, и насколько это неправильно.

— Вонзить пистолет в эту киску и заставить тебя кончить повсюду? Или все остальные разы, когда ты говорил мне «нет», и я все равно делал это? — он летит назад. Румянец на моих щеках усиливается, а лицо горит от воспоминания об этом дурацком пистолете. — Знал ли я, что это неправильно? Конечно. Но это явно не помешало мне это сделать. Тебе нужно выяснить свою мораль и то, с чем ты согласна жить. Не то, чему тебя учил, а то, что ты чувствуешь нутром.

— Значит, преследование и нападение на меня записано в твоей книге морали?

— Нет, — говорит он, его улыбка становится шире. «Я был одержим тобой с момент, когда я увидел тебя. Все те темные, извращенные эмоции, которые я испытывал, были самой грубой формой того, кто я есть. Я принял решение показать вам это вместо того, чтобы скрывать. Я никогда не утверждал, что я хороший человек, мышонок, и я решил, что с этим можно жить. Точно так же, как убить кучку педофилов и торговцев людьми».

«Я почти уверен, что люди, которых ты убивал, говорят себе то же самое, что и ты, чтобы помочь им уснуть по ночам», — сухо комментирую я.

— Я уверен, что знают, — легко соглашается он, делая шаг ко мне. У меня перехватывает дыхание, но я стою на своем, даже когда его голос греховно становится ниже: — И я уверен, что есть много тех, кто утверждает, что они хорошие и честные, и что они были бы готовы убить меня за мои преступления против тебя. Но в этом разница. Я никогда не делал таких заявлений.

Румянец заливает мое лицо, согревая щеки под его пристальным взглядом.

— По-твоему, так просто быть... плохим.

— У меня было много практики.

Он вызывает больше вопросов. Я закатываю глаза, мой пульс бьется беспорядочно, набравшись смелости, чтобы задать вопрос на кончике языка.

Я боюсь того, что может случиться, когда я это сделаю.

Я уже объяснял Зейду, что мне потребуется время, чтобы привыкнуть к некоторым вещам в нем. И теперь, когда я прошла через то что прошла... все эти старые чувства всплывают на поверхность. Не ненависть или желание уйти, а принятие и понимание его противоречий и искаженной морали.

— Так что же тебя тогда останавливает? — Я выбегаю. Склонив голову, он ждет. — От того, что трахал меня, — прямо говорю я. — «Ты раньше не останавливался. Что тебя останавливает сейчас?»

Он молчит несколько ударов.

— Потому что я не смог бы жить сам, — бормочет он, задумчиво глядя на меня. — На этот раз будет совсем другая реакция — ты это уже знаете».

Я скрещиваю руки, выпячивая бедро.

— Будет ли?

— Да, — твердо говорит он. — Если бы я прижал тебя к земле, ты бы сначала дралась со мной только для того, чтобы втереться своей киской мне в лицо, потому что я что-то пробудил в тебе? Или ты думаешь, что будешь драться так, как будто от этого зависит твоя жизнь, только для того, чтобы в конечном итоге мысленно избавиться от травмы?

Я сглатываю, правда на языке ощущается как грязь.

«Ты никогда не услышишь, чтобы я называл себя хорошим человеком. Или добрым. Или даже почетным. От этого во мне осталось очень мало, и правда в том, что этого никогда не было с самого начала. Я родился с почерневшей душой и добрыми намерениями. И есть разница между теми, кто беспричинно злит, и теми, кто совершает плохие поступки, надеясь, что из этого выйдет что-то хорошее. Я позволю тебе самой решить, кто я».

Он не ждет моего ответа — у меня отчетливое ощущение, что он хочет, чтобы я сначала подумал об этом.

Он делает шаг ко мне, и мои мышцы мгновенно напрягаются. Вот тогда я понимаю, что мне вообще не нужно об этом думать. Травма крепко держит меня, но я хочу, чтобы он держал меня крепче.

— Тебе тоже нужен простой ответ? — спрашивает он, его голос становится глубже, отчего мой пульс учащается. «Это потому, что я люблю тебя, Аделина Рейли. И я знаю, что ты любишь меня в ответ. Когда я буду внутри тебя, ты не будешь думать ни о чем другом, кроме как о том, как получить меня глубже. Единственный страх, который ты почувствуешь, — это страх, что Бог пошлет тебя на небеса слишком рано».

Мое сердце замирает и резко останавливается, прижимаясь к грудной клетке, полностью отказываясь от меня. Мои колени будут следующими, и это будет чертовски неловко.

Он ухмыляется, его взгляд становится хищным. «Это будет не единственный страх, который я вселю в тебя».

Медленно он начинает кружить надо мной, а я стою замерев. Его жар давит мне на спину, а его дыхание согревает мою шею. У меня срабатывают инстинкты борьбы или

бегства, и мой контроль над ними ослабевает.

— Ты всегда будешь маленькой мышкой, и я всегда буду охотиться на тебя. Большой который терпеливо ждет, пока ты будешь готова, чтобы я прикоснулся к тебе, но не заблуждайся, Аделина, мне все равно будет больно, когда я это сделаю.

От его зловещих слов меня пронизывает ледяной холод, более холодный, чем призраки, обитающие в этом поместье. Раньше меня это могло пугать. Более того, после того, как на меня охотились самые жестокие из людей, я должна была устать от этого.

И все же я не чувствую ничего, кроме легкого трепета и... комфорта. Каким-то образом Зейду удалось исказить нашу игру в кошки-мышки. Теперь я нахожу утешение в том, что он всегда найдет меня. И зная это... несмотря на то, что я еще не совсем готова к нему — мне хочется бежать.

Просто чтобы он мог поймать меня.

С напряжением, загрязняющим воздух, он хватается меня за руку, разворачивает нас и направляет нож на манекен.

«Перестань представлять себе всех людей, которых ты хочешь убить, и представь себе людей, которых ты убила. Воссоздайте ту ночь в своей голове. Повторяй это снова и снова, пока не почувствуешь освобождение от вонзания ножа в их шею».

Слишком много времени уходит на то, чтобы отвести голову от хищника, стоящего позади меня, но, в конце концов, мне это удается.

В тот момент, когда эта ночь воспроизводится в моей голове, мне хочется свернуться калачиком.

Вспоминая, как я вонзила эту ручку в тело Сидни, пока жизнь не угасла в ее глазах. Или полоснуть ножом по шее Джерри и смотреть, как его глаза вылезают из орбит.

Я защищала себя. Тем не менее, я до сих пор несу их смерть на своих плечах, как если бы они были невиновны.

Следующий час я продолжаю бороться. Я расстраиваюсь из-за себя и разбираю себя на части, чтобы понять, почему я чувствую себя виноватой, особенно из-за Сидни. Это потому, что она тоже была жертвой? Она была вынуждена делать то же самое, что и я, подвергаясь жестокости секс-торговли, что в конечном итоге привело ее к психотическому срыву.

Снова и снова я прокручиваю его в голове, пока не щелкнет.

Сидни, возможно, была ненормальной, но она тоже была сломлена. Она заслужила мое сочувствие, но это не оправдывает ее действий. Это не дает ей права причинять боль другим людям. И это не значит, что я была не права, лишив ее жизни.

Хотя Джерри, Клэр, Ксавьер и все остальные, решившие, что я не более чем объект, не заслуживают от меня ничего большего, чем то, что они уже украли. Не мое сочувствие, раскаяние или вина. Это не было моим решением быть изнасилованной и жестокой, но я решила перерезать им глотки за это.

Когда я подхожу ко второму часу, прохождение движений с Зейдом становится естественным. Вонзание ножа в шею манекена ощущается именно так, как он и сказал. Освобождение.

Другие могут считать, что ни при каких обстоятельствах нельзя лишать жизни.

Мы не судьи. В какой-то момент я, возможно, даже поверила в это. Но тут я столкнулась лицом к лицу с истинным злом. Люди, которые вовсе не люди, а мерзкие твари, которые продолжают разрушать этот мир и все хорошее, что в нем населяет.

Теперь я понимаю, что решение смотреть в другую сторону и позволить Богу справиться

с этим — это чертова отговорка. Это позволяет злу продолжать жить, потому что они верят, что загробная жизнь страшнее.

Если так страшно, то зачем ждать, чтобы отправить их туда?

Теперь я понимаю, что это эгоистично. Они чертовски боятся заставить меня потворствовать убийству, даже если это спасает жизни невинных женщин и детей.

Разве это не делает их такими же злыми?

Осуждение тех, кто способен быть палачом, не делает их лучше. Это делает их совместимыми.

К третьему часу я тяжело дышу, по лицу и спине течет пот, и я чувствую прилив сил.

Когда я снова смотрю на Зейда, мне кажется, что я смотрю на него с другой стороны. Интересно, видит ли он меня по-другому, и сможет ли он отпустить то, кем я была раньше, и полюбит человека, которым я стала.

* * *

«Аделина, мне кажется, что этот дом оказывает давление на твое психическое здоровье», — мама. объявляет с окончательным видом, стряхивая воображаемую ворсинку с ее джинсов Calvin Klein. Я не очень часто вижу ее даже в чем-то другом, кроме платья, юбки или брючного костюма.

Я чувствую себя такой особенном.

«Почему ты это сказала?» — спрашиваю я монотонным и чертовски заинтересованным голосом.

Я качаюсь в кресле Джиджи, глядя на мрачный пейзаж. Сегодня гроза, и окна запотело от дождя. Я наклоняю голову, довольно уверенно.

Я вижу отпечаток руки на окне.

Помимо жуткой руки, сидение здесь вызывает чувство комфорта и ностальгии. Где другая версия меня смотрела бы в окно, моя тень скрывалась в темноте и наблюдала за мной. Где я ненавидела бы каждую секунду этого, но я боролась с фактом, не зная, ненавидела ли я это, потому что я был напугана, или я ненавидела это, потому что мне это нравилось.

«Дорогая, ты видела круги под глазами? Вы вряд ли можешь пропустить их. Они очень темные. И в твой день рождения, не меньше».

Это моя мама. Заботливая. Обеспокоенная. И, честно говоря, это чертовски утомительно. Она изо всех сил старалась... ну, не знаю, починить со мной что-нибудь или что-то в этом роде, с тех пор, как я вернулся домой. Конечно, мой отец не заинтересован в том, чтобы присоединиться к ее усилиям, но я не могу найти в себе силы заботиться.

Похищение ее дочери, должно быть, заставило ее осознать кое-что о состоянии наших отношений и о том, насколько они были в руинах.

Чья это вина, я уверена, что у нее была бы другая реакция в зависимости от ее настроения.

Но она старается. Поэтому справедливо, что я стараюсь не выгонять ее из дома. На мой день рождения. Я уже измотана, и, кажется, мои темные круги уже видны.

Зейд разбудил меня и увидев свою спальню, увитую розами, и великолепный черный нож с пурпурной тесьмой по всей ручке. Я лучше справляюсь с ними, но работа еще не завершена, и его подарок был свидетельством его веры в меня.

Потом Дайя захотела позавтракать, а теперь мама пришла, и я готова вздремнуть. Люди все еще утомительны.

«Консилер все исправит».

— Может быть, тебе стоит снова остаться со мной. Уйти от этого...язычника... — фыркаю я, а затем смеюсь. Что-то в том, что моя мать называет Зейда язычником, просто... ну, смешно. Верно, но смешно.

Мать пялится на меня так, будто я сказала ей, что побрею голову налысо и проживу остаток жизни в фургоне и куря кальян.

Звучит не так уж плохо, на самом деле. За исключением, может быть, облысевшей части.

Я кусаю губу, чтобы сдержать смех, и ухмыляюсь, а она только еще больше раздражается.

— Не понимаю, как смешно жить с преступником, — бормочет она отворачиваясь с обиженным выражением лица.

— А если я преступник? — Я спрашиваю.

Она вздыхает.

— Аделина, если он принудил тебя к чему-то...

Я закатываю глаза.

— Он меня ни к чему не принуждал, матушка, остынь. И у меня все хорошо. Действительно. Я пережила что-то травмирующее — очевидно — и спать мне не всегда легко.

Она ерзает на кожаном диване, собираясь сказать что-то еще, но я перебиваю ее.

— А мне здесь хорошо. В поместье Парсонс.

Ее рот закрывается, а накрашенные розовым губы хмурятся. Я вздыхаю, укол вины пронзает меня в груди.

— Мама, я ценю твою заботу, правда. Но мне потребуется время, чтобы перестроиться и вернуться к нормальной жизни. — Обычное произнесение этого слова похоже на проглатывание горсти ржавых гвоздей. Я никогда не буду нормальным. Я не думаю, что когда-либо была.

И если кто и мог это подтвердить, так это моя мать — женщина, которая большую часть жизни называла меня уродом.

На мгновение она замолкает, глядя на клетчатую плитку и теряясь в том, какой ураган просеивает ее череп и готов вырваться изо рта. Мне всегда казалось, что в ее голове бушуют бури, потому что ее слова всегда были чертовски разрушительными.

— Почему ты не рассказал мне о нем? — тихо спрашивает она. Она поднимает голову, чтобы посмотреть на меня, ее кристально-голубые глаза полны боли. Я не могу решить, усугубляет ли это зрелище чувство вины или злит меня.

— Потому что вы никогда не давали мне почувствовать себя в достаточной безопасности, чтобы рассказать тебе что-либо, — прямо отвечаю я.

Ее горло работает, глотая эту горькую пилюлю.

— Почему... почему ты должна была чувствовать себя в безопасности, чтобы рассказать мне о нем, Адди? — спрашивает она, ее скульптурные брови хмурятся. — Я имею в виду, если бы он был... нормальным, это не должно было иметь большого значения. Если бы он был кем-то, кого ты встретила в книжном магазине, или на одном из ваших мероприятий, или даже в продуктовом магазине. — Она делает паузу. — Зачем тебе нужно было

чувствовать себя в безопасности?

Я закатываю губы и поворачиваюсь к окну.

— Адди, он причинил тебе боль?

Моя шея чуть не сломается от того, как быстро я поворачиваюсь к ней.

— Нет, — говорю я строго, хотя это не совсем так.

Он сделал мне больно? Да, но не так, как она думает. Он никогда не тронет меня пальцем из-за гнева. Тип боли, которую доставляет Зейд, неортодоксален, и хотя какая-то часть меня всегда наслаждалась этим — это все еще причиняет боль.

Тем не менее, я жажду этого в любом случае.

— Почему?

Я вздыхаю, размышляя о том, сколько я должен сказать. Он убивает людей, чтобы заработать на жизнь? Слишком много. Он преследовал меня? Никогда бы не пережила это, независимо от того, как виноватой она себя чувствует.

Так что я просто соглашаюсь с правдой. Часть, которая не объявляет его психопатом с небольшой проблемой привязанности.

— Он спасает женщин и детей от торговли людьми, мама. Он очень глубоко вовлечен в этот темный уголок мира.

Она резко втягивает воздух, ее позвоночник выпрямляется, а глаза расширяются от возмущения. — Он стал причиной вашего похищения?

— Нет, — отрезаю я. — Он не зачем, и нужно помнить, что он спас меня.

Меня бы здесь не было — не было бы в живых — если бы не он.

Она в замешательстве качает головой и спрашивает:

— Тогда почему ты была? Если он связан с теми же людьми?

Яжимаю плечами, изображая беспечность, которой не чувствую.

— Было много факторов, но ни один из них не был его делом. Это все, что важно.

Она вздыхает, одновременно и разочарование, и согласие.

— Он опасен?

— Да, — признаюсь я. — Но не со мной. Он любит меня, и не только это, он любит меня такой, какая я есть. Он никогда не хотел меня изменить.

Она вздрагивает от раскопок, но на этот раз воздерживается от защиты.

— То, что он любит тебя, не означает, что он хорош для тебя, — решительно говорит она.

Я поджимаю губы, на мгновение обдумывая это.

— Что тогда хорошо, мама? Ты знаешь лучше, верно? Настоящий порядочный парень, юрист или врач?

— Не будь тупицей, — отрезает она. — Как насчет кого-то вроде полицейского, который носит оружие только потому, что он...

— Защищать людей, — перебил я. — Потому что ты думаешь, что они защищают людей. Ты действительно хочешь принять участие в этих дебатах прямо сейчас? И не могла бы ты сказать, что Зейд делает то же самое? Спасая невинных людей от похищения и порабощения?

Она поджимает губы, явно все еще не соглашаясь, но не желая продолжать спорить. Это первое, но я не думаю, что это будет продолжаться.

На этот раз вздыхаю я. Я откидываюсь на спинку стула.

— Я не хочу ссориться с тобой из-за него, потому что это ничего не изменит. Я знаю

его лучше, чем ты, и если ты хочешь его ненавидеть, прекрасно. Но сделай это там, где мне не придется об этом слышать, — говорю я устало и решительно.

Я слишком устала, чтобы продолжать бороться с ней. Это все, что мы когда-либо делали, и это устарело более десяти лет назад.

— Ладно, — фыркает она, раздраженно и раскаявшись. — Позволь мне пригласить тебя на хороший ужин хотя бы на твой день рождения. Можем ли мы это сделать? Никаких разговоров о твоём парне.

Я смотрю на нее, и стеснение в моей груди немного ослабевает. Улыбаясь, я киваю головой.

— Это звучит неплохо. Дай мне подготовиться.

Я встаю и направляюсь к лестнице, когда она кричит: «Не забудь консилер, дорогая. Тебе это нужно».

Глава 27

Бриллиант

Звук каблуков Франчески отскакивал от потолка, заставляя мое сердце подскочить к горлу. Дайя поднимает глаза, встревоженная звуком, но привыкшая к махинациям поместья Парсонс.

У меня, с другой стороны, тихий сердечный приступ. Я слышу эти резкие шаги с тех пор, как была дома, и хотя на самом деле это не Франческа, я думаю, злые призраки в этом доме знают, что преследуют меня в кошмарах, и с удовольствием воплощают их в жизнь.

Я сжимаю руки в кулаки, чтобы уменьшить дрожь, ломая голову, пытаюсь отвлечься. «Может быть, мне просто стоит стать монахиней», — объявляю я, заставляя Дайю замолчать в середине. Она наполняет бокал красным вином, и это кажется... странным. Как будто я не должна стоять здесь, наслаждаясь вином, когда я убивала людей и избегала торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации.

Мы сидим у моего кухонного островка, и я не могу не погреться в ностальгия. Меня не было два с половиной месяца, но мне кажется, что это годы. Это странно, но это тоже хорошо. Чтобы снова быть здесь с ней, пить, как будто и не было времени.

Дайя моргает, сбитая с толку моим заявлением, и пододвигает ко мне стакан. «Я люблю тебя, но ты не продержишься и дня».

— Грубиянка, — бормочу я, делая глоток вина. Я съеживаюсь, горький вкус вторгаясь в мои вкусовые рецепторы. Я люблю сладкое вино, но это то, что было у Дайи в холодильнике.

«Ты хочешь стать монахиней, потому что не можешь терпеть прикосновения вообще или прикосновения со стороны мужчины?»

Я ковыряюсь в заусенице. «Мужчины, что очень сложно с тренировками.

Он должен прикасаться ко мне, и каждый раз, когда он это делает, я, блядь, паникую, а потом колеблюсь между тем, чтобы замерзнуть, и сойти с ума».

После того, как месяц назад мы с Зейдом договорились уничтожить Общество вместе, я почувствовала, как что-то шевельнулось в моей груди. Родилась цель, и она помогает мне каждое утро вставать с постели и тренироваться.

Но это не волшебное решение. Я смотрю на Зейда и чувствую все, что чувствовала после того, как уступила ему. Магнетизм, связь и любовь. Он дал мне пространство, в котором я так отчаянно нуждаюсь, хотя я вижу, что это убивает его внутри. Хотя я чувствую себя виноватой каждый раз, когда отстраняюсь, я также чувствую облегчение.

Но теперь я чувствую другие вещи — вещи, которые, я знаю, не имеют ничего общего с ним, но с сексом. От одной мысли об этом меня тошнит, и во мне укоренился страх, что каждый раз, когда Зейд проявляет ко мне хоть какую-то привязанность, вот к чему это приведет.

Это сыграло огромную роль в наших отношениях до того, как меня похитили; трудно научить мой мозг думать, что это будет что-то другое. Зейд кокетлив, и, хотя он сделал много сексуальных замечаний, он не предпринял ни одной попытки соблазнить меня.

— А то я злюсь, — продолжаю я, хмурясь в свое Мерло. — Я набрасываюсь на него и говорю ужасные вещи, а он, черт возьми, просто принимает это.

— Девочка, тебе понадобится время, чтобы справиться со своей травмой. У тебя посттравматическое стрессовое расстройство, как и у любого другого человека. Не торопи

себя.

— Думаю, было бы проще, если бы я не была в него влюблена, — признаюсь я, обводя пальцем вокруг стекла. Это создает мягкий звук, который успокаивает суматоху в моей голове.

— Я все еще чувствую притяжение, понимаешь? Каждый раз, когда он прикасается ко мне, я хочу наслаждаться этим. Я просто не могу. Он даже не сделал никаких авансов. Ничего сексуального, но это то, к чему я сразу же отношусь, а потом я снова в том доме с Ксавьером.

— Ты говорил с Зейдом о нем?

Я делаю еще один глоток Мерло, прежде чем ответить: «Да. После того, как мы договорились работать вместе, мы сели, и я ему все рассказал. Ну... не все. Не ужасные подробности. Но он знает о том, через что я прошла, и он объяснил, как он нашел меня. Говорили о каком-то братстве и рассказали мне все о Максе.

Печаль скрывает ее мудрые глаза, и я могу сказать, что она встревожена, потому что начинает тереть кольцо в носу.

— Да, он... меня тоже спас. От Люка».

Я протягиваю руку и хватаю ее за руку, крепко сжимая. Зейд сказал мне, что случилось с Дайей, но я ждала, что она первой расскажет об этом мне. Если я что-то и понимаю, так это нежелание переживать определенные вещи заново.

Мы все страдаем по-разному, но источник нашей боли один и тот же. Общество. Клэр.

Дайя была приманкой, чтобы выманить меня из поместья Парсонс, чтобы Рио и Рик могли похитить меня. Конечно, Люк был тем, кто провел ее через ад, но ничего из этого не случилось бы, если бы Клэр не заставила Макса поверить в то, что Зейд убил его отца, а затем поставила мишень на мою голову. Тот, на который Макс немедленно набросился, рассердившись и намереваясь отомстить.

— Мне очень жаль, Дайя. Мне очень жаль, что он сделал это с тобой. — Мой голос срывается на последнем слове, неожиданный прилив слез затуманивает мое зрение.

Дайя закрывает лицо, пытаюсь сдержать слезы.

— Черт побери, Адди, — отрезает она без всякого жара. — Не смей заставлять меня плакать.

Но уже поздно, при последнем слове из ее горла вырывается всхлип. Я придвигаю свой стул ближе к ней и обнимаю ее; будь прокляты мои собственные демоны. Ее руки обвилились вокруг моей талии, и мы обе расслабились.

Горе выливается через трещины, пока мы держимся друг за друга, как два столба, которые падают вместе, оба не в состоянии стоять без поддержки друг друга.

К тому времени, когда мы расходимся, по моему покрытому пятнами красному лицу текут сопли, и я точно знаю, что тушь стекает по моим щекам. У нее слюни на щеке и круги вокруг глаз от макияжа. Они налиты кровью, в сочетании с ее темно-коричневой кожей и светло-зелеными глазами почти поражают.

Как бы то ни было, мы оба выглядим нелепо и тут же врываемся в смех, который исчезает в другой раунд слез. В конце концов, никто из нас не может сказать, смеемся мы или плачем, но в любом случае это приятно.

— У меня сейчас голова болит, — хриплю я, вытирая почерневшие слезы, а потом хватаю салфетку и громко сморкаюсь.

— Пей больше вина, хуже будет, но по крайней мере взбодрись.

Я смеюсь, делая глоток, когда она тоже сморкается.

— Кстати, а где Зейд? — она спрашивает.

— Я не знаю, на самом деле. После нашей тренировки он довольно быстро отключился, сказав, что ему нужно кое о чем позаботиться. Он не сказал, о чем речь, а я была слишком потной и морально истощенной, чтобы волноваться в тот момент.

Мы обе пожимаем плечами. Насколько я знаю, он мог догадаться, что у нас закончилась туалетная бумага и ее нужно было пополнить. Думаю, если бы это было что-то важное, он бы сказал.

В течение следующего часа мы с Дайей допиваем бутылку Мерло. Я также решила, что с этого момента мне нужно быть очень осторожным с алкоголем. Это кажется слишком приятным, и я отказываюсь использовать его как костыль.

Я предпочитаю работать со своей травмой здоровым способом. Вы знаете — убить Клэр голыми руками.

Мы смеемся над дурацким видео, которое кто-то разместил в социальных сетях, когда входная дверь с грохотом открывается, и два голоса огрызаются друг на друга.

Один принадлежит Зейду. Другой — девичий.

Глаза шалфея и карамели встречаются в замешательстве, и какого хрена.

Слегка пошатываясь, я встаю и иду к входной двери.

А потом сразу поворачиваю обратно, бросаюсь за своим другом, когда вижу, кого Зейд привел домой.

— Дайя, в доме сумасшедшая цыпочка. Бежи.

— Какая? — с тревогой в голосе спрашивает она.

— Не называй меня сумасшедшей! — визжит девушка спереди, и я морщусь.

Я никогда не имела удовольствия встречаться с ней, и я была готова жить без этого удовольствия. Плечи подняты к ушам, я медленно поворачиваюсь и смотрю, как Зейд приближается ко мне, выглядя измученным и раздраженным. За ним стоит девушка-убийца, которая скрывалась за стенами в «Деле Сатаны».

Сибиль.

— Детка, у нас гость.

Взглянув на девушку, я неловко переминаюсь, не зная, как, черт возьми, реагировать.

Прочистив горло, я соглашаюсь: «Я это вижу».

Сибиль смотрит на Дайю и меня с широкой улыбкой на лице. В последний раз, когда я видел ее, она была одета как кукла с макияжем, из-за которого казалось, что ее фарфоровое лицо потрескалось.

В то время как ее шоколадно-каштановые волосы все еще собраны в косички, на ее лице нет кукольного макияжа. Она была бы прекрасна, если бы расстроенный взгляд ее глаз не отвлекал так сильно. Она выглядит точно так же, как по телевизору после того, как ее арестовали за убийство четырех политиков с Зейдом.

За исключением того, что его так и не поймали за эти убийства.

— Дамы, это Сибби, — устало представляет Зейд, махая ей рукой прежде чем перейти на мою сторону. Я напрягаюсь, когда он приближается, разрывая свое внимание между наблюдением за пространством между мной и Зейдом и не спуская глаз с сумасшедшей девушки.

Четверо мужчин, которых она убила, даже не начинают царапать поверхность числа людей, которых она убила. В течение пяти лет она оставалась на этой призрачной ярмарке и

устраивала загулы. Тот, кого она считала злом, был убит очень ужасными способами.

У меня было достаточно опыта с девушками-убийцами, и я действительно, действительно не хочу больше.

Она оживленно машет нам рукой, в ее карих глазах блестит возбуждение. Потом она поворачивает их к моему дому, медленно въезжая в поместье Парсонс.

— Вау, — выдыхает она. «Здесь жутко. Это так прекрасно». Ее голова резко поворачивается ко мне, и я не горжусь этим не таким уж едва уловимым вздрагиванием. «Надеюсь, вы не возражаете против того, чтобы я и мои приспешники остались ненадолго», — говорит она.

«Есть ещё?» — спрашиваю я Зейда, поворачиваясь к нему с нахмуренными бровями. Он вздыхает.

«Некоторые люди говорят, что они ненастоящие, но они есть», — объясняет Сибиль, не выглядя немного стыдно признать, что она видит людей, которых не видят другие.

Зейд встречает мой взгляд с улыбкой на лице.

— Сибби сумасшедшая, — говорит он.

Она топает ногой, бросая на него свирепый взгляд.

— Я не сумасшедшая, Зейд. То, что ты не видишь того, что вижу я, не означает, что я странная.

Я наклоняю голову, совершенно сбита с толку тем, как она вообще здесь. Последнее, что я слышал, она была заперта в психиатрической больнице в ожидании суда.

— Она сбежала, — добавляет Зейд, заметив замешательство на моем лице.

— О, — говорю я, потому что понятия не имею, что еще, черт возьми, сказать.

— Это хорошо? — Дайя вмешивается, звуча совершенно неуверенно, действительно ли это хорошо.

Заде вздыхает в миллионный раз.

— Сибби находится в списке самых разыскиваемых преступников. Она взяла дело в свои руки... — Зейд делает паузу бросить в ее сторону уничтожающий взгляд... — и выскочила из психбольницы. Учитывая, что она взяла на себя ответственность за то, что мы оба сделали, я чувствовал, что было бы справедливо дать ей место, где можно остаться. Временно.

Она кивает, как будто Зейд идеально описал всю историю ее жизни.

— Я отвезу ее к себе домой. Я не жду, что ты позволишь ей остаться здесь...

— Но здесь так жутко! — восклицает она, как будто это веская причина остаться. А так... вроде так. — ... значит, я скоро ее подвезу. Я просто хотел, чтобы ты познакомился с ней должным образом, так как я... — он замолкает, глядя на нее. — Застрял с ней, — решает он, поворачиваясь ко мне. — Я определенно застрял с ней.

Сибиль хмурится, открывая рот, чтобы что-то сказать, но Дайя вмешивается.

— Э-э, подожди секунду, как взяла дело в свои руки? — спрашивает она, бросая на Сибиль подозрительный взгляд.

— Я убила своего терапевта, — отвечает она, и ее улыбка спадает. — Я не хотела ее убивать. От нее пахло соснами, значит, она не демон. Первый и последний человек, которого я когда-либо обидела и который не заслуживал этого, обещаю.

У меня отвисает рот.

— Зейд, — шепчу я, и мой дискомфорт нарастает. Сибиль смотрит на меня, замечая мой усиливающийся страх.

— Пожалуйста, не бойся меня. Ты пахнешь самыми чудесными цветами. Я бы никогда не причинил тебе вреда.

— Она не причинит тебе вреда, детка, — тихо заверяет Зейд. Я поднимаю голову и встречаю его взгляд, несоответствующие друг другу глаза, полные искренности.

— Я бы сначала обсудил это с тобой, если бы знал, что это произойдет, — клянется он. — Я встречался с Джем, когда стало известно, что Сибби сбежала. Она случайно пряталась в этом районе. Вертолеты и прочее дерьмо повсюду. Я пошел искать ее и обнаружил, что она пытается попасть в канализацию. Это было мгновенное решение.

— Хорошо, — говорю я, натянуто улыбаясь, чтобы дать ему понять, что я не сержусь.

Несмотря на то, что присутствие Сибиль немного смущало, я понимаю, почему Зейд приняла такое решение.

Она взяла на себя всю вину за то, что они оба сделали, и никогда не сдавала его. Это то, что сделали бы очень немногие люди, особенно если они вам ничего не должны. И это, я могу уважать черт возьми.

Сибиль держит злобещий розовый нож.

— И он вернул мой нож! У полиции это было орудием убийства, а Зейд достал его для меня.

— Она буквально сходила с ума по этому поводу и не давала мне выбора, — сухо поясняет он.

Она пожимает плечами, довольная тем, что ей вернули нож, несмотря ни на что.

Я смотрю на нее и прокручиваю в голове идею, немного нерешительно, но решив, что Зейду будет проще находиться только в одном месте. Он в значительной степени переехал ко мне, и это было странно утешительно. Эгоистичная часть меня не хочет отказываться от этого.

— Здесь много места. Сибиль может остаться.

Она громко тьякает, подпрыгивая на цыпочках и хлопая в ладоши, как маленькая девочка. Ее реакция заставляет меня чувствовать себя немного лучше, только потому, что это немного мило.

— Мои друзья зовут меня Сибби, — говорит она, и, судя по нетерпеливому выражению ее лица, кажется, что она надеется, что я буду считать ее одной из них.

— Или убийца демонов, — вмешивается Зейд. Она прикалывает его дерзким взглядом.

— Хорошо, Сибби. Добро пожаловать домой.

Ее темные глаза возвращаются ко мне, и от них исходит чистый восторг. Широкая улыбка озаряет ее лицо, снова возобновляя ее подпрыгивания, и это еще больше успокаивает мое беспокойство.

— Адди, ты не обязана этого делать.

Я машу рукой.

— Это отлично. Она сказала, что не причинит нам вреда, и если ты ей доверяешь, мне этого достаточно.

Он выглядит так, будто хочет меня поцеловать, от чего я немного нервничаю, но он быстро сглаживает выражение лица и дарит мне простую, благодарную улыбку.

— Как только ты захочешь, чтобы она ушла, она уйдет. Никаких вопросов не было задано.

В то время как Сибби не выглядит слишком взволнованной, услышав это, судя по тому, как она перестает подпрыгивать и смотрит на него, Зейду явно плевать.

Я киваю, остатки моего напряжения истекают кровью.

— Сибби уже очень хорошо умеет драться. Отчасти потому, что она...

— ...Не сумасшедшая, — перебивает она, прищутив глаза. Зейд бросает на нее взгляд, говорящий: да, ладно, а я Джеки Чан.

— Несмотря ни на что, она может драться. Она могла бы помочь тебе с обучением.

Мое сердце смягчается, когда я слышу, чего он не говорит.

Ты не выносишь моих прикосновений, так что вот кто-то, кто может дать тебе то, чего не могу я.

— Спасибо, — шепчу я. Сейчас больше, чем когда-либо, я злюсь на себя. Я приму его предложение, потому что я понимаю, что оно не изменится за одну ночь.

Но я клянусь стараться изо всех сил, чтобы дать Зейду то, что он заслуживает.

Всю меня

* * *

Зейд шлепает мне на плечи пакет со льдом, и я одновременно стону от температуры замерзания и как хорошо она себя чувствует. Тренировки сказываются на моем теле, но в хорошем смысле. Я сильнее, чем когда-либо, и это чувство вызывает привыкание.

С тех пор, как пару недель назад приехала Сибби, мне стало только лучше. Она меньше и двигается с быстротой, которой не обладает даже Зейд, и она гораздо более непредсказуема.

Мы сидели вокруг моего кухонного острова последние несколько часов, пытаюсь выманить Клэр из укрытия. Исчезли не только все в доме Франчески, но и она сама. И теперь, когда я у Зейда, ничто в этом мире не мешает ему найти ее.

Зейд считает, что лучший способ найти ее — через ее адвоката Джимми Линча. Он работает на Клэр и ее покойного мужа уже двадцать семь лет, что сделало его надежным другом.

У него также есть вкус к детям.

На прошлой неделе Заде удалось взломать его телефон, отметив обильное количество загруженной им детской порнографии. Итак, он начал размещать рекламу на сайтах с детской порнографией, которые использует Джимми, ожидая, когда тот клюнет на приманку.

Неудивительно, что он делал это как на своем телефоне, так и на ноутбуке в течение трех дней.

Конечно, Зейд разработал вирус, поэтому без ведома Джимми он был выпущен на его устройствах, как только он нажал на рекламу. За считанные секунды Зейду удалось проникнуть в его систему и внедрить в нее шпионское ПО.

Оттуда он наблюдал за перепиской по электронной почте между ним и Клэр.

Хотя он мог бы попытаться внедрить вирус на компьютер Клэр через фишинговое электронное письмо, она слишком умна для этого, поэтому единственный другой вариант Зейда манипулировать ею, чтобы она вставила в свой компьютер диск, который будет содержать вирус. И наш лучший способ сделать это — подать против нее массовый иск.

Для юристов является обычной практикой передавать информацию через накопители, особенно если против них собрано огромное количество улики.

К несчастью для Клэр, с тех пор как она скрылась, она уволила многих сотрудников, которые работали в ее поместье. Бригада уборщиков, пара поваров и садовник. Очевидно, она не планирует возвращаться в свой особняк или оставлять его себе.

Зейд провел последнюю неделю, связываясь с этими штатными работниками, расспрашивая их об их опыте и, в конечном итоге, побуждая их подать в суд на Клэр за домогательства на рабочем месте, а также за нападение.

Взамен Зейд предложит свою защиту и деньги. К счастью, все согласились. Потому что, честно говоря, отсутствие у них безопасности и ресурсов было единственным, что заставляло их молчать. Марк изнасиловал многих своих сотрудников и угрожал причинить вред им и их семьям, если они заговорят.

И Клэр подвергалась физическому насилию и склонна к насилию, когда что-то не соответствовало ее стандартам.

Они уже подали свои иски, так что завтра мы поставим второй шаг плана — замена дисков Джимми на диски Зейда.

Как только Зейд получит доступ к ноутбуку Клэр, он не торопится наблюдая за ней. А пока мы сосредоточимся на другой нашей цели.

«Франческа и Рокко — скользкие маленькие змеи», — сообщает нам Дайя, сверкая гневом, когда ее пальцы летают по клавиатуре. «А Ксавье — киска».

Дайя помогает нам выследить моих бывших похитителей и насильников, пока Джей продолжает заниматься Клэр.

— Спутниковое изображение показало красный пикап, припаркованный на подъездной дорожке под именем Рокко. Такого нигде не видели? — спрашивает Зейд, добавляя еще тертого чеддера к макаронам с сыром, прежде чем поставить запеканку обратно в духовку, чтобы она стала хрустящей. Видеть, как он делает что-то настолько домашнее... странно.

Я никогда не думала, что увижу прихватки на сталкере и профессиональном убийце, но вот мы здесь... Все, что ему нужно, это фартук, и я буду уверена, что упала в кроличью нору и ударился головой о корень дерева.

Черт, кажется, у меня уже есть, потому что теперь все, что я могу представить, это Заде в ничего, кроме фартука. Это... не должно быть заманчиво, но это так.

— Мы нашли брошенный грузовик в Северной Калифорнии. Оттуда мы потеряли след, — отвечает Дайя, неосознанно спасая меня от путешествия по этой опасной дороге. У меня такое ощущение, что фэнтези стало бы только страннее.

— Нет поблизости уличных камер? — Я спрашиваю.

— Нет, — отвечает она, нажимая букву «П». — Они не продержались так долго, удача. Они умеют избегать камер. Я представляю машину, которую они к настоящему моменту также забросили.

Зейд кивает, храня молчание, обрабатывая информацию. Отсюда я вижу, как вращаются его внутренние механизмы.

— Поскольку мы можем предположить, что они за рулем, для начала посмотрите на камеры на заправочных станциях в окрестностях. Это займет время, но проверьте всех, кого вы считаете подозрительными. Вполне возможно, что они будут прятаться в машине и использовать приманку для прокачки и оплаты. Я пришлю еще несколько своих людей, чтобы помочь вам. И хотя они, вероятно, платят только наличными, не помешает проверить, использовали ли они также и кредитные карты.

— В конце концов, Франческе придется пользоваться ванной, — встречаю я если не

может видеть, как она сидит на корточках на обочине дороги или использует горшок. Так что распознавание лиц было бы полезно.

— Было бы так, — соглашается Зейд, слегка улыбаясь мне. Я борюсь с гордостью, которая хочет расцвести во всем моем теле. Моя внутренняя феминистка не нуждается ни в каком мужском одобрении.

— Вы можете настроить бота для распознавания лиц, который предупредит вас, если какие-либо камеры заметят ее. Будь то рестораны, магазины или заправочные станции. Однако мы не можем полагаться на это, потому что, хотя Франческа чаще всего появляется на публике, у нее также есть преимущество в том, что она маскируется лучше, чем мужчины. Распознавание лиц продвинутое, но не надежное.

Я наклоняю голову из стороны в сторону в точечном жесте.

— Если кто и знает, как пользоваться косметикой, так это она, — уступаю я. У нее был большой опыт оживления мертвых — с собственным лицом и с девушками, которых она держала в плену.

Руки Дайи продолжают летать, следуя указаниям Зейда.

Сибби держится за подбородок одной рукой, а другой барабанит пальцами по столу — явно скучает. Ее интересы больше связаны с действиями, чем с планированием.

— Я разыщу Ксавьера Делано, — говорит Зейд, бросая в мою сторону многозначительный взгляд. — Мы должны быть в состоянии найти его легко. У меня хорошее предчувствие, что он не так умен в заметании следов, как другие.

— Это было бы ужасно эгоистично с его стороны. Не то чтобы он не знал, что я была... ну, с Z... или кем-то еще.

Зейд ухмыляется над моим спотыканием. Я закатываю глаза, намереваясь не обращать на него внимания, но тут Дайя выдает меня и фыркает, весело глядя на меня.

Придурки.

Много их.

— Заткнись, — рявкаю я. — Я не знаю, как это обозначить.

— Ебать, приятель? Дайя обеспечивает, но это звучит не совсем правильно.

Приподнятая бровь на лбу Зейда говорит мне, что он чувствует то же самое.

— Любовник! — Сибби бодро вклинивается.

Мои губы кривятся от отвращения. Ненавижу этот ярлык.

— О, поклонник, — говорит Дайя, щелкая пальцами, словно попала в самую точку.

— Одна настоящая любовь, — мечтательно вздыхает Сибби. Она смотрит в сторону, кажется, что-то слушает, прежде чем закатить глаза. — Хорошо, пять настоящих любовей.

Мои глаза прыгают между двумя идиотами, пока они продолжают бросаться словами, которые могли бы определить мои отношения с Зейдом.

— Как насчет просто сталкера, — сухо вмешался я.

— Да ладно, детка, это не то, как ты звала меня, когда стонала...

— Заткнись, или я начну стонать имена других мужчин, и я обещаю, что мне не нужен твой член рядом со мной, чтобы сделать это.

В его глазах мелькают искры вызова, свидетельствующие о том, что этот разговор быстро заходит в тупик.

— Ты действительно хочешь вызвать массовое вымирание этих имен? Стони их, мышонок. Кого бы ты ни выбрала, ни одного человека с таким именем больше не будет существовать. Как насчет того, чтобы начать с Чада? Мы определенно можем жить без Чадов

в мире.

Мой рот открывается.

— Это так... чрезмерно.

Он пожимает плечами, поворачиваясь, чтобы достать макароны с сыром из духовки.

— Ни черта не меняет.

Мои широко распахнутые глаза возвращаются к Дайе, ее глаза такие же круглые, как и мои.

Я бросаю на нее взгляд, говорящий: «Вы видите, с чем мне приходится иметь дело?» в котором она возвращается, удачи, сестра Сьюзи.

Я смотрю на Сибби и замечаю, что она смотрит в пространство и шепчет одному из своих приспешников о антисанитарных способах употребления фруктового мороженого в морозильной камере.

Боже мой. Я живу только с психопатами.

Я знала это, но трахни меня.

Эй, Боже? Не могли бы вы послать вниз какое-нибудь лекарство, чтобы исправить ваше грубое неправильное обращение с этими двумя сумасшедшими душами?

Покачав головой, я поворачиваюсь к Зейду, который сейчас подает нам макароны с сыром на тарелках вместе со стейками, которые он приготовил на гриле. Я была удивлена, когда узнала, что Зейд умеет готовить.

— Как ты думаешь, сколько времени потребуется, чтобы найти Ксавьера?

«Это зависит от того, насколько он доступен. Я могу найти его в течение часа, но если он находится на отдаленном острове, окруженном армией, потребуется время, чтобы добраться до него. Имейте в виду, что этот человек тупо богат и ему не на что лучше потратить свои деньги, так что это вполне возможно».

Я склоняю голову в любопытстве. «Богаче тебя?»

— Абсолютно. Я не заинтересован в том, чтобы собирать больше, чем необходимо.

Деньги — это иллюзия, и очень мощная. Он превращает мужчин в бесхребетных мудаков, не заботящихся ни о какой человеческой жизни, кроме своей собственной. Ксавьер использует свои деньги, чтобы защитить себя. Тем более, что он маленькая стерва и, ну... — он смотрит на меня с дикой улыбкой. — Я чертовски страшный.

Он подает ужин, оставив меня напоследок. Волосы у меня на затылке встают дыбом, когда он приближается ко мне; мое тело согревается, когда он приближается. Он наваливается на меня, когда ставит мою тарелку, и исходящий от него жар опускается под мою кожу. Затем он наклоняется, и в моем мозгу происходит короткое замыкание. Я не могу решить, хочу ли я принять тьму или убежать от нее.

Горячее дыхание обволакивает мое ухо, когда он шепчет: «Я не только страшный, детка, но я очень, очень зол. И когда я злюсь, я заставлю их молиться за Ад». По позвоночнику пробегает дрожь, а по телу мурашки бегут, как от черной чумы. Я наклоняю голову к нему, встречаясь с его взглядом. Мое бьющееся сердце подбирается к моему горлу, создавая беспорядочный пульс на шее, и осязаемое напряжение циркулирует в пространстве между нами.

Вопреки здравому смыслу, мои глаза скользят к его рту, усиливая напряжение. Нарочно он проводит языком по губе, и, как магнит, мой взгляд приковывается к медленному и греховному действию.

К тому времени, когда я снова поднимаю глаза к нему, мой рот приоткрыт, а легкие

лишены кислорода.

— Мне не хочется прерывать этот прекрасный момент, но Сибби раздевается.

Голос Дайи вырывает меня из того транса, в который меня втянул Зейд, и я почти яростно поворачиваю голову к Сибби.

Конечно, черт возьми, она снимает свои неоновозеленые колготки.

— Сибби! — кричу я раздраженно. — Хватит раздеваться, у нас не гребаная оргия!

Я пощипываю переносицу и думаю, сколько тайленола потребуется, чтобы снять головную боль, вызванную Сибби.

Сейчас она в гребаном споре.

С ее чертовой сущностью.

— Мортис, я же говорил тебе, полиция ищет меня повсюду. Мы не можем выйти на улицу погулять или побыть наедине — мы в ловушке!

Она замолкает, слушая все, что ей говорит ее воображаемый бойфренд.

Недовольный звук вырывается из ее горла.

— Я тоже скучаю по этим вещам, но так и должно быть. Тимми, перестань пытаться раздеться перед Зейдом!

— Если ты это сделаешь, я буквально сойду с ума, — огрызаюсь я, стреляя в нее.

В любом случае, я уже в двух секундах от того, чтобы потерять его. Ее глаза останавливаются на моих, широко распахнутые от невинности.

— Это не моя вина! — визжит она. Она указывает пальцем на случайное место, предположительно там, где, по ее мнению, находится преступник. — Это его.

Со стоном я грубо провожу руками по лицу. Весь аргумент началось, потому что Сибби хотела быть той, кто подбросит USB-накопители в офис Джимми Линча. Я просто напомнил ей, что ее нельзя увидеть, и разговор пошел в другом направлении.

Судя по всему, ее прихвостни хотели зайти в какой-то гребаный секс-шоп в нескольких кварталах от офиса Джимми. Я сказал нет, и вот мы здесь.

Увидев ее в ее стихии, полностью поверив, что ее приспешники реальны несмотря на то, что люди говорят ей, что это не так, это так же увлекательно, как и грустно.

Я знаю, что ее детство было ужасным — настолько, что она создала людей, чтобы составить ей компанию и помочь ей пройти через что-то невероятно трудное время. Молодая девушка, не знающая ничего, кроме дьявольского культа, бесцельно блуждающая по незнакомому городу в полном одиночестве.

Ее мозг защищался, и родились приспешники.

— Сегодня на улице холодно. Мы можем закутать тебя в зимнюю одежду, и никто тебя не заметит, — рассуждаю я с ней. — Но ты не можешь пойти куда-нибудь еще. Никаких обходов. Никаких пит-стопов. Ничего такого. Нет, если ты не хочешь снова оказаться в психушке.

Она смотрит вдаль.

— Слышишь, Мортис? Итак, не пытайтесь убедить меня быть плохой. Меня снова запрут, и ты никогда не увидишь меня до конца своей жизни.

Он должен с ней согласиться, потому что она поворачивается ко мне с довольной улыбкой на лице.

— Мы все согласны. Не беспокойся обо мне, Зейде. Ты можешь доверять мне.

— Знаешь что? Я верю тебе, Сибби.

Ее ответная улыбка освещает все ее лицо. И я понимаю, что Сибби красивая девушка.

Я надеюсь, что однажды она найдет что-то настоящее.

— Ты выглядишь чертовски нелепо, — сухо констатирую я, глядя на нее с испугом. критический взгляд.

Она смотрит на меня так, будто я лично ранил ее.

— Почему? — спрашивает она, переводя взгляд на свой наряд.

Она похожа на чёртову затяжку Cheetos, но в ярко-розовом неоновом цвете. Она закутанная в несколько слоев одежды, в массивном пуховике, который был ей на три размера больше, заканчиваясь у щиколоток и едва скрывая желтые резиновые сапоги в горошек. В довершение всего, она снова делала макияж, однако она уклонялась от образа сломанной куклы. Я полагаю, это была слишком свежая рана.

К счастью, Адди научила ее, как правильно его применять, и это было бы неплохо, если бы не чудовищный чертов наряд.

Я разрешил Сибби делать покупки в Интернете вскоре после ее прибытия, и оказалось, что она понятия не имеет, какой у нее размер и как одеться.

Она когда-либо носила только одежду, предоставленную ей ее отцом, и костюмы, которые Дело Сатаны имело в их домах. Итак, она просто заказала кучу случайного дерьма любого размера, большая часть которого не подходила.

Сибби крошечная. Ее рост всего около пяти футов, и у нее очень мало мяса на костях. Адди смотрит на меня с сожалением на лицах, что не следила за ней, пока она делала покупки.

— Буквально, все заметят тебя. Ты должна гармонировать, а не выделяться, как больной палец.

Ее брови хмурятся.

— Ты хочешь сказать, что я похожа на чей-то большой палец?

Адди кусает губу.

— Давай поменяемся куртками. Можешь надеть мою, Сибби.

Сибби ворчит, но в конце концов переключается на нее. Адди надевает ярко-розовый пуховик и застегивает молнию, пальто ей уже не подходит. Ухмылка, которая скользит по моему лицу, почти исчезает, как только Адди замечает ее.

Она указывает пальцем на меня, материал шуршит от движения.

— Я тебя трахну.

— Это мило, детка, — говорю я, ухмыляясь шире, когда она сужает глаза, бросая на меня взгляд, обещающий смерть и разрушение.

Я бы хотел посмотреть, как она попробует.

Я хватаю черную шапку и надеваю ее на голову Сибби, а затем обматываю ее шею толстым черным шарфом, чтобы скрыть нижнюю половину ее лица, чувствуя себя в точности как отец, одевающий своего ребенка.

Несмотря на статус в розыске, она наименее узнаваема, если не считать Дайи.

И как бы я ни предпочел вместо этого лучшую подругу Адди, Сибби была очень рада помочь. Весь последний месяц она провела взаперти в поместье, сходя с ума еще больше, чем сейчас.

Было жизненно важно, чтобы мы вытащили ее из дома до того, как она скажет: «К черту все» и открыто трахнет своих воображаемых прихвостней на обеденном столе. Она уже была

близка к этому, и мы с Адди были глубоко травмированы этим событием.

Я вручаю ей Bluetooth и рассказываю, как им пользоваться, вздыхая, когда она спрашивает, можно ли его приспешникам тоже. Она утверждает, что они забеспокоятся, если не услышат, что происходит.

— Ты же знаешь, что они не могут прийти все, верно? Я напоминаю ей. Она кривит губы и кивает.

— На этот раз придут Мортис и Шакал. Значит, им нужен только один.

Я потворствую ей и вручаю еще две, которые она тут же передает пустой воздух, устройства падают на землю. Мне придется забрать их, когда она не будет смотреть.

Когда она удовлетворенно улыбается, я перехожу к натальной камере, прикрепляю ее к ее пальто и регулирую, чтобы убедиться, что она находится под хорошим углом.

— Не трогай это. Мне нужно видеть все, что ты делаешь. Я буду говорить тебе на ухо, ведя тебя, так что слушай все, что я говорю, — строго говорю я ей.

Она машет рукой и хихикает.

— Я знаю. Тебе не о чем беспокоиться, Зейд. Я обещаю, что не убегу.

— Или убить кого-нибудь, — ворчит Адди рядом со мной.

Сибби смотрит на Адди.

— Если рядом демон, я отпущу его. Я могу пожертвовать одним или двумя, если это означает уничтожение самого большого из них.

Достаточно хорошо для меня. Пока она слушает.

Собираясь в путь, Адди садится на пассажирское сиденье рядом со мной, и мы едем в офис Джимми, вынужденный припарковаться в паре кварталов от него.

Сибби придется пройти оставшуюся часть пути пешком, и это та часть, о которой я беспокоюсь больше всего. Она закутана и едва узнаваема под всем этим материалом, но у Сибби есть определенная... уникальность.

Что она немедленно доказывает, когда спрыгивает с заднего сиденья, хлопает дверью и начинает прыгать по тротуару, как чертов шут.

Я стону, поворачивая свой ноутбук к себе и вытягивая прямую трансляцию с ее натальной камеры. Адди наклоняется ко мне, чтобы лучше рассмотреть экран, окутывая меня своим сладким ароматом жасмина. Я глубоко вдыхаю, испытывая искушение откусить от нее кусочек только потому, что она божественно пахнет.

Скоро. Я сделаю это в ближайшее время.

Ее лицо искажено смесью веселья и беспокойства.

Забота о миссии или забота о психическом состоянии Сибби, трудно сказать.

Однако Адди смягчилась к Сибби. Хотя она все еще опасается ее — а это самое умное, — я думаю, она видит Сибби такой, какая она есть. Потерянная девушка ищет любви и дружбы. Даже когда она разговаривает со своими прихвостнями или иррационально злится из-за того, что я съел последний пирог с поп-тарталетками, который я купил.

Кстати, она милая, невероятно преданная и довольно забавная.

Я до сих пор не знаю, что, черт возьми, мы собираемся с ней делать, но я выясню это после того, как о Клэр позаботятся.

Сибби по-прежнему слоняется по Пятой авеню, зарабатывая взгляды от «Я вижу это дерьмо каждый день» до «Я так устал видеть это дерьмо каждый день». Ее ничуть не смущает негативное внимание.

Думаю, она к этому привыкла.

Наконец, она добирается до офиса Джимми. Вместо продолжая движение прямо, она поворачивает направо и направляется в переулок, чтобы попасть в его офис через черный ход.

На этой стороне не так много пешеходов, что снижает вероятность того, что ее поймают.

Дойдя до двери, она останавливается, ожидая моего сигнала. У Джимми отличные системы сигнализации для непослушного подростка, но для меня это все равно, что прорваться сквозь соленый крекер. Его защитная система рушится под моими пальцами, и через десять секунд я даю Сибби добро.

Она наклоняется и начинает взламывать замок, быстро справляясь с этим, и открывая дверь через несколько мгновений.

Офисное здание не очень большое, и у меня уже есть чертежи на моем компьютере.

— Поверни налево, — говорю я, когда она заходит в тупик. Она делает, как я прошу, пробираясь по короткому коридору, прежде чем он откроется в приемную.

Неприятно большой деревянный стол посреди комнаты пуст, имя Джимми написано спереди. Думаю, на случай, если кто-то потеряется и не будет уверен, где находится. Район экстравагантный. Блестящие белые кафельные полы, серые стены и растения, расставленные по комнате, чтобы оживить ее.

— Пройди мимо стола. Видишь вон ту дверь с именем Джимми на табличке? Это его кабинет.

— Разве его имя не стоит по всему зданию? — она ворчит. Адди фыркает рядом со мной, прислушиваясь к разговору через собственный Bluetooth-наушник.

Сибби трясет дверью, но обнаруживает, что она заперта и в ней нет замочной скважины. справиться.

— Дай мне секунду, — говорю я, открывая свою программу, чтобы проверить безопасность системы внутри здания. У него есть автоматический замок на двери, который можно открыть только через приложение на его телефоне.

Я закатываю глаза. Такое дерьмо такое безвкусное и пустая трата денег. Подобные причудливые системы безопасности кажутся продвинутыми, но на самом деле невероятно легко взломать приложение и открыть дверь.

Печально, но это приносит мне пользу.

— Открыто, — подтверждаю я.

Она быстро прокрадывается в комнату и закрывает за собой дверь.

— Безопасно ли включать свет? — спрашивает она, ее голос слегка приглушен из-за шарфа.

— Да, но воспользуйся фонариком, который я тебе дал, — говорю я ей. Его кабинет выходит на задней части здания, но никогда нельзя быть слишком уверенным.

В настоящее время он ужинает с коллегами и собирается выпить виски по завышенной цене. Дайя присматривает за ним, а я гарантирую, что у Сибби не будет неожиданных сюрпризов. Все, что требуется, — это сотрудник, который приходит, потому что что-то забыл.

Она включает фонарик, освещая показной офис Джимми.

— Он серьезно выгравировал свое имя на собственном столе? — спрашивает Адди рядом со мной сухим тоном.

— Может быть, он активный начальник и везде имеет напоминания на случай, если у

любого рано начинается болезнь Альцгеймера, и он забывает свое имя.

— Я думаю, что это было бы благословением, если бы мне пришлось работать на него.

Сибби проходит дальше в офис, осматривая несколько картотечных шкафов.

— Где он держит джемперы? — она спрашивает. Еще одно фырканье от Адди.

— Прыг-драйв, — поправляю я, хотя даже не знаю, зачем мне это. Я говорил ей, как они называются, миллион раз, а она все еще ведет себя так, как будто я никогда ей не говорил.

— Они могут быть в его столе. На нем его имя, если ты не знаешь, где оно находится.

— Я не смущена, глупышка, — хихикает Сибби.

Адди и я смотрим друг на друга, ухмыляемся на лицах. Сарказм иногда ускользает от нее.

Мы наблюдаем, как Сибби подходит к своему столу, вишневое дерево блестит, ни пылинки.

Все имеет свое место на нем, аккуратно расположено и расположено по прямым линиям. Либо у Джимми, либо у его службы уборки ОКР.

Она дергает верхний ящик, драматично стонет, когда тот заедает.

— Он запирает свои ящики? она скулит.

— Просто взломай замок, — спокойно говорю я ей, молясь, чтобы она не закатила истерику и не начала лупить ножом по кожаному компьютерному креслу.

Вздыхнув, она роется в кармане куртки, прежде чем вытащить свой комплект и приступить к работе, все время ворча себе под нос.

Ей требуется целых пятнадцать секунд, чтобы разблокировать его, и у меня возникает соблазн спросить ее, так ли это важно, как она это представляла. Но я бы не хотел, чтобы она рассердилась. За последний месяц было разбито довольно много тарелок — без надобности. Она понятия не имеет, как регулировать свои эмоции, но я работаю над этим вместе с ней.

Она открывает дверь, находит корзину с дисками и приступает к работе, заменяя их моими, а его запирает в карман своего пальто. Позже я покопаюсь в них на запасном ноутбуке, чтобы посмотреть, есть ли что-нибудь не так.

Сидящая рядом со мной Адди расстегивает пуховик и чуть не срывает его, на лбу у нее блестит пот. Она смотрит на меня, а затем скрещивает руки.

— Не останавливайся из-за меня, мышонок.

— Мне кажется, ты специально делаешь здесь очень жарко, — ворчит она, наклоняясь вперед, чтобы выключить огонь.

— Если бы я хотел снять с тебя одежду, я бы сам ее снял.

Она выгибает бровь. — Ты хочешь сказать, что сейчас не хочешь их снимать? она бросает вызов.

Кончики моего рта изгибаются, и я стараюсь, чтобы мой взгляд был медленным и пылающим, когда я провожу им по ее телу. Если она думает, что машина ее перегревает, Я покажу ей, какой горячим я могу сделать ее одним взглядом.

Она ярко краснеет, красные пятна окрашивают ее щеки, когда она двигается, ее толстые бедра сжимаются. Мой член болезненно твердеет в джинсах, представляя, как вместо этого они обвиваются вокруг моей головы. Ей нравится пытаться задушить меня между ними, но я бы с удовольствием умер между ее бедрами.

— Хватит вести себя неуместно, — рывкает она, широко распахнув карамельные глаза.

Она чертовски красива, это причиняет боль. Особенно, когда она сердится.

— Невозможно, — бормочу я, но пока оставляю ее в покое, снова обращая внимание на экран.

Сибби кладет корзину с дисками обратно в ящик стола, мягко закрывает ее и снова запирает отмычками. После этого она направляется к двери.

— Тебе нужно было, чтобы я достал что-нибудь еще? — она спрашивает. Прежде чем я смогу сказать что угодно, она лает: — Шакал, перестань трогать вещи. Ты создашь нам проблемы.

— Сибби, сосредоточься, — рявкаю я.

— Извини, — бормочет она, но не раньше, чем пропишит Шакалу еще одно требование. На самом деле ничего не трогают, но если Сибби так считает, она может попытаться это исправить, а затем действительно что-то испортит.

Жизненно важно, чтобы Джимми не заметил, что кто-то был в его кабинете, тем более, что он такой опрятный. Он может стать параноиком и отказаться от использования любого из USB-накопителей.

Камеры полностью вытру, но вещественные доказательства так просто не вытрешь.

— Ты отлично справилась, Сибби. Покинуть комнату. Не трогай больше ничего.

— Это не я трогал вещи — да, я говорю о тебе, Шакал. Это ты ведешь себя как идиот.

Адди подавляет улыбку, и я решаю, что, хотя Сибби и является моей занозой в заднице, она хороша для Адди. Она заставляет нас всех чувствовать себя немного более... нормальными.

Сибби без проблем выходит из здания, пока не заворачивает за угол и врывается прямо кому-то в грудь.

Нательная камера сбита, камера вращается, так что виден только тротуар.

— Сибби? — спрашиваю я, мой пульс подскакивает на ступеньку выше. Ее лицо облеплено по всей стране. Новостные агентства, социальные сети и так далее. Если этот человек узнает ее, нам пиздец.

— О, дерьмо, — говорит парень приглушенным голосом. — Вы в порядке, мисс?

— Это действительно больно, — стонет Сибби. — Но ты пахнешь ягодным деревом, так что я не буду этого делать.

— О нет, — шепчет Адди. — Сибби, ты не можешь говорить такие вещи. Известно, что ваши жертвы ассоциируются у вас с запахом.

Сибби замолкает, что позволяет нам ясно услышать ответ мужчины.

«Какая странная вещь, чтобы сказать».

«Я чудачка», — с натянутым смехом говорит Сибби. Он должен помочь ей подняться, основываясь на ворчании и шуршании.

«Спасибо, что помог мне», — говорит она с оттенком нервозности в тоне.

— Да, конечно. Думаю, мне стоит посмотреть, куда я пойду в следующий раз, — сказал он. легко откликается. Некоторое беспокойство, охватившее мою грудь, ослабевает, пока я снова не слышу, как он говорит.

— Эй, я тебя откуда-то знаю?

— Нет, я новичок в городе, — говорит Сибби. Ее голос стал жестче.

— Сохраняй спокойствие, — мягко говорит Адди.

— Чувак, ты выглядишь таким знакомым. У тебя здесь нет семьи?

— Я с Восточного побережья, глупыш. Но мне пора идти, увидимся!

— Не торопись, — говорю я ей.

«Он все еще смотрит на меня», — сообщает она, ее дыхание учащается. «Мортис, вероятно, пугал его. Люди не любят их за пределами домов с привидениями. Не привыкли к их макияжу и всему такому».

«Я уверена, что с Мортисом все в порядке», — уверяет Адди, пристально глядя на компьютер, даже несмотря на то, что камера была оставлена позади.

К счастью, ей нужно всего несколько минут, чтобы добраться до машины. Она распахивает дверь и чуть не ныряет на заднее сиденье с облегченным вздохом.

Я не теряю времени, выезжая с парковки задним ходом. На несколько напряжённых минут, все тихо. Но в типичной сизтлской манере мы застряли в пробке, и чтобы проехать даже несколько кварталов, требуется больше времени, чем мне хотелось бы.

Как только Адди вздохнула с облегчением, уверенная, что мы в безопасности, полицейская машина в паре кварталов включила сирену, сопровождаемую мигалками.

— Дерьмо, — бормочу я, уверенный, что цель — мы. Мы оба в ловушке между машинами, но другие машины уже начинают сворачивать в сторону, пропуская копа.

Этот мужчина, черт возьми, узнал ее. Должно быть, он вызвал полицию, как только она ушла. И как назло, офицер оказывается слишком близко.

«Они могут не знать, в какую машину она села», — уверяет Адди, но ее голос выдает ее нервозность.

Как только слова слетают с ее губ, голос полицейского гремит из их уст. громкоговоритель, назвав мою марку и номер машины и требует, чтобы я остановился.

«Хорошо, сотри это», — говорит она, и ее тон дрожит от страха. Я смотрю на нее, замечая, как она снова сжимает бедра, ее соски твердеют под рубашкой с длинными рукавами. На ее лице отчетливо виден страх, вдоль линии роста волос выступили капельки пота.

Ее тело реагирует на страх, как металл на электричество. Когда она во власти течений, она оживает.

Я ухмыляюсь, но держу рот на замке, учитывая, что Сибби сидит на заднем сидении, а ко мне вот-вот подъедет полицейский и набросится на мою задницу. Мне нужно сосредоточиться, и я чувствую, что Адди собирается проверить мою дисциплину.

Я не в первый раз участвую в автомобильной погоне, но впервые мне приходится беспокоиться о чьей-то жизни, кроме своей собственной, во время погони.

— Погодите, дамы, — говорю я. Полицейская машина мчится прямо на меня, продолжая выкрикивать требования по громкой связи.

Я трачу одну секунду, чтобы посмотреть в обе стороны, прежде чем резко развернуть машину и умчаться.

Полицейская машина быстро следует ее примеру, чуть не врезавшись в полосу встречного движения и едва не задев внедорожник.

— Он уже отстой, — комментирует Сибби, полностью отвернувшись, наблюдая за нашим преследователем из заднего окна.

— Я тоже попал в автомобильную погоню, ты знаешь это?

— Да, — отвечаю я, стиснув зубы, когда поворачиваю слишком быстро. Мой Мустанг наклоняется набок, прежде чем снова опуститься на четвереньки, отчего Адди задыхается и вонзает ногти в мое кожаное сиденье, а затем из ее горла вырывается тихий всхлип.

Это... это на самом деле Ад. Если бы мы были одни, я бы вел машину одной рукой, а другой протягивал руку и заботился о ней. Мне все равно хочется это сделать, но я знаю, что

Адди не оценит того, что маленький убийца демонов сзади будет свидетелем этого.

Я выпрямляю машину и снова поворачиваю в переулок. Скоро весь город будет наводнен полицейскими машинами с моей маркой, моделью и номерным знаком, транслируемым по радио.

У меня очень мало времени, чтобы не только потерять их, но и вернуться к Адди до того, как меня снова заметят.

«Все прошло не очень хорошо», — делится Сибби, не обращая внимания на нашу текущую ситуацию.

— Мой тоже, — выдавливает Адди.

— Со мной ты в безопасности, мышонок, — говорю я, и мое внимание привлекает полицейская машина, несущаяся к нам по переулку.

Моя кровь тонет в адреналине, но мои мышцы вялы и расслаблены, когда я пробираюсь сквозь пробки и делаю неожиданные повороты. Через несколько минут несколько офицеров приближаются ко мне со всех сторон.

Я зову Джея несколько раз, но он не отвечает.

Когда я уже собирался вести копов прямо к его дому, он включил динамик. «Я иду пострать на пять минут, а когда я возвращаюсь, ты уже в погоне», — раздраженно говорит он.

«Мужчина столкнул Сибби на выходе и узнал ее. Вызвали полицию, и вот мы здесь».

Я слышу поток сирен во всех направлениях, и моя кожа стонет под ногтями Адди, ее грудь тяжело вздымается. Ее глаза расширены от страха и пульсируют во всех направлениях.

«Теперь вас выслеживает дрон», — говорит он. «Я скажу тебе, куда повернуть».

Она снова ерзает, потирая бедра друг о друга и издавая хрипловатые звуки.

Проклятье.

— Адди, детка, — говорю я, глядя в ее сторону.

«Ага?» — хрипит она, ее широко распахнутые глаза устремлены на дорогу.

— Мне нужно, чтобы ты перестал меня отвлекать.

Ее рот приоткрывается, и она встречает мой мерцающий взгляд, половина моего внимания на дороге, другая половина на моей девушке.

«Я ничего не делаю», — настаивает она, но ее покрасневшие щеки и жесткая соски говорят об обратном.

Сибби просовывает голову между сиденьями, мотая головой туда-сюда между нами.

«Моим приспешникам здесь и так неудобно», — говорит она, злобно глядя на нас. «Если вы собираетесь делать грязные вещи, убедитесь, что мы все можем присоединиться».

Адди закрывает красное лицо. «О, Боже мой, Сибби. Во-первых, мы ничего не делаем. Во-вторых, даже если бы мы это делали, ты бы к нам не присоединилась».

Сибби кажется оскорбленной этой новостью, когда я делаю еще один крутой поворот. Джей говорит мне повернуть налево секундой позже, и машина снова отлетает в сторону.

«Ну, это не очень приятно», — замечает Сибби.

«Сибби, не всем нравится групповой секс, как тебе», — откусываю я, неверие в то, что мы даже разговариваем об этом прямо сейчас.

Ее голова поворачивается ко мне, ее карие глаза широко раскрыты. «Правда? Почему? Это так весело!»

Адди качает головой. «Может быть, для тебя. У Зейда уже есть длинный список голов, которым нужно содрать голову за то, что они увидели меня голой».

— Чертовски верно, — рассеянно соглашаюсь я, слушая еще одно указание Джея.

Сирены начинают затихать по мере того, как я отдаляюсь от нас все больше и больше. Пока один из них не выскочил из переулка и чуть не врезался в заднюю часть моего Мустанга.

Я рычу: «Джей. Предупреждение в следующий раз?»

«Черт, извини, мой брат зашел спросить, могу ли я заказать пиццу».

Господи, блять, Христос.

«Заде, тебе действительно стоит подумать о том, чтобы позволить Адди исследовать».

— Эй, истребитель демонов? подсказываю. — Мне нужно, чтобы ты сейчас замолчал.

Она фыркает, но в конце концов снова садится на свое место. Я все еще слышу ее шепот: «Он такой одержимый придурок. Я рад, что вам, ребята, нравится делиться мной».

Адди приглушает улыбку, кусая губу, отвлекая меня почти настолько, чтобы лететь в канаву. Вот и все. Я делаю это дерьмо один с этого момента.

Рядом со мной моя корчащаяся подружка, а на заднем сиденье — рогатый пес, который испытывает мое терпение. Богом клянусь, если она тронется с Адди, я надеру ей задницу.

Еще одна полицейская машина проносится передо мной в пятидесяти футах, почти столкновения со встречным транспортом. Они выпрямляются перед тем, как направиться прямо ко мне. Они пытаются обмануть меня, заставляя думать, что они не собираются двигаться. Им нравится делать это, чтобы заставить людей руки. Но этот придурок не понимает, что впереди переулок, а я чертовски хорошо контролирую эту машину.

— Видишь улицу?

«Ага».

«Как только вы пойдете по этой дороге, поверните направо и сразу два налево. После этого вы потеряете их всех».

Рука Адди протягивается, сжимая мою руку, когда ее спина глубже вжимается в сиденье, как будто это ее спасет.

— Зейд, — стонет она, широко раскрыв глаза.

— Я понял, малышка, — мягко успокаиваю я. Я нажимаю на тормоза и резко поворачиваю руль в сторону, идеально вписывая свой «Мустанг» в небольшой переулок. Машину немного виляет хвостом, но я легко восстанавливаю контроль. Спустя несколько секунд полицейская машина врезается в стену здания, не справившись с тем, что я только что сделал.

После этого я следую указаниям Джея и выполняю повороты, которые он мне указал.

Как он и сказал, я теряю их всех. Я ожидаю, что вертолеты будут здесь в любую секунду, поэтому я даю газу. Поместье Парсонс находится в десяти минутах езды, но я добираться туда за три. Они будут искать мою машину, но, к счастью, я могу разместить свой «Мустанг» за деревьями, пока от него не станет безопасно избавиться.

Я резко останавливаюсь прямо за линией деревьев, заставляя Адди и Сибби поймать себя на том, что они не падают вперед.

Наступает тишина, периодически прерываемая тяжелым дыханием Адди. Солнце низко опускается ниже залива, свет медленно тонет под поверхностью.

«Мы умерли?» — она пищит.

Сибби снова наклоняется вперед.

— Ты глупая. Если ты еще дышишь, это значит, ты жива, — она громко фыркает. — И ты все так же хорошо пахнешь, как всегда.

Широко распахнутые глаза Адди устремляются на нее, с шокированным лицом. Если бы

тепло не катилось от нее волнами и не превращало мой член в гранит, я бы рассмеялся.

— Сибби, выйдите из машины, пожалуйста, — строго говорю я ей. Она закатывает глаза, но слушает, выгоняя своих воображаемых мужчин из машины, прежде чем захлопнуть дверь.

— Ты в безопасности? — спрашивает Джей по телефону.

— У нас все хорошо, — говорю я. — Спасибо, чувак. Я тебе скоро позвоню.

Прервав вызов до того, как он успел произнести хоть слово, я перевожу взгляд на Адди. Кажется, она еще больше напрягается под моим взглядом, и я бы солгал, если бы сказал, что это меня не возбуждает.

Не отводя взгляда, я нахожу рычаг сбоку от сиденья и поворачиваю его, позволяя мне сдвинуть его полностью назад. Она подпрыгивает, мягкая кожа снова стонет под ее пальцами, а ее взгляд метается по сторонам. Наверное, определяет, как быстро она сможет выйти из машины, прежде чем я наброшусь.

Напряжение невероятно велико, и мой член плотно прижимается к молнии моих джинсов. Это чертовски больно, но я приветствую боль.

— Иди сюда, — грубо приказываю я.

«Зейд...» Ее хриплый голос замолкает, неуверенность омрачает ее решение.

Она колеблется между тем, чтобы послушать мою команду, и тем, чтобы сбежать.

Черт, надеюсь, она сбежит. Бог знает, как сильно я люблю гоняться за ней.

Она должна помнить об этом, потому что глотает, и неустойчивым движением, она заползает ко мне на колени. Завитки ее волос цвета корицы падают мне на плечи и грудь, пока она поправляется, легко ложась мне на бедра. Я знаю, что она чувствует меня между ног, о чем свидетельствует резкий вдох.

Пока что держу себя в руках. Она хочет прикоснуться ко мне — приблизиться ко мне — и я знаю, что это только потому, что она все еще в муках страха и адреналина после автомобильной погони. Это та же самая комбинация, которая заставляла ее драться со мной на каждом шагу, горя и извиваясь под моим прикосновением. Как только она упадет, реальность ударит ее по голове, и она снова начнет съеживаться от меня.

Я хочу напомнить ей, как это хорошо. Дайте ей что-нибудь, за что можно ухватиться, когда она слишком потеряется в своих мыслях и не сможет найти выход из кричащих на нее демонов.

Мои пальцы скользят сквозь завесу волос, скрывающую нас от внешнего мира, пряди обвиваются вокруг моих пальцев. Сейчас здесь темно, и прохладно.

Сквозь щели просачивается апрельский воздух. Вода поглотила солнце, и мне интересно, позволит ли она мне поглотить и себя.

Она хватается за обе стороны моего сиденья, еще раз глубоко впиваясь ногтями, и я чувствую иррациональный прилив ревности, что вместо этого они не впиваются в меня.

— Ближе, мышонок, — шепчу я. — Мне нужно почувствовать, настоящая ли ты, а не просто очередной призрак, обитающий в поместье Парсонс.

Дрожащий выдох скользит по моей щеке, когда она расслабляет свое тело в моем, пока каждый дюйм ее тела не сливается со мной. Я чувствую каждый удар ее сердечного барабана прижимаясь к моей груди, синхронизируюсь с моей в балладе о тоске и печали.

Одна из ее рук отпускает сиденье, двигаясь к центральной консоли в поисках чего-то. Мои брови удивленно подскакивают, когда она достает сигарету и мою черную зажигалку.

Затем она хватается за мои руки и кладет их себе на зад. — У тебя есть время, пока эта

сигарета не догорит, прикоснуться ко мне.

Я ухмыляюсь, наслаждаясь ее ультиматумом. Она будет ожидать, что я сожму ее сиськи и проведу рукой по ее пизде, но она ошибается. Я не подросток, лишенный киски, который знает сдержанность не лучше, чем умеет держаться более тридцати секунд.

Я буду прикасаться к ней во всех местах, которые не будут чувствовать себя достаточно хорошо. Ее внутренний бедра и до того места, где они встречаются с ее задницей, и ее крошечная талия до ее ребер и сбоку ее сисек. Когда у нее не останется ничего, кроме привкуса пепла на языке, я покажу ей, что сожаление еще хуже на вкус.

Она поворачивает подбородок к окну, но не отрывает взгляда от меня, вставляя сигарету между губ и зажигая ее, пламя в опасной близости от моего лица. Вспышка освещает ее необычные светло-карие глаза, создавая поразительный эффект под мерцающим оранжевым светом. Тени танцуют на чертах ее лица, затемняя веснушки на щеках.

В этот момент я решаю, что она не может быть настоящей, и что я сошел с ума, как маленькая кукла, которая бродила внутри стен.

Я готов поджечь всю эту машину, довольствуясь тем, что она горит вокруг нас, если это означает, что я могу смотреть на нее под пылающим свечением. Пламя гаснет, отбрасывая нас обратно во тьму, и только мерцание лунного света позволяет мне видеть ее затененные изгибы.

Вишенка вспыхивает, когда она вдыхает, а затем мягко выдыхает, дым клубится между нами. Мои глаза прикованы к ее рту, отчаянно желая увидеть, как эти губы обвивают меня вместо этого.

«Я осязаема, или ты позволишь мне ускользнуть сквозь пальцы, как дым из этой сигареты?» — спрашивает она хриплым голосом. Каждое нервное окончание загорается от того, как чувственно она звучит.

Вместо того, чтобы дать мне ответить, она выкручивает руку и втыкает сигарету между моими губами. Жжение от никотина и ментола распространяется вниз по моему горлу и в грудь. Она отодвигает его и наклоняется вперед, касаясь моих приоткрытых губ.

Мои руки начинают двигаться, шепча по ее ребрам, заставляя ее дрожать, когда я порхаю ими вниз к ее бедрам, крепко сжимая, прежде чем скользнуть к ее внутренней части бедер.

Я выдыхаю, дым перетекает из моего рта в ее, а затем вытекает из щелей. Она не целует меня, но остается в подвешенном состоянии надо мной и допускает самые легкие прикосновения.

Затем она снова отступает, снова затягиваясь сигаретой. Туда-сюда она крутит его между нами, периодически зола в треснувшее окно. Мои руки никогда не останавливаются, хотя прошло всего несколько мгновений, прежде чем она начала дрожать.

Воздух вокруг нас трещит, и понятно, что мне незачем поджигать эту машину, когда наша химия, как динамит, сжигает все вокруг.

— Наши рты касаются одного и того же места, — дрожащим голосом говорит она. — Это считается поцелуем?

— Ты мне скажи, мышонок. Когда я заставляю тебя взывать к Богу, считается ли это молитвой?

Ее нижняя губа изгибается под прямыми зубами, и глубоко в моей груди возникает рычание.

— Если ты показываешь мне, где кусать, уверяю тебя, эти сладкие губы будут только

началом.

Она не сразу соизволит мне ответить и снова затянется сигаретой, потом подожжет.

— Ты заставишь меня истекать кровью? — спрашивает она хриплым голосом, когда вокруг нас клубится дым.

— Если ты попросишь меня, — бормочу я. — Я бы предпочел, чтобы ты была покрыта моею собственной кровью, однако.

Мой ответ, кажется, удивляет ее, поэтому я пользуюсь преимуществом и наклоняюсь вперед, касаясь губами линии ее подбородка. Она сказала, что я могу прикасаться к ней, но никогда не ограничивала меня руками.

— Что бы ни заставили тебя чувствовать эти мужчины, я не собираюсь заставлять тебя чувствовать, маленькая мышка. Будь твоя кожа между моими зубами, под моим лезвием или под моим языком.

Она вздрагивает, и я кусаю ее за челюсть, чтобы доказать свою правоту.

— Его больше нет, — хрипит она, отстраняясь и выбрасывая сигарету из окна и закрыть его. — Не забудь поднять это.

Напряжение нарастает, пока я жду, когда она откроет дверь и соскользнет с моих коленей. Чувствуя ее смятение, я провожу губами вдоль ее челюсти и приближаюсь к ее рту, пока они не окажутся в нескольких сантиметрах друг от друга.

— У тебя есть время поцеловать меня, пока дым не рассеется, — бормочу я.

Проходит лишь небольшая пауза, прежде чем она врезается своими губами в мои. Мои руки ныряют в ее волосы, крепко сжимая их, пока я пожираю ее губы. У нее превосходный вкус, а ощущение ее языка, скользящего по моему, опьяняет.

Мир мог развалиться вокруг нас, рассыпаться в прах, как сигарета между нашими губами, а я бы и не заметил.

Стаккато и отчаянные стоны смешиваются между моими зубами, и все, о чем я могу думать, это все, как я могу сделать так, чтобы это длилось вечно.

Словно услышав мои мысли, она рванулась прочь, едва не врезавшись в руль в погоне за тем, чтобы уйти. Ее волосы разбросаны по ее лицу, и она смотрит на меня широко раскрытыми, испуганными глазами.

Она туго натянута, и эти струны вот-вот порвутся.

— Дыма больше нет, — шепчет она, прежде чем открыть дверь и вылезти наружу, мгновенно исчезнув.

Я стискиваю зубы и сжимаю руку в кулак в секундах посылая его в руль.

Рыча, я чуть ли не пинком открываю дверь, хватаю окурок и бросаю его в мешок для мусора в машине, затем захлопываю дверь за собой. Напряжение и гнев нарастают в моих мышцах, и повороты шеи мало что облегчают.

Только моя сбежавшая мышка будет, и глубоко внутри этой темной части меня я надеюсь, что она страдает от потери меня так же сильно, как я ее.

Я склоняю голову набок, с недоумением глядя на бегущего человека.

— Почему он так бежит? — спрашиваю я, искренне обеспокоенный тем, любит ли Рик привязывать себя к посторонним предметам. Может быть, кто-то застрял, потому что Иисус, черт возьми, Христос, который так бежит?

— Это... это хороший вопрос, — отвечает Джей через мой наушник. звучит так же озадаченно, как и я. Он наблюдает через дрон, парящий над неуклюже бегущим чуваком.

Мы следим за Риком Борманом с тех пор, как он сбежал из дома Франчески.

Его было нетрудно найти, несмотря на все его попытки остаться незамеченным. Я уверен, что его сморщенной душонке было больно иметь миллионы долларов и не иметь возможности свалить на тропический остров со стриптизершами и минетом. Думаю, этот чувак не так сильно поджарил себе мозг наркотиками, что не замечает массивную мишень у себя на спине.

Один из двух человек, ответственных за похищение моей девушки, и я не отнесусь к этому легкомысленно.

Я вздыхаю, навожу пистолет и стреляю, пуля попадает ему в заднюю часть колена и швыряет его на бетон с резким визгом.

— Чертов членосос! — кричит он, его голос ломается, как у двенадцатилетнего мальчика. Он даже говорил как ребенок, который только что научился ругаться и ругается через каждое слово, потому что пытается быть крутым.

— Ты действительно хочешь назвать меня хуесосом, когда ты делал это последние четыре года, просто чтобы выжить? — возражаю я, выгибая бровь и приближаясь к нему.

Мы находимся в сыром переулке, по обеим сторонам которого валяется мусор, вываливающийся из мусорных баков. Или, может быть, там есть семейство енотов, выбрасывающих нежелательную гниль. Заставляет меня задуматься, сохранят ли они тело Рика после его смерти.

Тротуар влажный и холодный, а у входа в переулок висит жужжащая оранжевая лампочка, дающая достаточно света, чтобы благословить меня с рябым лицом и сальными волосами, заправленными под шапку.

— Да пошел ты, — выплевывает он, держа дрожащими руками окровавленное колено. Или же что от него осталось. Он качается взад-вперед, стонет от агонии и смотрит на меня с ненавистью.

Даже у Адди во взгляде больше силы, и она никогда не ненавидела меня по-настоящему. Не то что Рики Дик вот-вот сделает.

Я приседаю и провожу взглядом по его фигуре, препарируя его, как кости из окаменевшего дерьма. Вожатые летнего лагеря заставили нас сделать это в один год, и все, что я мог чувствовать, было полным отвращением. Ощущения примерно такие же, когда я смотрю вниз на грустное оправдание мужчины.

В то время я не мог понять, в чем, черт возьми, смысл этого упражнения. Теперь, я полагаю, это было полезно, потому что Рик ничем не отличается. Куча дерьма с костями застряла где-то внутри, и в отличие от первого раза, я с удовольствием вытащу из него каждую. По одному.

— Это не та часть, за которую вам следует стыдиться. Это чьи члены вы сосете. Ксавьер Делано звонит в колокольчик?

Он рычит, отводя взгляд и отказываясь отвечать.

Макс дал ему три миллиона долларов за похищение Адди. Больше половины уже ушло.

Помимо пристрастия к наркотикам, у Рика также есть проблемы с азартными играми. Лошади, в частности. И он чертовски плох в этом. Любые деньги, которые он зарабатывает, он влезает в задницу не той лошади и в конце концов выходит с дерьмом. Чтобы компенсировать свою привычку, на протяжении многих лет он ухаживал за богатыми мужчинами. Ксавьер — один из них.

— Ты знаешь, кто я?

Он издает то, что должно было быть смехом, но звучит как влажный кашель.

— Я должен? — он отрезает.

— Целюсь сегодня в сердце, парень, — отвечаю я, ухмыляясь.

Он рычит.

— Дай угадаю — Z. Неудивительно, что ты прячешь лицо: Ты чертовски некрасив.

— Не заставляй меня плакать, Рик. Мне слишком весело, — невозмутимо говорю я.

— Это из-за этого гребаного бриллианта, не так ли? Ты убил Макса? уже, потому что я надеюсь увидеть его в аду, чтобы я мог надрать ему задницу за то, что он втянул меня в это дерьмо. — Он снова смеется, как гиена. — Этот гребаный би.

Прилив ярости ударяет меня в грудь, и я выхватываю руку и хватаю его за челюсти, сжимая, пока он не завизжит, как чертова свинья, которой он и является.

— Закончи фразу, и я вырву тебе язык голыми руками и заставлю тебя подавиться им. И я бы не назвал свою девушку дурой, когда ты лежишь на мусорке с пулей в колене, — откусываю я.

Он кипит, но запирает все оскорбления, которые он был готов извергнуть. Я бы сказал, что он стал умнее, если бы не пытался исподтишка протянуть руку к ножу в заднем кармане. Ручка полностью торчит. Некоторые думают, что мой левый глаз слеп из-за обесцвечивания и прорезающего его шрама, но даже если бы я был слеп, бабушка с бифокальными очками смогла бы увидеть, что он задумал.

Я терпеливо жду, когда он подумает, что у него есть шанс. Он обхватывает пальцами рукоятку, затем вырывает ее из кармана и наносит удары мне в лицо. Я хватаю его за запястье и ломаю, прежде чем он успевает моргнуть, нож выпадает из его рук.

Он кричит, его глаза расширяются от шока, когда он смотрит на свою безвольную, бесполезную руку. Я крепче сжимаю его лицо, его борьба возобновляется.

— Правда, чувак? Гребаный кухонный нож? — спрашиваю я, поднимая пафосный оружие.

Это то, что Адди носила с собой, когда пыталась ненавидит меня, и я смеялся каждый раз, когда видел, как она сжимала его в своем крошечном кулачке.

У Адди есть сила, чтобы порезать меня. У этого мудака нет ни единого шанса.

Он стонет и дергается в моей хватке, грубо трясая головой, пытаясь убрать мою руку со своего лица.

— Отпусти меня, черт возьми!

— Ну, дерьмо, раз уж ты так любезно попросил, пожалуй, я это сделаю, — говорю я, отпуская его.

Его глаза снова расширяются от удивления, а затем он вскакивает. Или, по крайней

мере, пытается. Он мгновенно падает обратно, но его это не останавливает.

Отчаяние сильнее пули в колено.

Если бы правительство могло сдержать эту конкретную эмоцию, оно могло бы создать армию сверхлюдей. Это движущая сила, которая создает экстраординарные способности.

Поднять машину с умирающего ребенка, застрявшего под шиной. Бег со сломанной ногой. Вернее, бег с простреленной коленной чашечкой.

Я поднимаю пистолет и выпускаю еще одну пулю ему в другое колено он рушится обратно на землю. Посмотрим, сможет ли он бежать с обоими взорванными. Возможно, он даже попадет в Книгу рекордов Гиннеса. Человек, пробежавший дольше всех без колен.

Он снова кричит, несколько раз пытается встать, и каждый раз терпит неудачу. Я откидываю голову назад и смеюсь до упаду. Позор, я бы хотел увидеть фотографию Рика в одной из их книг.

— Извини, чувак, я не мог удержаться. Я действительно хотел застрелить тебя снова.

Сквозь его желтые щербатые зубы вырываются ругательства, пока он катается по земле, крича во все горло.

— Ты бы заткнулся? Кто-нибудь может услышать тебя, и тогда у меня будут проблемы, — выговариваю я, улыбаясь шире, когда из его рта вырывается очередная вереница красочных слов.

По правде говоря, мы находимся в дерьмовой части города. Он не может по закону уйти, учитывая, что правительство приостановило действие его паспорта из-за невыплаты алиментов, и у него больше нет денег, чтобы купить поддельный.

Итак, он пытался спрятаться в глуши в нескольких часах езды от Сиэтла, но в настоящее время это имеет неприятные последствия. Вероятно, есть несколько человек, которые слышали его крик, но никто не собирается ему помогать.

Не тогда, когда у них есть свои собственные преступные действия, а их носы или вены забиты любимым наркотиком, который они могут найти. Почти уверен, что мертвый парень лежит на обочине улицы вверх по дороге, и несколько человек перешагнули через него и заставили его двигаться.

Это очень важно для вашего собственного дьявольского делового района. Идеальное место для совершения убийства. Погода тоже хорошая.

— Зет, ты снова играешь со своей едой? — Джей присоединяется к раздражению.

— Что выдало? — спрашиваю я, вставая и подходя к лежащему на земле Рику.

Он пытается отползти, понемногу волоча себя руками. Отчаяние иссякает, и наступает смирение.

— Ты будешь гореть со мной в гребаном аду, — плюется грустный человечек, изо рта у него течет слюна. — Просто, черт возьми, подожди.

Я задумчиво вздыхаю, закатывая каждый рукав.

— Я очень на это надеюсь, Рик. Таким образом, я могу мучить тебя и там.

Я пинаю его в живот, пока он не перекатывается на спину, а то, что осталось от его коленных чашечек, обильно кровоточит.

Он обмяк и теперь молится о смерти вместо того, чтобы пытаться убежать от нее. Даже если бы он выжил, какая у него была бы жизнь без гребаных коленей? Чувак и так невысок, он не может позволить себе потерять больше дюймов. Снова приседая, я вздергиваю его подбородок и прижимаю острие ножа к его горлу. Он не сражается, только кипит на Мрачного Жнеца из-под своего клинка.

— Какие-нибудь последние слова?

— Я... — я перерезаю ему шею, отсекая не только его ответ.

— На самом деле мне все равно, — говорю я, его глаза расширяются от удивления, а рот расставание, когда он начинает захлебываться своей кровью.

— Уф, ты можешь отключить свой наушник? Я слышу, как он булькает отсюда, — стонет Джей мне в ухо. Я закатываю глаза и игнорирую его, продолжая пилить ему горло.

Нож скучнее бабушкиной половой жизни, а прокалывание мышц и костей занимает гораздо больше времени, чем хотелось бы.

В конце концов, я отделяю его голову от тела, моя рука ноет от усилие. Его кровь покрывает меня, как масло, и мне кажется, что я только что сошла со съемочной площадки фильма «Кэрри».

Бросив его голову ему на грудь, я вытираю руки о джинсы, потом роюсь в кармане худи и достаю сигарету. Сбрасывая напряжение с шеи, я зажигаю сигарету и глубоко вдыхаю. Табак наполняет мои легкие, мгновенно успокаивая меня.

Я вдыхаю смерть, чтобы стереть стремление создать ее.

— Рио забронировал рейс в Грецию, — сообщает мне Джей. Он прыгает по всей стране с тех пор, как Адди сбежала, и, как и у Рика, денег на его банковском счете недостаточно для создания нового псевдонима, а значит, его легко отследить. И если я смогу найти его, сможет и Клэр.

У него мало времени, независимо от того, кто доберется до него первым. Лично я хотел бы сам проткнуть ему горло своим ножом, но от этого меня удерживает конкретная маленькая мышка.

Она не сказала этого вслух, но она не хочет смерти Рио.

Меня больше бесит что я не могу полностью винить ее. Она сформировала связь травмы с его, и как бы меня это ни чертовски раздражало, я также рад, что у нее был кто-то вроде как присматривающий за ней в этом доме.

Не отменяет того факта, что она была там из-за него. Возможно, он помог ей сбежать и залечить ее раны, но он все же помог уничтожить ее первой. То, что вы находите время, чтобы собрать осколки разбитой тарелки, не означает, что вы не виноваты в том, что она разбилась.

Следовательно, он должен умереть.

Выдохнув густой шлейф дыма, достаю из кармана небольшую емкость с жидкостью для зажигалок.

— Продолжайте следить за другими разведанными, отслеживающими его, особенно от Клэр. Пошлите за ним одного из моих наемников. Я уверен, что он сильно ударил по нему, и о них нужно будет позаботиться, — приказываю я Джею. — Только я буду тем, кто всадит ему пулю в мозг.

— Понял, — бормочет он, и раздается щелканье клавиш, отчего мой глаз раздраженно дергается. Так. бля. Противно.

— Развлекайся в своем... приключении.

Я хрюкаю, наушник щелкает, показывая, что звонок завершен. Затем я открываю бутылку с жидкостью для зажигалок и обливаю ею тело Рика и отрубленную голову.

Сделав еще одну глубокую затяжку, я бросаю сигарету в его труп, отступая назад, когда он загорается.

— Поездка в ад будет трудной, Рики Дик. Получайте удовольствие от вашего

приключения.

Месяц спустя

— У Франчески короткие светлые волосы? — спрашивает Дайя, ворвавшись в гостиную с ноутбуком в руке.

— Нет, — отвечаю я, пот капает на глаза. Сибби опускает руку, сжатую в кулак и готовую ударить меня прямо в лицо.

Я протираю глаза, чувствуя, как жар давит теперь, когда больше ненужно отвлекся на кричащую банши, которая любит использовать меня как боксерскую грушу.

— Ну, теперь она знает.

Мои глаза загораются, забывая о том, насколько я разгорячена и истощена.

— Ты нашла ее?

— Ты чертовски права, я так и сделала. Чертова авария тоже. Камера из старой закусочной заметила ее в маленьком городке в Южной Каролине около восьми часов назад.

Она шла в туалет и столкнулась с официанткой. Ее солнцезащитные очки полетели, и бац...

Во-вторых, слова вылетают изо рта Дайи. Кулак Сибби летит мне в живот.

Я переворачиваюсь, кислород вырывается из моих легких, когда боль взрывается во всем животе.

Мои глаза вылезают из орбит, и вырывается только хрип.

— Какого черта, Сибби? — Дайя лает.

— Мы еще не закончили спарринг, — пожимает плечами Сибби. — Никогда не обманывай себя. Думая, что ты в безопасности, даже если ты пахнешь красивыми цветами. Ты забыла: Я убиваю людей?

Я кашляю, сторбившись, поворачиваю голову и сердито смотрю на злую ведьму.

Она хихикает и убегает, довольная тем, что преподала мне ценный урок на сегодня.

— Я убью ее, — хриплю я, выпрямляясь и стреляя еще одним кинжалом в коридор, по которому она исчезла. Еще один кашель вырывается из моего горла. — Однако после того, как отдышусь, — хриплю я, в изнеможении падая на клетчатую плитку.

Я спарринговал с ней и Зейдом каждый день. Между ними двумя я была бы счастлива выбрать путь труса и отравить их во сне, просто чтобы девушка могла получить немного тишины и покоя.

Тем не менее, я не могу солгать и сказать, что я медленно не становлюсь крутым парнем.

Прошедший месяц был полон взлетов и падений. Зейд был вынужден купить новую машину, так как ее не только опознали в деле Сатаны, когда поймали Сибби, но и на этот раз как машину для побега.

К счастью, Зейд никогда ничего не ставит под своим именем, поэтому его так и не смогли идентифицировать. Как бы то ни было, водить его уже небезопасно, и на секунду я подумала, что у него будет мемориал в честь этой чертовой штуковины.

USB-накопители, которые Сибби украла у Джимми, были бесполезны, и из-за того, что

ее поймали за пределами его офиса, его паранойя взяла над ним верх, и он все испортил.

Обычно можно было бы списать на случайность, что она была за пределами его дома, но Клэр хорошо осведомлена о связи между Сибби и Зейдом, учитывая, что ее муж был одной из её жертв, а это значит, что Джимми тоже знает.

Вот почему все его устройства были стерты и выброшены, включая джамп-драйвы. Однако Зейд предвидел это и послал одного из своих наемников в дом Джимми, чтобы установить дополнительные USB-накопители в его домашнем офисе.

Это окупилось.

Две недели назад Зейд получил сообщение о том, что Клэр подключила один из его дисководов к своему ноутбуку. Все ее предыдущие сотрудники находятся в гуще судебных исков против нее, и можно с уверенностью сказать, что волосы Джимми стали на два тона светлее. Они не ждут победы, но Зейд уже позаботился о том, чтобы компенсировать им потраченное время и усилия. Теперь у них у всех есть стабильная работа и защита от Клэр.

С тех пор мы потратили время на расшифровку ее сообщений и получение как можно большего количества информации из ее деловых отношений. Нам удалось определить ее местонахождение на отдаленном острове на другом конце света. Мы ищем лучший способ выманить ее из этого, но Зейд хочет получить как можно больше информации об Обществе, прежде чем мы ее убьем.

Было пугающе узнать, что влияние Клэр намного глубже, чем мы могли себе представить. У нее есть руки во всем. Благотворительные организации, сотни тысяч организаций и предприятий, банки, крупные фармацевтики и медицинская промышленность, судебная система и, конечно же, все гребаное правительство. Потребуются годы, чтобы исправить весь ущерб, который она нанесла, и стереть ее влияние.

— Я помогу тебе убить ее, — говорит Дайя, садясь рядом со мной и скрестив ноги.

— Но сначала, Франческа. Поэтому после того, как она и официантка столкнулись, Франческа закатила истерику и ударила женщину. Были вызваны власти, но Рокко с оружием в руках выбрался из закуской и сел в свою ржаво-коричневую «шевроле импалу». Они улетели, и я смогла отследить их весь путь до мотеля, в котором они остановились.

— Святое дерьмо, — выдыхаю я, широко раскрыв глаза. — Ты, блядь, нашла их.

Она ухмыляется.

— Время шоу, детка.

* * *

Я чертовски нервничаю.

Я вытираю влажные руки о джинсы, делая глубокие вдохи, чтобы успокоить нервы.

Ты можешь это сделать, говорю я себе, затем немедленно обращаю внимание на Дьяволицу с выше. Верно, Боже? Скажи мне, что я права.

Зейд и я запрыгнули в его частный самолет через двадцать четыре часа после того, как узнали, где скрываются Франческа и Рокко. Поскольку у него есть наемники в каждом штате, он приказал одному из них подготовить для нас машину в аэропорту, и через час я стою у их дверей.

И слегка паникую.

Мотель, перед которым я стою, выглядит так, словно он прямо из мотеля Бейтса.

Заброшенный и принадлежащий серийному убийце.

Брат и сестра остаются здесь уже три ночи, и мстительная часть меня вне себя от радости. Моя бывшая грумерша всегда жила в грязи, но ходила так, будто с нее капали деньги и класс. Она не хотела ничего, кроме роскошной жизни, но по требованию Клэр была вынуждена остаться в дерьмовом доме со своим братом.

Расположение дома идеально подходило для укрытия девушек и проведения Отбора, поэтому Клэр не позволяла ей переехать в более приятное место — на что Франческа часто жаловалась. Поэтому вместо этого она вложила все свои деньги в свой гардероб, чтобы создать иллюзию своего благополучия.

И это... это самое дно, когда дело доходит до грязи.

Как и заслуживает сука.

«Обслуживание номеров!» — кричу я, стуча костяшками пальцев в красную дверь.

Изнутри слышны крики, но они не громче, чем дело о домашнем насилии через две двери.

И не громче, чем другая обессиленная пара через три двери впереди, громкие стоны и хрюканье, доносящиеся из их комнаты.

— Уходите! — кричит Франческа с другой стороны, после чего следует мясистая пощечина.

— Ты глупая сука, вот почему мы в этой ситуации! Ты не можешь держать свои гребаные руки при себе!

— О, это богатство исходит от тебя, — шипит она в ответ. — А как насчет всех моих девочек, а? Думаешь, они скажут тебе, что ты держишь руки при себе?

— Заткнись сейчас же, или я тебя убью.

— Сделай это! — кричит она. — Мы все равно все потеряли, Рокко. От Клэр уже почти месяц ничего не слышно, кроме того, что нам сказали, что мы не можем покинуть эту чертову страну. У нас заканчиваются деньги, потому что мы не можем получить доступ к нашим картам, я устала от этого тупого парика, и в этом мотеле есть тараканы!

Моя рука зависла в воздухе, готовая снова постучать, но, должен признаться, эта небольшая вечеринка жалости меня развлекла.

«Обслуживание номеров!» Я звоню снова, улыбаясь, когда Франческа громко визжит в ответ. Сибби бы гордилась.

Этот красноречивый признак того, что ее каблуки топают к двери, стирает улыбку с моего лица. На мгновение я забываю дышать, когда переносюсь обратно в этот дом, страшась каждого шага, стучащего по деревянным полам.

Дверь распахивается, вырывая меня из моих кошмаров, только для того, чтобы они материализовались передо мной.

Она бурлит, тяжело дышит, как бык, ее широко раскрытые глаза устремлены на меня.

«Привет, Франческа. Скучай по мне?» — спрашиваю я, натягивая на лицо широкую улыбку.

Видение ее влияет на меня гораздо сильнее, чем я ожидала, но это не умаляет убийственной ярости, которую я испытываю к ней.

Во всяком случае, это усиливает его больше.

Рокко подходит к ней сзади, его челюсти шевелятся при ходьбе. Франческа застыла в дверях с потрясенным выражением лица, а я стою так же парализованно.

Дыши, Адди. Они больше не могут навредить тебе.

«Ты, должно быть, гадишь на меня», — говорит Рокко, вырывая Франческу и меня из пристальных взглядов, в которых мы оказались.

Она собирается захлопнуть дверь, но я упираюсь в нее плечом, и дерево звенит от дверного затвора.

Зейд взял дозаторы EpiPen и наполнил их небольшими дозами анестезия для меня. Я быстро выхватываю одну из них из переднего кармана и вонзаю ей в шею сбоку, пока ее ногти не успели вцепиться мне в лицо.

Франческа падает прямо в тот момент, когда Рокко врезается в меня, как полузащитник, его тело врезается в стену и выбивает воздух из моих легких. Моя голова ударяется об него, узнавая на собственном горьком опыте, что стены бетонные. Звезды взрываются в моих глазах, и все, что я могу сделать, это слепо оттолкнуть руки Рокко, пока я не стряхну их из поля зрения. Мне удаётся попасть Рокко в горло — хоть оно и слабое — и свернуть под его руку. Он душит и рубит, давая мне достаточно времени, чтобы прийти в себя.

В последний раз, когда он изнасиловал меня, он также в последний раз видел меня беспомощной.

Рыча, он разворачивается, размахивая рукой, целясь в к моему лицу. Я пригибаюсь и наношу ему удар в живот, застав его врасплох. Прежде чем он успевает прийти в себя, я снова выбиваюсь. На этот раз между ног.

Он кричит, глаза выпучены и опрокидываются от боли. Я хватаю другой дозатор и втыкаю ему в шею, его стоны вскоре стихают. У одного соседа громко играет рок-н-ролл, а у другого из телевизора ревет новостной канал. К счастью, ни один из них, похоже, не собирается проверять нас.

Задыхаясь, я оборачиваюсь и вижу, что Зейд прислоняется к двери скрестив руки ухмыляясь. В его инь-ян глазах вихрится смесь жара и гордости.

Я не могу не чувствовать себя на вершине гребаного мира.

— Хорошая работа, мышонок, — хвалит он глубоким и гладким, как масло, голосом.

— Не хотел присоединиться?

Он ухмыляется. «Моя девушка справилась с этим».

Моя грудь набухает. Любовь Зейд кажется сном, но его доверие и уверенность кажутся сбывшейся мечтой.

— Спасибо, — выдыхаю я, капля пота стекает по моей спине. Я упираюсь руками в бедра, глядя вниз на парочку, лежащую на полу.

Они выглядят тяжелыми.

Отряхнув руки, я направляюсь к нему и хлопаю его по груди, говоря: «Я позволю тебе выполнить их», прежде чем проскользнуть мимо него.

Ответное рычание Зейда ускоряет мои шаги, и на моем лице расцветает искренняя улыбка. Когда я оглядываюсь назад, его голова повернута через плечо, и он смотрит на меня так, будто у него есть планы насчет меня позже.

Он не будет действовать на них, но я не буду лгать и скажу, что идея звучит не слишком интригующе.

Проверив прохожих, Заде быстро затаскивает Рокко на заднее сиденье, а Франческу в багажник.

Они еще какое-то время будут отсутствовать, но он везет нас обратно в аэропорт тем не менее.

К счастью, они просыпаются только на полпути домой, и мы снова вырубам их, прежде

чем они успевают вызвать у кого-либо из нас головную боль.

Уже за полночь, когда мы подъезжаем к вырисовывающемуся готическому особняку, горгульи, расставленные по обеим сторонам крыши, смотрят на нас сверху вниз.

Думаю, они одобрили бы то, что мы делаем, будь они живы.

На этот раз я помогаю Зейду. Он берет Рокко, а я вытаскиваю Франческа из багажника. Я случайно роняю ее, что вызывает смехок у Зейда, когда он тащит Рокко вверх по ступенькам крыльца и через парадную дверь.

К счастью, Франческа худая. Она была одержима своим имиджем и ела как кролик. Нагнувшись, я поднимаю ее на руки и перебрасываю через плечо, а затем быстро пробираюсь в усадьбу.

Вес, который я потерял во время плена, снова набрался в мышцах. Я не только вернулся к здоровому весу, но и в лучшей форме, чем когда-либо. Тонус во всех нужных местах, мышцы на руках и ногах, и даже моя задница округлилась.

Большую часть дней я все еще борюсь с тем, чтобы смотреть в зеркало и видеть что-то прекрасное, как раньше. Не из-за того, как я выгляжу, а из-за того, как я себя чувствую. В моих глазах мое тело покрыто грязными отпечатками ладоней, и никакое оттирание не избавит меня от них.

Я позволила Франческе упасть на пол, и ее голова треснулась о клетчатую плитку. Пот выстилает линию роста моих волос, и мне нужно время, чтобы отдышаться.

Франческа и Рокко предполагают, что Зейд быстро замучает и убьет их. Но тут они ошибаются. У меня гораздо более грандиозные планы. Не только для них, но и для Ксавьера Делано.

Он прячется на своем частном острове в окружении мини-армии, но Зейд получил известие, что в конце месяца у него запланирована поездка в Лос-Анджелес. Остров находится недалеко от западного побережья, лететь всего два часа, но спрятать большой черный самолет от авиадиспетчеров все равно невозможно. Нет, если только он не хочет рискнуть влететь носом в другой самолет и тут же разбиться на части.

Это было бы чертовски неловко.

Итак, пока мы не получим Ксавьера, Франческа и Рокко будут тусоваться с призраками в подвале. Он был отремонтирован, когда я отремонтировала поместье Парсонс, но там все еще чертовски жутко.

Когда Сибби замечает наших новоприбывших, она взволнованно подпрыгивает.

— Они пахнут прямо гнилью, — кричит она, с отвращением кривя губу.

Указывая на Рокко, она говорит:

— Этот пахнет тухлыми яйцами. А другой пахнет тухлой тыквой.

Мои глаза и глаза Зейда сталкиваются, что за херня на наших лицах.

— Тыква? — тихо произносит он в замешательстве. Я пожимаю плечами, слишком измученный, чтобы наплевать. Большая часть дня прошла в разъездах, и я готова ко сну.

— Сибби, убери ее ноги. Мы понесем ее вниз вместе, — приказываю я.

Она оборачивается и говорит с одним из своих приспешников.

— Вы ребята потом смывете с меня их вонь.

— Боже мой, — говорю я, снова переводя взгляд на Зейда.

— Завтра мне придется вымыть ванну.

Он качает головой, выглядя обеспокоенным.

— Используйте святую воду. Много святой воды.

Я чертовски ненавижу турбулентность.

Как раз в тот момент, когда я начинаю наносить красную помаду на губы, самолет грохочет, и пунцовый цвет теперь на моей чертовой щеке.

Вздохнув, я достаю из ручной сумки детскую салфетку и стираю ее.

Ксавье прилетел в Лос-Анджелес вчера вечером, так что мы на частном самолете Зейда и примерно на полпути туда. У нас есть информация, что он будет посещать эксклюзивный подпольный клуб, поэтому нужно выглядеть дорого. Мне не терпится увидеть Ксавье снова, поэтому я решила занять свое время, подготовившись во время чем тонуть в тревоге и стирать макияж.

Мне интересно, чувствовал ли Ксавье когда-нибудь подобное. Его высокомерие свидетельствует о том, насколько он глуп. Он несколько месяцев ничего не слышал от Z, и он думает, что он достаточно безопасен, чтобы выйти из укрытия на выходные.

Честно говоря, я нахожу это уместным. Если он думал, что сможет купить меня и держать в качестве личной рабыней без того, чтобы Зейд нашел его, конечно, он был бы достаточно уверен в себе, достаточно, чтобы войти в клуб и думать, что он вернется по своей воле.

Клуб, в котором он окажется, ориентирован на людей с темными желаниями. Согласно исследованиям Зейда, все женщины находятся там по собственной воле, что позволит нам сосредоточиться исключительно на Ксавье. Это не что иное, как благословение. Было бы намного сложнее для нас обоих, если бы он был достаточно уверен в себе, чтобы войти в клуб и думать, что он выйдет оттуда по своей воле.

Клуб, в котором он окажется, ориентирован на людей с темными желаниями.

Согласно исследованиям Зейда, все женщины находятся там по собственной воле, что позволит нам сосредоточиться исключительно на Ксавье. Это не что иное, как благословение. Было бы намного сложнее для нас обоих зайти в место, где женщин продают или подвергают насилию и не разрушить все здание. И честно говоря, я бы беспокоилась за Зейда, если бы это было так.

Он сжег весь мир, чтобы найти меня, и не останавливается с тех пор. Он выследил друзей Рокко и нескольких гостей, которые присутствовали на Куллинге, и отправил их всех под землю. Ну, технически, теперь они — пыль на ветру.

Между обучением и присмотром за мной, охотой на Клэр, Ксавье, моих похитителей и всех, кто ступал в этот дом... Я не знаю, как у него осталось хоть немного времени на размышления.

Он также пытался сорвать еще несколько аукционов, но я подвела черту. и потребовала, чтобы он привел других наемников, чтобы занять его место в это время.

Мне не потребовалось много усилий, чтобы убедить его, что только доказывает, насколько он был измотан.

Он — машина, и в последнее время мне приходится принуждать его к поцелуям чтобы он расслабился. Этому засранцу удалось пристрастить меня к его губам после погони, и я даже не могу злиться, когда это единственное, что, похоже, помогает нам обоим оставаться в здравом уме.

— Ты прекрасно выглядишь, — раздаётся сзади меня глубокий баритональный голос. Я поворачиваюсь чтобы увидеть Зейда, прислонившегося к дверной раме мини-люкса и смотрящего на меня так, словно Я — бокал лучшего виски, и он готов убить за один глоток.

— Спасибо, — пробормотала я, нервно проводя руками по платью. Это кроваво-красное, без бретелек, с одной стороны разрез ниже изгиба моей задницы, а с другой стороны резко сужается вниз, шелк струится до щиколоток с другой стороны.

Оно напоминает мне платье, которое я надевала, когда он взял меня в поместье Марка в прошлом году. Я уверена, что никогда не смогу смотреть на красное платье и не думать о том, что он сделал со мной в том кинотеатре.

Особенно сейчас, когда он крадетсЯ ко мне с моим черно-фиолетовым лезвием и ремешком в руке, с дьявольским блеском в глазах.

На мне пятидюймовые черные каблуки, но все равно я чувствую себя маленькой девочкой, стоящей рядом с Зейдом. Его рост, должно быть, не меньше шести футов и шести дюймов.

— Не забудьте это, — говорит он, протягивая нож и кружевной ремешок. — Ты не останешься без защиты.

— И не мечтайте, — бормочу я, очарованная им. Мое сердце забилося в горле, когда он опускается передо мной.

— Что ты делаешь? — Я дышу, наблюдая, как его длинные пальцы тянутся ко мне и схватили мою лодыжку. Его прикосновение кажется электрическим, моя нога подергивается от ощущения его кожи, медленно проходящей по моей коже. Я задерживаю дыхание, мое сердце учащается, когда его рука исчезает под шелком и поднимается все выше.

«Возлагаю корону на мою королеву», — пропел он.

«Что ты имеешь в виду?» рассеянно бормочу я, дрожа от электрических токов, проходящих по моей ноге.

«Корона символизирует власть. Вот что значит этот нож для тебя».

Я дрожу, и жидкое тепло скопилось у меня в животе. Что-то что я все еще привыкаю чувствовать снова, когда Зейд достаточно храбр, чтобы прикоснуться ко мне.

За последний месяц он стал более смелым, прижимается ко мне при каждом удобном случае и использует любой повод, чтобы прикоснуться ко мне, его пальцы всегда задерживаются дольше, чем нужно. По ночам, когда я теряюсь в кошмаре, я позволяю ему обнять меня ненадолго, чувствуя себя с ним в большей безопасности, чем в своей собственной коже.

Иногда в такие моменты он нежно целует меня в челюсть, никогда не заходя слишком далеко, но знакомя меня с ощущениями его ласк. Больше и больше, я жажду его и ищу его. И в последнее время мне стало казаться, что этого недостаточно. Как будто мне нужно больше.

Чувствуя мое растущее возбуждение, он поворачивает голову и нежно целует мое колено и смотрит на меня сквозь густые черные ресницы. Зубы зажимают мою нижнюю губу между ними, и его глаза пылают в ответ.

Опустив свой горящий взгляд, он смахнул материал моего платья в сторону, и теперь обе ноги обнажены. Я решила обойтись без трусиков с этим платьем, шелк слишком тонкий, чтобы скрыть линии трусиков. Если бы он приподнял материал еще на дюйм, он сможет увидеть между моих бедер.

Его ноздри раздуваются, и я чувствую, как мое лицо становится горячим и еще больше пылает, когда он наклоняется ближе.

Я чувствую твой запах.

То, что он сказал мне так давно, когда велел мне бежать и прятаться в Поместье Парсонс, обещая наказание, если он найдет меня.

У меня такое чувство, что он чувствует мой запах сейчас, и то, как сильно мое тело плачет по нему.

«Подними ногу, детка», — грубо приказывает он, голос хриплый от желания. Я слушаю, наблюдая, как он обвязывает кружевной ремешок вокруг моей ноги и поднимает ее к верхней части бедра, его костяшки пальцев опасно приближаются к моему центру.

«Ты помнишь, как этим пользоваться?» — спрашивает он, перебирая лезвие в своих ловких пальцах. Ради всего святого, я не могу понять, почему это было одним из самых горячих вещей, которые я когда-либо видела, как он делает.

«Угу», — пискнула я. Мне требуется усилие, чтобы оторвать взгляд от крутящегося лезвия, чтобы встретиться с его взглядом. В его несочетаемых глазах мелькает намек на вызов, и я чувствую, что поднимаюсь, чтобы встретить его. «Ты знаешь, как им пользоваться?»

Я никогда не пойму, почему я подстрекаю его, даже когда настороженность скрывается за облаком похоти.

Ухмылка, которая кривит его губы, злая, заставляющая мое тело покраснеть. Я перегрелась, а он едва прикоснулся ко мне.

Я не уверена, что он намерен сделать, но выражение его лица говорит мне, что это будет что-то гнусное.

«Ты не можешь порезать меня этим», — серьезно говорю я. На мгновение я вижу вспышку ярости в его глазах, но она исчезла прежде, чем огонь успел разгореться. И я знаю, что он знает причину моей просьбы. Было несколько ночей, когда я призналась в том, что со мной делали в этом доме, включая Ксавье в том, как он насилует меня, разрезая на части.

На мгновение я запаниковала, боясь, что он остановится на напоминании о том, что другие мужчины пользовались моим телом. Напрягшись, я жду отвращения. Я бы не винила его, если бы я вызывала у него отвращение, но это все равно разорвало бы мое сердце.

Вместо этого он переворачивает лезвие, пока не берет острый край в руку.

Затем он скользит рукояткой по моему бедру, нежно и дразняще. Страх начинает рассеиваться, облегчение пропитывает мои кости. Но даже это быстро проходит, когда рукоятка ласкает мою киску, лишь шепотом.

Теперь я не чувствую ничего, кроме предвкушения и томительной настороженности.

Турбулентность снова раскачивает самолет, физическое отображение того, что чувствует мое сердце.

«Знаешь ли ты, что возвращение чего-то, что было украдено у тебя, может помочь справиться с травмой?» — спрашивает он.

«Да», — бормочу я.

«И если что-то причиняло вам боль раньше, то придание этому нового смысла может помочь».

Его глаза поднимаются и пристально смотрят на меня.

«Хочешь, я покажу тебе новое значение этого ножа?».

Я колеблюсь, но затем киваю головой. Страх другого рода овладевает моим телом — тот, который меня всегда привлекал. И мне так не хватало этого сильно.

«Подними платье», — грубо требует он, его голос глубокий и хриплый.

Я быстро делаю то, что он говорит, задирая материал достаточно высоко, чтобы обнажить вершину моих бедер.

Его ноздри раздуваются, и он ненадолго сжимает челюсти, прежде чем приказать: «Теперь обхвати мою руку».

Нахмутив брови, я делаю то, что он говорит, хватаюсь за его руку, которая плотно обхватывает лезвие. «Не хотелось бы порезать эти красивые руки.

Так что ты будешь направлять меня».

Я качаю головой, чувствуя, что начинаю отступать.

«Я не трону тебя», — обещает он. «Ты контролируешь себя, маленькая мышка. Я здесь только для того, чтобы защитить твою руку. Вместо того, чтобы позволять этому ножу причинять тебе боль, используй его, чтобы доставить себе удовольствие».

Мое горло сжимается, и я испытываю сильнейшее желание убежать. Но это это чувство не дает мне покоя. Я не хочу, чтобы Ксавье победил. Чтобы он преследовал мою жизнь настолько ужасно, что неодушевленный предмет имеет возможность управлять мной.

Кивнув головой, я веду его руку вверх, мое дыхание сбивается, когда рукоятка скользит по моей щели.

Зейд внимательно следит за моими движениями, его зубы стиснуты, а мышцы на его челюсти пульсируют. Кровь начинает стекать по его запястью, и по причинам, которые я не могу объяснить, я крепче сжимаю его руку, вызывая новые струйки крови. Он рычит в глубине своей груди, но не останавливает меня.

Я прикусываю губу, и хныканье вырывается наружу, когда я медленно ввожу его в себя, мои ноги дрожат.

Обычно я не думаю, что когда-либо могла бы получить удовольствие от траханья себя рукояткой ножа. Но использование руки Зейда для этого добавляет слой удовольствия, который я не смогла бы найти сама. Видеть, как его кровь капает с наших рук. вместо моей собственной — это делает со мной что-то, что я не могу объяснить.

Мое дыхание учащается, когда я ввожу рукоятку в себя до упора, пальцы Зейда прижимаются к моей плоти. В глубине его груди раздается стон, но он сдерживает свое обещание, его рука даже не дергается против меня.

«Скажи мне, каково это», — хрипит он, замороженным видом того, как я стягиваю наши руки вниз только для того, чтобы снова поднять их вверх, вызывая резкий толчок блаженства.

«Так хорошо», — выдыхаю я со стоном, мои глаза трепещут, когда я продолжаю, набирая темп, который грозит заставить меня забыть свое имя.

«Давай медленнее», — призывает он, его рука сгибается под моей. Я заставляю себя слушать, сохраняя постепенный темп и растягивая удовольствие.

«А теперь смотри на себя. Посмотри, какая ты красивая, когда трахаешь себя».

Рот разинут, грудь вздымается, я смотрю вниз, между своих скользких бедер. эйфория усиливается от этого зрелища.

«Видишь, как ты капаешь на наши руки, детка?».

Обе наши руки покрыты его кровью, мое возбуждение смешивается и рождает дорожки через багровые пятна на нашей коже.

Мой живот сжимается, оргазм зарождается в моем желудке.

«Да», — стону я.

«Знаешь, что я вижу? Я вижу, как крепко твоя киска сжимает нож», — рычит он, лицо

напряжено от потребности. «Как будто она просто умоляет, чтобы ее наполниться».

«А ты бы хотела, чтобы вместо него был твой член?» Я задыхаюсь, наслаждаясь тем, как его глаза вспыхивают. Мне абсолютно нравится, что он может только мечтать о том, чтобы трахнуть меня, вынужденный вместо этого смотреть, как рукоятка ножа делает это вместо него. Прилив энергии проходит через меня, и я не могу сдержать улыбку.

Его глаза поднимаются к моим, что-то опасное плещется в его радужке. Мой живот сжимается, оргазм накатывает с новой силой. Но я не боюсь его. Я жалею его.

«Тебе больно знать, что ты не можешь прикоснуться ко мне? — спрашиваю я, еще один стон вырвавшийся на свободу, когда я ударила в ту точку внутри меня. — Режет ли это глубже, чем этот нож?»

«Да», — признается он, его тон низкий и мрачный.

«Ты не можешь получить его», — дразню я. Он пристально смотрит на меня, понимая, что я делаю, и ему это не нравится. И все же он никогда не слушается меня, зная, что доверие, которое я ему оказала, будет разрушено.

Уважение причиняет боль, когда у тебя связаны руки.

Я ввожу нож все глубже и быстрее, достигая пика, и решаю, что если дать ему попробовать на вкус, то это усилит агонию.

Все, что мне нужно, это небольшой толчок, но на этот раз не я буду умолять его. умолять его позволить мне кончить.

Он будет умолять меня.

«Ты хочешь полизать меня, Зейд?» спрашиваю я, глаза угрожают пересечься. «Я так готова кончить».

Он опускает взгляд на наши руки, обнажая зубы от сдержанности.

— Да, — задыхается он.

— Скажи «пожалуйста».

Его опасный взгляд и дикий изгиб губ обещают возмездие, но он не колеблется.

— Пожалуйста, мышонок.

— Один лизни, — разрешаю я. — Засчитай его.

Одарив меня последним оценивающим взглядом, он наклоняется вперед, и я дрожу, ощущая его горячее дыхание над моей сердцевинкой.

А потом его язык скользит по моему клитору, медленно и твердо. Он стонет вокруг меня, и я больше не могу держаться. Я рассыпаюсь вокруг него, кричу, когда мой мир распадается на части. Моя свободная рука летит в его волосы, хватаясь за что-нибудь, чтобы удержаться, когда мои колени подгибаются.

Он быстро встает, ловит меня и прижимает к себе, наши руки плотно прижаты к моей киске, пока я катаюсь на волнах.

Я прижимаюсь лбом к его груди, замуривая глаза, пока остатки оргазма медленно исчезают.

Обе руки обхватывают мое лицо, а затем скользят в мои локоны, оттягивая мою голову назад и прижимают его рот к моей щеке.

«Отдай мне их», — резко требует он.

С последними толчками, все еще атакующими мои нервы, я позволяю ему войти, поворачивая свой рот к его рту. Его губы немедленно захватывают мои, и это соперничает с удовольствием излучаемое моими бедрами.

Он целует меня глубоко и извлекает небольшой хриплый стон, прежде чем отстраниться

только для того, чтобы провести губами по моему уху. Я замираю от удивления, когда он потянулся в карман, достал розу и положил ее мне за ухо.

«Однажды ты снова почувствуешь себя в безопасности со мной, — шепчет он, его голос опасно мягкий. — И когда этот день наступит, тебе лучше молиться, чтобы я был щедрым».

* * *

Как только я вхожу в клуб Supple, возникает ощущение, что некая зловещая сущность протягивает руку и обхватывает меня.

Черная шипованная полумаска надвигается на мои глаза, скрывая верхнюю половину моего лица. Хотя они не обязательны в этом клубе, чаще посетители носят их предпочитая сохранить анонимность своей личности. Что означает сохранить свою репутацию в целостности и сохранности.

Тяжелые басы вибрируют на черно-золотом мраморе, который тянется по всему полу с двумя барами по обеим сторонам и сценой с сидячими местами прямо впереди вокруг нее.

Вместо типичной клубной музыки звучит медленная и тяжелая музыка, а на сцене стоит женщина, исполняющая чувственный танец под тяжелый ритм. На ней черный бюстгальтер и трусики, поверх которых надето платье-сетка, инкрустированное бриллиантами.

Красная маска закрывает ее лицо, темные волосы волнами рассыпаются вокруг нее.

На несколько мгновений я очарована. Ее изящные изгибы перекатываются и двигаются с идеальной точностью, привлекая зрителей, как мотыльков на ревущее пламя.

Она не снимает одежду, но ей даже не нужно раздеваться, чтобы исполнить самый сексуальный танец, который я когда-либо видела.

«Сосредоточься, детка», — шепчет Зейд по Bluetooth мне на ухо. Его голос глубокий и с гравием, от которого по моему позвоночнику пробегает дрожь. Скорее всего от того, что я наблюдаю за ней. Он взломал камеры в каждом углу комнаты, и даже через зернистые кадры, он, должно быть, видел, как я была очарована.

Я чувствую, как мои щеки заливают румянец, распространяющийся вниз к животу. Это место уже впивается в меня своими когтями, а я едва успела пройти через входную дверь.

«Она хорошо танцует», — защищаюсь я, отказываясь смущаться из-за того, что я оценила красоту другой женщины.

«Не заметил», — отвечает он.

Странно, но я верю ему, и что-то в этом усиливает жар, бурлящий в моем животе.

Несколько человек выстраиваются вдоль барных стульев, хотя в комнате далеко не тесно. Я замечаю свободное место в середине левой стойки бара и направляюсь к нему.

Мне нужно выпить, прежде чем я пойду вниз — туда где, по словам Зейда, происходит настоящий разврат.

Бармен — молодой человек в костюме и галстук-бабочке с элегантным черным жилет. Его блестящие черные волосы зачесаны назад, и только тонкие усы прикрывают его верхнюю губу. Он напоминает мне, как выглядел бы Эдгар Аллан По в его молодые годы.

«Что я могу предложить вам, мисс?» — вежливо спрашивает он, его темные глаза прищурены.

«Мартини, пожалуйста», — отвечаю я.

Через пару минут он уже подносит мне напиток и принимает мои деньги. с приятной

улыбкой. К счастью, он не пытается вступать в светскую беседу и сосредоточился на своем баре и других посетителях.

Я незаметно оглядываюсь по сторонам, потягивая свой мартини, который скользит по моему горлу, успокаивая мои нервы. Я не могу отделаться от ощущения, что за мной наблюдают, хотя, полагаю, в этом и заключается цель этого места. Очевидно, вуайеризм и эксгибиционизм здесь — само собой разумеющееся. Здесь так много мест, уединиться, и большинство посетителей не беспокоятся об этом.

Это не столько неудобно, сколько нервирует. Это заставляет меня задуматься, что чувствует женщина на сцене, когда столько глаз следят за ее каждым изгибом. Заставляет ли это ее чувствовать себя хорошо? Или она отгораживается от тяжести взглядов людей и погружается в музыку?

Допив свой напиток, я отодвигаю стакан и соскальзываю с табурета, прежде чем я не поддастся искушению заказать еще один. Как бы мне ни хотелось поддаться приятному кайфу, который приносят несколько напитков, я хочу иметь всю свою смекалку при общении с Ксавьером.

Я подготовился к встрече с ним настолько, насколько это возможно за такой короткий промежуток времени, но я не настолько заблуждаюсь, чтобы верить, что он не разорвет старые раны в считанные секунды. Но я сильнее, чем была, и я никогда больше не буду проливать за него кровь.

Как только я спущусь вниз, Зейд вскоре последует за мной. Хотя он доверяет мне справляться с собой, он все еще отказывается оставить меня одну.

Я не могу отрицать, что его присутствие придает мне сил, и когда я сталкиваюсь с одним из моих обидчиков, я возьму столько, сколько смогу получить.

Медленно выдохнув, я нахожу занавеску, ведущую вниз по лестнице, где мужчины и женщины приходят и уходят. Пригнув голову, я следую за парой, их руки блуждают друг по другу с каждым шагом.

Запах секса пронизывает воздух, когда я выхожу из другого занавешенного подъезда.

Здесь, внизу, значительное количество тел занимает пространство — по крайней мере, половина из них находится в состоянии раздевания. Несколько женщин обнажают свои груди, чтобы другие трогали и целовали. У нескольких мужчин руки засунуты в платья или глубоко внутри других брюк другого мужчины.

Здесь нет ничего запретного, и мне приходится напоминать себе, что все происходит по обоюдному согласию. Это не так, как когда меня и других девочек наказывали вместе, в комнате полно голых тел, но несколько из нас не хотят.

На мгновение я останавливаюсь, чтобы принять все это. Познакомиться с сексом, который ползает по грани врожденной порочности, но приносит только удовольствие и желания. Для всех участников.

По правде говоря, я завидую. Я скучаю по свободе секса, и по своему комфорту в нем. Даже когда опасный, внушительный мужчина принуждал меня к этому, мое тело все равно требовало этого, даже если моя голова кричала об обратном. Теперь, мысль об этом похожа на прием сильного наркотика и слишком сильный кайф. Это нервное чувство, потому что контроль недостижим, и это становится постоянной битвой за то, чтобы уговаривать себя не паниковать.

Заставив свои плечи расслабиться, я оглядываю комнату, ища кого-нибудь похожего на Ксавье. Большинство из них носят полумаски, оставляя свой рот открыт для... целей.

Сердце колотится, я пробираюсь через тела, ищу его и ничего не нахожу.

Только через пятнадцать минут Зейд сообщает: «Нашел его. Он по коридору в смотровых комнатах».

Я замечаю коридор слева от себя, сглатываю, когда вижу, каким темным и непривлекательным он выглядит. Затаив дыхание, я прохожу мимо корчащихся тел, уворачиваясь от нескольких блуждающих рук.

Мое сердце колотится в груди, когда я вхожу в коридор. Неоновые красные лампы по обе стороны потолка, освещая пространство цветом, который символизирующим разврат. Это напоминает мне дом с привидениями, но вместо криков ужаса, это крики удовольствия.

«Ты можешь это сделать, Адди», — подбадривает Зейд, голос мягкий. Он, должно быть, слышит мое тяжелое дыхание. Пот покрывает мой лоб и затылок. шею, когда я вхожу в комнату, которую, казалось бы, можно увидеть только в кино.

Вокруг меня три массивных стеклянных окна в каждой стене.

За каждым окном — комната, пара в различных стадиях секса. Прямо впереди, женщина стоит на четвереньках, а мужчина стоит позади нее и хлещет ее по заднице тростью.

Пара слева от меня занимается оральным сексом. Мужчина стоит с женщиной в его руках, перевернутой вверх ногами. Я качаю головой, немного любопытно, насколько сложно это будет сделать.

Справа от меня женщина прикована к кровати и извивается, когда мужчина в кожаном костюме хлещет ее.

В комнатах, должно быть, есть колонки, потому что их стоны звучат так же громко как если бы я стоял рядом с ними.

Несколько вуайеристов стоят в комнатах и за их пределами, наблюдая за парами. при этом незаметно касаясь себя или того, кто рядом с ними.

Я с опаской отодвигаюсь, чувствуя себя не в своей тарелке.

«Приближается, детка», — предупреждает Зейд, но я его почти не слышу. Я так загипнотизирована происходящим передо мной, что я не замечаю, как человек приближающегося человека, пока его голос не зазвучал у меня над ухом.

«Какой из них интригует вас больше всего?»

Я вздрагиваю, не в силах сдержать вздох. Мое сердце колотится в груди, а мой желудок вздрагивает от испуга.

Я бы узнала его голос где угодно. Я так часто слышу его в своих кошмарах. боюсь, я никогда его не забуду.

Ксавье стоит рядом со мной, засунув руки в карманы.

Половина его лица закрыта черной маской с серебряным бриллиантом, нарисованным над одним глазом.

«Ужасно жаль, что напугал тебя», — бормочет он, но ухмылка на его лице говорит о том, что ему совсем не жаль.

Он еще не узнал меня. На мне темно-коричневый парик, чтобы помочь скрыть мою личность, но я представляю, что он поймет, кто я, как только как только услышит, что я говорю. Мой хрипловатый голос всегда был легко узнаваем.

Присутствие Ксавье удушающее, и мне требуется еще несколько секунд, чтобы отвести взгляд, борясь за то, чтобы унять сердце.

Нервно сглатывая, я смотрю прямо на пару, где мужчина теперь трахает женщину сзади,

ярко-красные рубцы по всей ее заднице и бедрах. Ее руки скованы наручниками за спиной, а мужчина использует ее сцепленные руки как якорь. Ее крики высокочастотные и резкие от удовольствия, и я снова чувствую укол зависти.

«Слишком стеснительная?» — спрашивает он. Раскатав свои покрасневшие губы, я киваю, надеясь, что это удовлетворит его.

Не стесняйся, бриллиант, дай мне посмотреть, как хорошо ты сосешь член.

Я зажмуриваю глаза, отворачивая лицо, чтобы он не видел, как мне трудно мне приходится бороться, чтобы взять себя в руки.

«Я прямо за тобой, детка», — шепчет Зейд. Я не поворачиваюсь, чтобы посмотреть, но я все равно чувствую его. Он — сила, гораздо более мощная, чем человек, стоящий рядом со мной.

Мгновенно я расслабляюсь. Зейд может быть Аидом, но темный бог никогда не склонялся ни перед кем, кроме своей женщины. Это дает мне небольшую дозу силы, достаточную, чтобы вновь обрести уверенность.

Ксавье больше не может причинить мне боль. Он не может прикоснуться ко мне, порезать меня или использовать меня. Он жалкая душонка, выдающая себя за могущественное существо. Скоро я напомню ему, что он всего лишь человек, а я — жнец, выкованный его собственными руками.

«Я могу помочь тебе расслабиться, если хочешь», — предлагает Ксавье, сидя рядом со мной, его голос становится глубже. «Слева от тебя есть отдельные комнаты».

«Хорошо», — тихо соглашаюсь я.

Он берет меня за руку, и от прикосновения его кожи по всему моему телу пробегает холодный озноб.

Я забыла, каким мертвым он кажется. Он тянет меня к двойным дверям в углу комнаты. Незаметно я оглядываюсь на Зейда и вижу, что он в маске на все лицо. Вся черная, с геометрическими точками, драматическим хмурым взглядом и прорезью для глаз. Его глаза цвета инь-янь скрыты, только бездонные ямы где они должны быть.

Признаться, он выглядит устрашающе. И я бы солгала, если бы сказала, что это не зажгло что-то в глубине моего живота, опускающееся между бедер.

Отвернувшись, я смотрю, как Ксавье ведет нас в коридор, полный черных дверей. Здесь смертельная тишина.

«Звукоизолированные комнаты», — снабжает Ксавье, оглядываясь на меня с лукавой ухмылкой на своем лице.

Я прикусываю губу, нервы не выдерживают, когда он проводит нас в отдельную комнату.

Белые стены окрашены в голубой цвет от светодиодных ламп, окружающих потолок.

Посередине стоит односпальная черная кровать с наручниками у изголовья и изножье. Рядом с ней стоит комод, вероятно, заполненный различными игрушками.

«Должен ли я беспокоиться, что эти комнаты звуконепроницаемы, Ксавье?» спрашиваю я, больше небеспокоясь о том, что он узнает мой голос.

Он медленно поворачивает ко мне голову, его голубые глаза расширяются от удивления. Даже под маской, он не может скрыть свою реакцию.

«Я вижу, мой бриллиант вернулся ко мне», — говорит он, его губы кривятся в улыбке. Его глаза опускаются на мое тело, не торопясь, он медленно рассматривает меня, останавливаясь на татуировке розы на моем предплечье.

«Боже мой, ты выглядишь фантастически. Должно быть, поэтому я не сразу узнал тебя». Его глаза поднимаются к моим волосам. «А у тебя волосы темнее. Не могу сказать, что я поклонник этого».

«Правда, мне больно», — сухо отвечаю я.

В его глазах вспыхивает гнев. Эта реакция делает улыбку невозможной сдержать.

Он кивает головой, похоже, про себя.

«Я подозреваю, что ты вернулась, чтобы убить меня».

Я качаю головой. «Вы думаете, я могу?» спрашиваю я, хотя меня ни капельки не заинтересована в его одобрении.

Он смеется, откидывая голову назад и обнажая горло. Один удар в яремную вену. Это все, что мне нужно. Но я не хочу убивать Ксавье.

Не сегодня, не хочу.

Его смех стихает, и если бы я дышала громче, я бы не услышала тонкий щелчок позади меня.

Я поворачиваюсь, мое сердце падает, когда я дергаю за ручку и обнаруживаю, что он запер дверь. Это значит, что она автоматическая.

«Я хороший друг здешнего владельца», — мрачно объясняет Ксавье. «Если мы хотим провести с девочками немного больше времени, чем они готовы дать, у нас есть... средства, чтобы заставить их остаться подольше».

Я снова смотрю на Ксавье, отмечая, что его рука в кармане. Должно быть, у него там какая-то кнопка для включения замков.

Мой пульс бьется, но я высоко поднимаю подбородок, излучая уверенность, которую мне трудно почувствовать.

Это... не то, о чем знал Зейд или я. Одно из главных правил в этом клубе — никаких замков, чтобы обеспечить безопасность и комфорт для женщин.

Похоже, хозяин — мерзкий ублюдок и знает, как это скрыть. Заставляет меня задаться вопросом, сколько женщин попали в ловушку в этих комнатах, и как они хранили молчание. Репутация Supple безупречна, что означает, что их тактика запугивания эффективна.

«Ты запер двери», — говорю я вслух, чтобы Зейд меня услышал.

«Что ты только что сказал, детка?» Его голос раздается секундой позже, и Я просто знаю, что он мчит к моей двери.

Чтобы защитить частную жизнь тех, кто пользуется отдельными комнатами, они не разрешают устанавливать здесь камеры. И что удивительно, здесь нет даже теневой камеры, как мог бы предположить Зейд. Что означает, что теперь, когда я заперта здесь, он не сможет увидеть ни черта из того, что происходит.

Адреналин накачивает мою систему, и ужас накапливается в моем нутре.

Я могу быть сильнее, чем была, но это не значит, что посттравматический стресс не держит меня за горло. Травма — это не то, что можно просто забыть. Я улечшаюсь, но это работа в процессе, и у меня больное чувство, что Ксавьер отшвырнет меня обратно в ту темноту, из которой я выползла только через несколько недель.

Он — бугимен в моих кошмарах. Лицо, которое я не могу выкинуть из своей из головы. То, через что он заставил меня пройти, было намного хуже, чем все то, что Рокко и его друзья сделали со мной. То, что он сделал со мной, было чертовски личным.

Я была не просто очередным телом, которое передают от мужчины к мужчине. Я была собственность, с которой он не торопился. Он затягивал мои страдания как только мог, и

именно эти моменты преследуют меня больше всего.

Я умоляла о смерти, которую он никогда не даст мне, давая ему власть над жизнью, которая никогда не принадлежала ему.

Но теперь я отказываюсь трусить. Я отказываюсь давать ему власть над собой снова. Сегодня вечером я верну себе эту власть и заставлю его пожалеть о том что воткнул нож в мое гребаное горло.

Позади меня дергается дверная ручка, привлекая внимание Ксавье. Я пользуюсь возможностью и молниеносным движением впечатываю кулак прямо ему в нос.

Его голова откидывается назад, глаза выпучиваются от удивления. Прежде чем он успевает прийти в себя, я набрасываюсь на него, нанося еще один удар в живот, а затем в висок.

Он рычит, его рука вырывается и бьет меня по голове, золотое кольцо на его пальце резануло меня по щеке. Кровь льется из егоего носа, когда он набрасывается на меня, на его лице написано рычание.

Мы резко приземляемся на дверь, выбивая дыхание из моих легких. Он схватил меня за бицепс и швырнул со всей силы, на его лице была ярость.

Я лечу на землю, вскрикиваю, неловко приземляясь на плечо висок ударяется о кафельный пол. В моем зрении вспыхивают звезды, заглушая панический голос Зейда в моем ухе.

Джей будет работать над тем, чтобы отпереть двери, и ему не понадобится много времени но все, что нужно Ксавьеру, это секунда, чтобы убить меня.

Сквозь затуманенное зрение я вижу, как кулак Ксавье летит к моему лицу.

Инстинктивно я перекатился в сторону, отчего его рука со звоном упала на твердый пол. Он вскрикивает, трясая рукой, чтобы избавиться от боли.

Стиснув зубы, я выбиваю ногу, но он успевает схватить меня за лодыжку и тащит меня к себе.

Его лицо искажено звериной яростью. Кровь льется из его сломанного носа, затекает в щели его оскаленных зубов.

Я борюсь с ним, изо всех сил бью ногой, и мне удается вырвать его руку достаточно долго, чтобы ударить его ногой в лицо.

Он поворачивается как раз вовремя, и мой каблук лишь задевает его висок.

«Сука, блядь», — рычит он, снова хватая меня за ноги и забираясь на меня сверху. на меня. Я яростно дергаюсь, помогая ему перевернуть меня на живот и прижал мои руки к бокам своими коленями. Он рвет на мне платье, и на мгновение я теряю контроль и впадаю в панику. Крик вырывается из моего горла когда он задирает мое платье выше попы.

Как бы я ни сопротивлялась, он только крепче сжимает меня между своими бедрами, и мои усилия бесполезны.

Звяканье его пряжки выводит меня из этого состояния.

Будь я проклят, если этот ублюдок еще хоть раз приблизит свой член ко мне. Тяжело дыша, я перестаю двигаться и ложусь лицом на прохладную плитку. Он усмехается, полагая, что я сдалась, как и в прошлый раз. Раньше я лежала и просто принимала это, зная, что борьба только ухудшит ситуацию.

«Вот так, бриллиант. Это хорошо...»

Рыча, я бьюсь об него, застигая его врасплох и заставляя его податься вперед. А затем я откидываю голову назад, ударяя его прямо в нос.

Он издает мучительный вопль, его хватка на мне ослабевает. Скручиваясь, я вбиваю кулак прямо в его трахею.

Его глаза почти выскочили из глазниц, его крики стихают, пока он борется за кислород. В этот момент дверь с грохотом распаивается.

Входит Зейд, ярость на его лице настолько сильна, что все его различные черты теряются в ней.

«Зейд, не убивай его», — кричу я, паника другого рода, когда он хватается за заднюю часть пиджака и поднимает его, словно держит чертову кошку за загривок. Он обхватывает его так крепко, что порез на его руке снова открылся, и кровь начала стекать по запястью.

«Зейд!» кричу я, подбегая к ним, когда вижу, как он вытаскивает пистолет из задней части брюк, глушитель уже прикручен. Он не слышит меня, поэтому я делаю единственное, что могу придумать, и хватаю ствол его пистолета, поворачиваю его к себе.

Он поворачивает ко мне голову, его глаза расширены от ярости и неверия.

«Не надо. Не убивай. Его».

Тяжело дыша, он рычит и вырывает пистолет из моей хватки, запихивая его обратно в штаны. Он ударяет Ксавьера по голове, вырубая его. Несмотря на то, что он теперь мертвый груз в руках Зейда, он все еще держит его, как будто он легкий, как перышко.

Он слишком занят тем, что впивается мне в лицо, обнажая зубы. «Если ты когда-нибудь сделаешь это еще раз, маленькая мышка, я перегну тебя через колено и использую этот ствол в твоей тугой маленькой попке. Ты меня поняла?»

Я гримасничаю и киваю головой, понимая, как близко он подошел к тому, чтобы застрелить меня. Даже если бы это была моя вина, он никогда бы себе этого не простил.

«Бей меня, бей меня, бей меня по чертовым яйцам. Но не направляй мой пистолет на себя».

Я снова киваю головой, реальность начинает догонять меня теперь, когда я больше не подвергаюсь нападению. Голос Зейда становится далеким шепотом, и я борюсь с туннельным зрением, медленно сужая обзор.

Моя система рушится, и я изо всех сил пытаюсь сохранить рассудок.

Ксавье пытался изнасиловать меня. Он был близок к успеху.

Раздвинь ножки, бриллиант. Ты такая розовая. Не могу дождаться, когда она станет красной от крови.

Джей, должно быть, что-то говорит Зейду, потому что тот быстро роняет Ксавье, его голова ударяется о кафель с мясистым шлепком, и снова натягивает маску на лицо.

Через мгновение в комнату врывается охрана, отвлекая его прежде чем он успел увидеть, насколько я в панике. Двое мужчин в костюмах-тройках направляют свои пистолеты прямо на нас.

«Бросьте оружие!» — кричит один из них. Зейд поднимает руки, и мои тоже поднимаются инстинктивно.

«Не надо кричать, джентльмены. Я просто спасал свою девушку от нападения этого человека прямо здесь».

Двое охранников смотрят на бессознательного Ксавье, но они не собираются опускать оружие.

«Это Ксавье Делано?» — спрашивает один из них, пытаюсь разглядеть его получше. его.

«Нет», — лжет Зейд. Лицо Ксавье все еще закрыто, но если он приходил сюда

достаточно часто, его можно узнать по волосам или росту. Иногда что-то простое, как их руки, может быть легко идентифицировано, если вы знаешь их достаточно хорошо.

Я знаю, что могу узнать эти руки за милую...

Охранники пробираются вглубь комнаты, пытаюсь получше разглядеть Ксавье. Мое сердце колотится так сильно, что болит грудь, а зрение чернеет.

Я закручиваюсь, и осознание того, что меня могут застрелить, не помогает мне не может меня успокоить.

«П-пожалуйста», — шепчу я. «Он пытался причинить мне боль».

Охранники смотрят друг на друга и медленно опускают оружие, выглядя слегка обеспокоенными моими неразборчивыми словами. В конце концов, это не имеет значения. Ксавьер слишком важен, и они не собираются просто так нас отпустить.

«Адди», — шепчет Зейд, и сначала я не понимаю, что он хочет сказать. но потом он поднимает подбородок, как бы говоря мне продолжать в том же духе.

Отвлекь их. Это то, чего он хочет.

Хотя, судя по напряжению его мышц и тому, как он делает шаг в мою сторону. он готов сказать «да пошли они» и броситься ко мне. Он видит, что я и он мечется между тем, чтобы успокоить меня и вытащить нас живыми.

Я наклоняю подбородок в знак признательности. Это несложно, когда я на грани того, чтобы потерять его в любом случае. Слезы на моих глазах проливаются, а губы дрожат. Я выпускаю крик, хватаю свои волосы в руки и тяну.

«Он пытался изнасиловать меня», — всхлипываю я.

«Эй, эй, эй, все в порядке. Мы разберемся с этим».

Я издаю крик и мотаю головой, и охранники настолько ошеломлены мой взрыв, что они совсем опустили оружие. Их широко раскрытые глаза поворачиваются друг к другу и ведут безмолвный разговор, один спрашивает, что, блядь, нам делать, а другой отвечает: я ни хрена не знаю, она сломалась.

«Эй, просто расслабься, ладно?» — говорит первый охранник, и его слова — наименее успокаивающие слова, которые я когда-либо, блядь, слышала. Затем он поворачивается к своему напарнику. «Вызови подкрепление».

Но пуля пролетает сквозь череп второго охранника прежде, чем первый не успел закончить свое требование.

В считанные секунды Зейд выхватывает пистолет и стреляет в него; глушитель навинченный на конец, не даёт ему замолчать.

Глаза первого охранника расширяются, он пытается прицелиться, но пуля пронзает его лоб. Его голова запрокидывается назад, и он падает на землю вместе со своим напарником.

Зейд не теряет времени. Он подхватывает Ксавье и перекидывает его через плечо, хватая меня за руку и тянет за собой.

«Пойдем, малышка. И когда мы сядем в наш самолет, я, блядь, буду держать тебя».

Я не помню, отвечаю ли я, пока Зейд тащит меня в конец коридора.

Он бормочет себе под нос, скорее всего, приказывая Джею что-то сделать, но крик в моей голове заглушает его слова.

Мое тело движется на чистом автопилоте. Я не помню, как он вытащил нас оттуда. Я не помню трехчасовой полет домой. Я не помню ничего, кроме веса Ксавье на мне, звона его пряжки звенящего в моей голове

Я чертовски дребезжу, как старый кондиционер на последнем издыхании.

Мы только что приехали домой. Зейд в подвале присматривает за Ксавьером, и я отчаянно цепляюсь за последний клочок здравомыслия. Беспокойство накапливается в моих костях, и я чувствую себя как животное, запертое в собственной клетке.

Сердце колотится, я закрываю за собой дверь в спальню, а затем ступаю по полу, проводя руками по волосам и натягивая их — жалкая попытка успокоить тревогу.

Не волнуйся, бриллиант, я сделаю это для тебя хорошо и медленно. Я хочу, чтобы ты почувствовать каждый дюйм меня. Нет, я не хочу.

Слезы наворачиваются на глаза, и я трясую головой, пытаюсь избавиться от этого демонического, блядь, голоса.

Должно быть, я забыла запереть эту чертову дверь, потому что несколько минут спустя Зейд ворвался и захлопнул ее, в его глазах бушует дикий огонь.

«Нам нужно поговорить, Аделин. Я позволил тебе обрабатывать себя уже более четырех часов. теперь. Мне нужно, чтобы ты поговорила со мной».

Истерика поглощает меня, а что он не понимает? Я не хочу слышать его гребаные слова, и не хочу давать ему свои. Их слишком много в моей голове, и я тону в них.

Отвернувшись, я бросаюсь к балконным дверям. Я понятия не имею, что я собираюсь что буду делать, когда окажусь там — может, просто перекинусь через перила и покончу со всем этим... но его рука обвивается вокруг моей талии и разворачивает меня обратно.

Как только мои ноги коснулись земли, я вывернулась из его хватки и повернулась к нему лицом.

«Прекрати», — огрызаюсь я. «Просто оставь меня в покое, Зейд».

«Сколько раз ты будешь убежать, прежде чем поймешь, что от меня не убежишь?» — рычит он, влезая в мое личное пространство прежде, чем я успеваю сделать вдох.

Я делаю шаг назад, отступая от его интенсивности. Он не отпускает меня, хотя он снова наступает на меня, пока я не оказываюсь прижатой к стене.

«Сколько бы раз тебе ни потребовалось, чтобы понять, что я не хочу быть пойманной», — рычу я, мой собственный гнев нарастает. Я даже не уверена, на что я злюсь.

Дай мне почувствовать каждый дюйм этого сладкого тела, бриллиант. Черт, ты так хороша.

Разве мне тоже не хорошо, детка?

«Ты тонешь, Адди. Просто позволь мне помочь тебе».

Я сузила глаза, мой рот сжался в прямую линию. «У меня все отлично!» горячо возражаю я, все больше защищаясь только потому, что он прав.

Я тону. И что самое страшное — я не чувствую потребности подняться на воздух. воздуха.

«Ты не в порядке. И знаешь что? Я тоже. Я, блядь, не в порядке вообще».

Его рука дрожит, когда он зачесывает прядь волос мне за ухо.

Человек, в котором было столько силы, каменный столб, несмотря на безжалостные попытки сбить его с ног. Но дело в том, что камень все еще крошится. Он все еще ломается, раскалывается и трескается. Даже когда он стоит на месте, всегда будут недостающие части.

Вот он стоит передо мной, разрушаясь в процессе разговора.

«Я мечтаю о том, как я заставлю их страдать», — шепчет он. «Я мечтаю об их крови на моих руках и между зубами. Я убью всех до единого ради тебя, маленькая мышка, и я, блядь, буду радоваться этому».

Я смотрю на него, мои губы дрожат, когда я заставляю себя сдерживать эмоции.

Сначала я чувствовала все, пока была заперта в этом доме. А потом я почувствовала «ничего».

А теперь в моих руках осталась груда разбитых осколков на том месте, где должно было быть мое сердце, и я не знаю, как починить его, не порезав себя еще глубже.

«Ты мне не нужен, Зейд. Мне не нужно, чтобы ты что-то делал для меня».

Он прижимается к моей шее и притягивает меня к себе. «Видишь, вот чего мы не будем делать, Аделин», — рывкает он, обнажая зубы. «Мы не будем вести себя так как будто ты такая сильная, что я тебе больше не нужен. Потому что... хочешь знать кое-что, детка? В этом мире очень мало мужчин, способных убить меня. И ты мне чертовски нужна. Ты меня понимаешь?»

Я стиснула зубы, отказываясь отвечать.

«Ты думаешь, что нужда во мне как-то делает тебя слабой?»

«А разве нет?» огрызаюсь я.

«Нет, детка, это делает тебя сильной». Он наклоняется, прижимая свое лицо прямо к моему. «Я могу владеть каждым вздохом в твоём теле, но не ошибись, Аделин, я тоже принадлежу тебе. Я твой, чтобы командовать. Сгибать и ломать. Чтобы лепить и манипулировать. Ты думаешь, это делает меня слабым? Или ты думаешь, что я достаточно силен, чтобы признать, что хотя мое тело физически может жить дальше без тебя, я никогда не смогу вернуть свою гребаную душу?»

Его рука скользит по моим волосам и крепко сжимает пряди в кулак.

«Без тебя я рассыплюсь. Но с тобой я несокрушим».

Я резко вдыхаю и сжимаю челюсть, чтобы не поддаться различным реакциям. циркулирующих внутри меня.

Но самая главная и самая страшная — сделать все, что в моих силах. чтобы убрать этого мужчину от меня.

Моя кожа щетинится от его электрического прикосновения. Эти искры, которые раньше казались божественными, теперь кажутся шипами, пронзающими мою плоть.

«Каждый мужчина, который смотрел на тебя, находясь в этом доме, умрет медленной блядской смертью. Я уже убил столько... и все равно этого недостаточно».

Он притягивает меня к себе, и я напрягаюсь, когда он обхватывает меня.

Так много мужчин делали то же самое. Пот пропитывает мою кожу, когда они берут мое тело, их кожа скользит по моей.

Скользит внутри меня. Надо мной.

Вокруг меня.

Как он может чувствовать себя как дома, чувствовать себя в такой безопасности, и в то же время заставлять меня чувствовать себя так, будто меня похоронили заживо?

Его губы шепотом касаются моей скулы, и меня охватывает паника. Мое дыхание становится короче, и мои легкие сжимаются, когда его другая рука тянется вверх, чтобы коснуться меня. Я дрожу, когда воспоминания проносятся перед моими глазами. Лица, так много лиц. Улыбающиеся мне, когда они забирают меня.

Шепчут мерзкие слова из своих поганых гнилых ртов.

Такая красивая девушка.

Ты будешь так хорошо смотреться с этими губами, обхватывающими мой член.

Блядь, я могу кончить от одного прикосновения к тебе.

Эти сиськи идеальны, сколько ты за них заплатила?

Я не могу себя контролировать. Ты нужна мне сейчас.

Я не могу себя контролировать.

Я не могу контролировать свою...

«Отпусти меня», — шепчу я.

Он замирает, его рот накрывает мою щеку.

«Прекрати... прекрати, блядь, прикасаться ко мне».

Я слышу, как он сглатывает. «Это все равно, что попросить меня вырезать мое собственное гребаное сердце».

«Если я могу жить без него, то и ты сможешь», — огрызаюсь я.

Он застывает на месте, обдумывая мои слова. И все, что я хочу сделать, это сломать его. Заставить его рассыпаться под моими кулаками.

Медленно он отстраняется, его несовпадающие глаза ловят мой взгляд.

Что он видит, когда смотрит на меня?

Видит ли он гнев, бурлящий под поверхностью? Как будто смотришь вниз в жерло вулкана, чтобы увидеть, как выглядят его внутренности. Красный. Так много гребаного красного.

Так выглядят внутренности каждого человека, но я больше не полна крови. Только огонь.

«Ты думаешь о них, когда я прикасаюсь к тебе?» — спрашивает он, его голос становится жестким.

Огонь поднимается, разрастаясь в моем животе и поднимаясь вверх по моей груди, как лава.

Кто дал ему право прикасаться ко мне? Кто вообще дает кому-либо право на это?

Дрожь усиливается, пока мои кости не начинают трещать, а зубы — стучать.

Огонь.

Я двигаюсь без раздумий, моя рука обхватывает пистолет, спрятанный в пояса его джинсов и выдергиваю его. В ту же секунду он понимает, что я сделала, он отступает назад, поднимая руки в знак сдачи.

Я направляю пистолет прямо ему в голову, и все, что я хочу сделать, это взорвать его.

Я хочу увидеть, как его мозг взорвется под пулей.

Потому что я не смотрю в лицо человека, которого люблю.

Я вообще его не вижу.

Все, что я вижу, это безликий человек, пытающийся взять у меня то, что он хочет, без моего разрешения.

И я хочу, чтобы он сгорел за это на хрен.

Слезы наворачиваются на глаза, зрение затуманивается. Пистолет вибрирует от того как сильно дрожит моя рука, но он достаточно близко, чтобы я нанесла верный удар. Попадет ли пуля попадет ему в голову, горло или грудь, мне все равно.

«Маленькая мышка», — шепчет он. Я зажмуриваю глаза, заставляя сладкий шепот из моей головы. Я не хочу его слышать. Я не хочу, чтобы он смешивался с другими голосами.

Их так много.

Блядь, ты такая тугая. Тебя точно раньше трахали?

Шшиш, не плачь, алмаз, больно будет только секунду.

Не могу дождаться, когда услышу твой крик.

Покажи мне эту кровь, детка. Покажи мне, как сильно я разрываю тебя своим членом.

«Ты ничем не отличаешься, верно?» Я кусаюсь, мой голос трещит. «Ты принуждал меня раньше, помнишь? Брал у меня, крал у меня. Что делает тебя таким другим, а?»

Мои глаза горят от подступивших слез. И через несколько секунд они проливаются, стекая по моим щекам.

«Эти воспоминания не дают тебе спать по ночам?» — спрашивает он, его голос мягкий.

«Они они мучают тебя?»

Он обнажает зубы, в его глазах вспыхивает гнев. «Думаешь ли ты о моих прикосновениях как о чем-то ином, кроме как о гребаной находке?»

«Теперь да!» кричу я, направляя на него пистолет. Я резко вдыхаю, когда рыдание подбирается к моему горлу.

Он медленно кивает, гнев гаснет в его глазах. В глубине души я знаю лучше.

Я знаю, что он злится не на меня.

Он злится, потому что беспомощна.

Безнадежна.

Проклятая потерянная цель.

Потому что я никогда не буду прежней. И он это знает.

Но он не знает, что это значит для него. Для нас.

Всхлип вырывается наружу, но ярость сохраняется.

Медленно, он подходит ко мне, как к испуганному животному со злыми зубами. Его глаза не отрываются от моих, пока он продвигается вперед, и я так близка к тому, чтобы снова попасть в его парализующую власть надо мной. А потом он снова передо мной, упираясь лбом в ствол пистолета.

«Ты чувствуешь себя сильной?» — пробормотал он.

Еще один всхлип вырывается наружу, но я не опускаю оружие.

«Это заставляет тебя снова почувствовать себя живой?»

Я хмурюсь, но не могу набраться храбрости, чтобы ответить. Я не могу сформулировать, что заставляет меня чувствовать — я просто знаю, что это заставляет меня чувствовать что-то.

«Ты забыла, что сердце, бьющееся в твоей груди, — не твое», — рычит он. «Оно мое. И если мое сердце перестало работать, тогда нажми на курок, маленькая мышка. Убей остальную часть меня. Я ничто, если я не причина, по которой ты дышишь».

Я ломаюсь и закрываю глаза от потоков слез, но это все равно, что затыкать прорвавшуюся трубу листом бумаги.

Мое лицо искажается, когда чистая агония поглощает меня.

«Я больше не хочу чувствовать», — задыхаюсь я, едва успеваю произнести слова. прежде чем из моих губ вырвался истощенный всхлип.

«Дай мне трахнуть Адди, просто дай мне, блядь, обнять тебя», — кусается он, его голос ломается.

Он вырывает пистолет из моей хватки и бросает его на кровать, а затем подхватывает меня на руки, я невесома, когда он прижимает меня к своей твердой груди.

Я открываю рот и кричу. Я кричу и кричу, пока мой голос не ломается под давлением. Пока я не боюсь, что мое горло разорвется от силы.

Я так отчаянно хочу выползти за пределы своего тела. Только бы убежать от этого чувства.

Нет. Я хочу, чтобы пистолет снова оказался в моей руке, чтобы я могла направить его на себя.

Последний крик вырывается из моего горла, этот крик настолько полон боли, что стави Зейда на колени.

И наконец, колонна рушится.

Сырой звук стихает, переходя в хриплый, стаккато крик.

Я глубоко вдыхаю, наполняя легкие кислородом, который мне не нужен, но я слишком потеряна в своем горе, чтобы кричать так, как мне хочется.

Хватка Зейда болезненно напрягается, дрожь сотрясает его тело, когда он прижимается ко мне. Он уткнулся лицом в мою шею и просто... слушает.

Слушает, как его сердце разрывается в моей груди.

Голоса в моей голове усиливаются, и я впиваюсь когтями в свой череп, отчаянно пытаюсь вытащить их наружу. Но его руки останавливают меня, хватаясь за них и зажав их между нашими грудными клетками.

«Их здесь больше нет», — шепчет он неровно. «Слушай мой голос вместо этого, детка».

Я качаю головой, но он все равно продолжает говорить. Он рассказывает мне о том, как впервые увидел меня, и как я выглядела неуверенной в себе в комнате, полной людей.

Он говорит, что я выглядела так, будто была заперта в стеклянной коробке, а все остальные снаружи наблюдали за мной, как за животным из зоопарка. Затем он рассказывает когда я в первые столкнулась с ним. Как я убежала из своей двери, крича как банши, с огнем в глазах и изрыгая яд с языка. Он вспоминает, как он был ошеломлен моей смелостью, и как глубоко он пал в тот единственный момент.

«Я видел женщину, которая с трудом могла находиться в своей собственной коже, и женщину, которой комфортно в готическом особняке с призраками, которые ее преследуют. Я любил обе версии тебя, и я люблю ту, кем ты являешься сейчас — кого-то, кто полон силы и уязвимости. И все же, ты несешь огонь в твоём сердце, и это никогда, черт возьми, не изменится. Они никогда не отнимут это у тебя, Аделин».

Его слова заставляют меня плакать сильнее, но, как он и обещал, это медленно прогоняет голоса.

Проходит неопишное количество времени, прежде чем я наконец успокаиваюсь. достаточно, чтобы составить предложение.

«Иногда я не знаю, смогу ли я когда-нибудь полностью вынести твои прикосновения». признаюсь я прерывающимся шепотом.

«Тебя это устраивает?» — спрашивает он. «Так ли ты хочешь прожить свою жизнь? Бояться прикосновения мужчины — меня».

Так ли это? Часть меня хочет замкнуться в себе и не позволять другому мужчине прикоснуться ко мне до конца моей жизни. Я не хочу видеть образы, мелькающие в моем сознании каждый раз, когда я чувствую, как кожа скользит по моей.

Но есть и другая часть меня, которая яростно сопротивляется этой мысли... Та же самая часть, которая позволила мне использовать его руку и рукоятку ножа в качестве разрядки. Я не хочу, чтобы эти мужчины забрали у меня больше, чем они уже взяли.

Потому что если я это сделаю, они никогда не остановятся. Я буду продолжать отдавать каждую частичку себя, пока не останется только меловой контур.

«Я не знаю, как... смириться с этим».

«Даже с собственной рукой?» — хрипит он. Он отстраняется, мягко ставит меня на пол.

«Ты вернула себе силу с помощью этого ножа. Теперь ты можешь вернуть ее обратно, когда дело доходит до физического прикосновения. Позволь мне показать тебе».

Мои брови нахмурились, когда я в замешательстве уставилась на него сквозь опухшие глаза.

Его сверкающий взгляд изучает мое лицо, и мне не нужно зеркало, чтобы понять, что моя кожа покраснела, а по щекам текут слезы.

Потянувшись ко мне, он берет розу на тумбочке, вертя стебель в пальцах. Шипы вонзаются в его кожу, и появляются крошечные капельки крови.

«Ты не обрезал шипы», — шепчу я.

«Я защищала тебя от боли, но иногда принять боль — единственный способ преодолеть ее. Сними платье», — тихо приказывает он. Я моргаю и открываю рот, но он обрывает меня: «Просто доверься мне, Аделин. Я не сделаю ничего такого, чего ты не захочешь».

Я только смотрю на него, мое сердце набирает скорость, пока его произнесенные ожидания задерживаются между нами.

Сглотнув, я потянулась за спиной и вслепую расстегнула молнию на платье, позволив верхней половине платья упасть вниз по рукам. Я быстро стаскиваю материал вниз по телу, прежде чем я успела подумать о том, что я делаю. Что он заставляет меня делать.

«Хорошая девочка», — дышит он. «И лифчик тоже, Адди. Сними его полностью».

Я качаю головой, остатки их голосов снова начинают подниматься.

«Не думай сейчас. Просто делай, что я говорю».

Прикусив губу, я снимаю лифчик без бретелек и отбрасываю его в сторону.

«Хорошая девочка», — хвалит он. Его глаза остаются прикованными к моим. Я жду, что они опустятся, но они сопротивляются.

Такой красивый бриллиант, посмотрите...

«Не думай, Аделин».

Я зажмуриваю глаза, вытряхивая мысли из головы. В груди слишком тесно, и снова начинается паника.

«Зейд...»

«Шшш», — хрипит он. Он садится на пол, опираясь на раму кровати раздвинув ноги. Мои мышцы напрягаются, пока я не начинаю вибрировать от потребности вырваться.

«Сиди здесь», — твердо говорит он, похлопывая по земле между ног.

Я колеблюсь, мне требуется несколько секунд, чтобы набраться храбрости, послушаться и подползти к нему. Я смотрю куда угодно, только не на его лицо. Если я увижу его, я могу отступить.

«Отвернись от меня».

Невозможно остановить взгляд облегчения, прежде чем я поворачиваюсь и оказываюсь между его толстыми бедрами.

Я все еще напряжена, но так мне легче дышать.

«Я собираюсь снова прислонить тебя к себе», — предупреждает он. Прикусив губу, я киваю позволяя его руке обогнуть мое тело и надавить на грудь, направляя меня назад.

Это похоже на попытку согнуть металлическую ложку. Это требует усилий, но в конце

концов я прижимаюсь к его груди. Его тепло впитывается в мою кожу, как солнце, светящее в первый теплый день весны после долгой холодной зимы.

«Вот так, детка. Расслабься».

Мне требуется несколько глотков, прежде чем комок, образовавшийся в горле, рассеивается.

«Дыши», — шепчет он.

Я дышу. По крайней мере, пытаюсь.

Кислород вырывается из меня, как из старого двигателя. С каждым вдохом, я вдыхаю химикаты. Все горит. Все слишком тесно.

«Возьми это», — говорит он, держа розу в перевязанной руке. Крошечные дорожки крови скользят по его запястью, и что-то в этом успокаивает, как и в тогда, когда он разрезал руку ножом, чтобы доставить мне удовольствие.

Наблюдая за тем, как кто-то другой истекает кровью, я не чувствую себя такой одинокой.

Я беру розу, шип тут же укалывает мою кожу, но я почти не чувствую этого.

Не потому, что все мое внимание приковано к теплу его тела, прижимающегося к моей спине.

«Могу я потрогать твои бедра, детка?» — спрашивает он, его тон тихий и глубокий.

Еще один кивок головой, и его большие руки медленно раздвигают мои бедра.

Все мое внимание сосредоточено на этом движении, и ужас становится слишком сильным. Покалывания расцветают в кончиках моих пальцев, и я знаю, что очень скоро, они будут подниматься вверх по моим конечностям, пока я не перестану их чувствовать. «Расслабься», — успокаивает он. «Я собираюсь задать тебе вопрос, и я хочу, чтобы ты очень хорошо подумала об этом, хорошо?» Глубоко вдохнув, я задерживаю дыхание на несколько секунд, а затем отпускаю его. Затем я киваю, пытаюсь успокоиться. «Что заставляет тебя чувствовать себя сильной, Адди? Держала ли ты пистолет в своей руке». Покалывания расцветают в кончиках моих пальцев, и я знаю, что очень скоро, они будут подниматься вверх по моим конечностям, пока я не перестану их чувствовать.

«Расслабься», — успокаивает он. «Я собираюсь задать тебе вопрос, и я хочу, чтобы ты очень хорошо подумала об этом, хорошо?»

Глубоко вдохнув, я задерживаю дыхание на несколько секунд, а затем отпускаю его.

Затем я киваю, пытаюсь успокоиться.

«Что заставляет тебя чувствовать себя сильной, Адди? Держала ли ты пистолет в своей руке? Держать его у моей головы и знать, что ты можешь забрать мою жизнь?».

На глаза наворачиваются слезы, за которыми следует чувство вины.

«Я так...»

«Мне не нужны твои извинения или чувство вины, Аделин. Я хочу, чтобы ты сказала мне правду. Что ты почувствовала, приставив пистолет к моей голове?».

Поджав губы, я заглушаю стыд и смотрю на это сквозь пальцы. Что это заставило меня чувствовать?

Это заставило меня почувствовать... контроль. В моих руках была чья-то жизнь. и это было мое решение и только мое, если я нажму на курок. Я держал что-то ценное. Что-то необратимое. И все это было... моим.

«Это заставило меня почувствовать себя сильной», — признаюсь я.

«А что значит чувствовать силу?» — спрашивает он, его голос становится глубже. его

рук поднимается к моей шее, избегая груди. Его прикосновения чувственны, но... безопасны.

«Позволь мне почувствовать тебя здесь».

Его рука медленно скользит вверх по колонне моего горла, давая мне время, чтобы отвергнуть его. Когда я ничего не говорю, он сжимает нижнюю часть моей челюсти, заставляя мой подбородок вверх, притягивая мою голову назад к своей груди. Мой взгляд устремлен на белый потолок, когда беспокойство заползает в мое тело.

«Сосредоточься, Аделин. На что похожа сила?»

Я выпускаю еще один дрожащий вдох и говорю, прежде чем успеваю слишком глубоко задуматься. об этом. «Я чувствую себя хорошо».

«Хорошо», — пробормотал он. «Я хочу, чтобы ты подумала об этом чувстве. В своем мысленно направь этот пистолет на того, кого хочешь. Ко мне. Любому из тех, кто причинил тебе боль. Все, что заставит тебя чувствовать себя хорошо».

Я закрываю глаза, и первый человек, который приходит мне на ум, это Ксавье. Он стоит передо мной на коленях, умоляя сохранить ему жизнь. Я все еще чувствую тяжелый металл в своей руке но, в отличие от нескольких минут назад, моя рука совершенно неподвижна.

Я закрываю глаза, и первый человек, который приходит мне на ум, это Ксавье. Он стоит передо мной на коленях, умоляя сохранить ему жизнь. Я все еще чувствую тяжелый металл в своей но, в отличие от нескольких минут назад, моя рука совершенно неподвижна. Никакой сильной дрожи не сотрясает мое тело, когда я держу жизнь Ксавье в своих руках.

Я прижимаю пистолет к его голове, наслаждаясь мольбой, льющейся с его губ.

И нажимаю на этот чертов курок.

«Теперь пощупай между ног», — шепчет Зейд, чувствуя, как мое дыхание участилось по совершенно другой причине.

Медленно, моя рука тянется вниз, проникая между ног. Влага собирается на моих пальцах, и я настолько удивлена открытием, что полностью забываю обо всем остальном. Всего на мгновение я наслаждаюсь тем что я возбуждена.

Мое дыхание сбивается, и в нем появляется стыд, но Зейд тоже это чувствует. Мое горло все еще зажато в его руке, он поворачивает голову, пока его губы не касаются раковины моего уха.

Теплое дыхание скользит по моему лицу, когда он грубо шепчет, «Ты знаешь, как твердеет мой член, когда я думаю обо всех способах, которыми я буду медленно пытаться мужчин, которые причинили тебе боль?».

Я открываю рот, но из него не вырывается ни звука. Они испаряются на моем языке когда Зейд упирается бедрами в мою спину, и доказательства его слов впиваются в мой нижний отдел позвоночника.

Это должно оттолкнуть меня. Но это не так. И я цепляюсь за это чувство пока оно есть. Мне плевать, что это хреново, это гораздо лучше, чем постоянная агония.

Я закрываю рот и киваю, соглашаясь с мыслями, когда стыд отступает.

«Сейчас я коснусь твоей руки», — шепчет он.

Он держит мое горло в своей хватке, в то время как его свободная рука тянется вверх и обхватывает мою, роза все еще зажата в кулаке. Он крепко сжимает ее, заставляя острые шипы пронзают мою руку.

Я резко вдыхаю, шипя между зубами, прежде чем стиснуть их против боли. А потом он ведет наши руки вниз, пока мягкие лепестки не касаются моей киски.

Мои глаза закрываются, когда он скользит по лепесткам вверх и вниз, покрывая розу

моим возбуждением.

Я чувствую, как кровь приливает к моим щекам, когда он снова поднимает ее и подносит мне капающий цветок.

«Зейд...»

Кровь стекает по моей руке, когда он отпускает мое горло, чтобы взять мою вторую руку. и подносит ее к розе, проводя пальцами по лепесткам.

«Ты чувствуешь, какие мягкие и влажные эти лепестки?» — шепчет он. Облизывая свои губы, я медленно киваю головой. Я чувствую, как кровь приливает к моим щекам, когда он снова поднимая ее и подносит мне капающий цветок.

«Зейд...»

Кровь стекает по моей руке, когда он отпускает мое горло, чтобы взять мою вторую руку. и подносит ее к розе, проводя пальцами по лепесткам.

«Ты чувствуешь, какие мягкие и влажные эти лепестки?» — шепчет он. Облизывая свои губы, я медленно киваю головой. «Вот что я чувствую каждый раз, когда нахожусь внутри тебя».

Черт, я чувствую себя как он...

«Держись за это ощущение силы, детка. Не отпускай его».

Я снова напряглась; мои мышцы напряглись. Вздвогнув, я вытолкнула навязчивый голос и заменила его образом пистолета, приставленного к их голове.

Спокойно и невозмутимо нажимаю на курок.

Я расслабляюсь, когда он вводит мой средний и безымянный пальцы в центр розы, точно так же, как если бы это была моя киска.

Боль, пронзающая всю мою руку, исчезает, когда глубокое удовольствие овладевает мной. Впервые за долгое время я чувствую чувственность и эротизм, продолжаю вводить и выводить пальцы из розы, пальцы Зейда держатся над моими. Я чувствую, как в моей душе нарастает давление, отчаянно требующее разрядки. Разные лица мелькают в моей голове, как в кино, и все они встречают одну над моими.

Я чувствую, как в моей душе нарастает давление, отчаянно требующее разрядки.

Разные лица мелькают в моей голове, как в кино, и все они встречают одна и та же смерть. Давление между ног растет и растет, пока я не убеждаюсь, что одно прикосновение моих пальцев отправит меня за грань.

«Зейд», — умоляю я, хотя не знаю, о чем прошу.

«Скажи мне, что тебе нужно», — говорит он, продолжая наши движения с розой.

«Я... Прикоснись ко мне».

«Не переставай чувствовать эту розу», — мягко приказывает он. Я киваю, мой живот сжимается, когда он проникает между моих ног.

От мягкого прикосновения его пальцев у меня чуть не заслезилась глаза. Я погружаюсь и выхожу из розы, когда его средний палец упирается в мой клитор и начинает кружить вокруг.

Моя спина выгибается, и я не могу сдержать высокий стон, который вырывается наружу, когда сырое блаженство накатывает на меня.

Я заставляю себя чувствовать Зейда — чувствовать, что мужчина прикасается ко мне. Заставляет меня чувствовать себя хорошо. И что я наслаждаюсь каждой секундой этого. А потом я вытесняю других мужчин из своего сознания и думаю только о том, кто обхватывает меня.

Я не хочу приходить с образами развратных монстров, которые украли у меня, даже если я снесу им головы. Я хочу видеть только человека, который дал мне все. Зверя, который сломил мою волю, чтобы я поддалась ему и в то же время показал мне истинное значение любви и преданности.

«Зейд», — лепечу я, когда оргазм достигает своего пика. Я слышу его шипение сквозь зубы, когда он крутит мой клитор быстрее. Его вторая рука все еще обхватывает мою и стержень, зажатый в моей руке. Он сжимает кулак, вгоняя острые шипы глубже в мою плоть. Боль смешивается с пьянящим наслаждением, и хриплый крик вырывается наружу.

Кровь струйками стекает по моей руке, капает с локтя на живот. Я смотрю вниз, наблюдая, как струйки красного направляются туда, где Зейд прикасается ко мне.

Мой рот приоткрывается, эйфория накатывает, когда я смотрю на него. Его рука чертовски массивная, с длинными пальцами, толстыми венами по всей длине, которые, кажется, пульсируют, когда он поглаживает мой клитор.

Это так эротично, что я не могу больше сдерживаться. Я вскрикиваю, когда наконец отпускаю его, оргазм обрушивается на меня с такой силой, что я чуть не падаю на пол от его силы.

Зейд рычит, обхватывая мою киску, пока я катаюсь на волнах, мои бедра бьются о его руку, пока его имя наполняет воздух вокруг нас.

Я чувствую, как он напрягается подо мной, но я слишком потеряна, чтобы заботиться об этом. Я слишком отчаянно хочу чтобы это чувство никогда не кончалось.

Мы оба одновременно роняем розу, и я не останавливаюсь, чтобы подумать о том, что я делаю, когда я тянусь назад, хватаю лицо Зейда обеими руками и прижимаю его губы к своим.

Глубокий гул вибрирует в его груди, и он снова захватывает под нижней частью моей челюсти, обеспечивая нам обоим лучший угол, пока он пожирает меня.

Его язык бьется о мой собственный, пробуя меня на вкус, пока мои губы не становятся синюшными и оргазм давно угас.

Но блаженство осталось. Впервые за несколько месяцев эти злые мужчины не мучили мои мысли. Я не слышала их голоса. Их смех и жестокие шутки.

И мое тело стало намного легче от этого.

Наконец, он отстраняется, и все, что я могу сделать, это смотреть на него в изумлении-человека, ответственного за то, что он прогнал монстров в моей голове.

Они вернуться, но Зейд тоже никуда не денется.

«Спасибо», — шепчу я.

Он закрывает глаза и нежно прижимается своими губами к моим.

«Ты всегда будешь в безопасности со мной, маленькая мышка. Всегда».

Чувствуя прилив сил, я извиваюсь в его руках и рву его пиджак, пуговицы разлетаются, когда его горячие глаза встречаются с моими, а его язык медленно проводит по его нижней губе. На его щеке красное пятно от моей окровавленной руки, и от этого зрелища мои глаза чуть не закатились.

Он выглядит таким чертовски диким, и я думаю, что мои яичники сейчас взорвутся. Я забеременею только от одного этого образа.

«Ты уверена, что хочешь пойти туда?» — спрашивает он, его голос пронизан грехом.

«Это то, чего я хочу», — говорю я мягко, хотя и с дрожью.

Он приподнимается, и материал скользит по его рукам. Затем я собираю его рубашку на

пуговицах, пока не обнажился его пресс, вместе с темными татуировками, нанесенными на его плоть. Кладу руки на его твердый пресс, кровь размазывается по его коже, я толкаю его дальше вверх, но он останавливает меня.

«Не дави на себя слишком сильно. Дело не во мне».

Когда он наклоняется вперед, я кладу руку ему на грудь и толкаю его назад. Его разноцветные глаза удивленно округляются по краям.

— Дай мне попробовать, Зейд. Я пока не собираюсь тебя трахать. Я просто хочу прикоснуться к тебе.

Я никогда раньше не видела Зейда нерешительным. Только сейчас, когда он придирчив в каждой йоте моего выражения, чтобы определить, стоит ли ему позволить мне прикоснуться к нему.

Затем, словно монстр, разрывающий плоть, его зверь берет верх. Он схватил меня за челюсть, приблизив мое лицо к своему.

«Думаешь, ты готова ко мне? Давай посмотрим, как далеко ты готова зайти, чтобы доставить мне удовольствие».

Он поднимает меня с себя, отбрасывая в сторону, затем встает, делая паузу, чтобы посмотреть вниз на меня с нечитаемым выражением. Его лицо разглажено до холодного мрамора.

Отвернувшись, он идет к черному креслу в нескольких футах передо мной. Он сидит там иногда по ночам, если не может заснуть, ожидая всегда наблюдая за мной.

Рядом с креслом стоит маленький столик, на котором стоит стакан с виски.

Он наливает себе три пальца и откидывается в кресле, раздвинув колени и свесив руку через бок, держа стакан кончиками пальцев.

Он смотрит на меня, делает глоток виски, прежде чем вернуться в прежнее положение.

«Ползи ко мне», — приказывает он, его голос грубый, как лавовый камень, но такой же манящий как виски со специями, который он проглотил. «Покажи мне, как красиво ты умоляешь на коленях о моем члене».

Мой живот сжимается от жара, и я чувствую, что мои бедра становятся все более скользкими.

В долю секунды я принимаю решение, хватаю розу и кладу ее между зубами, наслаждаясь небольшими укусами шипов на моих губах.

Медь расцветает на моем языке, когда я выполняю его приказ, ползая на руках и коленях с его драгоценной розой во рту, бедра и груди чувственно покачиваются.

Его глаза загораются, а ноздри раздуваются. Холодная манера поведения исчезает, и сырое желание прорывается сквозь трещины.

Когда я дохожу до него, я опускаюсь на колени и кладу розу на колени.

«Это было достаточно красиво для тебя?»

Он усмехается и допивает виски, ставя стакан на стол.

«Ты так чертовски красива; я хочу вырезать глаза у тех, кто получает привилегию смотреть на тебя», — хрипит он, хищно облизывая губы.

Он приподнимается настолько, что стягивает рубашку через голову, обнажая себя полностью. Мой рот наполняется водой от одного его вида, и я чувствую, как моя кожа покрывается румянцем от того, как греховно аппетитно он выглядит. Что-то в загорелой коже, покрытой черными татуировками... Господи Иисусе, спасибо тебе, Дьяволица, что придумала такого мужчину, как Зейд. Мой взгляд задерживается на шраме, рассекающем его пресс, и я решаю, что хочу быть такой же сильной, как и он. Мой живот сжимается от жара, и я чувствую, что мои бедра становятся все более скользкими.

В долю секунды я принимаю решение, хватаю розу и кладу ее между зубами, наслаждаясь небольшими укусами шипов на моих губах.

Медь расцветает на моем языке, когда я выполняю его приказ, ползая на руках и коленях с его драгоценной розой во рту, бедра и груди покачиваются.

Его глаза загораются, а ноздри раздуваются. Холодная манера поведения исчезает, и сырое желание прорывается сквозь трещины.

Когда я дохожу до него, я опускаюсь на колени и кладу розу на колени.

«Это было достаточно красиво для тебя?»

Он усмехается и допивает виски, ставя стакан на стол.

«Ты так чертовски красива; я хочу вырезать глаза у тех, кто получает привилегию смотреть на тебя», — хрипит он, хищно облизывая губы.

Он приподнимается настолько, что стягивает рубашку через голову, обнажая себя полностью. Мой рот наполняется водой от одного его вида, и я чувствую, как моя кожа покрывается румянцем от того, как греховно аппетитно он выглядит.

Что-то в загорелой коже, покрытой черными татуировками... Господи Иисусе, спасибо тебе, Дьяволица, что придумала такого мужчину, как Зейд.

Мой взгляд задерживается на шраме, рассекающем его пресс, и я решаю, что хочу быть такой же сильной, как Зейд. Человек, который встречал смерть с улыбкой на лице бесчисленное количество раз, только для того, чтобы повернуться и сделать это снова. Снова и снова.

Я нежно провожу пальцами по багровому отпечатку руки на его животе, опьяненная видом того, как он дергается подо мной. Напряжение сгущается до ощущения, что я пробираюсь сквозь лаву.

Через несколько секунд моя челюсть снова оказывается в его руке, его большой палец размазывает точки крови по моим губам.

«Я хочу видеть эту кровь на моем члене», — пробормотал он. «Сними с меня пояс».

Повинуясь его приказу, металл цепляется, когда мои пальцы ловко расстегивают пряжку, и всплывают воспоминания о том, как он обматывал этот пояс вокруг моей шеи, когда он трахал мой рот.

Я хочу этого снова, но знаю, что еще не готова к этому.

Он отпускает мою челюсть, а я быстро расстегиваю его пуговицу и молнию, наслаждаясь звуком металлических зубцов, разрывающих их для меня. Его член вырывается прежде чем я закончила расстегивать молнию, и на этот раз у меня пересохло во рту.

Почему-то я забыла, насколько пугающим является его размер.

Облизывая губы, я беру розу, раздвигаю колени и скольжу мягкими лепестками по моей щели, еще раз смачивая их своим возбуждением.

Он внимательно наблюдает за мной, когда я сажусь и медленно провожу стеблем по его бедру, острые шипы вонзаются в его чувствительную плоть. Он шипит между зубами, его глаза злобно сверкают.

Зажав окровавленную губу между зубами, я провожу лепестками вдоль по гребню его члена, наслаждаясь тем, как сжимается его живот. Вены выступают на его длине, и я провожу цветком по ним до самого кончика, покрывая его своей влагой.

«Адди», — предупреждает он, когда я опускаю цветок к его яйцам, заставляя его напрячься.

Мои губы озорно изгибаются, когда я наклоняюсь вперед и нежно целую его член и смотрю на него из-под ресниц знойным взглядом.

Он рычит, и его терпение лопается. Он сжимает в кулак мои волосы и наклоняется

вперед, его резкие слова звучат мне в ухо: «Ты хочешь поменяться местами и заставить меня умолять на коленях? Я так долго ждал, чтобы почувствовать твой рот обхвативший мой член, маленькая мышка, и я готов сделать для тебя ужасные вещи. если это будет необходимо».

«Терпение, малыш», — шепчу я, моя киска пульсирует, когда он стонет. Он становится таким податливым от простой ласки, и снова это чувство власти вспыхивает.

Положив ладонь на его грудь, я отталкиваю его назад, его тело напрягается.

Держа наши взгляды запертыми, я высунула язык и лизнула кончик его члена. наблюдая, как его губы сжимаются в рычание, а глаза пылают. Он никогда не выглядит человеком, когда он внутри меня.

Я сосредотачиваюсь на нем, отгоняя голоса, прежде чем они смогут по-настоящему проникнуть в меня, удерживая вид Зейда, тающего подо мной, как лед. Это видение дает мне контроль, в котором я так отчаянно нуждаюсь, и я понимаю, что гораздо легче оставаться в настоящем, когда мне есть чем наслаждаться: Зейд в моей власти.

Я беру его глубже в рот, скользя языком вдоль гребня и вызывая у него смесь стона и рыка.

Его пальцы проникают в мои волосы, переплетаются с прядями и крепко держат их. крепко. С его губ срываются стоны, подстегивая меня. Я втягиваю щеки, всасывая его глубже, пока кончик не упирается в заднюю стенку моего горла. Даже тогда я не сдерживаю рвотные позывы, пока из глаз не потекут слезы.

Несколько мгновений я держусь, пока больше не могу, слегка задыхаюсь и отступаю, пока он не вырывается, след красноватой слюны прилипает к моей нижней губе.

Как он и хотел, кровь из моего рта размазывается по его длине, и у меня в голове мелькает больная мысль.

Я понимаю, почему Ксавье это так нравилось.

«Продолжай сосать», — шипит он, вырывая меня из моих мыслей. Вдыхая глубоко, я задерживаю дыхание, заглывая его снова, слезы наворачиваются на глаза от его огромных размеров.

Его рука хватается меня за шею, чтобы удержать меня в неподвижном состоянии, пока он качает своими бедрами, рыча из глубины его груди.

Моя киска пульсирует в ответ, и, как ни стыдно, мне почти хочется заплакать. Я была уверена, что всегда буду сломлена, никогда не смогу прикоснуться или быть прикосновенной. Но доставляя удовольствие Зейду, я не чувствую себя слабой и беспомощной. как я думала. Видеть, как он теряет себя в моем рту, заставляет меня чувствовать себя как королева, восседающая на своем троне.

Я так чертовски нужна ему в этот момент, и зная, что я могу забрать его... мои бедра сжимаются, чтобы унять нарастающую между ними боль.

Он жестоко трахает мой рот, слюна течет по моим губам, а я использую руку, чтобы раздвинуть его по длине, его зубы скрежещут в ответ.

Я выдыхаю воздух, дорожки слюны соединяют его член с моим ртом.

«Высунь язык для меня, детка».

Я безропотно делаю то, что он говорит, глядя на него сквозь мокрые ресницы.

«Какая хорошая девочка, блядь», — хрипит он. Он берет основание своего члена и несколько раз шлепает им по моему языку, его брови прищурены, а рот приоткрыт.

Зверь и бог, соединенные вместе, образуют нечто совершенно неестественное.

И я понимаю, что мне никогда не нужно было бояться его прикосновений. Это

мужчины оскверняли меня, а Зейд никогда не был мужчиной.

Я дергаю его за волосы, но он сопротивляется, крепче сжимая пряди в кулак.

Он поднимает другую руку и грубо проводит большими пальцами по нижней стороне моих глаз, размазывая тушь по щекам.

Его грудь вздымается, а голос становится гортанным, когда он говорит: «Ты выглядишь как такой красивой шлюхой для меня».

Во мне вспыхивает гнев, а он лишь улыбается в ответ. Он притягивает мою голову ближе к себе. Кончик его члена касается моей груди, и его глаза опускаются, в его взгляде вспыхивает искра. К тому времени, как он поднимает глаза ко мне, я точно знаю, о чем он думает.

«Ты никогда не была шлюхой для тех мужчин, маленькая мышка. Знаешь почему?»

«Почему?» шепчу я.

«Потому что им не принадлежала ни одна часть тебя. Они брали то, чем не принадлежало. Это не делает тебя шлюхой, это делает тебя выжившей».

На мои глаза наворачиваются слезы. Я опускаю их, чтобы скрыть слабость, но он рывком поднимает мою голову, не позволяя мне спрятаться.

Дьявольская ухмылка искривляет его губы. «Но ты моя шлюха. Ты — мое все, и с каждым днем ты становишься все больше. Я обладаю каждой чертовой частью тебя, Аделин. Даже когда ты кричала и плакала, что я тебе не нужен, ты никогда не могла меня отпустить. Все те ночи, когда ты стояла у своего окна, позволяя мне наблюдать за тобой. Противостояла мне вместо того, чтобы убежать и подстрекая меня, зная, что произойдет. А когда ты убегала, ты только использовала свой рот, чтобы попытаться убежать. Ты тяготела ко мне, как и я к тебе. И это то, чего никогда не будет ни у одного другого мужчины».

Он прав. Я никогда не вела себя подобающим образом, когда он преследовал меня.

Невозможно отрицать, насколько противоречиво нападать на женщину и преследовать ее когда ты пытаешься спасти других от того же. Также нельзя отрицать, что, несмотря на все это, какая-то извращенная часть меня всегда любила это.

Дело было не только в том, что мое тело поддавалось ему, но и в моей душе.

Ксавье хотел от меня того, чего мог добиться только Зейд. Он хотел, чтобы мое тело открыло скрытую правду и показало ему, что наша связь глубже, чем плоть от плоти. И когда единственной правдой, которую он нашел, было то, что я никогда не хочу его, он разозлился и отчаялся.

Эту истину мог раскрыть только Зейд.

Подобное притягивается к подобному — его тьма к моей. Я бежала от него, пока он заставлял меня увидеть, кто я на самом деле.

Зейд и я — мы не имеем смысла для внешнего мира. Едва ли даже в моей собственной голове. И все же я нахожу, что меня это больше не волнует. Я никогда не оправдаю то, что Зейд сделал со мной, но я прощаю его. И не только это, но я принимаю его.

Он говорил мне раньше, что хочет, чтобы я полюбила самые темные части его души. его, и я влюбилась.

В каждую его поганую часть.

Чувствуя решимость, он снова дергает мою голову. «Плюнь на мой член, детка. Сделай чтобы он был мокрым и красивым для меня».

Не сводя глаз с его глаз, я высовываю язык, позволяя слюне стекать с кончика и попадает прямо на его член.

«Никогда не бывает слишком мокро, правда, котик?» говорю я жеманно, повторяя его слова сказанные им во время нашей первой встречи.

Он усмехается, и это действие разрушает мою душу. Подняв руку, он проводит пальцем по моей нижней губе.

«Продолжай в том же духе, маленькая мышка. Этот острый язычок — не единственная вещь, способная сделать меня твердым Я могу кончить от одной мысли о моем члене, покрытом твоей кровью».

Я прикусила губу, страх пульсирует в моем организме от его опасного тона. Дрожь прокатывается по моему позвоночнику, задевая каждый позвонок по пути вниз.

Ощущения чертовски приятные.

Я растираю свою слюну вверх и вниз по его длине, звуки грубые. Его глаза опускаются, его рот открыт, он смотрит на меня, словно молится, чтобы я бросила ему вызов.

«Хорошая девочка», — говорит он. «Теперь наклонись вперед и вставь мой член между этими твоими прекрасными сиськами».

Прикусив губу, я делаю то, что он просит, соблазнительно глядя на него. Он может выплевывает свои требования, но он все еще находится под моей властью. Доказательством тому служит то, как он его голова откидывается назад, стон проходит через его горло, его адамово яблоко покачивается.

Он поддается мне, как «Титаник» океану. Неразрушимый — непотопляемый для всех, кроме меня. Я — бушующее море, которое покорило его и потопило его до самых колен, и он был бессилён остановить меня.

Он поднимает бедра вверх, и я крепче сжимаю его между своими грудями, наклоняю подбородок вниз, чтобы еще одна дорожка слюны упала с моего языка.

Вид его члена между ними заставляет мою киску сжиматься и возбуждение разливается по моим бедрам. Мой собственный стон вырывается наружу, заставляя его взгляд вернуться обратно на меня.

«Это делает твою киску влажной?» — процедил он сквозь зубы, подкрепляя это резким толчком. «Стонешь как шлюха, глядя, как я трахаю твои сиськи. Тебе хочется, чтобы вместо них была твоя киска?».

«Да», — признаюсь я, замороженная свирепым выражением его лица. Мое сердце бешено колотится, но я доверяю Зейду. Я верю, что он знает, как далеко меня завести.

«Потри свой клитор, я хочу, чтобы ты кончила, когда я это сделаю», приказывает он, убирая мои руки с груди и заменяет их своими, сжимая их плотно сжимая вокруг своей длины.

Потянувшись вниз, я провожу пальцем по своему клитору, вздрагивая и мои бедра сильнее прижимаются к руке.

Моя голова начинает откидываться назад, глаза закатываются, когда я кружусь быстрее. Рука Зейда резко шлепает по моей груди, и я снова опускаю голову вниз.

В ответ я вскрикиваю.

«Смотри на меня, маленькая мышка».

Он вводит свои бедра быстрыми, короткими толчками, а я могу только смотреть, опьяненная зрелищем того, как бог освобождается.

«Блядь, Адди. Эти сиськи будут покрыты моей спермой. Ты готова для меня, детка?»

Я судорожно киваю головой, мой голос застрял под стонами, льющимися из моего рта.

Его хватка становится синяками, но это едва заметно, когда мой живот напрягается, и я

так близка к тому, чтобы упасть через край во второй раз за сегодня вечером.

Его бедра замирают, а затем он вскрикивает, проклиная мое имя, когда потоки его спермы окрашивают мою кожу. Я извергаюсь в тот же момент, сильно содрогаясь и бурно раскачиваясь на своей руке.

Все глубже и глубже я погружаюсь в глубины его разврата и обнаруживаю, что никогда не хочу выходить.

Проходит несколько мгновений, прежде чем мое зрение фокусируется и блаженство отступает.

Я задыхаюсь и краснею, когда спускаюсь вниз. Он тянется вперед, подхватывает меня под мышки и поднимает на колени.

Затем он протягивает руку, берет с пола свою рубашку и вытирает меня.

Удовлетворенный взгляд расслабляет его лицо, вызывая небольшую улыбку. Пока я не взглянула вниз на его грудь и увидела то, чего не замечала раньше.

«Что это?» спрашиваю я, мой голос задыхается от шока. Он сворачивает рубашку и отбрасывает ее в сторону, затем переводит взгляд на меня.

«Напоминание», — просто отвечает он.

Я пытаюсь сглотнуть, но слова застревают в горле, как черствый хлеб.

«Что ты сделал?» кричу я. Мне жжет кончики пальцев, когда я провожу ими по его последнему шраму, как будто он сам себя заклеил, и плоть все еще обжигает.

На меня смотрит макабрическая роза на коже прямо над его сердцем, врезаясь в старый шрам. Чертова роза. Он вырезал символ своей любви ко мне на своей груди.

«Почему?»

Его взгляд впивается в меня с таким количеством различных эмоций, бурлящих в несочетаемых бассейнах. Сожаление. Стыд. Вина. Ярость. Все преобладает, пока он смотрит на меня, словно я — исчезающий мираж, и он не знает, как меня отпустить.

«Я говорил тебе, что не прячусь от своих неудач», — мягко говорит он. «То, что случилось с тобой было моей неудачей. И это служит мне напоминанием каждый день».

Я качаю головой, не находя слов. Несколько раз я открывала рот, но ничего не выходит.

«Зейд», — наконец задыхаюсь я. «Это была не твоя вина».

«Может быть, не напрямую, но это не освобождает меня от вины. Макс продал тебя из-за плохой крови между нами, и я должен был убить его, когда он только начал доставлять тебе неприятности. Это была моя первая ошибка, и из-за этого тебя похитили».

Его кулаки сжимаются, а мышцы челюсти бьются о кожу. В любую секунду она может лопнуть.

«И это была моя вторая ошибка, — прохрипел он. — Моя защита была недостаточно хороша. Я не могу всегда быть рядом с тобой, мы оба это знаем, но им было слишком легко забрать тебя. Я не повторю этой ошибки».

Его рука скользит по прядям моих волос и мягко касается к задней части моей шеи.

«Мне все равно, если мне придется поджечь этот мир, пока не останется никого, кроме тебя и меня. Мир будет гореть вокруг нас, и я с радостью буду жить в хаосе с тобой, пока единственный человек, который представляет для тебя опасность, — это я».

Стиснув зубы, я впиваюсь ногтем в розу. Он шипит, но не останавливает меня.

«Прекрати брать на себя вину за то, что другие люди ебутся в голову. Ты не навешивал мишень на мою голову. Ты не продавал меня во имя мести и денег. И ты не похищал меня и не продавал в секс-бизнес. Ты нашел меня и спас».

Я сильнее вбиваю ноготь, над розой образуется кровавый полумесяц.

«Ты спас меня, и я никогда этого не забуду. И единственный способ, которым я могу отплатить тебе — это спасти себя. Стать сильнее и не позволять тому, что эти что эти больные ублюдки сделали со мной, управлять моей жизнью. Может, я и сломалась, но они не не разбили меня вдребезги. У моей розы все еще есть чертовы шипы, Зейд. Ты меня понял?»

Прежде чем он успевает ответить, я наклоняюсь вперед и собираю бусинки крови на свой язык. Затем я медленно облизываю губы, размазывая пунцовую кровь по своему рту. как помаду.

Его глаза останавливаются на этом движении, его грудь вздымается.

«Я хотела узнать, каково это на вкус, когда кто-то другой истекает кровью ради меня», — шепчу я.

Он работает челюстью.

«Я всегда буду истекать кровью ради тебя», — шепчет он, прежде чем захватить мою челюсть своей рукой и мягко соединяет свои губы с моими, слизывая его кровь с моих губ.

«Ты все еще моя маленькая беспомощная мышка, но только когда дело доходит до моей неотразимой доблести», — говорит он, отстраняясь и одаривая меня злобной ухмылкой.

Я закрываю глаза, смех вырывается из моего рта. Одна слезинка скатывается наружу, эмоции поднимаются по моему горлу. Счастливые пары вернулись, и я надеюсь, Господи. что на этот раз они останутся здесь ненадолго.

«Ты такой мудака».

«Нет, детка, я просто мазохист, который не может насытиться твоей красотой, даже когда ты пускаешь кровь». Он смотрит вниз на крошечные капельки, прорастающие из того места, где я впила ногтем в его кожу.

Я поджимаю губы.

«Тогда, наверное, это я стерва».

«Исчезновение Ксавье стало новостью национального масштаба», — говорит мне Дайя по по телефону.

«Есть ли у них какие-нибудь идеи, кто это сделал?» спрашиваю я, массируя мышцы в моем плече. Все мое тело болит после тренировки с Сибби, и я почти готов рухнуть на пол и остаться там навсегда.

Из меня получилось бы хорошее удобрение, и из моей грудной клетки могли бы вырасти лозы роз, пока я снова стану единым целым с землей.

Зейд, наверное, назвал бы меня драматичной за такие мысли.

«Все, на что они могут опираться, — это катастрофа в Суппле. Конечно, ваши лица были скрыты, что помогает».

«На мне тоже был парик», — говорю я.

«Они не смогут опознать вас. По крайней мере, общественность не сможет, но я уверена, но я уверена, что Клэр будет знать, что это были вы двое».

«Но они не смогут это доказать».

«Им и не нужно. Она контролирует все правительство и всех рабочих пчел, которые им управляют. Включая полицию, федералов — всех их».

Я пожевал губу, сильнее копясь в месте на плече.

«И что, ты ты думаешь, лицо Зейда попадет в вечерние новости?».

Она замолкает на мгновение. «Или твое».

Мое сердце падает, тяжело стуча в животе. Если Клэр повесит убийство на меня — это было бы очень удобно. Это полностью уничтожит любую мою репутацию как автора, но это еще не самое худшее. Они могут выдвинуть обвинения, сфабриковать улики против меня и осудить меня. И я не отправлюсь в тюрьму, а вернусь прямо в руки Клэр.

Блядь. Я.

«Зейд не позволит, чтобы с тобой что-то случилось, Адди», — заверила Дайя.

«Не паникуй. Мы все выясним, и я уверена, что это то, что он должен был планировал».

Хотя она не видит меня, я киваю головой. Это мало помогает успокоить мое колотящееся сердце.

«Может быть, мне не следовало».

«Адди, не будь одной из тех, кто жалеет, что попался. Будь извинись, потому что это не укладывается в твоей душе, если ты действительно так себя чувствуешь. Если если быть честной, я ничего не чувствую, когда заканчиваю жизнь Люка, так что я думаю, мы оба в Божьем списке дерьма или что-то в этом роде. Независимо от этого, то, что мы делаем с Клэр?»

Это огромно. Больше, чем ты или я. И это спасет много жизней».

Я снова киваю головой, крепко зажмурив глаза.

«Я знаю, ты прав. Я не сожалею о том, что сделала». Я выдохнула тяжелый вздох. «Я просто не знаю, что будет дальше, и мне страшно».

«Все будет хорошо. Помни, кто на твоей стороне».

Как по команде, я чувствую прикосновение, убирающее мою руку с плеча, прежде чем заменяет ее своей, погружая большой палец в этот настойчивый узел.

Моя рука опускается, и смесь боли и удовольствия вырывается оттуда, где его умелые пальцы работают с моими мышцами.

«Я помню, — пробормотала я, задерживая стон в горле, когда он задел особенно болезненную точку. — Спасибо, Дайя. Я позволю тебе позже, хорошо?»

Как только мы положили трубку, я издала стон. Я подумал, что если Дайя услышит это, то это беспокоит ее. Его вторая рука присоединяется к нападению, извлекая больше звуков наслаждения. Это чертовски приятно.

«Дайя сообщила новости?» — тихо спрашивает он глубоким тембром.

«Да», — отвечаю я надтреснутым голосом.

«Ничего...»

«Со мной ничего не случится, я знаю», — вклиниваюсь я. «Но иногда вещи не идут по плану».

Он направляет меня к дому, и я поворачиваюсь с усталым вздохом. Его шрам сморщивается от его забавной ухмылки, заметив дерзкое выражение моего лица.

— Тогда ты захочешь посмотреть новости в восемь часов.

Мои брови сходятся, и я хмуро поджимаю губы.

— Что ты сделал?

— Я еще не сделал этого, но собираюсь. — Он щелкает меня по носу, и я шиплю в ответ, отбивая его руку. Его улыбка растет, захватывая его покрытое шрамами лицо и освещая его глаза цвета инь-янь.

Господи, его улыбка чертовски опасна. Она легко останавливает мое сердце.

— Восемь часов, мышонок. Мне будет обидно, если ты пропустишь его.

* * *

— Ты не можешь сидеть там, Адди! Ты будешь сидеть прямо на коленях у Бейна. А он ужасно костлявый, так что ему будет не очень удобно.

Моя задница выскочила в воздух, подвешенная над моим кожаным диваном, когда она останавливает меня.

«Ну, ладно», — вздыхаю я, немного устав избегать своей чертовой мебели потому что воображаемые друзья Сибби сидят на ней повсюду. Они что, не могут стоять? Это не то чтобы их невидимые ноги устали.

Я выпрямляюсь, и Сибби громко задыхается, заставляя меня подпрыгнуть и чуть не уронить свое вино.

«Что?» спрашиваю я, встревоженная, ища на диване паука или что-то в этом роде.

Меня они не пугают, но Сибби, как правило, превращается в еще более маленького ребенка когда появляются жуки.

«Мне так жаль, Адди. Бэйн схватил тебя за задницу. Бэйн, не делай этого! Зейд убьет тебя, понимаешь? У него яйца в узел завязываются, когда люди трогают ее».

«Яйца в узел?» пробормотала я, одновременно смущенная и совершенно охреневшая. Я неловко показываю большой палец через плечо, когда она продолжает ругать Бэйна.

«Пойду-ка я сюда», — бормочу я, немного обеспокоенный. Я включаю телевизор и переключаю на восьмой канал. Они снова трубят о Ксавье, и я тут же покрываюсь испариной, ожидая, что на экране появится моя фотография как интересующего меня

человека.

Думаю, если бы это было так, полиция уже постучалась бы, но мое беспокойство все равно берет надо мной верх.

Сделав большой глоток вина, я смотрю на время на своем телефоне и отмечаю что сейчас 7:59 вечера. Если я знаю Зейда, что бы он ни собирался сделать, он будет вовремя. Восемь в точку, с точностью до секунды.

Я делаю еще один глоток, закатывая глаза, когда рука Сибби скользит по ее бедру, задирая ее черное платье в горошек, а затем продолжает шлепать по собственной руке, крича на Мортиса за то, что он пытался приставать к ней у меня на глазах. Она становится лучше в том, чтобы держать сексуальную активность при себе.

Мое сердце замирает, когда изображение репортера на экране телевизора начинает проскакивать, а затем превращается в помехи, после чего обрывается. Я задыхаюсь, когда изображение мужчины заменяет репортера, его черный капюшон надвинут на голову, а лицо закрыто знакомой черной маской с драматическим хмурым взглядом и прорезями для глаз.

Ни хрена себе.

Медленно, я встаю, мой рот открыт, когда я подхожу к телевизору.

— Приветствую вас, американцы, — начинает Зейд, и мои брови подпрыгивают, когда я слышу, какой ненормально глубокий у него голос. Он изменил его. — В свете исчезновения нефтяного магната, Ксавьера Делано, это сообщение для полиции, всех правительственных чиновников и, как всегда, народа этой страны.

Зейд скрестил руки в черных перчатках, похоже, устраиваясь поудобнее.

— Ксавьер Делано покупал молодых женщин в качестве сексуальных рабынь у торговцев людьми, а затем убивал их, когда ему это надоедало. Я опубликовал все доказательства этого в Интернете. На фото выше — несколько женщин, которых он покупал, пытал, насиловал и убивал. Запомните их имена. Я запомнил. В честь всех женщин, которые потеряли свои жизни из-за этого человека, я взял дело в свои руки. Ксавье Делано не пропал без вести. Он мертв.

Зейд наклоняется вперед и качает головой. Жуткая жуть пульсирует радиоволны, исходящие от экрана. Сырая опасность пронизывает все мои кости, когда я смотрю в бездонные дыры, где спрятаны его глаза. Я дрожу, наслаждаясь этим ощущением.

— Он не первый, кто страдает от последствий своих действий, и он не будет не последний. Я — Z, и я наблюдаю. Никто не в безопасности. Особенно те, кто предал меня.

Его видео исчезает, возвращаясь к бледному, осунувшемуся лицу.

Громкий хруст выводит меня из гипнотического состояния, в котором я оказалась. Я поворачиваю голову в сторону Сибби и вижу, как она запихивает в рот горсть попкорна. Должно быть, она чувствует мой взгляд, потому что останавливается на середине жевания, и смотрит на меня широко раскрытыми невинными глазами.

— Что?

— Он взял на себя ответственность за все это, — говорю я, ошеломленно.

Сибби моргает, выглядя растерянной.

— Ну, конечно, он взял. Я имею в виду, он не совсем лгал, но Зейд сделал бы все, чтобы защитить тебя. — Она качает головой. — Ты действительно сомневалась в нем?

Мой рот приоткрывается.

— Думаю, я просто не ожидала... этого.

Сибби пожимает плечами, с трудом проглатывая первый кусок, прежде чем набить свое

лицо снова.

— Это было умно.

Так и было. Никто не поверит, что городская девушка, которая также является популярным и уважаемым автор, убила Ксавьера из-за Z. Они будут выглядеть глупо, если они попытаются обвинить меня. К тому же, все знают, что я жертва сексуальной торговли людьми. Они могут попытаться представить дело так, что я мщу, но тогда им придется иметь дело с дополнительным стрессом от того, что Зейд устроит абсолютный бунт из-за того, что выжившая жертва была несправедливо осуждена. Не говоря уже о том, что Зейд буквально никогда не позволил бы им просто отвезти меня в тюрьму. Он бы спрятал меня и взял бы вину на себя. И снова люди будут болеть за Зейда над правительством, а это последнее, чего хочет Клэр.

Черт. Зейд действительно испортил все планы Клэр, и все ради того, чтобы защитить меня.

«О! — воскликнула Сибби, заставив меня снова подпрыгнуть. — Ты должна написать книгу об этом. Твои читатели будут в восторге от большого, страшного парня, который приходит к тебе на помощь., а потом убивает твоего обидчика».

Она не ошибается. Даже я падаю в обморок.

Но я была слишком истощена, чтобы писать. Я набираюсь сил, чтобы постить небольшие обновления время от времени, прежде чем снова вынырнуть, слишком измотанная, чтобы даже читать комментарии. Мой личный помощник перехватывает все сообщения и вопросы, пока я не буду готова вернуться к своей карьере. Я не думаю, что смогу по-настоящему сосредоточиться на писательстве, пока Клэр не умрет.

— Тебя не беспокоило, что он взял кредит? — спрашивает Сибби, неправильно истолковав мое молчание.

Я смеюсь.

— Меня не волнует слава.

— Тогда почему ты так напряжена?

Потому что моя кровь превратилась в жидкую лаву. Боже, помоги мне, если Сибби будет поблизости, когда я увижу Зейда, потому что я не уверена, что смогу остановить себя от того, чтобы наброситься на него, а Господь знает, что эта странная маленькая кукла не захочет добровольно покидать комнату.

Множество эмоций бушуют в моем теле, и на самом первом месте стоит моя потребность поблагодарить его. И есть так много, блядь способов поблагодарить его.

Видеть его на экране, с его глубоким голосом и черной маской, подставляющего себя под огонь, чтобы защитить меня — все, о чем я могла думать, это о том, как сильно я его люблю.

И как сильно мне нужно показать ему это. Как сильно мне нужно сказать ему об этом. Зейд практически не пострадает от убийства Ксавьера, по крайней мере, не пострадает от общественности. Ему не нужна поддержка людей, чтобы продолжать делать то., что он делает. Это просто то, что Зейд всегда имел независимо от этого. И решат ли люди изменить свои союзы, потому что он убрал хищника с улиц, это не имеет значения. В грандиозной схеме жертв, которые Зейд принес ради меня, это было не очень не такая уж и большая. Тем не менее, это все равно значит для меня весь мир. То, что мы делаем, намного больше, чем написание книг, но все равно я была бы опустошена, потеряв карьеру, которую я так люблю. Это было бы похоже на потерю еще одной часть себя, а у меня и так мало чего есть.

«О... — тихо говорит Сибби, осознание приходит. — Ты хочешь трахнуть его. Я теперь понимаю».

Мои щеки горят, но я не отрицаю этого. Потому что она права. Мои бедра крепко сжаты, и это знакомое пьянящее чувство бурлит глубоко в моем животе.

Я не стану лгать и говорить, что наблюдение за ним только что не возбудило меня. Моя кровь горит, и я почти вибрирую от желания. Это было... ну, это было чертовски горячо. Что еще я могу сказать?

Сибби застонала и села с надутым видом.

— Почему вы, ребята, можете заниматься громким сексом, а я нет?

Я поворачиваюсь к ней, глаза расширены, а выражение лица говорит: «Ты что, осуждаешь меня? прямо сейчас?»

— Потому что ты пытаешься делать это на глазах у всех, Сибби.

Она с шумом вжимается спиной в диван, с сожалением запихивая горсть попкорна в рот.

— Не моя вина, что вы, ребята, скучные.

Я закатываю глаза. Мы с Зейдом много чем занимаемся, но скука — не одна из них.

Глава 37

Бриллиант

К тому моменту, когда Зейд входит в дверь моей спальни, я превращаюсь в клубок нервов. Из-за шагов, раздающихся взад и вперед по коридору, и предвкушением встречи с Зейдом, я не могла уснуть.

Сейчас уже далеко за полночь, а я лежала в постели в одной лишь черной ночной рубашке, готовясь к его приходу.

Перевернувшись, я смотрю, как он осторожно закрывает дверь и начинает шаркать в сторону ванной комнаты, в воздухе витает запах серы, крови и дыма. Мои балконные двери распахнуты настежь, впуская прохладный ветерок и паутинки лунного света.

Я сажусь и поворачиваю бра, висящее над моей кроватью, чувствуя себя одной из тех женщин, которые сидят в темной комнате и щелкают единственной лампой, когда их муж-изменщик прокрадывается в дверь.

Хотя мысль о том, что Зейд изменил, смехотворна. Это всегда будет единственное, о чем мне никогда не придется беспокоиться.

Он делает паузу, наклоня подбородок ко мне через плечо.

«Это здесь мы ведем себя как супружеская пара, и я спрашиваю, где ты был и почему ты так поздно дома?» Я слегка поддразниваю.

Лампы излучают мягкое желтое свечение, создавая угрюмый эффект, когда он протягивает руку через плечо и стягивает толстовку через голову затем, стягивает белую футболку.

Я прикусываю губу, пожирая глазами его мускулистую, покрытую татуировками спину и массивные руки.

«Конечно, детка», — тихо говорит он. «Но мы оба знаем, что мой член принадлежит только тебе».

«Хорошо, тогда ты знаешь, что я могу удалить его из твоего тела, если захочу. Поскольку он мой и все такое».

Он поворачивается с ухмылкой, ничуть не обеспокоенный.

Я скрещиваю руки. Это просто оскорбительно.

«Меня задержали, потому что парень, за которым я охотился, был в центре аэропорта. пытаюсь попасть на рейс».

«И как ты его вытащил, чтобы никто не заметил?»

«Устроил засаду, пока он мочился. Затем пришлось опустошить чемодан, чтобы запихнуть в него его тело».

Я моргнула. Это звучит... интересно.

Раньше я бы назвала его тревожным. Больным. Психотическим. То есть, он все еще такой. Но это больше не отталкивает меня так, как раньше. Или, может быть, этого не было, и я лгала себе.

Я часто так делаю.

«Кто это был?» спрашиваю я.

«Какой-то мужчина, которого Джиллиан попросила меня убить. Он был ее отчимом и издевался над ней в детстве», — объясняет он, снимая ботинки и ставя их аккуратно в углу комнаты.

Я не удивилась, обнаружив, что Зейд живет скрупулезно. Он не из тех, кто оставляет грязное белье валяться посреди комнаты на всю неделю или покрытую коркой посуду в раковине.

«Хорошо», — пробормотала я, радуясь, что он может сделать это для нее.

«Он единственный кого ты убил сегодня вечером?»

«Да», — просто отвечает он, изогнув бровь.

Я киваю и облизываю пересохшие губы, нервничая из-за того, что затронула эту тему. «Значит, Рио все еще ускользает от тебя?»

Зейд смотрит на меня. «Я знаю, где он, Адди», — отвечает он, подходя ко мне на нем были только черные джинсы и ремень.

Мое сердце падает, но я стараюсь сохранить лицо чистым.

«Ты не хочешь его смерти», — прямо заявляет он, присаживаясь на край стула рядом с кроватью. Я уверена, что нам придется это убрать — он абсолютно весь в крови.

«Зачем тебе это...»

«Не лги мне», — сурово говорит он, глядя прямо перед собой. Его белый глаз метнулся в мою сторону, а затем вернулся к черной стене.

«Я вижу твое лицо каждый раз, когда заходит речь о его предстоящей смерти, но ты всегда держишь свой красивый рот на замке. Я уже давно знаю его местонахождение, но я решил, что не буду убивать его, пока ты не откроешь рот и не скажешь мне, чего ты на самом деле хочешь».

Я нервничаю. Почти как будто он поймал меня на измене, и я должна признаться.

Ничего подобного, но я все равно чувствую, что вела себя плохо.

«Я не знаю, что чувствую», — признаюсь я, прижимаясь спиной к прохладному камню.

«Он причинил мне боль. Часто. Но не так, как ты думаешь».

«Он не насиловал тебя», — снабжает Зейд.

«Нет... не насиловал. Но он видел, как это происходило с другими мужчинами и не остановил это. Но тогда... он не мог этого сделать».

«Конечно, мог», — возражает Зейд. «Ты думаешь, я бы стоял и смотрел?»

«Даже если...»

«Нет. Ответ — нет, независимо от сценария. Если бы я был без оружия и на меня наставили бы пять стволов, я бы все равно не стал стоять и смотреть, как ты или другие девушки — проходят через то, что ты сделала. И я понимаю, что его сестра была использована в качестве залога, но он мог бы попросить меня о помощи».

Я хмурюсь. Я действительно не думала об этом. Рио очень хорошо знал, с кем он и против кого он выступает с самого начала. Так почему же он не предал тех, кто держали его сестру в заложниках, и не попросил Z помочь ему?

«Ты прав», — мягко согласилась я. «Независимо от его выбора, все равно трудно забыть, как сильно он мне помог. Когда Сидни пытался подставить меня, бывало, что он брал вину на себя, а Рокко выбивал из него дерьмо за это. Возможно, он не всегда мог вмешаться, но он делал то что мог в ситуации, в которой он чувствовал себя в ловушке».

Зейд молчит, поэтому я продолжаю. «Франческа заставила его позаботиться о моих травмах, полученных в автокатастрофе, так как это была его вина. Но потом я начала получать травмы от мужчин, а затем, в конце концов, от Ксавье, и он позаботился о них тоже. Я... не знаю, как это объяснить. Но он вроде как стал моим другом. В начале он был немного жесток с доктором Гаррисоном, но он никогда... смотрел на меня как... Он был

единственным мужчиной в том доме, который не сексуализировал меня. и, наверное, в конце концов, он был моим безопасным местом. Он причинил мне боль, Зейд, но он также защищал меня».

Мышцы его челюсти напрягаются, но я не могу понять, что у него на уме. Это занимает несколько мгновений, но в конце концов он поворачивает голову ко мне с пустым выражением лица.

«Ты хочешь, чтобы я сохранил ему жизнь?» — спрашивает он монотонным голосом.

Я открываю рот, но слова не выходят.

«Я не знаю», — честно отвечаю я. «Я действительно не знаю».

«О чем мы говорили раньше? Реши, с чем ты можешь жить, а с чем нет с этим. Сможешь ли ты жить со знанием того, что я убила Рио, или нет?».

Я нахмурилась, глядя на свои руки, пока размышляла над этим. Я ковырялась в заусенице, даже не осознавая этого, точка крови на боку моего большого пальца.

«Ты бы сделал это?» спрашиваю я, глядя на него. «Если бы я попросила, ты бы пощадил бы его жизнь?»

«Да», — отвечает он. «Я бы убил за тебя — я уже убивал за тебя — но я бы также положил оружие и никогда больше не брал его в руки, если бы ты попросила меня об этом.

То, на что я готов пойти ради тебя, ужасает, маленькая мышка. Так легко ты можешь уничтожить меня, а я лягу и приму это. Мне все равно, буду я жить или умру лишь бы это было для тебя».

«Не говори так», — шепчу я.

«Я не лгу, Аделин, и не собираюсь начинать сейчас. Итак, скажи мне. Ты хочешь, чтобы я пощадил его жизнь?»

«Да», — отвечаю я после нескольких ударов. «Я хочу, чтобы Рио жил со своим собственным выбором. Жалеет ли он о принятых решениях или нет, я хочу, чтобы он жил с этим. И я не хочу, чтобы кто-то из нас был ответственен за то, что лишил брата Катерины».

Зейд опускает голову, но кивает. И любовь, которая едва не сорвалась с моего языка, когда я увидела его по телевизору, снова вернулась, хотя на самом деле она никогда не уходила.

Я сползаю с кровати и встаю на колени между его раздвинутых бедер, хватаю его лицо ладонями и целую. лицо в свои ладони и нежно целую его губы.

«Спасибо», — говорю я. «Не только за это, но и за то, что было раньше. За то, что взял на себя вину за смерть Ксавье».

«Разве я не говорил, что сделаю для тебя все?» — спрашивает он, поворачивая голову, чтобы поцеловать мою ладонь, прежде чем выскользнуть из моих пальцев и встать.

«Мне нужно принять душ. Спи, детка».

Я открываю рот, но он закрывает за собой дверь ванной, прежде чем я успела переварить его уход, оставив меня стоять на коленях на полу и чувствовать себя немного опустошенной.

Мое сердце замирает, чувство вины гложет меня изнутри за то, что я попросила его пощадить Рио. Я думаю, не отменить ли мне свое решение. Хотя, если быть честной с собой, думаю, я бы оплакивала его смерть. И я никогда не смогу посмотреть в глаза Катерине, несмотря на то, через что мне пришлось пройти из-за ее брата.

Я сижу в постели, ломая голову над тем, что делать, когда появляется Зейд, из глубин ванной комнаты за его спиной поднимается пар. Он одет только черное полотенце, свободно

обмотанное вокруг талии и на грани того, чтобы соскользнуть.

При виде этого зрелища у меня перехватывает дыхание, и кровь закипает в жилах. от меня остались только испарения.

Никогда не будет другого, похожего на него — никогда не будет другого. И какая-то часть меня с ужасом ждет того дня, когда Зейд умрет. Хотя мне будет что сказать, если он умрет до того, как ему исполнится девяносто.

Засранец прыгал через препятствия, чтобы заполучить меня, теперь он должен страдать всю долгую жизнь со мной.

Никогда не пойму, как люди боятся смерти, когда время гораздо страшнее. Оно в конечном итоге приводит нас к смерти, потому что это единственное, что действительно делает нас смертными. Мы заперты в иллюзии, из которой нет выхода.

Черт, я очень хочу выбраться.

Когда он замечает меня, он делает небольшую паузу, прежде чем вздохнуть. «Ты все еще не спишь».

«И ты прячешься от меня», — отвечаю я.

Он беззлобно усмехается. «Я преследователь, детка. Я всегда прятался от тебя».

«Прекрати», — огрызаюсь я.

«Чего ты хочешь, Аделин?» — резко спросил он, его разочарование нарастало.

«Черт возьми, Зейд, я хочу тебя. Мне жаль, что Рио остается жить, ясно? Господи, это одна из немногих вещей, над которыми ты позволил мне иметь власть, а ты заставляешь меня чувствовать себя виноватой.». Мой голос прервался, когда он ворвался ко мне, страх забивает мне горло.

Через несколько секунд он стоит передо мной, схватив мою челюсть своей рукой и тянет меня вверх, пока мои колени едва не касаются кровати. Я визжу, цепляясь когтями за его руку, но он не ослабевает.

«Тебе нравится притворяться, что ты чертовски беспомощна, как маленькая мышка, попавшая в ловушку. Если ты хочешь быть такой, я могу показать тебе, что на самом деле значит быть беспомощным. Я могу показать тебе, что значит быть мной».

Мои глаза расширяются от недоумения, а ногти впиваются еще глубже. «Ты?!» повторяю я, пораженная его намеком.

«Да, я!» — кричит он. «Я ни черта не контролирую, когда дело касается тебя. Я потерял его, когда увидел тебя в книжном магазине, и так и не смог вернуть. Думаешь, я преследовал тебя — это был контроль? Пить из твоего тела, несмотря на твои крики? Неужели думаешь, у меня есть это прямо сейчас?» — рычит он, трясая моей головой, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

Его глаза пылают, расширенные от ярости и чего-то настолько сильного, что это сжигает меня заживо.

«Ты сама сказала, что я могу использовать твое тело для собственного удовольствия, но чего никогда не смогу у тебя отнять? Чего я хотел больше всего от тебя, Аделайн?»

«Мою любовь», — плачу я, слезы наворачиваются и проливаются.

«Именно так. Твоя любовь. Единственное, что мне когда-либо было нужно от тебя. Ты обладаешь силой, ты просто никогда не знала, что, блядь, делать с ней».

Проходит несколько мгновений, но постепенно меня осеняет. Его слова наконец-то пробиваются сквозь толстый череп, которым меня проклял Бог.

Зейд поддался каждому из своих самых темных инстинктов, потому что он никогда не

контролировал себя, чтобы остановиться. Он брал, и брал, и брал, потому что это было единственное, что он мог взять. Но это никогда не делало его сильным — это делало его беспомощным.

До сих пор я не могла понять, почему он всегда делал то чего хотел. Преследовал меня, трогал меня, трахал меня, когда хотел. Никаких не важно, сколько протестов срывалось с моих губ, или сколько раз я боролась с ним.

Он преследовал меня, когда я убегала, отталкивал меня, когда я отталкивала его, но при этом поклонился бы мне в ноги, если бы я попросила его об этом.

И я наконец-то понял, почему. Нельзя обладать властью, если не контролировать ее. «Рад видеть, что ты наконец-то заняла трон», — пробормотал он, разочарование излучаемое его несовместимыми глазами.

Я качаю головой, убирая ногти с его руки и осторожно отталкивая его пальцы от своей челюсти. Он отпускает меня, переполненный энергией.

«Я не займу трон, Зейд. Трон — это ты. Ты всегда был моей опорой, и мне жаль, что потребовалось так много времени, чтобы увидеть это».

Его взгляд отчаянно ищет мой, охотясь за любым намеком на ложь. Это было бы все равно, что найти действующую бомбу. Как только он обнаружит ее, она разорвет его на куски.

Медленно, я встаю с кровати, отступая от него, пока не встаю на обе ноги. Он не дает мне много места, но мне это и не нужно.

Мое сердце колотится, и я опускаю глаза, наблюдая, как моя рука поднимается, чтобы встретиться с его нагретой плотью. Он почти обжигает на ощупь, и я никогда еще не хотела быть поглотить его огнем.

Подушечки моих пальцев проводят по его рельефным мышцам, красивым татуировкам и белым шрамам, пересекающим несколько частей его торса. Мои колени ослабли, пока я сосредоточилась на драконе, бегущем по его груди.

Боже, если это существо не олицетворяет мужчину, стоящего передо мной, то я не знаю, что. Огнедышащий дракон, способный послать меня нахрен и взмыть в воздух.

Проведя ладонью по его животу, я отталкиваю его, почти очарованная тем, как он сдается без сопротивления.

«Сними это», — приказываю я, глядя на его полотенце, мой голос дрожит от желания. Он смотрит на меня, его молчание громкое и хаотичное, пока он слушает мой приказ.

Я пытаюсь сглотнуть, пока он медленно и методично распутывает полотенцедразня меня, не сводя с меня своих глаз цвета инь-янь.

Такое ощущение, что в моем желудке вращается целая галактика. Это черная дыра, поглощающая все чувства и разум. Солнце, посылающее солнечные вспышки по всему моему телу, нагревая меня изнутри и опускаясь все ниже к вершины бедер, и сверхновая звезда, находящаяся на грани взрыва. Он отпускает узел, полотенце падает на пол.

Трахните меня.

Его член твердый, кончик покраснел, вены выделяются, и это почти что я чуть не упала на колени с молитвой на языке. Он чертовски великолепен, и мое сердце разрывается от напоминания, что этот мужчина — нет, этот Бог — мой. Он выпрямляется, и я пытаюсь уговорить себя пить его медленно. Маленькими глотками, Адди. Смакуй его.

Но я не могу удержать свои жадные глаза от пожирания просторов его телосложения, задерживаясь конкретно ниже его талии.

Я не забыла, какой ужасающий член у Зейда. И все же каждый раз как удар в грудь, когда вижу его во плоти, зная, что он должен поместиться во мне.

Мой рот наполняется слюной, когда я вспоминаю, как он растягивает меня и как ему пришлось бы работать внутри меня. Черт, это так же, как зависимость от боли при нанесении татуировки. При каждом укусе иглы ты хочешь убежать, но ты остаешься, потому что результат — это чистое, блядь, блаженство.

Одарив меня напряженным взглядом, он подходит к комоду и достает что-то из из ящика. Господи, его задняя часть почти такая же аппетитная, как и передняя.

Мои легкие закрываются, и я больше не дышу.

Звук металла — вот что наконец отвлекает мое внимание от его тела.

Он приближается ко мне, держа в руках черные наручники, и от этого вида мое сердце скачет, как камень по поверхности озера.

Я делаю большой шаг назад. Большинство мужчин остановились бы, увидев нерешительность, но Зейд не дрогнул, подойдя ко мне.

«Что ты с ними делаешь?» спрашиваю я, тревога нарастает в моей груди.

«Не волнуйся, детка, это для меня».

Встретив его взгляд, я мгновенно успокаиваюсь. В его черно-белых глазах. Желание, любовь и злой умысел. Но он так чертовски спокоен, и именно это заставляет меня чувствовать себя спокойно.

Нахмутив брови, я смотрю, как он протягивает мне наручники и ключ, но я пока не беру их.

«Что ты планируешь?» спрашиваю я, глядя на него.

«Разве я не говорил тебе раньше, что тебе не нужен полицейский, чтобы надеть на меня наручники? Я сказал, что позволю тебе делать со мной все, что захочешь, и именно это я и делаю».

Не знаю, почему я так удивилась, услышав это. Он ясно дал понять, что я владею им, но видеть, как он физически передает ее мне, все еще неприятно.

Облизнув губы, я нерешительно беру и кладу ключ на тумбочку. Как только я это делаю, он снова поворачивается, показывая мне массивного осьминога, вытатуированного на его спине, щупальца которого простираются до плеч и шеи.

Иногда я прослеживаю каждую линию, пока он спит, знакомясь с ощущением его кожи, когда он не требует этого от меня.

Как и в те поздние ночи, я провожу пальцами по мелким деталям на осьминога, восхищаясь талантом, который был вложен в это произведение.

Мышцы на его спине пульсируют от моего прикосновения, и я не могу не чувствовать бодрости от того, как я на него воздействую.

Наслаждаясь его реакцией, я дразню его. Слегка проводя подушечками пальцев по его спине, рукам и кистям. По его коже пробегают мурашки, и я сдерживаю улыбку. Не думаю, что когда-либо видела, чтобы у этого человека было что-то настолько тривиальным, как мурашки. Это нормальная человеческая реакция, но когда Зейд хоть раз вел себя не как божество?

Я затягиваю наручники на его запястьях, резко вдыхая, когда он снова поворачивается и стоит передо мной. Персефона, заключающая Аида в темницу — это слишком мило, чтобы не пустить слюну.

«Ты позволишь мне делать с тобой все, что я захочу?» повторяю я, не желая верить в

это. Видеть его таким... беззащитным — мой мозг не может этого понять.

Его глаза темнеют, и его ухмылка сползает. «Ты всегда была атеисткой по отношению к моим словам. Ты не способна верить в то, чего не видишь, и тебе не хватает веры. Потому что ты слепа к тому, что находится прямо перед тобой. Я твой, чтобы командовать — И всегда командовать. Тебе просто нужно увидеть это, чтобы окончательно поверить».

Прочистив горло, я шепчу: «Сядь на кровать».

Без колебаний он делает шаг назад и медленно садится, держа свои ноги раздвинутыми. Мой взгляд снова тяготеет между ними, и мое сердце трепещет, как крылья колибри, одновременно замороженное и напуганное.

Заставляя себя сосредоточиться, я хватаюсь за низ ночнушки и стягиваю ее через голову, сохраняя медленный и мучительный темп. Зейд одобрительно хмыкает в глубине в своей груди, и это придает мне смелости. Достаточно, чтобы спустить трусики вниз по бедрам и выйти из них.

Это никогда не было сексуальным способом, но то, как глаза Зейда голодно пожирают мое тело, кажется, что я только что выполнила высококвалифицированный трюк на шесте для стриптиза.

В реальности я бы сломала себе шею, пытаясь сделать это.

«Ложись на кровать и встань на колени», — говорю я ему, задирая подбородок вверх, чтобы направить его.

Он усмехается, но делает то, что я говорю, забираясь на кровать с грацией пантеры. Он садится на пятках, раздвинув колени, и больше всего на свете я хочу сфотографировать его, чтобы потом посмотреть на это, когда мы станем старыми и седыми и никто из нас больше не будет способен на секс.

Полоски лунного света и мягкий свет от бра подчеркивают твердые плоскости его груди и пресса, подчеркивая каждую мышцу, напряженную на его кожи.

Только дьявол может так божественно управлять тенями вокруг своего тела.

Дьявол и Бог — две противоположные силы, составляющие одно противоречивое существо.

Облизывая губы от предвкушения, я заползаю на кровать, а затем на его на колени, держа свою киску над кончиком его члена.

Его губы шепчут по моей шее, и я кладу руки ему на плечи, чтобы не только сохранить равновесие, но и держать его под контролем.

Мое ядро пульсирует, когда глубокий гул вибрирует во всех моих руках, нарастающий, когда я намеренно провожу кистью по его лицу, касаясь своих затвердевших сосков. Прямо когда он собирается прикусить, я отстраняюсь усиливая дрожь, сотрясающую его тело.

Его голова откидывается назад, пока наши глаза не сталкиваются. Я дрожу от неконтролируемой похоти его взгляда. Он смотрит на меня так, словно просто выжидает время. Выполняя до той секунды, пока я не разомкну наручники.

В мгновение ока он сорвется с места и ударит, как гадюка. Мое горло в его и мое сердце между его зубами.

Я чувствую, как страх пульсирует в моем клиторе, увеличивая мой пульс до опасного уровня.

«Ты думаешь, что теперь ты сломлена, Аделина? Подожди, пока ты освободишь меня из этих оков», — угрожает он, в глубоком тембре его голоса слышится острое стекло. «Я буду трахать тебя до тех пор, пока каждая твоя косточка не сломается подо мной. Беспомощная

маленькая мышка, чтобы я лепил и манипулировал ею».

Он намеренно пытается напугать меня, зная, как сильно мое тело поет от ужаса, который он вселяет в меня.

Инстинктивно я хочу убежать от его ужасающих обещаний и от подкрадывающегося страха, что он именно так и поступит. Я также хочу бросить ему вызов, чтобы смог его выполнить.

Мое сердце колотится о грудную клетку, но я не отрываю от него взгляда. Прикусив губу, я тянусь между нами и хватаюсь за его длину, наслаждаясь тем, как его верхняя губа кривится в усмешке.

А затем, очень медленно, я провожу кончиком по своей щели, смачивая его, прежде чем опускаясь все ниже и ниже, до тех пор, пока не останется неясного как различить, кто из нас дрожит.

Я наклоняюсь вперед и обхватываю его шею руками, подстраивая свои мягкие изгибы его суровые линии, и медленно ввожу его в себя. Ощущения точно такие же, как раньше, жжение когда он широко растягивает меня, но ненасытное блаженство которое сопровождает его.

Мои демоны щекочут заднюю часть моего мозга, умоляя впустить их, чтобы разрушить хаос в моем рассудке. Оттащить меня от этого драгоценного момента, когда я вновь обретаю то, что было украдено у меня. Поэтому я сосредоточила все свое внимание на мужчине подо мной.

Его сбивающееся дыхание, нарастающее землетрясение, сотрясающее его тело, и вены, пульсирующие на его шее, когда он борется за то, чтобы оставаться неподвижным.

Я прижимаюсь губами к раковине его уха, пьянящее чувство власти поднимается по моему горлу и срывается с языка.

«Хочешь посмотреть, как легко я могу сломать тебя?» жеманно пробормотала я.

Он хрипит, когда я снова опускаюсь ниже, и больше половины его члена оказывается во мне. Кажется, что это слишком много и недостаточно. Этого никогда не бывает достаточно. Даже когда я заполнена до краев, я хочу еще.

Я не жду, пока он ответит, нервы съедают меня заживо, хотя это кажется правильным. Так чертовски правильно.

«Я люблю тебя, Зейд. Иногда я, блядь, не могу этого вынести», — говорю я, мой голос хриплый и неровный. «Но это единственное, что помогло мне выжить. Ты спас меня. Даже когда мы были в разлуке, ты спас меня. И я надеюсь, что ты никогда не перестанешь охотиться за мной».

Его голова откидывается назад, глаза смотрят в потолок, и он замирает подо мной, такой же твердый. как каменные стены в поместье Парсонс.

«Отпусти меня, Аделина», — говорит он сдавленно. Я едва узнаю его голос.

Я опускаюсь до конца, полностью усаживаясь на него.

Камень трескается, и его грудь пульсирует от резкого вдоха.

«Отпусти меня, блядь», — снова вырывается он. Я качаю головой, хотя он не смотрит на меня. Его адамово яблоко покачивается, когда он сглатывает.

Я знаю, о чем он просит. Отпустите наручники. Он может освободиться от них. если захочет. И тот факт, что он ждет, пока я сделаю это сама, говорит о многом.

У меня сильное чувство, что несмотря на то, что думает Зейд, он больше контролирует, чем он сам себе приписывает. Но как только металл упадет с его запястья, он рассеется.

Теперь, когда я дала ему все, я смогу испытать Зейда в его самом безумном состоянии.

Никогда не было сомнений, что он нанесет удар, как только они расстанутся, но сейчас он — изголодавшееся животное со свежим мясом прямо у клетки.

«Я не собираюсь этого делать».

К черту, я могу воспользоваться преимуществом, пока я еще цела.

Мой рот приоткрывается, когда я качаюсь на нем, позволяя моим глазам дрейфовать, а голове откинуть голову назад, пока эйфория нарастает там, где мы соединены.

Низкие, неровные стоны наполняют воздух, я так потеряна в езде на его члене и в том, как приятно использовать его тело для собственного удовольствия, что когда его горячее дыхание обдувает мою шею., это похоже на пробуждение от лихорадочного сна и непонимание того где я нахожусь.

«Надеюсь, тебе это понравится, детка», — прошептал он мне на ухо. «Надеюсь, ты будешь наслаждаться ощущением того, что твоя красивая пизда цела, а кожа девственно чиста».

Мое дыхание сбивается, его тон темнее, чем черная дыра, поглощающая звезды на небе. Ни один свет не пробивается — ни в них, ни в Зейде.

Я прижимаюсь к нему сильнее, стискивая зубы, когда его язвительные слова разъедают мою храбрость. Пот покрывает оба наших тела по совершенно разным причинам. Ему требуется усилия, чтобы сдержать своего зверя, в то время как мой свободен и неуправляем.

«Ты не пугаешь меня», — лгу я, дрожа, когда я поворачиваю бедра так, как надо, и кончик его члена попадает в идеальное место.

«Стыдно», — бормочет он, покусывая чувствительную плоть на стыке моих ключицы, заставляя мое тело содрогнуться еще раз. «Мне нравится, когда ты испуганная маленькая мышка, трепыхающаяся под моей лапой и отчаянно пытающаяся вырваться».

«Это заставляет тебя чувствовать себя сильным?» спрашиваю я сквозь стиснутые зубы, повторяя вопрос., который он задал мне не так давно. Оргазм нарастает в моем животе, разрушая мой контроль над собой, а мои движения становятся беспорядочными.

«Конечно, да», — пробормотал он, его глубокий голос темный и порочный, наши стоны переплетаются, когда я кручу бедрами. «Когда ты в моей ладони, только тогда я чувствую, что этот мир стоит спасти».

Задыхаясь, я качаюсь быстрее, преследуя оргазм, который находится в пределах моей досягаемости.

«Тебе нравится использовать мой член для того, чтобы ты кончила, не так ли, детка? Помни об этом всякий раз, когда будешь думать, что я тебе не нужен. Ничто не заставит твою маленькую киску кончить лучше, чем я. И смотри, мне даже не нужно стараться».

Мое зрение затуманивается, и я тянусь вниз между нами, напрягая свой клитор, пока наконец не достигаю вершины.

Ощущение такое, будто мою душу разорвали на куски за несколько секунд. Крик вырывается из моего горла, хотя я его не слышу. Не тогда, когда различные части моего существа разбросаны в сотнях тысяч различных измерений.

Нет ощущения времени и пространства, только цвета и чувство завершенности.

Как будто меня неправильно собрали раньше, а теперь, когда я рассыпался, эти кусочки части были сшиты обратно правильным образом.

Это чертовски затягивает, и к тому времени, когда я спускаюсь вниз, поместье Парсонс снова появляется, я хочу вернуться. Куда бы я ни отправился, я хочу вернуться.

Зейд опускает подбородок, выглядя в какой-то степени побежденным. Это так нервирует меня, что я поворачиваюсь на бедрах и хватаю ключ, лежащий на тумбочке. Прямо когда я собираюсь слезть с него, он поднимает голову всего на дюйм.

«Не надо», — предупреждает он.

Не зная, где находится его голова, я слушаю и тянусь вокруг него, пытаюсь найти замочную скважину. Наконец, ключ проскальзывает внутрь, но я не решаюсь его повернуть.

Нависает чувство предчувствия. Я знаю, что он собирается напасть, но... именно незнание того, что именно он собирается сделать, нервирует меня.

«Зейд...»

«Что случилось, Аделин?» — мрачно дразнит он, глаза по-прежнему устремлены вниз.

«Поверни ключ», — шепчет он.

Черт, это ужасно.

«Я не знаю, хочу ли я этого», — признаюсь я.

«Может, ты предпочтешь, чтобы я освободился сам? Либо ты выбираешь это, либо я принимаю решение за тебя».

Значит, он хочет сказать, что у меня есть только иллюзия выбора. Какой чертов джентльмен.

С трудом сглотнув, я задерживаю дыхание и поворачиваю ключ. Металл щелкает, и в следующую секунду его рука обхватывает нижнюю часть моей челюсти, поднимая меня с его члена в воздух.

Я вскрикиваю, когда меня швыряют на кровать, жесткие пальцы впиваются мне в шею, когда он устраивается между моих ног и высоко поднимает одну на бедро.

Без лишних предупреждений он вгоняет себя в меня до тех пор, пока от него ничего не остается.

«Скажи это снова», — требует он. «Я хочу, чтобы ты посмотрела мне в мои гребаные глаза и повтори это еще раз».

Он врзается в меня еще раз, выдавливая из моего горла всхлип.

У меня пересыхает горло, слова вырываются, как черствый хлеб. Но я смотрю в его дикие глаза, находя в них целую вселенную, и говорю: «Я люблю тебя. А ты забрал у меня все».

Его голова опускается между плеч, скользит взглядом по моему телу вплоть до того места, где он растягивает меня, обдумывая мои слова. А затем он поднимает на меня глаза под густыми бровями, в его взгляде появляется лукавый блеск. Как будто забрать все у меня — это все, чего он когда-либо хотел.

Он выглядит... Боже, он выглядит чертовски устрашающе. Как человек, изголодавшийся по мести, и он наконец-то получает ее.

Дрожащий вздох вырывается из моего горла, когда он глубоко погружается в меня снова, с прямой угрозой уничтожить все, что от меня осталось.

«Ты забрал все мое сердце и душу, и мою способность любить другого.

Иногда я ненавижу тебя за это», — говорю я ему, мой голос дрожит. Он поднимает подбородок и теперь смотрит на меня снизу вверх, ухмылка растягивается по его лицу, морщит шрам на щеке.

Я продолжаю, сердце колотится, когда он прижимается ко мне, наслаждаясь тем, как я с трудом выговариваю слова. «Иногда мне хочется никогда не встретить тебя. Потому что теперь, когда я встретила тебя, теперь, когда я влюблена в тебя, я никогда не смогу вырезать

тебя Помни об этом всякий раз, когда будешь думать, что я тебе не нужен. Ничто не заставит твою маленькую киску лучше, чем я. И смотри, мне даже не нужно стараться».

Мое зрение затуманивается, и я тянусь вниз между нами, напрягая свой клитор, пока пока наконец не достигаю вершины.

Ощущение такое, будто мою душу разорвали на куски за несколько секунд. Крик вырывается из моего горла, хотя я его не слышу. Не тогда, когда различные части моего существа разбросаны в сотнях тысяч различных измерений.

Нет ощущения времени и пространства, только цвета и чувство завершенности.

Как будто меня неправильно собрали раньше, а теперь, когда я рассыпался, эти кусочки части были сшиты обратно правильным образом.

Это чертовски затягивает, и к тому времени, когда я спускаюсь вниз, поместье Парсонс снова появляется, я хочу вернуться. Куда бы я ни отправился, я хочу вернуться.

Зейд опускает подбородок, выглядя в какой-то степени побежденным. Это так нервирует меня, что я поворачиваюсь на бедрах и хватаю ключ, лежащий на тумбочке. Прямо когда я собираюсь слезть с него, он поднимает голову всего на дюйм.

«Не надо», — предупреждает он.

Не зная, где находится его голова, я слушаю и тянусь вокруг него, пытаюсь найти замочную скважину. Наконец, ключ проскальзывает внутрь, но я не решаюсь его повернуть.

Нависает чувство предчувствия. Я знаю, что он собирается напасть, но... именно незнание того, что именно он собирается сделать, нервирует меня.

«Зейд...»

«Что случилось, Аделин?» — мрачно дразнит он, глаза по-прежнему устремлены вниз.

«Поверни ключ», — шепчет он.

Черт, это ужасно.

«Я не знаю, хочу ли я этого», — признаюсь я.

«Может, ты предпочтешь, чтобы я освободился сам? Либо ты выбираешь это, либо я принимаю решение за тебя».

Значит, он хочет сказать, что у меня есть только иллюзия выбора. Какой чертов джентльмен.

С трудом сглотнув, я задерживаю дыхание и поворачиваю ключ. Металл щелкает, и в следующую секунду его рука обхватывает нижнюю часть моей челюсти, поднимая меня с его члена в воздух.

Я вскрикиваю, когда меня швыряют на кровать, жесткие пальцы впиваются мне в шею, когда он прижимается ко мне. шею, когда он устраивается между моих ног и высоко поднимает одну на бедро.

Без лишних предупреждений он вгоняет себя в меня до тех пор, пока от него ничего не остается. от него ничего не осталось.

«Скажи это снова», — требует он. «Я хочу, чтобы ты посмотрела мне в мои гребаные глаза и повтори это еще раз».

Он врезается в меня еще раз, выдавливая из моего горла всхлип.

У меня пересыхает горло, слова вырываются, как черствый хлеб. Но я смотрю в его дикие глаза, находя в них целую вселенную, и говорю: «Я люблю тебя. А ты забрал у меня все».

Его голова опускается между плеч, скользит взглядом по моему телу. вплоть до того места, где он растягивает меня, обдумывая мои слова. А затем он поднимает на меня глаза

под густыми бровями, в его взгляде появляется лукавый блеск. Как будто забрать все у меня — это все, чего он когда-либо хотел.

Он выглядит... Боже, он выглядит чертовски устрашающе. Как человек, изголодавшийся по мести, и он наконец-то получает ее.

Дрожащий вздох вырывается из моего горла, когда он глубоко погружается в меня. снова, с прямой угрозой уничтожить все, что от меня осталось.

«Ты забрал все мое сердце и душу, и мою способность любить другого.

Иногда я ненавижу тебя за это», — говорю я ему, мой голос дрожит. Он поднимает подбородок и теперь смотрит на меня снизу вверх, ухмылка растягивается по его лицу, морщит шрам на щеке.

Я продолжаю, сердце колотится, когда он прижимается ко мне, наслаждаясь тем, как я с трудом выговариваю слова. «Иногда мне хочется никогда не встретить тебя. Потому что теперь, когда я встретил тебя, теперь, когда я влюблен в тебя, я никогда не смогу вырезать тебя из тебя. Ты сказал, что я истеку кровью, прежде чем это произойдет, и ты был прав. И я ненавижу тебя за это».

Зейд хмыкает, облизывая губы, как будто съел что-то вкусное. Его рука скользит к моей щеке, проводя большим пальцем по нижней губе.

«Я никогда не устану слушать, как ты говоришь, что любишь меня, и если ты когда-нибудь перестанешь, я вставлю струны в твои чертовы губы и заставлю тебя сказать это».

Затем он наклоняется ближе, пока его дыхание не обдувает мои щеки, и он шепчет: «Но я тебе не верю».

У меня перекосило рот, и я нахмурила брови. «Ты что, блядь...»

Он затыкает меня своим членом, снова входя в меня одним толчком своих бедрами. «Я потерял из виду свою веру. Мне нужно ее увидеть».

Я опускаю глаза, обдумывая, чего еще он может от меня хотеть.

Он сильнее теребит мои губы. «Ты говоришь так много того, чего не имеешь в виду, детка. Истина кроется в кончиках твоих пальцев и в мягких изгибах твоего тела. В слезах, которыми ты так красиво плачешь по мне, и в том, как сильно ты кончаешь для меня. Покажи мне правду».

В течение нескольких тактов я не знаю, как это сделать. Потом меня осеняет, и он, должно быть, видит осознание в моих глазах, потому что он снова ухмыляется, глядя вниз на меня с весельем.

Этот взгляд злит меня, как будто он думает, что я собираюсь просто встать перед ним на колени для него и читать стихи или еще какую-нибудь хрень. Вызов горит в моей груди, когда я глаза переместились на тумбочку.

Проследив за моим взглядом, он вскидывает бровь и снова поворачивается ко мне, уловив мои мысли без необходимости говорить.

Я пролила кровь за Зейда, но только для того, чтобы заменить следы другого мужчины.

Вскоре после того, как меня забрали, он вырезал розу на своем сердце. А теперь... я хочу, чтобы он сделал то же самое со мной.

Он наклоняется и берет нож с тумбочки.

«Это то, что ты хочешь?» — спрашивает он, вертя нож, пока свет не блеснет на нем. от него.

«Да», — говорю я, хотя в моем голосе нет ни капли уверенности.

«И что ты хочешь, чтобы я сделал с этим? Снова разрезать тебя?»

Я покачала головой, потянувшись вверх, чтобы провести подушечками пальцев по зазубренную розу на его груди.

«Я хочу этого», — признаюсь я. Схватив его за запястье, я веду его руку, держа нож прямо над моей грудью. Прежнее веселье исчезает из его глаз, сменившись чем-то темным и коварным.

«Я хочу такой же, как у тебя», — говорю я, покачивая бедрами, чтобы напомнить ему, что этопо-настоящему.

Он напрягается, вены на его руках и шее пульсируют. Он внимательно изучает меня пристально, и я начинаю терять нервы.

«Пожалуйста, Зейд», — тихо умоляю я.

Закрыв глаза, он делает глубокий вдох, и к тому времени, как он открывает их. их, его зверь взял верх.

«Потри свой клитор, детка», — приказывает он. Я делаю, как он говорит, протягиваю руку между нами и нахожу чувствительный бутончик и начинаю легонько его обводить. Мои веки трепещут, острое наслаждение поднимается и перехватывает дыхание. Я чувствую, как моя киска сжимается вокруг его, пульсируя от желания, когда мои прикосновения становятся все более твердыми.

Он рычит, покачивая бедрами, чтобы я могла почувствовать, насколько я полна им.

Одна из его рук скользит под меня, крепко обхватывая мою шею сзади. а он наклоняется ближе, направляя острие ножа прямо на мое сердце.

Он смотрит на меня из-под ресниц, ожидая моей реакции. И слышит лишь хриплый стон в ответ, прижимаясь к нему. Я уже была в милости боли Зейда раньше, и это был один из самых эйфорических опытов в моей жизни.

«Я не собираюсь останавливаться», — предупреждает он меня.

«Я не боюсь тебя», — кусаюсь я, снова стону от нарастающего оргазма.

«Так много лжи», — шепчет он, прямо перед тем, как вдавить лезвие и начать резать.

Я резко вдыхаю, жгучая боль вспыхивает в моей груди. Медленно и методично, он начинает входить и выходить из меня, сохраняя свои движения осторожными, чтобы он мог сделать чистый срез.

Это не короткие маленькие порезы, как в прошлый раз, а один длинный, непрерывный рывок. Это почти ослепляет, поэтому я сильнее тру свой клитор, стону от удовольствия и агонии, опустошающих мое тело.

Ощущение такое, будто в мою кожу просачивается бензиновая роза, и она неуклонно загорается под его прикосновениями.

«Я вырежу сад шрамов на твоей плоти, маленькая мышка. Только моя боль оживит их». Я откидываю голову назад, застонав от острого укуса его ножа. «Они будут расти только под моим прикосновением».

Я зажмуриваю глаза, и его голос резко обрывается. «Посмотри на меня, Аделин. Я хочу, чтобы ты видела, как я заклею тебя как свою».

С трудом, но я заставляю себя открыть глаза, разглядывая макабрическую розу, выгравированную на моей коже, и его сверкающими несовпадающими глазами.

«Ты делаешь такую хорошую работу, детка», — шепчет он, бросая на меня быстрый взгляд. Пот выступает у меня на волосах, когда два разных ощущения борются в моих нервных окончаниях.

«Ты принимаешь это так чертовски хорошо», — стонет он, прикусывая губу, когда кровь

пузырится вытекает из раны, скапливаясь в углублении в моем горле и на простынях. под мной.

Мое дыхание сбивается, когда его член врезается в ту точку внутри меня, заставляя мои глаза закатываются к затылку. Я выгибаюсь дугой и кручу пальцами нож. быстрее, не заботясь о том, насколько готескно будет выглядеть роза.

В нашей любви нет ничего красивого. Она полна неровных линий, отколотых кусочков, и острых краев. Это чертовски больно, но это не шедевр, если он не заставляет тебя истекать кровью.

Он ругается, лезвие прорезает мою кожу все быстрее.

«Не смей пока кончать, Аделин. Пока я тебе не скажу».

Я не слушаю, продолжая преследовать его, несмотря на его предупреждение. Ничто другое имеет значения, кроме того, что я кончаю на его член с его ножом в моей груди.

Я покачала головой, потянувшись вверх, чтобы провести подушечками пальцев по зазубренную розу на его груди.

«Я хочу этого», — признаюсь я. Схватив его за запястье, я веду его руку, держа нож прямо над моей грудью. Прежнее веселье исчезает из его глаз, сменившись чем-то темным и коварным.

«Я хочу такой же, как у тебя», — говорю я, покачивая бедрами, чтобы напомнить ему, что это по-настоящему.

Он напрягается, вены на его руках и шее пульсируют. Он внимательно изучает меня пристально, и я начинаю терять нервы.

«Пожалуйста, Зейд», — тихо умоляю я.

Закрыв глаза, он делает глубокий вдох, и к тому времени, как он открывает их. их, его зверь взял верх.

«Потри свой клитор, детка», — приказывает он. Я делаю, как он говорит, протягиваю руку между нами и нахожу чувствительный бутончик и начинаю легонько его обводить. Мои веки трепещут, острое наслаждение поднимается и перехватывает дыхание. Я чувствую, как моя киска сжимается вокруг его, пульсируя от желания, когда мои прикосновения становятся все более твердыми.

Он рычит, покачивая бедрами, чтобы я могла почувствовать, насколько я полна им.

Одна из его рук скользит под меня, крепко обхватывая мою шею сзади. а он наклоняется ближе, направляя острие ножа прямо на мое сердце.

Он смотрит на меня из-под ресниц, ожидая моей реакции. Я лишь хриплый стон в ответ, прижимаясь к нему. Я уже была в милости боли Зейда раньше, и это был один из самых эйфорических опытов в моей жизни.

«Я не собираюсь останавливаться», — предупреждает он меня.

«Я не боюсь тебя», — кусаюсь я, снова стону от нарастающего оргазма.

«Так много лжи», — шепчет он, прямо перед тем, как вдавить лезвие и начать резать.

Я резко вдыхаю, жгучая боль вспыхивает в моей груди. Медленно и методично, он начинает входить и выходить из меня, сохраняя свои движения осторожными, чтобы он мог сделать чистый срез.

Это не короткие маленькие порезы, как в прошлый раз, а один длинный, непрерывный рывок. Это почти ослепляет, поэтому я сильнее тру свой клитор, стону от рога избытка удовольствия и наслаждения. удовольствия и агонии, опустошающих мое тело.

Ощущение такое, будто в мою кожу просачивается бензиновая роза, и она неуклонно

загорается под его прикосновениями.

«Я вырежу сад шрамов на твоей плоти, маленькая мышка. Только моя боль оживит их». Я откидываю голову назад, застонав от острого укуса его ножа. «Они будут расти только под моим прикосновением».

Я зажмуриваю глаза, и его голос резко обрывается. «Посмотри на меня, Аделин. Я хочу, чтобы ты видела, как я заклею тебя как свою».

С трудом, но я заставляю себя открыть глаза, разглядывая макабрическую розу, выгравированную на моей коже. розой, выгравированной на моей коже, и его сверкающими несовпадающими глазами.

«Ты делаешь такую хорошую работу, детка», — шепчет он, бросая на меня быстрый взгляд. взгляд.

Пот выступает у меня на волосах, когда два разных ощущения борются в моих нервных окончаниях.

«Ты принимаешь это так чертовски хорошо», — стонет он, прикусывая губу, когда кровь пузырится вытекает из раны, скапливаясь в углублении в моем горле и на простынях. под мной.

Мое дыхание сбивается, когда его член врезается в ту точку внутри меня, заставляя мои глаза закатываются к затылку. Я выгибаюсь дугой и кручу пальцами нож. быстрее, не заботясь о том, насколько готескно будет выглядеть роза.

В нашей любви нет ничего красивого. Она полна неровных линий, отколотых кусочков, и острых краев. Это чертовски больно, но это не шедевр, если он не заставляет тебя истекать кровью.

Он ругается, лезвие прорезает мою кожу все быстрее.

«Не смей пока кончать, Аделин. Пока я тебе не скажу».

Я не слушаю, продолжая преследовать его, несмотря на его предупреждение. Ничто другое имеет значения, кроме того, что я кончаю на его член с его ножом в моей груди.

Он рычит, рука на моей шее скользит вверх и сжимает в кулак мои волосы так крепко, что я вскрикиваю.

Спустя еще несколько мгновений он убирает нож, агония все еще пульсирует на окровавленной розе.

Я так близко. Прямо на краю пропасти.

Но потом он резко откидывает мою голову назад, заставляя меня соскочить с кровати.

Секунды спустя острие ножа впивается в мою яремную вену, и опасно мягкий голос Зейда заполняет мое ухо.

«Я могу перерезать тебе горло так чертовски легко. И чем сильнее ты будешь кончать, тем быстрее кровь будет вытекать из твоего тела», — тянет он.

Мои пальцы неподвижны, другой вид агонии крадет мое дыхание, пока я заставляю оргазм отступает.

«Ты не кончишь, пока я тебе не скажу», — повторяет он, его голос кусается. и грубый, как наждачная бумага. Несмотря на свою угрозу, он трахает меня сильнее, прижимаясь своей грудью в мою и получая болезненный крик в ответ.

Его дыхание учащается, острый край вгрызается в чувствительную плоть на моей шее. С каждым толчком он дергает мое тело, заставляя его скрести по моей коже.

«Зейд, пожалуйста», — кричу я. «Ты так чертовски хорош. Я так нуждаюсь в этом».

Он резко вдыхает, а затем бросает нож через всю комнату. звук, с которым он ударяется

о зеркало, поглощается моими резкими криками.

Его рука обхватывает мое горло, рот все еще прижат к моему уху.

«Скажи это еще раз», — требует он, ускоряя темп.

Я прикусываю губу до вкуса меди, изо всех сил стараясь удержаться, чтобы не взорваться вокруг него. Я проигрываю битву, и я чертова лгунья. Я ужасаюсь тому, что сделает Зейд — настолько, что продолжаю бороться за этот контроль. И все же я знаю, что если отпущу его, то приму его наказание так же хаотично, как и кончик его ножа.

«Я люблю тебя», — задыхаюсь я, и слова едва успевают сорваться с моего языка, как его рука сжимается, перекрывая доступ кислорода в мои легкие.

«Такая хорошая девочка. Я хочу, чтобы ты пропитала эти простыни своей смазкой так же глубоко, как твоя кровь, ты меня понимаешь?».

Мой рот открывается, но из него не вырывается ни звука. Он сжимает мое горло слишком крепко, чтобы пропустить хоть один децибел.

Чернота лижет края моего зрения, дразня меня, медленно вползая внутрь. медленно. Давление в моей голове усиливается, и я чувствую, как ярко покраснело мое лицо. Паника разворачивается в моем животе, в водовороте блаженства и агонии. Это борьба за то, чтобы он остановился, и за то, чтобы он свернул мне шею, если он это сделает.

Я впиваюсь когтями в его руку, и когда мои глаза начинают закатываться, он освобождает мое горло в тот самый момент, когда приливная волна обрушивается на меня.

Сочетание крови, с головокружительной скоростью вытекающей из моей головы и сокрушительного оргазма доводит меня до исступления. Моя киска сжимается вокруг него так крепко, что я чувствую, как он напрягается, чтобы погрузиться в меня.

«Зейд!» — кричу я через опустошенное горло, хриплое и надтреснутое, мои руки обвилились вокруг его шеи, отчаянно пытаюсь ухватиться за что-то, и нуждаюсь в этом, чтобы заземлить меня, когда меня разрывает на куски.

В ушах звенит, когда мое тело полностью склоняется над кроватью, эйфория когтями впивается в мои внутренности, слишком сильная, чтобы я могла ее переварить.

Он отказывается останавливаться, трахая меня сильнее, даже когда я бьюсь в его руках. Его руки сжимают мои бедра с ужасающей силой, и если бы я могла видеть дальше образ Бога, смотрящего в мои глаза и спрашивающего, готова ли я вернуться домой, я бы увидела безумного человека, стоящего на коленях и спрашивающего, может ли он тоже прийти.

Слезы наворачиваются на глаза, и мое лицо искажается от беспомощного крика, когда мое тело опустошается. Все эти ощущения — это слишком.

«О Боже, пожалуйста, я больше не могу!»

Я чувствую, как его кулак с гортанным рыком врезается в матрас рядом с моей головой, и его язык скользит по моей скуле, слизывая капли слез.

«Смотри на меня, когда молишься мне», — огрызается он. Я качаю головой, еще больше слез пролилось. «Черт, ты так прекрасна, когда плачешь по мне. Неужели думаешь, я когда-нибудь остановлюсь? Я хочу пить твои гребаные слезы, как будто это кровь Христа».

Я снова качаю головой, безмолвно умоляя его остановиться. Но он отказывается, и я интересно, сколько еще я смогу выдержать, прежде чем потеряю сознание.

«Я тоже твое спасение?» Я задыхаюсь, с трудом выговаривая слова. прежде чем рыдания вырвались наружу.

«Ты всегда собиралась быть той, кто спасет меня, маленькая мышка». Он вздрагивает, и я чувствую, как напрягается его тело, приближаясь к своему концу. Он приближается меня

тоже, и я боюсь, что будет со мной, когда он наступит.

Он трахает меня быстрее, просовывая руку между нашими телами и проводя пальцами по моему клитору, и на этот раз я вообще ничего не вижу. Мой рот раскрывается в почти беззвучном крике, и он рычит, обеспечивая звук того, что мы разрываясь на части, дрейфуя в своем собственном разрушении.

Он затихает, но мои бедра сами собой приходят в движение, накатываясь на него, когда мы оба превращаемся в пепел.

Ты — прах, и в прах ты вернешься.

Время перестает существовать, и к тому времени, когда мы оба обретаем ясность, мы задыхаемся и дрожим от подземных толчков. Мои щеки мокрые от слез, которые все еще текут из глаз, пока я пытаюсь перевести дыхание. Но я не могу. Не с рыданиями подкатывающие к моему израненному горлу.

Зейд обхватывает меня за шею, крепко прижимая к себе, пока мы оба пытаемся прийти в себя после... что бы это ни было.

«Я тоже тебя люблю», — шепчет он.

С каждым днем мы становимся все ближе к смерти — наши тела разрушаются все больше. И если это то, на что похожа смерть, то я никогда не хочу чувствовать ничего другого

Тихо.

Слишком тихо.

На заднем плане тикают часы, и скрипит пара методичных шагов надо мной. Туда-сюда.

Тик-так, тик-так, тик-так.

И все же, все тихо. Клэр молчит.

Она приняла меры предосторожности после моего выступления на телевидении четыре дня назад и разбила все свои устройства в тот же вечер.

Я знал, что есть вероятность, что Клэр воспримет мою угрозу на таком уровне это была вариант, который я был бы глупцом, если бы не учитывал. Но если это означало уберечь Адди от обвинения в убийстве, что могло привести к еще одной попытке похищения в полиции, это был риск, на который я был готов пойти.

Я мог бы отвезти ее куда-нибудь, где ее никто не найдет, но это означало бы оторвать ее от любого подобия нормальной жизни. Не то, чтобы у нее было много сейчас, но, по крайней мере, у нас есть шанс вернуть ее, когда Клэр позаботится о ней.

Я надеялся, что рыжая стерва будет слишком гордой, чтобы подумать о том, избавляться от своих устройств, но я полагаю, что Клэр не была бы там, где она сейчас, если бы была идиоткой.

Мы устроили охрану вокруг Парсонса, чтобы ни одна проклятая птица не смогла не пролететь за периметр без моего ведома. В то же время, мы работаем над тем, чтобы вернуть Клэр сигнал. Теперь, когда мы точно знаем, где она находится, я могу попросить одного из моих людей подобраться как можно ближе к ее острову. Затем, мы вылетим на дроне, который сможет послать вирусное ЭМИ в ее местоположение. Это пошлет вирус на любую технологию в ее зоне, и тогда мы сможем расшифровать, какие устройства являются ценными. Это займет пару дней, чтобы доставить кого-нибудь в радиусе действия, и она сможет многое приготовить за то время когда она будет вне сети.

Тик-так, тик-так, тик-так.

Я поворачиваю шею, мышцы болят и стонут.

Она еще не сделала ни одного движения. Но это, блядь, неправильно. Эта сука реактивная. Ее голова размером с этот особняк, и такая же темная, как и внутри него. Шаги затихают, как будто услышав мои мысли и обидевшись на них. Я делаю глоток виски, осмеливаясь, что этот засранец попытается меня убить. Я достаточно на взводе, чтобы бороться с воздухом, и я, блядь, тоже выиграю.

Через несколько мгновений шаги возобновляются, и я выдыхаю беззлобный смех.

Какой бы призрак это ни был, он такой же беспокойный, как и кости в моем теле. Может быть, это прямое отражение того, что я чувствую. Проявление или что-то в этом роде. Поместье Парсонс полон энергии, и я не удивлюсь, если ею можно так легко манипулировать.

Я проглатываю остатки содержимого своего стакана, шипя от ожога. Часы продолжают тикать, приближаясь к отметке три часа ночи.

Несколько часов назад я вернулся домой после захвата кольца. У этого кольца жертвы совсем маленькие, как новорожденные, и я до сих пор не могу заснуть. Я слишком полон

ярости и знаю, что Клэр что-то задумала.

Призрачные пальцы ужаса пробираются по моему позвоночнику, как паук, сжимая мои плечи с каждым толчком. Что бы это ни было, оно выведет меня из себя до чертиков.

Называйте меня чертовым экстрасенсом, наверное.

Тик-так, тик-так, тик-так.

Вытащив телефон, я набираю номер Джея, дрыгая ногой, пока он звонит.

«Ты меня ненавидишь», — отвечает он с трудом.

«Что-то не так», — говорю я, роюсь в кармане, чтобы достать свои сигареты.

«Что случилось?» — спрашивает он, уже более бодро. Я качаю головой, пытаюсь выразить это словами.

«Я пока не знаю. Вокруг Парсонса тихо. Никого не видно. Но это слишком очевидно».

Джей на мгновение замолчал. «Я предполагаю, что речь идет о Клэр. Что она может сделать?»

«Кто, блядь, знает», — ворчу я, раздражаясь на себя, и со злостью засовывая кончик между губами. «Эта дрянь придумает что-нибудь креативное, я уверен».

Он зевает. «Ты поговорил об этом с Адди? Ты не мог разбудить ее чтобы поговорить о своих чувствах, а потом позвонить мне, когда узнаешь, что что-то на самом деле не так?»

Говнюк.

«Она спит».

«Я спал».

«Она также легла спать злой, потому что поссорилась с мамой. по поводу приема лекарств или еще какого-то дерьма. Я не хотел ее беспокоить».

Я уверен, что ее мама пыталась убедить Адди, чтобы я принимал лекарства. Антипсихотики, если быть точным. Я рассмеялась, и Адди быстро согласилась с мамой.

В ответ я перевернул ее на лицо и ел ее киску, пока она не она не оседлала мой язык до беспамятства. Маленькая лгунья любит меня таким, каким я есть.

Он вздыхает. «Тебе повезло, что я понимаю гнев отвергнутой женщины». Он делает паузу. «И мужчины, если быть совсем прозрачным».

Я закатываю глаза. Идиот. Он так хорошо это понимает, потому что его звонки по телефону — это то, и им это не нравится. Но разве он перестает их трахать? Конечно, нет.

«Я уверен, что они оба это переживут», — успокаивает Джей. «Из того, что я слышал, они любят друг друга. Просто у них забавный способ показать это. Или признавать это».

Я щелкаю зажигалкой, собираясь прикурить свою чертову сигарету, и как только пламя загорается и пресловутая лампочка в моей голове. Мое сердце падает.

«Черт, Джей, проверь дом родителей Адди», — зажимаю я, наконец-то раскуривая кончик и глубоко вдыхаю. Он делает паузу. «Ты же не думаешь, что Клэр попытается что-то с ними сделать? ты не думаешь?»

«А за кем еще ей охотиться? У меня нет семьи, но у Адди есть, и это не составит труда выяснить, что ее мать часто навещает ее».

Я слышу шорох постельного белья, а затем жужжание включенного компьютера.

Ужас сковывает меня, и я чувствую каждой фиброй своего существа, что что-то не так.

Где мой гребанный ноутбук?

Нигде рядом со мной.

«Джей», — говорю я, с нарастающим нетерпением делая очередную затяжку, мое колено беспокойно подпрыгивает.

«Я ищу», — бормочет он. Через несколько секунд он ругается: «Черт, у них есть камера Nest. Кто-то вломился минут тридцать назад».

Черт. Я слетаю с табурета, едва не опрокидывая его на клетчатый пол.

«У ее родителей нет камер в доме, поэтому я не могу видеть, что происходит», — говорит он, голос напряженный.

Я уже затушил сигарету в раковине и спешу к лестнице, по пути произнося несколько фраз.

«Пошлите беспилотник, чтобы он следил за обстановкой снаружи. Я уже иду туда», — говорю я. приказал я, облокотившись на перила и делая шаги по два за раз.

«Посылаю один сейчас».

«Спасибо», — говорю я и отключаю вызов, пролетая по коридору и через дверь спальни Адди. Она лежит лицом в сторону, свернувшись клубочком, и крепко спит. Балконные двери распахнуты настежь, впуская прохладный ветерок. Она склонна перегреваться от кошмаров, поэтому эти двери всегда открыты.

Я бросаюсь к ней, не утруждая себя соблюдением тишины.

«Адди», — зову я, тихонько подталкивая ее. Я не хочу будить ее, когда она, кажется, кажется, получает минутный покой во время сна — но она убьет меня, если узнает, что с ее родителями что-то не так, а я ушёл, чтобы разобраться с этим. не предупредив ее.

Ее глаза открываются, брови сходятся, когда она приходит в себя.

«Что?» — кричит она, собираясь набросить простыни себе на голову. Я хватаю ее запястье, крепко сжимаю, чтобы она поняла всю серьезность ситуации. Она замирает, ее глаза распахиваются и смотрят на меня.

«Что случилось?» — спрашивает она в панике, приподнимаясь.

Черт. Она полностью обнажена, и тот факт, что это почти не отвлекает меня, говорит о том. насколько сильно бьют тревогу мои внутренние колокола.

«Одевайся. Мы едем к твоим родителям», — приказываю я, отходя от нее и направляясь к ее платью. ее и направляясь к комоду.

«Что? Почему? Что происходит?»

Я качаю головой. «У меня было плохое предчувствие, что Клэр что-то задумала, поэтому я попросил Джея проверить их дом. Кто-то вломился туда примерно полчаса назад».

Она сползает с кровати и оказывается рядом со мной в считанные секунды, отбивая мои руки и хватая одежду, которая ей нужна.

«Почему она пошла за моими родителями?» — спрашивает она, судорожно натягивая одежду.

«Потому что, кроме меня и Дайи, это единственный способ добраться до тебя. до тебя. Связи не было, значит, они могли не делать ничего радикального».

Она качает головой, паника стягивает ее брови в тугой узел. «Я не понимаю. этого. Я не понимаю, почему она преследует меня таким образом».

Я беру один из своих пистолетов из ее комода, проверяю обойму и прячу его в заднюю часть моих джинсов. Нож, который я подарил ей на день рождения, лежит внизу, но я буду брать для нее дополнительные пистолеты.

«На данный момент это просто личное, детка. Я — самая большая угроза для ее организации, а ты — самый большой куш, который она получит за всю свою жизнь. Ты одновременно сделаешь ее богаче, чем имеет право быть любой человек. и поставишь меня

на колени».

«Ксавье уже заплатил за меня, а теперь он мертв. Поэтому она пытается на мне вдвое больше денег», — фыркает она.

Она бросается к своим кроссовкам, бессистемно лежащим у изножья кровати.

«Она не может думать, что это сработает. Неужели она думает, что я настолько глупая, чтобы дважды столкнуться с одной и той же ситуацией?»

«Дело не в том, насколько ты умна, а в том, насколько ты в отчаянии. И если она заполучит твоих родителей и использует их в качестве залога, ты будешь достаточно отчаянной, чтобы сделать что угодно».

Адди надулась, топнув ногой, чтобы туфля прошла через каблук.

«Будь я проклята, если стану такой, как Рио, — бормочет она себе под нос. Я скорее попаду в рай, чем это случится».

«Какого черта она вообще собирается делать?» — спрашивает она вслух, хотя это звучит риторически. Она поворачивается ко мне, ее светло-карие глаза остро смотрят на меня. «Эта тупая сучка попытается заставить меня обменять свою жизнь на их, я права?».

«Скорее всего», — соглашаюсь я и выхожу вслед за ней за дверь ее спальни. В когда мы выходим, кажется, что стены открывают свои глаза, наблюдая, как мы мчимся по темному коридору. Адди срезает теневые фигуры, ползущие по полу, не обращая на них внимания.

«Может, разбудить Сибби?»

Я открываю рот, но тут, словно вынырнув из фильма Роба Зомби, она выходит из двери своей спальни возле лестницы, прикрывая рот, зевая. Ее косички растрепаны, а фиолетовая ночная рубашка свисает с одного плеча.

Она щурит глаза и смотрит на нас с замешательством. Адди останавливается, бросает посмотреть на Сибби, а затем скомандовала:

— Быстро одевайся!

Я вздыхаю. «Поместятся только двое, и только если они не будут мешать». Они воображаемые, но эти засранцы почему-то все равно создают проблемы. Она вылетает обратно в комнату, визжа.

«Дайте нам две секунды!» — кричит она из глубины, но Адди уже стучит своими маленькими ножками по лестнице, как бегун под кайфом.

— Не забудь свои ножи и пистолеты, мышка, — зову я ее вслед. — И, Сибби... ограничь свои ножи и пистолеты.

Я слышу драматический вздох из комнаты, но я игнорирую ее, вставляя свой Bluetooth в ухо.

Через две минуты мы уже сидим в моей машине и едем в сторону ее родительского дома. До него час езды, но я твердо намерен добраться туда за половину времени.

* * *

Через десять минут после начала поездки мужчины вытаскивали родителей Адди из дома. Джей принял решение в доли секунды и расстрелял их грузовик.

Дрон, который он использовал, был специального класса, оснащен пулями и крайне незаконный.

Мужчины отвели ее родителей обратно в дом и будут ждать нашего прибытия. Есть

небольшой риск, что они убьют ее родителей до нашего приезда, но это было бы глупо.

Если ее родители мертвы, у нас нет никаких рычагов давления. А если они попытаются сбежать, Джей пристрелит их. В любом случае, они проиграют.

«Они знают, что мы здесь», — напоминаю я Адди, въезжая на подъездную дорожку.

Несмотря на то, что Серена не одобряет Парсонс Мэнор, жизнь в уединенном доме у нее в крови. Она живет не в пригороде, как я себе представляю, а в красивом доме за чащей деревьев и далеко от дороги. Он не удален от цивилизации, как поместье, но и найти его нелегко.

«Ты же не думаешь, что они их убили?»

«Нет, детка», — говорю я ей честно. «Если и убили, то они знают, что если я их не убью, их, то Клэр точно убьет. Она потеряет рычаги влияния».

Адди перекачивает нижнюю губу между зубами, когда я останавливаюсь. Дом темный, а окружающие деревья качаются на ветру, ветви отбрасывают кривые тени на дом, создавая зловещее ощущение. Это большой белый трехэтажный дом с массивным окном в центре верхней части, в котором виден силуэт люстры. Я звоню Джею, и он сразу же отвечает.

«Присмотри за домом и убедись, что никто больше не войдет», — приказываю я.

«Уже делаю, босс», — говорит он, и стук клавиатуры следует за его подтверждением.

Я поворачиваюсь к Адди и спрашиваю: «Ты готова?».

Она бросает на меня единственный взгляд, прежде чем открыть дверь и выйти, молча ответив на мой вопрос. Сибби выскакивает вслед за ней, а я закрываю машину и следую за ними.

Бедра Адди сердито покачиваются, когда она полубежит к входной двери.

Я преодолеваю расстояние за несколько длинных шагов, хватаю ее за руку и тащу назад. Ее шея чуть не трескается от того, как сильно она мотает головой, чтобы взглянуть на меня.

«Не врывайся бездумно».

Вырвав руку из моей хватки, она насмешливо смотрит на меня.

«Я не идиотка», — огрызается она. Я ухмыляюсь и поднимаю руки в знак капитуляции. Если бы это не была ее мать в опасности, я бы нагнул ее и трахал, пока она не станет дурой.

«Прости, детка. Продолжай».

Оставив меня позади, она подходит к входу, затем, как в замедленной съемке в кино, ее движения становятся плавными и постепенными, когда она потянулась к входной двери.

Повернув ручку, она тихо открывает дверь, темнота проникает из глубины фойе, в то время как ее другая рука сжимает нож, пристегнутый к бедру, готовая к тому, что кто-то выскочит и нападет. Никто не нападает, тишина оглушительная. Шагнув дальше внутрь, она обшаривает глазами все направления.

Когда все становится ясно, она кивает Сибби и мне, и мы заходим следом.

Я прикусываю губу, чертовски наслаждаясь тем, как она командует. Моя девочка сильная и способная, и я с радостью последую ее примеру.

Чернота поглощает нас целиком, когда я беззвучно закрываю за собой дверь.

Так тихо, что можно услышать мышинный пук. Адди исчезает в темноте по мере того, как она продвигается вглубь дома. Я мало что вижу, но чувствую все.

Холод заставляет мурашек по моей плоти подниматься, тепло по трубам, и глаза, следящие за каждым моим движением. Они приходят со всех сторон и ниоткуда вообще. И все же, они так же реальны, как призрачные пальцы, которые я чувствую на своей коже в

поместье Парсонс.

К счастью, Сибби прекрасно понимает ситуацию и сдерживает свое головокружение. Она привыкла красться по домам, но у нее всегда была защита стен. В «Афере Сатаны» она была крадущимся взглядом.

Может быть, теперь она поймет это инстинктивное чувство, когда знаешь, что кто-то наблюдает за тобой, хочет причинить тебе вред, но никогда не знаешь, где он находится пока они не окажутся прямо перед твоим лицом.

Мы идем по длинному коридору, проходя мимо портретов Адди, постепенно стареющей. пока она не стала подростком. Обычно я останавливаюсь и смотрю на ее детские фотографии. фотографии, фантазируя о том, как я влюбился в нее в детстве, если бы я увидел ее тогда. Что-то подсказывает мне, что я был бы очарован ею, независимо от того, насколько молодыми мы были.

Сейчас здесь так жутко, что эти улыбающиеся глаза на фотографиях кажутся зловещими. Как будто разные версии Адди смеются над нами, потому что они потому что знают о подстерегающей нас опасности. Я хочу смеяться в ответ, потому что я была той самой опасностью, подстерегающая ее.

Мы выходим на кухню, где все чисто. Она начинает направляться налево, но справа от нас раздается легкий шаркающий звук. Она замирает и оглядывается на меня. Я киваю в сторону шума. Как бы она ни хотела найти свою маму, мы не можем оставить опасных людей позади.

Кивнув, она поворачивается и идет в сторону шума.

«Смотри под ноги», — шепчет Адди мгновение спустя. Не сводя глаз с Сибби, я вижу, как она опускает ноги, и ее сапоги погружаются в мягкий ковер.

Это большая гостиная, с массивным телевизионным экраном, установленным на стене справа от нас., вокруг него стоят плюшевые диваны и кресло. Я представляю. что именно там сидит ее отец, крича о том, какая футбольная команда играет на экране.

Его изображение исчезает, и на смену ему приходит другой человек, тело, появляющееся из темноты, словно демон, вызванный своим хозяином.

Адди и Сибби замечают его в то же время, что и я, их тела на мгновение вздрагивают от жутки, прежде чем мы все начнем действовать. Адди бросается к нападавшему но я чувствую, что за мной крадется еще один человек, и я мельком вижу металл прежде чем я хватаю Сибби за одну из ее косичек и дергаю, отталкивая ее с пути летящего ножа, который был в сантиметрах от ее головы.

Дыхание горячего воздуха обдувает мою шею за секунду до того, как я поворачиваюсь, вытаскиваю пистолет из кармана джинсов и прицеливаюсь в того. преступника, который бросил нож. Я стреляю, попадая человеку в горло. и с трудом уворачиваюсь от другого удара ножом в лицо, поймав его запястье прежде чем он успел ударить. Мои шрамы возбуждают Адди, так что я бы не возражал, если бы он преуспел.

Насадка-глушитель издает малейший звук, тише, чем тот человек, бьющийся в конвульсиях на полу, захлебываясь собственной кровью. Обернувшись назад я обнаруживаю Адди, дерущуюся с первым человеком. Как раз в тот момент, когда я делаю шаг, чтобы помочь, она ударяет парня апперкотом, ее лезвие вонзается в его рот и в его мозг.

После того, как она вырвала нож из его головы, он падает на землю, мертвый не успев упасть на испорченный ковер.

Черт, вот это моя хорошая девочка.

Сибби оглядывается по сторонам, и, насколько я могу судить, она дуется. Ее губы поджаты, она разочарована тем, что не смогла принять участие в действии.

«Будет еще», — тихо заверяю я, мое сердце колотится от адреналина в моем организме. Это как морфий, текущий по моим венам, давая мне такой кайф, который наркотики никогда не смогут имитировать.

Адди смотрит на меня округлившимися глазами, ее рука в крови. Ее грудь вздымается, и отсюда я чувствую запах ее возбуждения.

Животное желание начинает брать верх. Я хочу повалить ее на землю и трахнуть ее в луже крови. Но ее мать где-то в в этом доме, скорее всего, ранена и находится в заложниках.

Отступив назад, я одобрительно вскидываю подбородок, чувствуя, насколько диким стал мой взгляд. Она пытается сплотнуть, поворачивается и сканирует комнату, чтобы отвлечься от энергии, сгущающейся между нами.

Оторвавшись от своей маленькой мышки-убийцы, я иду вперед и проверяю каждый угол комнаты и нахожу маленькую лестницу в дальнем углу. Я поднимаюсь по ступенькам, не видя ничего, кроме бесконечной черноты.

«Это моя комната», — шепчет она у меня за спиной. Повернув голову, я смотрю на нее через плечо.

«Думаю, я пока не буду вмешиваться», — отвечаю я, мой голос хриплый. «Иди проверь чтобы убедиться, что там никого нет. Быстро».

«Нам нужно найти...»

«Адди», — рычу я. «Если мы не очистим дом, они могут затаиться. пока ты отвлечешься, и убить тебя. Так что, пожалуйста, просто проверь эту гребаную комнату, детка».

Захлопнув рот, она делает то, что я говорю, держась на широком расстоянии, когда она проходя мимо меня. Проходит всего минута, и она снова спускается по лестнице.

«Чисто», — дышит она. «Давайте проверим их комнату, пожалуйста. Она на с другой стороны кухни».

«После тебя», — говорю я. Она пронесется мимо меня, ведя нас обратно через чертову гостиную, затем к лестнице на задней стороне кухни, прямо перед столовой.

Легко ступая, она быстро поднимается по ступенькам, а мы с Сибби остаемся позади.

Они все знают о нашем присутствии, но топая, как слоны только поможет скрыть, где они прячутся.

Верхний этаж представляет собой большой круг вокруг лестницы, чудовищная люстра висит прямо над ним. Бриллианты, сверкают в лунном свете, проникающем через массивное окно.

Воздух здесь более густой, он тяжело давит на мои плечи, словно сам Бог пытается удержать меня.

Здесь кто-то есть, но его не видно. По крайней мере, пока не видно. Зловещее чувство пробирает меня до костей, и этого достаточно, чтобы я шагнул вперед и толкнул Адди за собой. Я заклею ей рот скотчем, если она попытается спорить. И неважно, насколько она способна, я всегда буду защищать ее.

Но она не спорит, указывая на то, что тоже это чувствует. Моя грудь сжимается, когда я оглядываюсь вокруг, ожидая, что вот-вот упадет другая туфля.

Проходит еще несколько секунд. Ярко-красный лазер пронзает окно, приземляясь прямо мне на грудь.

«Зейд, пригнись!» кричит Джей через мой наушник.

«Черт», — ругаюсь я, прежде чем нырнуть прямо в Адди и Сибби, сбивая их обоих на землю и почти отправляя нас обратно вниз по лестнице. Окно разбивается, и я чувствую тепло пули, проскользнувшей мимо моей руки, вырвав кусок из моего бицепса.

Острые стекла сыплются на нас, маленькие кусочки жалят мои щеки и руки.

Адди и Сибби прикрывают головы, пытаюсь защититься отшквала маленьких ножей.

«Черт, все в порядке?» спрашиваю я.

«Мы будем держаться подальше от окна, насколько это возможно. Держите меня в курсе любых новых передвижений».

Еще один вздох облегчения. «Будет сделано».

Сибби рычит, извиваясь под Адди, которая обхватывает мою раненую руку и осматривает ее, ее пальцы измазаны в моей крови. Я быстро осматриваю ее.

Все поверхностно.

«Ты в порядке, малыш?» — тихо спрашивает она, ее голос дрожит. Потребуется не что иное, как печь для сжигания, чтобы расплавить меня, за исключением тех случаев, когда дело касается Адди. Тогда я чертова слякоть.

Я целую ее в лоб. «Я в порядке, мышка. Давай двигаться», — говорю я.

«Я действительно хочу кого-нибудь зарезать прямо сейчас», — фыркает Сибби, наконец-то выскальзывая из-под Адди. Стекло, должно быть, режет ее, но она, кажется, не замечает, так как слишком занята, крича на себя.

«Мортис, двигайся! Хватит цепляться за меня, как пиявка, я в порядке. Это Зейд получил пулю, глупец». Пытаюсь отстраниться от своего воображаемого друга, она в итоге бьет меня по голове. Видите? Засранцы всегда создают проблемы.

«Сибби», — шиплю я сквозь стиснутые зубы.

«Что? Я не виновата», — нахально заявляет она, не испытывая ни малейшего сожаления. Зарывав, я скатываюсь с Адди и сажусь.

«Вставай. Нам нужно отойти от окна». Я встаю и помогаю девочкам подняться, одна из них сейчас в очень плохом настроении. Ее характер будет только продолжать расти, пока она не ударит кого-нибудь ножом, а моя головная боль будет только усиливаться, пока это не произойдет.

Они аккуратно смахивают стекло со своих тел, и в лунном свете проливающимся в комнату, я замечаю крошечные порезы на их лицах.

«Какая из них комната твоей мамы?» спрашиваю я, сохраняя низкий голос и смахнув несколько осколков со спины Адди, которые она пропустила. Сибби выпячивает задницу и вытирает ее, но в ее голове один из ее прихвостней помогает ей.

«Первая дверь слева», — отвечает она.

«Сибби, я хочу, чтобы ты пошла и проверила другие комнаты», — говорю я ей.

Удивительно, но она не жалуется и уходит, вероятно, молясь о том чтобы кто-нибудь попробовал ее. Я молюсь о том, чтобы кто-нибудь попробовал ее.

Стекло хрустит под моими ботинками, когда я прижимаюсь к стене, скользя по ней, пока я не доберусь до двери, Адди следует за мной.

Я открываю дверь, прячась за углом на случай, если еще если полетят пули.

«Оставайся пока здесь», — приказываю я, не давая ей времени спорить. Держа пистолет я проскользнул в комнату. Здесь кромешная тьма, и я жалею, что не взял с собой очки ночного видения.

Напрягая слух, я прислушиваюсь к любому шуму, но ничего не слышу. Ни даже звука дыхания.

Когда мои глаза адаптируются, кровать становится более четкой. Пустая, если не считать смятого простыни и перекошенных подушек. Лампа сбита с торцевого столика, перевернута. вверх ногами, а шнур вырван из стены. Должно быть, была борьба чтобы вытащить их из постели.

Я медленно выдохнул, продолжая обшаривать глазами каждый сантиметр комнаты, пытаюсь вычленить какие-либо фигуры, стоящие в тени или лежащие на земле.

«Их здесь нет», — тихо зову я.

Адди прокрадывается в комнату позади меня, ее шаги легки, а тело готово к угрозе. Она так далеко ушла от той девушки, которая бросалась с головой вперед в ситуации, не обдумав все как следует. Теперь она обученный убийца, и, черт возьми, если это не заставляет мою грудь сжиматься от гордости.

Я никогда не хотел менять Адди. Несмотря на то, насколько опасна ее импульсивность и глупая храбрость, именно это делало ее такой очаровательной. Но обстоятельства вывели ее из-под моей власти, и хотя я все еще нужен моей храброй девочке, не было больше места для необдуманных поступков больше не было.

В том, как Адди двигается сейчас, нет ничего необдуманного, и мое очарование ею только усилилось. Все эти пустые угрозы, в которые она угрожала убить или причинить мне боль — теперь она может воплотить их в жизнь. Блядь. Да.

«Как ты думаешь, где они могут быть?» — шепчет она, возвращая меня к текущей ситуации. Я бы ругал себя за то, что отвлекся на нее, если бы знал что это что-то изменит, но это не так. Умереть с Адди на уме — это единственный способ, которым я хочу выйти на улицу в любом случае.

Я качаю головой. «Я не знаю. Но если в доме есть люди, это значит, они, скорее всего, тоже все еще в доме».

Адди подходит к кровати, вдавливая руку в простыни. «Холодно, значит они ушли на минуту». Повернувшись ко мне, она решает с отставкой и ужасом: «Думаю, нам нужно проверить подвал». Ее тело напряжено, а плечи напряжены.

«Что не так с подвалом?»

Она пожимает плечами. «Там жутко?» — говорит она, хотя это звучит как вопрос.

«Тебе нравится жуть».

Кажется, она приостанавливается на этой мысли, а затем расслабляется и кивает головой.

«Да, ты прав. Мне нравится жуть. Пойдем».

Сибби выходит из одной из комнат как раз в тот момент, когда мы выходим из спальни ее родителей. и выглядит еще более расстроенной.

«Здесь никого нет. Я облазила все комнаты», — говорит она с разочарованием.

«Подвал, — говорю я. — Они могут быть внизу».

«Если они там внизу, они услышат наши шаги и узнают, что мы идем», — бормочуя, снова подталкивая Адди за собой. Будет лучше, если я буду в кого стрелять, чтобы она могла справиться со своими родителями.

Дверь со скрипом открывается, и я словно заглядываю в огромную черную дыру в земле.

«Насколько велик подвал?»

«Довольно большой. Он не закончен», — отвечает она шепотом. «Там тоже есть

комнаты».

Медленно я спускаюсь по лестнице, и у меня полностью пропадает зрение. Там холодный озноб и еще один тяжелый груз ужаса здесь, внизу, словно злая богиня манит меня в свое логово. Такой теплый, мать его, прием.

В дальнем углу подвала, крошечное пятно света светит из глубины того, что похоже на коридор.

Яма ужаса зияет, поглощая мои внутренности, пока я не чувствую только обреченность. Адди и Сибби стоят по обе стороны от меня, и хотя я не вижу их лиц, я чувствую их беспокойство.

«Мы в семейной комнате, дальше по коридору — недостроенная часть».

Адди сообщает мне, ее голос едва выше шепота.

Как только я делаю шаг, свечение гаснет, как будто выключили свет. Я замираю, мои глаза начинают адаптироваться.

Они не выключили свет. Кто-то стоит у входа в коридора. Они не двигаются, но я чувствую, как их глаза буравят то место, где мы стоим.

Моя рука крепко сжимает пистолет, и я медленно поднимаю его, готовясь к тому. атаковать. Затем они медленно отступают назад и снова исчезают в коридоре, их место снова заняло свечение.

Мое сердце бешено колотится в груди. Черт, это странно. Даже я могу признать это.

Адди сообщает мне, ее голос едва выше шепота.

Как только я делаю шаг, свечение гаснет, как будто выключили свет. Я замираю, мои глаза начинают адаптироваться.

Они не выключили свет. Кто-то стоит у входа в коридора. Они не двигаются, но я чувствую, как их глаза буравят то место, где мы стоим.

Моя рука крепко сжимает пистолет, и я медленно поднимаю его, готовясь к тому. атаковать. Затем они медленно отступают назад и снова исчезают в коридоре, их место снова заняло свечение.

Мое сердце бешено колотится в груди. Черт, это странно. Даже я могу признать. это.

Сибби насмехается. «Я провела слишком много времени в домах с привидениями — никто не может быть страшнее меня. Позвольте мне пойти первой».

Яжимаю плечами, решив, что Сибби не помешает их разыграть.

«Развлекайтесь», — бормочу я, опуская свое оружие на дюйм, хотя я отказываюсь расслабляться. Здесь, внизу, может скрываться еще кто-то.

Она громко хихикает, звук зловещий, а потом тихонько напевает колыбельную. она направляется в коридор. Я не могу быть уверен, но если я знаю Сибби, то я уверен. уверена, что она скачет туда.

Я беру Адди за руку и веду ее туда, где маленькая кукла стоит у входа. входе, ее крошечное тело освещено светом.

В ее руке розовый нож, и она вонзает острие в стену рядом с ней.

Затем, напевая колыбельную все громче, она медленно идет по коридору, волоча за собой нож.

Адди вздрагивает, но я не могу сказать, потому ли это, что Серена собирается разозлиться или потому, что Сибби такая же жуткая, как и обещала.

И то, и другое пугает.

Из комнаты, в которой они находятся, доносятся голоса, нервные и слегка сердитый.

«Не подходи ближе», — рывкает глубокий голос. Сибби делает паузу, резко прервав свою колыбельную, и качает головой.

«Это не очень мило», — шепчет она, ее детский тон посылает мурашки по моему позвоночнику. «Я просто хочу поиграть».

«Я снесу твою гребаную башку, сука», — прошипел он. Крупный мужчина заполняет дверной проем в конце коридора, и я быстро увожу Адди с глаз долой. пока он не заметил нас. Я прижимаюсь к стене и выглядываю за угол.

Если он попытается что-то сделать, я буду тем, кто снесет ему голову.

Он крупный и высокий, с лысой головой, черными татуировками на бледной коже, и кустистая борода вокруг тонких губ. В его руке пистолет, направленный прямо на Сибби. Но она, кажется, ничуть не напугана.

Из комнаты доносится приглушенное мычание, как мужское, так и женское, и эти звуки немного расслабляют меня. Они могут быть ранены и определенно напуганы, но но они также живы. Это все, что сейчас имеет значение.

«Мои приспешники не позволят этому случиться», — говорит она. Я понятия не имею, где она воображает свой гарем, но единственный, кто сейчас пугает вооруженного человека. это она сама.

Что достойно восхищения, когда в ней всего пять футов.

«Брось нож», — приказывает он ей. Вздохнув, Сибби слушает, ее нож со звоном падает по стене.

«С таким же успехом ты можешь сказать мне раздеться, если собираешься лишить меня вещей», — дуется она. Ухватившись за низ рубашки, она начинает тянуть ее вверх, делая именно это.

Глаза мужчины расширяются, и он опускает пистолет, наблюдая, как Сибби снимает с себя рубашку. Слава богу, на ней лифчик.

Я качаю головой. Ее методы чертовски странные, но все же эффективные.

Она бросает рубашку в мужчину, заставляя его вздрогнуть. В течение этого небольшого промежутка времени, она хватается другой нож, пристегнутый к ее бедру, и замахивается им в мужчину, кончик ножа вонзается ему прямо в глаз.

Хныканье переходит в полноценный крик ужаса, когда мужчина опрокидывается лицом вперед, падая, как мешок с песком. Его вес падает на нож, вгоняя его полностью пробив его череп.

Быстро схватив с пола нож и рубашку, она натягивает ее и проскакивает остаток пути в комнату, переступая через свою конвульсирующую жертву.

«Пошли», — говорю я, хватаю Адди за руку и вбегаю в комнату следом за Сибби, пытаюсь избежать беспорядка.

Серена и ее муж, Уильям, привязаны к двум стульям в центре комнаты. комнаты, их рты заклеены скотчем. Одна лампочка висит над ними, освещая двух мужчин по обе стороны, каждый из которых держит пистолет у их головы. Злоумышленники напряжены, на взводе после того, как Сибби метнула нож в их глаз их мертвого напарника.

«Мама... Папа...», — дышит Адди, и я чувствую, как ее тело дрожит от необходимости бежать к ним.

Глаза Серены мокрые и налитые кровью, подведенные черной тушью. Ее светлые волосы взъерошены, а ее шелковая пижама порвана у воротника. Уильям корчится рядом с ней, обильно потея. Его седеющие волосы прилипли к голове, а белая футболка промокла.

На скуле у него порез, а вокруг глаза уже начал образовываться синяк.

«Ты приехал быстрее, чем я ожидал, после того, как твой дружок наебнулся с нашим грузовик», — говорит злоумышленник слева от меня, его пистолет упирается в висок Серены. У него черные волосы, которые свисают до ушей, спутанные и сальные, и массивный, крючковатый нос со шрамом, пересекающим его. Второй — невысокий блондин с детским лицом, который, похоже, не в своей тарелке.

«Я рассчитывал повеселиться с ними еще немного.

Может быть, посмотреть, есть ли у мамочки тоже золотая киска». Его палец загибается вокруг прядь волос Серены, и она отпрянула с приглушенным криком.

«Не трогай ее, блядь», — огрызается Адди. Мужчина только улыбается.

«Я хотел превратить их в красивую выставку для тебя», — продолжает он, игнорируя ее. Он пожимает плечами, пытаясь выглядеть бесстрастным. «Я полагаю, из вас получился бы лучший экспонат. Z, высунувшаяся из большого окна перед домом, как вы сделали с доктором. Как поэтично это было бы».

«Я бы с удовольствием поиграл с тобой в декоративно-прикладное искусство», — пробормотал я, доставая свой нож из толстовки и открываю его, металлический звон затерялся в подавленные крики Серены.

В ответ мужчина вскидывает пистолет, его угроза ясна.

«Убьешь ее — убьешь единственное, что удерживает мою пулю от попадания в твой мозг». предупреждаю я.

«О, мамочка — любимица, я вижу. Ну, тогда мы можем обойтись без отца, не так ли?»

Его пистолет поворачивается к отцу Адди, у которого теперь два пистолета прижаты к его голове. Намерения мужчины ясны: убийство одного из них только укрепит Адди в той необходимости торговать собой, чтобы спасти единственного живого родителя, который у нее остался.

«Если ты сделаешь это, то, бриллианта вообще не будет». Мой взгляд переходит на Адди, мое сердце останавливается, когда я вижу, что она держит нож к собственному горлу.

О, черт возьми, нет.

Я вонзаю лезвие в кожу, пока не чувствую резкий укол, кровь медленно вытекает из раны. Взгляд Зейда следит за ней, его глаза горят яростью.

Седовласый мужчина возвращает пистолет моей матери, на его лице появляется наглая ухмылка.

«Туше, бриллиант». Он поднимает подбородок к своему напарнику, который все еще держит свое оружие на голове моего отца. «Хватай ее».

Затем он обращается к Зейду и Сибби: «Вы оба снимите оружие, и отбросьте его прочь».

Парень с детским лицом подходит ко мне, и я делаю большой шаг назад.

«Ты не должен прикасаться ко мне. Пока я не буду знать, что ты не причинишь вреда никому из них».

Его глаза сужаются, но затем они перебегают на мое плечо, и мгновение спустя я почувствовала опасность позади себя.

«Черт, Адди, шевелись!» кричит Зейд, но уже слишком поздно.

Пистолет упирается мне в затылок, отвлекая меня достаточно надолго, чтобы его рука успевает вывернуться и схватить мой нож, отбросив его в сторону.

Бетон заполняет мои кости, мое тело превращается в камень, когда он обхватывает мою шею и притягивает меня к себе, приставляя пистолет к моему виску.

«Ты забыл проверить чердак», — шепчет мне на ухо новый злоумышленник. Он убирает руку с моего горла и скользит рукой по копчику и вниз по моим бедрам, проверяя наличие оружия, а затем бросая его на пол, когда находит его. Он сжимает мою задницу для дополнительной меры, и я не могу сдержать рычание, чтобы не вырваться на свободу.

О, да. Он собирается умереть.

Напряжение излучает Зейд, его убийственный взгляд следит за блуждающей рукой. Держу пари, он представляет себе все способы, которыми он мог бы удалить его из своего тела, точно так же, как он сделал это с телом Арча. Сибби неподвижна, ее глаза скачут во все стороны, вероятно, рассчитывая, как быстро она сможет убить одного из них, прежде чем их пистолет выстрелит.

«Лучше быть осторожнее», — бормочет Зейд, его глаза буравят мужчину, держащего меня. «У этого бриллианта острые края».

Детское личико направляет оружие на Зейда: «Заткнись, черт возьми. Вы оба к стене».

Зейд ухмыляется, поднимает руки в знак капитуляции, но взгляд его глаз смертельно опасен.

Сибби отказывается сдвинуться с места, и тогда мужчина бросается к ней и хватается за ее руку, пытаясь тащить ее туда сам. Она приходит в ярость, царапает его и вызывает массовую потасовку.

На внутренней стороне моего рукава висит ручка-пистолет — удобное маленькое оружие.

Зейд подарил мне его. Я положил его туда как раз для такой ситуации, намеренно умышленно спрятав его в стороне от всех очевидных мест, где можно спрятать оружие. В нем всего одна пуля, но этого будет достаточно.

Хаос отвлекает всех мужчин настолько, что я достаю из рукава пистолет с ручкой из рукава, и никто из них не заметил.

Пот выступает на моей шевелюре, и хотя адреналин бурлит в моем организме, спокойствие овладевает мной.

Торопливо прицелившись в седовласого мужчину, я нажимаю на кнопку на ручке пуля вылетает из маленького оружия и проникает в мозг мужчины, мгновенно убивая его.

От неожиданности я успеваю отбросить пистолет от своей головы.

Рефлексы моего похитителя затормозились, когда он выстрелил мне в ноги, едва не задев пальцы. Пуля рикошетит, и мне кажется, что я слышу чей-то вздох, но я уже развернулась и посылаю свой кулак ему в лицо.

Мой отец кричит сквозь заклеенный рот, но я не могу смотреть.

Мой противник достает из кармана нож и замахивается им на мое лицо.

Я успеваю отпрянуть назад, и лезвие пронзает воздух в сантиметре от моего носа. Я хватаю его руку, обхватившую рукоятку, и отдергиваю ее. назад, его запястье ломается от силы.

Он вскрикивает, роняя нож. Прежде чем я успеваю нанести еще один удар, на этот раз в горло, его голова откидывается назад, в центре лба появляется дыра.

Я поворачиваюсь с расширенными глазами и вижу, что Зейд убирает свое оружие.

«Прости, детка. Он трогал твою задницу, поэтому я должен был убить его».

Пронзительный крик отвлекает меня, обращая мой взгляд на Сибби, радостно наносит удары мужчине под ней, в то время как мой отец извивается, как червяк на на крючке. Его взгляд метался туда-сюда от психопатки у его ног к своей жены.

Мои глаза расширяются, когда я хорошо вижу свою мать. Ее голова поникла, подбородок уткнулся в грудь, а кровь пропитала рубашку.

«О Боже», — кричу я, бросаясь к ней. Зейд подходит к ней первым, прижимает пальцы к ее горлу, чтобы нащупать пульс.

«Она жива», — дышит он. «Но пульс слабый. Ей нужен врач сейчас же».

Слезы мгновенно наворачиваются на глаза, а паника превращает мой мозг в кашу. Я открываю рот, конечности застывают, а широко раскрытые глаза смотрят на мою умирающую мать.

«Аделин», — рывкает Зейд, и я перевожу взгляд на него. «Сосредоточься, детка. Мне нужно, чтобы ты подошла сюда и надавить на рану».

Наконец разблокировав свои мышцы, я делаю то, что он говорит, и прижимаю обе руки к ее груди. Багровые пузырьки проникают сквозь мои пальцы, покрывая мою кожу в течение нескольких секунд.

Я отчетливо вижу, как Зейд развязывает ее узы, а затем узы моего отца. Раздается резкий приказ Сибби прекратить терзать мертвого мужчину под ней, затем Зейд говорит с Джеем через наушник, но все заглушается после этого.

Слишком много.

«Мама», — говорю я дрожащим голосом. Папины руки обхватывают ее, нежно поднимая ее голову и зовет ее по имени. Слезы текут по его румяным щекам, и тут я понимаю, что мое собственное лицо мокрое.

«Серена, милая, посмотри на меня», — уговаривает папа, но ее глаза остаются твердо закрыты.

«Мне нужно ее поднять», — говорит Зейд.

«Не трогай ее!» кричит отец, собираясь отбить руки Зейда. «Нам нужно вызвать скорую помощь».

«Папа!» восклицаю я, отдергивая руку, чтобы остановить его. «Остановись, он пытается помочь».

«Я буду быстрее, чем скорая помощь, обещаю тебе», — уверяет Зейд, твердо глядя глаза моего отца. Отец — приверженец правил. Он действует по правилам. И даже в своей мании он понимает, что Зейд везет ее в больницу не потому, что он быстрее, а потому что мы все совершили преступление, и он не хочет, чтобы они знали.

А это значит, что в настоящую больницу мы тоже не поедem.

Стиснув зубы, папа отпускает Зейда и позволяет ему подхватить мою маму ее голова опускается ему на грудь, когда он встает.

«Все садитесь в машину. Поехали, сейчас же, Сибби».

Мы поднимаемcя по ступенькам в подвал, проносимся через весь дом и садимся в машину Зейда. — все это как в тумане. Я позволяю папе сесть на пассажирское сиденье, пока мама перекинулась через мои и Сибби колени. Я продолжаю давить на ее грудь, тихо шепчу ей, чтобы она оставалась живой.

Зейд, должно быть, все еще держит Джея на линии, потому что он говорит: «Позвони Тедди и сообщи ему, что мы уже едем. Огнестрельное ранение в грудь».

«Дай угадаю, у тебя есть какая-то выдуманная история, да?» Отец огрызается с переднего сиденья, пока Зейд выезжал с подъездной дорожки на дорогу.

Он легко управляет машиной, несмотря на то, что мы едем с ужасающей скоростью.

«Ну, нет, не совсем», — отвечает Зейд, ничуть не обеспокоенный моим гнев моего отца. «Мы не пойдem в полицию. И мы идem к хирургу, с настоящим опытом...»

«Мы не пойдem в больницу?!» — кричит мой отец, его голос оглушает.

Я вздрагиваю, сердце колотится. Я уже говорила Зейду, что мой отец не был неотъемлемой частью моей жизни. Он всегда оставался на заднем плане, был рядом, но не совсем... как призрак Джиджи в поместье Парсонс.

Но в моем детстве было несколько случаев, когда он повышал голос, и каждый раз это заставляло птиц разлетаться с веток, а мою спину горбиться в попытке стать меньше.

Он простой человек, но он может быть и страшным.

«Нет, сэр», — непринужденно отвечает Зейд. Его ничто не пугает, и если я не присмотрелся, я бы подумал, что у него стальные яйца, подвешенные между ног.

«Мне плевать, кто ты, блядь, такой, лучше разверни эту машину и отвези нас в нас в эту чертову больницу!» — кричит он, его лицо становится все краснее и краснее, даже в темноте машины.

«Еще раз, блядь, повысишь на меня голос», — угрожает Зейд, его голос становится все глубже. «Я гарантирую тебе, что могу вырубить твою задницу, даже не поворачивая эту машину». Мой отец отпрянул назад, глаза выпучены от шока.

«Папа», — вклиниваюсь я, пока мой второй родитель не получил пулю, мой голос мягкий но строгий. «Я бы никогда не позволил ей умереть, и ты это знаешь. Пожалуйста, просто доверься нам».

Его взгляд пронзает меня насквозь, но я не отворачиваюсь, все мое тело начинает трястись от смеси адреналина, шока и паники.

Насмехаясь, он отворачивается, бормоча себе под нос: «Я не могу, блядь... поверить в это дерьмо. Аделин, во что ты, блядь, ввязалась?».

Я хмурюсь. «Я даже ничего не делала, папа».

Он недоверчиво оборачивается ко мне. «Ты думаешь, я не видел, как вы трое вы хладнокровно убили тех людей? Маленький сумасшедший...»

«Не называй меня сумасшедшей!» Сибби визжит рядом со мной, заставляя меня вздрогнуть, от звука у меня заложило уши. Я делаю паузу, отмечая, как маниакально она выглядит сейчас. Ее грудь вздымается, а ее карие глаза дикие, как будто она тигр, загнанный в угол в маленькой клетке.

Папа, должно быть, тоже это видит, потому что он переводит взгляд на меня. «Не сиди здесь и не веди себя так, будто ты дочь, которую я вырастил», — рявкает он. «Ты только что убила кого-то».

«Он собирался убить маму», — защищаюсь я, не веря, что он читает мне лекцию прямо сейчас. Он в шоке, в гневе и вымещает его на мне.

Он сжимает зубы, обнажая их, и выплевывает: «Если она умрет, это будет твоя вина. Эта пуля попала в нее из-за тебя!».

Его слова ощущаются как собственная пуля, ударяющая меня прямо в грудь и выбивая воздух из моих легких.

«Что?» задыхаюсь я.

«Когда ты дралась с тем парнем, и пистолет выстрелил», — рявкает он, его лицо покраснело. Он смотрит на меня так... как будто я монстр. «Пуля отрикошетила и попала в твою мать».

Мой рот открывается, я теряю дар речи. Я помню, что пуля срикошетила, но не видела, куда она попала, отвлекаясь на человека, с которым я дрался.

Волна за волной чувство вины накатывает на меня, и, черт... это моя вина. Я моргаю, мое зрение затуманивается от новой волны слез. Такое ощущение, что моя грудь широко раскрывается, мое сердце выплескивается наружу вместе с сердцем моей матери.

«Это не она спустила курок», — кричит Зейд, защищая меня.

Задыхаясь, он поворачивается и смотрит в окно, вибрируя от ярости.

«Это и твоя вина тоже», — ехидно обвиняет он, обращаясь к Зейду.

«Вы оба. Ничего бы этого не случилось, если бы не твой преступный парень, Аделин».

Зейд поворачивает голову к моему отцу, кожаный руль стонет под его сжатыми кулаками, и на мгновение я убедился, что он собирается полностью сломать его пополам.

«Я думаю, тебе лучше закрыть свой гребаный рот с этого момента, иначе я сделаю это за тебя. Как ты уже понял, я не хороший человек, и мне очень важно. о том, как ты разговариваешь с Адди. Этот человек держал чертов пистолет у к голове вашей дочери. В этом нет ничьей вины, кроме тех, кто ворвался в ваш дом».

Отец встречает его пристальный взгляд, слова на кончике языка. В конце концов, он качает головой и поворачивается, чтобы снова посмотреть в окно, довольный тем, куда указывают его пальцы.

Машина погружается в тягостное молчание, мы четверо конфликтуем по разным причинам.

Я смотрю на маму, всхлип подкатывает к моему горлу, когда я смотрю на ее бледное лицо. Мои слезы капаят на ее щеки, но я не решаюсь убрать руки. от раны, чтобы вытереть их.

«Мне так жаль, мама. Я не хочу прожить эту жизнь без тебя, поэтому оставайся со мной, хорошо?»

Как бы я ни старался, мой посттравматический стресс начинает всплывать, когда Зейд заводит нас в подъездную дорогу за двадцать минут, подъезжая к деревянному домику с теплым желтым светом, исходящим из окон. Я едва узнаю этот домик.

Зейд привез меня сюда сразу после того, как нашел меня, и я почти ничего не помню ни об этом месте, ни о Тедди, только то, что и дом, и доктор были теплыми и гостеприимными. В противоположность воспоминаниям о другом докторе, которые в настоящее время заставляют мое кровяное давление подниматься выше крыши.

«Это дом Тедди?» спрашиваю я, мои руки онемели.

Воспоминания о том, как я очнулась в импровизированной больнице, о старике с бледно-голубыми глазами и безумной улыбкой под кустистыми усами, склонившийся надо мной, и просит меня пойти с ним. Мое сердце бешено колотится, и кажется, что оно трескается в грудной клетке.

Как только машина останавливается, Сибби выскакивает из машины, как будто как будто она застряла под водой без воздуха. Она устремляется куда-то, бормоча о том, что ей придется оставить своих приспешников позади. Ни у кого из нас не хватает ума беспокоиться о ней в эту секунду.

«Да. Я знаю, что вы, возможно, не очень хорошо помните, но его зовут Тедди.

Англер, а его сына зовут Таннер. Они мои хорошие друзья», — отвечает он, заглушил машину и поспешил к задней двери.

«Продолжайте давить на ее грудь», — инструктирует Зейд. Быстро и осторожно он перекладывает маму с моих колен, прижимает ее к своей груди, а я держу свои руки на ране. Вместе мы подбегаем к входной двери. как раз в тот момент, когда она открывается.

Двое мужчин вводят нас в дом, папа идет следом. Тепло и уют дома знакомы, но все еще шокируют мой организм.

Я узнаю обоих мужчин. Старший из них — Тедди, а младший — хотя ему еще не меньше сорока, — Таннер.

Они ведут нас по коридору прямо вперед и в комнату с больничной койкой, капельницей и несколькими другими аппаратами.

Паника возвращается, и я уже не стою в больничной палате Тедди Англера. а в палате доктора Гаррисона. Он стоит передо мной, умоляя меня пойти с ним, в его молочно-голубых глазах безумный взгляд. Половины его головы нет, оторвана пулей Рио, и его разрубленные мозги выставлены напоказ.

Нет, нет, нет. Я не хочу идти. Я не хочу...

«Аделин», — грубо зовет Зейд, трясая меня, пока доктор Гаррисон не исчезает, пока доктор Гаррисон не исчез, сменившись обеспокоенными глазами инь-янь. «Ты здесь, со мной, маленькая мышка. Ни один никто не заберет тебя у меня».

Я моргаю, зрение затуманено, а в груди тесно от паники.

«Мне жаль», — шепчу я, разочарование начинает проникать внутрь вместе с миллионом других гребаных эмоций, которые я с трудом могу сдерживать.

«Не надо, детка. Присядь и позволь им оперировать. Твоя мама справится, хорошо?»

«Это то, что сказал Тедди?» спрашиваю я, заглядывая через плечо Зейда, но я не могу разглядеть многого за большим ростом Тедди и Таннером с другой стороны.

Папа сидит в углу комнаты и смотрит на маму с прищуренным выражением лица.

«Он ничего не сказал, и это хорошо. Если он оперирует, значит значит, есть шанс».

Кивнув головой, я позволила ему вывести меня обратно в небольшую гостиную, заполненную зелеными и темно-синими клетчатыми диванами, ковром из медвежьей шкуры и головой оленя, установленная над коричневым камином, в котором бушевал огонь. Пол, стены и мебель сделаны из обожженного дерева, что придает дому домашний, расслабляющий уют.

Я падаю на диван и начинаю опускать голову на руки, но тут же отдергиваю их, вспомнив, что они покрыты засохшей кровью. Я оглядываюсь вокруг, надеясь, что не испорчу диван Тедди, и сажусь на пол.

Потом я вспоминаю, что Сибби все еще нет, и моя голова вертится по сторонам. вокруг.

«Куда делась Сибби?» спрашиваю я, вытирая сопли, текущие из носа.

Честно говоря, из всех вещей, смущение находится на низком месте в списке тех, которые я должна была бы чувствовать. И что-то подсказывает мне, что Зейд видел меня в гораздо более нелепых ситуациях, пока преследовал меня, так что пузырьки соплей — наименьшая из моих забот.

Зейд садится рядом со мной, притягивает меня к своей груди и заключает в свои объятия. Как бы ни было приятно, я не могу расслабиться. Тысячи жуков ползают под поверхностью моей кожи, наполняя мой череп жужжанием своих крыльев.

«Я проверю ее через некоторое время. В машине не было места для ее приспешников, и они остались позади. Думаю, это ее пугает. Их не было там, когда ее забирали в психиатрическую клинику, и у нее, вероятно, есть что-то вроде тревоги разлуки».

Я киваю головой. Ее приспешники так же реальны для нее, как и Зейд, сидящий сс много. Это не так просто, как просто заставить их исчезнуть или вызвать их перед собой когда она захочет. Она видит их как реальных людей, поэтому ей приходится придавать смысл когда они появляются.

В конце концов, они вернутся к ней, и она, вероятно, увидит двух мужчин одетых как монстры, идущих к ней по подъездной дорожке.

«Он был прав», — шепчу я. «Это моя вина, что в нее стреляли».

«Ты не стреляла из пистолета, и не ты лично направляла пулю в свою мать. Это не твоя вина». Я высвобождаюсь из его объятий, чувствуя себя неуютно в собственной коже.

Это неважно, что я не нажимал на курок, я все равно вызвала это, когда толкнула его руку вниз.

Чувствуя мое внутреннее смятение, Зейд сворачивает шею, разминая мышцы. Сев вперед, он опирается локтями на раздвинутые колени и соединяет руки вместе.

Мой взгляд останавливается на них, прослеживая вены, проходящие через них. Эти руки убили столько людей и многих защитили. Как он отделяет свои грехи от добрых дел?

«Если бы ты был на моем месте, ты бы чувствовал себя виноватым?» — спрашиваю я, мой голос хриплый от слез.

Он опускает взгляд, размышляя над этим.

«Ты видел, какая ответственность за смерть, которую я не вызывал. Когда я снял кольцо, и ту маленькую девочку застрелили прямо перед тем, как я вошел в здание. Или когда тебя похитили, когда я должен был защищать тебя... трудно не принимать это на свой счет. Ощущение этой тяжести — вот что делает тебя человеком. Но есть разница между тем, чтобы чувствовать чужую боль и винить себя в том потому что кто-то другой причинил им

боль».

Он поднимает взгляд, интенсивность его глаз обжигает меня изнутри.

«Роза, вырезанная на моей груди, — доказательство того, что все не так просто. Иногда я цепляюсь за это чувство вины, чтобы не чувствовать себя так далеко. Но это не значит, что я не буду напоминать тебе каждый день, что вина, которую ты несешь, не достойна тебя».

Я закрываю глаза, слабая попытка сдержать очередную волну слез. Всклип вырывается из моего горла, и я закрываю рот, чтобы сдержать его, но это не более эффективно.

«Она пыталась построить со мной отношения, — пролепетала я. — А я... я вела себя сложно».

Зейд хватается меня за руку и притягивает к себе, и хотя я чувствую себя недостойной утешения, я все равно принимаю его, позволяя ему впитаться в мои кости, пока я плачу в его грудь.

Я и раньше получала удовольствие от убийства, но это не значит, что я живу без сердца. И все, о чем я могу думать сейчас, это о том, как спокойно чувствовать себя в пустоте.

* * *

«Адди, проснись».

Рука мягко дергает мою руку, вырывая меня из беспокойного сна. Я открываю открываю глаза, сухие и раздраженные от слез.

«С ней все в порядке?» спрашиваю я мгновенно, еще даже не полностью проснувшись, оглядываясь по сторонам. и вижу, что мой усталый отец сидит на другом диване, его лицо нахмурено.

Зейд, Тедди и Таннер стоят передо мной, и я чувствую себя так, будто они что они оценивают пациента, так как они смотрят на меня.

Тедди и его сын выглядят почти одинаково. У обоих мягкие зеленые глаза, морщины смеха и квадратные челюсти. Единственная разница в том, что у Тедди значительно более седые волосы и больше морщин. В отличие от доктора Гаррисона, его присутствие успокаивает, несмотря на слова, исходящие из его уст.

«Она еще не вышла из леса», — мягко отвечает Тедди. «Пуля едва миновала сердце, но, к счастью, прошла насквозь и не задела жизненно важные органы. Она потеряла много крови, и ей все еще угрожает опасность заражения. Она будет в отключке некоторое время, но я хочу, чтобы вы все знали, что вы более чем можете оставаться здесь», — объясняет он, бросая взгляд на отца.

Я киваю, хотя облегчения не нахожу. Она жива, но все может легко измениться.

«Мне нужно сдать ей кровь или что-то еще?» Я хриплю, мое горло так же сухо, как и мои глаза.

«Все в порядке, милая. Твой отец подходит и любезно предоставил немного, и у меня также есть несколько пакетов с отрицательной кровью, если она мне понадобится».

Кивнув еще раз, я встала. «Могу я ее увидеть?»

«Конечно», — мягко соглашается он, поднимая руку, чтобы направить меня вперед.

«Я собираюсь проверить Сибби», — говорит Зейд, указывая через плечо.

Нахмурившись, я спрашиваю: «Как давно это было?». Я не помню, как долго я плакала, пока в конце концов не заснула в объятиях Зейда.

«Всего около трех часов. Она все еще сидит снаружи на пороге и ждет своих приспешников».

Кивнув, я поворачиваюсь и направляюсь в комнату, сердце в горле. И когда я открываю дверь и вижу, что она лежит там такая неподвижная и бледная, я чуть не задыхаюсь.

Аппарат рядом с ней пищит, пульс пока ровный. Рядом с ней уже стоит стул рядом с ней, предположительно там сидел мой отец. Он оставался в в палате с ней все это время, и я чувствую себя немного виноватой за это. Я должна была остаться с ними.

Но даже сейчас, нахождение здесь угрожает отправить меня обратно в то место. с доктором Гаррисоном. Я провожу руками по волосам, крепко сжимая пряди. в попытке заземлить меня. Чтобы сохранить мое присутствие.

Я в безопасности. Зейд прямо за дверью. И нет никакого злого доктора, пытающегося похитить меня.

Выдохнув, я сажусь в кресло и беру маму за руку. Она прохладная на ощупь, но она кажется... живой. Не холодной и жесткой, как труп, что приносит мне небольшое утешение.

— Хочешь знать, что на самом деле чертовски отстойно? — мягко начинаю я. — Когда я вернулся домой, ты несколько раз просила меня рассказать о том, через что я прошла, и я никогда не могла найти слов, чтобы описать ужас когда ты просыпаешься от того, что люди держат тебя в заложниках, угрожая убить. Неизвестность будешь ли ты жить или умрешь. Я говорила вам, что вы не поймете. Но я полагаю, теперь ты знаешь, каково это, да?

«И потом, ты пыталась объяснить мне, какой ужас ты чувствовала, когда меня не было и не знала, буду ли я жить или умру. И ты сказал, что я никогда этого не пойму... Но ведь это тоже уже неправда, не так ли?».

Мои глаза снова начинают гореть, и я отпускаю ее руку, чтобы потереть их ладонями безмолвно пытаюсь, безмолвно угрожая себе держать себя в руках. Я устала плакать. Это чертовски утомительно.

Как только я чувствую, что немного взяла себя в руки, я опускаю их и снова хватаю ее руку.

«Я держу тебя за руку, но тебя все еще нет. И я не знаю. ты когда-нибудь проснешься. Поэтому я чувствую это сейчас. И это... это просто очень чертовски хреново».

Я фыркаю, потирая подушечку большого пальца о ее руку, не уверенный, утешаю ли я ее или себя.

«Папа теперь тоже меня ненавидит. Так что вот так», — шепчу я. «Я сожительствоваю с преступником».

Я слабо рассмеялась. «Я преступница. И я полагаю, что это может быть единственное, за что ответственен Зейд. Превратил меня в подготовленного убийцу. Но знаешь что? Мне это нравится. Мне нравится, что теперь я могу защитить себя. И мне нравится. что я больше не чувствую себя такой слабой. Это делает меня плохим человеком?»

Я сделал паузу, нахмурившись. «Не отвечай. Ты попросишь меня остановиться».

И ты скажешь мне, что хочешь вернуть прежнюю Адди. Но ее больше нет, Мама. И я знаю, что папа не одобряет новую версию меня, но я надеюсь, что однажды вы оба научитесь любить ту, кем я стала».

Одна слезинка вырывается на свободу, и я проклиная каплю за то, что она предала меня. Я быстро вытираю ее и снова фыркаю.

«Я пойму, если ты не сможешь. Иногда мне тоже трудно любить себя».

Но ты знаешь единственного человека, который сможет? Кто всегда будет любить меня

безоговорочно? Это мой криминальный парень. И разве ты не думаешь, что это просто чертовски восхитительно?»

Я улыбаюсь без юмора.

«Думаю, будет справедливо, если мы попробуем. Ты решила, что когда я вернусь домой, меня стоит любить как разбитую оболочку человека. Я думаю, ты сможешь научиться любить меня как кого-то яростного и сильного, верно? Так что теперь я хочу, чтобы ты вернулась домой, и какой бы версией себя ты ни проснулась — я тоже буду любить тебя».

«Дай мне поговорить с ней», — требую я в телефонную трубку, погружая дрожащую руку в свои волосы.

«Адди, я устал от этого разговора. Будет лучше, если ты дашь своей маме немного пространства», — отвечает папа, звуча измученно.

«Тогда давай прекратим этот разговор!» кричу я.

Мы разговариваем всего одну гребаную минуту, и он сам виноват. Когда он не отдает телефон моей матери. Я пыталась каждый день, с тех пор как он дома, а он не даёт. Я даже ездила туда на машине, но он не пустил меня.

Тедди держал ее у себя больше недели, наблюдая за ней и медленно выхаживая ее восстанавливая здоровье.

Почти все это время она лежала без сознания. И те несколько раз, когда она просыпалась, я не думаю, что она что-то помнит. В основном она была растеряна и дезориентирована, и ей было очень больно.

Папа, Зейд и я оставались рядом с ней всю неделю, в то время как Сибби отправилась домой со своими приспешниками. Им потребовалось четыре часа, чтобы снова появиться, и как только они появились, она снова стала прежней. Я уверен, что у них было много оргий, пока нас не было.

Как только Тедди почувствовал, что мама стабильна и может восстанавливаться дома, Зейд отвез нас обратно в их дом. Его команда позаботилась о телах и даже пошла дальше и восстановила дом до прежнего состояния. Я думаю, папа был потрясен, когда вошел в дом, и все выглядело так, как будто ничего не произошло.

Он позволил Зейду и мне помочь маме устроиться в их кровати, а затем быстро выгнал нас. Это было пять дней назад, и он до сих пор не разрешает мне видеться или разговаривать с ней.

Мое единственное спасение в том, что он впускает Дайю, думая, что она отстранилась от моей преступной жизни или что-то в этом роде. Но теперь я не уверена, что он вообще это допустит.

«Почему? Она сама так сказала, или это твое решение?»

«Я знаю, что лучше для моей гребаной жены», — огрызается он, его гнев нарастает. Но я не отстраняюсь, как обычно. Я сказала маме, что та версия меня больше нет, и это была правда.

«Значит, ты хочешь сказать, что я ей не подхожу», — заключаю я, мой голос дрожит от гнева. Мой кулак разжимается, и желание послать его в стену почти одолевает меня.

«Ты и твой парень», — поправляет папа. «Я договорился не обращаться полицию по поводу всей этой ситуации. Но это не значит, что я позволю вам быть в ее жизни, если это произойдет. Если ты хочешь отвалить и стать преступником, хорошо, но не впутывайте в это нас».

Через секунду телефон отключился, и я вспыхнула. Издав разочарованный крик, я отправляю телефон в полет через всю комнату, прямо в тот момент, когда Зейд входит в дверь.

Он замирает, следя глазами за телефоном, когда тот врежется в каменную стену и и

разбивается вдребезги.

«Хочешь, чтобы я пошел и похитил ее?» — предлагает он.

Я поворачиваю голову к нему, моя ярость усиливается.

«Он не дает мне увидаться с ней, потому что мы преступники. И твое решение — ... совершить еще одно преступление?»

«Ну, когда ты так говоришь».

Зарывав, я отшатнулась от него и бросилась к балкону, нуждаясь в том что бы убежать.

Теплый ветер развеивает мои волосы, как только я выхожу, посылая пряди, развеивающиеся вокруг моего лица. Это только олицетворяет то, что я чувствую, как Медуза с короной из разъяренных змей.

Это несправедливо, но становится все труднее смотреть на Зейда и не винить и его. Я начинаю возвращаться к той горькой, ненавистной части себя которая была уверена, что моя жизнь не была бы таким проклятым дерьмовым шоу, если бы если бы Зейд не ворвался в нее.

И, как Медуза, из-за того, что меня несправедливо наказали, я хочу наказать всех остальных в отместку.

Я чувствую Зейда позади себя прежде, чем слышу его. Всегда такой тихий — всегда подкрадывается ко мне.

«Твой отец ведет себя как мудака, Адди, но она поправится, и он не сможет держать ее от тебя», — тихо уверяет Зейд.

А что, если к тому времени он влезет ей в голову? Убедит ее, что я плохая для нее, и и тогда она решит, что я не достойна любви.

И они всегда будут чувствовать себя так, пока я с Зейдом. Они всегда будут видеть в нем плохой выбор, и пока я с ним, они не допустят меня в свою жизнь.

Как только у меня появляется шанс наладить настоящие отношения с мамой. его вырвали у меня. Это похоже на то, как если бы все мое детство сжали в один день и заставляет меня пережить его заново.

«Может, тебе лучше уйти», — пробормотала я.

Проходит такт, прежде чем он говорит: «Хочешь повторить это для меня, маленькая мышонок?»

Сжав зубы, я рявкаю: «Тебе нужно уйти».

Я сказала маме, что Зейд всегда будет любить меня безоговорочно, но именно из-за этой любви она чуть не погибла. Он сам это сказал — Клэр хочет меня так чертовски сильно из-за него. Из-за того, как много я для него значу.

Принять его любовь было трудно, но я научилась смиряться с этим, когда я была единственной в опасности. Теперь я не знаю, так ли это. Мои родители, может, и сволочи, но стоит ли жертвовать их жизнями ради этого дерьма?

Я не свожу глаз с воды, искрящейся в полуденном свете, но его молчание настолько мощное, что оно вторгается во все пять моих чувств. Все шесть, если быть честной. Потому что я чувствую, как он разгневан.

— Ты думаешь, это решит все твои проблемы? — он хихикает.

Я оборачиваюсь.

— Может, и так. Ты можешь убить Клэр и всех ее приспешников, и я наконец-то смогу жить спокойно.

Он поднимает бровь, и его глаза никогда не подходили ему лучше до этого момента. Один такой ледяной, а другой такой полный тьмы — две опасные его части, отражающиеся

во мне.

— Это уже надоело, Аделин.

Я отпрянула назад.

— Почему ты злишься, что не можешь заставить меня заикнуться на тебе до такой степени, что ты нужен мне рядом со мной каждую гребаную секунду дня? Или потому что ты не можешь...

— Что, детка? Я не могу что? Заставить тебя любить меня? Заботиться обо мне? Или дело в том, что я заставляю тебя чувствовать все эти вещи, когда ты этого не хочешь?

Он впивается мне в лицо, гнев стягивает его шрамы и усиливает ледяную тьму в этих глазах цвета инь-янь.

Вы когда-нибудь сталкивались лицом к лицу с разъяренным медведем? Смотрели в глаза зверя, когда он пылает? Большинство из них не доживают до того, чтобы рассказать об этом.

— Ты думаешь, я поверю в твою маленькую ложь? Как будто у меня есть хоть унция неуверенности в себе. — Он заканчивает последнее заявление смехом, и это бьет по мои нервы. Я чувствую, как мое лицо светлеет, а глаза темнеют.

Он смеется надо мной, и я хочу сделать ему больно. Не кулаками, а моими словами. Я хочу, чтобы он возненавидел меня, чтобы он понял, каково это — ненавидеть кого-то так сильно, но все равно жаждать его.

Хоть раз я хочу, чтобы он почувствовал то, что я, блядь, чувствовала, когда он силой ворвался в мою жизнь.

— Нет, но это будет беспокоить тебя, когда ты поймешь, что все твои усилия были потрачены впустую. — Его улыбка сползает, и я чувствую свою первую дозу победы. Я делаю шаг к нему, наслаждаясь тем, как он напрягается. — Все это время, потраченное на то, чтобы использовать мое тело против меня во имя любви, только чтобы никогда не заставить меня полюбить тебя вообще.

На этот раз, когда он улыбается, в его улыбке нет ни капли веселья. Она свирепая и говорит о человеке с веревкой на шее, стоящем перед решением повеситься и спасти свою любимую от той же участи или бросить ее на виселицу.

Собирается ли он причинить мне боль в ответ, чтобы защитить себя? Или он собирается стоять здесь и принимать это?

— О? — бросает он вызов. — Признаться в любви и умолять меня вырезать розу в твоей груди, было просто так?

Он обнажает зубы, и мои легкие сжимаются.

— Неужели ты настолько преуспела в написании книги, что уже не отличаешь реальность от своего воображения?

Я сужаю глаза.

— Стокгольмский синдром — это реальность. Человеческая реакция на кого-то, кому постоянно угрожают. Имеет смысл обмануть наш мозг, чтобы думать, что мы любим этого человека. Если только это облегчает терпимость к нему.

Он поднимает бровь, не впечатленный. И этот поступок все так же потрясает сердце, как и всегда.

— Разве это приятно? Приятно ли наказывать меня за то, что твой отец делает? — спрашивает он, его глубокий голос — всего лишь шепот. Эта маленькая доза победы превращается в бассейн, а затем в потоп, когда боль пронзает его глаза.

Он уже ненавидит меня? Чувствует ли он, что такое настоящая любовь?

Невозможно по-настоящему любить кого-то, если ты никогда его не ненавидел. Две стороны обоюдоострый меч, и обе они режут чертовски глубоко.

— Такое чувство, что я наконец-то освободилась, — выплонула я.

Он медленно кивает, его пронзительный взгляд оценивает.

— А ты говорила, что у тебя нет проблем с отцом, — размышляет он, отступая от меня. У меня сердце замирает, когда я вижу, как он отстраняется.

Поток победы прокатился по моему телу, а теперь прилив и я начинаю чувствовать последствия.

Он делает еще один шаг в сторону и поворачивает свое тело к дверям. А образовался кратер, заполненный океаном, который разделяет нас. Забавно, что это я чувствую себя дальше всех от него, даже когда нас разделяют сотни миль.

Прорастает семя паники, но, возможно, это просто адреналин. Потому что то, как Зейд смотрит на меня сейчас, кажется, что он собирается сделать выбор сам. Он собирается набросится на меня, а я останусь в подвешенном состоянии.

— Пожалуйста, детка, тогда беги на свободу. Покажи мне, как далеко ты зайдешь, прежде чем поймешь, что бежишь только от себя. Как долго ты продержишься, когда я завладею всем, что дает тебе жизнь?

Моя грудь сжимается, но я смеюсь, издеваясь над ним, как он издевается надо мной.

— Ты не обладаешь ничем, кроме демона в своем теле.

Он игнорирует меня.

— Твое сердце, твоя душа и само твое дыхание. Беги, маленький мышонок. На этот раз за тобой никто не будет гнаться.

Его последние слова душат меня, а затем он проходит через мою комнату и выходит за дверь, мягко закрыв ее за собой.

Черт. Я втягиваю воздух, но только хриплю, когда мои легкие отказываются работать.

Черт, черт, черт.

Я поворачиваюсь и пытаюсь продолжать дышать, но такое ощущение, что я стягиваю легкие еще больше, превращая их в крошечные металлические провода, которые пронзают мои внутренности с каждым вдохом.

Прекрати, Адди. Это правильное решение.

Но так ли это?

Ты защищаешь свою семью.

Тогда почему у меня такое чувство, будто я отдала свою душу от тела?

Вытолкнула ее, как будто ей там не место.

Он не нужен тебе, чтобы выжить, Адди.

Нет, не нужен. Я доказала, что это правда в течение тех месяцев, когда я была вынуждена заниматься только выживанием. Или потому что ты не можешь...

Это не значит, что я не буду жить, не потеряв большую часть себя. Как при потере конечности, я всегда буду чувствовать его, даже когда он перестанет быть частью меня. Делает ли это меня слабой?

Зависимой?

Или просто безумно влюбленной.

Черт.

Я мечусь по балкону, паника заставляет мое тело работать со сбоями.

Туда-сюда, кричу себе, что надо бежать за ним, а страх разворачивает мое тело тело обратно.

Он может отвергнуть меня. Я была бессердечной и полной задницей, когда он разорвал мир на части, чтобы вернуться ко мне. И что я делаю? Оттолкнуть его прочь.

Черт. Я перешла от вины за себя к вине за человека, который сделал все для меня.

Я замираю на мгновение, а затем падаю на пол, чувствуя себя так, будто по мне только что-то проехало.

«Адди, ты чертова идиотка», — рычу я про себя.

Мои родители были бы похищены и, возможно, замучены, если бы не он. Он знал, что Клэр собирается что-то предпринять, проверил их, чтобы убедиться, что они в безопасности, и заставил нас подняться и отправиться туда, прежде чем они смогли их забрать.

Кто знает, что Клэр сделала бы с ними? Я ни на секунду не верю, что они остались бы невредимы.

Черт, он спас их, так же как он сделал это для меня, и для сотен других.

Вот дура.

Наконец, мои передачи переключаются на автопилот, и я мчусь к двери. Это будет как в тех пошлых романтических фильмах, уверяю я себя. Я распахну дверь, а он будет стоять с другой стороны, ожидая меня, потому что он чертовски хорошо знал, что я блефую.

Но когда я открываю дверь, сердце на рукаве, извинения на языке, я обнаруживаю, что он вовсе не ждет меня. Он ушел.

Я сдуваюсь, и моя надежда улетучивается, как гелий из надоевшего воздушного шарика.

Нет, к черту все это. Последнее, в чем мы с Зейдом участвуем, — это фильм Hallmark.

Я вырываюсь из комнаты, иду по коридору и направляюсь к ступенькам.

Мои ноги несут меня вниз слишком быстро, и в своей спешке я чуть не врезаюсь лицом в клетчатую плитку, и поручень едва спас меня. Я был в двух дюймах от того, чтобы предстать перед Зейдом с выбитыми передними зубами, а это было бы очень неловко.

Как мгновенное кармическое дерьмо, за которое только Бог мог бы меня покарать.

Входная дверь противно стукнулась о засов, и прежде чем я успела, я взлетаю спускаюсь с крыльца.

Там. Остался лишь намек на спину Зейда, прежде чем он полностью исчез в зарослях деревьев.

«Эй!» — кричу я, спеша за ним. Я подхожу достаточно близко, чтобы увидеть его подбородок, склоненный через плечо, за мгновение до того, как он перешел на спринтерский бег.

Я задыхаюсь, пораженный чистой наглостью этого человека. «Ах ты, засранец». Ты это заслужил.

«Заткнись», — бормочу я про себя. Я вылетаю вслед за ним, и я знаю, что он получает нездоровое удовольствие от того, что поменял роли и заставляет меня бежать за ним.

Он дает мне ложку моего собственного лекарства, и на вкус оно как задница.

Я стала быстрее благодаря бегу, которым занимался последние несколько месяцев, и моя выносливость укрепилась. Но я все еще не подхожу Зейду. Его длинные ноги съедают грязь быстрее, чем мои, и я расстраиваюсь по мере того, как расстояние между нами увеличивается.

Вскоре он исчезает совсем, и я останавливаюсь, тяжело дыша и на грани слез.

Я кружусь на месте, но быстро прекращаю это занятие, так как от этого у меня

кружится голова. В течение нескольких минут я погрязла в своих страданиях, пока не перевела дух. Слезы наворачиваются на глаза, и единственный человек, которого я могу винить в этом это я сама.

Возможно, я сейчас немного сломлена, но это не оправдывает мое поведение по отношению к Зейду.

Как раз когда я поворачиваюсь, чтобы найти дорогу обратно в поместье Парсонов, за моей спиной ломается ветка.

Зловещее чувство поднимает волоски на моей шее, и у меня желудок опускается. Обернувшись, я испуганно вскрикиваю.

Зейд был прямо там.

Шок парализует меня, и прежде чем я успеваю вымолвить хоть слово, он хватается за мое горло, поднимает меня и ударяет о дерево рядом со мной.

Я вскрикиваю, дезориентированная и задыхающаяся, пока он высасывает кислород из моих легких, сжимая их до тех пор, пока я не убедилась, что он собирается свернуть мне шею. Несмотря на мои когти, впивающиеся в его руку, он не ослабевает. Вместо этого он поднимает меня выше, и от отчаяния я подтягиваю ноги и обвиваю ими его талию, прогибая спину, чтобы немного ослабить давление.

Мое тело почти делает движение, чтобы вырвать его руку из моего горла, но я останавливаю себя. Что бы он ни хотел сказать, что бы он ни собирался сделать я заслуживаю этого.

Честно говоря, я не хочу от него убегать.

Он тяжело дышит, и даже в муках паники я понимаю, что это чисто от возбуждения. Его рот находится всего в дюйме от моего, его мятная зубная паста смешивается с кожей, специями и нотками дыма, пьянящие ароматы затуманивают мои чувства. Постепенно его рука сжимается, и инстинкт начинает брать верх. Я бьюсь об него, но он только глубже вжимается в меня.

«Что случилось, детка? Ты не получила достаточно в первый раз и вернулась за добавкой?»

Я ударила его, мое зрение начало чернеть, и мне не нужно зеркало, чтобы увидеть, что мое лицо красное как помидор и в нескольких секундах от того, чтобы стать пурпурным. Наконец, его хватка ослабевает, и я жадно втягиваю воздух, хотя он не убирает свою руку.

«Ебанный мудака», — задыхаюсь я, и да, я вижу лицемерие, но все равно трахаю его все равно.

Он едва дает мне отдышаться, а потом угрожает лишить меня воздуха еще раз. Его хватка не такая крепкая, оставляя ядро пространства в моем дыхательном горле, что позволяет мне вдохнуть.

«Ну же, мышонок, ты же знаешь, что я откликаюсь только на два имени», — дразнит он.

«Дай мне послушать, как ты произносишь мое имя. Оно звучит намного слаще, когда ты не можешь дышать».

«Зейд», — рычу я, но он качает головой.

«Не-а», — говорит он, голос погряз в сладком яде. «Я хочу, чтобы ты называл меня другим именем, Аделина».

Слезы разочарования собираются в моих глазах, одна вырывается на свободу и проскальзывает мимо моих ресниц. Он следит за капелькой, на его губах появляется дикая

ухмылка, прежде чем кончик его языка высовывается и слизывает соленую воду с моего лица.

Я стискиваю зубы, гордость поднимается, подстегиваемая гневом на этого невыносимого человека.

Когда мы с Зейдом счастливы, легко забыть о том, как ему нравится видеть мои страдания. И я думаю, не поэтому ли я бездумно выхожу из себя. Может быть, какой-то части меня это тоже нравится, как он заставляет меня страдать.

Он проводит кончиком языка по моей щеке и к уху, оставляя за собой влажную дорожку, прежде чем темный шепот согреет мою кожу.

«Если ты заставишь меня сказать тебе еще раз, я привяжу тебя к этому дереву, пока птицы не будут готовы к трапезе».

«Боже», — выдохнула я, мой голос охрип от напряжения. «Теперь ты счастлив?»

Он обнажает зубы, и я понимаю, что страх, который он внушает мне, скорее всего, съест меня заживо раньше, чем птицы.

«Даже близко нет», — шипит он. «Думаю, мне нравится идея привязать тебя я к этому дереву — птицы будут пировать на беспомощной маленькой мышке».

Ужас скользит по моему сжатому горлу и опускается в желудок, превращаясь в опьяняющее чувство, которое жжет и жжет, пока мои глаза не опускаются в полуприкрытое состояние.

«Тогда накажи меня. Я заслужила это», — шиплю я.

Я хочу, чтобы он это сделал.

Пока он здесь, прикасается ко мне, причиняет мне боль — это лучше, чем быть еще один призрак, преследующий поместье Парсонс.

«Или кошечка слишком боится мышки?»

Он откидывает голову назад, смех вырывается из его горла и посылает мурашки по моему позвоночнику. Зло. Это был злой смех, и мое волнение нарастает.

Он внезапно бросает меня и отходит, едва давая мне время поймать себя. В тот момент, когда я выпрямляюсь, он поднимает подбородок.

«Ты пришла сюда, чтобы попросить прощения?»

«Да», — шепчу я. «Я...»

«Разденься», — приказывает он, прерывая мои извинения.

Сдерживая ответную реакцию, я слушаюсь и срываю с себя одежду, пока не остаюсь голой. На улице жарко, но я дрожу под его пылающим взглядом.

Мои соски твердеют под его блуждающим взглядом, заставляя его ноздри вспыхивают. Подавив желание прикрыться, я прислоняюсь спиной к дереву, еще одна дрожь пробегает по моему телу от шершавой коры.

Облизывая губы, он смотрит на меня, как ястреб на мышь. Хищный и полный намерений. Медленно, его длинные пальцы расстегивают пряжку на поясе, а затем выдергивая его из петель черных джинсов.

В моем горле образуется камень, но я не пытаюсь проглотить его, потому что я знаю, что он тут же поднимется обратно. Особенно когда он направляется ко мне, а затем за дерево. Ствол отнюдь не большой, поэтому, когда я собираюсь повернуть голову, его рука появляется сзади и хватает мою челюсть, заставляя ее прямо.

«Лицом вперед, Аделин», — приказывает он, его глубокий голос полон предупреждения.

Его рука отступает, и мое сердце начинает биться неровно, заставляя мое дыхание сбивается. Тяжесть предвкушения душит, и когда я, наконец, вижу его ремень, я не могу не вздрогнуть.

Он проходит петлей через мое горло и вокруг ствола, а затем затягивается, кожа стонет от усилия. Мои глаза выпучиваются, мой драгоценный запас воздуха прерывается в третий раз, когда он снова застегивает пряжку. Этот ублюдок использовал свой ремень, чтобы прижать меня к дереву.

Он выходит из-за моей спины и снова встречается со мной взглядом, его дьявольский взгляд осматривает свой шедевр.

«Ты ебанутый на всю голову», — говорю я ему, а потом кашляю, когда ремень впивается в мою кожу.

Он хмыкает. «Ты используешь красивые слова как острые ножи, и я думаю, что ты привязалась к тому, чтобы видеть на мне шрамы. Они делают твою киску влажной, детка?».

Я поднимаю подбородок, решив пойти другим путем и хоть раз сказать правду. хоть раз.

«Да», — признаю я так твердо, как только могу.

Он смотрит на меня, его несовпадающие глаза такие же напряженные, как холодный ветер, обдувающий мое тело. Бледный шрам, рассекающий его белый глаз, гордо выделяется среди гладкой плоти.

На него больно смотреть.

Его взгляд истончается, и он приближается ко мне, пока я не чувствую блаженное тепло излучаемое его телом.

«Я не имела в виду то, что сказала», — шепчу я, прежде чем он успевает произнести любые слова какие бы слова не вертелись у него на языке. «Мне жаль».

Он делает паузу, и мой дискомфорт усиливается, когда его взгляд становится более пристальным.

«Я дал тебе только честность, а ты продолжаешь лгать. Неужели это еще одна попытка вернуть меня обратно, чтобы потом снова вышвырнуть?»

Я сглатываю, мое горло суше, чем кора, впивающаяся мне в спину.

«Нет», — произношу я, и мои губы дрожат от стыда, который жжет мне глаза.

«Ты прав. Я... Моим словам нет оправдания. Я не хочу, чтобы ты чтобы ты ушел. И я действительно люблю тебя».

«Ты так говоришь», — пробормотал он. Он качает головой и размышляет вслух: «И все же ты пыталась вернуть все назад. Ты дала мне что-то ценное, а потом попыталась вырвать это».

Я качаю головой, отчаяние забивает мне горло.

«Я больше никогда этого не сделаю», — клянусь я, и еще одна слеза прочерчивает дорожку по моей холодной щеке. Это привлекает его внимание, и я наблюдаю, как его глаза сосредотачиваются на ней, отслеживая ее до тех пор. пока она не стекает с моего подбородка.

Когда он снова смотрит на меня, до меня доходит, что это не просто наказание. Это будет испытание, чтобы доказать мою любовь. Чтобы доказать, что я говорю серьезно. когда говорю это.

«Ты порезала меня, потому что знаешь, что я с радостью пролью кровь за тебя. Так что теперь я хочу увидеть, как ты будешь истекать кровью ради меня».

Я открываю рот, готовая сказать ему, что уже сказала, но не успеваю, он нагибается и

хватает с земли длинную шишковатую ветку, сжимая ее в руке.

Все, что я собиралась сказать, кувыркком проносится обратно в горло, и мое сердце замирает в груди.

«Что ты собираешься делать?» спрашиваю я нерешительно, глядя на ветку так, будто он держит пистолет.

Подумайте, дайте мне пистолет. Я уже пережила такое.

В ответ на мой вопрос он отводит руку назад и бьет меня по бедру. На блаженную секунду я слишком шокирована, чтобы почувствовать что-либо, но затем резкая, пронзительная боль настигает меня, и все, что я могу сделать, это испустить придушенный крик. Я в недоумении смотрю вниз на свое бедро, на котором уже краснеет яростная рана. Уже выступает на моей коже.

Моя грудь вздымается, и я вижу, как из раны вытекает струйка крови. стекает по бедру.

Я смотрю на него, рот открыт, глаза расширены, а на моем лице написано полное недоумение.

«Ты, блядь, отхлестал меня», — задыхаюсь я, не в силах сказать ничего, кроме очевидного.

Он приседает, внимательно рассматривая крошечные струйки крови, окрасившие мое бедро. Подняв руку, он проводит пальцами по ране, и я шиплю в ответ.

Он смотрит на меня сквозь густые черные ресницы, и если бы я не была привязана к дереву, я бы рухнула иот грубого напряжения на его лице. «Ты не хочешь пролить за меня кровь?»

Я прикусила дрожащую губу. Я глубоко порезала его, невидимая рана, которая оставит шрам навсегда, как и следы на его теле. Иногда, когда я теряюсь в собственных мыслях, я забываю, как сильно Зейд любит.

«Отдать свое сердце тебе — это то, о чем я молилась, чтобы никогда этого не сделать», — шепчу я.

«Но ты всегда был Богом, и я не понимала, что мои мольбы идут прямо в твои руки. И все же они всегда оставались без ответа».

Видя его сейчас, стоящего передо мной на коленях, я понимаю, почему. В тот день, когда я отдала свою любовь ему, это был первый раз, когда Бог упал на колени, склонил свою голову и молился. Он молился, потому что я дала ему то единственное, что он никогда не хотел потерять ее.

Мое зрение затуманивается, и я с трудом сдерживаю слезы. «Я пролью кровь за тебя, Зейд. Я всегда буду проливать кровь за тебя».

Его глаза закрываются, и он опускает взгляд, прежде чем я могу расшифровать эмоции в них.

Медленно, он встает, и когда он поднимает веки, я не вижу ничего, кроме своего собственного отражения. Я напрягаюсь, но это мало помогает подготовиться к молнии пронзившей мою плоть, когда ветка упала мне на живот.

Задыхаясь от боли, я умоляю: «Дай мне посмотреть на твои шрамы».

Удивительно, но он оказывает мне эту маленькую услугу и снимает свой капюшон с головы.

Я впитываю в себя его обнаженный торс и делаю дрожащий выдох. Место, куда он меня ударил, находится в точно таком же место, как и шрам на его животе. Сквозь затуманенное зрение, я вижу, как он выхватывает руку и наносит еще один удар, зеркально отражающий

его рану на груди, вновь открывая незажившую розу над моим сердцем.

Я сказала ему, чтобы он вырезал эту розу на моей коже, потому что я хотела вынести ту боль которую мы пережили вместе. Когда он снова наносит удар, повторяя еще одну отметину, я понимаю, что он отдает свою боль мне, разделяя ее со мной.

Постепенно ожог от каждой раны становится все сильнее, пока я не чувствую каждый удар агонии в верхней части моих бедер. Кровь покрывает мое тело, раскрашивая мою плоть в мозаику боли и наслаждения. С каждым ударом мой клитор пульсирует, и я становлюсь все более влажной и горячей. Я задыхаюсь, когда он опускает пруттик, мои ноги дрожат и грозят подкоситься.

Его грудь вздымается, а низко сидящие джинсы только подчеркивают, насколько он тверд.

Из его горла вырывается глубокое урчание, когда его взгляд пожирает произведение искусства которое он создал на моем теле. Моя кожа — это холст, на котором он выплескивает свою боль, и я с радостью принимаю каждый гневный удар.

«Я всегда хотел только любить тебя. Но я думаю, что ненавидеть тебя на вкус так же горько-сладко».

«Пожалуйста», — шепчу я, не в силах произнести что-либо еще.

Мгновение спустя я в его объятиях, ремень на моем горле перехватывает мое дыхание. Но мне все равно — я почти ничего не замечаю — когда все, что я чувствую, это скольжение его кожи против моей. Он хватается за ремень и поднимает меня выше на руках, приподнимая кожаный ремень вместе со мной, чтобы приспособиться к моей новой позиции. Мои ноги плотно обхватывают его талию, и я кручу бедрами, содрогаясь от ощущения его твердой длины, скользящей по моей киске, шероховатость его джинсов только усиливает удовольствие.

Его руки скользят по следам, вызывая резкое шипение. Звук быстро проглоченный его губами. Моя спина выгибается, блаженство пробегает по позвоночнику, когда он пожирает меня, его язык прослеживает шов на моих губах, прежде чем погрузиться внутрь, исследуя мой рот, как его руки исследуют мое тело.

Каждое прикосновение причиняет боль, хотя и подпитывает растущий пожар, бушующий под моей кожей. В отчаянии я рву его джинсы, молния едва расстегнуться, прежде чем его член вырывается наружу.

Моя рука обхватывает его длину, вызывая у него дрожь, которая не имеет ничего общего с ветром, который все еще бушует в Сиэтле. Он горячий на ощупь и такой чертовски твердый, что я чувствую шепотку беспокойства.

Но темному богу все равно, что я дрожу. Он хватается за мои колени. и раздвигает мои ноги, освобождая его от моей хватки. Встав передо мной на колени, он закидывает каждую из моих ног себе на плечи и прижимает ротом к внутренней стороне бедра.

Я втягиваю воздух, когда его губы приближаются к ранке, боль вспыхивает когда его зубы погружаются в мою плоть. Кровь капает между его зубами, и я вскрикиваю, когда агония начинает захлестывать меня.

Наконец, он отпускает меня, рядом с раной остается идеальный след от укуса, усеянный слюной.

«Думаю, я мог бы съесть тебя заживо, Аделин. Поглотить каждую частичку тебя, пока ты кричишь подо мной. И даже в смерти ты все равно будешь мучить меня. Я умру от голода, потому что ничто другое не сравнится с тобой».

«Ты никогда не сможешь жить без меня, Зейд», — вздохнула я. «Если ты моя смерть, то я — твой гребанный спасательный круг».

Он шутливо усмехается, наклон его губ опасен, когда он проводит ими по моему бедру и к моей ноющей киске. Я вся мокрая, и малейшее прикосновение его языка заставит меня взлететь.

«Да», — соглашается он. «Ты — единственное, что мне нужно, чтобы выжить. Я последую за тобой в загробный мир, маленькая мышка. И как же ты от меня сбежишь?

Тебе некуда бежать после того, как тебя затащат в ад».

Его рот закрывается на моем клиторе прежде, чем я успеваю подумать, что ответить. Моя голова откидывается назад от взрывного наслаждения, которое вырывается под его искусным языком.

Я вскрикиваю, мои глаза закатываются, когда он работает со мной с такой точностью; как будто я не более чем скрипка, которая поет для него, когда он гладит меня вот так.

То, как я кричу для него, может быть ничем иным, как искусством.

Как он и обещал, он пожирает меня. Кусает и сосет, пока я не прошу о пощаде, а затем лижет меня, пока не останется никаких слов, кроме его имени на моем языке.

Мои бедра сжимаются вокруг его головы, а я бездумно бьюсь об него.

Я взбираюсь на гору, и чем выше я поднимаюсь, тем труднее дышать.

Что за грязная маленькая уловка — обмануть меня в опасности. К тому времени, как я достигну вершины, воздуха не останется, и это восхождение будет только для небес.

Его руки касаются моих избитых бедер, размазывая пунцовые пятна по моей коже и вновь пробуждая острую боль.

Он врезается в меня, отправляя мое тело вниз с этой горы, а мою душу в рай. Крик прорывается через мое сдавленное горло, хриплый и напряженный, когда я прижимаюсь к нему, зажав его между бедер и лишив его кислорода.

Раздвинув мои ноги, он обхватывает меня под коленями и приподнимает немного выше, снимая давление с моего горла. Я кладу свои руки на его широкие плечи, балансируя.

Мое возбуждение блестит на его широких губах, подбородке и вниз по его шеи.

Медленно он проводит языком, собирая его, как бедняк, впервые пробующий деликатес.

Он хмыкает, довольный моим вкусом. Мой желудок сжимается в ответ на почти безумный взгляд его глаз.

Прижимая его теплое тело к себе, я вздрагиваю от ощущения его кожи. прижатой к моей. Я никогда не могла отрицать, как хорошо чувствовать Зейда, даже когда я отчаянно пыталась.

«Обхвати меня ногами», — грубо приказывает он, но его тон тихий. Он убирает свои руки из-под моих бедер, и я плотно обхватываю их вокруг его талии.

Одна рука скользит вверх по внешней стороне моего бедра, а другой он опирается на дерево рядом с моей головой, поддерживая наш вес. Его голова наклонена вниз, нос скользит вдоль моей шеи.

«Я слишком зависим от тебя, чтобы когда-нибудь отпустить тебя», — пробормотал он. Мои глаза трепещут закрываются, очередная доза облегчения ударяет мне прямо в сердце.

«Но я не знаю, как заставить тебя остаться», — продолжает он, его тон темнеет. Я сжимаю брови, чувствуя надвигающуюся опасность на горизонте.

«Я...»

Его подбородок поднимается вверх, пока его рот не оказывается рядом с моим ухом. «Я

тебе не верю», шепчет он, обрывая меня.

Он сказал мне то же самое всего пару недель назад, и я попросила его вырезать розу на моей груди, чтобы доказать свою любовь. Но потом я попыталась забрать ее и я не знаю, как мне снова её доказать. Мое сердце колотится, и я пытаюсь найти способ убедить его. У меня не у меня не самый лучший послужной список — я это знаю. Оттолкнуть Зейда и спастись бегством.

Слишком легко, если быть честной. Но позволить ему ускользнуть сквозь мои пальцы — это то, чего я никогда не могла достичь.

«Я знал, что ты собираешься сделать это со мной, маленькая мышка. Я всегда знал что до этого дойдет», — мягко говорит он.

Я вся в смятении и в ужасе.

«Что ты...»

Прежде чем я успеваю закончить, он наклоняет мои бедра достаточно, чтобы насадить меня на свой член, в тот же момент проникая внутрь меня. Несмотря на то, как я возбуждена, этого никогда не достаточно, чтобы подготовиться к его размеру.

Моя спина прогибается, кожаный ремень держит мое горло в заложниках, как только вырывается придушенный крик, быстро уносимый ветром.

Зейд откидывает голову назад, в его груди нарастает глубокий рык. Он вдавливая меня глубоко в дерево, обхватывая мое бедро в сильной хватке, неуклонно погружая свой член все глубже и глубже, пока я не теряю способность принимать его.

Я издаю еще один придушенный крик, ощущения расходятся от места нашего соединения по всему моему существу. Грубая кора впивается в мою кожу, но я почти не замечаю, когда он так глубоко проникает в мое тело.

Рука, держащая мое бедро, скользит вверх к животу, его пальцы впиваются в мою кожу.

«Неужели то, что ты набухла от моего ребенка, заставит тебя остаться?» — мрачно спрашивает он, а затем застонал, словно испытывая блаженство от этой мысли.

Мой рот разрывается, мое внимание разделено между его почти угрожающими словами и тем, как он двигается внутри меня.

«Ух». Что-то вроде ответа, но это больше похоже на стон. «Может быть однажды?» пискнула я, чуть не закашлявшись, когда ремень сжался на моем дыхательное горло.

Он отстраняется до кончика, затем полностью входит в меня, его его таз скрежещет по моему. Я задыхаюсь, и мои глаза почти закатываются от того, насколько я заполнена. Горячее дыхание обдувает мое ухо, и это похоже на предупреждение. «Я не спрашивал разрешения, детка. Ты останешься или сбежишь с моим ребенком?»

Я настолько дезориентирована его вопросами, что мне требуется мгновение, чтобы сообразить. Мое сердце падает, и я задыхаюсь как от его намека, так и от того, что он снова прижимается ко мне, его таз стимулирует мой клитор именно так, как нужно.

«Ты... у меня внутриматочная спираль», — говорю я. Это будет трудно испортить.

Только если он физически не вытащит ее из моего тела.

«Правда?» — пробормотал он, его глубокий голос был низким и вызывающим. Он задает вопрос таким образом, что он знает ответ на него лучше, чем я.

Мои ногти впиваются в его плечи, и когда осознание начинает приходить, я толкаю его. Конечно, он сопротивляется мне, стальная крепость, которую даже не смогла разрушить даже ядерная бомба.

«Это не так», — огрызаюсь я.

«Ты иногда так крепко спишь», — отвечает он, вжимаясь в меня еще глубже. когда я пытаюсь оттолкнуть его. Он снова выскальзывает из меня, прежде чем врезаться в меня еще раз снова, вызывая смесь между стоном и яростным вздохом.

«Зейд», — предупреждаю я, голос дрожит.

Он стонет во мне, теперь уже уверенно трахая меня.

«Это заставит тебя остаться?» — снова спрашивает он. Я поворачиваю голову к нему, устремляя на него свой взгляд, несмотря на циклон удовольствия, бурлящий в глубине моего живота. Поймав мое выражение лица, этот ублюдок имеет наглость улыбнуться.

«Ты не спрашиваешь, заставит ли меня ребенок остаться. Ты спрашиваешь, останусь ли я. если ты навяжешь мне беременность», — выдохнула я.

Рука, поддерживающая наш вес на дереве, скользит вниз, пока не опирается на ремень, заставляя его затянуться и перекрыть мне доступ воздуха.

Я задыхаюсь, но он не сдаётся. Его глаза дикие, и сейчас я удивляюсь как мои слова могли так глубоко затронуть его.

Иногда он делает самые ужасные вещи, и все же я здесь, в его объятиях даже когда он угрожает мне.

«Я все еще достоин любви, маленькая мышка?» — спрашивает он сквозь стиснутые зубы.

Я пытаюсь сглотнуть, но он застревает у меня в горле.

Черт, этот засранец и вправду воплощает в себе все самое худшее. И он делает это без всяких угрызений совести, выкладывая все свои темные стороны на блюде с голубой каемочкой, бросая мне вызов, приму я это или нет.

Темнота лижет края моего зрения, но я говорю ему правду. Я киваю головой, отвечая на оба его вопроса. Он достоин любви. И я останусь.

Он ослабляет ремень, и я кашляю, отчаянно втягивая воздух, хотя это бесполезно. Любого кислорода, который я собрала в своих легких, выбивается из меня, когда он увеличивает темп, рука на моем животе скользит вниз, пока его большой палец достигает моего клитора, кружась вокруг бутона, пока мои глаза не закатываются.

Я не готова иметь детей. Я никогда не была готова ко всему, что Зейд бросает в мою сторону. Но это не мешает мне встречать его толчки, оргазм зарождается в моем животе.

«Тебе никогда от меня не убежать, мышонок. Думаешь, кто-нибудь когда-нибудь сможет заставить твою киску плакать так, как это делаю я?».

Он поворачивает бедра, задевая ту точку внутри меня, которая заставляет меня сжиматься вокруг него. Я качаю головой, не в силах говорить. Единственное, что я могу сделать, скрести ногтями по его спине и протыкать глубокие, красные порезы на его коже, как он на моей.

Рыча глубоко в груди, он скрежещет зубами, «Я осмелюсь, Аделина. Отрицай, что мое имя не вырезано на каждой звезде, которую ты видишь когда я заставляю тебя кончать, и я покажу тебе, что Бог может создать их так же легко, как и разрушить их».

Узел в моем животе затягивается до предела, и мои стоны превращаются в хриплые крики, когда он жестоко трахает меня у дерева, продолжая обводить мой клитор большим пальцем. Ремень вокруг моего горла впивается в кожу, сдавливая дыхательное горло настолько, что кровь приливает к лицу.

«Только ты», — бормочу я, слова теряются в звуках наслаждения, рвущихся с моих губ.

«Вот так, Аделин. Теперь прими мою сперму, как хорошая маленькая девочка».

Моя спина прогибается, и я извергаюсь, крича от силы оргазма пронизывающего меня насквозь. Я чувствую, как сжимаюсь вокруг него, его член пронзает мою напряженную киску с силой, которая соперничает с удовольствием, поглощающим меня.

Мое зрение гаснет, как солнце за луной во время солнечного затмения.

Его тьма поглощает мой свет, и я решаю, что довольна жизнью в тени.

Его ладонь опускается рядом с моей головой, и с последним толчком он взрывается с глубоким рыком. Прижимаясь бедрами к моим, он опустошает себя внутри меня ругаясь под своим дыханием, пока не выжмет из себя последнюю каплю.

Проходит несколько минут, и мы оба медленно опускаемся и переводим дух. Ну, он переводит дыхание. Я все еще борюсь за свое дыхание из-за ремня на моем горле.

Он усмехается, когда замечает, как покраснело мое лицо — я чувствую, как оно горит под его взглядом. Потянувшись, он расстегивает пряжку, и ремень падает через секунду.

Моя грудная клетка выпирает от того, как глубоко я вдыхаю, чувствуя, что делаю первый вдох после долгого утопления.

Так я однажды описала, что чувствовала любовь Зейда, и до сих пор это никогда еще не было так верно.

Пока я все еще пью драгоценный кислород, он зажимает мою челюсть между своими пальцами и переводит мой взгляд на него.

«Больше никогда, Аделин. Я могу вынести, что ты оттолкнула меня, когда ты когда ты еще только начинала понимать, что чувствуешь ко мне. Но больше нет. Это был твой последний срок. Понимаешь?»

Я киваю, стыд разгорается вновь. «Да, больше никогда. Прости меня», — кричу я крепко обхватив его шею. «Но я надеюсь, ты знаешь, что я всегда буду убегать от тебя. Мне нравится, как ты преследуешь меня».

Он прикусывает губу, в его глазах вспыхивает жар. Наклонившись вперед, я целую его нежно, молясь, чтобы он почувствовал, как сильно я это понимаю.

Его рука ныряет в мои волосы, усиливая сладость до чего-то более дикости. Но слишком быстро он отстраняется. Я бегу за ним, краду еще один. прежде чем он опускает меня на землю, поддерживая меня, пока мои ноги привыкают держать мой вес. Они яростно трясутся, и я знаю, что у этого мудака эго снова раздувается.

«Тебе нужна инвалидная коляска, детка?».

Я фыркаю и бормочу: «Нет», оскорбленная его огромной головой. «Они просто устали от того, что ты заставил меня бежать».

Он усмехается, прекрасно зная, насколько это неправда. Но я улыбаюсь в ответ, и понимаю, что мне нравится, как Зейд смеется, так же, как и то, как он наказывает меня.

«Что они будут чувствовать, когда ты будешь на девятом месяце беременности, а я буду бегать за тобой?»

Я поджимаю губы, но потом победно улыбаюсь, когда понимаю, что у меня даже нет овуляции. Когда я говорю ему об этом, он только ухмыляется.

«Я не вынимал твою внутриматочную спираль», — говорит он, наклоняясь, чтобы собрать нашу одежду.

У меня открывается рот. «Тогда какого хрена все это было?»

Он пожимает плечами, все еще ухмыляясь, натягивает джинсы и смотрит на свой телефон. прежде чем снова спрятать его.

«В смысле, не пойми меня неправильно, я чертовски рад. Но что за дерьмо, Зейд?»

«Мне нужно было убедиться, что ты на сто процентов согласен со мной. Ребенок — единственное, что может навсегда связать твою жизнь с моей. По крайней мере, юридически.

С этической точки зрения... ну, я всегда буду в твоей жизни, знаешь ты об этом или нет».

Покачав головой, я натянула джинсы на тело, грубая ткань больно трется о рубцы на ногах. Моя рубашка чувствует себя не намного лучше.

«Да, неважно», — бормочу я. «Ты — козел».

Он снова смеется, принимая это заявление без малейшего намека на стыд.

Он поворачивается, чтобы идти обратно к поместью Парсонов, но я хватаю его за руку, разворачивая его обратно к себе.

«Больше никакой лжи», — говорю я. «Ни от кого из нас».

«Детка, я никогда не лгал. Я никогда не говорил, что вынул твою внутриматочную спираль».

«Но ты все равно заставил меня поверить в это», — возражаю я.

Он злобно ухмыляется, одна сторона его губ приподнята.

«Когда ты забеременеешь от меня, ты об этом узнаешь», — обещает он, хотя это звучит как очередная угроза. «Ты увидишь, как я вытащу внутриматочную спираль из твоего тела».

Я с удивлением обнаружил, что Джей сидит на диване рядом с Дайей, и оба они в своих компьютерах. Он подскочил на десять футов, когда мы вошли, все еще явно напуганный помещьем.

«Какой призрак тебя наебал?» — спросил я, ухмыляясь.

«Чувак, клянусь Богом, я ссал, и что-то дышало мне в шею. Я просто ждал, когда оно попытается меня поддеть».

Дайя смотрит на меня, на ее лице задорное выражение. «Я сказала ему, чтобы он пришел поговорить со мной, когда пойдет на чердак. Я до сих пор злюсь на Адди за это».

Глаза Адди расширяются. «Это было один раз!» — защищается она. «И ничего с тобой не случилось», — бормочет она, опускаясь на диван напротив нее. Я сажусь рядом с Адди, пока Сибби рычит и захлопывает ящиком на кухне, злясь на что-то. Снова.

«Я потеряла душевное спокойствие. Вот что со мной случилось», — возражает Дэйя.

«Этот демон мог привязаться ко мне, и тогда я бы принесла его домой и жила бы в мучениях до конца своих дней».

«Разве можно в этом винить? Ты — полный комплект», — говорит Адди, усмехаясь когда Дайя сужает глаза.

«Льстить мне получается только иногда».

«А сейчас работает?»

«Немного».

«Ребята, вы не видели мой розовый нож?» Сибби кричит из кухни, бешено открывая и закрывая ящики и шкафы.

Я стал глубоко заботиться о Сибби, как о раздражающей, психованной младшей сестре.

Но, черт возьми, мне придется найти для нее дом и работу. Дать ей цель в жизни, а не раздражать меня до смерти.

«Ты спросил Шакала?» — спрашиваю я, вскидывая бровь, когда она смотрит на меня сузившимися глазами. Она чертовски хорошо знает, что я имею в виду тот случай, когда она почувствовала необходимость поделиться с классом тем, что Шакал трахнул ее в задницу своим ножом. Как будто кто-то хочет это знать.

«Он использовал его на мне только один раз, и я думаю, что помню, как мне засунули нож, засунутый в мою...»

«Может, ты уронила его где-нибудь в своей комнате», — срочно вклинилась Адди.

Она хмыкает.

«Я уже проверила там, но я посмотрю еще раз», — бормочет она хмурясь, идет к лестнице. Единственное, что еще способно кроме потери приспешников, — это потеря ножа.

Джей прочищает горло, его щеки краснеют, когда он переводит взгляд на Сибби, отчасти заинтригованный и частично обеспокоенный.

«Кажется, теперь я знаю, кто партнеры Клэр, наконец-то», — объявляет Джей, уводя тему от призраков и траханья ножами со стороны воображаемыми людьми.

Мои брови удивленно вскидываются.

— Да?

Мы пришли к выводу, что если мы сможем добраться до ее партнеров, будет гораздо легче выманить Клэр с ее уютного островка.

Я готов сказать «к черту» и взорвать его. Я мог бы получить ресурсы, но это займет слишком много времени. И как бы я не был искушен собрать как можно больше людей в организации Z и вторгнуться на ее остров, у нее там небольшая армия, и я не хочу жертвовать столькими ценными жизнями ради этой сучки. Не тогда, когда вместо этого я могу пожертвовать жизнями ее партнеров.

«Как вы знаете, она общалась с двумя источниками, но их IP адреса были отслежены, а личности скрыты. Но отправка дрона была успешной, и я только что получил информацию, что она заказала рейс для тех самых двух людей, чтобы они навестили ее. Их имена были в бортовом журнале», — говорит он мне, доставая информацию и поворачивая свой ноутбук, чтобы показать мне. Гэри Лоусон и Джеффри Шелтон.

«Они оба лоббисты», — добавляет Дайя.

«Подходит», — бормочу я, рассматривая фотографии этих двух мужчин на экране Джея.

Типичные, жутко выглядящие старики, у которых встает на дыбы от маленьких детей и от того и делают американцев как можно более несчастными, живя при этом роскошно.

«Когда рейсы?»

Джей усмехается, его ореховые глаза пылают от возбуждения.

«Завтра. Они вылетают из частного аэропорта в Лос-Анджелесе».

Я поворачиваюсь к Адди и замечаю крошечную веточку, торчащую из ее волос, вместе с кусочками коры, грязи и маленьким листком. Есть также небольшие пятна крови, которые начинают просачиваться сквозь ее голубую футболку, хотя она изо всех сил старается скрыть их. Хуже всего то, что вокруг ее горла уже образовался глубокий синяк, и я буду чертовым лжецом, если скажу, что это не заставило мой член затвердеть снова и снова.

Мне требуется усилие, чтобы сдержать улыбку. Она выглядит совершенно опустошенной, она пытается делать вид как будто это не так.

Посмотрев на меня, она бросает на меня взгляд, который говорит: «Заткнись, а не то». Ухмылка начинает проскальзывать.

Такая пугливая маленькая мышка.

Но на этот раз я послушаюсь.

Что очень трудно сделать, когда Дайя тоже смотрит на нее, подняв брови.

Адди только поджимает губы, и я чувствую, что они будут обсуждать в деталях как близко она познакомилась с тем, что может предложить природа.

«Это даст нам достаточно времени, чтобы перехватить их полет».

Адди качнула головой в сторону, любопытствуя. «Что вы планируете делать?»

Теперь я распускаю ухмылку, и дикость прорывается наружу.

«Я точно знаю, как мы заставим ее прийти к нам».

Ее брови сошлись в любопытстве. «И как именно?»

«Гэри Лоусон и Джеффри Шелтон вступят в противостояние с Z. И угадайте, кто проиграет?»

«Они», — уверенно предположила Адди.

«Нет, детка. Я».

Адди подпрыгивает на носочках, нервная энергия исходит от нее волнами.

Она была беспокойна с тех пор, как мы приехали в аэропорт несколько часов назад.

Мы прилетели в Лос-Анджелес так быстро, как только могли, чтобы у нас было время спланировать и подготовиться. Сейчас мы ждем частный самолет на взлетной полосе, и она начала превращаться в Тасманского дьявола из «Looney Tunes».

«Почему бы тебе не присесть? Они чертовски удобные», — предлагаю я.

Чтобы подчеркнуть свою точку зрения, я закидываю ноги на маленький коричневый деревянный столик передо мной и откидываюсь назад.

«Как ты можешь быть таким расслабленным прямо сейчас?» — спрашивает она, но она смотрит на сиденье, как будто ей не повредит, если ее задница посидит на нем хотя бы секунду.

«Это наименее захватывающая вещь, которую я когда-либо делала во время работы».

Она вскидывает бровь, и если бы я не знал ничего лучше, я бы подумал, что она обиделась.

«Ну, это чертовски грубо», — сухо говорит она. Определенно обиделась. Я усмехаюсь.

«Не хочешь подняться на переднее сиденье и трахнуть рядом с мертвым пилотом?» спрашиваю я, очень заинтересованный в том, каким будет ее ответ.

Она всегда меня удивляет.

Как только она открывает рот, раздаются далекие голоса, отвлекая ее, как собака, заметившая кошку.

Черт. Придется вытягивать из нее этот ответ позже.

Голоса приближаются, и она мгновенно встает, вскидывая плечи, чтобы снять с них напряжение. Она еще не привыкла ходить на миссии, и ее тревога сохраняется, несмотря на то, что она может бороться. Бывают дни, когда она пробивается даже сквозь мою защиту и валит меня на задницу.

Но то, как она выглядит сейчас, похоже на то, что она вот-вот предстанет перед судьей и получить пожизненный приговор или еще какую-нибудь хрень.

«Не стоит недооценивать себя, Аделин», — лениво рисую я, мои мышцы вялые и расслабленные. Обычно так бывает, когда кровь вот-вот прольется на мои руки.

«Я и не недооцениваю», — защищается она. «Они старые, дряблые мужчины. Их охранники...»

«Это мои люди», — закончил я. Рот Адди складывается в букву «О».

«Ты хитрый пес», — шепчет она, улыбка расплывается на ее пухлых губах. Эти карамельные глаза смотрят на меня с веселым блеском.

Мы оба затихаем, когда двое мужчин и их охранники подходят и начинают подниматься, металл звенит под их весом.

«В конце концов, ей придется вернуться в Штаты», — бормочет один из них с раздражением.

Первым в подъезд входит Майкл, и я почти смеюсь, когда он вынимает пистолет из кобуры и направляет его на меня.

Джефф и Гэри следуют позади, а еще один из моих людей, Барон, идет сзади.

«Что здесь происходит?» восклицает Гэри, двое стариков останавливаются и отступают назад, как только видят нас.

Я поднимаю руку в приветственном жесте. «Я пришел сдать, Гэри. Почему иначе зачем бы я здесь оказался?»

«Сдать себя — о чем ты вообще говоришь? Кто вы?»

«Ах, ужасно жаль», — говорю я, ухмыляясь. Я тянусь к сиденью рядом со мной беру свою маску и прижимаю ее к лицу. «Как насчет сейчас?»

Комично, как быстро они бледнеют, и их глаза расширяются, узнавая мою маску по моему появлению на телевидении.

Бросив ее в сторону, я поддразниваю: «Вам понравилась моя презентация? Я действительно нервничал».

Гэри брызжет слюной, не зная, что ответить. Я встаю, и они тут же отступают, два неуклюжих идиота, которые натываются на Барона в попытке создать дистанцию, но наемник как кирпичная стена.

Джефф поворачивается к Майклу, его лицо начинает краснеть. «Почему ты не стреляешь в него? Стреляй в него!»

Майкл просто тупо смотрит на него, отчего его лицо становится багровым. Затем он опускает пистолет и улыбается, когда Джефф начинает бессвязно лепетать.

«Я вижу, ты удобно устроился за дымовой завесой», — замечаю я.

«Доволен тем, что выкрикиваешь требования, и в безопасности от того, что никто никогда не узнает, кто ты».

«Лень», — добавляет Адди. Теперь ее тело расслаблено, и вместо ее тревожной позы она — обходительная кошка, ее когти вытянуты и готовы перерезать несколько глоток.

Добыча становится хищником.

Она — самое прекрасное создание, которое я когда-либо видел.

Гэри устремляет на нее свой взгляд, из его глаз выстреливают лазеры, но если он ожидает, что это ее запугает, то он жестоко ошибается.

«А ты кто, черт возьми, такая?»

Она поворачивается ко мне, на ее лице глупая улыбка. «Я действительно хотела сказать что-нибудь пошленькое. Твой худший кошмар», — насмехается она, глаза комично расширились, когда она снова встретилась взглядом с Гэри.

Он рычит на нее, явно не забавляясь. Я, с другой стороны, улыбаюсь, как идиот.

Она небрежно машет рукой. «Нет, правда, я тот бриллиант, который вы все так любите. Мне даже обидно, что вы меня не узнали. Особенно потому что вы, ребята, так часто попадаете мне в задницу».

Лицо Джеффа опускается, ясность всплывает теперь, когда он понимает, кто она такая. «Очевидно, что это была блестящая идея Клэр преследовать моих родителей, но разве кто-нибудь из вас тоже имеет к этому отношение?» Адди спрашивает, тьма скользит по ее чертам. Исчез легкомысленный юмор. Гарри даже не может скрыть больной триумф на своем лице. Адди ловит его взгляд и, не говоря ни слова, поднимает пистолет и стреляет ему прямо в коленную чашечку.

Глаза старика выпучиваются, и он мгновенно падает с криком и кровью.

Джефф снова сталкивается с Бароном, пот блестит на его редющих волосах.

Он смотрит на своего партнера с пепельным цветом лица.

«Ты, гребаная сука!» — восклицает Гэри. Злость лижет мои нервы, и я стреляю в его второе колено, вызывая еще один болезненный крик из его горла. Майкл и Барон качают головами, глядя на эту парочку, как на самых тупых людей. на свете.

Я вынужден согласиться.

«Теперь нам придется вынести тебя, Гэри. Ты такой доставляешь неудобства. Итак, вот

как это будет происходить. Ты пойдешь с нами с нами, и мы вернемся в Сиэтл и в хорошее, уединенное место, где я буду связан и с кляпом во рту. Может быть, я позволю моей девочке нанести несколько ударов тоже. Адди тоже будет связана, но ее никто не тронет».

Даже в таком состоянии Гарри смотрит на меня с недоверием.

«Затем ты позвонишь Клэр и сообщишь ей, что ты поймал Z и бриллиант. Скажи ей, чтобы она пришла к тебе, раз уж мы были задержаны».

«С какой стати нам это делать?» спрашивает Джефф, его лицо дергается от смеси эмоций.

«Я думаю, пришло время Клэр выйти на сцену, не так ли? Она пряталась достаточно долго».

Джефф и Гэри смотрят друг на друга, у последнего пот течет реками по его пылающему красному лицу от агонии.

«Я не хочу участвовать в вашей затее», — начинает Джефф, но я поднимаю руку, пресекая бесполезное дерьмо, которое собиралось вылиться из его рта.

«В том-то и дело, Джеффри. У тебя нет гребаного выбора».

* * *

Джеффри по-прежнему считает, что у него есть выбор.

Весь полет и дорогу до места назначения в Сиэтле он умолял о своем выборе. Это была идея Клэр. Они просто одобряют ее деловые начинания и помогают ей с логистикой и деньгами.

Бла-бла-бла.

И только когда Адди переползает с пассажирского сиденья на заднее и упирается свой пистолет в его колено, он наконец-то замолкает, щелкая своими вставными челюстями так так плотно, что они могут стать постоянными.

Майкл привозит нас на заброшенный винный завод, проржавевший от природы. Это напоминает мне поместье Парсонс, почти. Заросшая виноградная лоза, вьющиеся по бокам серых каменных стен. И одинокое здание в поле винограда и высокой зеленой травы.

Фургон трясется на неровной грунтовой дороге, почти поглощенный растительностью вокруг. Гарри лежит на полу, обнимая свои окровавленные колени, становясь все бледнее бледнее с каждым ударом. Барон перевязал их, чтобы остановить кровотечение, но он похоже, на грани потери сознания. Как только это произойдет, он не проживет долго. Если он умрет. В любом случае, нам нужен только один из них.

Майкл паркует фургон у здания и выпрыгивает, и идет впереди нас, чтобы сломать заколоченные двери, а Барон помогает мне вынести бесполезное тело Гарри из фургона. Внутри винодельня такая же призрачная, как и снаружи. Лозы заразили и внутренние стены. Сорняки пробиваются сквозь трещины в фундаменте, их собственные стебли тянутся по полу.

Это огромное открытое пространство, некоторые из оставшихся механизмов заржавели и покрыты пятнами. Под потолком проложены трубы, и некоторые из них из них начинают ломаться и прогибаться.

Я оттаскиваю Гэри в сторону и ставлю его прямо под свисающей трубой, предоставляя Иисусу решать, хочет ли он послать этот тяжелый кусок металла вниз вниз на его голову.

Если он достаточно разозлит меня, я могу даже сбить его. сам. Я бросаю его недоброжелательно, игнорируя его проклятия, пока Барон провожает Джеффа внутрь, заставляя его встать рядом со своим покалеченным партнером.

Адди несет три металлических стула, несколько веревок обмотаны вокруг ее руки. Я бы предложил свою помощь, но она бы меня за это отлупила. Я бы с радостью отдал их в любом случае.

Она так выросла в своей силе и независимости с тех пор, как пережила торговлю людьми, и иногда у меня физически болит грудь от гордости и желания трахнуть ее.

Она смотрит на меня, плотская улыбка на ее лице, когда она ставит стулья на место и открывает их. Я подхожу к ней, наслаждаясь тем, как ее маленькое тело напрягается от потребности. На ее горле красуется черно-синее кольцо, и каждый раз, когда я вижу его, зверь, запертый в моей грудной клетке, вздрагивает.

«Если бы я не знал ничего лучше, я бы подумал, что тебе хочется сделать мне больно», — пробормотал я, с желанием наблюдая за покачиванием ее округлых бедер.

«Ты будешь беспомощным маленьким котенком», — воркует она, ухмыляясь еще шире, когда я бросаю на нее мрачный взгляд.

«Ты все еще будешь так думать, когда окажешься зажатым между моих зубов?» Я хватаю ее за горло и притягиваю к себе, ее карамельные глаза расширяются от вожделения. Я провожу губами по краю ее рта, выдыхая дрожащий выдох.

«Я был беспомощен только тогда, когда полюбил тебя. И ты можешь иметь всю власть надо мной, маленькая мышка, но я никогда не был беззащитным. Не принимай мой недостаток контроля за слабость. Все способы, которыми я причиняла тебе боль. всегда были намеренными».

Она сдерживает улыбку, прежде чем ее кулак разворачивается и попадает прямо в мою щеку. На краткий миг мое зрение потемнело, а затем мое равновесие нарушается, когда она крутит меня и толкает обратно в металлический стул.

Мой вес почти отправляет его назад, но ее нога зацепляется за волосы между моих ног, не давая мне упасть, но очень близко к тому, чтобы раздавить мой член.

Кажется, что мои кости трещат от монстра внутри меня, который борется за то, чтобы вырваться наружу, и рык вырывается из моих губ. В тот момент, когда я собираюсь броситься на нее, она хватается за горло, толкает меня обратно вниз и забирается на меня сверху, обхватывая мою талию своими толстыми бедрами. Мои руки приземляются на ее бедра и сжимают их, пока она наклоняется вперед.

«Не принимай мою покорность за слабость, детка, — дышит она мне в ухо, голос хриплый от желания. — Все способы, которыми я собираюсь причинить тебе боль, будут намеренными».

Прежде чем я успеваю сформировать угрозы, поднимающиеся к горлу, ее губы врезаются в мои, не только заглушая мои мрачные обещания, но и полностью разрывая их на куски.

Ее рот дико движется по моему, и я теряюсь от того, как она повелевает мной. Я мог бы перевернуть ее так легко, но мне чертовски нравится склоняться перед маленькой темной богине.

Схватив мои руки, она заводит их за стул, сжимая их вместе.

Резкая боль пронзает мою нижнюю губу, ее зубы впиваются в нежную плоть и тянут кровь. Прежде чем я успеваю огрызнуться, она отстраняется и с гордостью оглядывает мое

лицо.

Только тогда я замечаю, что веревка крепко завязана вокруг моих запястий. Если бы я не был в нескольких секундах от того, чтобы вырвать ей горло и трахнуть ее вслепую, я был бы впечатлён.

— Синяк под глазом и окровавленная губа. Думаю, на сегодня достаточно надирать тебе задницу. — Она крепко шлепает меня по щеке в стиле «хорошая работа», прежде чем слезла с меня и уселась на стул рядом со мной.

Все, что я могу сделать, это смотреть на нее и фантазировать о том, как я собираюсь наказать ее за это позже. Но так же хорошо, что мой член тверже гранита потому что это была, наверное, одна из самых горячих вещей, которые я когда-либо испытывал в моей жизни. Каждый раз, когда я думаю, что никогда не был тверже, она идет и доказывает, что я не прав.

Почувствовав мои коварные мысли, она передергивает плечами, изображая скуку.

Адди всегда была бегуньей — особенно по правде.

«Если ты закончила с прелюдией, давай закончим это, да?» говорит Майкл, стоя рядом с покрасневшим Джеффом со скрещенными руками и скучающим выражением на его лице. Этот сопляк тоже лжец и, вероятно, подстроился, пока я отвлекся.

Гэри все еще стонет на полу, а Джефф неловко переминается рядом с ним, его глаза прыгают повсюду, избегая моего взгляда.

Сделав глубокий вдох, я пытаюсь сосредоточиться на ситуации.

«Не похоже, что мы задели бедренные артерии, так что у него будет очень медленная смерть. Пусть пока помучается в углу».

Майкл кивает, хватая Джеффа за руку и тащит его к нам.

«Свяжите меня, Барон», — говорит Адди моему наемнику, который прислонился к стене справа от меня. Она ухмыляется, потому что прекрасно знает как заманчиво это прозвучало.

«Ты хочешь, чтобы меня убили?» спрашивает Барон, его глубокий баритональный голос звучит все громче.

Адди закатывает глаза.

«Я не позволю ему убить тебя».

Она не должна быть так уверена в этом. Но я держу рот на замке и пристальный взгляд, когда он сдается, зная, что он или Майкл — единственные варианты связать ее, учитывая, что она уже связала мне руки.

Барон быстро расправляется с веревкой, отступая в сторону, прежде чем я успеваю найти причину отрубить ему руки. Кого я обманываю? Мне не нужна причина.

Майкл поворачивается к Джеффу.

— Дай мне свой телефон, — требует он, а затем грубо выхватывает аппарат из рук старика, как только тот достает его из кармана.

— Ладно, детишки, похоже, что ваши задницы только что надрали два старика, которые выгнули спины только от того, что подняли свои маленькие члены, чтобы поссать.

Он мог бы просто сказать, скажем, «сыр» и получить тот же результат.

Я смотрю на него, и Адди отворачивает голову, зажмуривая глаза, как будто слишком стыдно, что ее фотографируют.

— Немного тряски, дерьмовый ракурс, и вуаля, типичная фотография, сделанная дегенератом, — говорит Майкл, победно улыбаясь после того, как делает снимок. Затем он

поворачивает телефон к Джеффу. — Что бы ты обычно сказал, если бы сделал такую фотографию?

Джефф смотрит на снимок.

— Что мы зря потратили деньги на всех остальных тупых ублюдков и должны были сделать это сами с самого начала, — плюется он. Как только он осознает, что он помог сообщению Майкла выглядеть подлинным, буквально взяв слова из его уст, его глаза темнеют от ярости.

Пальцы Майкла летают по клавиатуре, произнося слова вслух, пока он чтобы разозлить Джеффа. Затем он делает паузу и смотрит на старика с ехидной ухмылкой.

— Эй, как пишется «тупой»?

На лбу Джеффа пульсирует вена, и Майкл смотрит на него так: «Ты что, блядь, издеваешься?» Майкл просто смотрит, намереваясь заставить его произнести это слово по буквам.

Рыча, он выплевывает каждую букву сквозь стиснутые зубы. Закончив печатать, Майкл грубо хлопает его по плечу и говорит:

— Спасибо, парень. Без тебя я бы пропал.

Адди хмыкает, и теперь мне придется высечь и Майкла тоже, только за то, что он рассмешил мою девочку.

— Z официально пойман, — объявляет он и нажимает кнопку «Отправить» с триумфом. — А теперь... мы ждем.

— Надеюсь, ты не настолько глуп, чтобы сказать Клэр, что они надрали нам задницы, — говорю я Майклу, кивая в сторону Джеффа.

Он машет рукой.

— Не волнуйся, принцесса, она узнает, что для этого потребовались все военные, чтобы уничтожить большого плохого волка. Ваша репутация не будет запятнана.

— Я не беспокоюсь о своей репутации. Это просто неправдоподобно.

Мое равновесие пошатнулось, когда мои ноги повисли над обрывом. Я сижу на самом краю и просто жду, когда земля подастся подо мной и отправит меня разбиться о скалы внизу.

Я балансирую на грани жизни и смерти, и возбуждение, которое я испытываю, неоспоримо. Мое сердце в животе, и хотя для того, чтобы упасть, мне нужно засунуть голову между ног, чтобы я упал за карниз, мне кажется, что один дюйм вперед, и моя жизнь закончена.

Мне это нравится.

Солнце начинает опускаться в небо из сахарной ваты, прекрасная гамма цветов тянется ко мне. Я не уверена, что именно красота передо мной или моя шаткая игра со смертью заставляет меня чувствовать себя живой. Хотя и то, и другое способно заставить меня почувствовать себя ничтожным.

«Итак, я вижу, сегодня день, когда мы оба умрем», — объявляет Зейд сзади меня, заставляя меня подпрыгнуть.

«Почему мы оба умрем?»

Глупый вопрос. Я знаю, что он собирается сказать, как только последнее слово покидает мой рот.

«Потому что если ты упадешь, я последую за тобой».

«Клэр была бы рада этому», — говорю я, ударяя ногами о камень. «Твоя смерть была бы лучшим, что когда-либо случилось с ней».

К всеобщему удивлению, она задала миллион вопросов, прежде чем поверила, что Джефф и Гэри действительно захватили Зейда и меня. Ему пришлось объяснить, как они нашли Z. По пути в Лос-Анджелес они получили информацию, что Зейд будет охотиться за аукционным домом в Вашингтоне, поэтому они быстро организовали переворот и захватили его. Конечно, я прибежал, когда узнал, что его держат в заложниках, И вуалья. Z и бриллиант были захвачены.

Когда она хотела позвонить по FaceTime, мы могли видеть намерение в глазах Джеффа за милю. В ту секунду, когда она с ним разговаривала, он планировал разоблачить нас. Но Зейд уже предвидел это. Нетрудно предположить что старый пердун попытается нас обмануть. Он так же предсказуем, как и глуп.

У каждого есть слабое место. Мягкое место, как на затылке у младенца.

Достаточно сильно ударить по этому месту, и с ними покончено.

Из всех людей — его жены, детей и любовницы — катализатором стала его мать.

Забавно, что он маменькин сынок, когда женщины — это главное, что он не уважает.

Бернадетт Шелтон и так уже почти на смертном одре, но после того, как один из наемников Зейда сделал душераздирающую фотографию, на которой она лежит в постели на кислороде, а его пистолет наведен на баллон, Джефф решил действовать правильно. Он не знает, что Зейд чуть не надрал задницу своему сотруднику за это и заставил его оставить ей съедобное угощение для устрашения, но угроза сработала несмотря ни на что.

Зейд подготовил Джеффа к рассказу, тот ответил на вопросы Клэр, и она решила, что все достаточно законно, чтобы покинуть свой уютный остров.

Миссия выполнена.

Ее рейс составляет шестнадцать часов, поэтому мы вернулись в Парсонс, чтобы поспать, пока Зейд с командой присматривает за Джеффом на винокурне. Гэри... ну, он умер. Он был бесполезен со своими простреленными коленями, так что Майкл наконец-то избавил его от страданий.

«Мальш, если ты хочешь моей смерти, я дам тебе нож, чтобы ты воткнул его мне в грудь. Отправлять нас обоих в пропасть было бы немного чересчур».

«А я думала, что моя мама была драматичной», — бормочу я.

Я все еще стою к нему спиной, но, клянусь, я слышу, как этот ублюдок ухмыляется. «Ты права, ты разумная».

Вот Долбодятел.

«Не хочешь рассказать мне, почему ты здесь?»

«Не мог заснуть. Снова слышала шаги», — признался я.

«Похоже, они проявляют твои страхи», — говорит он. Его присутствие приближается ко мне, и я чувствую, как он приседает рядом со мной. Если земля подо мной не подвергалась испытаниям раньше, то с его весом она определенно стала такой.

«О чем напоминают тебе шаги?» — шепчет он мне на ухо.

«О моей несвободе», — отвечаю я, глядя на залив. «Они напоминают мне о том, в какой ловушке я была. Каждый раз, когда я слышал, как ее каблуки приближаются ко мне, за этим всегда следовало что-то ужасное, и этого никогда нельзя было избежать. Однажды я услышала их и попытался выбить все гвозди из окна, чтобы выброситься из окна. Мне было все равно, если бы это меня убило. Все, чего чего я добилась, так это сломала ногти».

Его руки ложатся на мои бедра, и он притягивает меня назад, прижимая к своей твердой груди.

«Значит, сидя на краю этого обрыва, ты чувствуешь себя свободной?»

«Да», — говорю я, поворачивая голову, чтобы посмотреть на него. Его глаза блестят в солнечном свете, и я не могу сказать, что опаснее: край этого обрыва или то как Зейд смотрит на меня. «И это заставляет меня чувствовать себя живой».

Его рука обхватывает мое горло, откидывая мой подбородок назад. Его полные губы касаются моих, вызывая резкие мурашки по всему телу.

«Это обещание смерти заставляет тебя чувствовать себя живой, маленькая мышка?»

«Да», — шепчу я, и между нашими губами танцует электричество.

«Тогда мы оба вкусим рай вместе», — прошептал он.

Он целует меня мягко и медленно, и я чувствую каждую секунду этого в своей душе.

Отстранившись, он говорит: «Встань ко мне лицом, детка».

Прикусив губу, я кручусь и опираюсь на руки, сгибая колени и раздвигая их.

Его глаза опускаются, путешествуя по изгибам моего тела, посылая мурашки по моему позвоночнику. Он смотрит на меня так, словно хочет разорвать меня на части своими зубами, и я не думаю, что смогла бы остановить его, даже если бы он попытался.

Мое дыхание сбивается, когда его рука проскальзывает под мою футболку, и я дрожу от ощущения его кожи на моей. Медленно, он поднимает ткань вверх, пока я не вынуждена наклониться вперед, чтобы он мог снять ее совсем.

Я снова дрожу, ветерок шепчет по моей разгоряченной плоти.

«Ты доверяешь мне?» — спрашивает он.

«Да», — отвечаю я без колебаний.

Он кладет руку мне на грудь и грубо толкает меня. Я задыхаюсь, убежденная то сейчас упаду с обрыва, но он ловит меня. Я лежу на спине, и только моя голова болтается над краем, но это не успокаивает абсолютную панику, циркулирующую во всем моем организме.

Я поднимаю голову и смотрю на него широко раскрытыми глазами, мое сердце бешено колотится.

«Господи», — выдыхаю я. Он ухмыляется, тянется ко мне и расстегивает лифчик, мои соски сразу же затвердели от прохладного ветерка.

Затем он нависает надо мной, его тепло проникает в мою плоть, когда он проводит губами по моей челюсти и вниз по шее.

«Он не тот, кому ты должна молиться», — мрачно пробормотал он, посылая дрожь по моему позвоночнику. «Только я буду твоим спасением».

Его пальцы хватают пояс моих леггинсов и стягивают их вниз, снимая вместе с ними трусики. На улице тепло и душно, но целая неделя дождей принесла прохладный туман, от которого моя кожа покрылась мурашками. мурашки.

«Возвращайся», — приказывает он.

Нервно сглатывая, я делаю то, что он говорит, и меня одолевает головокружение и страх. Адреналин в моем организме становится более мощным, и мое сердце бешено колотится.

Его губы шепчут по моей груди, по выпуклостям моих грудей и к моим соскам. Его язык выныривает, щелкая по одной из затвердевших вершин, прежде чем его теплый рот накрывает ее и резко всасывает.

Я стону и выгибаюсь в нем, движение заставляет мою голову скользить дальше вниз, и я чуть не выпрыгиваю из кожи. Он мрачно усмехается, отпуская мой сосок, затем перемещается вниз по моему телу.

Мое сердце почти вырывается из горла, но я чувствую, как мои бедра становятся скользкими от возбуждения. Особенно когда он медленно раздвигает их, покусывая мою чувствительную кожу, спускаясь к моему центру.

К тому времени, когда его горячее дыхание обдувает мою киску, мои ноги дрожат и болят от укусов его острых зубов.

Он нежно целует мой клитор, и я снова вскакиваю, когда его пальцы ласкают мою щель, собирая мое возбуждение на своих пальцах.

«Иди сюда», — приказывает он. Я поднимаю голову, голова кружится от того, что мир снова перевернулся. Он приоткрывает мой рот и кладет свои пальцы на мой язык.

Инстинктивно я сосу, и Зейд раздувает ноздри.

«Вот какова на вкус свобода. Я хочу, чтобы ты почувствовала это на своем языке пока ты смотришь на ночь, а я показываю тебе, насколько абсолютна твоя жизнь».

Его пальцы отходят, и он ударяет меня по подбородку, показывая, чтобы я снова опустила голову. Я так и делаю, мое зрение затуманивается.

Эмоции забивают мое горло, задерживая вкус во рту, пока он возвращается к моей киске. Я дрожу, когда его язык медленно скользит по моей щели, тщательно вылизывая меня и издавая стоны при этом.

«Чертова нирвана», — мурлычет он, погружая свой язык внутрь меня, прежде чем поднимается к моему клитору.

Я задыхаюсь, когда он сильно сосет, закат расплывается, и мои веки трепещут, когда он начинает поглаживать чувствительный бутон. Моя спина снова выгибается, но на этот раз, я

готова к маленькой капле и к тому, как она перехватывает мое дыхание.

Мои руки выгибаются, хватаясь за траву и грубо дергая, когда он задевает место, отчего из моего горла вырывается резкий стон.

«Зейд», — умоляю я.

Его пальцы снова соединяются с его ртом, два из них погружаются внутрь меня и выгибаются, и я поворачиваю бедра к его лицу так грубо, что чувствую, как мое тело спускается по краю обрыва. Еще один звук вырывается из моего горла, крича от резкого трепетом, от которого мое сердце кажется, что оно вот-вот взорвется.

Его свободная рука ложится на мое бедро, удерживая меня на месте, пока он пожирает мою киску, поглощая все, что я могу предложить, как будто он заключенный в камере смертников, и это его последний вкус освобождения.

Улыбка тянется к уголкам моих губ, слезы на моих глазах, и стоны срываются с кончика языка, пока я смотрю на закат, находя то, что я так долго искала. Оргазм поселяется в моем животе, острый от ощущения того, что мое гибельное существование висит на волоске.

Его язык искусно щелкает по моему клитору, и мне не требуется много усилий, чтобы отправить меня перевернуться. Мои глаза закатываются, и крик рикошетом ударяет по неровным камням и в воду. Кажется, что я совсем рядом, кувыркаюсь по остриям. и падаю в глубины океана, в котором с удовольствием утонула бы.

Кажется, что прошло несколько часов, прежде чем мое тело спустилось вниз, и в этот момент он подтаскивает меня к себе и переворачивает на живот. Дезориентированная, я не в силах сопротивляться, когда он поднимает меня за бедра, усаживая на колени. с опущенной головой и видом на обрыв.

Я чувствую его ответную ухмылку, как будто услышав мои мысли, и я нахожусь в нескольких секундах от того, чтобы сбросить нас обоих со скалы, лишь бы насолить ему.

«Ты принимаешь его так чертовски хорошо, Аделин», — мурлычет он мне на ухо, его тон дьявольский. «Я никогда не устану от того, как твоя киска поддается мне, и как ты плачешь, когда это происходит».

Как по команде, резкий стон вырывается из моего горла, когда он проникает в меня еще глубже, и мое тело поддается ему, как он и сказал.

«Продолжай смотреть», — греховно говорит он. Заставив себя открыть глаза, я смотрю, как солнце начинает подниматься над водой, заливая мир глубоким красным светом.

Он работает внутри меня, медленно входит и выходит, пока не погружаясь в меня полностью, подтверждая свои слова.

Я так полна им, и я никогда не чувствовала себя более полной.

«Ты ищешь жизнь в этом закате, а я ищу смерть между твоих бедер», — хрипит он, его глубокий голос хриплый от желания.

Отстранившись до кончика, он с силой вонзается в меня, и я вскрикиваю одновременно и от блаженства, и от ужаса, что меня толкают за край.

Но он не ослабевает и продолжает трахать меня, проверяя на прочность земли под нами с каждым ударом. Он крепко держит руку в моих волосы, возвращая меня назад каждый раз, когда его бедра толкают меня вперед.

Я переключаюсь с одного вида на воду на другой и смотрю вниз на неумолимые скалы, которые, кажется, подступают все ближе и ближе.

Мое зрение темнеет от острого наслаждения, разливающегося между бедер, и звуки, вырывающиеся из моего горла, неконтролируемы.

«О Боже», — всхлипываю я, и он входит в меня так сильно, что мои зубы клацают от силы.

«Ты не найдешь Бога на солнце, когда он уже внутри тебя», — рычит он, потянувшись ко мне снизу, чтобы найти мой клитор и мастерски погладить его, ударяя в то самое идеальное место внутри меня, издеваясь над ним без устали, пока я не извергнусь, мое тело не обмякнет от того, как мощно я кончаю для него.

«Зейд!» кричу я, и мне уже все равно, буду ли я жить, лишь бы это чувство никогда не умирало.

Он скрежещет зубами, жестоко трахая меня, пока не наступает смерть, к которой стремился. Из его горла вырывается рев, и он входит в меня так глубоко, что мы оба почти встретили свой конец на дне обрыва.

Мы будем вместе преследовать поместье Парсонс, и это неоспоримо, как сильно я люблю как это звучит.

* * *

«У тебя впечатляющий лоб, друг мой», — говорит Зейд, облако дыма, клубящегося из глубины его рта. Джефф привязан к металлическому стулу, а Зейд сидит напротив него, одной рукой попыхивая сигаретой, а другой отбивает маленький надувной мячик у себя на лбу.

«Откуда, черт возьми, ты вообще взял этот мяч?» спрашиваю я, качая головой, когда он отскакивает от очень красного лица Джеффа и снова попадает в ждущую руку Зейда.

Наш пленник не очень доволен. Он кипит на Зейда, все его тело дрожит от того, как он разгорячен.

Он безразлично пожимает плечами. «Я нашел его».

Ладно. Неважно.

Звук шин, скрипящих по грязи и травинкам, отвлекает меня, и мое сердце замирает от адреналина и предвкушения.

«Клэр здесь», — объявляю я. Зейд в ответ только снова подпрыгивает на мяче, его поза расслаблена, как всегда.

Территорию окружают по меньшей мере пятьдесят человек, все они скрыты от глаз. Если что-то пойдет не так, у нас будет достаточно подкрепления.

«Джей, у нее с собой батальон?» спрашивает Зейд, чип Bluetooth у него в в ухе, как всегда. Он, наверное, умрет с ним там. «...Три? Кто-то нервничает Нелли», — бормочет он.

«Три машины?» уточняю я, мое беспокойство усиливается. Пот выступает на мне и я не могу понять, нервничаю ли я из-за того, что будет перестрелка, или из-за встречи с Клэр.

Преддверие противостояния — вот что портит мне нервы.

Предвкушение того, что произойдет. Кто пострадает или умрет.

И все же, посреди хаоса я нахожу покой, как будто я стою в глазу урагана.

Я просто ненавижу затишье перед бурей.

«Ты думал, она придет одна?» Джефф огрызается, глядя на меня как на дуру. Я сужаю глаза, испытывая искушение вырвать мяч из рук Зейда и ударить ним ему в лоб. Тогда кто будет выглядеть глупо?

Почувствовав ход моих мыслей, Зейд отбрасывает мяч от своего лица, не глядя на меня,

мяч идеально приземляется обратно в его руку, а его ухмылка углубляется.

«Спасибо». Я смотрю на Джеффа. «В следующий раз это будет пуля».

Он ловко держит рот на замке. Я так надеялась, что он этого не сделает.

Мы с Зейдом стоим, когда двери машины захлопываются, зеленый шарик выпадает из его руки и катится вдаль, заменяясь пистолетом. Мое собственное оружие в моей руке, мое сердце сильно колотится, пока мы ждем, пока Клэр войдет.

Несколько нервных мгновений спустя огромные двери распахиваются, и свита входит первой, оружие поднято. Конечно, когда они замечают нас, они замирают, ожидая приказов рыжеволосой дьяволицы сзади, медленно пробиваясь через ее охрану.

«Как и ожидалось, Джеффри. Ты действительно думал, что убедился?»

раздается музыкальный голос Клэр, которая, наконец, пробивается из группы.

Они толпятся вокруг нее, чувствуя себя неуютно от того, что она обнажена в любом качестве.

Так же, как она, очевидно, была не настолько глупа, чтобы поверить, что Джефф действительно захватил нас, она также не поверит, что мы не держим это место под нашими контролем.

Это будет битва за то, чья пуля пролетит быстрее. Или чья цель будет вернее.

Мои плечи напряжены, когда я смотрю на злобную суку, которая ответственна за столько потерянных и разбитых душ. Ее ярко-рыжие волосы идеально закручены вокруг головы, помада и черная подводка размазаны. Она одета в полностью белый брючный костюм, что само по себе является посланием. Она рассчитывает выйти из этого здания в такой же безупречной одежде, когда она вошла. Никакой крови — по крайней мере, не ее.

Как бы не так.

Возникает убийственная ярость — не потому, что она похитила меня и почти продала злодею, а потому что она пришла за моей матерью.

Думаю, я должна поблагодарить ее за бесплатную терапию моих и маминых проблем. Я не знаю, в каком положении мы сейчас находимся, но я знаю, что есть желание исправить наши отношения, чего не было до того, как Клэр перевернула мой мир и перевернула его набок.

«Рада снова видеть вас обоих», — замечает она, ее тон шикарный, как будто мы идем на прогулку в сад, держа в руках наши маленькие чашки с чаем и печеньем.

Благочестивая сука. В ней нет ничего стильного, как и в том, как она ведет дела.

«Зачем вы пришли, если знали, что это ловушка?» спрашиваю я.

«Это не закончится кровопролитием, моя дорогая. Я думаю, пришло время уладить это. Z доказал свою находчивость, как и я. Вместо того, чтобы... сразаться друг с другом., я думаю, мы можем прийти к соглашению».

Я перевожу взгляд на Зейда, который вскинул бровь, но в остальном у него пустое выражение лица.

Снова столкнувшись с Клэр, я задаюсь вопросом, не попытка ли это получить цель от одного из самых опасных людей в мире. Она права — она находчивая. В распоряжении этой ведьмы целое правительство. Но она так же слаба, как щит, за которым она прячется. Вынуждена использовать других, чтобы защитить себя потому что сама она не способна на это. У нее есть только мозги для проведения операции, но не сила. В то время как у Зейда... У Зейда есть и мускулы, и мозги.

Клэр знает, что не может вечно прятаться на острове, не дольше чем сможет избежать

гнева Зейда. Она загнана в угол и знает, что Зейда будет трудно убить. Она встретила свою пару, и единственный выход — это сделка.

«Давай присядем, а?»

«Давай», — пробормотал Зейд, поворачиваясь спиной, чтобы схватить спинку стула, на котором сидит Джефф, буквально сбрасывает его с него и предлагает мне сесть в него, как будто он отодвигает мое место в ресторане высокой кухни. Клэр занимает место напротив меня, связанное тело Джеффри между нами.

Его лицо стало пурпурным от гнева и смущения. Клэр едва взглянула в его сторону, переведя глаза на одного из своих людей и приказала: «Уберите его».

Секунды спустя пуля вонзается в мозг Джеффа и выходит с другой стороны. Он мертв еще до того, как его голова падает на пол.

Мои и Зейда взгляды сталкиваются, в его несовпадающих глазах появляется веселый блеск. Он хватается за третий стул, поворачивает его и усаживается на него спиной вперед, обращая свой напряженный взгляд на Клэр.

Ее пульс бьется в шее, и она пытается сглотнуть. Я тихонько фыркаю. Если бы я не знала ничего лучше, кажется, что ее женские кусочки не более непроницаемы для Зейда, чем любая другая женщина с красной кровью. Если бы была возможность, она бы с удовольствием трахнула бы Зейда, прежде чем всадить нож ему в горло.

«Прежде чем мы начнем, как насчет того, чтобы установить взаимное доверие? Все мои люди спрятаны на виду, ни один ствол не приставлен к твоему горлу, так что как насчет того, чтобы отправить своих дружков за дверь? Они могут остаться, если нужно, и у них будет отличный шанс попасть в меня, но они должны отвалить, да?»

Сузив взгляд, она обдумывает просьбу Зейда в течение мгновения, прежде чем согласилась. Неохотно, ее охранники рассредоточились по парадному входу, чтобы все они имели прекрасный вид на нас.

«Положись на меня, Клэр. Что ты предлагаешь?» спрашивает Зейд, но затем поднимает руку, чтобы остановить ее, когда она открывает рот. «Убедись, что оно хорошее. Из-за тебя мою девочку похитили, изнасиловали и пытали, а ее мать чуть не убили».

Ее губы, покрытые красными пятнами, сжались в твердую линию, похоже, не оценив напоминание обо всех ее проступках. Заставляет меня задуматься, как, блядь, она спит по ночам. А может, она втайне рептилия, и ей это не нужно. Это честно говоря, более правдоподобно на данный момент.

«Я помогу вам устранить торговлю людьми», — говорит Клэр. Когда мы с Зейдом остаемся молчим, обдумывая ее предложение, она продолжает: «Хотя торговля кожей является чрезвычайно прибыльна, есть нечто большее, чего я хочу».

«И что же это?» Зейд спрашивает, голос глубокий и низкий.

«Абсолютный контроль над человеческим населением, конечно же. Сейчас люди слишком хорошо осознают свое бесполезное существование. Я хочу полной власти — чтобы у нас обоих была полная власть».

Моя бровь сжимается, на лице появляется неприятное выражение.

«Для чего?» — спрашивает он. «Что именно ты собираешься делать с этой силой?»

«Создать совершенно новую эру, конечно же. Мы можем делать все, что захотим. Мы можем сделать их жизнь полезной, дать им настоящую цель».

«И что же это будет за цель?» вклинился я. «Быть бездумными роботами, которые будут служить тебе?»

«Страданиям пришел бы конец», — огрызнулась она, обратив ко мне свои ледяные зеленые глаза.

В них действительно нет души. «И эта планета процветала бы. Если бы у людей был настоящий закон и порядок, мы могли бы сделать так много вещей. Покончить с голодом в мире, сократить разрыв между бедными и богатыми, уменьшить бедность и бездомность».

Я качаю головой. «Ты пытаешься заставить лишение людей свободы воли звучит добродетельно».

«Так и есть», — отвечает она.

Я моргаю, совершенно сбита с толку. «Мы что, в кино? Не может быть. ты серьезно». Повернувшись к Зейду, я вижу, что он смотрит на Клэр, рассеянно потирая пальцы друг с друга, в его мозгу все крутится. «Она серьезно, не так ли?»

Он поднимает бровь. «Похоже на то».

Больше всего на свете мне хотелось бы знать, о чем он думает. Такое можно увидеть только в кинотеатрах или книгах. Какое-то дерьмо нового мирового порядка, которое кажется настолько далеким от реальности, что люди превращают его в фантастику для развлечения. Я сама буквально писала такие книги.

«Вы меняете одну форму рабства на другую», — говорит он наконец.

«Я обмениваю человеческие страдания на новый, лучший мир», — возражает она.

«Технология, которую вы можете создать, продвинет нас в совершенно новую эру». Она обращает свой взор на меня, и я понимаю, что она — гребаная рептилия. Она чертова змея. «Никто никогда не будет страдать от того, что пережили вы. Больше никаких детей, принесенных в жертву. Больше никаких продажных женщин. Я бы уничтожила все это».

«Что мешает тебе сделать это сейчас?» спорю я. «Что мешает тебя от попытки захватить власть?»

«Зейд», — просто отвечает она, поворачиваясь к нему. «Ты был занозой на моей стороне с тех пор, как ты создал свою организацию и вознамерился уничтожить все, над чем я упорно работала».

И я признаю, у тебя это неплохо получается, вот почему я хочу создать альянс, в котором мы будем работать вместе, а не друг против друга. Я дам тебе то, чего ты так сильно хочешь, а взамен тыпоможешь мне с тем, чего хочу я».

«Говоришь со мной так, будто я глупый, Клэр», — сухо сказал Зейд. «Ты хочешь, чтобы я перестал разоблачать правительство? Нет, ты хочешь большего. Ты хочешь, чтобы я создал некую технологию для имплантации в мозг людей и сделал их настоящими роботами? Сделать так, чтобы они не могли бороться?»

Она поднимает брови, на лице появляется улыбка. «Вот это идея. Я могу создать новый мир с законами и последствиями за их нарушение. Твоя технология может продвинуть нас и облегчить исполнение этих законов. Мы могли бы заставить людей ходить по прямой линии, где бы мы ее ни нарисовали. Но отнять у них способность думать самостоятельно? Боже мой, это было бы замечательно».

Ее глаза загорелись от возбуждения. «Вы можете это сделать?»

Я могу только смотреть на нее, совершенно потеряв дар речи. Разве прекращение торговли людьми звучит как мечта? Безусловно. Но в обмен на какую-то фантастическую идею, чтобы лишить людей свободы воли и превратить их в зомби.

Я даже не уверен, что именно она будет с ними делать, но мне все равно. Я хочу того же, чего всегда хотел Зейд. Искоренить торговлю кожей. Но это желание никогда не

сопровождалось нереальными ожиданиями.

«Технология может сделать все. Единственное ограничение — это ее создатель», — говорит Зейд.

Она улыбается, и я вижу в ее глазах блеск, который она украла у многих. многих. У меня.

У Надежды.

Но она не принадлежит ей — она принадлежит душам, которые она ответственна за то что ломает.

«Видишь? Мы можем сделать все», — вздыхает она. «Я верю, что у тебя нет ограничений».

Взгляд Зейда темнеет, и теснота в моей груди ослабевает.

«Ты права, Клэр. Это не так».

Она совершенно неправильно понимает его смысл, потому что ее улыбка только расширяется, слишком ослепленная возможностями, чтобы понять, что ее ждет.

«У тебя уже есть власть», — напоминаю я ей. «Вы — теневое правительство. которое контролирует всю страну. Тем более сейчас, когда ваши партнеры мертвы. Этого недостаточно для тебя? Теперь вы хотите мирового господства?»

Она наклоняется вперед, обнажая зубы, шипит: «Может быть, твой ничтожный мозг это...»

«Знаешь, в чем твоя проблема?» вклинился Зейд. «Ты не знаешь ни черта о создании альянса. Ты действительно думаешь, что оскорбляя что оскорбление Клэр приведет тебя к успеху?» Зейд встает, и хотя я вижу, как Клэр борется с собой, она заставляет свой позвоночник выпрямиться. Ее телохранители прицеливаются, но Зейд движется так, словно он заключен в пуленепробиваемую броню.

Мое сердце набирает скорость, адреналин вырывается наружу, потому что у этого недоумка нет на самом деле, пуленепробиваемой брони, и если хоть одна пуля приблизится к нему, я просто охренею.

«Принижать тех, кто тебя поддерживает, неразумно. Разве ты не читала исторические книги? Использовать страх, чтобы требовать уважения — хрупкая конструкция. Она недолговечна. потому что никто не может доверять тебе, и при первой же возможности предать они ею воспользуются. Z построена не на страхе, Клэр. Она построена на взаимном желании убить таких, как ты. И знаешь что? Моя организация доверяет мне это сделать».

Ее глаза расширяются, предчувствуя приближающуюся гибель еще до того, как она произойдет. Линия бомб заложена вдоль фасада винокурни, прямо под тем местом, где стоят люди Клэр. Через несколько секунд взрывчатка срабатывает, создавая оглушительный взрыв.

Сила взрыва отбрасывает нас на шаг или два назад, и я закрываю лицо, когда вокруг нас летят обломки. Мы убедились, что бомба не была настолько мощной. чтобы здание рухнуло вокруг нас, но достаточно, чтобы разнести кого-то или что-то на куски.

Несколько ее охранников, стоявших на окраине, извиваются, лишённые конечностей, но все еще живые и настроенные на то, чтобы выйти в сиянии славы. Их застрелили прежде чем они успели поднять оружие в сторону Зейда и меня, его команда позади нас и прячется в глубине винокурни.

Зейд хватает Клэр за горло и поднимает ее в воздух, рычание переполняет его лицо.

Ее глаза выпучиваются, огонь бушует позади нее, омывая ее в том самом сиянием, в котором навсегда стогрит ее душа.

«Ты заставил мой мир рухнуть вокруг меня вот так, помнишь?»

Заложила бомбы, а потом забрала у меня Адди. Каково это, Клэр?

Когда ты так близко подошла к успеху, но вместо этого твоя душа была вырвана. вместо этого?»

Она отчаянно бьет ногами, пытаюсь и безуспешно пытаюсь обрести хоть какую-то опору, чтобы освободиться от удушающего захвата Зейда. Впиваясь когтями в его кожу, она оставляет следы, такие же красные, как краска на ее ногтях.

«Не хочешь оказать честь, детка?» — спрашивает он, глядя через плечо. на меня глазами, такими же яркими, как огонь перед нами. Что-то глубокое и плотское мерцает в моем животе, и я не могу отрицать возбуждение, пульсирующее в моей крови не больше, чем Зейд.

«Да», — улыбаюсь я, подходя к паре. Он перестраивается, берет Клэр за и удерживает ее на месте, несмотря на ее отчаянные попытки вырваться.

Крепко сжимая свой черно-фиолетовый нож, я подношу его к ее горлу, надавливая пока кровь не проступит под лезвием.

Эта женщина ответственна за каждого из моих демонов. Я был вполне нормальной, пока Общество не положило на меня глаз. И хотя страх и адреналин всегда делали со мной что-то необъяснимое, мысль об убийстве кого-то была отталкивающей. Это было то, против чего я выступала, когда Зейд появился в моей жизни, и даже когда я полюбила его, это было то, что я еще не до конца приняла.

А теперь посмотрите — она столкнулась со своим собственным творением, ангелом смерти с ножом у горла и опьяневшим от вида ее крови.

«Пожалуйста!» — пронзительно умоляет она. «Мы можем что-нибудь придумать!»

«Ты пожинаяешь то, что сеешь, Клэр», — говорю я, а затем медленно провожу ножом по ее горлу, рассекая сухожилия и мышцы. Кровь брызжет мне на лицо, но я наслаждаюсь ее ощущением. Я останавливаюсь прямо перед яремной ямкой, желая, чтобы ее смерть была медленной и мучительной.

Будет ли это ее собственная жизнь, промелькнувшая перед ее глазами, или все те, кого она украдала?

Надеюсь, они спустятся из рая и лично затащат ее в гребаный ад.

Медленно захлебываясь ее кровью, Зейд тащит ее к бушующему огню в передней части винокурни, разбросанные трупы ее людей.

Борьба Клэр усиливается, и даже среди смерти она чувствует, когда становится только еще хуже. Остановившись перед костром, Зейд сжимает ее окровавленное горло в своем кулаке и поднимает ее, глядя в ее широкие, отчаянные глаза.

«Гори, сука», — рычит он, а затем бросает ее в костер, и ее тело мгновенно сгорает в пламени.

Раздается придушенный крик, но звуки с трудом пробиваются сквозь него. Ее тело конвульсирует и корчится, и я морщусь нос от прогорклого зловония, которое следует за ней.

Она вошла в это место, твердо веря, что сможет завоевать мир, если только она даст Зейду то, над чем он так упорно работал.

Разве она не знает?

Зейд — Бог.

И единственный, кто покорит этот мир, — это он.

Сибби танцует в гостиной, ее покрытые горошком ноги кружатся по клетчатой плитке, радуясь нашему долгожданному успеху, в то время как Зейд по телевизору, прерывает очередную передачу.

Он разоблачил теневое правительство и их контроль над торговлей людьми, воровством детей и продажей их больным людям. За те десять минут, что он говорил, он дал миру надежду на то, что секс-торговля постепенно начнет умирать.

«Клэр Зейнбург не первая, кто вносит свой вклад в болезнь, заражающую наш мир, и она не последняя. Один за другим я буду дезинфицировать вредителей из общества, и только тогда мы обретем мир. Я — Z, и я наблюдаю».

Он обрывается, его снова сменяет широкоглазая репортерша, нервный смех вырывающийся из ее горла.

«Кто займет место Клэр?» спрашивает Дайя, сидя рядом со мной, запихивая в рот горсть попкорна.

Я вскидываю бровь. «Ты думаешь, теневое правительство все еще должно существовать?» Я спрашиваю с любопытством, хватая свою горсть и запихивая ее себе в рот.

Дайя пожимает плечами, проглатывает, прежде чем ответить. «Конечно. Я думаю, что правительство определенно должно контролироваться кем-то, только не человеком, который только заинтересован в том, чтобы исправить все в этом мире ради собственной выгоды. Нам нужен кто-то кто заботится об окружающей среде и развитии науки и медицины без бесчеловечных экспериментов и буквального использования нас в качестве рабов. Я думаю, в нашей истории было достаточно такого дерьма. Эта планета нуждается в очищении, а люди, которые сейчас у руля? Они не те, кто это сделает».

Я поджал губы. «Я думаю, ты права. Я просто не знаю, кто бы мог это сделать».

«Ты не думаешь, что это сделает Зейд?»

Качая головой, я жую несколько наполовину расколотых зерен. Это моя любимая часть поедания попкорна.

«Трудно сказать наверняка, но я думаю, что Зейд слишком наслаждается тем, что он делает сейчас. Независимо от того, кто находится у власти, должно пройти очень много времени, чтобы торговля людьми действительно прекратилась. Я не вижу, чтобы он был доволен тем, что сидит за столом, принимая решения, вместо того, чтобы быть на поле боя и физически уничтожать их».

Дайя кивает, ее мудрые зеленые глаза возвращаются к экрану, репортеры все еще пытаются прийти в себя после прерывания Зейда. Средства массовой информации контролируются правительством, а это значит, что все, что они извергают на публику санкционировано теми самыми людьми, которых Зейд угрожает уничтожить. Неудивительно, что они чувствуют себя неуютно, когда они в буквальном смысле являются теми, кто кормят нас правительственным бредом для промывки мозгов.

«Я сделаю это», — щебечет Сибби, завершая свое заявление балериной. вращением.

Мы с Дайей смотрим друг на друга.

«Ты хочешь управлять правительством? Ты психически неуравновешенная, Сибби», — говорю я прямо.

Она перестает кружиться и сужает глаза на меня. Я дралась с ней слишком много, чтобы бояться ее больше.

«Я забочусь о мире и очищаю его от демонов. Можешь себе представить?» А широкая, мечтательная улыбка расплывается по ее лицу. «Жить в мире цветов? Один большой сад, как и должна быть планета».

«Видишь? Нестабильно».

Она рычит на меня и топает ногой. «Я могу это сделать, Адди. Я знаю, что у меня характер, и что мне понадобится помощь. Но я могу исправить этот мир», — говорит она мне решительно.

Покачивая головой, я действительно обдумываю ее слова. Методы Сибби должны быть под контролем, но... она, по общему признанию, самый фанатичный человек которого я когда-либо встречала, когда дело касается избавления мира от зла. Это действительно возможно? Конечно, нет. Но, возможно, иметь кого-то, кто верит в это, будет не так уж плохо. И с ее способностью чувствовать запах гнили, она могла бы иметь команду людей, помогающих ей с добрыми намерениями.

«Что бы ты сделала?» интересуюсь я.

«Подожди, ты действительно думаешь, что она сможет это сделать?» Дэйя недоверчиво вклинивается, ее глаза прыгают между мной и Сибби.

Ухмыляясь, я пожимаю плечами. «Она была бы лучше, чем Клэр. И она не стала бы делать это в одиночку. Вся ее цель в жизни — улучшить этот мир, не так ли?»

Губы Дайи разошлись, она пыталась что-то возразить, но ничего не придумала.

Действительно, любому человеку, оказавшемуся в таком властном положении, можно возразить. Не существует идеальных людей. Сибби не без греха, но ее намерения чисты.

Странно, но она меньше всего склонна к властолюбию или негативному влиянию.

Она слишком... страстная.

* * *

Легкий стук в дверь отвлекает мое внимание от тренировки с Сибби. Конечно, ее кулак с силой ударяет меня в щеку секундой позже, чуть не опрокинув меня на пол.

В ушах звенит, я хватаюсь за лицо и смотрю на нее. Она дико улыбается мне, и ей даже не нужно открывать свой глупый рот, чтобы я понял, что она собирается сказать.

Никогда не отворачивайся от своего противника.

Я указываю на нее. «Никогда не спи с двумя закрытыми глазами, как тебе это?»

Она хихикает и направляется к ступенькам, а я иду к входной двери, обильно потея, и моя голова теперь раскалывается. Это настолько выводит меня из себя, что я распахиваю дверь, не потрудившись посмотреть, кто там снаружи.

Мои глаза расширяются, когда я вижу странного мужчину, которого я никогда раньше не видел, стоящего рядом с моей матерью.

Я ошарашенно смотрю на них, не в силах сделать что-либо еще. Как всегда, ее светлые волосы идеально уложены, а губы подкрашены светло-розовой помадой. И она смотрит на меня, ожидая, что я заговорю, но я не в состоянии.

«Привет, милая», — говорит мама, слабо улыбаясь мне.

Наконец-то выйдя из ступора, мое тело движется на автопилоте.

Наклонившись вперед, я обнимаю ее самым нежным в мире объятием, опасаясь за ее рану, но я чертовски рада ее видеть. Слезы наворачиваются на глаза, затуманивая мое зрение, а мои носовые пазухи горят от усилий удержать их в узде.

Она похлопывает меня по спине. «Дорогая, от тебя воняет».

«Прости», — говорю я, но мне совсем не жаль. Смахнув слезы, я отхожу.

Обычно она воротит от меня нос, но он остается на своем месте. Это облегчение, когда я не видела и не разговаривала с ней с того дня, как мы привезли ее домой больше месяца назад. Я перестала звонить отцу, решив, что выслушивать его оскорбления не принесет пользы никому из нас.

«Почему ты здесь? Где папа? А ты кто?» спрашиваю я, направляя последние слова на незнакомца, стоящего рядом с ней.

Теперь, когда я смотрю на него, я в еще большем замешательстве. Светло-каштановые волосы, нечесанные и непокорные, красивые голубые глаза и убийственная улыбка. Почти такая же убийственная как и его тело. Он не может быть старше меня, но при этом он держится с утонченной уверенностью — то, чего нет у большинства мужчин моего возраста.

Странное чувство щекочет мои чувства, хотя я не могу точно определить, что именно.

Я знаю только, что он чертовски горяч. Какого черта моя мать делает с ним?

«Кравен», — отвечает он с ухмылкой.

«Боже мой, это твой парень?» спрашиваю я, расширив глаза.

«Аделин Рейли, не будь неуместной. Конечно, это не так. Он помогает заботиться обо мне, пока я выздоравливаю. А теперь впустите меня, у меня есть десять секунд прежде чем я упаду у порога и больше не встану».

Драматично, как всегда.

Крейвен улыбается, появляются ямочки, когда он берет мою мать за руку и помогает провести ее в дом и к красному кожаному дивану. Я тупо смотрю, как они проходят мимо, удивляясь, как, черт возьми, она убедила моего отца позволить кому-то другому выхаживать ее. Особенно тому, кто выглядит как... этот.

Может, это и не ее парень, но судя по тому, как покраснели ее щеки, она определенно не безразлична к нему. По правде говоря, если бы моя мать оказалась с более молодым мужчиной... это хорошо для нее.

Я бы гордилась.

Я закрываю входную дверь и сажусь напротив нее. Сибби, вероятно, принимает душ наверху, а Зейд в настоящее время отслеживает пользователя темной паутины, который умеет мучить детей по прямой видеосвязи.

Когда я не тренируюсь с Сибби, я работаю над своей новой историей. Я соскучился по писательству, и это послужило отличным спасением теперь, когда Клэр наконец-то мертва. Совсем скоро я закончу свою первую книгу с тех пор, как вернулась домой и я искренне верю, что это мое лучшее произведение на сегодняшний день.

«Как ты себя чувствуешь?» спрашиваю я ее, глядя на Кравена.

«Раздражена», — хмыкает она. «Твой отец сводит меня с ума».

Я поджимаю губы, в груди колющая боль от напоминания о нем, но и странное утешение от того, что она считает его таким же нелепым, как и я.

«Он знает, что ты здесь?» спрашиваю я.

«А разве это что-то изменит, если он узнает?» — отвечает она. А вот и ее нос поднимается в воздух с превосходством. Это вызывает улыбку на моем лице.

«Я пытался увидаться с тобой», — пробормотал я.

Она заметно смягчается. «Я знаю, что пытался, милая. Я была слишком слаба, чтобы многое сделать, но я не была согласна с твоим отцом. Независимо от твоего ужасного вкуса в мужчинах, ты моя дочь и всегда ею будешь».

Я бросаю на нее укоризненный взгляд. «Очевидно, не только у меня ужасный вкус на мужчин», — говорю я с укором.

Она делает паузу, а потом удивленно хихикает. Теперь мне кажется, что это у меня огнестрельное ранение. Я имею в виду, что я забавная, я знаю это. Но моя мама никогда так не считала.

«Наверное, нет», — уступает она. «Кстати, где твой парень? Я бы хотела бы поблагодарить его».

Мои брови вскидываются от удивления, и теперь я думаю, не ударила ли Сибби меня так сильно, что отправила меня в альтернативную вселенную.

«Не смотри на меня так», — нахально говорит она. «Может, он и оказывает дурное влияние, но он спас мне жизнь. Как и тот его милый доктор».

«Его сейчас здесь нет, но я ему передам».

Она жестко кивает и смотрит на потолок, когда сверху скрипят половицы.

Это могла быть Сибби, но могла и не быть. Может, это была Джиджи. Я давно ее не видела. Но в этом и заключается веселье в Поместье Парсонс. Вы никогда не узнаете.

Неловко переместившись, я открываю рот, готовясь к очередным извинениям, но она поднимает руку, заставляя меня замолчать.

«Я знаю, что ты собираешься сказать. Еще одна вещь, в которой твой зверский отец был неправ. Это не твоя вина, что в меня стреляли, Аделин. Я мало что помню о том, что произошло, и я благодарна за это. Но что я точно знаю, так это то, что тот человек держал пистолет у твоей головы. И если пуля в грудь означает, что у моей дочери нет черепа и шести футов под землей... тогда оно того стоило».

Мои губы дрожат, свежие слезы застилают веки. Я наклоняю подбородок, пытаюсь собрать свое самообладание, прежде чем я превращусь в рыдающее месиво.

«Спасибо», — шепчу я, мой голос тугой и хриплый.

Когда я встречаю ее взгляд, он мягкий и почти печальный. Это только заставляет мою грудь болеть еще сильнее.

Прочистив горло, я вытираю слезы, готовясь сменить тему.

«Итак, Крэйвен, почему твои родители назвали тебя так?»

Мама вздыхает, качая головой от моей грубости. Неважно.

Это обоснованный вопрос.

Он усмехается. «Это имя моего отца», — коротко отвечает он. Смутно.

«Хорошо, Кравен-младший, на какую компанию ты работаешь?»

«Адди», — огрызается мама, но я ее игнорирую. Тоже резонный вопрос.

«Моя мама — странствующая медсестра на дому, и с разрешения пациентов, я иногда помогаю». Он пожимает плечами и смотрит на мою мать. «Мы все отлично ладим, поэтому, когда Серене нужна помощь в выполнении поручений или передвижение, я помогаю ей».

Мама тепло улыбается. «Его мама — абсолютный ангел, и Крейвен тоже. Твой папа снова много работает, так что дополнительные руки очень помогли».

Расслабившись, я киваю головой, испытывая облегчение от того, что о ней так хорошо заботятся.

Я обычно не подозрительный человек, но мои боевые навыки не были единственным, что я отточила за эти месяцы. Мои инстинкты остры, и хотя я не чувствую от Кравена ничего плохого, я чувствую, что он не тот, кем он себя выставляет.

Прежде чем я успеваю вымолвить хоть слово, по ступенькам спускается Сибби, волосы мокрые после душа, свежее лицо, одетая в королевское голубое платье-футболку и большие розовые тапочки с зайчиками на ногах. В тот момент, когда она собирается что-то сказать, она замирает, все ее телозрение Смутно.

«Хорошо, Кравен-младший, на какую компанию ты работаешь?».

«Адди», — огрызается мама, но я ее игнорирую. Тоже резонный вопрос.

«Моя мама — странствующая медсестра на дому, и с разрешения пациентов с разрешения пациентов, я иногда помогаю». Он пожимает плечами и смотрит на мою мать. «Мы все отлично ладим, поэтому, когда Серене нужна помощь в выполнении поручения или передвигаться, я помогаю ей».

Мама тепло улыбается. «Его мама — абсолютный ангел, и Крейвен тоже. Твой папа снова много работает, так что дополнительные руки были очень помогли».

Расслабившись, я киваю головой, испытывая облегчение от того, что о ней так хорошо заботятся.

Я обычно не подозрительный человек, но мои боевые навыки не были единственным, что я отточил за эти месяцы. Мои инстинкты остры, и хотя я не чувствую от Кравена ничего плохого, я чувствую, что он не тем, кем он себя выставляет.

Прежде чем я успеваю вымолвить хоть слово, по ступенькам спускается Сибби, волосы мокрые после душа, свежее лицо, одетая в королевское голубое платье-футболку и большие розовые тапочки с зайчиками на ногах.

В тот момент, когда она собирается что-то сказать, она замирает, все ее тело застывает. Словно в замедленной съемке, ее глаза переходят на Кравена, расширяются, когда их взгляды сталкиваются. когда их взгляды столкнулись.

«Какого черта ты здесь делаешь?» — огрызнулась она.

Черт побери. Я знала, что с ним что-то не так.

Нахмутив брови, я поворачиваюсь к маминому сиделке и нахожу его таким же удивленным, как и Сибби.

«Я мог бы спросить тебя о том же, Сиббиль».

Три месяца спустя

«Все еще не можешь найти ее?» — спрашиваю я Дайю, глядя на нее, пока ковыряюсь в салате.

Я врезаюсь вилкой в гренку и смотрю, как она падает с моей тарелки.

Она кривит губы, в ее зеленых глазах мелькает чувство вины.

«Нет», — признает она. «Неудивительно, что ей так долго сходило с рук убийство. Она действительно знает, как исчезнуть».

Я киваю головой, стараясь сдержать разочарование. Это не вина Дайи, или Джея, ни даже моя вина в том, что мы не можем ее найти. Маленькая истребительница демонов знает как прятаться — она делала это слишком долго, чтобы совершить ошибку и быть пойманной во второй раз.

Три месяца назад Сибби исчезла. Мы не знаем, где она, но мы знаем, что Крэйвен с ней.

Адди сказала, что когда Крэйвен пришел с Сиреной в гости, она поняла, что в нем что-то изменилось. А когда Сибби увидела его, это было похоже на то словно призрак материализовался прямо у нее на глазах.

Они не говорили много, скорее всего, потому что Адди и Сирена наблюдали за ними, но, очевидно, они сказали все, что им нужно было сказать в тишине.

В ту ночь она ушла, пока мы с Адди спали. И с тех пор мы не видели ни одного из них с тех пор. Крэйвен тоже исчез без единого слова, и как его и мать Адди очень переживали.

«У меня от нее будут седые волосы», — бормочу я, вонзая вилку в листик зелень.

Дайя играет с золотым обручем в носу, уголки ее глаз напряжены, когда они с Адди обмениваются взглядами.

Хотя Сибби хорошо умеет прятаться, тот факт, что моя программа распознавания лиц не обнаружила ее ни на одной гребаной камере по всей территории. Блядь. В мире за три месяца — девочки предполагают, что она мертва.

Но я отказываюсь, блядь, в это верить. Нахуй.

Я знаю, что она где-то там; я просто хотел бы знать, какого черта она задумала.

«Она объявится», — добавляет Адди, хотя в ее голосе нет уверенности. Она ковыряется в своем салате и бормочет: «Она всегда знает, как нас удивить».

Я поджимаю губы, ее слова напоминают мне о маленьком секрете, который я храню в моем заднем кармане. Если я скрою это от нее, я не только не смогу жить с этим, но и ей будет больно, если она когда-нибудь узнает. И как бы мне нравится причинять Адди боль, это приятно только тогда, когда она кончает на мое лицо или член.

Внутренне застонав, я не выдержал и сказал: «Кстати, о сюрпризах».

Ее карамельные глаза поднимаются в замешательстве, и я тянусь в карман, достаю записку и бросаю ей. Нахмутив брови, она берет ее и быстро читает глаза постепенно расширяются, когда она понимает, что там написано.

Медленно, ее круглый взгляд переходит на меня, и я вскидываю бровь.

«Это было по почте. Но я думаю, что меня все еще нужно убедить, если ты спросишь».

меня», — говорю я ей, ссылаясь на записку. Ее рот искривляется, и удивление медленно переходит в облегчение.

И я думаю, что могу жить с тем, что она счастлива, даже если это долбаный мудака, который является причиной этого.

* * *

Адди яростно бьется, ее рука приближается к моему лицу на считанные сантиметры. агонизирующий крик срывается с ее языка, за которым следует имя Ксавьера. Мое зрение чернеет, и я в ярости от того, что монстры загрязняющие ее кошмары — это не я.

Я единственный монстр, которому позволено преследовать ее гребаные сны.

Стиснув зубы, я хватаю ее за руку и переворачиваю на бок, лицом ко мне подальше от меня. Упираясь ей в грудь, я крепко притягиваю ее к себе.

Ее обнаженная плоть скользит по моей, вызывая плотское желание глубоко в моей груди. Это не просто желание обладать ею. Я хочу обладать ею. Пометить ее. Воплотить так глубоко в нее, что вне меня больше не будет Аделаин Рейли.

Я приподнимаюсь на локте и отпускаю ее руку, чтобы поплевать на свои пальцы и растереть влагу по своему члену. Глубоко вдыхая, я погружаюсь в нее, зажмурив глаза и от жжения от трения, и от того, как чертовски хороша она на ощупь.

Она просыпается с изумленным вскриком, ее пульс бьется в шее, а киска сжимается вокруг моей длины. Я сдерживаю стон, слишком очарованный паническим взглядом в ее глазах и ее заметной дрожью.

«Зейд?» — шепчет она, голос хриплый от крика.

Я толкнулся бедрами один раз, вызвав резкий вздох из ее пухлых губ. Она напрягается, затем расслабляется, вжимаясь в меня изгибом своей попки еще глубже.

«Ты чувствуешь меня, детка?» шепчу я, скользя рукой по ее животу, по ложбинке между грудей и к ее нежному горлу. Ее пульс бьется о ее плоть, и я чувствую каждое биение сердца через колонну ее шеи.

Все еще сильно задыхаясь, она смачивает губы, прежде чем выдохнуть: «Да. Я чувствую тебя».

Я хмыкаю. «Кому принадлежит эта киска, Аделин?» мрачно спрашиваю я.

«Тебе», — шепчет она, ответ автоматический.

«Хорошая девочка», — бормочу я. «Мужчина в твоей голове — это не монстр, маленькая мышка. Это я. Каждый раз, когда ты будешь выкрикивать чужое имя, я буду заменять его своим собственным. И мне плевать, как это чертовски больно».

Я двигаю бедрами в ней, и она содрогается на мне, хныканье срывается с ее губ.

Лунный свет проникает сквозь балконные двери, окрашивая наши тела в мягкой ауре, которую могут создать только небеса. Мой взгляд прослеживает изгибы наших тел, мягкие линии, отделяющие ее душу от моей.

Два существа, покрытые шрамами и оскверненные, и все же мы выглядим как чертово искусство. Как шедевр, который не смог бы создать даже да Винчи. Я хочу припереть ее к стене и показать ей, как выглядит искусство, когда оно подпитывается страстью.

«Когда тебе будет страшно и трудно дышать, я буду здесь. Глубоко внутри тебя. Будь я с тобой физически или в твоём сердце, я всегда буду рядом».

Она вздрагивает, и я отвожу бедра, прежде чем глубоко войти в нее, вырывая хриплый стон из ее горла.

Мой контроль над собой ослабевает, и я позволяю себе на мгновение сломаться, моя голова падает назад, глаза закатываются, и я стону от ощущения ее идеальной киски обхватившей меня.

Проклятая нирвана.

Опустив подбородок, я провел губами по изгибу ее трепещущей шеи, затем прикусываю прямо над ее пульсом, как одержимый. Ее страх на вкус намного лучше, чем я себе представлял.

Она резко вдыхает, и я скольжу ртом к ее уху, очарованный тем, как она дрожит подо мной.

«Я прогоню твоих демонов, Аделин, и они будут бежать и прятаться потому что я чертовски страшен».

Я глубоко вхожу в нее, чтобы подчеркнуть свою точку зрения, и получаю резкий вздох.

Ее рука опускается на мое бедро и скользит назад, пока ее когти не впиваются в мою задницу.

«Зейд», — шепчет она, выгибая спину и вжимаясь в меня.

Сдерживая очередной стон, я поднимаю ее ногу и зацепляю руку под ее коленом, сохраняя короткие и жесткие толчки и попадая в ту сладкую точку внутри что заставляет ее киску плакать. Глаза Адди закатываются, стоны, вызванные сном, наполняют комнату и мою грудь, подстегивая меня трахать ее сильнее и быстрее.

Я поднимаю ее ногу выше, скольжу рукой к ее горлу и сжимаю его крепко сжимаю, вызывая более громкие стоны под новым углом. Я сжимаю зубы, преодолевая ливень эмоций. Ярость. Любовь. Потребность. Одержимость.

По мере их нарастания и увеличения, моя рука поднимается вверх по ее шее и к нижней части ее челюсти.

«Смотри на меня, пока я разрушаю тебя, Аделин».

Жесткая хватка, я дергаю ее лицо к своему, захватывая ее широкие карамельные лужицы своими глазами.

«Ты всегда будешь моей», — рычу я. «Даже в твоих гребаных кошмарах».

С ее губ срывается крик, но она не отстраняется. Нет, она встречает каждый мой толчок с собственной силой.

Наслаждение пробегает по моему позвоночнику, собираясь у основания и почти ослепляя меня экстазом.

«О Боже, Зейд, пожалуйста», — умоляет она, задыхаясь.

Отпустив ее челюсть, я скольжу рукой вниз по ее животу к ее намокшей киске, кончиками пальцев дразня ее клитор.

«Ты так красиво молишься, маленькая мышка», — бормочу я. «Но я хочу услышать, как ты кричишь о пощаде».

Я выхожу из нее, мой член громко протестует, и мне почти больно скатываться с нее, чтобы покопаться в тумбочке.

«Что ты делаешь?» — простонала она, и я знаю, что ее киска сжимается, в поисках меня.

Схватив все, что мне нужно, я снова заключаю ее в объятия. Ее подбородок опирается на плечо, пока она пытается понять, что я задумал. Она выглядит чертовски божественно в

лунном свете, и это почти отвлекает меня.

Откупорив смазку, я смачиваю свой член жидкостью, стиснув зубы, пока я распределяю ее по всей длине. Все еще не оправившись от потери ее киски, мои бедра произвольно толкнулись в мою руку, как несдержанный дикарь.

Как я всегда говорил ей — с ней у меня нет никакого гребаного контроля.

«Зейд», — протягивает она, в тоне ее голоса звучит тревога.

Прежде чем бросить бутылку через плечо, я выливаю щедрую порцию смазки на свои пальцы, а затем проникаю ими в щель ее задницы.

Она резко вдыхает, когда я смазываю ее зад, и хнычет, когда я погружаю в нее палец внутрь, затем другой, растягивая ее и подготавливая к тому, что должно произойти. Она вздрагивает, и то ли от удивления, то ли от страха, она не в состоянии сделать ничего другого, кроме как задыхаться.

Я не тороплюсь, растягивая ее, покусывая за плечи и оставляя любовные укусы, вырывая из ее горла слабые стоны. К тому времени, когда я отстраняюсь, она задыхается, а ее мышцы расслаблены. Я просовываю руку под ее бедра и поднимаю его еще раз.

«Подожди», — дышит она. «Ты слишком большой. Я не знаю, смогу ли я выдержать с этим».

«Твое тело, блядь, создано для меня. Так что ты будешь хорошей девочкой и, блядь, примешь его».

Я просто знаю, что страх сейчас течет по ее кровеносной системе, и ее киска намокла в ответ. Она нервничает, но держит эти маленькие белые зубы.

Умная девочка.

«Ты доверяешь мне?» спрашиваю я, забавляясь, когда ее глаза переходят на мои, острые ножи, стреляют из них.

«Я доверяю тебе свою жизнь. Но доверяю ли я тебе, что ты не разорвешь меня пополам? Абсолютно нет».

Я ухмыляюсь, обнажая зубы в дикой улыбке. «Ты получаешь удовольствие от моей боли, не так ли. Адди?»

Прежде чем она успевает запротестовать, я устанавливаю головку члена у ее тугого входа и осторожно ввожу его внутрь. Ее глаза распахиваются, боль регистрируется, когда я медленно растягиваю ее. Мои пальцы сразу же начинают работать с ее клитором, уравновешивая агонию с удовольствием.

«Зейд», — дышит она, внутри нее бушует война. Ее ногти впиваются в мое внешнее бедро, когда я прорываюсь через плотное кольцо и медленно погружаюсь внутрь нее.

Застонав, я кусаю ее за плечо, почти вибрируя от потребности как пустить кровь, так и трахнуть ее в задницу, пока она не станет кровью и трахать ее задницу до тех пор, пока она не застонет.

Каким-то образом я воздерживаюсь и от того, и от другого. Как бы я ни любил причинять ей боль, у меня нет желания делать это, не доставляя ей удовольствия.

Методично, я работаю в ней, пока не остается ничего другого. отдавать.

«Блядь, детка, ты принимаешь это так чертовски хорошо», — хвалю я. «Вот так, хорошая девочка, откройся для меня».

Она сжимает в кулаки простыни, и, как цветок, распускающийся под лучами солнца, ее все тело расслабляется, принимая меня внутри себя, как будто это единственное, что дает ей жизнь.

Мы оба дрожим, на грани разрыва от того, как плотно мы прижаты друг к другу. Я даю ей тридцать секунд — небольшой отрезок времени, чтобы приспособиться. Это все, чем я владею.

Выпуская глубокий вдох, когда я достигаю этой отметки в моей голове, я отстраняюсь до самого кончика, прежде чем снова войти в нее. Она вскрикивает, и я обвожу ее клитор сильнее, получая сексуальное хныканье, которое заставляет меня напрячься от потребности.

«Мне принадлежит каждая часть тебя, Аделайн. И я заставлю тебя чувствовать меня каждые блядские дни, когда я закончу с тобой». Я установил устойчивый темп, ее тело как мягкая глина под моими настойчивыми руками, и я леплю ее в себя, пока мы двое не стали одним целым.

«Боже», — стонет она, ее голос задыхается от удовольствия.

«Вот так, продолжай стонать мое имя. Я заберу нас домой, в рай, если ты будешь молиться достаточно сильно», — дразню я, трахая ее сильнее.

«О, Боже, вот так», — задыхается она, откидывая голову назад. «Вот так, Зейд».

Я рычу, удовольствие накапливается в основании моего позвоночника, звуки нашей плоти возникающие при соприкосновении нашей плоти.

«Посмотри на себя, ты берешь мой член, как хорошая маленькая шлюха», — прорычал я. «Ты сжимаешь меня так крепко, как будто не можешь смириться с тем, что потеряешь меня».

«Да», — лепечет она, ее голос хриплый и трещит от желания.

«Да? Ты хочешь глубже?»

Она задыхается, нетерпеливо кивает головой, и это все, что я могу сделать, чтобы не выплеснуться в нее.

Я переворачиваю ее на живот и наваливаюсь сверху, затем поднимаю ее бедра, пока она стоит на коленях. Ее вздох становится резким, когда я снова проникаю в ее тугую задницу, угол наклона позволяет мне трахать ее глубже.

«О, блядь», — вздыхает она, заканчивая это высоким криком. Она дергается вперед, почти как будто желая отстраниться, но я крепко держу ее за бедра, не позволяя позволить ей вырваться.

«Ты можешь выдержать это, маленькая мышка?» бросаю я вызов. «Я знаю, как сильно ты любишь убежать, но я хочу посмотреть, на что это похоже, когда ты остаешься».

Задыхаясь, она снова врзается в меня, заставляя мою голову откинуться назад от полного блаженства. Мне требуется несколько секунд, чтобы собраться с мыслями, на грани того, чтобы потерять их. полностью.

«Вот моя хорошая маленькая шлюшка», — бормочу я, затем начинаю двигаться, постепенно постепенно ускоряя шаг, стараясь не поранить ее.

«Зейд...», — стонет она, протяжно и громко, пока я трахаю ее быстрее, подстегиваемый тем, как она выгибает спину, почти умоляя о большем.

Вскоре она снова встречает мои толчки, и удовольствие, поселившееся в основании моего позвоночника, нарастает. Я наваливаюсь на нее, одной рукой перебирая пряди её волос и наклоняю ее голову назад, пока наши рты не соприкасаются, а другой рукой проскальзываю под нее и снова нащупываю ее набухший клитор, наслаждаясь тем, как она начинает всхлипывать.

Пот покрывает нашу кожу, и вульгарные звуки, доносящиеся оттуда, где я трахаю ее. Борясь с резкими звуками, издаваемыми плотью о плоть. И все же ее крики возвышаются

над всем этим, наполняя комнату и переплетаясь с моими собственными стенами, наслаждения, эхом разносящимся по всему поместью Парсонс.

Я меняюсь между поцелуями и покусыванием ее губ и нависанием над ними, проглатывая каждый ее гребаный слог.

Она напрягается, и ее тугая попка сжимается вокруг моего члена, когда она приближается к своей кульминации. Я тереблю ее клитор быстрее, отчаянно подгоняя ее к этому, чтобы отправить нас обоих в полет.

Ее глаза закатываются, и она вздрагивает, как будто из ее тела изгоняют демона. А потом она ломается. Крик вырывается из ее горла, измученный звук, в котором звучит мое имя.

«Блядь, Адди!»

Моя голова откидывается назад, и оргазм прорывается сквозь меня, похищая мое дыхание и зрение. Я слепну от того, как глубоко он проникает в меня, сперма заполняет ее так тщательно, что просачиваются через ее вход и скапливаются под нами.

Звуки, вырывающиеся из моего горла, безудержны, мой голос хриплый от всепоглощающего экстаза.

Проходит несколько минут, прежде чем ко мне возвращается зрение, а когда оно возвращается, я обнаруживаю, что Адди лежит на животе, задыхаясь и, кажется, на грани потери сознания.

Пытаясь перевести дыхание, я осторожно выхожу из нее и падаю на спину, голова все еще плывет.

Но я отказываюсь оставить ее в таком состоянии, поэтому я заставляю себя подняться и пойти в ванную, где беру небольшую салфетку и смачиваю ее теплой водой.

Когда я возвращаюсь к ней, я осторожно вытираю ее, убеждаясь, что нет крови от разрывов. Мне все равно придется принести ей какую-нибудь мазь, так как она у неё все будет болеть.

«В следующий раз», — бормочет она, лежа на кровати. «Я убегаю от тебя».

Я ухмыляюсь, беру розу с тумбочки и ставлю ей за ухо шепча: «Ты знаешь, как я люблю бегать за тобой, детка».

«Ты — угроза», — ворчит она, выхватывая розу из волос и вертит гладкий стебель в пальцах. Она задыхается, когда с него падает кольцо и катится на кровать.

Словно паук, она нерешительно берет его в руки и вертит в руках, чтобы хорошенько рассмотреть.

Это кольцо из белого золота в форме виноградной лозы с крошечными белыми драгоценными камнями. Полоса формируется в розу, состоящую из ярко-красных рубинов.

«В нем нет бриллиантов», — говорю я.

Она сглатывает и говорит: «Ты делаешь предложение, потому что влюблен в меня или потому что я подарила тебе анал?».

Я откидываю голову назад, из моего горла вырывается смех. И когда я опускаю голову снова вниз, улыбка все еще на моем лице, она надела кольцо на свой палец.

«Не отвечай. Ты заставишь меня передумать, если скажешь, что это потому что ты влюблен в меня. Я хочу получить вознаграждение за анал».

Моя ухмылка расширяется, и я прижимаю ее к себе, целуя ее голое плечо. «Я действительно люблю тебя, ты знаешь?»

«Я знаю», — шепчет она. «И я все равно выйду за тебя замуж, потому что я люблю тебя».

тоже».

Я никогда не устану слушать, как она это говорит.

«Эй, Зейд?»

«Да, детка?»

«Спасибо, что приносишь мне счастливые испарения».

Я прикусываю губу, чувствуя, как трескается грудь от того, как я чертовски зависим от этой девушки.

Я был неправ.

Рай — это не место, куда ты попадаешь после смерти, он внутри человека, ради которого стоит умереть.

«Адди?»

«Да?»

Я приближаю свой рот к ее уху, наслаждаясь тем, как она дрожит. Я уже снова тверд для нее, моя одержимость безгранична.

«Беги, мышонок».